А. В. Ремизов

ОМСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

1930-1960-х ГОДОВ

Очерк истории

ЗЕМЛЕД
Книжка
ПУТЕВОДИТЕЛЬ-СПРАВОЧНИК
ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ
Тов. Дрейер
Просим принять участие в работах юбилейного заседания советских, партийных и общественных областных и городских организаций, посвященного 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина, созываемого 10 февраля 1937 года, в 6 часов вечера, в Областном театре.
Президиум Омского горсовета
РК и КД.
ОВ-013
КАРТА
КИРГИЗСКАГО КРАЯ
СОСТАВИЛЪ А.Н.СѢДЕЛЬНИКОВЪ
Масштабъ
Приложение къ соч. Россия Полное географическое описание нашего отечества XVIII
под редакц. В.П.СЕМЕНОВА изд. А.Ф.ДЕВРІЕНА
Условные знаки
ГУБЕРНСКІЙ ГОРОДЪ

Блокнот
1969-1970г.
20-летие освобождения Сибири от колчаковщины
Омска
области
С. Р. ЛАПТЕВ и
МАРШРУТЫ
экскурсий и походов
по Омской и смежным
с ней областям
Омская областная станция юных натуралистов
РУССКИЕ
Заветное кольцо

Краеведам прошлого, настоящего
и будущего посвящается

Автор благодарит за помощь в издании книги
генерального директора Торговой Группы «ПОБЕДА!»

Дмитрия Юрьевича Шадрина

А. В. РЕМИЗОВ

ОМСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

1930-1960-х годов

Очерк истории

Омск, 2018

УДК 908(571.13)
ББК 26.89(2Рос-4Омс)
Р38

Ремизов, А. В.

Р38 Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерк истории : монография / Александр Викторович Ремизов. – 3-е изд., испр. и доп. – Омск : Золотой тираж, 2018. – 448 с., ил.

ISBN 978-5-8042-0582-0

В монографии, выполненной на широком круге источников (основу источниковой базы исследования составляют оригинальные архивные материалы личного происхождения), рассматривается краеведческое движение в Омском Прииртышье на протяжении четырех «срединных» десятилетий XX в. Автор определяет своеобразие и значение этого периода, исследует творчество выдающихся краеведов тех лет, показывает их роль в сохранении и развитии местной краеведческой традиции.

Это первое монографическое исследование по истори омского краеведения предназначено историкам, краеведам и всем интересующимся прошлым Омского края.

УДК 908(571.13)
ББК 26.89(2Рос-4Омс)

ISBN 978-5-8042-0582-0

© Ремизов А. В., 2018
© Павлова О. Ю., оформление

ОТ АВТОРА

Предлагаемая книга повествует о краеведческом движении в Омском Прииртышье в 30-60-е гг. прошлого столетия, в период, когда движение это в стране в целом оказалось низвергнутым с былых высот, свернутым и усеченным, а на Омской земле, напротив, демонстрировало небывалую жизнестойкость и творческую активность. Этот феномен, вне всякого сомнения, заслуживал пристального внимания и тщательного изучения. Насколько удалось вскрыть и показать обусловившие данное явление причины и, самое главное, отдать долг памяти и восхищения нашим землякам – подвижникам и энтузиастам омского краеведения – судить читателю.

Настоящее издание является уже третьим, исправленным и дополненным. Первое увидело свет в 1998 г. в издательстве Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, второе – в издательстве Омского государственного педагогического университета в 2010 г. Сейчас, спустя 20 лет после первой публикации, в текст монографии внесены необходимые коррективы. Она приобрела принципиально иное дизайнерское решение и, что немаловажно, богато иллюстрирована фотографиями самих краеведов, коллекционных предметов, документов и редких краеведческих изданий, главным образом, из личного собрания автора (иная принадлежность, государственная или частная, оговорена особо).

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность и благодарность своим учителям и коллегам, редакторам и издателям, дизайнерам и полиграфистам, всем, кто меня вдохновлял, понимал и поддерживал, и, в самую первую очередь, – своей супруге Анне Владимировне, которая прошла со мной весь путь от замысла до троекратного воплощения, начиная с середины далеких уже 1990-х гг. и до сего дня.

ВВЕДЕНИЕ

«Любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества», – столь высокую и притом совсем не завышенную оценку дал краеведению академик Д. С. Лихачев, справедливо полагавший, что оно «учит людей не только любить свои родные места, но и знанию о них», являясь одновременно и «прекрасной школой воспитания гражданственности», и «самым массовым видом науки»[1].

Действительно, краеведение, будучи одной из важных составляющих духовной жизни страны в целом и, в особенности, духовной жизни провинции, должно рассматриваться как фактор, оказывающий мощное воздействие на культурный процесс. Кроме того, оставаясь наукой, комплексным научным знанием, оно является также и своеобразной, до известной степени уникальной общественной инициативой, перерастающей порой в массовое движение. Вполне оправданным и закономерным представляется поэтому общественный и, в частности, исследовательский интерес как к самому краеведческому феномену, так и к историческому опыту краеведения.

Изучение и освоение этого опыта, традиций российского краеведения необходимо не только как залог дальнейшего успешного развития краеведческого движения, но и более того, как одно из условий нарастания духовного потенциала нации. Если же говорить только о научной значимости исследований в данной области, то она применительно, скажем, к разработке проблем истории отечественной культуры, науки, интеллигенции, на наш взгляд, очевидна. Как неоднократно отмечал С. О. Шмидт, «история краеведения – существенная сфера науки и общественной жизни... без ее освещения история отечественной культуры... и политического бытия общества будут далекими от полноты»[2].

Побуждают к изучению истории краеведения и значительность пройденного им пути, и перипетии его непростой судьбы, и масштабность накопленного опыта. Краеведение, по сути, есть явление столь же древнее, как и сам край, место, населенное людьми. Близкое знакомство с территорией своего обитания, ее природно-географическими особенностями, а также сохранение, передача из поколения в поколение всего того, что мы называем исторической памятью, имели место еще в очень и очень далеком прошлом. Но даже если понимать под краеведением не извечный интерес человека к природе своего края, к истории своих предков, а только лишь специальное и систематическое изучение отдельных регионов, то и в этом случае нам откроется весьма продолжительный и насыщенный отрезок исторического времени.

Отчего же история российского краеведения, даже если ограничить ее только текущим столетием, и по сей день остается книгой, в которой чистых, незаполненных страниц гораздо больше, чем написанных? Думается, что причину следует искать в прошлом самого краеведения, вернее, увязывать ее с теми испытаниями, которые выпали на его долю в XX веке.

Дореволюционное отечественное родиноведение[3], являвшее собою кропотливую и плодотворную работу объединенных в различные общества энтузиастов изучения края, развивалось бурно и динамично. В годы великих социальных потрясений оно вступило, имея в своем активе мощный исследовательский потенциал и устоявшиеся традиции, основанные на здоровом местном патриотизме и бескорыстной любви к знанию.

В 1920-е гг. старые родиноведческие традиции, помноженные на послереволюционный энтузиазм самых широких масс и пусть ограниченный, классово зауженный демократизм тех лет, вылились в краеведческое движение, отличавшееся небывалой масштабностью своих начинаний и свершений, поистине огромным числом участников и пользовавшееся благорасположением, доброжелательным вниманием со стороны государства. По выражению С. О. Шмидта, 1920-е гг. были «золотым десятилетием» советского краеведения.

Тогда «краеведчик» воспринимался отнюдь не чудаковатым провинциалом, тратящим свои силы и средства на бог весть что. Напротив, это звание было почетным, во многом тождественным титулу активного и заслуженного строителя нового общества. Именно тогда, в 1920-х, известный ученый-востоковед академик С. Ф. Ольденбург, ставший первым председателем Центрального бюро краеведе-

ния, образованного при Академии наук для координации деятельности многочисленных краеведческих организаций и обществ, считал необходимым, чтобы «каждый гражданин Союза сознавал, что без краеведения мы бессильны»[4].

Для тех лет были характерны и бурное музейно-архивное строительство, и впечатляющее число разного рода краеведческих изданий, и участие, причем не номинальное, в движении виднейших деятелей отечественной науки и культуры. К примеру, А. М. Горький, которому в 1928 г. на одном из заседаний ЦБК было присвоено звание почетного краеведа СССР, признавался, что «с великой радостью» следит за развитием краеведения, процессом, «вызванным к жизни тою энергией, которую разбудила революция», а само краеведение считал «делом, значение которого не может быть преувеличено»[5].

Принимая во внимание все сказанное, использование в отношении краеведения 1920-х гг. «золотого» эпитета кажется вполне правомерным – не случайно он прочно закрепился в современном историко-культурном лексиконе. Конечно, не обходилось тогда и без каких-то кренов и перекосов, обусловленных спецификой того времени. Скажем, в пользу изучения производительных сил, так называемого производственного краеведения, и в ущерб, соответственно, краеведению культурно-историческому.

Тем не менее именно в 1920-е гг. создавались и публиковались замечательные работы известного русского историка профессора И. М. Гревса по теории и методике краеведения, причем в первую очередь как раз культурно-исторического. «Краеведение... – писал он в одной из них, – превращается в немедленно действенное орудие общественного развития». Оно «должно начертать полный и цельный портрет края, отображающий все его тело и весь дух в их организации и в их общей жизни», поскольку «край – это... живое целое, это особого рода организм»[6].

Разве могут показаться ущербными взгляды того же И. М. Гревса на историческое краеведение? «Жизнь человечества и общества – единый поток, – считал он. – Там, в прошлом – источники и зародыши, прецеденты здоровья и болезней настоящего, всего содержания того, чем живет современность... Чтобы узнать человека, потребно не только вглядеться в его лицо... нарисовать портрет... Надо рассмотреть, как слагалась жизнь человека, построить его биографию. То же требуется и применительно к краю. Должно восстановить его историю, чтобы сознательно отнестись к современности»[7].

Очень много полезного и совсем не устаревшего мы можем найти на страницах забытых трудов выдающихся краеведов 1920-х гг. Взять хотя бы высказывания

Н. П. Анциферова о том, что «краеведение есть культурное движение общественного характера», а краеведы, «соединенные в вольные дружины культурных работников, призваны историей во всех уголках нашей великой страны содействовать поднятию богатых, но дремлющих сил народа и направлению их на согласованную борьбу за культурное строительство. Самое скромное участие в этом движении должно дать удовлетворение. Быть даже только «чернорабочим культуры» – достойное осмысление жизни»[8].

Чувствуется, конечно, в этих словах какой-то особенный пафос, присущий той эпохе, но дело ведь не в патетике формы, а в содержании, которое представляется нам исключительно верным. Столь же верным были и воззрения другого видного деятеля советского краеведения 1920-х гг. профессора Н. К. Пиксанова, изложенные им, в частности, в книге «Областные культурные гнезда». Изучение провинциальных культурных центров (местной литературы, журналистики, библиографии, музейного, архивного, библиотечного и школьного дела, местных общественных инициатив и научных начинаний), вне всякого сомнения, предполагает интереснейшие открытия. Не удивительно поэтому, что идеи Н. К. Пиксанова находят живой отклик в современной историко-культурной среде.

Думается, приведенных примеров достаточно для того, чтобы разглядеть в советском краеведении 1920-х гг. нечто большее, нежели поголовный поиск полезных ископаемых либо изучение истории исключительно фабрик, заводов или революционной борьбы, и согласиться с оценкой этого десятилетия как «золотого». При этом, правда, необходимо помнить, что многое их того, что придавало двадцатым годам «золотой» блеск, было результатом старых, еще дореволюционных наработок. С. О. Шмидт заметил как-то, что сделанное краеведами в 1920-е гг. было «теснейшим образом связано с краеведением прошлых лет и осуществлялось одними и теми же лицами, сформировавшимися еще на дореволюционных культурных традициях»[9].

Российское краеведение вообще нелегко безоговорочно разделить на «до и после 17-го года», да и нужно ли это деление. В те же 1920-е гг. так считали, понятное дело, далеко не все. Многие из тех, кто разрушал «до основания», вряд ли приходили в восторг от сохранения «старорежимных» традиций краеведения и заботились об их дальнейшей преемственности. Но все-таки известная терпимость была налицо, и в этом тоже проявлялась особенность двадцатых, заставляющая и оценивать их по-особому. 1930-е же и последующие годы выдались для советского краеведения отнюдь не «золотыми».

В самом конце 1920-х гг. отношение власти к краеведению резко ухудшилось. Отчасти из-за слишком явно проступавших на его теле родимых пятен минувшей эпохи, отчасти же потому (и это, наверное, было главным), что краеведы, всегда отличавшиеся самостоятельностью и самодеятельностью, а стало быть, плохой управляемостью, стремившиеся искать особенное и неповторимое в облике своей малой родины, перестали устраивать государство, взявшее курс на тотальную унификацию и своих территорий, и своих граждан.

Краеведы «слишком много знали» такого, чего знать не следовало бы, могли, положим, сравнить старые годы с реалиями современности. А всегда ли в пользу последней были такие сравнения? Их пытливое сознание гораздо хуже, чем того хотелось бы власти, поддавалось практиковавшейся тогда мифологизации. Наконец, нельзя забывать и о том, что склонные иметь обо всем самостоятельные суждения и при первой возможности докапываться до истины краеведы – зачастую по роду своих занятий и всегда по духу, по сути своей – принадлежали к интеллигенции, народной интеллигенции, а последняя, как известно, никогда не вызывала симпатий тоталитарного государства.

С. О. Шмидт констатировал, что «на рубеже 1920-х и 1930-х годов краеведению был нанесен непоправимый ущерб: многих краеведов репрессировали, краеведческие организации перестали существовать или деформировались, прекращено было большинство краеведческих изданий... Для краеведения то, что теперь называем «37-м годом», наступило еще в 1929–1930 годах. Ущерб, нанесенный работе краеведов, еще более стал ощутим в середине 1930-х годов, когда были ликвидированы оставшиеся краеведческие организации... Краеведение оказалось отодвинутым от основной колеи научных исследований, отторгнуто и от активной общественной жизни»[10].

На рубеже 1920–1930-х гг., когда вслед за печально знаменитым «делом академиков» и как бы в продолжение его сперва воронежские, затем костромские, а потом и все прочие чекисты стали «отрабатывать» «дела» своих краеведов, когда краеведению приклеивали ярлыки вроде «кулацкое», «меньшевистско-эсеровское», «гробокопательско-архивное», когда развернулась борьба с «вредительством в краеведческой литературе» и начались ее «чистки» (если бы только литературы!), для краеведения наступили поистине тяжелые времена. В результате погромных акций и репрессий краеведческое движение, еще недавно переживавшее свой расцвет, за считанное количество лет пришло в упадок.

Травля, аресты, а позже – равнодушие и непонимание сделали свое дело. Изучение края, имевшее массовый размах и бывшее ярчайшей характеристикой общественной и культурной жизни страны, стало уделом чудаков-одиночек, разбросанных по безбрежным просторам российской провинции, и превратилось в какое-то полукатакомбное занятие. Не будем выяснять сейчас, был ли упадок краеведения повсеместным, вернее, везде ли он был одинаково глубоким. В данном контексте важно другое: в годы, когда краеведение было что называется «в загоне», интерес к его историческому прошлому и, в частности, к временам его былого величия, само собой разумеется, не поощрялся.

Когда в самом конце 1950-х гг. на разных уровнях, в том числе и на весьма высоких (например, со страниц партийного журнала «Коммунист») зазвучали призывы возродить массовое краеведческое движение[11], положение дел стало постепенно меняться. В 1960-х гг. в различных изданиях, включая и академические, появилось относительно много краеведческих публикаций, были учреждены республиканские общества охраны памятников истории и культуры, а при некоторых облисполкомах даже возникли советы краеведения. Все это позволяет некоторым историкам видеть в шестидесятых годах время «нового подъема краеведческого движения»[12].

Не будем опять-таки выяснять, насколько масштабным был этот «новый подъем» и чего в нем было больше: инициативы энтузиастов краеведения или энергии идеологической номенклатуры. Отметим лишь, что определенные позитивные сдвиги действительно произошли, что нашло отражение и в историографической ситуации. В 1960-х гг. увидели свет первые работы, в которых историки попытались осмыслить прошлое отечественного, вернее, советского краеведения, поскольку временные рамки данных исследований не выходили, как правило, за пределы 1920-х гг.[13]

Работы эти были немногочисленны, а круг исследователей, занимавшихся в 1960-е гг. интересующей нас проблематикой, – весьма узким. То же самое можно сказать и о 1970 – первой половине 1980-х гг.[14] Заметим также, что нам известно только одно монографическое исследование (оно было опубликовано в 1982 г., и в нем рассматривалось казахстанское краеведение, начиная с дореволюционного времени и заканчивая началом 1930-х гг.[15]), все остальные работы указанного периода были большими или меньшими по объему научными статьями.

Куда более судьбоносными для истории краеведения как самостоятельного направления исторических изысканий стали вторая половина и особенно конец

1980-х гг. Этому времени, значительно более насыщенному по сравнению с «оттепелью» конца 1950 – начала 1960-х гг. переменами в общественно-политической жизни, были свойственны не только коренная ломка многолетних стереотипов, переоценка достижений и неудач пройденного страной пути, но и заполнение «белых пятен» новейшей политической истории. Ознаменовались те годы и заметным оживлением краеведческого движения.

Как отмечалось в редакционной статье, открывавшей первый выпуск краеведческого альманаха «Отечество», увидевшего свет в 1990 г., «сейчас краеведение... выходит на передовые рубежи борьбы за демократическое обновление общества, становится в высшей степени современной общественной дисциплиной...»[16] В 1987 и 1989 гг. соответственно в Полтаве и Пензе были проведены всесоюзные конференции по историческому краеведению. Участники пензенского научного форума поставили вопрос о необходимости воссоздания организации, объединявшей бы краеведов-энтузиастов всей страны, тем более, что местные краеведческие общества уже функционировали к тому времени почти в 30 регионах. В 1990 г. в Челябинске прошел краеведческий съезд, учредивший Союз краеведов России[17].

Тогда стало совершенно ясно, что подлинное возрождение краеведческого движения, выведение его на новый виток развития не возможны без должного осмысления его исторического опыта. Недаром теория и история краеведения в комплексной долговременной программе «Краеведение», принятой Союзом краеведов России, были обозначены как одно из приоритетных направлений практической деятельности краеведческих организаций[18]. Заметим, что и сам краеведческий «ренессанс» конца 1980 – начала 1990-х гг. во многом стимулировался именно живым интересом к непростой судьбе отечественного краеведения, к его прошлому.

Среди наиболее значительных публикаций того времени по истории краеведения следует назвать статьи известного историка-источниковеда, председателя Археографической комиссии РАН, академика Российской академии образования С. О. Шмидта (1922–2013)[19]. Ему, по праву избранному в 1990 г. председателем совета Союза краеведов России, бесспорно принадлежит особая заслуга как в развитии краеведения на современном этапе, так и в привлечении внимания исследователей к его истории.

Исследовательский интерес историков к прошлому краеведческого движения, действительно, стал в указанный период очевидным фактом. Материалы по истории отечественного краеведения, как советского, так и дореволюционного, содер-

жались в докладах, звучавших на всесоюзных, республиканских и региональных научных конференциях, публиковались в сборниках научных статей, на страницах краеведческих журналов и альманахов, издание которых стало почти повсеместным. Весьма красноречивым свидетельством магистрализации, если можно так выразиться, данного направления исторических исследований является, на наш взгляд, выход в свет, начиная с конца 1980-х гг., монографий по истории краеведения[20] и защита уже в 1990-х гг. докторских диссертаций по этой тематике[21].

Не было исключением в этом отношении и Омское Прииртышье. Исторический опыт местного краеведческого движения находил освещение и в ходе ставших регулярными научных краеведческих конференций, и в массовой периодической печати, и в специальных краеведческих изданиях. Так, рубрика «История краеведения» стала, что называется, непременной, повторяющейся из номера в номер «Известий Омского государственного историко-краеведческого музея», возобновивших свое существование после перерыва в шесть с лишим десятилетий[22]. Изучение истории омского краеведения стало одним из важных направлений работы Совета краеведения, возникшего в 1988 г. при Омском отделении тогда еще Советского фонда культуры, и созданной в 1990 г. в местном педагогическом институте историко-краеведческой лаборатории, сотрудниками которой, в частности, был подготовлен «Омский историко-краеведческий словарь»[23].

В самом начале 1990-х гг. приступил к изучению исторического прошлого краеведения в Омском Прииртышье и автор этих строк. Результаты нашей деятельности в этом направлении нашли отражение в целом ряде публикаций статейного характера, а итогом достаточно продолжительной и трудоемкой работы стала эта выдержавшая уже три издания книга. Отметим, что данный труд является первым и пока что единственным монографическим исследованием по истории омского краеведения[24]. Отличает его от других ранее опубликованных работ, как омских, так и «иногородних», и еще одна особенность – хронологическая.

Нетрудно заметить, что изучение истории отечественного краеведения до сих пор верхней временной границей имело, как правило, конец 1920-х или же 1930-е гг. Наш труд, напротив, посвящен не дореволюционному периоду истории омского краеведения и не 1920-м г., но как раз тому времени, которое наступило вслед за окончанием «золотого десятилетия». Казалось бы, какой смысл браться за изучение эпохи, как принято считать, упадка и деградации краеведческого движения? Причины на то имелись.

Одна из них, например, состояла в том, что для достижения полноты, а стало быть, и верности представлений о пройденном краеведением пути необходимо проследить его судьбу на всем отрезке исторического времени, без каких бы то ни было хронологических купюр. Даже если те или иные годы были весьма неблагоприятными для развития краеведения, оно, будучи, на наш взгляд, неистребимым, как неистребимы любовь к родным местам и природная человеческая любознательность, продолжало свое существование, и последнее должно быть надлежащим образом изучено. В этом смысле 1930–1960-е гг. в такой же степени являются неотъемлемой частью истории краеведческого движения, в какой омское или какое-то территориально иное краеведение являются частью краеведения российского.

Но не только этим было продиктовано наше внимание к указанному времени. Даже самого беглого, поверхностного знакомства, скажем, с творческими биографиями виднейших представителей омского краеведения тех лет достаточно, чтобы увидеть, что краеведческий процесс тогда, несмотря на всю неблагоприятность известных факторов, продолжал развиваться, причем весьма бурно, а деятельность самих краеведов была необычайно плодотворной. Парадоксально, но это факт. Наличие же ситуации, выпадающей из общепринятой схемы, в известной мере противоречащей сложившимся взглядам и оценкам, просто не может не стимулировать интерес исследователя.

Надо сказать, что о краеведении в Омском Прииртышье 1930–1960-х гг. к тому времени, когда мы заинтересовались данной темой, уже было кое-что написано историками и краеведами. Отдельные работы появлялись в печати и позже. Все эти труды – от газетных заметок и популярных очерков до статей в научных сборниках и справочных изданиях – мы постарались учесть и, по мере надобности, использовать, что отражено в примечаниях к книге.

Что же касается источниковой базы исследования, то она, как представляется, достаточно широка. Ее составляют, в частности, опубликованные источники. В первую очередь это печатные труды омских краеведов 1930–1960-х гг. – книги, брошюры, статьи и заметки о природе и историческом прошлом края. Весьма ценным источником послужили, например, краеведческие материалы, увидевшие свет в 1930–1940-е гг. на страницах журнала «Омская область» или того же «Омского альманаха».

Совершенно незаменимым источником информации стала для нас и собственно краеведческая периодика изучаемого или несколько более раннего време-

ни. Имеются в виду такие издания, как «Известия ЗСОРГО» и «Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР». Они не только сплошь состоят из работ, ставших результатом разнообразной и плодотворной деятельности омских краеведов, но и содержат, что очень важно, годовые отчеты выпускавших их краеведческих организаций.

Особую группу источников представляют опубликованные в последние годы воспоминания (например, М. Е. Бударина, Е. Н. Евсеева, Ю. А. Макарова и Д. Н. Фиалкова об А. Ф. Палашенкове). Однако мы не ограничились публикациями мемуарного характера и черпали интересовавшие нас сведения из личных бесед и переписки с теми деятелями омского краеведения 1930–1960-х гг., которых нам посчастливилось застать в живых, а также с их родными, друзьями, коллегами и учениками, из знакомства с их личными и семейными архивами.

И все же основу источниковой базы нашей работы составили неопубликованные документальные материалы, хранящиеся в Историческом архиве Омской области. Среди них документы, сосредоточенные в фондах Омского отделения Всесоюзного географического общества АН СССР (Ф. 1075), Омского областного краеведческого музея (Ф. 1076) и, что особо хотелось бы отметить, в фондах личного происхождения. Источниками ценнейшей информации, как о самих краеведах, так и о том, на что была направлена их исследовательская энергия, стали для нас личные архивные фонды С. Р. Лаптева (Ф. 2118, 51 ед. хр.), И. Н. Шухова (Ф. 347, 2 ед. хр.; Ф. 2037, 21 ед. хр.), А. Ф. Палашенкова (Ф. 2200, 2832 ед. хр.), И. С. Коровкина (Ф. 1405, 502 ед. хр.), В. Н. Хитрово (Ф. 2095, 164 ед. хр.).

Ничто, на наш взгляд, не дает такого полного представления о деятельности краеведа, как его бумаги, особенно, если они хорошо сохранились. Документы личных архивов красноречиво свидетельствуют о жизненном пути краеведов прошлого, об их свершениях и планах, творческих начинаниях и контактах, мыслях, чувствах и многом другом. Кроме того, изучение личных архивов краеведов дает возможность ввести в современный научный оборот интереснейшие сведения о крае.

Безоговорочное согласие вызывает у нас точка зрения С. О. Шмидта на источники такого рода. «Целесообразно последовательно... изучать архивы местных краеведческих учреждений и обществ, личные фонды краеведов, – писал он. – Там осталось много неизвестного, неизданного, забытого... и сознательно преданного поруганию и забвению... Мы можем извлечь многое, иным путем не восстановимое... из личных архивов, из архивов краеведческих обществ, даже хотя бы из на-

званий докладов, упомянутых в отчетах... Познание всего этого может существенно облегчить нашу работу, убережет от ошибок и невольного приписывания себе чести первооткрывателей. Это и долг памяти перед нашими предшественниками... подвижниками краеведения...»[25]

Откровенно говоря, главной причиной, побудившей нас к созданию настоящей книги, как раз и было стремление отдать этот долг, долг памяти, нашим землякам-краеведам, скромным и бескорыстным труженикам, горячим патриотам края, подлинным рыцарям культуры, подвижникам знания и просвещения. Если это удалось, значит усилия, нами затраченные, были не напрасными.

ГЛАВА I

ОРГАНИЗАЦИИ И СООБЩЕСТВА

К началу 1930-х гг. краеведческое движение в Омском Прииртышье осуществлялось и развивалось прежде всего в рамках целого ряда общественных организаций краеведческого профиля. Старейшей и авторитетнейшей среди них был ***Западно-Сибирский отдел Русского географического общества***[1]. В юбилейном «Очерке пятидесятилетней деятельности ЗСОРГО» его последний председатель В. Ф. Семенов писал: «...Обширность малоизвестных, неисследованных во всех отношениях окраин азиатских частей России с их жуткой таинственностью и суровой, часто недоброй славой дикой страны, привлекающей одних и отпугивающей других, издавна породила в населении этих окраин повышенный интерес к познанию своей страны... На этой почве среди служилого, торгового и промышленного населения Сибири появляется немало любителей-краеведов, ведущих на досуге и попутно с основным своим занятием изучение края... Дело ведется чаще одиночками, которые изредка объединяются в небольшие краеведные общества...»[2]

Первое объединение такого рода – Общество исследователей Западной Сибири – возникло в Омске в 1868 г.[3] Через 2 года оно насчитывало в своих рядах уже более 60 членов и имело достаточно большие планы (создание библиотеки, музея, организация экспедиций и т. д.). Однако за 10 лет своего существования Общество так и не реализовало эти замыслы, не опубликовало ни одного научного труда и оставило в наследство ЗСОИРГО лишь скромную библиотечку и денежную сумму, несколько превышавшую 800 рублей[4].

Напротив, деятельность ЗСОИРГО с самых первых лет и даже месяцев его существования была необычайно бурной и продуктивной. Объяснялось это не только тем, что западно-сибирский генерал-губернатор Н. Г. Казнаков, уловив витавшую в омской атмосфере идею создания краеведческого общества, которое стало бы действительно работающим объединением местных краеведов, приложил немало сил к открытию в Омске отдела ИРГО[5]. Своими первыми успехами ЗСОИРГО во многом был обязан тому обстоятельству, что в его ряды входила тогда целая когорта замечательных исследователей, путешественников, любителей науки.

У истоков ЗСОИРГО стояли его члены-учредители: генерал-майор Иван Федорович Бобков (1827–1905), законоучитель Омской военной гимназии протоиерей Александр Иванович Сулоцкий (1812–1884), преподаватель той же гимназии, историк, натуралист и собиратель Иван Яковлевич Словцов (1844–1907), офицеры штаба Западно-Сибирского военного округа капитан Михаил Васильевич Певцов (1843–1902), уже совершивший свою Джунгарскую экспедицию, есаул Георгий Ефремович Катанаев (1848–1921) и др. Заметное участие в деятельности Отдела принимали выдающиеся сибиряки Григорий Николаевич Потанин (1835-1920) и Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894), а также целый ряд крупных исследователей – несибиряков (П. П. Семенов-Тяньшанский, П. К. Козлов, позже О. А. и Б. А. Федченко, В. А. Обручев и др.).

В последующие годы в списке активных членов Отдела прибавилось немало блистательных имен. Среди них следует назвать видного омского общественного деятеля, охотника и садовода Павла Борисовича Яшерова (1845–1928), сумевшего сохранить Отдел в годы, наступившие вслед за первой русской революцией[6], известного омского педагога, исследователя-натуралиста и писателя, почетного члена ЗСОИРГО Михаила Михайловича Сиязова (1858–1914), военного топографа и геодезиста, Генерального штаба полковника (впоследствии генерал-майора) Никифора Дамиановича Павлова (1867–1929), дважды возглавлявшего Отдел (в 1911–1917 и 1920–1921 гг.) и в конце жизни ставшего его почетным членом (1928 г.). Безусловно, среди наиболее деятельных членов этой организации должен быть назван и председатель ЗСОРГО в 1917–1919 гг. Александр Никитич Седельников (младший; 1876-1919), наставник и первый выборный директор Омской учительской семинарии, ботаник и географ, исследователь Зайсана и верховий Иртыша, известный также своим «Учебником родиноведения для школ Западно-Сибирского учебного округа»[7].

В первые годы существования ЗСОИРГО его членами предпринимались длительные экспедиции в отдаленные районы Западной Сибири и смежных с нею территорий, носившие полувоенный характер «первичной разведки и ознакомления с природными условиями и аборигенами». С течением времени этот характер менялся и приобретал черты уже более детального изучения территории края. Расширялся и круг исследователей: наряду с военными все большее участие в работе Отдела принимали чиновники (например, служившие в Переселенческом управлении) и другие представители местной интеллигенции. В начале XX в. характерной чертой деятельности ЗСОИРГО было ее известное территориальное сужение в связи с возникновением краеведческих организаций в ряде других сибирских городов. Как отмечал С. Р. Лаптев, «район деятельности Западно-Сибирского Отдела начинает сужаться, ограничиваясь территорией, экономически тяготеющей к Омску»[8].

Конечно, наряду с очевидными достижениями и успехами Отдел знал и периоды временного затухания исследовательской активности, и раздиравшие его конфликты между представителями старого и нового поколений его действительных членов. Так, в 1890 г. на целых 4 года прекратились «экспедиционные предприятия» ЗСОИРГО. Лишь в конце позапрошлого столетия Отдел сумел развернуть работу в этом отношении в прежних масштабах (экспедиция Л. С. Берга и др. по изучению горько-соленых озер Омского уезда, алтайские поездки А. Н. Седельникова и т. д.). В 1896 и 1900 гг. в жизни Отдела имели место весьма острые и глубокие конфликты, в центре которых стоял один из старейших его членов Г. Е. Катанаев[9]. Последний конфликт между ним и М. М. Сиязовым привел к отставке председателя Отдела, роспуску распорядительного комитета и хотя и временному, но «почти полному замиранию научной деятельности»[10]. Случались перерывы и в издательской деятельности.

Тем не менее четыре десятилетия дореволюционного существования Отдела в целом могут быть охарактеризованы как годы плодотворной и результативной работы. Неоднократно наиболее активные члены Отдела удостаивались наград ИРГО (М. В. Певцов, Н. М. Ядринцев, Н. П. Григоровский, А. Н. Седельников), 8 членов ЗСОИРГО носили звания почетных членов Отдела (И. Ф. Бобков, Г. Е. Катанаев, Д. А. Клеменц, Г. Н. Потанин, В. В. Сапожников, М. М. Сиязов, С. П. Швецов, Ю. А. Шмидт). Сам Отдел был центральным научным учреждением Западной Сибири. Историк А. Е. Плотников отмечал его исключительную роль не только как научного, краеведческого и просветительского центра, но и как организации, быв-

шей средоточием передовой интеллигенции и своеобразным символом прогресса Западно-Сибирского края[11].

Показательно, что Отдел продолжал свою деятельность и в ходе потрясших страну социальных катаклизмов. Накопленный научный и кадровый потенциал, сложившиеся традиции, свойственный всем краеведам патриотизм содействовали тому, что Отдел работал и смог пережить несколько смен власти в Омске в годы Гражданской войны. Как и все население края, ЗСОРГО ощутил на себе все тяготы того времени. Они не только объективно снижали научную активность краеведов, но и наносили их рядам физический урон.

Сформировавшиеся в дореволюционный период традиции, накопленный заряд творческой энергии, уцелевшие научно-краеведческие силы, бывшие носителями этих традиций и энергии, обеспечили и достаточно активную деятельность ЗСОРГО по изучению местного края в 1920-е гг. Несмотря на разного рода реорганизации, происходившие отнюдь не по инициативе самих географов, отчуждение от ЗСОРГО принадлежавших ему библиотеки и музея, а также на то, что средств на экспедиционные работы в начале 1920-х гг. практически не было, Отдел все же продолжал существовать и функционировать, держась, главным образом, на энтузиазме составлявших его краеведов.

В эти годы ЗСОРГО пытался вернуть себе изъятые из его собственности помещения, библиотечные и музейные фонды. В условиях «полной утраты ценности денег» в 1922 г. руководство Отдела (председатель П. Л. Драверт) и автономная от него дирекция музея (директор Б. С. Семенов) пытались выправить положение посредством «культурно-коммерческих предприятий», рассчитанных на самоокупаемость (выставки-аукционы, изготовление учебных пособий и т. д.). Все эти мероприятия, еще тогда признанные «неумелыми», лишь усугубили и без того тяжелое экономическое положение, а также привели к острому конфликту между Отделом и музеем, закончившемуся правительственной ревизией, судебным разбирательством и «суровым судебным приговором по делу бывшего первого директора» музея[12].

К такого рода осложнениям следует, безусловно, отнести и известную недоброжелательность властей. В 1927 г. В. Ф. Семенов писал: «Возникший и выросший в царское время..., долгое время пропитанный духом дореволюционного чиновничества Отдел, естественно, в первые годы советской власти вызывал подозрительное к себе отношение. Перипетии... связанные с неурядицами и преступлениями в... музее, сгустили атмосферу недоброжелательства у ответственных людей, по неведению продолжавших отождествлять Отдел с бывшим его музеем. Отчасти

благодаря этому недоброжелательству, жизнь Отдела входит в нормальное русло с большим затруднением: дело по регистрации нового устава... тянулось более года, а отсутствие легализации... совершенно парализовало публичную жизнь Отдела...»[13]

Все же, как отмечал председатель ЗСОРГО, «симпатии местного общества остались на стороне Отдела», и в марте 1924 г. он был наконец легализован посредством регистрации в Омском губисполкоме, после чего началась его «более или менее правильная жизнь». Результаты не замедлили сказаться: численность Отдела за 3 года выросла более чем на 50 %, почти вдвое возросло ежегодное число экспедиций и поездок, вновь созданная библиотека располагала к 1927 г. уже 1500 томами, увеличились и иные показатели. Заметное оживление наблюдалось, например, в издательской сфере. Если в 1922 г. был начат и в том же году прекращен выпуск «Трудов» (5 выпусков) и популярного естественно-исторического журнала «Сибирская природа» (3 номера), то в середине 1920-х гг. стали вновь издаваться «Известия» Отдела (первый выпуск вышел в 1913 г.), а в конце 1920-х гг. Отдел возобновил издание «Записок» – своего основного печатного органа, выходившего с 1878 г. и изначально предназначавшегося для публикации «капитальных работ»[14]. Как отмечал В. Ф. Семенов, «Записки» и «Известия» Отдела, благодаря напечатанным в них выдающимся работам, издавна пользовались репутацией солидных научных изданий[15].

Таким образом, ЗСОРГО оправлялся от безвозвратных потерь и временных утрат и постепенно выходил на уровень дореволюционных показателей в своей краеведческой деятельности. Можно заметить, что «золотое десятилетие» советского краеведения вряд ли было в истории старой сибирской краеведческой организации действительно золотым временем. Для того чтобы обозначить таковое, необходимо, как нам кажется, обращаться исключительно к дореволюционному периоду деятельности Отдела. Однако какую-то роль в известном возрождении ЗСОРГО, начавшемся в 1924 г., тенденции и факторы «золотого десятилетия», безусловно, сыграли. Что же касается конца Западно-Сибирского отдела, то он совпадает с концом «золотого десятилетия» не только хронологически – связь между этими событиями явственна и конкретна.

Судя по всему, прекращение существования ЗСОРГО в 1931 г. напрямую увязывается с так называемым «делом ОИС», или ***Общества изучения Сибири и ее производительных сил***, возникшего в Новосибирске в 1925 г. Созданное по инициативе Сибирского отдела народного образования ОИС должно было заниматься

планированием и координацией всей научно-исследовательской работы в Сибири путем разработки генерального плана научных исследований и т. д.

Первоначально ОИС называлось Обществом по изучению производительных сил Сибири. В марте 1926 г. именно ему Сибкрайисполкомом были поручены организация и проведение краевого научно-исследовательского съезда, идея созыва которого была выдвинута в декабре 1925 г. Первым сибирским краевым съездом Советов и нашла поддержку научной общественности Сибири. В рамках проведенного в Новосибирске в декабре 1926 г. Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда работали секции «Человек», «Поверхность», «Недра», музейно-архивная и др., в заседаниях которых заслушивались доклады и сообщения самой широкой краеведческой тематики. Главной же задачей съезда было «объединение научных сил Сибири в целях содействия социалистическому строительству»[16]. Как писал известный сибирский краевед, ученый секретарь редакции Сибирской Советской энциклопедии П. К. Казаринов, съезд «в своих работах подвел ряд итогов состоянию краеведческих знаний, наметив задачи и перспективы научно-исследовательской работы, соответствовавшие периоду восстановления народного хозяйства. Обществу изучения Сибири были поручены функции ассоциации краеведческих и научно-исследовательских организаций»[17].

В литературе также отмечается, что «съезд высказался против создания какого-либо нового органа, а предложил поручить эту работу (организационную и координационную. – *А. Р.*) Обществу по изучению производительных сил Сибири, поскольку своей предыдущей деятельностью... Общество показало, что способно выполнить эти задачи... В связи с расширением рамок деятельности Общества и привлечением новых членов оно было переименовано в Общество изучения Сибири и ее производительных сил, иначе ОИС». Как указывал профессор В. Л. Соскин, такое расширение сферы деятельности краеведческой организации и превращение ее во всесибирский координационный центр «свидетельствовало о большом значении, которое стало придаваться краеведческому движению в Сибири»[18].

Председателем ОИС был известный сибирский революционер, историк, публицист, избранный в 1928 г. действительным членом ЗСОРГО, В. Д. Вегман, ученым секретарем – Н. К. Ауэрбах, руководящим органом – Совет Общества. На местах, в различных сибирских городах, появились отделы (бюро) ОИС, в том числе Омское бюро ОИС, возглавлявшееся П. Л. Дравертом и просуществовавшее до начала 1930-х гг.

В 1927–1930 гг. издавался печатный орган ОИС – информационный бюллетень «Сибиреведение», в котором находила достаточно полное отражение текущая работа по изучению Сибирского края. Судя по отчетам ЗСОРГО, между этими двумя краеведческими организациями существовали самые тесные связи. ОИС, в частности, финансировало научные командировки активистов ЗСОРГО[19].

В декабре 1930 г. в рамках проходившей в конце 1920 – начале 1930-х гг. кампании по проверке деятельности («чистке») административных, хозяйственных и культурных учреждений была осуществлена ревизия научно-исследовательской работы ОИС. В составленном проверочной комиссией акте члены Общества упрекались в чрезмерном увлечении археологией, этнографией, орнитологией и другими столь же далекими от задач социалистического строительства вопросами. Напротив, на основе несвоевременного представления отчетных документов были сделаны выводы о выпадении из поля зрения ОИС вопросов, связанных с изучением производительных сил края. 17 января 1931 г. «Советская Сибирь» опубликовала статью «"Общество" по изучению купеческих могил», констатировавшую потерю Обществом «политической устремленности»[20]. Тем временем уже были произведены первые аресты «по делу ОИС».

«Дело ОИС» – одно из темных, сфабрикованных чекистами дел, в ходе отработки которого ОГПУ Запсибкрая «выявило» 8 «отраслевых к.-р. вредительских групп», действовавших в рамках ОИС научных организаций Новосибирска, Омска, Томска, Алтая. Работавший с материалами этого дела С. Н. Поварцов находил его «составной частью спланированной чекистами операции по разгрому... ЗСОРГО, поскольку все члены ОИС автоматически входили в ЗСОРГО», а последний считался «прибежищем так называемых "бывших людей" – дворян, купцов, генералов, эсеров, меньшевиков и других "социально-чуждых элементов"». Таким образом, речь шла о ЗСОРГО и ОИС как о вредительских организациях, или о «широко разветвленной, выходящей за пределы Сибири организации вредительства». Причем в качестве доводов, свидетельствующих в пользу последнего, приводились «не только интенсивность и темп, но и направленность работы краеведческих организаций»[21].

Самым первым (в декабре 1930 г.) по «делу ОИС» был арестован и этапирован в Новосибирск председатель ЗСОРГО, заведующий кафедрой ботаники Омского института зернового хозяйства профессор В. Ф. Семенов. Затем аналогичная участь постигла членов Совета Отдела экономиста-аграрника, доцента сельскохозяйственного института И. Н. Скорнякова, бывшего члена Омской городской

управы Т. П. Белоногова, экс-председателя ЗСОРГО профессора П. Л. Драверта и рядовых членов: краевого агронома, ученого-опытника, новатора и Героя труда И. И. Осипова (входил в состав редколлегии «Известий» ЗСОРГО), садовода, бывшего меньшевика-плехановца и сына судьи П. И. Кортусова (Омское общество плодоводства и садоводства рассматривалось как филиал вредительского ОИС), профессора сельхозинститута, математика и яхтсмена А. Л. Иозефера и др. В Новосибирске по тому же делу был арестован геолог и писатель М. А. Кравков, возглавлявший одно время Музей мироведения, а с 1925 г. Музей производительных сил Сибирского края, находившийся в ведении ОИС. Всем им было предъявлено обвинение в «образовании к.-р. группы для противодействия советскому строительству». Особо отмечалось, что они «свою к.-р. деятельность проявили в ЗСОРГО».

Свидетель тех событий ученый-ботаник Н. А. Плотников, беседуя с автором в 1992 г., вспоминал: «Географическое общество одно время не работало, знаете, времена-то были своеобразные. Профессор Семенов, профессор Драверт и другие были арестованы, потом, конечно, все это отпало, все они были реабилитированы. Вообще всякого рода несуразиц, глупостей много было в те времена»[22]. Действительно, в конце 1931 г. арестованные (кроме Ивана Ивановича Осипова (1886-?) и Ивана Николаевича Скорнякова) были освобождены, т. к. «вредительство» их было установлено только в научно-исследовательской экспедиционной работе и то носило объективный характер, поскольку члены ОИС были старыми специалистами, склонными к известному академизму.

Однако самого факта возбуждения «дела ОИС» оказалось достаточно, чтобы эта общесибирская организация, ее отделения на местах и омский ЗСОРГО прекратили свое существование (ОИС было ликвидировано постановлением крайисполкома от 12 апреля 1931 г.). Впрочем, предпочитали говорить не о ликвидации неугодных общественных организаций, а об их слиянии. Так, в литературе, в том числе и современной, можно встретить указания на то, что в мае 1931 г. произошло слияние ЗСОРГО, Омского общества краеведения и Омского бюро Общества исследования Сибири и ее производительных сил, в результате чего и возникло Омское районное (с 1935 г. – областное) бюро краеведения[23].

Омское общество краеведения, в отличие от ЗСОРГО, в прямом смысле было детищем «золотого десятилетия». Первая попытка создания при Западно-Сибирском краевом музее краеведческого общества была предпринята весной-летом 1923 г. С. Р. Лаптев в одной из своих статей по истории омского краеведения утверж-

дал, что «работа общества сводилась к обслуживанию посетителей музея и подготовке экскурсоводов. Позднее оно прекратило свое существование, раздробившись на ряд секций и комиссий при музее»[24]. Поскольку далее краевед писал уже о созданном в 1931 г. оргбюро краеведения, трудно определить, относятся ли его слова о весьма узком диапазоне деятельности только к Омскому краеведческому обществу, созданному в 1923 г. и действительно быстро прекратившему свое существование, или же имеется в виду то общество краеведения, которое функционировало вплоть до 1931 г. По-видимому, С. Р. Лаптев не делал различия между ними.

Ф. В. Мелехин приводил в 1928 г. более подробные сведения о «первом» краеведческом обществе: «Ввиду того, что часть членов Западно-Сибирского отдела Географического общества, почувствовав себя несколько задетыми отторжением музея и библиотеки от Общества, считала для себя неприемлемым продолжать там бывать и нести некоторую работу, музей поставил в марте 1923 года на очередь вопрос об организации Общества краеведения. Было созвано организационное собрание, на котором намечена схема устава Общества и избрано временное правление. После этого собрания созывались дважды еще, принят устав, намечен некоторый план работ на ближайшее будущее. Но этим, к сожалению, жизнь Общества и ограничилась. Ему помешало развиться существовавшее в то время (также непродолжительно) другое научное общество, так называемое ОРНАЛИС (Общество работников науки, литературы и искусства), куда была вовлечена значительная часть членов Географического общества, под влиянием которых оно, как более сильная политически организация (председателем ее был редактор "Рабочего пути"), добилась отказа в утверждении устава Общества краеведения, что мотивировалось нежеланием, якобы, распыления научных сил. Спустя два года при музее вновь возникло Общество краеведения, которое существует и поныне»[25].

Первыми действительными членами образованного в мае 1925 г. общества стали А. С. Сливко (председатель), Л. А. Бейман, Ф. В. Мелехин, М. Д. Спиридонов и др. (Л. В. Колупанко, изучавшая анкеты, карточки личного состава и др. документы архивного фонда Омского общества краеведения, определила число учредителей Общества – 21[26]).

Как и аналогичные организации, созданные в других регионах, Омское общество краеведения ставило целью пропагандировать «идеи современного краеведения среди широких масс трудящихся». Кроме того, в планах Общества значились «организация всей краеведческой работы... соответственно задачам социалистиче-

ского строительства, программно-методическое руководство краеведческой работой, систематизация краеведческого материала и помощь через это всем организациям Советской власти в их практической работе».

Уставом Общества, утвержденным 29 мая 1925 г., регламентировались такие традиционные формы краеведческой работы, как публичные доклады, чтения и диспуты, организация поездок, экскурсий и экспедиций, коллекторская и издательская деятельность. Существовало несколько секций (в разные годы их набор был различным), в том числе секции производительных сил, экскурсионно-музейная, школьного краеведения, общественно-историческая, позднее переименованная в культурно-историческую. Последняя, в частности, имела целью «всестороннее изучение местных особенностей культур, бытовавших в пределах Омского округа в прошлые времена, изучение видов и способов использования прежним населением края его производительных сил, а также местных особенностей общественной жизни, творчества и быта населения края в настоящее время»[27].

Существенное место в работе культурно-исторической секции отводилось также изучению истории революционного движения в Омске[28]. Довольно заметно возрастало число членов Общества. По данным Н. М. Пугачевой, за полтора года оно возросло с 32 до 120 человек. В жизни Омского общества краеведения активное участие принимали научные работники, школьные учителя, учащаяся молодежь. Деятельное участие в жизни Общества педагогов-краеведов (супруги А. С. и С. А. Сливко, А. Н. Седельников-старший и др.) определило то обстоятельство, что секция школьного краеведения имела в Обществе репутацию одной из самых активных, а в первое время – чуть ли не единственно работающей[29].

Общество достигло определенных успехов в издательской деятельности. Им были изданы «Сборник краеведческого материала для учителя и политпросветчика Омского округа», «Темы, планы, маршруты экскурсий по Омску», «Материалы Омского общества краеведения». В предисловии к первому выпуску «Материалов» говорилось, что «в распоряжении Общества имеется уже порядочный материал – результат работ членов Общества, который должен будет найти себе место в следующих сборниках, если материальные условия позволят сделать это[30]. Общество во всяком случае приложит все усилия, чтобы краеведческий материал, рисующий Омский округ, не оставался под спудом»[31]. В одном из номеров «Северной Азии» за 1929 г. некто, подписавшийся псевдонимом «Омкраевед», сообщал, что Общество предполагает приступить к изданию книги «Г. Омск, его экономика, история и культура»[32].

Уже в декабре 1925 г. Общество провело Первую окружную конференцию по краеведению. В докладе председателя А. С. Сливко «Современное краеведение и очередные задачи социалистического строительства» отмечалось, что дореволюционное краеведение, развивавшееся «у нас почти исключительно трудами ученых специалистов... носило характер "чистой науки"». «Таким образом, – констатировал А. С. Сливко, – дореволюционное краеведение, если можно назвать его краеведением, отличалось: а) разрывом с практикой; б) академизмом; в) отсутствием участия масс в своей работе». Иное дело – советское краеведение: «трактовки современного краеведения как страноведения или мироведения, или как деревневедения-городоведения неудовлетворительны», оно выдвигает в качестве целевой установки «изучение производительных сил в крае. Отсюда лозунг: «Производственное краеведение». Докладчик подчеркивал также, что «под краем, которым надо ведать (именно так: не который ведать, изведывать, а которым ведать, т. е. почти заведовать. – *А. Р.*), мы должны разуметь сложившуюся хозяйственную единицу»[33].

Подобные положения в незначительных вариациях встречаются и в других докладах, прозвучавших на окружной конференции. Так, В. Котельников утверждал, что «современное краеведение, являясь производственным краеведением, ставит основной своей целью изучение производительных сил и производственных отношений для определения способов улучшения и развития хозяйства. Эти цели краеведения, совпадая с очередными задачами социалистического строительства, сближают краеведческие организации со всеми советскими органами и общественными организациями. Правильно построенная работа органов, осуществляющих социалистическое строительство, неизбежно требует изучения местного края, как хозяйственной единицы... Находящиеся в районных центрах краеведческие кружки должны прежде всего связаться с местным органом Соввласти – райисполкомом, совместно с ним и райкомом ВКП намечая первоочередные задачи»[34].

Как видно, Омское общество краеведения отличалось от ЗСОРГО не только возрастом. Нельзя, конечно, утверждать, что исследования, проводившиеся Западно-Сибирским отделом, были лишены какой-либо сугубо практической подоплеки. Более того, первым экспедициям Отдела (особенно в сопредельные азиатские территории) был нередко присущ военный, разведывательный характер, и в основе такого рода предприятий лежало не только научное любопытство. А в 1923–1924 гг. ЗСОРГО, согласно рекомендациям ЦБК, составил для Госплана пятилетний план научно-исследовательских работ, считая приоритетными те «задачи, которые выдвигаются самой жизнью – обследование малоизученных рай-

онов Западной Сибири»[35]. Тем не менее такого уровня идеологизированного прагматизма, какой демонстрировали в 1920-е гг. молодые краеведческие объединения советского времени, ЗСОРГО не знал ни до, ни после революции. Поэтому, вероятно, он просуществовал в еще более советских 1930-х гг. всего несколько месяцев и был разгромлен, ликвидирован, а не реорганизован. Последний же термин более уместен, на наш взгляд, в ситуации с Омским обществом краеведения, трансформированным в мае 1931 г. в одноименное бюро.

Омское оргбюро краеведения возникло, как утверждал С. Р. Лаптев, при Омском ГорОНО, а в следующем 1932 г. оформилось в краеведческое общество и развернуло свою работу в Омске, не располагая районной сетью. «В 1935 г. в связи с организацией Обь-Иртышской, впоследствии Омской области, при ОблОНО было создано областное оргбюро краеведения, которое объединило 5 межрайонных бюро (в Омске, Тюмени, Ишиме, Тобольске, Таре), 2 общества краеведения в Остяко-Вогульске... и Салехарде и 19 районных (бюро). Затем Омское межрайонное бюро было слито с областным. 3 января 1933 г. вся система ликвидируется, а взамен создается государственное учреждение – музейно-краеведческий сектор при ОблОНО...»[36]

На наш взгляд, С. Р. Лаптев допустил ряд неточностей. Во-первых, в 1932 г. ОБК, или Омское общество по изучению края, не только не имело, но и не могло иметь сети районных организаций, т. к. само являлось таковой, т. е. Омским районным бюро краеведения, территориальным подразделением Западно-Сибирского краевого бюро краеведения (ЗСКБК). Такой же районной единицей ЗСКБК было тогда и Тарское районное бюро краеведения. Во избежание путаницы, необходимо также пояснить, что для обозначения краеведческих организаций 1930-х гг. употреблялись термины как «бюро», так и «общество». Все они именовались обществами по изучению края (например, Западно-Сибирское общество по изучению края, или Общество по изучению Западно-Сибирского края). Оформление этих обществ начиналось, как правило, с создания оргбюро, т. е. своего рода оргкомитетов, переходивших затем на устав обществ изучения того или иного края. Оргбюро сохранились и далее как руководящие органы краеведческих обществ. Этим и объясняется тот факт, что общества по изучению края назывались также районными, областными, краевыми бюро или оргбюро краеведения, причем последний вариант был более распространенным.

Во-вторых, Обь-Иртышская область возникла несколько ранее приблизительно в границах нынешней Тюменской области, а затем территория этой области

и ряда районов Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национальных округов Западно-Сибирского края вошла в состав образованной в конце 1934 г. Омской области. К тому времени здесь действовали Обь-Иртышское областное бюро краеведения, входившее в него Тобольское РБК, а также Омское и Тарское РБК, бывшие, как уже говорилось, подразделениями ЗСКБК[37]. Именно эти организации составили образованное в 1935 г. Омское областное бюро краеведения (ОБК), количество подразделений которого вскоре увеличилось (межрайонные, районные бюро и общества краеведения). Наконец, в-третьих, С. Р. Лаптеву было хорошо известно, что «вся система» (т. е. Омское областное бюро краеведения) была ликвидирована не в 1933, а в 1937 г.

По словам того же Лаптева, «к 1938 г. краеведческие организации в Омской области представляли внушительную общественно-научную силу: в их составе было около 3 тысяч краеведов. Из них в городах – 811, в районах – 1688 (137 первичных ячеек) и корреспондентов-одиночек – 521 человек по данным на 1 августа 1937 г. Связь с краеведами поддерживалась как путем личного общения при выездах на места, так и перепиской. Первичным ячейкам и отдельным краеведам давались задания, высылалась литература, инструкции... простейшие инструменты и т. д.»[38].

В литературе встречаются и другие данные о численности подразделений Омского бюро краеведения и краеведов, им объединенных. Так, авторы «Омского историко-краеведческого словаря» называют кроме 7 окружных, еще «29 районных и свыше 100 первичных краевых организаций с 1108 членами и 300 корреспондентами по области»[39]. Заметим, что если принять и эти цифры (на начало 1937 г.), и лаптевские подсчеты, то получится, что за 7 месяцев 1937 г. на одну треть сократилось число районных бюро краеведения, а число самих краеведов возросло более чем вдвое. Очевидно, мы имеем дело с неточностью или даже рядом неточностей.

Бесспорно другое: Омское бюро краеведения (бюро Омского общества по изучению края) было многочисленной и достаточно активно работающей организацией. Как и бывшее Общество краеведения, краеведческое оргбюро исповедовало безусловный приоритет производственного, хозяйственного краеведения, под которым, как правило, понимались поиск полезных ископаемых, изучение водных ресурсов, комплексные обследования отдельных территорий и т. д.

Необходимо отметить, что в этом направлении бюро достигло вполне определенных, даже значительных успехов. Различными его секциями (промышленная, экономическая, географическая, гидрометеорологическая, культурно-историческая, мичуринская, учета и библиографии материалов по изучению Омской

области и др.) и входившими в них бригадами открывались месторождения полезных ископаемых (интересно, что бюро организовало ряд экспедиционных поездок в Северный Казахстан в поисках месторождений облицовочного камня для проектировавшегося Дворца Советов в Москве), изучались иные виды местного сырья, обследовались реки, озера и подземные воды, собирались сведения о метеоритах, просчитывались перспективы энергетики, выращивались новые сорта садовых и огородных культур.

Библиографическая комиссия занималась составлением областной библиографии, обрабатывая литературу советского периода и частично с 1891 г., как бы продолжая сибирскую библиографию В. И. Межова. Всего было составлено более 27 тыс. библиографических карточек[40]. Экономическая секция составила комплексные описания ряда районов области. За содействие в подготовке Большого Советского атласа мира (БСАМ) Омское бюро краеведения получило премию ЦБК.

Среди публикаций Омского ОБК можно выделить брошюры, изданные с целью оказания методической помощи школьному краеведению («В помощь школьно-краеведческой ячейке», «Памятка юного краеведа»)[41]. Повышенное внимание к этому направлению краеведческой работы вполне объяснимо: с момента возникновения ОБК вся музейно-краеведческая работа в крае перешла в ведение местного отдела Наробраза. Активные члены бюро (П. Л. Драверт, К. П. Горшенин, С. Р. Лаптев, А. Н. Седельников-старший, И. Н. Шухов и др.) нередко публиковали свои материалы на страницах омской периодики, в частности, журнала «Омская область».

Однако, несмотря на все эти отнюдь не кажущиеся успехи в работе ОБК, оно, как и все организованное массовое краеведческое движение, было обречено на гибель (выше уже шла речь о достаточно медленном, но «верном» процессе разгрома советского краеведения, начавшемся в самом конце 1920-х гг. «делами» академиков и краеведов). 10 июня 1937 г. СНК РСФСР принял постановление «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах», в результате чего было ликвидировано ЦБК. На основании того же постановления и приказа по Омскому ОблОНО от 7 августа 1937 г. эта безрадостная участь постигла и Омское оргбюро.

К «Акту о передаче Омского Областного Оргбюро Краеведения Музейно-Краеведческому Сектору Омского ОблОНО от 22 октября 1937 г.», подписанному председателем бюро С. П. Волкопяловым, его заместителем С. Р. Лаптевым-Зенковским и временно исполнявшей обязанности заведующего означенным сектором А. П. Петровской, прилагались списки оплачиваемых сотрудников ОБК, не исполь-

зовавших свой отпуск, описи дел бюро за 1931–1936 гг., краеведческой литературы, географических карт, незаконченных работ мичуринской секции, неизданных трудов краеведческого актива (работы В. В. Берникова, П. Л. Драверта, С. Р. Лаптева, И. Н. Шухова и др. общим числом 42), а также имущества конторы Омского ОБК (вплоть до тазика для мытья полов, голенищ от пимов и старого, оцененного в 0 руб. 00 коп. портфеля) на общую сумму 3477 руб. 35 коп.[42]

Таким образом, если к началу 1930-х гг. краеведческие силы Омского Прииртышья были сосредоточены в нескольких общественных организациях (ЗСОРГО, Омское бюро ОИС, Омское общество краеведения), то с середины 1931 г. таковой являлось только Омское бюро краеведения, весьма обыденно, тихо и незаметно прекратившее свое существование в 1937 г.[43] Впоследствии в Омске и области в течение целого десятилетия не было ни одной общественной краеведческой организации и омское краеведение находило свое организационное воплощение в учреждениях государственных и, в первую очередь, в местном ***краеведческом музее***.

Датой рождения Омского музея, возникшего при ЗСОИРГО и являвшегося почти ровесником самого Отдела, принято считать 21 июня 1878 г., когда было утверждено Положение об Отделе, в котором последнему предписывалось кроме прочего заботиться «об устройстве и поддержании местного музеума». Сами же коллекции, понятное дело, начали формироваться еще раньше. Исследователям известна датированная 1877 г. докладная записка М. В. Певцова, в которой он «полагал бы... оставить для учреждения в Омске музея» вторые экземпляры предметов, входивших в собранные им коллекции растений и животных, а также «небольшую, но весьма хорошую... минералогическую коллекцию»[44].

Еще раньше, в 1876 г., посетившие Омск немецкие натуралисты А. Брем и О. Финш побывали в военной гимназии и весьма заинтересовались устроенным там музеем, располагавшим гербарием, минералогической коллекцией, экспонатами по зоологии и этнографии края. Организатором этого музея был выдающийся омский краевед И. Я. Словцов. В том же году в здании Главного управления Западной Сибири состоялся показ этнографических экспонатов, предназначавшихся к демонстрации в ходе работы Петербургского конгресса ориенталистов. Этими экспонатами, дополненными пожертвованиями частных лиц (тот же И. Я. Словцов передал археологическую коллекцию, полковник В. Ф. Ильинский – собрание минералов и монет), и была заложена основа будущего музея. С первых лет его существования шло активное пополнение музейных фондов, главным образом, путешественниками ЗСОИРГО (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, М. В. Пев-

цов, И. Я. Словцов и др.). Сам генерал-губернатор Н. Г. Казнаков привез для музея остяцких идолов и другие предметы из своей служебной поездки по Иртышу и Оби[45].

В течение без малого четырех дореволюционных десятилетий, благодаря, главным образом, усилиям ученых-собирателей, в фондах музея «сосредоточились ценные коллекции как естественно-научного, так и гуманитарного характера. Они использовались не только для научных исследований, но и для проведения культурно-просветительной работы при организации экскурсий по музею, чтении публичных лекций, устройстве выставок и участии в международных, российских и региональных выставках»[46]. Растущий музей испытывал стесненность во всех отношениях, что вызывало появление проектов выделения его в некую структурную единицу, которая, существуя под эгидой ЗСОИРГО, располагала бы тем не менее собственным штатом сотрудников и бюджетом. Подобные замыслы, однако, не реализовались, музей оставался на площадях Отдела и обслуживался хранителем, состоявшим заодно и библиотекарем.

После Октябрьской революции 1917 г. музей ЗСОРГО пережил ряд переселений: радостное новоселье в бывшем дворце генерал-губернатора, предоставленном Отделу «первой советской властью», и, напротив, вынужденное выселение и ряд переездов в колчаковские времена. Наконец, в 1921 г., как указывается в литературе, «музей был выделен из состава Западно-Сибирского отдела РГО, так как тот не смог обеспечить его ни штатами, ни финансами, в самостоятельное государственное учреждение и стал называться «Государственным Западно-Сибирским краевым музеем»[47].

Правда, сами старые «отдельцы» постоянно подчеркивали отсутствие их доброй воли на это выделение. «Вторая половина 1921 г., – писал В. Ф. Семенов, – прошла для ЗСОРГО под решительным натиском на него со стороны Сибнаробраза, продолжившего реформу музейного дела в Сибири. Рядом приказов уполномоченного НКП по Сибири Д. К. Чудинова музей и библиотека были отделены от Общества... Переходившие в юридическое ведение различных хозяев, (они) фактически подолгу оставались совершенно без надзора... У Отдела не стало никакого имущества, собиравшегося десятками лет и облегчающего работу исследователей-краеведов»[48].

Действительно, как отмечал в одной из своих работ В. Л. Соскин, «антикраеведческая» линия СибОНО наметилась уже в 1920 г. Отделы РГО и музеи при них продолжали нормально работать и даже признавались «необходимыми ячейками

новой советской научной структуры», однако вместе с тем «обнаружилась тенденция принизить роль этих организаций». Весьма преуспел в этом названный выше Д. К. Чудинов. «Левизна», вообще отличавшая этого руководителя, «в борьбе с отделами РГО проявилась, быть может, особенно непримиримо»[49]. Глава Сибнаробраза предложил закрыть отделы, объявленные им же бюрократическими учреждениями, и заменить их новыми краеведческими организациями. При этом делались ссылки на звучание императорского титула в их прежних названиях, а также на то, что почетными попечителями отделов состояли в свое время генерал-губернаторы, а в числе их членов преобладали так называемые «цензовые элементы». Таким образом, было подведено идеологическое основание под взятый СибОНО курс на изъятие у старых краеведческих организаций их научной базы – музеев и библиотек.

Естественно, отделы (в том числе ЗСОРГО) пытались отстоять свое законное имущество, в чем нашли поддержку у президента РГО Ю. М. Шокальского, который неоднократно обращался по этим вопросам в Наркомпрос и Совнарком РСФСР. Властные ведомства, в свою очередь, телеграфными и прочими указаниями пытались склонить СибОНО к отказу от борьбы с отделами РГО, к поощрению их деятельности. Несмотря на это давление, Чудинов все же не отошел от своей линии, делая ударение главным образом на том, что отдельные сотрудники третируемых им организаций настроены антисоветски и даже активно занимаются антисоветской пропагандой. Понятно, что этот довод перевесил все остальные настолько, что о возвращении изъятых музеев и библиотек не могло быть и речи[50].

Первый год самостоятельного существования был для музея очень нелегким, прежде всего, в финансовом отношении. Как свидетельствовал В. Ф. Семенов, в 1922 г. «дирекцией музея началась распродажа музейных ценностей», что привело к острому конфликту между председателем ЗСОРГО П. Л. Дравертом и «автономным» от последнего директором музея Б. С. Семеновым[51]. В марте 1922 г. Б. С. Семенов отчитывался о своей деятельности на общем собрании ЗСОРГО. Интересно, что тогда распродажа им малоценных экспонатов в целях получения средств на выплату жалованья сотрудникам была по предложению К. Е. Мурашкинского признана правильной[52]. Через полтора месяца состоялось еще одно собрание Отдела, заслушавшее доклад комиссии, избранной ранее «для детального ознакомления с современным положением музея». Разговор шел о недочетах в хозяйственной деятельности директора. Б. С. Семенов дал «исчерпывающие объяснения этим недочетам и причинам их возникновения». В принятой собранием по предложению

М. Д. Спиридонова резолюции, в частности, указывалось, что «объяснения директора удовлетворительны», и все упущения со стороны дирекции были неизбежны при той колоссальной работе, которую выполнил директор при весьма неблагоприятных и трудных условиях этой работы»[53].

Однако правительственная ревизия, проведенная в 1923 г., установила, что директор музея не только распродавал коллекции, но и систематически совершал хищения предметов из «японского», «китайского» и других музейных собраний[54]. Ревизионная комиссия обнаружила большую недостачу ценностей: золотых медалей и монет, полудрагоценных камней, ковров, предметов одежды. В результате по делу Б. С. Семенова был вынесен «суровый судебный приговор»[55].

Получив в 1921 г. некоторую автономию в ЗСОРГО, музей все же был тесно связан с Отделом в организационном плане и только в январе 1923 г. окончательно от него отделился. В приказе по Сибнаробразу от 23 января 1923 г. говорилось, что ввиду «выяснившейся неработоспособности» ЗСОРГО, «грозящей развалом находящимися в его ведении музею и библиотеке», последние изымаются из ведения Географического общества и включаются в сеть просветительных учреждений Омского губполитпросвета. Непосредственное принятие музея и библиотеки от ЗСОРГО и хлопоты «по включению их в смету по местному бюджету» поручались Омскому губнаробразу[56].

Ф. В. Мелехин, бывший хранитель музея, сменивший Б. С. Семенова на директорском посту, в своем отчете о работе музея за 5 лет подробно, ярко и доказательно обрисовал плачевное состояние музейных коллекций, книжного фонда, а также здания (в том же 1923 г. музею вновь был предоставлен бывший генерал-губернаторский дворец, занимаемый до того детским домом) и прочих построек. (Интересна сделанная им оговорка: «...Мы, разумеется, отнюдь не имеем в виду кому бы то ни было бросать упрека, да это было бы и бесполезно... Мы вынуждены были лишь выяснить объективные условия, в которых должны были начинать работу»...)[57]

Новому директору удалось решить кадровую проблему, привлекая к работе в качестве научных сотрудников и заведующих отделами специалистов соответствующих профилей (М. И. Крот, В. П. Левашова, Т. И. Мыльникова, И. Н. Шухов и др.), что, безусловно, способствовало возрастанию научно-исследовательского потенциала руководимой им организации. Правда, насущные задачи обеспечения материальной базы заставляли искать «сочувствия широкой общественности», без чего просто не состоялись бы 23 субботника с участием военнослужащих и студен-

тов в помещениях музея и на его дворе. Эти же задачи требовали признания музея как «общественно-необходимого учреждения». «Таким образом, – писал Ф. В. Мелехин, – вся совокупность условий выдвигала просветительную работу на первый план, посредством ее лишь музей мог сделаться популярным, приобрести широкий круг друзей...»[58]

Несмотря на заявленный приоритет просветительства, во второй половине 1920-х гг. проводилась и достаточно активная научно-краеведческая работа, что нашло свое отражение в вышедшем в 1928 г. первом номере «Известий» музея, содержавшем целый ряд научных публикаций музейных работников и краеведческого актива (М. И. Крот, В. П. Левашова, Ф. В. Мелехин, М. Д. Спиридонов, И. Н. Шухов и др.). Пусть скромно, но музей все же организовывал экспедиционные работы (геоботанические исследования М. Д. Спиридонова и его коллег, археологические раскопки В. П. Левашовой, этнографические и охотоведческие поездки И. Н. Шухова и т. д.).

Вообще в 1924–1929 гг. в жизни музея произошли существенные перемены, связанные, прежде всего, с деятельностью его директора Ф. В. Мелехина. Среди таковых можно выделить открытие экспозиции художественной галереи в 1924 г. и создание художественного отдела в 1926 г., ликвидацию старых узкопрофильных отделений (историко-археологического, этнографического, геолого-минералогического, зоологического, ботанического и др.) и образование комплексных естественно-исторического и культурно-исторического отделов. Кроме постоянной экспозиции, в помещениях музея и на территории музейного зооботанического сада действовали временные тематические выставки[59].

Показательно, что новое руководство музея уделяло внимание не только пропаганде краеведческих знаний и проведению научно-исследовательских работ, но и проводило линию на становление музея в качестве центра, стимулирующего и координирующего активность краеведов-любителей. История бескорыстного сотрудничества с музеем местных энтузиастов краеведения насчитывала к тому времени уже несколько десятилетий. Само его создание, как было показано выше, явилось результатом такой работы. Эта старая традиция не пресекалась и в советское время. В том же мелехинском отчете отмечалось, к примеру, что «музею удалось привлечь к работе находившегося в Омске ботаника Главного ботанического сада М. Д. Спиридонова. Последний, начав в 1923 году работу в качестве бесплатного сотрудника музея, проделал со своими учениками и привлеченными им же бесплатными сотрудниками огромную работу»[60].

Безусловно, была отдана дань и повсеместно культивировавшейся в 1920-е гг. массовости краеведческого движения. Выше уже говорилось, что именно при музее возникло Омское общество краеведения. В 1924 г. при музее в течение двух с половиной месяцев работали курсы краеведения, основной контингент слушателей которых составляло местное учительство (около 150 человек). В программу курсов были включены 12 предметов (история краеведения, курсы географии, исторической геологии, обзоры полезных ископаемых, лечебных озер, почв, растительности и животного мира, народного хозяйства края, археологический, этнографический и музееведческий курсы) и практические работы по ним. Ф. В. Мелехин констатировал, что «результаты проделанной работы, если и не оправдали вполне ожиданий музея в смысле привлечения большого кадра бесплатных работников, все же нужно считать положительными».

Весьма интересным представляется и опыт музея по организации школы краеведения. Добившись в 1924 г. передачи ему большого частновладельческого имения в окрестностях Омска, музей организовал там детскую сельскохозяйственную коммуну с тем, чтобы ее члены перебирались на зиму в город «для прохождения школы II ступени с большим уклоном в сторону краеведения и дополнительной специально краеведческой группой». Сама эта школа должна была находиться в одном из надворных корпусов музея, который не был своевременно освобожден, и опыт свелся лишь к летним полевым работам. Куда более плодотворной оказалась начавшаяся осенью 1927 г. кружковая работа организации юных краеведов, состоявшей из школьников среднего и старшего возраста[61].

Своеобразный импульс, полученный музеем в 1920-е гг., продолжал сказываться и в последующие десятилетия. Н. А. Томилов и Ю. А. Макаров отмечали, что тогда был не только преодолен кризис в развитии музея, но и «заложен хороший фундамент для превращения Западно-Сибирского музея в один из самых значительных музеев в Сибири. Многие выработанные в эти годы методы музейной работы стали добрыми традициями Омского музея и имели продолжение и развитие в 1930–1940-х и последующих годах»[62]. В то же время названные авторы пришли к справедливому заключению, что тенденция постоянного превалирования просветительного направления в работе музея отрицательно сказывалась на его развитии как еще и научно-исследовательского учреждения.

На наш взгляд, изначальные родиноведческие традиции, пропитавшие музейную атмосферу еще в дореволюционные времена, в течение 1920-х гг. были в какой-то мере реанимированы и, естественно, подверглись определенным изме-

нениям в духе того времени. Но именно они, выражавшиеся в таких факторах, как бескорыстие и увлеченность, ставший массовым энтузиазм и устойчивый местный патриотизм, определили то обстоятельство, что в 1930-е гг. музей оставался одним из ведущих центров краеведческой работы в регионе, а с роспуском ОБК стал, по сути, единственным таким центром.

Как известно, с концом «золотого десятилетия» и особенно во второй половине 1930-х гг. наблюдался повсеместный процесс свертывания организованного краеведческого движения, время массовых обществ и бюро сменилось временем подвижников-одиночек. Однако последние не были одиночками в полном смысле этого слова и, скорее, составляли некое лишенное строгих организационных форм краеведческое сообщество. Его неофициальные теперь члены по-прежнему нуждались в общении друг с другом, которое, будучи общением единомышленников, являлось одним из мощнейших факторов, «подогревавших» краеведческий интерес энтузиастов 1930–1940-х гг. и последующих лет. Своеобразным центром притяжения, где общение местных краеведов осуществлялось наиболее интенсивно, как раз и являлся Омский краеведческий музей, причем даже тогда, когда в жизни музея были не только относительно благополучные периоды.

После освобождения от занимаемой должности Ф. В. Мелехина (июнь 1929 г.) менее чем за полтора десятилетия на директорском посту сменили друг друга 5 человек (А. В. Харчевников, член ЗСОРГО С. И. Кочнев, П. А. Россомахин, А. П. Петровская, А. С. Сливко). В какой-то мере это служит косвенным свидетельством известного неблагополучия в советском краеведении, начавшегося в конце 1920-х гг., как, впрочем, и более масштабных процессов, проистекавших тогда во внутриполитической жизни государства. К примеру, в 1935 г. музейная экспозиция была оценена партийными органами как «дань меньшевизму». Поводом к этому послужил тот факт, что в экспозицию были включены небольшевистские газеты и плакаты 1917 г., тогда как деятельность большевиков, по мнению проверявших, слабо иллюстрировалась музейной наглядностью[63]. Наверное, не случайно 1935-й год стал последним годом директорства С. И. Кочнева, руководившего музеем с 1929 г.

С. Р. Лаптев, рассказывая о деятельности музея в первой половине 1930-х гг., отмечал, что, несмотря на организацию передвижных выставок, сопровождавшихся «лекциями и докладами на политические, антирелигиозные и краеведческие темы», на некоторое развитие экспедиционной деятельности, «в повседневной работе музея не все обстояло благополучно. Среди сотрудников были люди случайные, недобросовестные, что привело к хищению и разбазариванию музейных

вещей... Новые требования к экспозиции иногда противоречили друг другу, поэтому экспонаты все время перестанавливались и переделывались. Это сказывалось на работе музея, и она оказалась пущенной на самотек», результатом чего явился вывод сделанный комиссией КрайОНО: «Музей не является культурным учреждением, а, наоборот, образцом бескультурья».

Некоторые попытки улучшить работу музея предпринимались П. А. Россомахиным, а сменившей его А. П. Петровской это действительно удалось. Бывший партийный работник, она характеризуется С. Р. Лаптевым как энергичный руководитель, который в предвоенные годы не только сумел отремонтировать помещения и освободить их от посторонних учреждений и лиц, но и уделял большое внимание сохранности фондов, экспедиционной и экспозиционной работе[64]. В 1943 г. директором Омского областного краеведческого музея стал А. Ф. Палашенков. С именем Палашенкова, возглавлявшего в те годы всю краеведческую работу в Омском Прииртышье, связаны и существенные успехи в музейном строительстве, о чем будет сказано более подробно при характеристике деятельности этого краеведа по изучению Омского края.

Подтверждение же тому, что в 1940-1950-х гг. областной музей был настоящим центром местной краеведческой активности, легко обнаружить на страницах музейной «Летописи». Ее автор, фиксируя все сколько-нибудь значительные события музейной жизни, отмечал, в частности, посещение музея теми, кто составлял тогдашний омский музейно-краеведческий актив. Среди них были ученые самых разных специальностей, педагоги, управленцы, журналисты, художники, инженеры, врачи, ветераны революционного движения и другие любители и знатоки края. Частыми гостями музея в те годы были В. В. Берников, М. Е. Бударин, С. И. Веремей, В. А. Ваганова, И. И. Гантимуров, К. П. Горшенин, С. П. Залыгин, И. П. Дрейлинг, М. К. Иоффе, М. С. Каргаполов, А. Д. Кизюрин, А. Д. Колесников, И. С. Коровкин, Т. П. Козлов, Д. И. Логачев, А. Н. Либеров, С. А. Огурцов, Н. А. Плотников, М. С. Рабинович, К. Г. Ренард, М. М. Садырин, А. З. Судакова, Д. Н. Фиалков, И. Н. Шухов и др.[65]

Частыми посетителями музея были и самые юные краеведы. В январе 1950 г., например, в музее работала группа школьников в связи с проводившейся тогда викториной «Знаете ли вы свой город?» («Девочки всяческими хитростями стараются узнать ответы у А. Ф. Палашенкова, но он шутками отделывается от их вопросов, готовых ответов не дает, указывает литературу и др. источники. Дети очень заинтересованы викториной... А. Ф. Палашенков просматривает ответы учащихся школ на вопросы викторины... Ответы интересные... Палашенков и... Лаптев

ездили на общегородской слет по викторине, проходивший в Ленинске, в клубе им. Лобкова»[66].)

Музей вообще проводил в то время большую работу со школьниками. Известно, что весной 1950 г. ученицами школы № 64 во дворе музея была вскопана земля под опытные участки. «Всеми работами руководил и сам принимал в них участие А. Ф. Палашенков, посеяли чумизу и ветвистую пшеницу». Имена отдельных увлеченных краеведением учащихся часто встречаются в музейной «Летописи». Например, ученик омской школы № 19 Владимир Мороз упоминается в связи с обнаружением им древней стоянки на правом берегу Оми в июле 1949 г., геологической экспедицией по берегу Иртыша, предпринятой С. Р. Лаптевым в августе 1950 г., и обследованием Омской стоянки совместно с А. Ф. Палашенковым и другим школьником Юрием Поляковым в августе 1953 г.[67]

Музейная «Летопись» является, на наш взгляд, уникальным источником, отражающим насыщенность краеведческой работы областного музея в те годы, когда А. Ф. Палашенков был его директором, своеобразие тогдашней музейной жизни и вообще особенности того времени. Материалы эти ранее не публиковались (разумеется, за исключением двух предыдущих изданий настоящей книги), и будет уместно привести ниже выдержки из записей конца 1940 – первой половины 1950-х гг. :

1950 г.

...Директором музея... дана справка заведующему партийным отделом ред. газ. «Омская правда»... по поводу выходивших в советский период газет в Омске и их названиях...

...Приходил известный скрипач Михаил Гольдштейн, просил дать материалы по музыке. Андрей Федорович дал ему сведения о музыкантах, композиторах и музыкальной культуре Омской и Тюменской областей. Гольдштейн ушел глубоко удовлетворенный...

...Палашенков несколько дней работает над оформлением второго исторического отдела. Он очень тревожится за новые разделы: сельскохозяйственный и культуры, оформление которых слишком затянули художники... Пошел к секретарю Куйбышевского РК ВКП(б) с тем, чтобы он воздействовал на художников – совсем перестали работать... Палашенков и Степанов работали до 4-х утра...

Все... до того перемучились, что когда... отделы были открыты... вздохнули с облегчением...

...Палашенкова Облплан просил написать [об] историческом прошлом Омской области для сельхоз. выставки...

...Ходили с А. Ф. Палашенковым в Горсад смотреть помещение под выставку, посвященную Суворову... [Оно] пока не готово...

...Приходил омский композитор Новожилов, спрашивал, нет ли в фондах музея записей фольклорных песен... Палашенков дал ему разъяснения...

...Из облдрамтеатра... просили... проконсультировать их по поводу постановки «Угрюм-реки» Шишкова... А. Ф. был хорошо знаком с автором, рассказал им и принес из дому журнал... в котором помещены фотографии Ленских приисков...

...На территории двора музея установлена С. Р. Лаптевым метеорологическая будка. Будет составлен журнал, в который будут заноситься все наблюдения...

...А. Ф. Палашенков составил краткую программу историко-географического описания колхозных сел и других населенных пунктов...

...Палашенков и... Лаптев выезжали на «Чертову яму» ознакомиться с озером с целью использования этого объекта для экскурсий...

...Обратилась преподаватель истории авиатехникума Степанова... с просьбой дать ей тематику для исторического кружка по изучению истории Омска... Палашенков провел с ней беседу, дал маршруты экскурсий, рекомендовал литературу...

...А. Ф. консультировал руков. пионерлагеря № 1... т. Сажину по теме «Восстание 22 декабря 1918 года»...

...А. Ф. с одиннадцатью художниками выезжал в Комиссаровский сад. Проведена экскурсия. Писали этюды...

...Палашенкова... облисполком направляет... в командировку в Тару, навести порядок в Тарском музее. Музею отводят новое помещение... из Тары А. Ф.... привез образцы хорошего торфа... каменного угля...

...К Лаптеву обратились учителя школы № 8 по вопросу о мамонте: о его... распространении, пище и времени его жизни...

...С. Р. Лаптев ездил в Исилькульский и Москаленский районы изучать озера Горькой линии...

...А. Ф. Палашенков, С. Р. Лаптев и С. П. Степанов... уезжают в город Красноярск на Всесибирское совещание музейных работников... Позвонил Лаптев из Красноярска: ...Палашенков и... Лаптев выехали в Иркутск...

...Ходили к художнику А. Н. Либерову в «Дом специалистов»... А. Ф. наметил, если будут деньги, приобрести картины на местные темы... Ходили... смотреть картину художника Козлова «У карты Отечественной войны»... Андрей Федорович о цене уже договорился, будем ее приобретать...

...Подготовили все в кабинете минералогии к заседанию Географического общества... Андрей Федорович хлопочет все сам...

1951 г.

...А. Ф. ... давал консультацию учительнице Овчаренко... по истории г. Омска... Андрей Федорович о многих омских домах пишет исторические справки... У А. Ф. был также курсант речного училища Медведчиков, консультировался по истории города... Директор давал консультацию студентке пединститута Савиных...

... Директор ходил в ОблФО защищать смету, хотели снять 12000. Еле удалось убедить. Вернулся в музей... весь разгоряченный, мокрый...

...Ходили... в «Омхудожник» по поводу оформления отдела промышленности... А. Ф. накричал на них за недобросовестность и пристыдил... Художники теперь забегают, потому что А. Ф. пригрозил им написать во «Всекохудожник»... Д. С. Суслову...

...Палашенков проводит историческую экскурсию по г. Омску исторического кружка железнодорожной школы № 2...

1952 г.

...В отдел истории явились посетители – бабушка, еще не старая женщина, и внук, мальчик лет 10, приехали из Ленинска специально затем, чтобы посмотреть трехметровую дикую женщину, будто бы привезенную в музей с Севера. Женщина находится в клетке, не говорит, а только мычит. Бабушка получила такие сведения от продавщицы мануфактурного магазина по ул. Ленина, которая будто бы сама видела эту женщину в музее... Такой слух распространяется не в первый раз...

...Палашенков поехал в Кировск (Куломзино) поговорить и увидеться с участниками Марьяновских боев...

...Приходила студентка машиностроительного института по поводу проведения экскурсии по городу... Обратилась студентка пединститута по поводу... экскурсии с пионерами...

...Обращался к А. Ф. воспитатель детского дома Ленинского района... Приходил поэт Коровкин, консультировался , как собирать материал по фольклору... За консультацией к А. Ф... пришли сотрудники Московской кинохроники... по вопросам киносъемки по Иртышу...

...Директор с несколькими сотрудниками едет на покос, сено нужно заготовить для музейной лошади...

...Сегодня утром весь... коллектив поздравлял А. Ф. Палашенкова с 45-летием трудовой деятельности. Преподнесли ему букет, торт и написали грамотку. Для него это было неожиданно. Он очень взволновался...

...К... Палашенкову... непрерывно идут корреспонденты «Молодого большевика», ТАСС, облрадиокомитета по поводу материалов о А. Н. Радищеве...

...Приходила сотрудница Тарского музея... Ваганова... Жаловалась на своего директора Абрамову... У Абрамовой невозможный характер... Она уже переменила мест двадцать до музея, но она жена партизана и ей предоставляют хорошее место...

1953 г.

...А. Ф. Палашенков рассказал, как в 1923 г. при организации сельскохозяйственной выставки он встречался с В. И. Лениным...

...Палашенков проконсультировал следователя Кировской прокуратуры... по истории революционного движения...

...Состоялся литературный вечер... Директор музея очень интересно рассказал о Глинке... Все глинковские места ему хорошо знакомы...

...Скончался Иосиф Виссарионович Сталин. Везде в городе траурные флаги, портреты... в траурных рамках. Все время звучат печальные мелодии, народ плачет. А. Ф. Палашенков зачитал коллективу обращение партии и правительства... Состоялось траурное заседание Географического общества... Географическое общество и наш коллектив послали в ЦК партии телеграмму с соболезнованием... День похорон И. В. Сталина... Коллектив решил... сделать день рабочим, чтобы быть всем вместе в момент похорон... Все сотрудники плакали...

...В отделе Отечественной войны поймали мальчишку за отвинчиванием [винта] витрины. Привели в канцелярию, начали допрашивать... Винт нужен был ему привинтить коньки. Ревел, визжал, а когда его отпустили... пообещал всем сотрудникам проломить головы. Мальчишка... ученик 3-го класса 65-й школы. Передавали, что учащиеся этой школы побили учащихся речного училища и нанесли им большие увечья, так что они лежат в больнице...

...Организовали выставку памяти И. В. Сталина в отделе культуры и быта...

...А. Ф. Палашенков, хотя и чувствует себя очень плохо, но на работу вышел...

...К А. Ф... приходили начальник геологической экспедиции Фиалков... и инженер Дрейлинг... узнать, откуда доставлялась руда на медеплавильный завод Попова на реке Уй...

...Палашенков проводил экскурсию по куйбышевским местам с пионерами города...

...Приходили две студентки... проконсультироваться по вопросу о литературе об основании Омска... Приходил к А. Ф. Палашенкову офицер... по вопросу Ишимского восстания, о котором он пишет работу...

...На территории музея и в здании главного корпуса... кипит работа. Непрерывно подходят машины с цветами... В выставке участвуют все районы Омска... Первую премию... получили Куйбышевский район и садоводы-любители.

1954 г.

...Директор... проводил... экскурсию по историческим местам Омска с рабочими птицекомбината...

...К А. Ф. Палашенкову приходил главный режиссер гор. Драмтеатра т. Бархатов проконсультироваться... о костюмах полицейских чинов...

...На политзанятиях... А. Ф. ... рассказал... о заселении нашего края, о происхождении украинских названий многих сел нашей области...

...Палашенков дал консультацию председателю Ленинского райисполкома по... истории Ленинска для доклада избирателям... [и] студенту мединститута о характере работы кружка по истории города...

...А. Ф... ходил на почту получать урну с прахом Блусевич...

...Рабочие начали уже белить башню. Наш директор этому радуется. Теперь, наверное, наружный ремонт здания будет закончен...

1955 г.

...Состоялось торжественное открытие комнаты – музея Ф. А. Березовского... А. Ф. Палашенков чувствует себя очень плохо, видимо, переутомился. При подготовке к открытию ... ему хлопот и работы досталось больше всех... А. Ф. ... поехал вместе с З. Ф. Березовской устанавливать мемориальные доски на домах, где жил Ф. А. Березовский...

...1 мая... все были взволнованы тем, что еле удалось попасть в музей (улицы, по которым шли колонны демонстрантов, были оцеплены милицией, [несмотря на то], что А. Ф. показывал свое директорское удостоверение, пришлось ему перебираться через забор в Горсад и... по ул. Республики прийти в музей...) – не разрешалось даже выходить из проходной будки смотреть демонстрацию...

...Палашенков начал проводить экскурсию с китайскими товарищами... Все китайцы хорошо одеты, очень вежливы...

...А. Ф. ... вместе со старым коммунистом Н. Г. Головиным ездил в Куломзино обследовать конспиративные квартиры...

...А. Ф. Палашенков ушел в обком партии по вопросу охраны памятников...

«Хорошая краеведческая работа» музея неоднократно отмечалась в приказах по Отделу культпросветработы Омского облисполкома[69]. Такая оценка деятельности музея во многом была заслугой А. Ф. Палашенкова. В той же «Летописи», когда речь шла о возвращении его из командировки или отпуска, всегда подчеркивалось, что «сразу оживилась жизнь музея». С весны 1957 г., однако, и эта музейная жизнь, и роль музея в омском краеведческом движении стали меняться.

В «Летописи» читаем: «22/III ... Приходил Михаил Иванович Агеев. Завтра будут принимать музей. Андрей Федорович Палашенков уходит на пенсию... 23/III... М. Н. приходил вместе с А. Д. Колесниковым, собрались все научные сотрудники. Колесников кратко сообщил о предстоящих ... в музее переменах...»[70] И перемены настали. Вскоре после ухода Палашенкова стало нерегулярным, а затем и вовсе прекратилось музейное летописание. Сам музей, на наш взгляд, в значительной степени утратил тогда свои функции областного краеведческого центра, под которым понимается неформальное содружество краеведов, содействовавшее консолидации и организации местных краеведческих сил.

Один из сельских энтузиастов краеведения В.С. Аношин в 1959 г. рассказывал Палашенкову о своей встрече с его преемником: «Михаил Иванович (Агеев, директор Омского краеведческого музея в 1957–1970 гг., в прошлом – партийный работник. – *А. Р.*) встретил с холодком и кроме упрека я от него ничего хорошего не услышал ... Признаться откровенно, Андрей Федорович, без Вас в музее стала пустота... [новое] руководство только отбывает "повинность"»[71]. Другой активист, художник-любитель Д. И. Логачев, увлекавшийся историко-краеведческой тематикой, писал в 1970 г.: «После ухода А. Ф. Палашенкова на пенсию в музее его заместил некто Агеев М. И., человек далекий этой отрасли науки, не понимающий ее и не близкий к людям. Он как-то оттолкнул актив, и музей как-то морально перестал существовать...»[72]

Выше речь шла исключительно об областном краеведческом музее, однако в изучаемый период появляются таковые и в отдельных районных центрах Омской области. Причем, являясь, как правило, плодами энтузиазма одного или нескольких местных любителей краеведения, они, как и областной музей, играли роль центров местной краеведческой активности, пропагандировали знания о родном крае и тем самым способствовали вовлечению в краеведческое движение новых участников. Среди таких ***районных музее***в следует в первую очередь назвать музей в г. Таре. В литературе отмечается, что «традиционно-особая культурная атмосфера» этого старинного города способствовала тому, что здесь «уже в 1930-е годы (намного раньше, чем в других райцентрах области)... возникает идея открыть музей»[73].

В записях тарского краеведа А. В. Ваганова есть упоминание о том, что в 1931 г. Ф. В. Мелехиным в Таре было создано бюро краеведения, ему же приписывает Ваганов и инициативу в создании тарского музея: «Тарский музей краеведения открыт с/х выставкой 5 ноября 1933 г. Районный реорганизован в окружной 1 янв. 1934 г. Зав. Ваганов, возник по инициативе Мелехина Ф. В. (краеведа)»[74]. А. В. Ваганов допустил ряд неточностей в указанных им датах. Выставка «Промышленные и сельскохозяйственные изделия Тарского района» открылась при Тарском районном совете просвещения в 1932 г., ее экспонаты и легли в основу музейной коллекции[75]. Имеется и документальное подтверждение тому, что Ваганов уже 1 сентября 1932 г. приступил к работе в качестве директора и научного работника Тарского музея[76].

Краевед состоял в этих должностях до 1 февраля 1942 г. За время его руководства музей переменил несколько адресов. Первые экспозиции создавались с просветительными, пропагандистскими и учебными целями. В годы войны фонды музея продолжали пополняться, устраивались выставки героико-патриотиче-

ской направленности, в организации которых принимали участие эвакуированные в Тару ленинградцы. В литературе отмечается, что в послевоенные годы музею практически не уделялось внимания, органы народного образования не смогли обеспечить его финансирования и в 1953 г. музей был закрыт[77].

Дополнительно удалось выяснить, что в 1947 г. заведование музеем было предложено демобилизовавшейся из армии В. А. Вагановой, дочери его основателя и первого директора. В 1949 г. она была переведена из заведующих в научные сотрудники в связи с тем, что руководящая работа в музее была предоставлена В. М. Абрамовой, члену партии и вдове одного из предводителей партизан-избышевцев[78]. Сам А. В. Ваганов писал в 1950 г А. Ф. Палашенкову о сложившейся ситуации в музее: «...Я смог бы еще поработать в музее при условии, что музей будет обеспечен приличным, достаточным по площади зданием. В теперешнем здании работы развернуть невозможно: площадь мала, темные комнаты, нет рабочего места, нет комнаты для всевозможных сборов и обработки собранных материалов...

Предстоящим летом я думаю еще поработать по краеведческой линии независимо от того, буду или нет работать в музее. Работник там все-таки занимает место. Правда, вся его работа только к тому и сводится, что он место занимает и буквально ничем не занимается. Иногда даже поражаешься и удивляешься: ведь от всех руководителей требуют работы, контролируют и помогают. А тут как будто никого не касается. Музей становится не богаче, как полагалось бы, а беднее – утрачены сотни экспонатов, в которые был вложен большой труд. Кстати, моя дочь начинает интересоваться работой, больше и лучше ее понимает, чем в первый год... но без руководства ей работать все-таки тяжело. Я же, кроме совета, ничем помочь ей пока не могу. Летом предполагаю сделать ряд выездов в природу, чтобы ознакомить Веру Аркадьевну с некоторыми приемами работы. Быть может, Вы сумеете оторваться от Омска, чтобы помочь наладить здесь работу»[79].

В связи с закрытием музея в 1953 г. большая часть музейной коллекции была вывезена в Омск, а некоторая часть (главным образом, объемные экспонаты) утрачена. Свидетель тех событий Н. И. Шабалина в 1994 г. в переписке с автором вспоминала: «Омский музей пополнился лучшими нашими экспонатами, часть растащили, кто куда мог. Были варварски уничтожены чучела животных. Документы и записи Ваганова исчезли». Впрочем, есть сведения, что расхищение музейных коллекций и вагановского краеведческого архива началось еще раньше. В. А. Ваганова сообщила нам, что после ухода ее отца из музея сразу же пропали две при-

надлежавшие лично ему коллекции украшений из мамонтовой кости. В годы директорства В. М. Абрамовой бумаги Ваганова были вынесены на чердак музейного здания и наиболее ценные из них в скором времени бесследно исчезли[80].

Несмотря на столь безрадостные факты, идея создания в Таре своего краеведческого музея не умерла. В 1966 г. группой местных, в основном пожилого возраста, энтузиастов краеведения был создан общественный совет (по одним данным, под руководством Д. И. Щетинина, по другим – К. И. Шабалина). Членами этого музейного совета были также В. М. Абрамова, И. И. Аристов, П. М. Галицкий, Л. Ф. Маранин, А. А. Новокшонов, А. К. Фомин, А. И. Юрьев и др.

А. В. Ваганов, также принимавший живое участие в возрождении своего детища, писал А. Ф. Палашенкову: «Тарские старички затеяли вновь создавать музей. Работаем на общественных началах. Директорствует платный работник, человек, ушедший с директорского поста в средней школе (К. И. Шабалин. – *А. Р.*). Кое-что для музея уже собрано. Я работаю по созданию отдела природы, не отказываюсь участвовать в создании и других отделов, в частности, исторического». Тарский общественный краеведческий музей открылся для посетителей в ноябре 1968 г., правда, далеко не все проблемы были к тому времени решены. В марте 1969 г. тот же А. В. Ваганов отмечал: «Терпим большую нужду в средствах, а, следовательно, и в экспонатах. Но наше стариковское упорство кое-что все-таки дает»[81]. Экспозиция возрожденного музея включала отделы природы, быта и хозяйства крестьян дореволюционного времени, Великой Отечественной войны. В 1970 г. он был включен в государственную музейную сеть и стал филиалом областного краеведческого музея.

Как видно, само существование тарского музея в изучаемый период являлось весьма важным фактором развития краеведческого движения на севере Омской области. Особенно заметной роль музея как средоточия местного краеведческого потенциала была в момент его создания и первые годы работы, а также тогда, когда общественная инициатива имела результатом его второе рождение, т. е. в 1930-е и в 1960-е гг. Имея достаточно протяженную и драматичную историю, Тарский краеведческий музей занимает особое место среди районных музеев Омского Прииртышья, которые в большинстве своем возникли, как уже отмечалось, гораздо позднее.

Однако в любом случае самый факт создания музея в том или ином райцентре свидетельствовал о наличии там некой группы энтузиастов музейно-краеведческой работы, если же такой энтузиаст появлялся в единственном числе, вокруг

него рано или поздно образовывалась своеобразная «группа поддержки» из односельчан, будь они школьниками или пенсионерами. Так, большереченский краевед-энтузиаст В. С. Аношин был инициатором создания в родном поселке краеведческого музея.

В сентябре 1959 г., по сведениям С. И. Логиновой и В. В. Симонова, полученным ими, надо полагать, от самого В. С. Аношина, краевед поделился своими планами с неким инструктором Омского обкома КПСС. Тот провел необходимую работу с большереченским партийным и советским руководством, результатом которой стало совместное заседание бюро райкома и райисполкома, состоявшееся 20 сентября. Было принято постановление о создании районного музея на общественных началах и сформирована инициативная группа в составе ряда местных руководителей во главе с Аношиным. Как это ни странно, последний не был проинформирован ни об этом заседании, ни о принятом постановлении. Получилось так, что руководитель инициативной группы в течение нескольких месяцев даже не подозревал о ее существовании, равно как и о своем статусе.

Содержание принятого властями решения и персональный состав «инициаторов» стали известны краеведу только в феврале 1960 г., когда он, вернувшись с семинара общественников, организованного Омским областным музеем, обратился со своим предложением в Большереченский райком партии. Номенклатурная инициативная группа в конечном счете «оказалась безынициативной и от помощи в создании музея отказалась. В. С. Аношину удалось привлечь в помощь пенсионеров, учителей. Неоднократно обращался [он] со страниц районной газеты к жителям поселка и района. Много раз встречался со школьниками, жителями ближних и отдаленных сел»[82].

Особую роль большереченских пенсионеров в организации местного краеведческого музея подчеркивал и сам Аношин. «В 1960 году, – писал он, – по инициативе пенсионеров... было решено создать народный краеведческий музей на общественных началах. Райисполком выделил помещение – один из классов в школе, оказал материальную помощь... Начался сбор экспонатов... к началу августа 1960 года оборудование было изготовлено и музей открыли для посетителей». Среди пенсионеров, особенно активно участвовавших в организации музея, Василий Семенович Аношин называл братьев И. К. и В. К. Рещиковых, Н. С. Цыбулю, И. И. Гавришева, С. А. Харьюзову, А. Г. Панфилову, Ф. Т. Мухамадеева, А. И. Нетуса, А. А. Разумовского, В. П. Чебыкину и др.[83]

Большереченский народный музей, наверное, как и все такого рода образования, в первые годы своего существования испытывал немалые трудности. С. Р. Лаптев, посетивший музей в Большеречье летом 1962 г., оставил в своем дневнике следующую запись: «14 июля... отправились к Аношину и нашли его в поселковом Совете, где, как оказалось, он является председателем... Аношин все такой же живой, подвижный... Идем в музей... Собрано много, но помещение явно уже тесно... Напоминает скорее склад музейных фондов»[84].

А. Ф. Палашенков, тогда же побывавший в районном музее, в своем полевом дневнике записал: «В числе экспонатов есть интересные, но все сгружено и плохо оформлено. Тесно. Не дают помещения»[85]. Только в 1968 г. музей, сменив до этого несколько мест пребывания, переехал в двухэтажное кирпичное здание (его площади по сравнению с первоначальными увеличились тем самым почти на порядок) и стал филиалом Омского областного краеведческого музея.

Другой, кроме областного и районных музеев, госбюджетной организацией, сыгравшей заметную роль в омском краеведении, была ***областная станция юных натуралистов***. Некоторый опыт вовлечения учащейся молодежи в краеведческий поиск был накоплен еще дореволюционными исследователями местного края. И. Я. Словцов, М. М. Сиязов, А. Н. Седельников вместе со своими воспитанниками совершали краеведческие экскурсии, собирали экспонаты для музея и т. д. В начале 1920-х гг. учитель биологии М. Н. Захарьин, имевший тесные связи с членами ЗСОРГО, организовал в семилетней школе водного транспорта им. КИМа биологический кружок. На базе этого кружка возникла первая в Сибири педагогическая биостанция (по типу московской им. Тимирязева), разместившаяся в старом здании ЗСОРГО на Музейной улице.

Летом 1925 г. 16 юных биологов совершили экспедицию в Зайсанскую котловину и на Южный Алтай, в ходе которой поднялись вверх по Черному Иртышу и произвели большие ботанические, энтомологические и орнитологические сборы. Руководили этой экспедицией зоолог М. Н. Захарьин и ботаник Н. А. Плотников, а вообще работу биостанции курировали известные омские ученые-краеведы профессора П. Л. Драверт, С. Д. Лавров, В. Ф. Семенов и др.[86] Официальное же открытие Сибирской педагогической биостанции состоялось согласно постановления Центрального управления по просвещению на транспорте 1 апреля 1926 г.

В 1927 г. биостанция получила от горкомхоза участок земли в 22 га, а позже, в начале 1930-х гг., уже перейдя в ведение Западно-Сибирского КрайОНО, приобрела несколько меньший участок в Новой загородной роще, где было выстроено

и здание станции. Юные натуралисты занимались не только садово-огородным опытничеством, борьбой с насекомыми-вредителями и т. д., существенное место в их деятельности всегда занимало и изучение природы родного края, т. е. естественно-научное краеведение. По некоторым данным, «в 1939 г. последовал наивысший подъем юннатской работы как на станции, так и в школах области. Тогда была организована большая экспедиция по Иртышу – от Омки до Большеречья, в которой приняли участие около 100 старшеклассников, руководимых профессорами В. Н. Хитрово, П. Л. Дравертом, И. Н. Шуховым и доцентом Н. А. Плотниковым... В 1940 г. на станции работали 45 кружков, в которых занималось 600 учащихся»[87].

Действительно, почти все выдающиеся омские краеведы в 1930–1950-е гг. уделяли самое пристальное внимание работе с юннатами. Тот же П. Л. Драверт написал своеобразную инструкцию для юннатов «Минералогическая экскурсия по Иртышу (от Омска до Большеречья)», в которой дал не только характеристику геологической картины Прииртышья, но и конкретные рекомендации вплоть до указаний по экипировке юных минералогов[88].

С. Р. Лаптев сразу после ликвидации Омского бюро краеведения приступил к работе заведующим отделом неживой природы областной станции юных натуралистов, а затем заведующим ее учебно-методической частью. Его постоянно занимали вопросы школьного краеведения, в 1948 г., уже не работая на станции, он (совместно с А. Ф. Палашенковым) опубликовал под ее грифом брошюру о маршрутах экскурсий и походов по Омской области[89]. Уволившись из музея в июне 1951 г., С. Р. Лаптев вернулся на станцию юннатов, возглавил там отдел (лабораторию) краеведения и кружок юных краеведов и в то же лето совершил со своими кружковцами поездку в Большереченский и Горьковский районы области.

Юные краеведы распределились в ходе этой экскурсии на небольшие группы (геологическую, археологическую, ботаническую, энтомологическую) и собрали интереснейший и самый разнообразный краеведческий материал. «Собранного материала оказалось так много, что думать о возвращении на пароходе не пришлось», С. Р. Лаптев вынужден был запрашивать из города грузовой автомобиль. В своем отчете об этой поездке он указывал: «Необходимо отметить, что по своим результатам эта экскурсия превзошла все ожидания. Участники экскурсии сплотились в дружную семью молодых исследователей, приобрели целый ряд навыков полевой исследовательской работы, сочетая здоровый отдых с интересным и полезным трудом»[90].

Летом следующего года юные натуралисты-краеведы прошли пешим маршрутом «Черемушки – Новая Станица – Татарка», в 1954 г. совершили поход по Тарскому району, в 1955 г. – по соседнему Васисскому, в 1956 г. участвовали в экскурсии по маршруту «Омск – Новотроицкое – Исаковка». Тарский поход 1954 г. Лаптев считал «одним из самых больших и хорошо организованных походов краеведческого отдела Омской областной станции юннатов». Подготовка к следующему, Васисскому, походу началась еще зимой 1954–1955 гг., каждый из 14 членов лаптевского кружка выбрал себе специальность для будущей полевой работы. Юные краеведы не только собрали в этом «удачном во всех отношениях» походе богатый материал, но и приняли активное участие в его последующей обработке. Главным итогом работы юннатской краеведческой лаборатории в 1955 г. был коллективный труд С. Р. Лаптева и его учеников под названием «В краю лесов и болот». Эту книгу краеведческих очерков, как писал Лаптев, «предполагалось издать, однако обстоятельства сложились так, что издать ее не удалось, несмотря на ее одобрение ЦСЮН (Центральной станцией юных натуралистов. – *А. Р.*) в Москве»[91]. Нередко приводил С. Р. Лаптев своих кружковцев и в областной краеведческий музей[92].

Активное участие в развертывании юннатского краеведческого движения принимал И. Н. Шухов. Известна, в частности, его роль в организации при станции в начале 1940-х гг. Бюро кольцевания птиц. Один из бывших юннатов доктор биологических наук, профессор Е. Д. Логачев (1926–1992) вспоминал, как в 1940 г. И. Н. Шухов вместе с юннатами готовил коллекцию местных насекомых-вредителей для демонстрации на ВСХВ (Омская ДТСХС – Детская техническая и сельскохозяйственная станция, довоенное название станции юннатов – неоднократно участвовала в этой выставке). «Но больше всего, – писал Е. Д. Логачев, – нам нравились экскурсии по Загородной роще, в окрестности Омска, поездки по Иртышу и в Комиссаровский сад, в которых принимал участие И. Н. Шухов»[93].

На областной станции юных натуралистов творческая активность омских краеведов осуществлялась не только в изучении Прииртышья. Там постоянно шел очень важный педагогический процесс, результатом которого были воспитание в юннатах любви к родному краю, научному познанию природы, в том числе и природы края, и, таким образом, передача новому поколению краеведческой традиции. Впоследствии бывшие юннаты сами писали об этом. Профессор Е. Д. Логачев отмечал, что И. Н. Шухов «обладал бесценным даром проявлять интерес ко многим явлениям природы и заражать этим интересом других, особенно молодежь». Точ-

кой отсчета своего пути как биолога он считал именно знакомство с Шуховым на станции юннатов в 1939 г.[94] А бывший член краеведческого кружка Ю. И. Поляков писал А. Ф. Палашенкову в 1968 г.: «...именно Вам с Сергеем Романовичем (Лаптевым. – *А. Р.*) мы обязаны всем тем хорошим, что вынесли мы в большую жизнь... Вы учили нас любить и познавать Родину»[95].

В изучаемый период какая-то краеведческая работа велась, безусловно, и на юннатских станциях в районах Омской области. Известно, что в 1949–1952 гг. руководителем кружка юных натуралистов и пчеловодом на Тарской ДТСХС работал А. В. Ваганов[96], который, будучи увлеченным краеведом, без сомнения, привлекал своих кружковцев к краеведческим занятиям по изучению Тарского Прииртышья.

Таким образом, государственными учреждениями, игравшими в 1930–1960-е гг. заметную роль в организационном оформлении омского краеведческого движения, следует считать, прежде всего, Западно-Сибирский краевой (с середины 1930-х гг. – Омский областной краеведческий) музей и некоторые районные краеведческие музеи. Весьма важным звеном в системе краеведческих организаций была и станция юных натуралистов (Сибирская биостанция, ДТСХС), особая роль которой состояла в обеспечении преемственности краеведческих традиций. Что же касается общественных краеведческих организаций, то первой таковой после 10-летнего перерыва стал ***Омский отдел Географического общества СССР***.

Вопрос о возрождении в Омске отдела Географического общества был поднят еще в 1941 г., но его решение было отложено, и лишь после войны он зазвучал вновь. 7 октября 1946 г. состоялось собрание инициативной группы, по ее ходатайству Омский облисполком вошел в Ученый совет Географического общества СССР с предложением об учреждении Омского отдела названного научного общества. Большую роль в этом деле сыграла омская делегация (А. Ф. Палашенков и М. А. Лебедев), отправившаяся в феврале 1947 г. в Ленинград для участия в работе I Всесоюзного съезда географов. В кулуарах съезда директор областного краеведческого музея Палашенков обсудил волновавший омичей вопрос с президентом Географического общества академиком Л. С. Бергом, когда-то, еще в дореволюционные годы, активно сотрудничавшим с ЗСОИРГО. Как вспоминал сам Палашенков, «президент был обрадован постановкой вопроса и дал нужное указание для оформления возрождения Отдела»[97].

15 апреля 1947 г. Президиум ВГО рассмотрел представление облисполкома и постановил признать крайне желательным возобновление работы Западно-Сибир-

ского отдела ВГО в г. Омске. 8 августа того же года был создан оргкомитет по подготовке общего собрания возрождаемого Отдела и выборов его постоянно действующих органов. В состав оргкомитета вошли А. Ф. Палашенков (зам. председателя), С. Р. Лаптев (ученый секретарь), И. С. Сметанин (казначей), М. М. Садырин, Н. А. Плотников, И. Н. Шухов, М. С. Каргаполов, В. И. Корнилов, П. В. Борисов, Н. Ф. Николенко. Возглавил оргкомитет заслуженный деятель науки РСФСР профессор К. П. Горшенин. Общее организационное выборное собрание Омского отдела состоялось лишь 28 ноября 1948 г. На этом собрании были сформированы совет и ревизионная комиссия Отдела[98].

Первым председателем Отдела стал профессор К. П. Горшенин, затем в интересующие нас годы во главе его стояли профессора А. Д. Кизюрин (в 1951–1960 гг.) и Д. Н. Фиалков (с 1960 по 1979 гг.). А. Ф. Палашенков до своей кончины в 1971 г. состоял бессменным заместителем председателя. Другой известный омский краевед С. Р. Лаптев в течение 13 лет был ученым секретарем Омского отдела[99], им, в частности, был составлен отчет о деятельности этой краеведческой организации в течение первого десятилетия ее существования. Этот отчет был опубликован в 1956 г. в первом выпуске «Известий Омского отдела Географического общества Союза ССР». В течение последующих лет это научно-краеведческое издание выходило достаточно регулярно и к 1972 г. (выход в свет последнего номера) было издано 10 выпусков «Известий». В редколлегию журнала в разное время входили В. В. Берников, А. В. Борисов, В. И. Иржичко, С. Р. Лаптев, С. А. Огурцов, А. Ф. Палашенков, Н. А. Плотников и др.

Кроме них среди авторов, публиковавших на страницах «Известий» свои краеведческие материалы, следует назвать В. С. Аношина, М. Е. Бударина, Н. В. Горбаня, К. П. Горшенина, А. Н. Дианова, С. П. Залыгина, А. Н. Каденации, А. Д. Кизюрина, А. Д. Колесникова, Г. И. Конева, П. В. Корша, Н. Н. Мартынова, М. С. Рабиновича, В. Н. Ручкина, М. М. Садырина, В. М. Самосудова, П.Т. Сигутова, Н. Н. Смирнова, Н. С. Фальковича, А. В. Федюшина, Д. Н. Фиалкова и др. Внушительность этого далеко не полного перечня служит лишним доказательством справедливости той характеристики Омского отдела, которую дал ему С. Р. Лаптев. «Омский отдел, – писал он, – нашел свое место среди других научных учреждений области как объединяющий квалифицированных специалистов и ученых различных отраслей знаний»[100].

В этом плане нельзя не отметить особой роли А. Ф. Палашенкова. Его авторитет и личные связи немало способствовали вовлечению в краеведческий поиск

представителей самых разных профессий и специальностей: географов, биологов, историков, литераторов, медиков, транспортников и т. д. Почитатель и друг Палашенкова Н. А. Плотников писал тому в конце 1968 г.: «Мы, старые члены Омского отдела ВГО, соскучились об Вас, а в Омском отделе замерла без Вас работа. Прошло уже полгода, как не было ни одного общего собрания. Мы надеемся, что с Вашим приездом оживится работа Отдела. Вы – душа Омского отдела, и с Вами как-то теплее, и работа идет веселее...»[101]

В течение 1950–1960-х гг. Отдел работал достаточно активно и продуктивно, причем являлся именно краеведческой организацией, ставившей своей основной задачей изучение природы и исторического прошлого Омской области, географические контуры которой воспроизводились на обложках почти всех изданий Отдела. Показательно, что 90 % проведенных Омским отделом «экспедиций, поездок, экскурсий длительного порядка» (более 250) приходилось на долю Среднего Прииртышья, т. е. районов Омской области и смежных с нею Барабы, Васюганья и Северо-Восточного Казахстана, в то время как в годы существования ЗСОРГО эта доля составляла всего 30 %[102].

Конечно, нельзя при таком сравнении забывать и о том, что Западно-Сибирский отдел именовался так как раз потому, что занимался изучением края в рамках всей Западной Сибири, особое внимание уделяя Алтаю, Обскому Северу и другим районам, весьма отдаленным от своей резиденции. У географов ЗСОРГО не только объект приложения их научной энергии был шире, существенно большими по сравнению с их преемниками были и их возможности в организации и совершении дальних и длительных поездок (имеются в виду те годы, когда ЗСОРГО проводил активную экспедиционную работу). Омский же отдел Географического общества получил в свое распоряжение единственное транспортное средство – автомобиль ГАЗ-51, на котором было совершено большинство краеведческих поездок, – лишь на десятом году существования[103].

Однако, думается, не только этими причинами объясняется заметное сужение территориальных рамок исследований членов Омского отдела. Эта общественная организация объединяла, главным образом, омских краеведов, патриотов Омского Прииртышья, уделявших первостепенное внимание изучению своего родного края. Выше уже говорилось, что в конце 1950-х гг. Омский краеведческий музей в значительной мере утратил прежнюю свою функцию средоточия местных краеведческих сил. С этого времени и до конца изучаемого периода роль областного

краеведческого центра стал играть, на наш взгляд, Омский отдел Географического общества СССР.

Другой общественной краеведческой организацией стало возникшее в 1967 г. Омское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (первый председатель – А. Д. Колесников)[104]. Мы не будем сейчас останавливаться на деятельности этой организации (охрана и реставрация памятников и памятных мест, работа по проведению экскурсий, пропаганде краеведческих знаний и т. п.), поскольку годы становления Омского отделения ВООПИК совпадают лишь с самым концом интересующего нас периода и в какой-то мере даже знаменуют этот временной рубеж в истории омского краеведения.

Завершая характеристику организационного оформления краеведческого движения в Омском Прииртышье в 1930–1960-е гг., повторим, что на рубеже двадцатых и тридцатых годов ведущими краеведческими организациями являлись ЗСОРГО, Омское бюро ОИС, Омское общество краеведения, а также краевой музей. Как было показано, они отчасти продолжали традицию дореволюционного родиноведения (особенно ЗСОРГО), отчасти стояли на позициях советского, с производственной спецификой, краеведения (бюро ОИС и Краеведческое общество). Западно-Сибирский краевой музей сочетал в своей деятельности старые, сформировавшиеся еще в годы его существования при ЗСОИРГО подходы с новыми веяниями, влияние которых усиливалось с его автономизацией и началом работы в качестве самостоятельного краеведческого учреждения. То же самое можно сказать и о станции юных натуралистов, в деятельности которой прослеживались как влияние ЗСОРГО, так и черты, свойственные советскому юннатскому движению.

В 1930-е гг. краеведческая работа в Прииртышье осуществлялась в рамках Омского оргбюро краеведения и краеведческих музеев (в Омске, Таре), а также Омской ДТСХС. После ликвидации ОБК в 1937 г. она сосредоточилась исключительно в государственных организациях музейного и юннатского профиля. Только конец 1940-х гг. был отмечен возрождением старейшей общественной краеведческой организации – Омского отдела Географического общества, который в течение всех 1950-х гг., наряду с областными музеем и юннатской станцией, находился в центре местной краеведческой активности. В шестидесятые же годы Отдел, как уже отмечалось, играл роль неформального областного краеведческого центра, причем основного, при сохранении известных позиций за музейными учреждениями, особенно районными, переживавшими тогда время своего становления.

Таким образом, в 1930–1960-е гг. мы видим в Омском регионе целый ряд местных краеведческих организаций. Такие факторы, как их количество и формы (общественные образования, государственные учреждения), бывшие различными в разные годы, безусловно, влияли на развитие краеведческого движения. Вместе с тем сами эти характеристики были, в свою очередь, показателями данного развития. В этом смысле наличие сети краеведческих организаций (более густой, как на исходе «золотого десятилетия», или менее) свидетельствует о непрекращавшемся и даже весьма оживленном краеведческом движении в Омском Прииртышье на протяжении всего изучаемого периода.

ГЛАВА II

АКТИВИСТЫ «ЗОЛОТЫХ» ЛЕТ

Говоря об основных краеведческих организациях Омского Прииртышья, мы неоднократно называли их наиболее активных работников и членов. Причем нередко при характеристике различных обществ и учреждений упоминались одни и те же имена. К примеру, С. Р. Лаптев состоял действительным членом ЗСОРГО, а затем – Омского отдела Географического общества, входил в руководство ОБК, работал в омском краеведческом музее и на областной станции юннатов. Этот и подобные ему факты говорят о том, что энтузиасты краеведения, как правило, сотрудничали с теми организациями, где могли рассчитывать на удовлетворение своей краеведческой увлеченности.

Но не только краеведческие общества, музеи и учреждения детского творчества способствовали реализации интересов этих энтузиастов. В большой степени сами они обеспечивали активную краеведческую работу этих организаций или придавали, как в случае со станцией юннатов, деятельности некраеведческих, в сущности, организаций краеведческую направленность. Мы уже приводили также и достаточно многочисленные примеры того, как в тех местах, где вообще не было краеведческих объединений или учреждений, они рано или поздно возникали стараниями одного или нескольких любителей родного края.

Констатируя в данном случае очевидное единство формы и содержания, если под первой понимать краеведческие организации, а под вторым – краеведческие кадры и их деятельность, подчеркнем, что кадровый состав краеведческого

движения (особенно, если рассматривать его в личностном аспекте) был едва ли не решающим фактором, определявшим краеведческий потенциал региона. Вот почему совершенно необходимым представляется обращение к характеристике кадрового корпуса краеведческого движения в Омском Прииртышье вообще и, главным образом, к определению творческих, научно-краеведческих возможностей и достижений отдельных наиболее видных его представителей.

При этом необходимо заметить, что нас будут интересовать, с одной стороны, не только данные о тех омских краеведах, которые активно действовали в Прииртышье в 1930–1960-е гг., но и данные об их непосредственных предшественниках, пусть и прекративших по разным причинам свою деятельность к началу или в самом начале этого времени. С другой стороны, достаточно большое внимание будет уделено тем периодам жизни и деятельности краеведов 1930–1960-х гг., которые выходят за пределы (за нижнюю границу) данного временного отрезка.

Такой подход представляется вполне оправданным и диктуется тем обстоятельством, что без характеристики кадрового потенциала омского краеведения тех же 1920-х гг. вряд ли возможно оценить таковой в последующие годы. Наконец, нельзя не учитывать и того момента, что многие омские краеведы, активно работавшие в интересующее нас время, начали свою краеведческую деятельность раньше, в начале 1920-х гг., а некоторые – еще раньше, проявив себя уже в дореволюционном краеведении. Причем ряд их стали омичами гораздо позже, уже будучи старыми и опытными краеведами. На Омской земле они, по сути, продолжали свои прежние занятия, но уже применительно к краю, ставшему их второй родиной. Учитывая все это, можно будет не только обозначить преемственность краеведческой традиции, но и увидеть в омском краеведении часть общероссийского, общенационального движения, каким оно, без сомнения, являлось.

В 1920-е гг. состав омского краеведческого корпуса претерпел значительные изменения. Это произошло отчасти потому, что сообщество старых краеведов, видных деятелей ЗСОИРГО, одного за другим теряло своих членов. Некоторые из них так или иначе исчезли с горизонта омского краеведения в годы Гражданской войны с ее террором, эвакуацией и эмиграцией, другие умерли от болезней и старости. В 1919 г. тифозная горячка унесла жизнь А. Н. Седельникова (младшего)[1]. В 1921 г. скончался 73-летний Г. Е. Катанаев, в 1928 г. не стало П. Б. Яшерова, в следующем году ушел из жизни Н. Д. Павлов...[2] Отчасти же в 1920-е гг. имело место значительное, даже бурное обновление краеведческих кадров путем во-

влечения в движение широких масс в духе принципов тогдашнего советского краеведения.

На протяжении 1930-х гг. в кадровом составе местного краеведения наблюдались не менее существенные подвижки, связанные как с известным «переломом» в отечественном краеведческом движении на рубеже 1920-х и 1930-х гг., так и с особенностями внутриполитического развития страны в целом. Как уже отмечалось, в 1930-е гг. или несколько ранее ряд активистов омского краеведения, в том числе и некоторые весьма заметные фигуры, отошли от краеведческой работы, вернее, вынуждены были ее оставить.

Конечно, не всегда это происходило, скажем, по политическим причинам. Так, в случае с первым (первым назначенным, а не избранным) директором краевого музея ***Борисом Сергеевичем Семеновым (1886–1962)*** сыграли свою роль совершенно иные мотивы, связанные, как уже сообщалось, с систематическим расхищением музейных ценностей. В справочнике «Исследователи природы Западной Сибири» указывается, что на научно-производственной деятельности Б. С. Семенова, выпускника Казанского университета, профессора ботаники, «отрицательно сказалась трагическая судьба алтайской экспедиции, организованной для поиска золотого корня в 1921 г. Участники ее попали в плен к белогвардейцам. Здесь исследователь подвергался неоднократным допросам, содержался под арестом в холодном амбаре. Были уничтожены все имевшиеся при нем документы, в том числе об образовании и звании профессора»[3].

Примечательно, что об омском периоде жизни Б. С. Семенова авторы справочника не упоминают, а сообщают лишь, что после алтайских злоключений он работал сперва в Барнаульском, а затем в Новосибирском краеведческом музеях. Возможно, сам Б. С. Семенов предпочитал не вспоминать о своей деятельности в Омске, хотя здесь он приобрел известность отнюдь не только неблаговидными поступками. Будучи директором музея, краевед состоял также секретарем ЗСОРГО. В 1922 г. он в качестве специалиста по биологии и лихенологии совершил поездку в Саяны (южные отроги хребта Холзун) совместно с П. Л. Дравертом, С. Д. Лавровым и др. и рассказал о своем участии в этой экспедиции Сибнаробраза на страницах «Сибирской природы». Путешественник-натуралист был постоянным автором журнала, публиковал в нем материалы о своих поездках по Тарскому округу, Алтаю, реке Томи и ее притокам, предпринятых в 1918–1922 гг., входил в редакционную коллегию этого краеведческого издания[4].

Суд по делу Б. С. Семенова состоялся в 1923 г., после чего он, надо полагать, так или иначе покинул Омск. По крайней мере, в отчете ЗСОРГО за 1924 г. его имя среди действительных членов Отдела уже не упоминалось[5]. Дальнейшая краеведческая деятельность Б. С. Семенова осуществлялась за пределами Прииртышья, в частности, в Новосибирске, где им было опубликовано несколько работ, посвященных школьному краеведческому туризму[6].

В судьбе же преемника Б. С. Семенова по руководству Западно-Сибирским музеем ***Федора Васильевича Мелехина (1882–?)***, напротив, решающую роль сыграли факторы идеолого-политического свойства. Ф. В. Мелехин родился в с. Волокобино Шуйского у. Владимирской губ. в крестьянской семье, еще в детстве начал свой трудовой путь и сменил массу профессий (от трактирного полового до стекольщика и парикмахера). Самоучка, он сдал экстерном экзамены за 5-летний гимназический курс, служил в армии, за революционную работу арестовывался, сидел в тюрьме. Около года Мелехин обучался на Высших сельскохозяйственных курсах в Петербурге, затем в 1911 г. уехал за границу, работал в Германии, Австрии, Швейцарии, Италии, Бельгии, Голландии, Испании, Португалии, активно занимался самообразованием, изучал европейское музейное дело.

Вернувшись в Россию в 1913 г., Ф. В. Мелехин жил в Самаре, давал частные уроки и какое-то время читал лекции в Народном университете. В июле 1917 г. он был призван в армию и впервые попал в Омск, где служил во внешкольном отделе Управления военных учебных заведений. При отступлении белых из города Мелехин остался в Омске и вступил в Красную армию, возглавлял Политпросвет военно-учебных заведений. В 1922 г., оставив к тому времени военную службу, Мелехин стал хранителем музея, а в 1924–1929 гг. был его директором. Его деятельности на этом посту мы уже касались и сейчас лишь отметим, что, судя по некоторым оценкам, работа музея в годы директорства Мелехина строилась по образцу лучших музеев мира. Однако в 1929 г. Ф. В. Мелехин был освобожден от занимаемой должности «в связи с исключением из членов профсоюза за социально чуждые классовые мероприятия».

Биограф Мелехина омский искусствовед И. В. Спирина приводила в одной из своих публикаций воспоминания Н. А. Сверчкова, бывшего в конце 1920-х гг. директором омского художественно-промышленного техникума. Последний утверждал, что Мелехина уволили «как офицера царской (правильнее – Белой. – *А. Р.*) армии и “носителя буржуазной культуры”... что отрицательно сказалось на по-

следующей работе музея»[7]. Выше уже приводились данные о роли Федора Васильевича в организации тарских бюро краеведения и музея соответственно в 1931 и 1932 гг. Тот факт, что деятельность краеведа была связана с Тарой, подтверждается и материалами упоминавшегося «дела ОИС».

В ноябре 1931 г. он давал свидетельские показания по этому делу. Как отмечал С. Н. Поварцов, вредительский характер ОИС не вызывал сомнений у бывшего директора музея. ЗСОРГО Мелехин находил прибежищем социально-чуждых элементов (сам он не состоял в Отделе с 1925 г., т. е. с момента организации Омского общества краеведения), а ОИС – «не вполне добросовестным контрагентством по приему заказов на выполнение разного рода исследовательских работ», в котором нет ничего социалистического, если не считать «фразерства пустозвонного и клятв верности с биением себя по персям», о чем сам он, свидетель, своевременно сигнализировал и предлагал краевому партийному руководству «хорошенько прощупать» ОИС. Сейчас трудно судить, насколько искренним был Ф. В. Мелехин в этих своих показаниях, тем более, что ему, как явствует из того же дела, уже приходилось сталкиваться с репрессивными органами, правда, он был «освобожден под подписку о невыезде из г. Тары»[8].

А. А. Жирову, работавшему с документами, хранящимися в Тарском филиале ГИАОО, удалось выяснить, что Ф. В. Мелехин после приезда в Тару действительно предложил местным властям свои услуги по созданию музея и налаживанию краеведческой работы. Его предложения были приняты, однако помещение для музея и необходимые денежные средства долгое время не выделялись, что и побудило краеведа 28 мая 1932 г. обратиться в Тарский РайОНО с заявлением о невозможности продолжать работу в таких условиях. «В лучшем случае чисто платоническое благожелательство, – писал Мелехин, – в большинстве случаев индифферентное отношение, иногда враждебное, порой даже вредительское».

Стало известно, что летом 1932 г. Ф. В. Мелехин вместе с А. В. Вагановым занимался поиском в Тарском Прииртышье полезных ископаемых и других промышленно-сырьевых ресурсов. Результаты проведенных разведок были изложены краеведами в докладной записке (высказывались предложения по перспективному возделыванию и переработке волокнистых и масличных культур, созданию стекольного и фарфоро-фаянсового производств, строительству сахарного завода, изготовлению из березы стандартной мебели и производству алюминия путем электролиза). Ответственные лица, и, в частности, ученый секретарь ЗСКБК Кузьмин,

ознакомившиеся с запиской, сочли деятельность Мелехина и Ваганова «первым шагом в изучении природных богатств района» и посоветовали продолжить работу с привлечением широких масс.

Как указывал А. А. Жиров, «Мелехин, воодушевленный первыми победами, предлагает пути дальше: сформировать 4–6 разведывательных партий, берет на себя поиск средств и оборудования для них в АН СССР, Академии сельского хозяйства, "Союзгеологоразведке", геологоразведочном тресте, обязуется взять на себя общее руководство и для этого в течение 5–6 месяцев максимально "подготовить себя к руководству разведывательными работами путем занятий в центральных музеях и лабораториях по химии, анализам, внешним определителям..." Получив деньги на проезд, он 6 декабря 1932 г. выезжает в Москву и Ленинград... Трудно определить, состоялась ли запланированная на апрель – май (1933 г. – *А. Р.*) поездка в Новосибирск и Томск. Но нетрудно предположить, что официальный ответ профессора Я. С. Эдельштейна (отнесся к положениям упомянутой выше докладной записки "с некоторой настороженностью", определив их как "плод некоторого увлечения авторов". – *А. Р.*) не мог не повлиять на дальнейшие планы и судьбу Ф. В. Мелехина, покинувшего Тару»[9]. Что касается дальнейшей судьбы талантливого самоучки, знавшего несколько европейских языков и имевшего «самообразование в пределах высшей школы», бывшего белогвардейца и красноармейца, энтузиаста омского краеведения и музейного строительства, то заметим, что она не известна и, скорее всего, трагична.

Почти то же самое можно сказать и о судьбе другого омского краеведа 1920-х гг. ***Александра Никитича Седельникова (старшего; 1871–?)***. Он родился в Омске в семье казака и доводился знаменитому А. Н. Седельникову (младшему) не только абсолютным тезкой, но еще и старшим братом[10]. В 1893 г., по окончании Омской учительской семинарии, А. Н. Седельников получил право преподавания в уездных училищах, работал учителем тюремной церковно-приходской школы, преподавал в пятиклассном городском училище г. Омска. В дореволюционные годы коллежский асессор Седельников заведовал Атамановским мужским высшеначальным училищем. В 1921–1922 гг. педагог, покинув Омск, был заведующим школьным подотделом в Бухтарминском уезде Киркрая, а уже в 1923 г. состоял учителем школы им. Ленина на ст. Омск, с 1924 г. заведовал омской школой им. Первого Мая.

Когда проявились краеведческие интересы Седельникова-старшего, не известно. По крайней мере, еще в 1919 г. он совершил с «омским ученичеством» экскурсию на Алтай. Исследователями отмечается как пристрастие краеведа именно к Алтаю

(заполняя анкету в ходе перерегистрации членов Общества краеведения в 1929 г., он писал, что «не отказался бы руководить рабочей экскурсией или сельских учителей на Алтае со сбором для музея по энтомологии и гадов»), так и ориентация его краеведческих поездок «более... на научно-педагогические, чем на научно-исследовательские цели»[11].

В своей краеведческо-педагогической деятельности А. Н. Седельников (старший) особое внимание уделял экономико-географическим вопросам, отдавая в то же время должное комплексности краеведческого знания. Так, географический кружок школы им. Ленина, согласно его замыслу, должен был заниматься изучением материалов по Омскому экономическому округу как центру Западно-Сибирской области «в смысле культурного воздействия на всю сельскохозяйственную промышленность», оценкой всех достижений в общественном развитии, технике и культуре данного региона. Научно-краеведческие вечера мыслились Седельниковым как своеобразная форма подведения итогов коллективной проработки учащимися всех этих вопросов и должны были способствовать выработке «краеведческого содержания».

Своими идеями и опытом в организации и методике школьного краеведения А. Н. Седельников (старший) делился на страницах омского журнала «Дело просвещения» (статья «Из практики краеведческой работы в школе», содержавшая программу краеведческого вечера, была опубликована в 1924 г.). В. Г. Рыженко, изучавшая творческое наследие краеведа, отмечает активную его деятельность в Омском обществе краеведения, членом которого Седельников был со дня основания. Краевед тесно сотрудничал с тремя секциями общества (школьного краеведения, культурно-исторической и музейно-экскурсионной) и состоял в его правлении.

На обсуждение краеведческого общества он вынес в 1926 г. опыт работы ученических краеведческих кружков. В докладе Седельникова нашли отражение его подходы к изучению Омска как «выразителя социального организма». Каждая школа, считал Седельников, должна была избрать объектом изучения свой район, т. е. некую часть «социального организма» города. Собранные таким образом материалы после их обобщения и рассмотрения Обществом краеведения опять-таки рассылались бы по школам. Организаторами школьной кружковой краеведческой работы Седельников видел педагогические коллективы, каждый из которых включал бы преподавателя-естественника, гуманитария-обществоведа и географа-экономиста. Разработал краевед и соответствующую программу. Надо

сказать, что его предложения были поддержаны как Омским краеведческим обществом, так и местными органами народного образования.

Кроме отмеченного выше, об А. Н. Седельникове (старшем) известно, что он активно участвовал в подготовке сборника-справочника «Г. Омск», в 1929 г. был избран в Совет краевого музея и представлял в нем Омское общество краеведения, в том же году начал хлопотать о пенсии по основному месту работы, а в конце 1930 г. уехал из Омска. Существует мнение, что прекращение деятельности этого краеведа на рубеже 1920–1930-х гг. было связано с изменением политической ситуации, проявившимся, в частности, в смещении акцентов при определении значимости научно-краеведческих исследований[12].

В начале 1930-х гг. закончилась активная краеведческая деятельность еще одного яркого представителя омского краеведения профессора ***Виктора Федоровича Семенова (1871–1947)***. Родившийся в Усть-Каменогорске В. Ф. Семенов по окончании Омской учительской семинарии и Глуховского учительского института в Малороссии работал в школах Сибири и Казахстана. В 1902-1905 гг. он – вольнослушатель естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Принимавший участие в революционных событиях 1905 г. и подвергавшийся за это тюремному заключению В. Ф. Семенов вернулся в Сибирь и начиная с 1907 г. преподавал ботанику на Высших женских курсах в Томске, а также состоял лаборантом кафедры ботаники Томского технологического института.

В 1915–1920 гг. он учился на агрономическом факультете Петровской сельскохозяйственной академии (Москва), в 1921 г. стал преподавателем кафедры общей ботаники Сибирского института сельского хозяйства и промышленности (Омск), спустя 2 года, с присвоением ему ГУСом Наркомпроса РСФСР профессорского звания, возглавил названную кафедру, а в следующем 1924 г. стал также профессором Западно-Сибирского (впоследствии – Омского) медицинского института[13]. В 1923 г. В. Ф. Семенов был избран председателем ЗСОРГО.

Ученый сыграл заметную роль в развитии омского краеведения и как глава этой старейшей научно-краеведческой организации, и как краевед-натуралист, внесший существенный вклад в изучение прииртышской флоры. Так, в очередном выпуске «Известий ЗСОРГО» (1924 г.) был опубликован его труд о растительности Омской губ.[14] Из-под пера ученого-ботаника вышел также ряд работ о дикорастущей флоре сопредельных с Омским краем территорий Северного Казахстана и Западного Алтая. Краевед собрал огромный гербарий, отчасти переданный Сиб-

академии, отчасти – краевому музею. Одним из первых он привлек внимание научной общественности к вопросам охраны памятников сибирской «живой и мертвой» природы, был инициатором создания при ЗСОРГО памятнико-охранительной комиссии[15]. Как уже отмечалось, профессор В. Ф. Семенов стоял у истоков юннатского движения в Омском Прииртышье.

В 1924 г. краевед принял участие в работе 5-й сессии ЦБК, проходившей в Ленинграде с 15 по 19 января. Как указывалось в «Отчете о состоянии и деятельности ЗСОРГО за 1923 и 1924 гг.», в начале февраля 1924 г. «В. Ф. Семенов в сообщении "О краеведении в СССР в настоящее время" ознакомил собрание с результатами своей командировки в Москву и... Ленинград и дал характеристику положения краеведческого дела как в СССР, так и за границей»[16]. В 1927 г. Семенов представлял ЗСОРГО на 3-й Всесоюзной конференции по краеведению в Москве[17].

Особенно интересовался ученый вопросами истории и современного состояния краеведения в Западной Сибири. Хорошо известен его «Очерк пятидесятилетней деятельности ЗСОРГО», опубликованный в 1927 г. в единственном, вышедшем в советское время 39-м томе «Записок» Отдела, а также в виде отдельного издания. Инициалами «В. С.» подписаны многие материалы печатавшейся на страницах «Известий ЗСОРГО» «Хроники краеведения»[18].

Есть подтверждение тому, что В. Ф. Семенов интересовался и вопросами сибирской истории вообще, был обеспокоен судьбой местного историко-культурного наследия. Так, в 1923 г. он предпринимал попытки, чтобы разыскать и спасти документы так называемого «потанинского дела» (дело Следственной комиссии о сибирских сепаратистах, 1865 г.). Как известно, часть этих документов, благодаря безымянному учителю, выменявшему их у рыночного торговца на равное по весу количество оберточной бумаги, попала к Ф. В. Мелехину, т. е. в краевой музей, а часть к тому времени уже была использована для завертывания мыла, покрытия банок с медом и подобных нужд[19].

По некоторым данным, профессор В. Ф. Семенов вместе с И. И. Осиповым и И. Н. Скорняковым обвинялся в «сибирской кондратьевщине», а в декабре 1930 г., как уже говорилось выше, был арестован по «делу ОИС»[20]. Естественно, прекратилось его заведование институтской кафедрой, что же касается его председательства в ЗСОРГО, то сам Отдел, как известно, доживал тогда свои последние дни. Несмотря на относительно скорое освобождение и даже реабилитацию, именно тогда, в конце 1930 г., В. Ф. Семенов если и не выбыл окончательно из рядов омских краеведов, то существенно снизил свою активность. Известен лишь факт выхода в свет в 1937 г.

его научно-популярного очерка «Растительность Омской области», а в самом конце 1930-х гг. в журнале «Омская область» были напечатаны две статьи профессора[21].

С. Д. Авербух сообщает, что в 1934–1938 гг. ученый-краевед заведовал кафедрой ботаники Омского педагогического института, в последние же годы своей жизни (с 1939 г.) был прикован к постели тяжелым недугом[22]. Конечно, болезнь никак не могла способствовать активному участию В. Ф. Семенова в краеведческом движении. Не следует, на наш взгляд, забывать и о другом: краеведение становилось занятием отнюдь не безопасным, в чем Виктор Федорович мог лично убедиться, просидев почти год в новосибирском следственном изоляторе.

Подобные обстоятельства повлияли и на постепенный отход от движения другого известного омского краеведа, яркого представителя именно советского краеведения «золотых» 1920-х гг. ***Александра Сергеевича Сливко (1884–1972)***. Выходец из мещан г. Мензелинска Уфимской губ., он поступил в 1904 г. на историко-филологический факультет Казанского университета. Будучи студентом, Сливко втянулся в революционную работу, в годы первой русской революции вел агитацию среди курсисток и крестьян, арестовывался. В 1908 г. он вновь подвергся аресту и высылке на 2 года в Вологодскую губ. Сдав в 1911 г. экзамены за университетский курс (экстерном), Сливко работал некоторое время преподавателем истории и словесности в одной из женских гимназий Пермской губ., затем приехал в Омск, где в 1912–1919 гг. преподавал историю и русский язык учащимся местного коммерческого училища[23].

С именем А. С. Сливко связано становление народного образования в крае после Гражданской войны: он был председателем Губметодбюро и заведовал омским Соцвосом (методическое бюро и отдел социального воспитания Губ(Окр)ОНО). Тогда же, в 1920 – начале 1930-х гг., Сливко состоял лектором Коммунистического университета Сибири, преподавал исторический материализм и историю революционного движения в омских ветеринарном и медицинском институтах, заведовал кафедрой диалектического материализма в институте молочного хозяйства, являясь достаточно заметной фигурой в омских педагогических кругах.

Рассказывая о деятельности в Омске местного краеведческого общества, мы неоднократно называли А. С. Сливко, бывшего организатором и первым руководителем Омского общества краеведения[24]. Находясь на председательском посту до 1929 г., Александр Сергеевич особое внимание уделял вопросам организации и методики краеведческой работы, являлся автором ряда опубликованных в краеведческой литературе методических рекомендаций, адресованных учителям и полит-

просветчикам. К концу 1920-х гг. Сливко заметно снизил свою краеведческую активность, сосредоточившись, главным образом, на вузовской работе. В 1931 г. он стал ректором ветеринарного института, а в 1932 г. был назначен директором только что созданного педагогического вуза.

Известно, что в середине 1930-х гг. работники УНКВД по Омской области приступили к особо тщательным поискам социально чуждых элементов в среде местной вузовской интеллигенции. Эти «чистки» первоначально не коснулись А. С. Сливко, старого революционера и воинствующего безбожника, однако в 1937 г. он был арестован по обвинению в попустительстве троцкистам, более двух лет провел в лагерях и избежал расстрела лишь благодаря начавшемуся в 1938 г. частичному пересмотру дел и освобождению отдельных невинно осужденных. Вероятно, роковую роль в судьбе А. С. Сливко сыграли юношеские увлечения его сына Сергея, также арестованного в 1937 г. С. А. Сливко (1908–1970), обучаясь в Москве, действительно находился под влиянием троцкистов, за что и был в 1928 г. исключен из комсомола, а впоследствии поплатился несколькими годами тюрьмы, ссылки и поражения в правах[25].

Выйдя на свободу, Сливко-старший работал какое-то время заместителем директора института усовершенствования учителей, затем преподавал в сельскохозяйственном институте, в течение 20 лет заведовал пединститутской кафедрой философии, логики и психологии. Что же касается участия А. С. Сливко в омском краеведческом движении 1930–1940-х гг. и последующих лет, то можно отметить лишь несколько фактов: он был одним из составителей методического пособия по экскурсионной работе в Омске (1937 г., еще до ареста) и директорствовал в областном краеведческом музее в 1941–1942 гг. В 1960-х гг. имя старого краеведа только единожды появилось на страницах «Известий» Омского отдела Географического общества, где были напечатаны его воспоминания «Народное образование в первые годы после освобождения Омска»[26].

Столкновения в 1930-е гг. с государственными репрессивными органами «изъяли» из краеведческого движения и некоторых других видных деятелей омского краеведения предшествующего периода. Так, выбыл из рядов омских краеведов арестованный в январе 1934 г. историк сибирского сепаратизма, революции и Гражданской войны в Сибири профессор ***Георгий Владимирович Круссер (1893–1953)***. Бывший красногвардеец, участник марьяновских боев преподавал в Сибаке, активно работал в ЗСОРГО (в 1925 г. директор омской товарной биржи Круссер стал членом Совета Отдела), был одним из авторов Сибирской Советской энциклопедии.

его научно-популярного очерка «Растительность Омской области», а в самом конце 1930-х гг. в журнале «Омская область» были напечатаны две статьи профессора[21].

С. Д. Авербух сообщает, что в 1934–1938 гг. ученый-краевед заведовал кафедрой ботаники Омского педагогического института, в последние же годы своей жизни (с 1939 г.) был прикован к постели тяжелым недугом[22]. Конечно, болезнь никак не могла способствовать активному участию В. Ф. Семенова в краеведческом движении. Не следует, на наш взгляд, забывать и о другом: краеведение становилось занятием отнюдь не безопасным, в чем Виктор Федорович мог лично убедиться, просидев почти год в новосибирском следственном изоляторе.

Подобные обстоятельства повлияли и на постепенный отход от движения другого известного омского краеведа, яркого представителя именно советского краеведения «золотых» 1920-х гг. ***Александра Сергеевича Сливко (1884–1972)***. Выходец из мещан г. Мензелинска Уфимской губ., он поступил в 1904 г. на историко-филологический факультет Казанского университета. Будучи студентом, Сливко втянулся в революционную работу, в годы первой русской революции вел агитацию среди курсисток и крестьян, арестовывался. В 1908 г. он вновь подвергся аресту и высылке на 2 года в Вологодскую губ. Сдав в 1911 г. экзамены за университетский курс (экстерном), Сливко работал некоторое время преподавателем истории и словесности в одной из женских гимназий Пермской губ., затем приехал в Омск, где в 1912–1919 гг. преподавал историю и русский язык учащимся местного коммерческого училища[23].

С именем А. С. Сливко связано становление народного образования в крае после Гражданской войны: он был председателем Губметодбюро и заведовал омским Соцвосом (методическое бюро и отдел социального воспитания Губ(Окр)ОНО). Тогда же, в 1920 – начале 1930-х гг., Сливко состоял лектором Коммунистического университета Сибири, преподавал исторический материализм и историю революционного движения в омских ветеринарном и медицинском институтах, заведовал кафедрой диалектического материализма в институте молочного хозяйства, являясь достаточно заметной фигурой в омских педагогических кругах.

Рассказывая о деятельности в Омске местного краеведческого общества, мы неоднократно называли А. С. Сливко, бывшего организатором и первым руководителем Омского общества краеведения[24]. Находясь на председательском посту до 1929 г., Александр Сергеевич особое внимание уделял вопросам организации и методики краеведческой работы, являлся автором ряда опубликованных в краеведческой литературе методических рекомендаций, адресованных учителям и полит-

просветчикам. К концу 1920-х гг. Сливко заметно снизил свою краеведческую активность, сосредоточившись, главным образом, на вузовской работе. В 1931 г. он стал ректором ветеринарного института, а в 1932 г. был назначен директором только что созданного педагогического вуза.

Известно, что в середине 1930-х гг. работники УНКВД по Омской области приступили к особо тщательным поискам социально чуждых элементов в среде местной вузовской интеллигенции. Эти «чистки» первоначально не коснулись А. С. Сливко, старого революционера и воинствующего безбожника, однако в 1937 г. он был арестован по обвинению в попустительстве троцкистам, более двух лет провел в лагерях и избежал расстрела лишь благодаря начавшемуся в 1938 г. частичному пересмотру дел и освобождению отдельных невинно осужденных. Вероятно, роковую роль в судьбе А. С. Сливко сыграли юношеские увлечения его сына Сергея, также арестованного в 1937 г. С. А. Сливко (1908–1970), обучаясь в Москве, действительно находился под влиянием троцкистов, за что и был в 1928 г. исключен из комсомола, а впоследствии поплатился несколькими годами тюрьмы, ссылки и поражения в правах[25].

Выйдя на свободу, Сливко-старший работал какое-то время заместителем директора института усовершенствования учителей, затем преподавал в сельскохозяйственном институте, в течение 20 лет заведовал пединститутской кафедрой философии, логики и психологии. Что же касается участия А. С. Сливко в омском краеведческом движении 1930–1940-х гг. и последующих лет, то можно отметить лишь несколько фактов: он был одним из составителей методического пособия по экскурсионной работе в Омске (1937 г., еще до ареста) и директорствовал в областном краеведческом музее в 1941–1942 гг. В 1960-х гг. имя старого краеведа только единожды появилось на страницах «Известий» Омского отдела Географического общества, где были напечатаны его воспоминания «Народное образование в первые годы после освобождения Омска»[26].

Столкновения в 1930-е гг. с государственными репрессивными органами «изъяли» из краеведческого движения и некоторых других видных деятелей омского краеведения предшествующего периода. Так, выбыл из рядов омских краеведов арестованный в январе 1934 г. историк сибирского сепаратизма, революции и Гражданской войны в Сибири профессор ***Георгий Владимирович Круссер (1893–1953)***. Бывший красногвардеец, участник марьяновских боев преподавал в Сибаке, активно работал в ЗСОРГО (в 1925 г. директор омской товарной биржи Круссер стал членом Совета Отдела), был одним из авторов Сибирской Советской энциклопедии.

Г. В. Круссер входил в редколлегию «Сибирских огней», являлся ответственным редактором журналов «Сибирская природа» (1922 г.) и «Известия ЗСОРГО» (1924 г.). В последнем был опубликован его труд «Сибирское областничество (по данным следственной комиссии 1865 г.)». Проведя 3 года в Уральском политизоляторе, Круссер еще почти 10 лет пробыл в воркутинских лагерях, пока не был «сактирован» в 1946 г. Остаток своей жизни ученый, будучи полным инвалидом, прожил в Кемерово, где поселилась его семья[27].

Принимал участие в краеведческом движении 1920-х гг. и другой профессор Сибирского института сельского хозяйства, математик, вице-командор Иртышского яхт-клуба и поэт-любитель ***Александр Львович Иозефер (1889–?)***. Он состоял действительным членом ЗСОРГО, входил в состав Распорядительского комитета Отдела (1922 г.), сотрудничал с «Сибирской природой», был дружен (так же, как и А. С. Сливко, и Г. В. Круссер) с П. Л. Дравертом. Профессор Иозефер вместе с В. Ф. Семеновым, П. Л. Дравертом и др. был арестован по «делу ОИС». Вскоре после ареста ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, а также участии в подавлении Куломзинского восстания в 1918 г. (подпоручик Иозефер служил в колчаковской армии)[28]. Освобожденный в конце 1931 г., он, по некоторым данным, покинул Омск где-то в середине 1930-х гг. Дальнейшая судьба его не известна[29].

Среди краеведов, проходивших по «делу ОИС», выше уже назывался ***Тимофей Павлович Белоногов***, статистик-экономист Омской переселенческой партии. Его краеведческая деятельность началась еще в дореволюционный период. В 1903 г. в Петербурге увидела свет очередная «настольная и дорожная книга для русских людей» – 18-й том солидного, предпринятого по инициативе вице-председателя ИРГО П. П. Семенова издания «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». Среди авторов-составителей этого тома, озаглавленного «Киргизский край», наряду с А. Н. Седельниковым (младшим) и другими был и Т. П. Белоногов.

Интересно, что бывший член Омской городской управы был еще и старым революционером, «интеллигентом-подпольщиком». Как «ветеран подполья» он участвовал в заседаниях культурно-исторической секции Омского общества краеведения, выступал в прениях по докладу о революционном движении в Омске в конце XIX – начале XX вв.[30] Активист краеведческого общества являлся также одним из видных деятелей ЗСОРГО, входил с 1926 г. в Совет Отдела, в отчетах за 1924–1928 гг. имеются сведения о его выступлениях на общих и секционных собраниях ЗСОРГО (доклады «О липовых насаждениях в Сенчинском болоте Верхне-Омской

дачи Барабинского округа...», «О переходах через Васюганье в Тарском районе (по личным наблюдениям и сведениям, собранным от промышленников)» и др.)[31].

Т. П. Белоногов отличался весьма широким кругом краеведческих интересов, был, в частности, археологом-любителем. В 1924 г. он посетил памятники «Лизуново городище» и «Окопы» на р. Исети (в 50-ти верстах от Ялуторовска), собрал «многочисленные обломки "чудской" посуды», обнаружил следы древнего гончарного производства и зарисовал «план и некоторые детали бывшего "чудского" укрепления на высоком прибрежном увале» [32]. Спустя несколько лет краевед прочел доклад «Об описании курганов и городищ» для членов краеведческого кружка при Омской переселенческой партии. Сведений о краеведческой работе Белоногова в Прииртышье после освобождения его из-под стражи в конце 1931 г., как, впрочем, и о его дальнейшей судьбе, в нашем распоряжении нет[33].

Исключение составляет единственный факт. В ноябре 1934 г. президиум ЦБК заслушал доклад Т. П. Белоногова о состоянии краеведческой работы в обследованных им в этом отношении Обь-Иртышской области и Западно-Сибирском крае, а также о деятельности Приенисейского отделения Восточно-Сибирского общества краеведения. Кстати, по его докладу было сделано заключение, что «краеведная работа в Обь-Иртышской области и Западно-Сибирском крае находится в зачаточном состоянии», что же касалось ЗСКБК, то ЦБК признало его работу неудовлетворительной и отметило, что «сведения, сообщенные ЗСКБК о своей работе ранее, не соответствовали действительности».

Примечательно то обстоятельство, что из ста районов края РБК имелись только в шести. Первыми из них названы Тарский и Омский, в других же районах (притом не во всех) имелись лишь «отдельные группы краеведов и одиночки-краеведы». Обь-Иртышскому ОБК было вменено в обязанность включить в исследовательскую программу изучение северизации полевых и огородных культур, быта населения национальных округов, колхозного строительства и т. д. ЗСКБК должно было в 1935 г. резко активизировать свою работу (провести месячник краеведения, организовать «не менее десяти опытных изб краеведа» в наиболее крупных колхозах и совхозах, провести краеведческие конференции, заняться школьно-краеведческой и хоздоговорной деятельностью, в обязательном порядке изучать историю Гражданской войны в крае, местных фабрик и заводов, а также проводить исследования «по древнерудным разработкам, по быту, фольклору, фенологии и БСАМ»[34].

Другой подследственный, проходивший по тому же делу, ***Иван Николаевич Скорняков*** так же, как и Т. П. Белоногов, был членом Совета ЗСОРГО (с 1925 г.). Преподаватель, а затем доцент Сибирского института сельского хозяйства, он занимался изучением аграрного сектора экономики Прииртышья. Так, в 1926–1927 гг. он исследовал экономику и организацию сельского хозяйства Омского округа по поручению Западно-Сибирской областной сельскохозяйственной опытной станции. Краевед-экономист неоднократно выступал с докладами на общих собраниях Отдела и заседаниях его экономической секции. В марте 1928 г., например, им был прочитан доклад «Дифференциация крестьянских хозяйств по основным зонам Западной Сибири»[35]. Арест по «делу ОИС» прервал краеведческую деятельность И. Н. Скорнякова, а поскольку, как мы уже говорили, он не был освобожден в конце 1931 г. вместе с другими арестованными, этот арест вполне мог стать для ученого-краеведа началом конца.

Большинство кадров омских краеведов, как можно было заметить, традиционно составляли ученые-естественники, что достаточно легко объяснимо. В дореволюционный период краеведческая деятельность в Прииртышье осуществлялась, главным образом, в рамках ЗСОИРГО, само название которого говорило о приоритетности именно естественно-научных изысканий. Особенность эта продолжала сохраняться и в 1920-е гг., хотя спектр краеведческих организаций заметно расширился. Так было прежде всего потому, что основная масса научной интеллигенции Омска, находившая краеведение формой проявления своей общественной активности, была сосредоточена в сельскохозяйственном институте, т. е. в опять-таки естественном по своему научному профилю учебном заведении[36].

В стенах сельхозинститута (Сибирский институт сельского хозяйства, позже Сибирская сельскохозяйственная академия, затем Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства) в 1920-е гг. осуществлялась профессиональная деятельность таких омских краеведов-натуралистов, как профессор геодезии и астрономии Н. Д. Павлов, ботаники В. И. Баранов, К. Е. Мурашкинский, Г. Г. Петров, Н. А. Плотников, В. Ф. Семенов, М. Д. Спиридонов, зоологи Г. Я. Бей-Биенко, С. Д. Лавров, И. Н. Шухов, минералог П. Л. Драверт, геолог М. И. Крот, климатолог В. Д. Дудецкий, почвоведы В. В. Берников, К. П. Горшенин, лесовод В. П. Корш, химик В. Н. Ручкин, агрономы М. С. Каргаполов, И. И. Осипов и др.

Краеведческая деятельность многих из них, как отчасти уже было показано, по тем или иным причинам не вышла за временные рамки 1920-х гг. Вот еще несколько примеров. Заметную роль в омском краеведении «золотых» лет играл

профессор ***Василий Дмитриевич Дудецкий (1883 – после 1945)***. Будучи выпускником Петербургского университета, до революции он работал в томских технологическом институте и университете, а в 1920-1930 гг. – в Омском сельскохозяйственном институте, где создал и возглавил кафедру метеорологии, совершил ряд экспедиционных поездок, в ходе которых изучал сибирский климат и магнитные явления.

В. Д. Дудецкий состоял в ЗСОРГО (в 1922 г. возглавил там секцию исследования Сибири), публиковал свои работы по климатологии Прииртышья в «Известиях» Отдела и «Сибирской природе», входил в состав редакционных коллективов ряда краеведческих изданий[37]. В 1923 г. он стал членом Распорядительного комитета ЗСОРГО, а в следующем – членом и заместителем председателя Совета Отдела. Профессор Сибаки и Западно-Сибирского медицинского института неоднократно выступал в качестве популяризатора краеведческих знаний, в частности, «им делались доклады на специальные темы в форме, доступной пониманию широких масс, и давались руководящие указания начинающим краеведам»[38]. В 1930 г. ученый переехал в Красноярск, а в 1935 г. – в Ярославль, где возглавлял кафедру физики педагогического института.

Известный геоботаник и почвовед профессор ***Владимир Исакиевич Баранов (1889–1967)***, выпускник Казанского университета, приехал в Омск в 1919 г., работал в сельскохозяйственном институте (1925–1929 гг.), руководил кафедрой экологии и географии растений, предпринял целый ряд научных путешествий (Чуйская степь на Южном Алтае, Ойротия, Горная Шория, Северная Монголия)[39]. Немало сделал ученый и для изучения Омско-Тарского Прииртышья: в 1920–1921 гг. обследовал территорию Омской губ., в 1923 г. вместе с К. П. Горшениным, И. Н. Язевым и группой студентов произвел нивелировку водораздела Омь-Иртыш (от Лежанки на Иртыше до Андреевки на Оми), в 1924 г. изготовил профиль долины Иртыша близ Сибаки и описал ее в почвенно-ботаническом отношении, в 1927 г. совершил экспедиционную поездку в Тарский округ.

Участники этой экспедиции профессора В. И. Баранов, Н. А. Тихомиров, доцент И. Н. Шухов, ассистент В. Л. Шелудякова и др. производили общее естественно-историческое обследование территории водораздела Утюгас – верховья Урны и приречной полосы Урны до р. Демьян включительно, в ходе которого выяснили по заданию Омского переселенческого управления пригодность этих земель для колонизации[40]. Ученый-краевед был действительным членом ЗСОРГО (в 1922 г. избрался в состав Распорядительного комитета), печатал свои материалы в его

«Известиях», неоднократно выступал в собраниях Отдела с научными докладами (к примеру, в марте 1922 г. им был прочитан доклад «О березах Омской губернии»), входил в редакционную коллегию журнала «Сибирская природа»[41].

Григорий Яковлевич Бей-Биенко (1903–1971), окончив в 1925 г. Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства, обучался в институтской аспирантуре, работал ассистентом, изучал биологию насекомых-вредителей сельского хозяйства в Омском округе, на севере Акмолинской губ. и Алтае. Ученый-натуралист состоял действительным членом ЗСОРГО (в 1926 г. стал кандидатом в члены его Ревизионной комиссии), публиковал результаты своих исследований в «Известиях» Отдела. В 1929 г. краевед, в будущем известный энтомолог, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, президент Всесоюзного энтомологического общества, навсегда покинул Омск [42].

Выше, когда речь шла о работе краевого музея в середине 1920-х гг., было достаточно много сказано и о краеведческой деятельности профессора ***Максима Дмитриевича Спиридонова (1878–1939)***. Выпускник Петербургских высших сельскохозяйственных курсов, он в 1920–1932 гг. работал в Омске, на кафедре ботаники сельхозинститута, был участником нескольких всесоюзных и региональных съездов ботаников и почвоведов [43]. До середины 1920-х гг. ученый состоял в ЗСОРГО, в июне 1924 г. даже выступил на одном из собраний Отдела с проектом изучения естественно-исторических условий Омской губ., М. Д. Спиридонов был активистом Омского общества краеведения, работал в Западно-Сибирском краевом музее, в ходе своих многочисленных экспедиций изучал растительно-почвенные ландшафты Прииртышья и сопредельных территорий, например, пустынных «киргизских» степей (1913–1914 гг.), степи и лесостепи Омского и Петропавловского уездов (1920–1921 гг.), лесной зоны Тарского уезда (1922 г.) и т. д.[44]

Другой профессор ботаники ***Гавриил Гавриилович Петров (1881–1942)***, сын московского часовщика, окончил Московскую сельскохозяйственную академию (1908 г.), занимался научной работой. В 1918 г. он был приглашен в создавшийся тогда в Омске сельскохозяйственный институт, в котором возглавил кафедру ботаники, а с 1920 г. – кафедру физиологии растений, дважды был ректором[45]. Г. Г. Петров был также основателем институтского ботанического сада (в 1927 г. им был заложен акклиматизационный питомник). Будучи действительным членом ЗСОРГО, ученый выступал с докладами на общих собраниях Отдела, печатался в его изданиях. Так, в журнале «Сибирская природа» была опубликована работа ботаника-краеведа «Очерк растительности окрестностей Омска»[46].

ЗАПИСКИ
Западно Сибирскаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Географическаго Общества

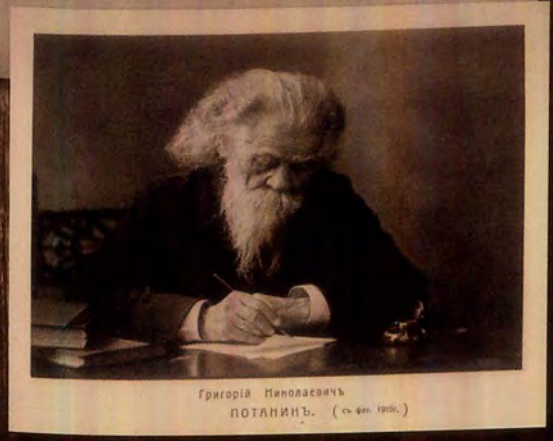
Томъ XXXVIII.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Григорію Николаевичу
ПОТАНИНУ
по случаю 80-лѣтія его жизни
(1835 22/IX 1915 г.)

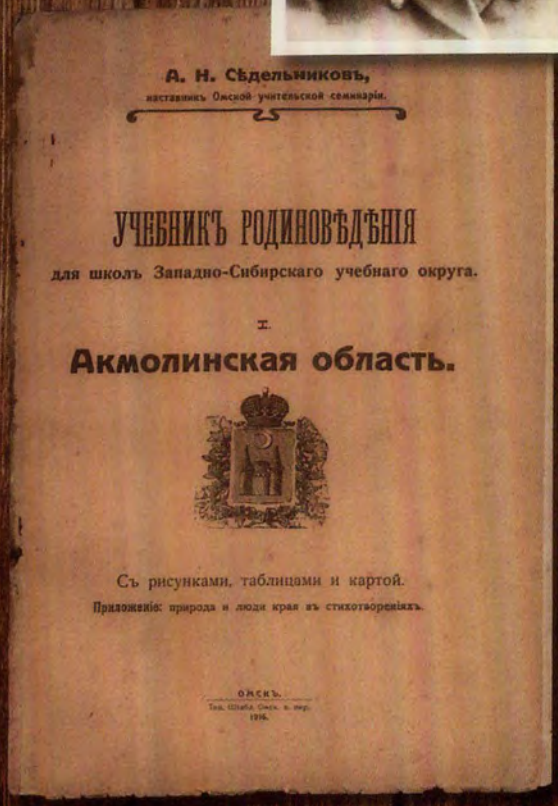
ОМСКЪ

«Потанинский» выпуск «Записок ЗСОИРГО» с заглавной статьей А. Н. Седельникова (Омск, 1916)

Александр Никитич Седельников


Григорій Николаевичъ
ПОТАНИНЪ. (съ фот. 1905г.)

Григорий Николаевич Потанин


А. Н. Сѣдельниковъ,
наставникъ Омской учительской семинаріи.

УЧЕБНИКЪ РОДИНОВѢДѢНІЯ
для школъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа.

I.

Акмолинская область.

Съ рисунками, таблицами и картой.
Приложеніе: природа и люди края въ стихотвореніяхъ.

ОМСКЪ.
1916.

«Учебник родиноведения» А. Н. Седельникова (Омск, 1916)

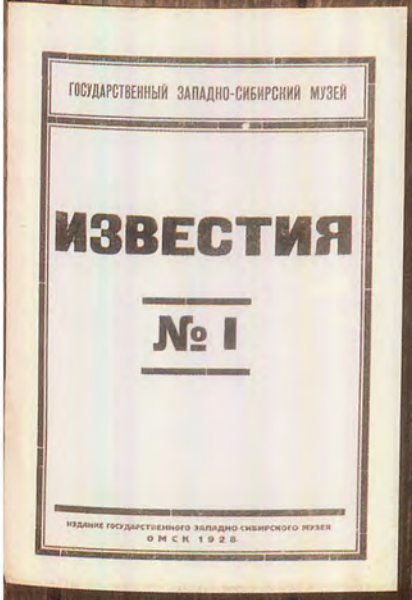
УФА
БЕЛЕБЕЙ
СЫЗРАНЬ
САМАРА
БУГУРУСЛАНЪ
БУЗУЛУКЪ
НИКОЛАЕВСКЪ
ОРЕНБУРГЪ
УРАЛЬСКЪ
ЛБИЩЕНСКЪ
АКТЮБИНСКЪ
ТЕМИРЪ
ТУРЬЕВЪ
ТРОИЦКЪ
КУСТАНАЙ
КУРГАНЪ
ТУРГАЙ
ИРГИЗЪ
КАЗАЛИНСКЪ
ПЕРОВСКЪ
АТБАСАРЪ
Каспійское море
Аральское море
ЗАКАСПІЙСКАЯ ОБЛ.
УСТЬ УРТЪ
СЫРДАРЬИНСКАЯ
СТАРША

Карта Киргизского края, составленная А. Н. Седельниковым

Первый номер журнала «Сибирская природа» (Омск,1922)

Выпуск «Известий ЗСОРГО», посвященный памяти В. В. Сапожникова, отв. ред. Г. В. Круссер (Омск, 1924)

Первый выпуск «Материало Омского общества краеведения» (Омск,1926)


ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ МУЗЕЙ

ИЗВЕСТИЯ

№ I

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО МУЗЕЯ
ОМСК 1928

Первый номер «Известий Государственного Западно-Сибирского музея» (Омск, 1928)

1877 ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ 1927

В. Ф. СЕМЕНОВ.

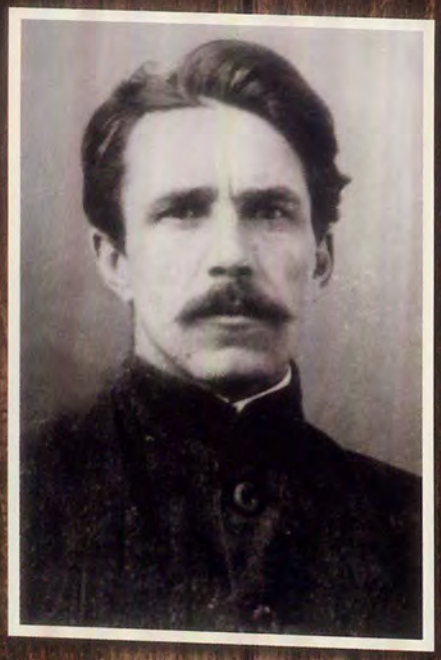
ОЧЕРК

пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического О-ва

ОМСК—1927

Издание Зап.-Сиб. Отдела Государственного Русского Географического Общества

Юбилейный очерк В. Ф. Семенова к 50-летию ЗСОРГО (Омск, 1927)



Михаил Дмитриевич Спиридонов

Пособие «Омского Губернского Агронома» И. И. Осипова «Как ввести паротравополье» (Омск, 1924/25)

Президиум ЗСОРГО. Сидят: слева направо – В. Д. Дудецкий, Н. Д. Павлов, В. Ф. Семенов (в центре), П. Л. Драверт, Напалков (?); стоят: Т. П. Белоногов, И. Н. Скорняков, Ножин, Сергиевский и др. 1920-е гг.

Александр Сергеевич Сливко.
Из газеты «В борьбе
за педкадры». 1934 г.

«Определитель бабочек» С. Д. Лаврова
(Омск,1922)

ТРУДЫ
Западно-Сибир. Отдела Русского Географического Общества.

Выпуск V-ый.

Проф. С. Д. Лавров.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ
БАБОЧЕК

средней полосы Европейской России и
западной Сибири.

(с таблицами рисунков).

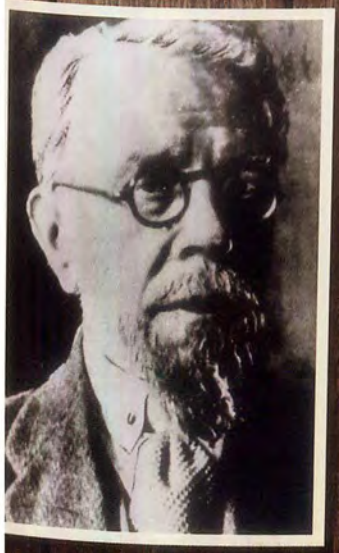
Часть I-ая.

Determinator Lepidopterorum
Russiae et Siberiae occidentalis.

Prof. S. Lavrow.

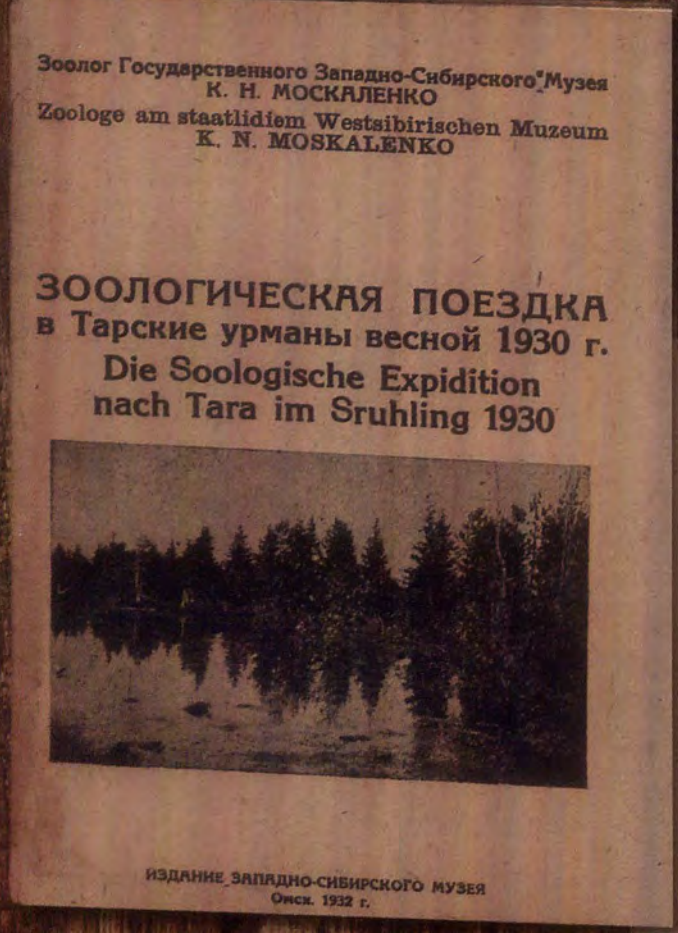
Pars I.

Виктор Федорович
Семенов



Гавриил Гавриилович
Петров

Константин Евгеньевич
Мурашкинский


Зоолог Государственного Западно-Сибирского Музея
К. Н. МОСКАЛЕНКО
Zoologe am staatlidiem Westsibirischen Muzeum
K. N. MOSKALENKO

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА
в Тарские урманы весной 1930 г.
Die Soologische Expidition
nach Tara im Sruhling 1930

ИЗДАНИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО МУЗЕЯ
Омск. 1932 г.

Отчет К. Н. Москаленко о зоологической поездке в Тарские урманы (Омск, 1932)

ЮНЫМ НАТУРАЛИСТАМ СИБИРИ

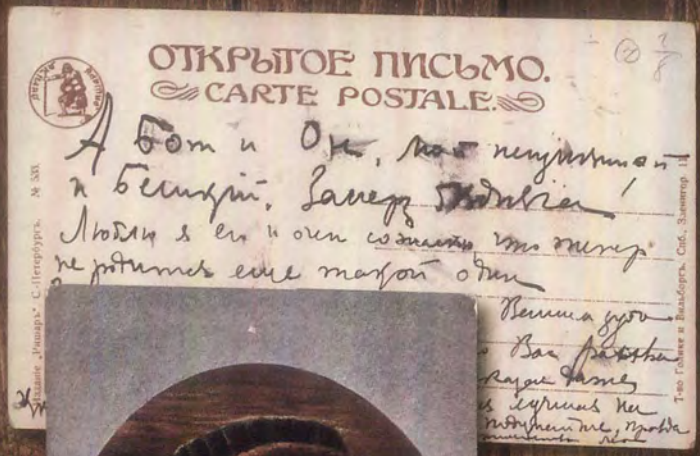
К. Н. Москаленко

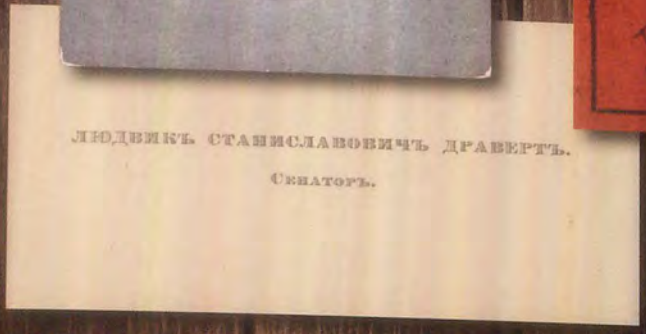
ИЗУЧАЙ ПТИЦ

Г. ОМСК. 1933
ИЗДАНИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Брошюра К. Н. Москаленко «Изучай птиц» (Омск, 1933)

Петр Людовикович Драверт.
Казань, февраль 1914 г.
Из фондов ОГИКМ





Открытка с портретом Наполеона и визитная карточка из архива Л. С. Драверта

Людовик Станиславович Драверт

Экслибрис Л. С. Драверта

Именные печати. Из фондов ОГИКМ

П. Л. Драверт. 1910-е гг.

П. Л. Драверт в якутской ссылке. Из фондов ОГОНБ им. А. С. Пушкина (Омск, 1933)

Суббота 16 Мая 1915 г. Годъ изданія 4-й Суббота 16 Мая 1915 г.

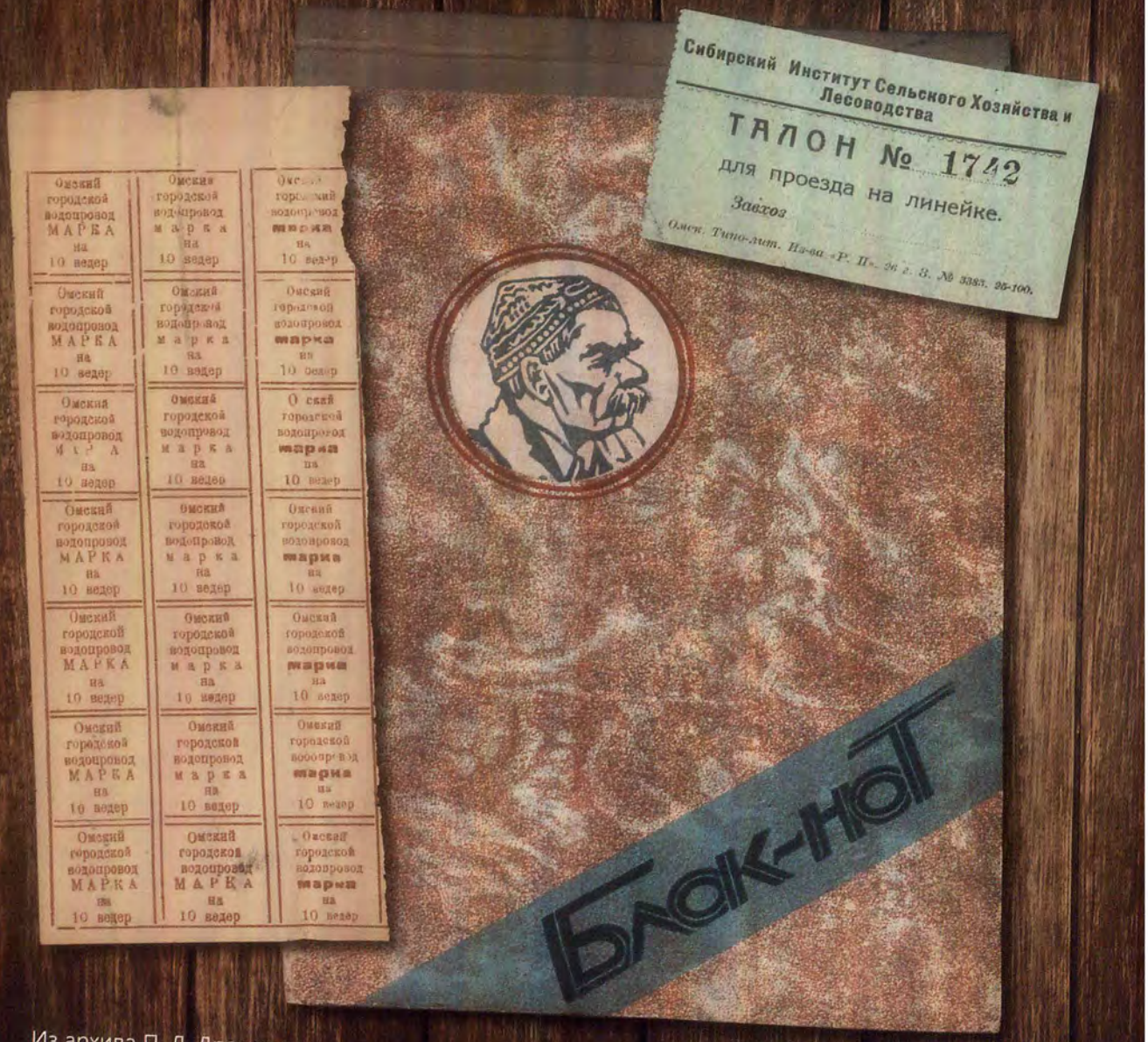
ЯКУТСКАЯ ОКРАИНА.

№ 99 № 99

8-го МАЯ ДЕНЬ ПЕЧАТИ ВЪ ЯКУТСКѢ.

Всѣ сборы отъ „ДНЯ ПЕЧАТИ ВЪ ЯКУТСКѢ" пойдутъ на пользу раненыхъ воиновъ.

Газета «Якутская окраина» из архива П. Л. Драверта



Из архива П. Л. Драверта

ДОМ ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ НАУКИ
Север
Восток
Запад
Юг
ПОДВИЖНАЯ КАРТА
СЕВЕРНОГО ЗВЕЗДНОГО НЕБА
ЛЕНИНГРАД
1939
Блок-Книжка
ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ
Тов.
Просим принять участие в работах юбилейного заседания советских, партийных и общественных областных и городских организаций, посвященного 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина, созываемого 10 февраля 1937 года, в 6 часов вечера, в Областном театре.
Президиум Омского горсовета
РК и КД.
Большой театръ
Партеръ
Стулъ 8 ряда № 1
Большой театръ
Партеръ
Стулъ 8 ряда № 2
9-то час.

Ф. Д.
Циолковский.

Глубокоуважаемому
раф. Петру Людовиковичу
Драверт от автора
Циол.

5.23
-662

КОСМИЧЕСКАЯ РАКЕТА.
ОПЫТНАЯ ПОДГОТОВКА.

1927 г. в оку.

(Понимать и оценить эту статью можно только освоившись с моим исследованием 26 г.).

880337

Омская областная ... им. А. С. ПУШКИНА

6Т5.2
Ц-

Описание чертежа.

Сначала необходимо произвести опыты на одном месте, т. е. без заметного перемещения прибора. Предполагается при этом выработать подходящую конструкцию, также управление взрывом, направлением прибора, его устойчивостью и проч.

Черт. 1 изображает предполагаемое на первое время устройство аппарата. Рисунок схематический (переменный масштаб), т. е. без соблюдения пропорциональности частей. Потом я постараюсь приблизительно дать истинные размеры.

Начинаем описание справа налево.

1) (М) есть бензиновый мотор для выкачивания и накачивания жидкого воздуха, кислорода или его эндогенных соединений. Тот же мотор служит также и для накачивания водородных соединений. Глушитель следует устранить, а продукты горения выбрасывать назад по направлению обратному предполагаемому движению. Это хоть немного увеличит реактивное действие ракеты. Впрочем, для опытов это не важно.

2) (Нк) и (Нв). Два насоса, приводимые в движение одним двигателем. Первый накачивает во взрывную трубу кислородные соединения, другой — водородные. Об'емы их должны соответствовать полному соедине-

Отдельный оттиск статьи «Космическая ракета. Опытная подготовка», подаренный К. Э. Циолковским П. Л. Драверту в 1927 г. Из фондов ОГОНБ им. А. С. Пушкина

Членский билет Союза писателей СССР, полученный П. Л. Дравертом в 1934 г. Из фондов ОГИКМ

Бюллетень Омского Бюро Краеведения
(при ГорОНО)

Проф. П. ДРАВЕРТ

№ 1

ПРИРОДНОЕ
ИЗВЕСТКОВОЕ СЫРЬЕ
В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

ОМСК 1932

Первый номер «Бюллетеня Омского бюро краеведения» с публикацией П. Л. Драверта о природно-известковом сырье в Омском Прииртышье (Омск, 1932)

Проф. П. Л. ДРАВЕРТ.

СРЕДИ ГРАНИТНЫХ СОПОК.

1.

О происхождении некоторых форм континентального выветривания гранитов.

ИЗДАНИЕ
ОМСКОЙ СЕКЦИИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ
В. С. Р. П.

ОМСК.
1927.

Брошюра П. Л. Драверта «Среди гранитных сопок» (Омск, 1927)

СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
НСКИЙ БИЛЕТ № 1854
леном союза советских пи-
ии.
ступл. в ССП 1934 г
едатель правления
ССП СССР
равлений

Брошюра П. Л. Драверта
«Об использовании корневища сусака
в качестве суррогата хлеба» (Омск, 1921)

Р. С. Ф. С. Р.

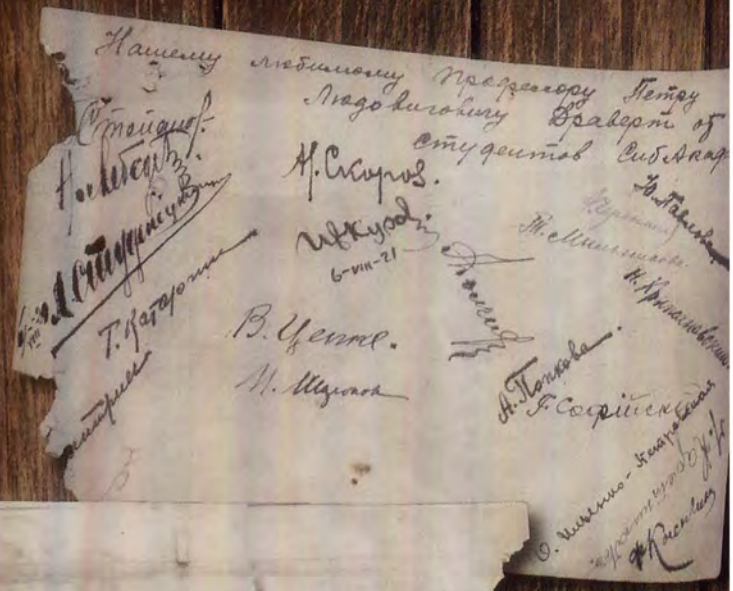
П. ДРАВЕРТ.

Профессор Сибирского Института Сельского Хозяйства и Промышленности.

Об использовании корневища сусака
в качестве суррогата хлеба.

Государственное издательство. Сибирское област. отделение.

ОМСК.
Центральная Государственная тип. Зак. № 47—1500 экз.
1921.


Нашему любимому профессору Петру Людовиговичу Драверту от студентов СибАкад

Профессор Драверт (сидит в центре второго ряда) со студентами СибАкадемии. Дарственная надпись «Нашему любимому профессору», август 1921 г.

Очень активным исследователем-путешественником, имя которого в связи с экспедициями и сделанными по их результатам докладами встречается по многу раз практически в каждом годовом отчете ЗСОРГО, был ***Михаил Иванович Крот (1899–?)***. Краевед обучался в Московском университете (1914–1918 гг.), затем работал лаборантом и лектором в Алтайском народном университете, преподавал естествознание в школе, заведовал Бийским уездным музеем. С1922 г. он – ассистент-преподаватель сибаковской кафедры геологии и минералогии, т. е. ассистент профессора П. Л. Драверта[47]. В 1920-е гг. М. И. Крот являлся также заведующим геолого-минералогическим отделением Западно-Сибирского музея, по поручению которого им, в частности, была совершена поездка в юго-западные районы Алтая (1927 г.). Ученый занимался геологическими обследованиями долины Иртыша и прилегающих к Омскому Прииртышью территорий Казахстана (Баян-Аульский и Семипалатинский районы), предпринимал с П. Л. Дравертом совместные экспедиции.

Сергей Дмитриевич Лавров (1884–1951), окончивший в свое время естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, в 1916 г. приехал в Омск, где сначала преподавал зоологию в среднем сельскохозяйственном училище, а затем перешел на работу в одноименный институт. В 1922 г. С. Д. Лавров стал профессором и по 1930 г. заведовал кафедрой зоологии[48]. Будучи одним из наиболее активных членов ЗСОРГО, возглавившим в 1922 г. музейную секцию Отдела, краевед-зоогеограф предпринял множество экспедиционных поездок и экскурсий по Западной Сибири, Северному Казахстану и т. д., основное внимание уделял энтомо- и орнитофауне этих территорий. В 1925 г. С. Д. Лавровым были проведены фаунистические наблюдения на сибаковской Подгородной лесной даче[49]. В заседании биологической секции Отдела ученым были прочитаны доклады «Птицы окрестностей Омска» (1925 г.) и «Энтомофауна окрестностей Омска» (1927 г.). Натуралист был постоянным автором журнала «Сибирская природа»[50], его труды публиковались также в других изданиях ЗСОРГО. Среди таковых можно выделить замечательные, на наш взгляд, практические пособия для начинающего краеведа-лепидоптеролога[51].

В одной из экспедиций профессора С. Д. Лаврова (зоологическое обследование окрестностей оз. Чаны, 1928 г.) принимал участие преподаватель железнодорожной школы ***К. Н. Москаленко***[52]. Об этом омском краеведе, натуралисте и путешественнике известно очень немного. Весной 1930 г. он, уже зоолог Государственного Западно-Сибирского музея, руководил зоологической поездкой в тарские урманы. Интересно, что зоологическая экспедиция музея, в которой кроме

К. Н. Москаленко участвовали препаратор Д. И. Покровский и «фотограф-юннат», ученик «бывшей 15-й жел.-дор. школы» Борис Русанов, «для более успешного достижения намеченной цели и выполнения маршрута... слилась с зооэкспедицией Географического общества, которой руководил С. Д. Лавров»[53]. Об этом путешествии по таежным речкам Тую и Мису Москаленко увлекательно рассказал на страницах брошюры, выпущенной музеем в 1932 г. Что же касается ее автора, то можно уверенно говорить лишь о том, что в начале 1930-х гг. он еще продолжал свою краеведческую деятельность. В 1933 г. увидело свет еще одно издание Западно-Сибирского музея – адресованная юным натуралистам Сибири методическая рекомендация К. Н. Москаленко «Изучай птиц»[54].

Профессор Омского сельскохозяйственного института ***Василий Николаевич Ручкин (1891–1982)*** приехал в Омск в начале 1920-х гг., но бывал здесь и раньше, еще будучи томским студентом. Так, в 1915 г. он обследовал Вишнево-Островскую казенную дачу в Ишимском у. Тобольской губ., «один из многих неофициальных курортов, которыми так богата Западная Сибирь», а химический анализ проб целебной воды, взятых им в оз. Медвежьем, провел под руководством магистра фармации А. А. Анцигина в лаборатории Омского медицинского общества. Результаты этих исследований начинающего ученого были опубликованы в «Известиях ЗСОИРГО»[55].

В 1922 г. В. Н. Ручкин стал заведующим лабораторией сельскохозяйственного анализа Сибаки, а спустя два года – заведующим кафедрой хранения и технологии сельхозпродуктов, которую возглавлял в течение 45 лет. За это время ученым было написано большое количество научных работ, учебных и практических пособий (после августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ один из учебников профессора был оценен как «образец космополитизма», содержащий «вейсманистские и антимичуринские утверждения»[56]). На протяжении всего советского периода существования ЗСОРГО В. Н. Ручкин состоял его действительным членом. Сведениями о дальнейшей его краеведческой деятельности мы не располагаем, лишь однажды, в 1966 г., он выступил на страницах «Известий Омского отдела Географического общества Союза ССР» с интересными воспоминаниями об окрестностях дореволюционного Омска[57].

Одним из наиболее видных натуралистов-краеведов 1920-х гг. был профессор сельскохозяйственного института ***Константин Евгеньевич Мурашкинский (1884–1948)***. Крупный специалист-фитопатолог и миколог, выходец из семьи мелкого чиновника Нижегородской губ., окончил московские университет и сельхозинститут,

в 1913 г. работал в земских учреждениях, в 1914–1920 гг. был на военной службе (в годы Гражданской войны служил по мобилизации в армиях А. И. Деникина и А. В. Колчака), затем трудился в Сибземотделе, а с 1920 г. преподавал фитопатологию в Сибирском институте сельского хозяйства. В 1923 г. К. Е. Мурашкинский стал профессором и заведующим кафедрой фитопатологии, в 1930–1948 гг. руководил кафедрой защиты растений[58]. Как член ЗСОРГО, ученый совершил в 1920-х гг. ряд поездок с целью изучения микофлоры и заболеваний растений (окрестности Омска, Чуйская степь, верховья Енисея и т. д.). Сообщения об экспедициях К. Е. Мурашкинского, к примеру, неоднократно публиковались в разделе «Краеведческая работа в Сибири и на Урале» издававшегося Обществом по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока журнала «Северная Азия»[59]. Профессор К. Е. Мурашкинский принимал участие в работе I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда в 1926 г., был делегатом Всесоюзных ботанических съездов (1926, 1936 гг.), являлся одним из авторов Сибирской Советской энциклопедии[60].

Жизнь ученого-краеведа трагически оборвалась в сентябре 1948 г. К. Е. Мурашкинский покончил с собой вскоре после собрания научных работников ОмСХИ по обсуждению итогов уже упоминавшейся выше печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ. На этом собрании профессор был обвинен в том, что «не стоит на позициях мичуринской биологии и в своей научной работе скатывается к схоластике и раболепию перед иностранщиной», а также в «антипатриотическом поступке в годы Великой Отечественной войны: Мурашкинский опубликовал статью в немецко-фашистском журнале». По нормам тех лет началась жестокая травля ученого, во время войны не раз отмеченного благодарностями и награжденного орденом за самоотверженный труд. Вся «вина» его состояла лишь в том, что он послал свою статью в один из научных журналов Германии (он печатался и ранее в Германии, Австрии, Франции) еще в довоенное время, а опубликована она была, действительно, в годы войны[61].

По имеющимся в нашем распоряжении сведениям, ошельмованный профессор Мурашкинский был похоронен на Северном кладбище Омска, куда грубо сколоченный, необитый и даже неокрашенный гроб с телом покойного в одном нижнем белье, с ремнем на шее, был доставлен из морга на грязном институтском грузовике, использовавшемся обычно для перевозки мусора. Причем накануне этих «похорон» руководство вуза довело до сведения студентов, аспирантов и со-

трудников о крайней нежелательности их участия в проводах профессора в последний путь[62].

Таким образом, в отношении всех вышеназванных краеведов-натуралистов мы можем говорить о более или менее активной их деятельности по изучению природы Прииртышья лишь в 1920-е гг. В дальнейшем же таковая либо существенно ослабла, либо вовсе прекратилась. Конечно, причины тому были разными (в случае с Г. Я. Бей-Биенко, например, это естественный научный рост и переезд в центр), и все же предположение, что изменившаяся с началом 1930-х гг. политика в отношении краеведения и краеведов сыграла здесь не последнюю роль, не кажется нам слишком смелым. Та же ликвидация ЗСОРГО во многом лишила этих естествоиспытателей возможности увязывать свои узкопрофессиональные интересы с краеведческими задачами, выступать не только в качестве вузовских ученых и педагогов, но и являться краеведами-общественниками. Безусловно, те из них, которые и далее жили в Омске, и не оставляли научной деятельности, продолжали изучать природу Омского Прииртышья в рамках своих профессиональных занятий, но такого краеведческого резонанса, как в 1920-е гг., их изыскания уже не имели.

Однако были среди деятелей омского краеведения и такие, которые, ощутив в той или иной мере известные перемены антикраеведческой направленности и даже испытав на себе работу репрессивного механизма, все же не бросили своих научно-краеведческих занятий. Среди них, наверное, в первую очередь следует назвать ***Петра Людовиковича Драверта (1879–1945)***. Поскольку биография этого известного ученого и оригинального поэта достаточно хорошо изучена[63], имеет смысл остановиться, главным образом, на его краеведческой деятельности. В Омск П. Л. Драверт приехал в 1918 г., имея за плечами обучение на естественном отделении физико-математического факультета Казанского университета, дважды прерванное ссылками за участие в революционном студенческом движении и потому растянувшееся на 15 лет, а также небольшой опыт работы в качестве ассистента кафедры геологии. Будучи избранным на должность старшего ассистента кафедры минералогии и геологии Омского сельскохозяйственного института, ученый принял активное участие в создании и становлении этого вуза. В 1920 г. П. Л. Драверт стал профессором и заведующим этой же кафедрой и проработал в этом качестве 10 лет. В 1923–1926 гг. он четырежды избирался президентом Ученого бюро Сибирской сельскохозяйственной академии[64].

С 1927 г. он – председатель Омской метеоритной комиссии. Эта комиссия действовала затем в организационных рамках Омского ОБК, в 1937 г. вместе с бюро прекратила свое существование, но в 1940 г. вновь приступила к работе, теперь уже при Омском отделении Всесоюзного астрономо-геодезического общества (ВАГО), и действовала вплоть до смерти своего председателя в 1945 г. (только в 1954 г. комиссия возобновила свое существование в качестве научного пункта по метеоритике в Сибири при Омском отделе Географического общества)[65].

В. В. Берников написал на смерть Драверта, бывшего своего сибаковского учителя, стихотворение «Незабываемому другу». В нем есть такие строки: «С тобой обращали мы взоры На небо, где звездная лира, Туда, где пути метеоров Чертили историю мира»[66]. Вообще, что касается метеоритики, то в этой науке Драверт считался одним из крупнейших специалистов страны. Один из сборников статей, изданных Комитетом по метеоритам АН СССР, был посвящен памяти создателей советской метеоритики В. И. Вернадского, А. Е. Ферсмана, Л. А. Кулика и П. Л. Драверта[67].

П. Л. Драверт был признанным авторитетом в отечественной минералогии и отчасти геологии. Любителем минералогии, как указывал ученый в письме М. К. Азадовскому, был еще его отец сенатор Л. С. Драверт, состоявший действительным членом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ)[68]. Надо полагать, он сумел передать сыну эту свою страсть так, что камни стали для П. Л. Драверта не просто объектом исследования и собирательства, а чем-то гораздо большим. «Минералы... – писал в свое время С. Р. Лаптев, – это его наполненная, одухотворенная жизнь, это своеобразная любовь к природе... Полстолетья напряженных исканий, безраздельной и упрямой любви к камню, самоцвету, к куску простого кварца или обломку нефрита... – явление исключительное»[69].

Понятно, что в изучении Среднего Прииртышья, Северного Казахстана и других территорий вопросы из этих областей знания были для ученого приоритетными. На протяжении 1920-х гг. П. Л. Драверту удалось добиться в краеведческих геолого-минералогических изысканиях и метеоритике (также в краеведческом ее преломлении) весьма существенных результатов. Достаточно указать на его определитель важнейших минералов Сибири, опубликованный в «Трудах ЗСОРГО» в 1922 г.[70], а также целый ряд статей в «Мироведении», «Сибиреведении», «Сибирских огнях», «Сибирской природе», «Ученых трудах Сибирского ветеринарного института», «Трудах Сибирской сельскохозяйственной академии», «Известиях ЗСОРГО» и других изданиях.

Среди них можно отметить ряд достаточно крупных публикаций по вопросам минералогии кайнозойских отложений Обь-Иртышского бассейна, по проблемам геологического познания правобережья Иртыша (в т. ч. в окрестностях Омска), а также статьи о необходимости развертывания на территории края наблюдений над метеоритами и болидами, в частности об утреннем болиде, наблюдавшемся в Тарском округе 1 марта 1929 г. (т. н. «тарский болид») и т. д.[71] В 1931 г. Омским бюро ОИС была издана брошюра П. Л. Драверта «Фосфориты в Омско-Тарском Прииртышье»[72]. Большое количество дравертовских научно-краеведческих публикаций было посвящено вопросам геологии, минералогии и сейсмографии соседнего с Омским Прииртышьем Северного Казахстана[73].

Будучи профессиональным минералогом, геологом и метеоритоведом, П. Л. Драверт, как это свойственно было многим ученым и практически всем краеведам, обладал научными интересами в весьма широком, далеко выходившим за рамки его профессиональных занятий диапазоне. Еще в годы якутской ссылки он изучил не только минеральные богатства Якутской области, но и собрал разнообразные материалы по ее географии, этнографии и даже истории местного театра. Совершая свои многочисленные экспедиции и экскурсии по Прииртышью (к путешествиям с научными целями П. Л. Драверт пристрастился опять-таки еще в течение якутского и томского периодов своей жизни), ученый-краевед не проходил мимо, скажем, интересных ботанических объектов. В начале 1920-х гг. он продолжил начатые еще в Казани (1917 г.) исследования питательных свойств корневищ сусака в связи с перспективами использования этого растения для производства суррогата муки, а в 1925 г. сообщил о феномене чернокорых берез[74]. Интересовали исследователя и вопросы сибирской истории, в том числе и истории сибирского краеведения[75].

Однако пальма первенства среди любительских занятий Драверта принадлежала, на наш взгляд, археологии. Причем в этой области ему удалось сделать несколько открытий, вошедших в историю сибирской и, в частности, омской археологии. К примеру, в ходе полевого сезона 1923 г. профессор не только изучал им же обнаруженное месторождение лигнита в окрестностях с. Екатерининское Тарского уезда, но и «найденную им (видимо, ранее. – *А. Р.*) на левом берегу Иртыша, близ г. Омска, донную стоянку и собрал здесь большую коллекцию фрагментов глиняной посуды «чудского» типа, каменных орудий и костей»[76]. Речь, судя по всему, шла о знаменитой Омской стоянке, честь открытия которой принадлежит на самом деле омскому врачу, собирателю древностей и археологу-любителю С. А. Ковлеру

(1918 г.)[77]. Но хотя П. Л. Драверт и не был первооткрывателем этого памятника, он достаточно часто посещал его, передавая собранный подъемный материал в сибаковский геологический кабинет и в краевой музей. Драверт демонстрировал свои находки А. В. Луначарскому при посещении последним Омска в мае 1923 г., познакомил с ними крупнейшего знатока каменного века Сибири ученого секретаря ОИС Н. К. Ауэрбаха.

П. Л. Драверт открыл стоянку-поселение Лежанка на правобережье Иртыша к северу от Омска и выступил на одном из заседаний ЗСОРГО с докладом «Об остяцкой стоянке близ с. Лежанка Бородинского округа», притом не ошибся в определении этнической принадлежности памятника[78]. На территории Бармашинской лесной дачи (Кокчетавский округ) им было найдено древнее погребение и сообщено об этом на заседании памятнико-охранительной комиссии ЗСОРГО[79]. Во время посещения оз. Джасыбай в окрестностях Баян-Аула профессор Драверт обнаружил грот с древними наскальными рисунками и в 1930 г. опубликовал в «Известиях ЗСОРГО» результаты своих наблюдений[80]. По мнению омского археолога Б. А. Коникова, содержание этой публикации «характеризует автора как пытливого, вдумчивого и аккуратного исследователя»[81].

Интересно, что Дравертом была открыта и древняя стоянка вблизи этого грота, которую он определил как андроновскую, но «соотнести писаницу в гроте и озерную стоянку отказался, сославшись на свой любительский статус в области археологии». Любительство, если понимать под ним антипод профессионализма, проявилось и в выступлениях П. Л. Драверта в прениях по докладам, прозвучавшим на I Сибирском краевом научно-исследовательском съезде в 1926 г. (сам Драверт сделал доклад «О необходимости наблюдений над метеоритами», а в прениях выступал по археологическим вопросам)[82].

Тем не менее сибирскими археологами признается, что П. Л. Драверт вполне может быть отнесен к той когорте краеведов, чья деятельность создавала необходимые условия для успешного продвижения научных исследований в области древнейшей истории края. С одной стороны, нельзя не признать важность некоторых его находок, наблюдений и выводов (например, о роли шпатового железняка или сидерита в культуре древних насельников Прииртышья), а с другой – очевидно существенное прикладное значение для местной археологии ряда «профильных» работ краеведа. Б. А. Коников справедливо замечает, что «для археологов остаются и по сей день значимыми работы Драверта, посвященные пет-

рографии и минералогии... Геологические и минералогические работы ученого еще долго будут служить справочным материалом для археологов»[83].

Наряду с археологическими, увлекали Драверта и палеонтологические изыскания. Еще в 1909 г. он напечатал свою «совершенно фантастическую историю» – «Повесть о мамонте и ледниковом человеке». В центре сюжета этого неоконченного произведения – находка останков мамонта, а затем и древнего человека на берегу якутской речки Абагы-юрях[84]. В своей практической деятельности ученый также не был равнодушен к находкам костей представителей ископаемой фауны. Так, во второй половине 1920-х гг. профессор проделал большую работу по монтажу скелета мамонта, по сей день являющегося одним из интереснейших экспонатов Омского историко-краеведческого музея[85]. Костные остатки вымершего животного были обнаружены на берегу р. Оши в Знаменском районе Тарского уезда в 1924 г. и первоначально доставлены в геологический музей Сибаки, организованный и руководимый профессором Дравертом.

Показательно, что пристрастие ученого-краеведа к древностям, в частности палеонтологическим, послужило основанием для весьма своеобразной критики в его адрес. С. Р. Лаптев в своих «Воспоминаниях о П. Л. Драверте» упоминает, что известная отчужденность ученого от практической жизни послужила причиной появления повести Михаила Никитина «Безрогий носорог», напечатанной в последнем номере «Сибирских огней» за 1931 г.[86] «В персонаже этого рассказа профессоре Кроте, – писал мемуарист, – нетрудно узнать многие черты П. Л., правда, в гротескной форме»[87]. Действительно, никитинский Петр Карлович Крот, «ученый поэт», был буквально «списан» с Драверта. Будучи оторванным от жизни и стремясь заниматься в науке совсем не тем, чем нужно, профессор раскапывал найденный им на берегу Иртыша скелет безрогого носорога – индрикотерия, тогда как строившая социализм страна нуждалась в хлебе, металле и т. д.

Волею писателя, находившего своего героя живым ископаемым, профессор Крот за свой палеонтологический доклад был подвергнут резкой критике на заседании Общества изучения Сибири и ее производительных сил, от него отвернулись коллеги, ученики и даже само «время его покинуло». Нетрудно заметить, насколько эти ноты созвучны распространенным в конце 1920 – начале 1930-х гг. обвинениям краеведов в «гробокопательстве». Интересно, что и само ОИС, в повести как бы отмежевавшееся от склонностей одного из своих членов, все же, как мы знаем, было объявлено «обществом по изучению купеческих мо-

гил» и к моменту выхода в свет «Безрогого носорога» уже прекратило свое существование.

Выше говорилось, что в связи с «делом ОИС» и фактическим разгромом ЗСОРГО П. Л. Драверт был арестован в марте 1931 г. и несколько месяцев провел в новосибирской тюрьме. Ученому было предъявлено обвинение в тесных связях с контрреволюционными элементами из среды интеллигенции и ведении в период с 1920 по 1930 г. контрреволюционной агитации, направленной на срыв мероприятий Советской власти[88]. Вряд ли могло быть иначе, если учесть, что на протяжении всех 1920-х гг. он являлся одним из наиболее заметных и активных деятелей омского, сибирского и даже российского краеведения. Достаточно вспомнить, что с сентября 1921 г. Драверт состоял действительным членом Общества по изучению местного края при Музее Тобольского Севера (в 1920 г. он принимал деятельное участие в подготовительных работах по созданию Общества), а в декабре того же года на проходившей в Москве Всероссийской конференции научных обществ и учреждений по изучению местного края был «избран действительным членом Центрального бюро краеведения при Российской Академии наук».

В нашем распоряжении имеется документ (присланная П. Л. на сибаковский адрес повестка дня 4-й сессии ЦБК), из которого явствует, что на последние числа марта 1923 г. был намечен доклад Драверта «О состоянии краеведной работы и о потребностях организованной планомерной работы» в Сибири. На наш взгляд показательно, что доклад сибирского краеведа стоял в одном ряду с выступлениями таких корифеев, как С. Ф. Ольденбург, Д. О. Святский, И. М. Гревс и А. Е. Ферсман.

Действительным членом ЗСОРГО «интеллигентный пролетарий» (так ученый обозначил свое социальное положение в собственноручно заполненной анкете[89]) стал тогда же, в декабре 1921 г., но уже вскоре возглавил Отдел (в 1922–1923 гг.), в декабре 1923 г. представлял его на 2-й Всесоюзной конференции по краеведению в Москве, а в январе 1928 г. удостоился чести быть избранным почетным членом этой научно-краеведческой организации[90]. П. Л. Драверт, так же как В. Ф. Семенов и некоторые другие, входил в число членов Семипалатинского подотдела ЗСОРГО (в 1924 г. этот подотдел стал самостоятельным отделом РГО), одно время редактировал «Известия» Отдела, входил в состав редакционной коллегии журнала «Сибирская природа» и в бюро по изданию Сибирской Советской энциклопедии, был одним из редакторов и авторов этого издания[91], членом Совета ОИС и председателем Омского бюро этого общества, делегатом краевого научно-исследовательского

съезда. Кроме того, Драверт был ярким пропагандистом «краеведных» знаний, часто выступал с лекциями-беседами перед интересующимися краеведческими вопросами широкими массами, оказывал методическую помощь начинающим краеведам[92].

Не исключено, что определенную роль сыграло и то обстоятельство, что ученый уже «привлекался» ранее по делу эсеровской группировки в Омске[93]. П. Л. Драверту вообще периодически напоминали о «грехах» его революционной юности. Даже в юбилейном материале, опубликованном в «Сибирских огнях» в конце 1933 г. по случаю 30-летия научной и литературной деятельности Петра Людовиковича, указывалось, что Драверт, «будучи в молодости идеалистом... при установлении диктатуры пролетариата воспринял эту диктатуру не так, как следовало бы ученому-естествоиспытателю, т. к. он стоял на точке зрения мелкобуржуазной интеллигенции»[94]. (Показательно, что автор этих строк С. И. Кочнев, сам бывший меньшевик, всего через год, как уже отмечалось выше, будет обвинен в меньшевистском уклоне деятельности руководимого им Омского краеведческого музея). Впрочем, что касалось мелкобуржуазных настроений молодости и негативного отношения к захвату власти большевиками, то и сам П. Л. Драверт этого никогда не скрывал и, в частности, на одном из допросов в 1931 г. показал, что «к большевистскому движению относился отрицательно и октябрьский переворот принял с большой тревогой за судьбы России.» Имели место очные ставки с В. Ф. Семеновым и Ф. В. Мелехиным, оба они, равно как и А. С. Сливко, выступили (были вынуждены выступить) с обвинениями в адрес Драверта, которые он отверг как «частично неправильные, а частично ложные»[95].

Следователям полномочного представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю удалось установить, что профессор Драверт был одним из деятельнейших членов ЗСОРГО и ОИС, активно сотрудничал с Краевым музеем, плодотворно занимался научными изысканиями и преподаванием, т. е. «проводил вредительство» во всех этих качествах и посредством всех этих занятий. Летом 1931 г. «дело ОИС» было отправлено на рассмотрение Особым совещанием коллегии ОГПУ, которое в октябре того же года вернуло его в Новосибирск, не увидев, вероятно, в этих материалах доказательств наличия вредительской организации. Поскольку арестованных краеведов можно было обвинить лишь в том, что они, старые специалисты, были склонны порой к антисоветским настроениям, многих из них пришлось освободить[96].

П. Л. Драверт вернулся в Омск и продолжил свои научно-краеведческие занятия так, как будто и не было этого вынужденного перерыва. Со свойственным ему энтузиазмом ученый включился в работу недавно возникшего Омского оргбюро краеведения, возглавил в нем секцию полезных ископаемых. Показательно, что вышедший в 1932 г. тиражом в 300 экземпляров номер «Бюллетеня Омского Бюро Краеведения (при ГорОНО)» представлял собой небольшую брошюру профессора П. Драверта «Природное известковое сырье в Омском Прииртышье»[97].

Минералогические, геологические и метеоритоведческие изыскания по-прежнему оставались основными направлениями научно-краеведческой деятельности ученого. С. Р. Лаптев в «Воспоминаниях о П. Л. Драверте» писал, что во второй половине 1930-х гг. в областном музее у краеведа «был свой уголок-комната... Здесь у него была лаборатория, мастерская и музей, здесь он проводил свои исследования... Его всегда можно было застать за столом у окна... На первый взгляд на нем царил хаос. Здесь были образцы минералов и горных пород, какие-то коробки, книги, маленький микроскоп, лупы, спиртовая лампочка, склянки с реактивами и много других вещей. Казалось, трудно было ориентироваться во всем этом. Но это первое впечатление было обманчиво... Если бы П. Л. закрыл глаза, то он ощупью, без ошибки нашел бы на своем столе то, что ему необходимо...

На наружной двери при входе в комнату висела дощечка с надписью "Минералогический кабинет". В этой комнате П. Л. принимал всех – и друзей, и знакомых, и тех, кто приходил к нему за советом или консультацией. У П. Л. были большие связи и знакомства. Каждый приезжавший в Омск ученый, исследователь, искавший материалы по Омску, Омской области, не говоря уже о геологах, считал своей обязанностью посетить П. Л., посоветоваться... представиться, познакомиться...

Редкий день проходил без того, чтобы у П. Л. не было посетителей. То у него можно было видеть юношу, которому П. Л., надвинув на лоб очки, с менторским видом что-то пояснял, то у него сидел мужичок в бараньем тулупе – гость из района, развертывал сверток и показывал какие-то камушки, то молодой геолог... то маститый ученый... В таких беседах... раскрывался весь внутренний мир П. Л. Исчезала его внешняя суровость и строгость, отпугивающая новичков... и вместо скупой, сдержанной речи собеседник получал огромное удовлетворение от живой и полезной беседы»[98].

Хотя цитируемый нами мемуарист и подчеркивал, что в минералогическом кабинете музея Драверт «проводил большую часть времени»: работал, встречался с

людьми и даже отдыхал, т. е. фактически жил там, все же Петра Людовиковича никак нельзя было причислить к так называемым кабинетным ученым. Одной из важнейших составляющих его научно-краеведческой деятельности была выездная поисковая работа.

В одном из писем И. С. Коровкину П. Л. Драверт, приглашая своего корреспондента в Омск («Вам, по-моему, прямо необходимо раз-два ежегодно бывать в большом городе. Судя по Вашим письмам, Ваша душевная конституция не мирится с психологией рядового сельского обывателя, во многом еще грубого и малокультурного. Надо освежаться, видеть новых людей, приобретать новые знания, иначе можно заплесневеть в глуши, погубив свои способности»), советовал: «...спишитесь заранее со мной относительно времени приезда, чтобы наверное застать меня в городе (могу уехать на некоторый срок в какую-нибудь экскурсию)». Тогда же, в январе 1942 г., Драверт обещал Коровкину не только показать свои книги и собрание экслибрисов, но и побывать с ним в окрестностях Омска[99].

Когда выше мы говорили о деятельности Омского ОБК и о развитии юннатского движения в крае, имя профессора Драверта упоминалось неоднократно. Судя по воспоминаниям С. Р. Лаптева, П. Л. Драверт «организовал кружок юных минералогов первоначально у себя в кабинете (музейном. – *А. Р.*), а в дальнейшем – на станции юных натуралистов.» Этот кружок был достаточно многочисленным, «молодежь с большим интересом работала» там. В летнее время П. Л. Драверт вместе с группой кружковцев совершал краеведческие экскурсии, главным образом, по правому берегу Иртыша.

Одна из таких дравертовских экскурсий в районе Лежанки особо запомнилась Лаптеву: «Там имелся громадный оползень, образовавшийся более полусотни лет тому назад... У подножия коренного берега образовались два небольших, плотинного типа озерка со своеобразной флорой и фауной. Этот уголок был исключительно живописен и как-то театрально фантастичен. Одно из этих озер было названо юными натуралистами озером Драверта, а другое – озером Астаповича... друга П. Л., приехавшего от Метеоритной комиссии АН СССР...

П. Л., уже не первой молодости, но молодой душой, со своим геологическим молотком на длинной рукоятке, заменявшим ему и альпеншток, и метр, и трость, легко перепрыгивал через свалившиеся глыбы, залезал во все щели и расщелины, а десяток таких же юных энтузиастов с шумом и задором атаковывали огромный цирк, кручу высокого берега в поисках нового и интересного. Здесь все привлекало их внимание: ...и кристаллы гипса, и железистые конкреции в виде правильных

шаров, и отпечатки растений на песчанике, и дендриты марганца... Все эти находки быстро доставлялись П. Л., а он, вооруженный лупой и окруженный ребятами, оживленный, с блестящими глазами, давал пояснения, читал целые лекции»[100].

Экспедиционные поездки были непременным условием плодотворной работы П. Л. Драверта и как метеоритоведа. Он часто посещал места предполагаемых падений метеоритов, совершил поездку в Тобольск, где, работая с архивными документами, собрал сведения об «исторических» сибирских метеоритах, а заодно и о находках полезных ископаемых, что позволило ему составить внушительную картотеку-каталог[101].

Известно, что ученый-краевед не раз выезжал в Боровое и в течение ряда летних сезонов даже проживал там. В предвоенные годы он принимал деятельнейшее участие в работе организованного в Боровом одноименного государственного заповедника, являясь одно время его «главным научным руководителем». С. Р. Лаптев отмечал, что, благодаря П. Л. Драверту «охрана заповедника была значительно улучшена, налажена научно – собирательская работа и организован музей...[102] В дальнейшем, в результате смены руководства заповедником, условия научной работы ухудшились. П. Л. неоднократно выражал возмущение действиями нового директора и, в конце концов, отказался от работы в заповеднике»[103].

Результаты активной и целеустремленной работы П. Л. Драверта, как экспедиционной, так и домашней, кабинетной, нашли свое отражение в многочисленных опубликованных в 1930-х гг. трудах ученого по минералогии, геологии, метеоритике и другим отраслям природоведческого знания. Краевед писал о полезных ископаемых Омско-Тарского края (в частности, о Прииртышском буроугольном бассейне, об обнаруженных им в осадочных породах ванадии и никеле, о драгоценных и цветных камнях в Омской области[104]), о метеоритах (Тобольском 1684 г., Тюменском 1903 г., Ишимском, Черлакском), об электронных болидах и ощущении лучистой теплоты при их полете, о космических облаках и даже о колодце с сернистой водой близ станции Колония, биологическом методе борьбы с малярийным комаром и озерных моллюсках. Основная масса этих работ – не очень большие по объему статьи, напечатанные в «Мироведении», «Природе», «Метеоритике», «Сибирских огнях», а также в местных периодических изданиях – журналах «Омская область» и «Народное хозяйство Омской области», областной газете.

Последний период жизни и творчества краеведа совпал с Великой Отечественной войной и был не менее а, наверное, даже более насыщенным, чем предыдущие.

В это время П. Л. Драверт был избран председателем бюро геологической секции Омского ОРНАЛИС, руководил поисками ископаемых сырьевых ресурсов в Прииртышье, консультировал инженеров московского метрополитена и специалистов Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук[105].

Летом 1942 г. краевед совершил научную поездку вниз по Иртышу. Как начальник геологической бригады он был командирован облисполкомом на поиски известкового сырья, столь необходимого тогда омским строителям. Война нарушила централизованное обеспечение регионов стройматериалами, нужда же в последних резко возросла, поскольку возрос объем строительных работ в Омске и области в связи с приемом эвакуированных предприятий, учреждений и населения. Нуждалась в минеральном сырье и бурно развивавшаяся в военные годы омская промышленность.

К задаче поисков местных источников сырья ученый отнесся со свойственным ему энтузиазмом. Еще в декабре 1941 г. в «Омской правде» был напечатан его материал о местном минеральном сырье [106]. Естественно, не отказался он и от упомянутой выше командировки, хотя в то же самое время его приглашали на отдых в Усть-Ишимский район и ждали на одной из опытных лесных станций Алтайского края, обещая приличный гонорар за консультации и хорошее бытовое обслуживание [107]. Как это не раз случалось и прежде, предпочтение было отдано не отдыху и комфорту, а экспедиционным трудностям.

Впрочем, трудностей хватало не только в экспедициях. Ученый много и напряженно работал. «А я все занят, занят, занят...» – сказал он И. С. Коровкину, встретившись с ним в библиотеке краеведческого музея в августе 1942 г.[108] В письме тому же Коровкину Драверт констатировал: «Много работы, и очень устаю... Дважды пришлось выезжать в район для обследования месторождений... Немало всякой официальной писанины»; «У меня большая научная переписка, дела по астрономо-геодезическому обществу, метеоритной комиссии. Часто отрывают для различных консультаций, не говоря уже о работе по минералогии области» ("Минералы и полезные ископаемые Омской области", начата осенью 1941 г.); «Хочу засесть по вечерам за большую работу по ископаемым Омской области. Материалов за истекшие годы накопилось... немало, надо все пересмотреть, систематизировать и осветить с геохимической стороны. Это будет мой дар местной промышленности» [109].

И. С. Коровкин зафиксировал в свое время распорядок рабочего дня П. Л. Драверта в те годы: «Утром пишет или готовится к лекциям. Около обеда, в обед про-

сматривает газеты, к двум часам чаще всего идет куда-нибудь читать лекцию или проводить консультацию. С 4–5 или 6 часов до 8 часов пишет, с 8 обычно какое-нибудь заседание. Вечером пишет. Иногда же до 8 часов заседание астрономо-геодезического общества, а уже с 9 допоздна работает дома...»[110]

Нельзя забывать, что домом этим была маленькая комната, не отапливаемая и освещавшаяся коптилкой, сделанной из консервной банки, так, что ученый «едва ли не испортил зрение». Правда, в самом конце 1942 г. П. Л. Драверту, «благодаря доброму заступничеству обкома партии», подключили электроэнергию, однако лишения его на этом не закончились. Осенью следующего года он писал Коровкину: «Чертовски холодно, ибо остался на зиму без дров... Представить себе не могу, как выйти из этого собачьего положения». Надо полагать, получив это письмо, Иван Семенович решил похлопотать за своего корреспондента-наставника, что крайне возмутило последнего. «Уважаемый Иван Семенович! – писал ему Драверт 19 декабря 1943 г. – Ни Вас, ни кого-либо другого я никогда не просил ходатайствовать об улучшении моего быта... Своим вмешательством... Вы поставили меня в неловкое положение. Имейте ввиду, что даже добрые намерения, осуществляемые опрометчиво, превращаются в недоброе дело. Не трудитесь объясняться со мною по этому поводу, чтобы лишний раз я не испытывал ни стыда, ни горечи от Вашего поступка»[111] И в этом был весь Драверт!

В то тяжелое во всех отношениях время краеведу-исследователю удалось написать и опубликовать целый ряд работ о тех же метеоритах (Большереченском, Абатском, потоке леонид в Березове и т. д.), агрорудах (агрономических рудах) и других интересовавших его природных объектах и явлениях[112]. Отдельные труды были лишь подготовлены к печати, но публикация их в силу тех или иных причин не была осуществлена. Например, в издательском плане областного краеведческого музея на 1945 г. наряду с другими дравертовскими работами[113] значилась брошюра «Отбеливающие глины из окрестностей Омска».

Судя по всему, П. Л. Драверта, увлеченного поисками местного сырья, глины интересовали особенно. Надо полагать, И. С. Коровкин знал об этом и послал профессору образец глины из своих Меркутлов. В январе 1942 г. в письме от Драверта им была получена не столько благодарность, сколько довольно строгое назидание. Ученый писал: «За желание быть полезным – спасибо, но так в дальнейшем ни с кем не поступайте. Всякий природный объект, посылаемый в какое-либо учреждение или специалисту... должен снабжаться приложенным к нему ярлыком,

на котором, по меньшей мере, должно быть указано место происхождения данного объекта и фамилия лица, собравшего его или посылающего. Вот если Вы записываете в деревне какую-нибудь сказку, песню, предание... Вы обязательно указываете пункт, где Вы слушали это, лицо, которое сообщило Вам материал, и дату. Без соблюдения этого условия самая интересная... запись теряет всякую ценность для науки. Неужели это было Вам неизвестно?»[114]

Интересно, что в 1943 г. П. Л. Драверт написал для «Омского альманаха» рассказ «Глина», в котором, как указывал сам автор, «ничего выдуманного нет». («Из понятной скромности, – писал он, – я веду в нем речь от имени некоего "старого геолога", а умники из редакции требуют, чтобы я вел повествование от моего личного имени. Они-то могут ходить с мозгами набекрень, да мне этого не хочется»)[115].

С. Р. Лаптев также вспоминал, что в годы войны П. Л. Драверт занимался изучением глин и, в частности, рекомендовал использовать обнаруженные им у железнодорожного моста через Омь темно-коричневые флоридоновые глины как заменитель мыла. Этот проект, как и некоторые другие (месторождение фосфоритов, залежи трепеловидных суглинков), оказался, в конечном итоге, несостоятельным. По мнению Лаптева, эти неудачи объяснялись тем, что Драверт «не был геологом в прямом смысле этого слова. Всякая геологическая проблема его интересовала как минералога, и его практические предложения иногда геологически не были обоснованы...» Вот почему на официальных заседаниях в Облплане Петр Людовикович выступал осторожно, «ограничивался замечаниями научного, теоретического характера, не вдаваясь в практическую сторону вопроса» [116].

Оценки современных исследователей во многом созвучны мнению С. Р. Лаптева. Так, А. А. Кожухарь, характеризуя геологические исследования П. Л. Драверта в Западной Сибири, говорил, главным образом, о минералогических интересах краеведа. Интересен такой факт: анализируя в плане изучения местной сырьевой базы «большие массы ископаемых продуктов в виде бутового камня, известняка, мергеля, гипса, песка, глины», Драверт обращал внимание на то, что при поисках этих материалов могут открываться новые, ранее незамеченные виды минералов[117].

Однако всегда бывшие необычайно широкими и разнообразными исследовательские интересы краеведа и в эти военные годы отнюдь не ограничивались только геолого-минералогической сферой. Есть, в частности, сведения о том, что П. Л. Драверта занимали вопросы литературного краеведения. В мае 1944 г. он писал И. С. Коровкину: «На одном из наших "четвергов"[118] я предложил группкому

писателей предпринять коллективный труд – составление "Библиографического словаря писателей Омской области"... Собрание весьма сочувственно отнеслось к моему предложению и тут же избрало инициативную комиссию...

На днях состоялось заседание этой комиссии под моим председательством. Дело, видимо, пойдет... Надо выявить по возможности всех писателей, родившихся или живших и печатавшихся на территории Омской области в ее нынешних границах, начиная с "Иртыша, превращающегося в Ипокрену", т. е. с 1789 г. по сей день. Под писателями решили подразумевать беллетристов, поэтов, драматургов, литературоведов, критиков, библиографов, частично очеркистов»[119].

Работая в областном музее, краевед постоянно заботился о пополнении его фондов, причем не только естественно-научными коллекциями. А. Э. Лейфер в своей книге о Драверте приводит воспоминания С. И. Веремея, который, будучи на фронте, переписывался с профессором. «Он просил, – вспоминал Веремей, – даже настаивал, чтобы я и мои однополчане ... собирали экспонаты для Омского краеведческого музея... Нам, бывшим тогда на передовой, в самом пекле, признаться, казались немного странными эти настоятельные просьбы собирать "объемные экспонаты" (он требовал именно объемных, как наиболее ценных, более наглядных по сравнению с графическими)»[120].

Надо сказать, что с областным краеведческим музеем ученый был связан теснейшим образом вплоть до самой своей смерти. Музею П. Л. Драверт завещал свою библиотеку, ценнейший архив, коллекции и семейные реликвии, в частности, веер, подаренный деду Петра Людовиковича Натальей Ланской (Пушкиной)[121]. Символично, что траурная церемония прощания с выдающимся ученым-краеведом состоялась опять же в музее, в минералогическом кабинете, откуда друзья и ученики проводили его в последний земной путь[122].

Деятельность П. Л. Драверта, на наш взгляд, может в определенной мере служить доказательством того, что взятый в начале 1930-х гг. курс на свертывание краеведческого движения хотя и ощущался всеми без исключения краеведами, отнюдь не способствовал их трудам и т. д., все же далеко не полностью обескровил омское краеведение, вернее, его кадровый корпус.

Целый ряд краеведов, начавших свою деятельность в 1920-е гг. или еще раньше, и далее продолжали изучать родной край, участвуя тем самым в краеведческом движении 1930-х гг. и последующих десятилетий. Так, ***Иннокентий Николаевич Шухов (1894–1956)***, с одной стороны, входил в число наиболее заметных фигур

в омском краеведении 1930-х, 1940-х и первой половины 1950-х гг., а с другой – активно и плодотворно занимался краеведческими изысканиями еще в дореволюционный период и в годы «золотого десятилетия». Деятельность его может служить ярким образчиком развития местной краеведческой традиции, что вполне объясняет наш особенный интерес к биографии Шухова, в том числе к тем ее этапам, когда происходило становление его как ученого-краеведа.

И. Н. Шухов родился в Омске в старинной дворянской семье потомственных военных. Прадед его, Василий Максимович Шухов, участвовал в Отечественной войне 1812 г., командовал полком в «битве народов» под Лейпцигом. Кавалер российских и прусских орденов, он скончался в чине полковника вскоре после назначения его комендантом Бухтарминской крепости. Дед И. Н. Шухова Евмений Васильевич, талантливый рисовальщик, заведовал в Тобольске школой военных кантонистов и, выйдя в отставку, поселился в Омске. Отец Иннокентия капитан Н. Е. Шухов был увлеченным охотником и натуралистом, писал стихи, состоял действительным членом ЗСОИРГО, в 1889–1894 гг. заведовал музеем и библиотекой Отдела[123].

Само собой разумелось, что офицером станет и Иннокентий. Однако уже в ранней юности у ученика Сибирского кадетского корпуса стали проявляться устойчивые естественно-научные интересы. Понятно, что увлечения отца и двоюродного деда (А. А. Черкасов, автор «Записок охотника Восточной Сибири») немало способствовали весьма близкому знакомству юноши с природой родного края. В 1909 г. он начал практиковаться в музее ЗСОИРГО. Иннокентий увлекался не только зоологией и ботаникой, но и астрономией, переписывался с известным французским астрономом Камиллом Фламмарионом. В 1911 г. юный натуралист со своим экспонатом «Биологическая группа птиц окрестностей Омска» участвовал в первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке, продемонстрировав таким образом не только свои познания в орнитологии и охотничьи навыки (Шухов был членом Омского общества правильной охоты), но и знакомство со сложностями работы таксидермиста[124].

Еще раньше, в 1910 г., хранитель музея ЗСОИРГО А. Н. Седельников пригласил кадета Шухова в свою экспедицию на оз. Зайсан как раз в качестве препаратора. Получив это приглашение слишком поздно, начинающий исследователь пытался догнать экспедиционный отряд, убедился в невозможности этого и предпринял самостоятельную зоологическую экскурсию по Алтаю[125]. Однако куда более влекли

его тогда малоизученные, таинственные пространства сибирского Севера. Мечтая о странствиях в заполярных широтах, в 1911 г. Шухов вступил в переписку с Г. Я. Седовым и просил того взять его с собой в предстоявшее плавание. Несмотря на то, что именно этим планам не суждено было осуществиться, поездка Шухова на Север вскоре состоялась[126].

Летом 1911 г. 17-летний кадет, только что завершивший обучение в 6-м классе корпуса, обзаведясь оружием, фотопринадлежностями, провиантом и открытым листом ЗСОИРГО, отправился вниз по Иртышу и Оби до Обдорска (сейчас – Салехард) вместе со «спутником-помощником» Н. Мыльниковым[127]. Целью поездки, как писал Шухов, было «не без удовольствия пробраться в этот своеобразный край и познакомиться с природой и жизнью в этом забытом уголке России»[128]. По прибытии в Обдорск Шухов посетил тамошних начальствующих лиц, священника и доктора, познакомился с просветительской деятельностью миссионерского братства во имя Святителя Гурия Казанского и местными культурными инициативами. Юного путешественника интересовало буквально все, наглядное тому свидетельство – записи в его полевом дневнике[129].

В ходе экскурсий по обдорской тундре Шухов занимался гербаризацией скудной заполярной флоры, ловил и препарировал птиц, охотился за представителями местной энтомофауны. Юному естествоиспытателю удалось сделать и своеобразное открытие: он поймал двух небольших ящериц, опровергнув тем самым существовавшее тогда утверждение, что рептилии в тех местах не водятся. Большое внимание уделил Шухов изучению быта и нравов обдорских инородцев – зырян и остяков. Еще на пароходе он сделал в своем дневнике красочный рисунок с натуры женщины-зырянки в национальном костюме.

Путешествуя по тундре, Шухов посещал юрты остяков и даже гостил у остяцкого князька Тайшина («имя его настоящее Савва, а зовут его все Василий Иванович, он крещен»). Интересно описание этого визита: «Я достал фунт дешевых конфектов и хлеб, и остяки... стали без церемонии разбирать хлеб и конфекты, а я стал наблюдать... С князьком спорила какая-то остячка. Старуха била его по физиономии и таскала за косы, ругая русской отборной бранью. Конечно, все происшедшее явилось следствием пьянства, надо заметить, что остяки пьют все время, пока есть водка, а в данном случае ее было ведро».

На следующий день Шухов в сопровождении князька отправился фотографировать остяков («на пути попадались остяки, здоровались, говоря “узя, узя”,

и целовали нам руки. Фотографировать остяков было очень трудно, т. к. они боялись аппарата, и мне пришлось в виде поощрения давать медные кольца, которыми они были очень довольны»).[130] Наблюдая жизнь инородцев, юный путешественник констатировал, что их общение с русскими породило такие дурные качества, как пьянство, хитрость, склонность к обману, и пришел к выводу, что «инородцы страдают от русской культуры». «Все благие начинания правительства, – записал тогда юноша, – не дадут результата... если не встретят сочувствия даже в малой части русского населения...»[131]

Конкретным результатом этой поездки явились собранные для музея ЗСОИРГО коллекции: зоологическая (46 экземпляров, из них 41 – птицы), ботаническая (5 кустов полярной березы и гербарий на 20 листах), этнографическая (3 остяцких идола, 2 ружья, шаманские бубен и сабля, образцы оленьей упряжи, одежды, детских игрушек и т. д.), археологическая (2 остяцких черепа, древние ножи и наконечники стрел, «украшения из олова и бус» и проч.), палеонтологическая (2 мамонтовых зуба). Кроме того, Шуховым были сделаны 20 фотоснимков, составлен по известной программе Н. М. Ядринцева отчет о быте и нравах обдорских остяков и опубликовано несколько заметок в периодической печати[132]. Показательно, что многие уникальные предметы из произведенных молодым исследователем в 1911–1914 гг. сборов по сей день украшают этнографическое собрание Омского историко-краеведческого музея, а его археологические находки, за годы хранения в музейных фондах частично рассеянные и, к сожалению, утраченные и сейчас вызывают живой интерес омских археологов[133].

3 ноября 1911 г. И. Шухов прочел реферат о своей поездке перед кадетами и преподавателями в библиотеке кадетского корпуса и удостоился благодарности директора, а 20 марта 1912 г. на заседании ЗСОИРГО, проходившем под председательством полковника Н. Д. Павлова, им, как сообщала одна омская газета, «был бойко прочитан небольшой, довольно гладко отделанный доклад... В течение приблизительно получаса юный докладчик успел коснуться... исторического прошлого Обдорского края, его географического положения, климата, флоры, фауны, экономической торговли, духовной, религиозной, колонизационной и бытовой жизни края, а также его промыслов, административного устройства и т. д. и т. п. ... Доклад дважды покрывался аплодисментами...» «Маленького Пржевальского» «все благодарили» и избрали по предложению Н. Д. Павлова членом-сотрудником Отдела[134].

В декабре 1911 – январе 1912 гг. юный исследователь собирал этнографические материалы в с. Кисляковском Тюкалинского у. Тобольской губ., изучал быт русского старожильческого населения[135]. Летом же 1912 г. И. Шухов отправился в новое полярное путешествие для сбора орнитологических и этнографических коллекций и фотографирования типов инородцев-остяков, самоедов, зырян, населявших водную систему Оби до рыбацкого поселка Хэ. Тобольский «Сибирский листок» в номере от 22 июля 1912 г. писал о приключениях путешественника и результатах его экскурсии: «В Тобольске в настоящее время находится проездом интересный юноша-любитель естествознания, только что окончивший Омский кадетский корпус И. Н. Шухов... Молодой экскурсант вывез с собой 100 фотографических снимков, 74 шкурки разных птиц, 52 экземпляра разных растений тундры. Его поразило пьянство, царящее в этом крае, и отсутствие медицинской помощи...» В этом же номере газеты за подписью «Экскурсант» была помещена и заметка самого Шухова «Петров день в низовьях Оби (из скитаний по Тобольскому Северу)»[136].

Осенью того же года И.Н. Шухов уехал в Киев для поступления в военное училище. Здесь он познакомился с профессором-орнитологом В. М. Артоболевским, оказавшим сильное влияние на выбор молодым человеком своего жизненного пути. Успевший стать членом-сотрудником Киевского орнитологического общества им. профессора Кесслера Шухов поступил в результате не в юнкера, а в студенты естественно-исторического отделения Петербургского психо-неврологического института. Начинающий студент решил таким образом посвятить себя изучению охотничьего промысла и биологии промысловых животных и стал практиковаться в зоологическом музее Академии наук под руководством профессора В. Л. Бианки[137].

Летом 1913 г. состоялось третье северное путешествие Шухова, на этот раз – в долину р. Щучьей, по маршруту экспедиции, предпринятой в 1876 г. немецкими натуралистами А. Бремом и О. Финшем. Этот маршрут был пройден Шуховым почти полностью, лишь 80 верст отделяло путешественника от истоков реки, достичь которых ему не удалось из-за отсутствия проводников. На протяжении всего путешествия молодой естествоиспытатель вел метеорологические наблюдения, делал промеры речных глубин, наносил на карту речки, новые острова и зимовья, производил маршрутную съемку отдельных участков местности по направлению от правого берега реки к отрогам Уральского хребта. На Щучьей Шуховым были обнаружены сооруженные рыбопромышленниками запоры, что побудило его выступить в печати против хищнического истребления рыбы[138].

Если А. Брем и О. Финш из 6 месяцев своего пребывания в Сибири затратили на коллектирование не более 16 дней, то И. Шухов показал себя воистину азартным и неутомимым коллектором. Особое внимание уделял натуралист добыче, препарированию и консервации экземпляров для зоологической коллекции. Последнюю составили 200 взрослых особей птиц (около 80 видов), 5 птенцов, 37 яиц, 3 гнезда, 22 особи млекопитающих (около 10 видов), 1 амфибия, 29 рыб, 153 насекомых и 6 паразитов птиц. Кроме того, путешественник собрал гербарий на 125 листах и небольшую геологическую коллекцию (20 образцов из каменных осыпей). Судя по всему, в ходе экспедиции Шухов производил и археологические раскопки. Им были найдены 3 самоедских черепа, 2 старинные сабли, 2 ножа, 2 украшения из бронзы, 2 бронзовых кольца и 27 фрагментов древней керамики.

Что же касалось составления этнографической коллекции, то здесь молодого исследователя «затруднения преследовали очень часто». «О трудности приобретения предметов культа инородцев, – писал Шухов, – говорить даже не приходится – это вещи непродажные и не имеют цены, а получить их можно только после всякого рода уловок и ухищрений». Тем не менее ему удалось раздобыть не только интересные образцы одежды, обуви и украшений самоедов и остяков, но и культовые предметы: четырех идолов и деревянную птицу. Все собранные путешественником коллекции предназначались музеям Академии наук, прежде всего Зоологическому, а также Тобольскому музею и музею ЗСОИРГО[139]. 11 декабря 1913 г. в конференц-зале Петербургской консерватории Русское общество любителей мироведения на общем собрании заслушало доклад И.Н. Шухова об этой поездке и избрало его своим действительным членом[140].

В феврале 1914 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (студент Шухов занимался и в этом музее у профессора Л. Я. Штернберга) поручил молодому путешественнику провести исследования на р. Таз с последующим выходом на Енисей. Экспедиция, отправлявшаяся по маршруту «Петербург – Омск – Тобольск – Обдорск – Обско-Тазовская губа – Мангазея – Туруханск – Енисейск – Красноярск – Петербург», была снабжена ценными инструкциями известного мореплавателя Ю. М. Шокальского. В ходе этого путешествия И. Н. Шуховым были впервые составлены карты р. Таз и Тазовско-Енисейского водораздела, собрана ценная этнографическая коллекция из 171 предмета (атрибуты «Медвежьего праздника», шаманские бубны, предметы быта и произведения декоративно-прикладного искусства казымских остяков и других северных народов). В целом же в течение

1913–1915 и 1925–1927 гг. в Музей антропологии и этнографии от него поступило 10 интереснейших коллекций.

«В устье р. Таза, на фактории Плотниковых... я встретился с Н. П. Панаевым, – вспоминал впоследствии Иннокентий Николаевич, – Это был последний из могикан, известный во всем Лукоморье переводчик. Панаеву в это время было около 60 лет. Несмотря на свои годы, он выглядел бодро, жизнерадостно... За чаем у костра на берегу р. Таза мы с ним беседовали часами... В 1876 г. ему минуло 17 лет... Он был участник экспедиции знаменитого естествоиспытателя Альфреда Брема».

Рассказ Панаева Шухов записал: «В Обдорск приплыли в лодке три немца... Вот и наняли они меня к себе толмачом... Все они были охотники. Один был по фамилии Брем, с большой черной бородой. Веселый такой, все зверушек разных ловил да птиц все стрелял. Другого звали Отто Финш. Этот все больше одних птиц стрелял... а шкурки ватой набивал и в ящик складывал. Только немой он был, своих понимал без слов, и они его понимали... Третий был граф (Цейль фон Траухбург)... Без бороды, только усы кверху... Он больше рекой занимался... да одежу, игрушки, шайтанов, посуду... менял у остяков на всякую всячину и за деньги покупал... Меня они сильно полюбили и звали с собой уехать в их страну. Да только я не согласился... Разве у них есть такой простор, такая рыба, такой зверь, такое солнце...»[141]

Как видим, молодой исследователь успешно занимался тем же и там же, что и его всемирно известные предшественники. Возвращаясь из этой экспедиции, Иннокентий Шухов встретился в Красноярске с другой знаменитостью – легендарным полярным исследователем Фритьофом Нансеном. Позднее, в 1920-е гг., он встречался также с П. К. Козловым, А. С. Грином, переписывался с В. К. Арсеньевым (в феврале 1929 г. Владимир Клавдиевич сообщал Шухову, что его «книжки "Зыряне Тарского округа" и "Охотн(ичий) пром(ысел) в Тарском округе"... получил своевременно», задержку с ответом объяснял большой перегруженностью работой после возвращения с Кавказа, обещал в следующем подробном письме поделиться сведениями о Дальнем Востоке, а также непременно прислать свою новую «книжку», как только («месяца через два») она выйдет из печати)[142].

В 1915 г., обобщив орнитологические данные, собранные в ходе всех четырех северных путешествий, И. Шухов опубликовал свой первый значительный научный труд – монографию «Птицы Обдорского края», на тот момент являвшуюся наиболее полным сводом знаний об орнитофауне этого региона. Профессор

В. М. Артоболевский отмечал, что, изучая животных в природе, натуралист пользовался вполне научным методом, быстро обрабатывал собранные материалы и «за короткое сравнительно время... опубликовал ряд ценных статей»[143].

В 1915 г. И. Н. Шухов окончил институт и, одновременно, двухгодичные медицинские курсы (еще раньше, в 1913 г., он обучался на оспопрививательных курсах). Молодой ученый полагал, что медицинские познания будут ему весьма полезны в ходе дальнейших экспедиций на Север. Однако вскоре он был призван в армию, окончил курс Владимирского военного училища, стрелковую школу и отправился в чине прапорщика субалтерн-офицером в 13-й Сибирский стрелковый батальон[144]. На фронте И. Н. Шухов командовал саперами (по другим данным был артиллеристом и даже проводил эксперименты по использованию ракет для переброски боевого заряда[145]). Интересно, что ученый-офицер не оставлял и своих прежних увлечений, например, собрал коллекцию птиц Виленской губ.[146].

В Омск демобилизованный штабс-капитан И. Н. Шухов вернулся в 1918 г. и стал сверхштатным ассистентом при кабинете зоологии сельскохозяйственного института (по одним данным он был ассистентом профессора Б. Н. Сварчевского, по другим – профессора В. Ч. Дорогостайского), подрабатывая при этом уроками зоологии в одной из частных гимназий и лекциями в Рабочем институте практических знаний. С приходом к власти белого правительства вновь мобилизованный штабс-капитан становится адъютантом инженерной роты, не оставляя работы в сельхозинституте и приступив также к преподаванию зоологии и экскурсионного дела в кадетском корпусе. В 1919 г. И. Н. Шухов стал действительным членом ЗСОРГО. Поздней осенью 1919 г. начальник конно-саперной команды Шухов покинул Омск и в составе колчаковских войск отступал до Красноярска. Имеются данные, что 2 февраля 1920 г. он был «арестован как колчаковский офицер и осужден Особым отделом на заключение в концлагерь до окончания Гражданской войны»[147].

Интересно, что в то же время и в том же качестве оказался в Красноярске уже называвшийся выше А. Л. Иозефер, тогда подпоручик инженерных войск. О нем известно, что после оставления «белыми» этого города он не мог сразу вернуться в Омск и вообще уехать куда-либо без особого распоряжения красноармейского коменданта[148]. Вполне возможно, что по той же причине и Шухов какое-то время просто вынужден был жить в Красноярске и, плодотворно работая, убеждать новую власть в полной своей лояльности.

Омск
Музей.
Проф. Драверт
№ 45.
От Моск. Отделения Центрального Бюро Краеведения Российской Академии Наук.

ПОВЕСТКА.
4-ой СЕССИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ при РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
/ 27-30 Марта 1923 года/.

1. Вступительное слово С.Ф.Ольденбурга.
2. Доклады о работе Петроградского и Московского Отделений Ц.Б.К. / Д.О.Святский и Н.А.Дорогутин/.
3. О состоянии краеведной работы в областях и о потребности организованной планомерной работы. /доклады представителей Украины, Белоруссии, Туркестана, Сибири, Урала, Кубани, Поволожья, Севера/. (Драверт)
4. О краеведческих об"единениях в провинции /Д.А.Золотарев/.
5. Итоги конференции по изучению ест.производительных сил России и поле.деятельности, открывающееся в связи с этим для краеведения /акад. А.Е.Ферсман/.
6. О направлении работ краеведных учреждений /С.Ф.Ольденбург и А.Е. Ферсман/.
7. Нормальный тип краеведных учреждений, их конструкция и взаимо-за отношения /В.В.Богданов/.
8. Связь краеведных учреждений с деятельностью школы /Ю.М.Соколов, [redacted].Яхонтов, И.М.Гревс/.
9. Состояние музейного дела в России и ближайшие переспективы в этой области /С.П.Григоров/.

...о, С.Н.Чернов/.
...участие в подготовке к ней краеведных
...ирования России /проф.Александров/.
...анов/и "Положение" о Бюро/Д.О.Святский/.
...и Бюро и об из-ве на местах./В.В.Богданов/.
...долженствующих остаться на государ-
...ов/.
...ю /Н.А.Дорогутин/.
...нтов Бюро /Д.О.Святский/.

Р. С. Ф. С. Р.
Н. К. П.
ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ.
17/IX 192 г.
№ 1070
ЛЕНИНГРАД.
Наб. 9 Января, 6, комн. 19.

ОМСК.
Загородная Роща.

БЕСПЛАТНО
на основании постан. Сов. Нар. Ком. от 26. XII. 1922 г. и Цирк. Экспед. ...

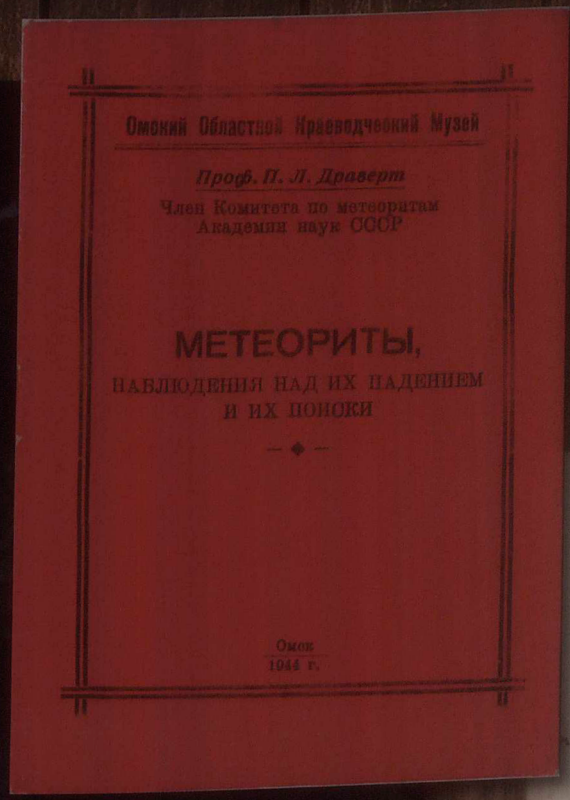
Ученое Бюро Сибирской Сельско-хозяйствен. Академии.
П. А. ДРАБЕРТ.

Р.С.Ф.С.Р. Народный Комиссариат по Просвещению. Центральное Бюро Краеведения

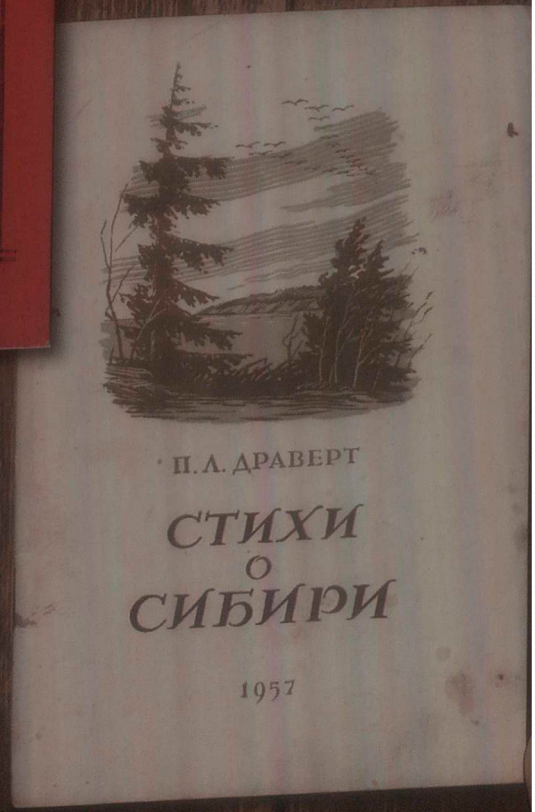
ЛЕНИНГРАД 2 17.9.25 2 23

П. Л. Драверт. Фрагмент переписки с ЦБК. 1923-1925 гг.

Б. А. Спорников. « Драверт». Холст, масло, 1967.
ОГОНБ им. А. С. Пушкина



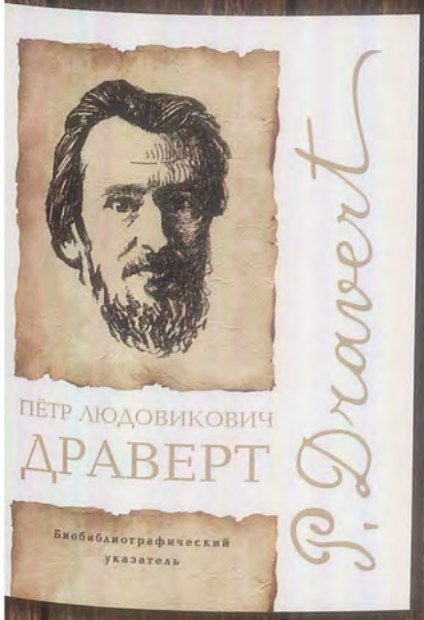
Брошюра П. Л. Драверта «Метеориты, наблюдения над их падением и их поиски» (Омск, 1944)



«Стихи о Сибири» П. Л. Драверта (Омск, 1956)

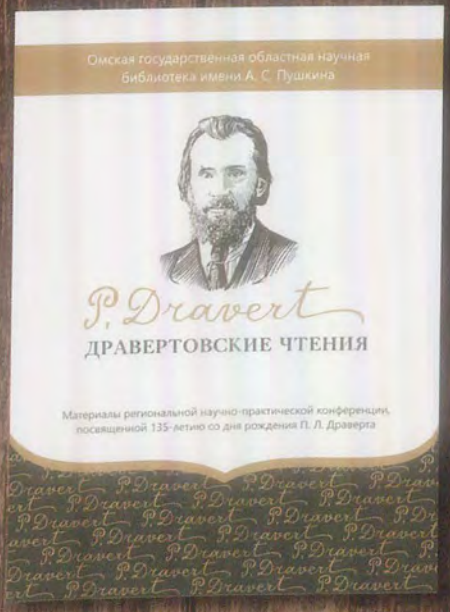
Омский государственный аграрный университет (СибАКА, ОмСХИ)

Мемориальная доска, установленная на главном корпусе ОмСХИ к 100-летию П. Л. Драверта



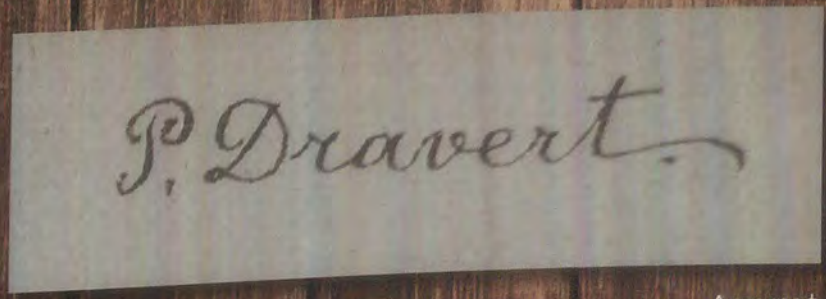
Биобиблиографический указатель «Петр Людовикович Драверт» (Омск, 2014)

Экслибрис П. Л. Драверта



Сборник материалов региональной научно-практической конференции «Дравертовские чтения» (Омск, 2014)

Путеводитель «Библиотека Петра Людовиковича Драверта» (Омск, 2014)



Автограф П. Л. Драверта

К АВИФАУНЕ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ОБСКОЙ ГУБЫ И ОСТРОВА ШОКАЛЬСКОГО

PROFESSEUR J. N. CHOUKOFF

A SUR L'AVIFAUNE DE LA PARTIE SEPTENTRIONAL DE LA BAIE DE L'OB ET L'ILE CHOKALSKY

Публикация И. Н. Шухова «К авифауне северной части Обской губы...» (Омск,1929)

Иннокентий Шухов. 1910-е гг.

ИЗВѢСТІЯ

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

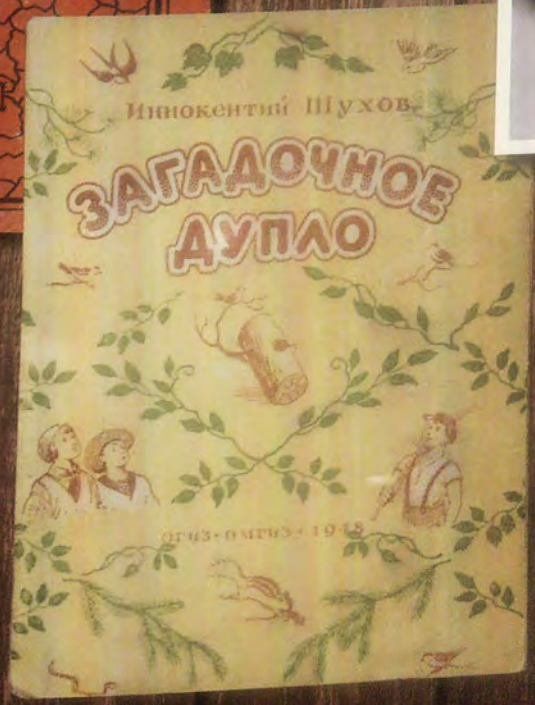
Томъ I. 1913 г. Вып. I.

СОДЕРЖАНІЕ:

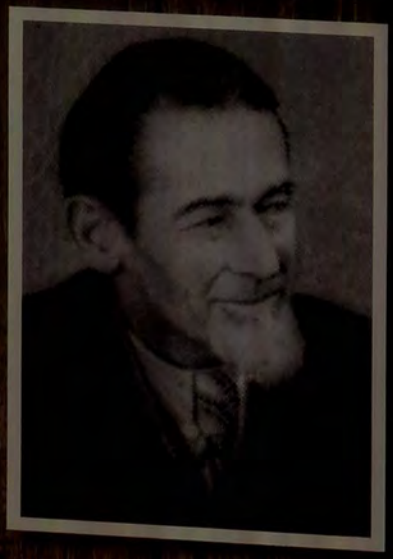
«Известия ЗСОИРГО» с «Весенними наблюдениями» И. Н. Шухова (Омск, 1911)

«Омский альманах», в котором были напечатаны «Картины старого Омска» И. Н. Шухова (Омск, 1945)

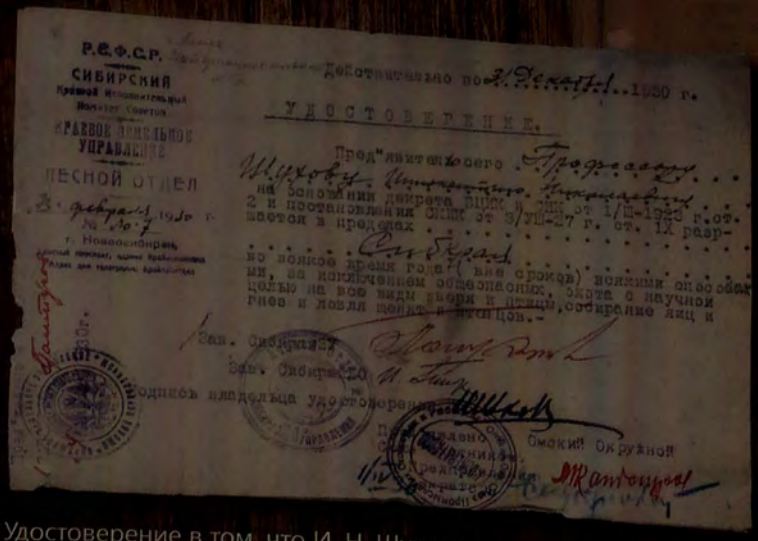
И. Н. Шухов со значками Общества друзей воздушного флота «Готов к ПВХО» и «Готов к санитарной обороне СССР». 1930-е гг. Из фондов ОГИКМ



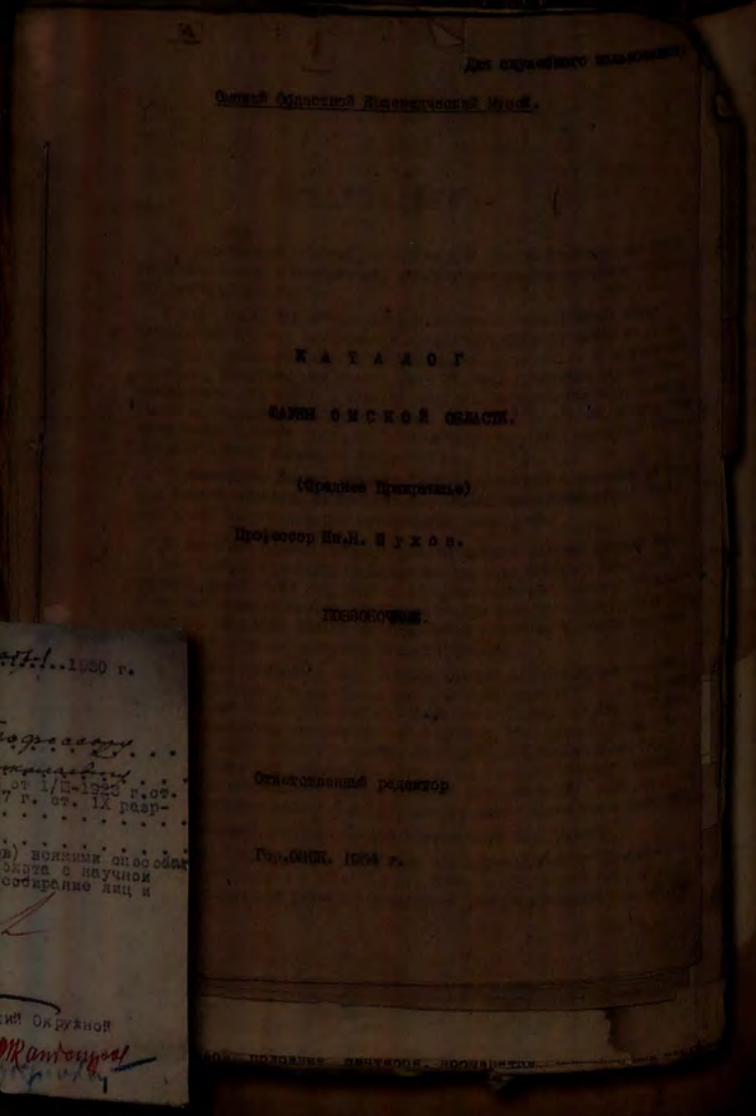
Рассказы для детей «Загадочное дупло» (Омск, 1948)



Иннокентий Николаевич Шухов



Удостоверение в том, что И. Н. Шухову в пределах Сибкрая разрешена охота на все виды зверя и птицы, всеми способами и во всякое время года, а также «собирание яиц и гнезд, ловля щенят и птенцов». 1930 г. Из фондов ОГИКМ



12.

Vanellus vanellus (L.)
широко распространен. Гнездится по болотам и берегам
ейер. Промыслового значения не имеет. Истребляет средне-
тодей с/хозяйства сорняковых, проволочного червя и др.

ТРЕЧЕТКА Chettusia gregaria (Pall.)
Типичная степная птица, гнездящаяся в южных районах
области. Местное название' торчак'. Полезна истреблением
вредителей.

ЗУБЧАТОКЛЮВЫЙ ЗУЙОК. Charadrius dubius curonicus (Gm.)
Гнездится по берегам рек, озер, болот.

ЗОЛОТИСТАЯ РЕЗВУШКА. Pluvialis dominica fulva (Gm.)
Редкий пролетный вид. Добыт в районе г. Омска.

ЧЕРНОЗОБИК ОБЫКНОВЕННЫЙ. Calidris alpina alpina (L.)
Пролетный куличок, встречается только осенью в долине
р.Иртыша.

КРАСНОЗОБИК. Calidris ferruginea (Br.)
Встречается только на осеннем пролете.

КУЛИЧЕК-ЗОРОВЕЙ Calidris ruficollis minutus (Leis.)
Самый мелкий из отряда куликов. Встречается на осеннем
пролете, стайками на отмелях р. Иртыша.

ВЕЛИКОХОЛОСТНЫЙ ПЕСОЧНИК. Calidris temminckii (Leis.)
Как и предыдущие виды куличков, встречается на пролете
в стайках с другими видами.

ТУРУХТАН. Philomachus pugnax (L.)
Пролетный кулик средней величины. Весной самцы появляются
к нам в брачном наряде, чрезвычайно разнообразной окраски
оперения, с разрошенной перьями на шее и зобу.

АЗИАТСКИЙ БЕКАСОВИДНЫЙ ВЕРЕТЕННИК. Macrorhamphus semipalatus (Gm.)
Крайне редкий вид. На гнездовьи был найден под гор.
Тарой в 1908 и 1935г.г.

ЩЕГОЛЬ. Tringa erythropus (Pall.)
Обыкновенен на пролете в долине р.Иртыша и устьях рек,
впадающих в него.

ТРАВНИК. Tringa totanus (L.)
Гнездится преимущественно по берегам горько-соленых озер.
К северу до железнодорожной магистрали.

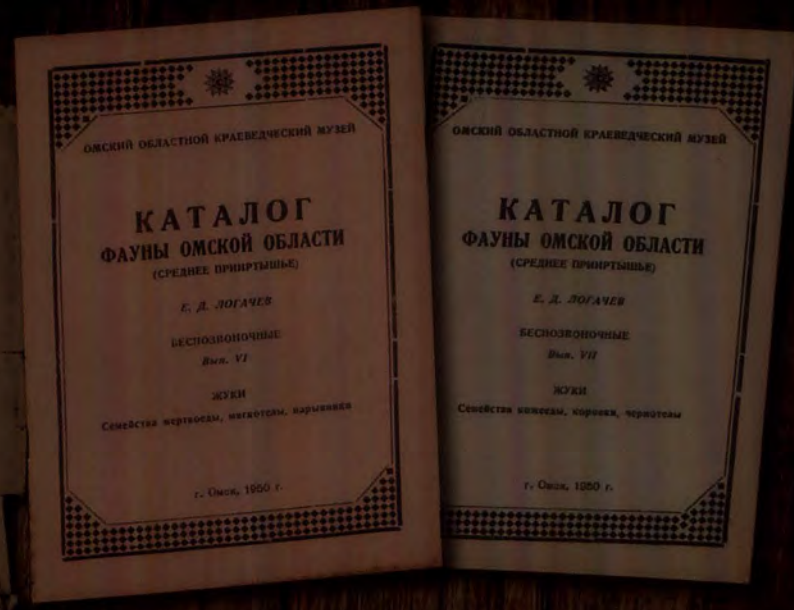
ПОРУЧЕЙНИК. Tringa totanus (L.)
Гнездится. Редко встречается. К северу до Сургатки. Случайно залетает до Тары.

БОЛЬШОЙ УДИТ. Tringa nebularia (Gm.)
Гнездится во всех зонах Среднего Прииртышья.

ЧЕРНЫЙ Tringa ochropus (L.)
Гнездится в хвое, в гнездах белок, ворон, сорок и даже
в дуплах. Перед гнездованием и после него появляется по
берегам водоемов.

ФИЙ Tringa glareola (L.)
Гнездится во всем Среднем Прииртышье. Обитает по травя-
нистым сырым лугам и берегам пойменных озер.

Составленный И. Н. Шуховым Каталог позвоночных животных Омской области. Авторизованная машинопись (Омск, 1954)



6-й и 7-й выпуски Каталога беспозвоночных (жуков) фауны Омской области, составленного Е. Д. Логачевым (Омск, 1950)

Фрагмент надгробия на могиле И. Н. Шухова на Старо-Северном кладбище г. Омска

Из библиотеки и архива Н. А. Плотникова

Н. А. Плотников за работой. 1930-е гг.

Глубокоуважаемому
Михаилу Сергеевичу Бодрову
от автора
29. XII 46.

Доцент **ПЛОТНИКОВ Н. А.**

Житняки Балхашско-Алакульской котловины, их внутривидовое разнообразие и условия обитания

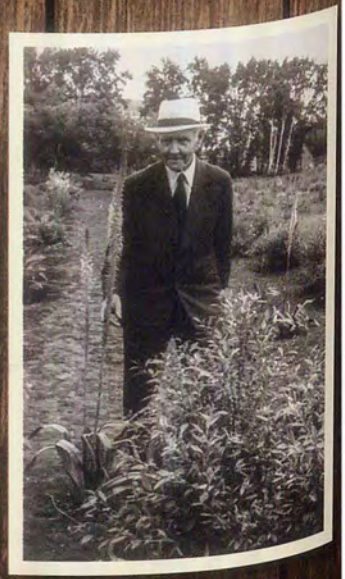
Работы по районированию кормовых трав (4, 10, 15) указывают на исключительную значимость житняков в зоне сухих степей и полупустынь. Житняковые виды (*Agropyrum cristatum P. B., Agropyrum pectiniforme R. et Sch., Agropyrum sibiricum P. B., Agropyrum desertorum R. et Sch.*), произрастая дико во многих районах южной Сибири и Казахстана, отличаются здесь большим внутривидовым разнообразием. Полиморфизм житняков изучен слабо, однако несомненно, что житняковые ресурсы засушливых районов могли бы дать немало ценных форм для сельскохозяйственного производства. Несколько слов о положительных и отрицательных качествах житняков. Житняки занимают одно из первых мест среди злаков по содержанию наиболее питательных веществ и хорошо поедаются всеми видами животных (15). „Житняки переносят самые злейшие засухи... В то время как все другие травы от засухи и высокой температуры выгорают, житняки остаются зелеными и приносят еще некоторый урожай. Наряду с резко выраженной засухоустойчивостью житняки выработали исключительную зимостойкость. Трудно найти такую зимостойкую траву, как житняк... Житняки нисколько не страдают от зимней стужи даже при малом снежном покрове, переносят они и гололедицу" (5).

Следует отметить также роль житняков как пластообразователей. При этом (в житняковой зоне) происходит энергичное вытеснение сорняков. „Житняк дает прекрасную скороспелую залежь, отлично восстанавливает структуру почвы, вытесняет все сорняки. Кроме того, отличается долговечностью, нетребовательностью" (8).

Недостатки—относительная грубость (касается, главным образом, житняков цикла *Agropyrum cristatum* и не может быть отнесен к формам вида *A. pectiniforme*) и малая урожайность травы по сравнению с другими кормовыми видами вне житняковой зоны. В последней житняки, особенно на юге ее, или в засушливые годы, нередко выходят по урожайности на первое место (4, 8, 10). Отсюда—изыскание в природе или получение мощных житняковых форм путем селекции составляет важную задачу житняковой проблемы.

Отдельный оттиск статьи Н. А. Плотникова с дарственной надписью. 1946 г. Из собрания А. М. Лосунова

Николай Алексеевич Плотников



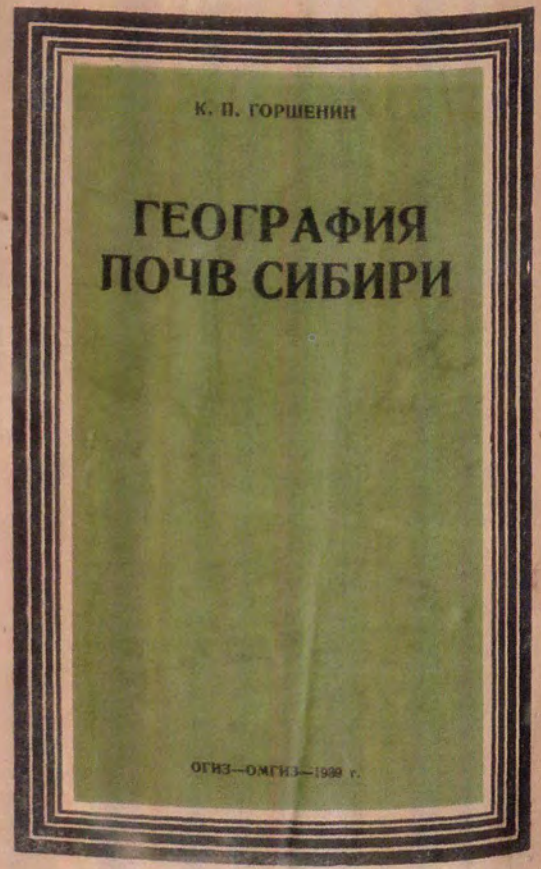
Н. А. Плотников в Ботаническом саду ОмСХИ

Экспедиция омских краеведов в горные районы Тарбагатая и Джунгарского Алатау.1962 г. Фото Н. А. Плотникова.

. А. Плотников
о студентами ОмСХИ
а полевой ботанической
рактике. 1970 г.

Н. А. Плотников
юннатами в окрестносях
ос. Кос-Кудук близ ст. Чу.
Южный Казахстан.
1960 г.

Константин Павлович Горшенин



Монография К. П. Горшенина «География почв Сибири» (Омск, 1939)

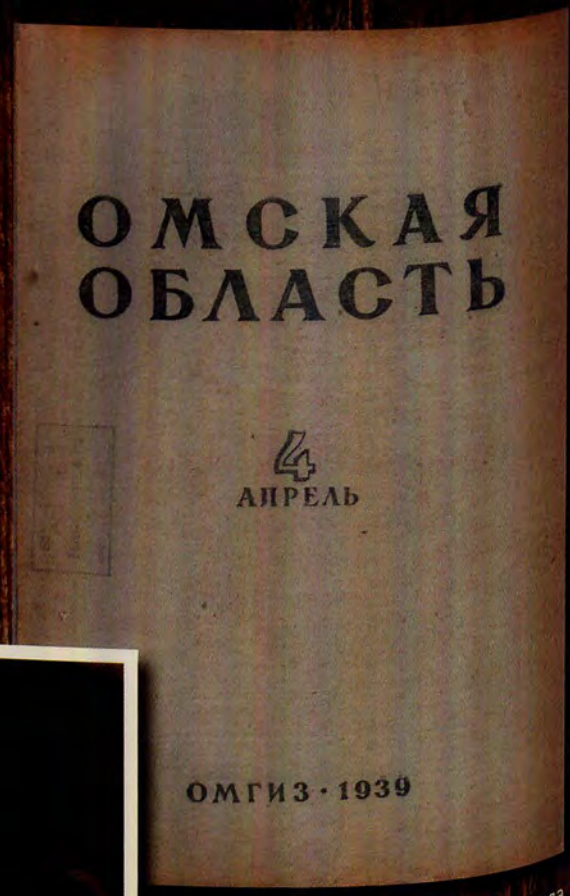
Вадим Венедиктович Берников

Брошюра В. В. Берникова «Почвенно-грунтовое обоснование лесомелиоративных работ на юге Омской области» (Омск, 1950)

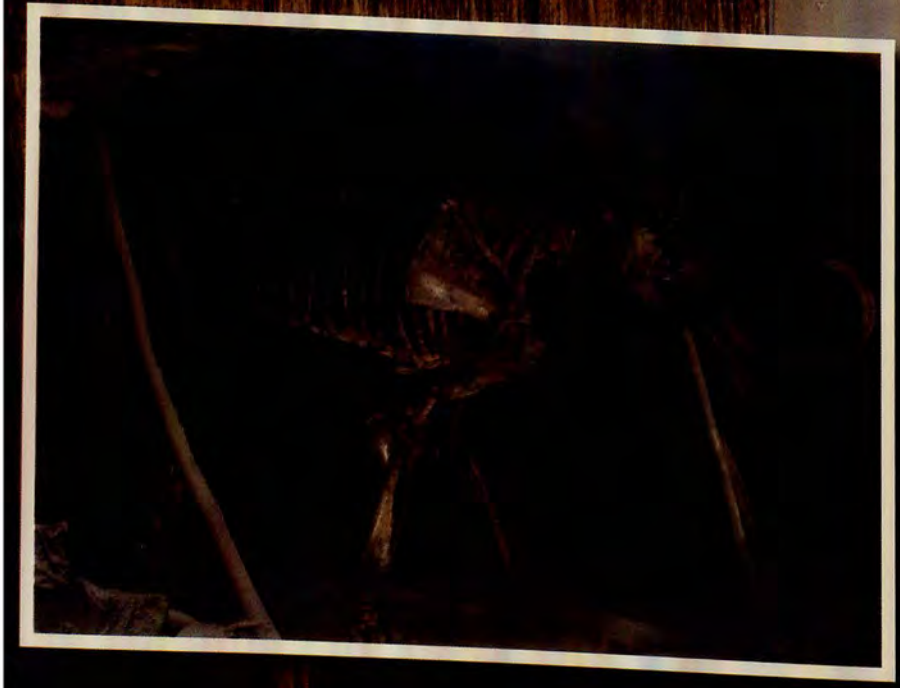
Книжный знак В. В. Берникова

...иги из библиотеки В. В. Берникова

Экслибрис М. В. Мальцева, выполненный художником С. В. Вахромеевым. 1934 г.



Обложка журнала «Омская область» (Омск, 1939)



Скелет мамонта, обнаруженный М. С. Каргаполовым и смонтированный П. Л. Дравертом. ОГИКМ

Сын И. Н. Шухова Георгий (Юрий) Иннокентьевич (р. 1921) сообщил нам следующее: «Об отце. Происхождение его не сказывалось на деятельности. Отец был чрезвычайно демократичным. В какую-то из революций солдаты или матросы выбрали его своим командиром. Он не вызывал зависти, т. к. был беден и выучился на деньги купца Тележкина, рассчитывавшего выдать (за него) одну из своих дочерей. Женился отец на дочери интендантского чиновника... Покидая Омск под натиском красных в обыкновенных крестьянских санях, отец и мама не предполагали, что их настигнет сыпняк. Как многие другие, они были помещены в тифозные бараки военного городка в Красноярске. Выздоровевшему отцу новая власть предоставила должность, соответствующую его знаниям: начальника лесов и угодий Енисейской губернии»[149].

Действительно, в течение двух с лишним лет И. Н. Шухов был «завгубохотой» (заведовал Управлением по делам охоты Енисейской губ.), участвовал в работе Сибирского лесного съезда, проходившего в Омске в феврале 1921 г. (был делегирован на съезд Технической коллегией Лесного подотдела Замельного отдела Сибревкома).[150] Кандидат естественных наук читал курсы охотоведения и биологии лесных зверей и птиц по кафедре зоологии позвоночных Красноярского высшего политехникума, был заведующим этой кафедрой, заведовал также зоологическим кабинетом, являлся секретарем Совета лесного отделения этого учебного заведения (1920–1921 гг.), затем состоял преподавателем зоологии и энтомологии в сельскохозяйственном и индустриальном техникумах (1922–1924 гг.), занимался проблемами звероводства.[151] Продолжилась в Красноярске и краеведческая деятельность И. Н. Шухова. В 1920 г. он стал действительным членом Средне-Сибирского отдела РГО (членом-сотрудником состоял с 1914 г.), был руководителем зоологических и ботанических экскурсий в Педагогическом музее Енисейской губ.[152].

Вернувшись в Омск в конце 1924 г., И. Н. Шухов стал преподавателем охотоведения в Сибакадемии, затем заведовал кабинетом и кафедрой охотоведения, стал доцентом и секретарем Ученого бюро этого вуза. С 1925 г. он – председатель Лесного кружка при лесном факультете и руководитель секции научного охотоведения, а также член Омского бюро Секции научных работников (1927–1928 гг.), член управления Омского городского союза охотников (с 1927 г.). Шухов проводил охотоустроительные работы в Омском, Тарском, Барабинском округах и в Казахстане, изучал орнитофауну горько-соленых озер Омско-Тарского Прииртышья, интересовался вопросами гельминтологии и эпидемиологии.

С июля по декабрь 1925 г. он совместно с И. М. Исайчиковым занимался гельминтологическими исследованиями в районе Омска – оба ученых входили в состав Второй Западно-Сибирской гельминтологической экспедиции. Тогда Шуховым был открыт неизвестный ранее вид нематоды, паразита птиц. В 1928 г. профессор Исайчиков составил научное описание этого вида, присвоив ему имя первооткрывателя. Позже, в 1935 г., Исайчиков получил письмо из Миннесотского университета (Миннеаполис, США) по поводу новой трематоды куликов. И это письмо, и перевод его на русский язык, выполненный В. Г. Утковым, оказались затем в бумагах И. Н. Шухова. Надо полагать, не случайно.

В 1926 г. ученый открыл новый подвид пеночки, также названный его именем, а в 1927 г., экскурсируя по Тарскому округу, впервые для тех мест зафиксировал и описал эпидемию туляремии. В 1929 г. «глубокоуважаемый профессор» получил приглашение декана физико-математического факультета ТГУ профессора В. В. Ревердатто приехать в Томск в любое удобное время с тем, чтобы прочитать курсы охотоведения и звероводства на биологическом отделении. В том же году установились научные связи профессора Шухова с Бомбейским обществом естественной истории[153].

Необходимо заметить, что профессиональные занятия ученого охотоведением и орнитологией зачастую приобретали краеведческую окраску. И. Н. Шухов возобновил свою работу в ЗСОРГО, был членом Ревизионной комиссии (1927–1928 гг.) и Совета (1929 г.) Отдела, представлял ЗСОРГО на Сибирском охотничье-пушном съезде (Новониколаевск, 1925 г.), его имя с завидным постоянством и частотой встречается во всех годовых отчетах Отдела. Во второй половине 1920-х гг. ученый опубликовал в «Известиях ЗСОРГО» ряд своих работ по орнитологии, а также географо-фаунистический очерк «Озера северной лесостепи черноземной полосы Западной Сибири»[154].

Судя по командировочным удостоверениям, встречающимся среди документов личного архивного фонда Шухова, многие поездки и экспедиции во второй половине 1920-х гг. были совершены им как действительным членом ЗСОРГО. По линии Отдела ученый оказывал помощь начинающим краеведам, например, в 1928 г. рассказывал членам краеведческого кружка при Омской переселенческой партии о методике этнографических исследований, а также делился своими секретами опытного таксидермиста[155]. И. Н. Шухов заведовал (по совместительству) отделом зоологии Западно-Сибирского краевого музея (1927–1930 гг.), в 1929 г.

в качестве научного работника музея он был командирован в районы Омского и Барабинского округов для изучения промысловой охоты[156].

Наконец, к краеведческой деятельности Шухова в эти годы могут быть всецело отнесены его любительские изыскания по антропологии, этнографии, археологии, палеонтологии. В 1927 г. по заданию Музея антропологии и этнографии АН СССР и Комиссии по изучению племенного состава СССР и сопредельных территорий И. Н. Шухов совершил ряд поездок по Тарскому округу, а в 1927–1930 гг. он проводил этнографические и антропологические исследования в Омском, Тарском, Ишимском и Тобольском округах по заданию Западно-Сибирского краевого музея[157]. В «Известиях» музея им была напечатана интересная работа – результат оригинальных исследований, проведенных ученым на стыке этнографии и охотоведения[158].

В 1927 г. И. Н. Шухов участвовал в работе упоминавшейся выше комплексной экспедиции профессора В. И. Баранова по северным рекам Демьяну и Урне, а в следующем году ученый как сотрудник музея был командирован Омским ОкрОНО в с. Пановское Крутинского района для осмотра обнаруженного там скелета мамонта[159]. Тогда же на северном берегу оз. Ик у с. Карасукское им было открыто древнее городище и были проведены сборы подъемного археологического материала. И. Н. Шухову принадлежало и открытие могильника у с. Имшегал[160]. Там краевед собрал уникальную коллекцию древних изделий из белой бронзы, в числе которых была и редкостная бляха с изображением всадника[161].

В конце 1930 г. ученый, бывший к тому времени профессором охотоведения и звероводства Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства, уехал из Омска вместе с выделившимся из названного вуза Сибирским лесотехническим институтом и вновь оказался в Красноярске. Там он заведовал кафедрой охотоведения и биологии лесных зверей и птиц, занимался биологической съемкой в заказниках, был экспертом РКИ по мероприятиям рыбозверобойной конторы и даже начальником сектора служебного собаководства красноярского ГорОСОАВИАХИМа. Вскоре по прибытии в Красноярск профессор Шухов был избран членом-корреспондентом ВАСХНИЛ по институту пушного и охотничье-промыслового хозяйства[162].

Практически сразу включился ученый в местную научно-общественную жизнь и краеведческое движение: был делегатом Восточно-Сибирской краевой конференции научных работников (1930 г.), состоял в Красноярском городском бюро Секции научных работников и Совете Музея Приенисейского края (в 1931 г. по поручению

Секции он возглавлял «бригаду по обследованию» этого музея, выявившую, между прочим, «антимарксистские и шовинистические установки» в деятельности музея и обеспечившую «перестройку его работы»), был активным членом и консультантом по охотничье-промысловому хозяйству Приенисейского отдела Восточно-Сибирского краеведческого общества, публиковал свои труды в серии «Библиотека приенисейского краеведа».

Интересно, что в том же 1931 г. И. Н. Шухов в качестве свидетеля привлекался к расследованию «дела ОИС», а именно по дравертовскому эпизоду. На допросе 31 марта Шухов дал развернутую характеристику подследственному, причем в двух частях: «Драверт как личность» и «Драверт как саботажник». Изучавший протоколы С. Н. Поварцов пришел к выводу, что созданный Шуховым портрет Драверта «получился привлекательным». Даже во второй части «тип саботажника никоим образом не складывался», поскольку здесь «все внимание Шухов сосредоточил на бытовых подробностях из личной жизни» фигуранта. Например, на том, что Драверт и другие члены ОИС «развлекались оргиями» в краеведческом музее – устраивали шатры из дорогих ковров, пили вино из старинной посуды и рядом с Дравертом укладывали древнюю каменную бабу. Получались какие-то «комические куплеты», слепить из которых образ вредителя было попросту невозможно. Правда, 8 апреля в показаниях Шухова, на которого, надо полагать, оказывалось давление, появились более жесткие интонации и оценки типа «буржуазные стихи», но и они на вредительство явно не тянули.[163] Как уже говорилось выше, после этих новосибирских злоключений П. Л. Драверт продолжил свою деятельность в Омске, постоянно встречаясь и общаясь с И. Н. Шуховым, который, как нам кажется, не испытывал при этом дискомфорта. Ему нечего было стыдиться.

Возвращение краеведа в Омск в 1933 г. было связано с ликвидацией находившегося в Красноярске Всесоюзного НИИ по кедру (Инкедр), в котором он работал начальником охотоустроительной партии и руководил, в частности, Ойротской экспедицией (в Инкедр Шухов перешел после закрытия в 1932 г. лесотехнического института)[164]. В Омске профессор И. Н. Шухов заведовал кафедрами зоологии в ветеринарном и педагогическом институтах, в 1945 г. стал академическим пенсионером, но преподавательскую работу прекратил лишь спустя 4 года.

Что же касается собственно краеведческой деятельности Шухова, то необходимо заметить, что он принимал живое участие в работе Омского ОБК (заместитель председателя секции Севера в 1935–1937 гг.), был одним из наиболее активных

организаторов юннатского движения (секретарь Ученого совета областной станции юных натуралистов в 1940 г.), теснейшим образом сотрудничал с областным краеведческим музеем (член Ученого совета и научный консультант по зоологии и этнографии в 1941–1947 гг.).

Ученый входил в состав комитета, занимавшегося в 1947 г. организацией Омского отдела Географического общества, и до конца жизни являлся действительным, активно действующим членом Отдела, участвуя, кроме прочего, в его экспедиционной работе. Приведем лишь один пример: в 1954 г. профессор Шухов «совершил поездку в южные районы области для изучения возможных изменений в фауне в связи с распашкой громадных массивов целины и залежей»[165].

В 1930 – первой половине 1950-х гг. краеведом было написано и опубликовано большое количество работ по зоологии (в т. ч. по орнитологии, ихтиологии, энтомологии, паразитологии), ботанике, географии, охотоведению, звероводству и заповедному делу[166]. В большинстве своем они явились результатом изучения И. Н. Шуховым живой природы Омского Прииртышья. Так, например, в послевоенные годы им были подготовлены и изданы под грифом областного музея и редакцией А. Ф. Палашенкова два первых выпуска «Каталога фауны Омской области» – «Рыбы, амфибии и рептилии» и «Млекопитающие»[167]. Не совсем понятно, почему не была опубликована еще одна часть каталога по разделу «Позвоночные», посвященная омским птицам. Правда, в архиве Палашенкова нами была обнаружена машинопись шуховского труда «Орнитофауна Омской области»[168], а сын ученого называл последней подготовленной к печати работой отца «Каталог фауны Омской области»[169]. Датированный 1954 г. машинописный экземпляр каталога позвоночных животных Среднего Прииртышья с авторской правкой и рукописными вставками, содержащий помимо прочих орнитологический раздел, Юрий Иннокентьевич в свое время счел нужным подарить автору этих строк.

Небезынтересно, что в 1948–1950 гг. увидели свет еще 7 выпусков «Каталога фауны Омской области» (на этот раз по разделу «Беспозвоночные»), в них перечислялись представители местной энтомофауны – жуки (5 выпусков) и бабочки (2 выпуска). Не будет преувеличением, если скажем, что к появлению этих брошюр, автором которых был уже называвшийся нами Е. Д. Логачев, имел отношение и И. Н. Шухов.

Много лет спустя Евгений Дмитриевич, крупный ученый-микробиолог, вспоминал: «Шухов научил меня работать с микроскопом, делать записи фенологиче-

ских наблюдений, вести дневник..., он исподволь учил меня излагать свои мысли на бумаге. По его рекомендации я начал писать маленькие заметки о насекомых в молодежные газеты Омска – "Ленинские внучата" и "Молодой большевик"... Весной 1942 года я окончил 9 классов... При помощи своего наставника мне удалось устроиться лаборантом по энтомологии в Управление сельского хозяйства облисполкома. Работал на пункте защиты растений в городе Исилькуле... Здесь я собирал насекомых, обрабатывал, определял их...»[170] Позже эти знания и опыт были использованы Логачевым в работе над упомянутыми выпусками каталога, а также над «Кратким наставлением для сбора, хранения и пересылки насекомых»[171]. Последним он как бы продолжил и дополнил работу своего учителя, вышедшую еще в 1928 г.[172]

Зоологические работы краеведа Шухова (например, о птицах – вредителях кедрового промысла, глистных заболеваниях рыб в местных водоемах или промысловой ценности пресноводных моллюсков) регулярно появлялись в конце 1930-х гг. на страницах журнала «Омская область». Там же была опубликована и его совместная с С. Р. Лаптевым статья «Озеро Эбейты»[173].

Выше мы уже приводили факты, подтверждающие постоянный интерес Шухова к проблемам озероведения. Можно добавить, что еще в 1927 г. краевед предпринял экспедицию на озера Ик, Салтаим и Тенис. Исследовательские поездки Шухова на озера Омского Прииртышья продолжались и в 1930-е гг. Так, в 1935 г. он обследовал озера Изылбашского района[174], а в сентябре 1937 г. побывал в Саргатском и др. районах, куда был командирован для «всестороннего обследования озер, находящихся на территории Омской области». Перед этой поездкой заместитель председателя Омского ОБК С. Р. Лаптев-Зенковский снабдил профессора Шухова удостоверением в том, что последний является «научным руководителем бригады Омского Областного Бюро Краеведения по сбору и систематизации всех материалов по изучению озер Омской области»[175].

Одно из дел личного архивного фонда И. Н. Шухова было в свое время озаглавлено самим фондообразователем. На его обложке значится: «Дело оз. Эбейты. "Озеро солей". 1938, 1939, 1940, 1941, 1942, 1944, 1945, 1946». Обложка снабжена также надписью «Из собрания проф. И. Н. Шухова» и оттиском личной печати ученого («Охотовед и орнитолог И. Н. Шухов»). В этом деле собран целый ряд любопытных документов, например, составленная профессором Шуховым и гидрохимиком Лаптевым «рыбоводная карточка – паспорт озера» (использован стандартный бланк «анкеты по обследованию озер», разработанной Омским ОБК) или черновик

письма Шухова председателю исполкома Москаленского района, датированный 20 июня 1939 г.

В этом письме, в частности, говорилось, что «группа научных работников омских вузов и научных учреждений заинтересована в изучении озера Эбейты... Собранный материал... требует туда выезда. К нашему сожалению, областные организации все ограничиваются обещаниями... Короче говоря, нам нужна только автомашина, которая из Омска доставит нас в села Ксеньевку и Гвоздевку. Наша разведочная поездка продлится 3–5 дней...» Судя по более поздней надписи «Послано заказным ... Ответа не последовало», просьба ученого отклика не нашла[176].

Большую часть подшитых в дело материалов составляет переписка краеведа с «учеником 6-го класса» И. Г. Шкуро из села Ксеньевки (1938–1939 гг.). Началась она с письма «школьника» в редакцию газеты «Ленинские внучата». В нем сообщалось о появлявшейся иногда над озером «черной тучке», предвещавшей существенные перемены погоды. Редакция ознакомила профессора Шухова с этим письмом, он дал ответ через газету (в «Ленинских внучатах» была рубрика «Спрашивай – отвечаем»), а затем, судя по всему, вступил в переписку с любопытным «шестиклассником». Последний, в свою очередь, сообщил Шухову об интересном случае на озере в 1928 г. («особенное поведение» той же «тучки»), заполнил по его просьбе анкету на оз. Эбейты.

Весьма интересно, что «шестиклассник» на самом деле оказался учителем, преподававшим литературу в 6-х классах и не рискнувшим обращаться в детскую газету, не скрывая своего истинного положения. Признавшись, наконец, Шухову и, извинившись, он написал: «Но помогать Вам в изучении нашего озера по-прежнему всегда готов. На Ваши письма всегда буду отвечать»[177]. Возможно, установившаяся между краеведами связь имела продолжение, но в материалах шуховского архива подтверждений этому нет.

Хотя этот корреспондент с берегов Эбейты и оказался мнимым школьником, сам факт краеведческого контакта ученого и ребенка остается показательным. И. Н. Шухов, как это было присуще практически всем видным представителям омского краеведения, относился к приобщению детей к увлекательному поиску краеведческих знаний и их научному творчеству самым серьезным образом. Уже не раз говорилось об участии профессора в юннатском движении, добавим, что в 1940 г. он руководил зоологической группой Тарской комплексной экспедиции омских юннатов. Во второй половине 1930-х гг. И. Н. Шухов активно занимался кольцеванием птиц, в его адрес (лично ему, на кафедру зоологии ветеринарного института,

в Омское ОБК) приходила тогда масса писем, в которых сообщалось об окольцованных им птицах. Позже, в начале 1940-х гг., ученый привлек к этой работе юных краеведов, став председателем Бюро кольцевания птиц (секретарем был юннат Е. Д. Логачев), созданного при станции юннатов[178].

И. Н. Шухов не только непосредственно контактировал с юными краеведами и натуралистами, но и писал для них. В 1935 г. он поделился с молодыми читателями своими воспоминаниями о северных путешествиях, в 1940 г. в статье «В поисках Золотой Бабы», напечатанной под рубрикой «Путешественники в Омской области» в газете «Ленинские внучата», продолжил эту тему[179]. Очень интересны написанные Шуховым для школьников научно-популярные книги о природе: «В походе», «Загадочное дупло» и «Дятел-музыкант»[180].

Выше мы уже отмечали широту кругозора ученого, проявившуюся еще в самом начале его краеведческой деятельности. С течением лет исследовательские интересы И. Н. Шухова не стали менее разнообразными. Известный прежде всего как зоолог-универсал и признанный корифей охотоведения[181] на протяжении 1930 – первой половины 1950-х гг. Шухов изучал не только животный мир Прииртышья. Он отдал дань лимнологии, а также занимался фенологией[182] и метеорологией. Те же метеорологические наблюдения велись им беспрерывно на протяжении нескольких десятилетий. Известно, что даже в последние месяцы своей жизни, будучи уже тяжело больным, он по два раза на день выходил на воздух, чтобы измерить его температуру, направление и силу ветра, понаблюдать за облаками и т. д.[183]

Продолжал интересоваться краевед археологическими и этнографическими сюжетами. В 1940 г. «Омская правда» напечатала небольшую заметку «Археолого-этнографические труды профессора Шухова», в которой, в частности, сообщалось, что работа ученого »К истории фаллического культа в Сибири» вскоре будет опубликована в журнале «Советская этнография». Для этого же издания готовилась и статья о знамени и вооружении дружины Ермака[184].

В январе 1950 г. Шухов выступил перед членами Омского отдела с докладом «Путевые заметки от Ишима до Иртыша по 56–57 параллели». Речь шла о поездке 1949 г. в Большеуковский и Колосовский районы. «Помимо проведенных наблюдений над биологическими особенностями водяных крыс в этих районах и сделанных им рекомендаций по борьбе с ними, докладчиком было уделено внимание общегеографическим наблюдениям над природой, культурой и бытом местного населения»[185]. Однако, справедливости ради, следует заметить, что в 1910–1920-е гг.

увлечение Шухова археологией, антропологией, этнографией было более заметным и результативным, нежели в последующие десятилетия.

Показателен в этом отношении случай, зафиксированный «Музейной летописью». 16 марта 1950 г. в областной музей должна была прийти на экскурсию группа заведующих отделами пропаганды райкомов ВКП(б). Естественно, нужны были экскурсоводы. «На счастье завернул к нам профессор Шухов И. Н. А. Ф. Палашенков просил его провести экскурсию по отделу природы, если не найдут Лаптева, если же он придет, то провести по отделу истории, т.к. он с историей г. Омска хорошо знаком. Шухов согласился, но потом, когда Лаптев уже вел экскурсантов по отделу природы, испугался, что археологии он не знает, а экскурсанты задают много вопросов»[186].

Однако, вернувшись к многопрофильности занятий краеведа, отметим, что особенно рельефной она была в годы Великой Отечественной войны. В первые дни войны П. Л. Драверт, выступая по омскому радио, сказал, что его перо писателя, «руки и глаза исследователя природы служили и будут служить» Родине пока бьется его сердце[187]. Не известно, говорил ли тогда И. Н. Шухов что-то подобное, но в том, что поступал он именно так, можно не сомневаться.

Доказать это можно хотя бы тем, что в годы войны Шухов проводил исследования, весьма ценные для хозяйственной практики. Он принялся изучать насекомых и грызунов-вредителей культурных растений, разрабатывать меры борьбы с ними «для обеспечения военного урожая». В областном музее ученым была устроена соответствующая выставка. В 1942–1945 гг. были опубликованы работы И. Н. Шухова о медведице Кайя и ее вредной деятельности (совместно с Е. Д. Логачевым), о слепушонке – новом вредителе картофеля, о мышевидных грызунах – «вредителях высокого урожая». Кроме того, была подготовлена к печати рукопись «Водяная крыса и другие вредные грызуны Омской области»[188].

В военные годы в ряде районов области был отмечен резкий рост популяций водяной крысы, возникли очаги эпидемии туляремии. Ученый-краевед совершил в 1942–1945 гг. свыше 10 вылетов на самолете в Солдатский, Дробышевский, Тобольский и другие неблагополучные в этом отношении районы Омской области, а в 1944 г. стал заведующим областными курсами дезинфекторов и зоологов по борьбе с туляремией[189].

Вместе с тем всегда любивший ботанику И. Н. Шухов изучал лекарственные растения, старался привлечь внимание омских фармацевтов к такому перспектив-

ному сырью, как лимонник и шиповник, консультировал аптечных работников[190]. Находилось время у краеведа и на то, чтобы участвовать в деятельности омского литобъединения, активно сотрудничать с «Омским альманахом», быть ведущим рубрики «Блокнот натуралиста» в молодежной газете и «Лесной радиогазеты» (ежемесячно выходила в эфир), выступать по радио с новостями научной и хозяйственной жизни и краеведческими обзорами[191].

Нельзя забывать, что столь активная научно-краеведческая деятельность И. Н. Шухова в военные годы развивалась, как мы это уже видели в случае с П. Л. Дравертом, в условиях полуголодного существования и прочих трудностей материально-бытового плана. Е. Д. Логачев писал, что Шухов «очень нуждался материально, так как был мало приспособлен к превратностям судьбы. Дом его плохо отапливался. Работая в педагогическом институте, он много времени отдавал занятиям со студентами... Ему пришлось продать редчайшие книги по зоологии, истории Сибири, этнографии... Обмененные на хлеб, ушли от него ценные вещи, которые сейчас украсили бы любой музей»[192].

Труд ученого-краеведа получил должную оценку: в январе 1948 г. ему была вручена Почетная грамота Центрального Совета ОСОАВИАХИМа, подписанная С. М. Буденным, за «личные заслуги в деле укрепления обороны Советского Союза», а в марте того же года он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[193].

В послевоенные годы И. Н. Шухов, судя по целому ряду материалов, проявлял особенный интерес к различным сюжетам исторического краеведения. Конечно, и ранее оно было ему не чуждо. Вполне возможно, что такого рода склонность базировалась на близком знакомстве с фамильной историей. В семье Шуховых хранили не только память о славных предках, но и старинные документы, реликвии. Известно, что краевед передал в госархив Омской области в числе прочего ряд бумаг своего прадеда, являющихся весьма ценными историческими документами (свидетельство о производстве в майорский чин, собственноручно подписанное императором Александром I в 1810 г., наградные листы 1813–1814 гг. и т. д.). За этот дар, позволивший образовать личный фонд В.М. Шухова, руководство архива объявило Иннокентию Николаевичу благодарность[194].

Известно также, что в конце 1930-х гг. Шухов работал с материалами по истории сибирской экспедиции Ермака. В описи одного из двух его личных архивных фондов, составленной в 1945 г., значится дело «Печатные материалы о Ермаке»

с мало что объясняющей пометкой «выбыло»[195]. Выше говорилось, что краевед готовил статью об оружии и знаменах ермаковой дружины для «Советской этнографии». В 1946 г. в «Сибирских огнях» этот материал (или часть его) был опубликован[196].

И. Н. Шухов всегда интересовался историей транспорта – наземного, водного, воздушного, причем именно в краеведческом аспекте. В 1944 г. в «Омском альманахе» был опубликован его очерк «Летающие тоболяки», а в 1945 г. «Советский Иртыш» напечатал его статью «К столетию Обь-Иртышского пароходства». О местном судоходстве Шухов писал и ранее – в 1937 г. исторический очерк «Развитие судоходства в Обь-Иртышском бассейне» увидел свет на страницах журнала «Омская область»[197].

Несколько позже в том же издании появилась любопытная публикация краеведа «Оружие западно-сибирских ямщиков». В этом очень небольшом по объему материале рассказывалось о дурной славе Тюкалинского тракта, знаменитого промышлявшими на нем грабителями. Естественно, ямщики пытались как-то защитить себя, вооружаясь как обычными «гирьками» и кистенями, так и «стреляющими кнутами» или «кнутами-пистолетами», изготовлением которых занимались оружейники-кустари из деревни Н.-Филатовой близ Тобольска. И. Н. Шухов подробно описал этот оригинальный снаряд, доставленный ему одним «стариком-ямщиком, сопровождавшим не один десяток лет различные обозы по Тюкалинскому и Тобольскому трактам»[198].

Что же до железнодорожного транспорта, то его прошлое и настоящее также постоянно интересовали краеведа. Есть сведения, что Шухов собирал газетные вырезки о строительстве новых железнодорожных линий (и о строительстве нефтепровода тоже). В газете «Омский железнодорожник» были напечатаны его заметки «Дорога к Великому океану» (1945 г.), «Мариановка и Карлушка» (1954 г.)[199]. Эти эпизоды железнодорожного прошлого нашли свое отражение также и в известных воспоминаниях И. Н. Шухова «Картины старого Омска», опубликованных в пятой книжке «Омского альманаха»(1945 г.).

Шуховские «Картины» способны легко убедить читателя в том, что их автор прекрасно помнил Омск таким, каким он был на рубеже XIX–XX веков, в годы его детства и юности. Мемуарист увлекательно рассказывал о застройке магазинами городского центра, о том, как появился в городе «французский» мост, о Казачьем форштадте, о первой электростанции и городской ветке с полустанком Карлуш-

ка. Из его воспоминаний можно узнать о непролазной грязи Скорбященской улицы, где застрявшие телеги откапывали лопатами, когда грязь немного подсыхала, о бурной ночной жизни Госпитальной с ее заведениями сомнительной репутации, о Качагурах, «славившихся» кулачными боями, драками и скандалами, о пасхальных развлечениях, причудах бутырского пристава и несколько странной церемонии похорон заядлого голубятника. В рассказах Шухова нашлось место и городским фонарщикам, и сторожам с трещотками, и даже «золотарям»-ассенизаторам[200].

Перу И. Н. Шухова принадлежали и небольшие воспоминания об А. С. Александрове, его книжном магазине и библиотеке. Эти воспоминания были обнаружены А. Э. Лейфером в рукописном фонде библиотеки краеведческого музея и опубликованы в 1984 г.[201] Можно предположить, что написал их ученый-краевед по просьбе А. Ф. Палашенкова, интересовавшегося омскими книжниками. Кстати, точно так же, по просьбе Палашенкова Шухов записал в свое время «Звериаду», распевавшуюся в начале века кадетами Омского корпуса[202].

Иннокентий Николаевич и Андрей Федорович были не только товарищами по увлечению, но и друзьями, так что факты их помощи друг другу в обретении тех или иных краеведческих материалов не вызывают удивления. Известно, например, что в мае 1949 г. Шухов, будучи в Больших Уках, записал сведения о прежнем (до 1939 г.) названии этого населенного пункта, произвел описание и зарисовал общий вид двух могил на площади райцентра, в которых были похоронены жертвы кулацкого террора. В октябре того же года Шухов сделал два очень хороших акварельных рисунка могил жертв колчаковщины в с. Колосовском. Все эти материалы А. Ф. Палашенков, особо интересовавшийся историко-революционными памятниками, включил в свое собрание[203].

Собирая сведения об омских некрополях, Палашенков наряду с другими старожилами беседовал и с Шуховым. Последний передал своему собеседнику ходившие в свое время по городу слухи о не слишком богобоязненном поведении молодого и видного наружностью настоятеля Братской церкви, открытой в 1905 г. на Бутырском кладбище. Судя по всему, о городских слухах, и бывших когда-то, и нынешних, Шухов был хорошо осведомлен. Так, именно он рассказал Палашенкову о двух поджогах гостиницы «Европа», принадлежавшей некоему Зайцеву. Городская молва гласила, что оба раза поджигали ее жены омских чиновников и офицеров, пропивавших в гостиничном ресторане свое жалованье. Со слов Шухова записал Палашенков и полные жутких подробностей слухи о кощунственном ограблении могилы омского владыки Алексия, скончавшегося в 1948 г.[204]

И еще о дружбе старых краеведов – М. Е. Бударин неоднократно рассказывал нам, как он, зайдя в музей в один из майских дней 1945 г., застал там сидевших за скудным столом с бутылкой кормиловской водки и праздновавших победу П. Л. Драверта, А. Ф. Палашенкова и И. Н. Шухова. Такой вот штрих к портрету омского краеведческого братства...

Ученый-краевед Шухов умер 25 июня 1956 г. Символично, что в последний путь его, как в свое время и П. Л. Драверта, провожали из Омского краеведческого музея. Директор музея А. Ф. Палашенков произнес над гробом своего доброго друга прощальное слово. Назвав покойного «живой летописью нашего родного города, нашего Прииртышья, Приобья», «талантливым бытосказателем нашего города», Палашенков сказал: «Никто из нас не знает нашего Омска так, как знал его Иннокентий Николаевич. Мы сегодня хороним старый Омск. "Старый" – в красивом понимании этого слова: в смысле знания Иннокентием Николаевичем истории родного города, его быта, природы, улиц, переулков, домов, людей» [205].

Действительно, профессор Шухов был признанным знатоком прошлого Омского края и, в особенности, природы Прииртышья, внесшим существенный вклад в развитие естественно-научного и исторического краеведения. В. Г. Утков в одном из писем А. Э. Лейферу писал: «Очень интересен... И. Н. Шухов, о котором знают мало... Он не был праведником в обывательском смысле этого слова, но преданность его науке была беспредельна»[206]. Добавим, что столь же беспредельной была преданность ученого омскому краеведению.

В начале 1920-х гг. приступил к научной и краеведческой деятельности ***Николай Алексеевич Плотников (1898–1994)***. Он родился в Омске в семье почтово-телеграфного служащего, еще младенцем оказался в Барнауле, где впоследствии окончил реальное училище, а в 1918 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Томского университета. Получив высшее образование, Н. А. Плотников работал инструктором по борьбе с вредителями сельскохозяйственных культур на Алтайской станции защиты растений, а затем – на кафедре общей ботаники Сибирской сельскохозяйственной академии ассистентом профессора В. Ф. Семенова. Последний, скорее всего, привлек молодого ученого и к работе в ЗСОРГО.

В архиве Отдела сохранилась анкета, заполненная Плотниковым в январе 1924 г. 25-летний ботаник изъявлял желание работать в области ботанической географии и систематики цветковых, сообщал о своей беспартийности и социальном происхождении (сын «служащего совучреждения»), а также некоторые подробности

научно-биографического порядка: «Работал в экспедициях проф. Сапожникова, Верещагина и проф. Огоновского. Вел научно-исследовательскую работу в Алтайской губ. и Семипалатинской обл. в 1919, 1920, 1921, 1922, 1923 гг... Был членом и казначеем Томского отделения Русского ботанического общества. Состоял секретарем Сибирского научного кружка имени Г. Н. Потанина в г. Томске»[207].

Как видим, еще в студенческие годы Н. А. Плотников стал увлеченным исследователем-полевиком. Руководимая почетным членом ЗСОРГО профессором В. В. Сапожниковым алтайская экспедиция 1920 г., в которой принимал участие студент Плотников, вошла в историю сибирского природоведения. Приход в 1924 г. на сибаковскую кафедру и одновременное вступление в ЗСОРГО еще более активизировали работу молодого ученого и краеведа. Примечательно, что уже в том же 1924 г. его имя неоднократно упоминалось на страницах печатавшейся в «Известиях» Отдела «Хроники краеведения». Сведения об экспедициях и научных поездках Плотникова публиковались и в отчетах ЗСОРГО за 1925–1926, 1926–1927, 1927–1928 гг., а также в разделе «Краеведческая работа в Сибири и на Урале» журнала «Северная Азия»[208].

Сам Николай Алексеевич рассказывал нам в апреле 1992 г.: «Я был ботаником-флористом и ботаником-географом, много ездил, бывал во всех районах Омской области. Много видел, много было разных приключений...» Так, в 1925 г. экспедиция, работавшая под его началом на Бухтарме, близ китайской границы, чудом избежала нападения бандитов. Тогда же ботаник едва не утонул в горной реке. «Меня особенно беспокоили фотопластинки, – вспоминал Николай Алексеевич. – К счастью, накануне я положил их в металлическую коробку, они не испортились»[209]. Скорее всего этот случай произошел в ходе известной экспедиции Омской педагогической биостанции в Зайсанскую котловину и на Южный Алтай, а точнее, во время длительной высокогорной поездки в питающие истоки Верхней Бухтармы ледники, предпринятой Н. А. Плотниковым с двумя юннатами в рамках этой экспедиции[210].

В 1933 г. к Н. А. Плотникову перешло заведование ботаническим садом сельскохозяйственного института, тогда же он стал и заведующим кафедрой ботаники этого вуза. В указанной должности кандидат биологических наук, доцент Плотников проработал 40 лет, а преподавательскую деятельность оставил лишь в 1989 г., т. е. уже после своего 90-летия! Один из его бывших студентов вспоминал: «Н. А. Плотникова отличала всю жизнь неуемная профессиональная и обществен-

ная активность, абсолютное отсутствие какого-либо равнодушия, огромная заинтересованность в передаче знаний студентам...[211]»

Краеведческая деятельность ученого в 1930–1960-е гг. развивалась, главным образом, в направлении изучения флористических богатств Омской области и сопредельных территорий. Результаты ботанических изысканий Н. А. Плотникова нашли отражение в его многочисленных работах, опубликованных в эти годы. Ученый писал о кормовых ресурсах Омской области, сорных травах Тарского и Седельниковского районов, ядовитых растениях в травостоях Прииртышья, паслене трехцветковом и мерах борьбы с ним, перспективных растениях сельхозинститутского ботанического сада и т. д. Его работы выходили отдельными изданиями в Москве и Новосибирске, печатались в «Трудах ОмСХИ», журнале «Сельское хозяйство Сибири», многочисленных сборниках («Химия в борьбе с сорняками», «Справочная книга агронома Сибири» и др.).

Целый ряд трудов краеведа-ботаника можно встретить в «Известиях» и других изданиях Омского отдела Географического общества СССР [212]. Надо сказать, что Н. А. Плотников являлся одним из организаторов, действительным членом и членом Совета Отдела, весьма часто выступал на заседаниях Отдела с научными докладами[213], а также был непременным участником предпринимавшихся отдельскими активистами поездок и экскурсий по Омскому краю.

Так, летом 1949 г. вместе с С. Р. Лаптевым и М. С. Каргаполовым он совершил 650-километровую поездку по южным районам Омской области и Северо-Восточному Казахстану, использовав в качестве экспедиционного транспорта свой личный автомобиль. «Во двор музея въехал миниатюрный "Москвич", – записал Лаптев. – В нем двое. Шофером... кандидат сельскохозяйственных наук М. С. Каргаполов. Рядом – всегда общительный, живой и всегда предупредительный владелец машины, заведующий кафедрой ботаники сельскохозяйственного института Н. А. Плотников»[214].

Инициаторами этой поездки на озера Кызыл-Как, Селеты и Теке были Каргаполов и Плотников, причем последнего казахские степи интересовали прежде всего как ботаника. Подтверждение тому легко найти на страницах лаптевского походного дневника: «Н. А. с блокнотом и карандашом в руке и картонной папкой для сбора растений на плече записывал растительные сообщества, привлекавшие его внимание... Н. А. ищет люцерну, а ее немного... Больших массивов люцерны мы так и не встретили... Места... здесь глухие, но очаровательные. С одним таким

уголком девственной дикой природы пришлось столкнуться нам. Мы встретили громадное поле морковника. Вся громадная степь, докуда хватит взгляд, была ярко-желтая...

Н. А. нашел... небольшой ксерофитный кустарничек, обсыпанный многочисленными еще зелеными ягодами... По словам Н. А., в ягодах много масла, но, к сожалению, взять образцы из-за неспелости ягод не пришлось... Казачата (т. е. казашата – *А. Р.*) приносят нам три громадных дождевика. Выбираем самый большой. Н. А. берет его в свой кабинет»[215].

В июле 1957 г. ботаник с несколькими своими студентами принял участие в поездке Палашенкова и Лаптева на север Омской области (по Большереченскому, Муромцевскому, Тарскому, Знаменскому и Васисскому районам). Судя по дневниковым записям Лаптева, Плотников на протяжении всего пути выполнял различные ботанические работы: закладывал опытные участки, занимался гербаризацией и т. д.[216] Сразу после возвращения из этой экспедиции краеведы отправились в новую поездку, на этот раз вдоль Оми. У С. Р. Лаптева читаем: «... в составе [группы] кроме меня, А. Ф. [Палашенкова] и Н. А. Плотникова еще 6 студентов... ветеринарного... и... сельхозинститута, едущих вместе с Н. А. Плотниковым»[217].

Краевед был страстным путешественником. Его имя неоднократно называлось в годовых отчетах Омского отдела как раз в связи с его многочисленными экскурсиями и экспедиционными поездками. Так, Д. Н. Фиалков отмечал, что Н. А. Плотников и другие «охотники за растениями», путешествуя по Казахскому мелкосопочнику, Прибалхашской пустыне, Западному Тянь-Шаню, собирают лекарственные, декоративные, редкие и исчезающие виды для Омского ботанического сада и треста «Горзеленстрой»[218]. Выше говорилось, что первое свое научное путешествие Плотников совершил еще будучи студентом, в 1919 г. С тех пор, как писала «Омская правда», «не было ни одного года без двух, трех, а то и четырех экспедиций»[219].

Поисковая работа ученого-ботаника продолжалась и в годы Великой Отечественной войны. «...С транспортом было плохо, – вспоминал он, – так я садился на велосипед и ездил по окрестностям Омска, и далеко ездил, например, до пристани Танатово». И в тяжелые, и в более легкие времена Н. А. Плотников тратил на организацию экспедиций почти все свои личные сбережения. Часто бывая в Средней Азии и Казахстане, он ни разу не привез оттуда «для дома, для семьи» тех же фруктов, отдавая безусловное предпочтение совсем другим образцам местной флоры.

Бескорыстному исследователю не раз улыбалось ботаническое счастье: им были открыты и описаны хризантема Келлера, котовник Сапожникова, найдены многие сверхредкие, почти исчезнувшие виды растений[220].

В 1960-е гг., будучи уже в пенсионном возрасте, краевед отнюдь не снизил своей поисково-экспедиционной активности. В архиве А. Ф. Палашенкова сохранились открытки-поздравления, посланные ему в те годы Н. А. Плотниковым. Что характерно, в этих кратких посланиях всегда находилось место воспоминаниям об уже совершенных поездках и планам будущих путешествий. «Наша совместная поездка по дорогам Казахстана и Киргизии, – писал ботаник, имея в виду дальнюю, до Пржевальска, поездку омских географов летом 1962 г., – оставила неизгладимые впечатления [от] снежных хребтов, горных ущелий и высокогорных бирюзовых озер»[221].

Вот еще несколько цитат из его переписки с Палашенковым: «Надеюсь, что весной 1966 г. мы вместе будем путешествовать по просторам Средней Азии, в царстве тюльпанов, маков и эремурусов»; «Я надеюсь, что мы с Вами нынешним (1969 г. – *А. Р.*) летом побываем в высотах Саурского хребта, на песках Бухтарминского водохранилища... в горной системе Баян-Аула. Нам необходимо протарминского водохранилища... в горной системе Баян-Аула. Нам необходимо просмотреть правобережье Иртыша. Это наши первоочередные задачи». В марте 1970 г. в записке, посланной тяжелобольному Палашенкову в больничную палату, Плотников сразу после пожелания «скорейшего поправления здоровья» написал: «Я, Ваш старый товарищ по экспедициям, надеюсь и нынешней весной вместе с Вами побывать за Лежанкой и... у озера П. Л. Драверта, а позже побывать в сказочном Самарканде...[222]»

В полевой записной книжке, переданной нам Ю. Н. Плотниковым вместе с другими документами и материалами научного архива Николая Алексеевича, читаем: «11, 12 и 13 июня 1969 г. Поездка на машине Омск. Отд. ВГО с Анд. Фед. Палашенковым в Большереченский и Тарский р-ны с заездом в гор. Тару... Задачи: у Палашенкова – обследование форпоста по р. Нюхаловке и местности по р. Бызовке. У ботаников (т. е. у самого Плотникова и трех его помощниц – *А. Р.*)... сбор материалов для учебных практик... выявление в природе, отбор и вывоз в ботанический сад ОмСХИ дикорастущих полезных растений... фотографирование ландшафтов природы и отд. растений на цветную обратимую пленку»

Ботанические путешествия ученого-краеведа продолжались и в последующие годы. Осенью 1980 г., вернувшись из Каратау (западная ветвь Тянь-Шаня), он дал интервью газете «Вечерний Омск». «Скоро мне исполнится 82 года, – говорил Ни-

колай Алексеевич. – Но я по-прежнему легок на подъем. Поднимаюсь в горы на 2000–2500 метров. Помогает сама природа ... Сама моя профессия помогает мне»[223]. Таким «легким на подъем» ученый оставался вплоть до последних лет своей жизни. В его походных записных книжках, испещренных латинскими названиями найденных растений, есть записи, датированные концом 1980-х гг.

Так, в 1987 г. почти 90-летний краевед-ботаник предпринял поездки в окрестности с. Пустынного, в Большереченский и Тарский районы, на территорию Петровского совхоза, в Красноярку и Надеждино, в леса у Сибсаргатки, недельную экспедицию с двумя студентами-первокурсниками в сухие степи Семипалатинской области, а также совершал экскурсии по городским окрестностям (в «Омскую Лесостепь», в пойму Иртыша на Левобережье, на берег Иртыша близ «нового» моста, за завод пластмасс, в ботанический сад ОмСХИ).

В ходе этих полевых исследований постоянно осуществлялся сбор гербарного, семенного и посадочного материала. Показательна запись, датированная 9 августа 1987 г.: «Поездка на "Волге" семейным порядком за грибами и ягодами. VI и VII были сухими, ни ягод, ни грибов нигде не было. Выкопал... рослый девясил на опушке березового леса...». Далее идет видовой перечень собранных семян. В другом плотниковском блокноте имеются сведения об экскурсиях 1990 г., причем у нас нет уверенности в том, что это были последние ботанико-краеведческие предприятия замечательного ученого, педагога и краеведа.

В те же 1920-е гг. развернулась активная краеведческая деятельность известного отечественного почвоведа профессора ***Константина Павловича Горшенина (1888–1981)***. Будущий ученый по окончании самарского реального училища был принят в Казанский университет, а затем перевелся на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Еще будучи студентом он участвовал в экспедиции, обследовавшей почвы вдоль линии Тюмень-Омской железной дороги.

Выпустившись из университета в 1913 г., К. П. Горшенин руководил экспедиционным отрядом в Воронежской губ., затем занимался преподавательской деятельностью (преподаватель естествознания учительской семинарии в Самаре, затем старший ассистент кафедры почвоведения Петроградских высших географических курсов, преподаватель географии почв в Томском университете). Весной и летом 1920 г. по приглашению Омского Губземотдела он обследовал почвы Калачинского уезда, в том же году стал преподавать в Сибаке. В 1921 г. доцент Горшенин возгла-

вил в этом вузе кафедру почвоведения, а в 1924 г. за ряд крупных печатных работ о почвах Западной Сибири получил профессорское звание[224].

Ученый-почвовед являлся действительным членом ЗСОРГО, принимал участие в экспедициях Отдела, например, в экспедиции, производившей в 1923 г. нивелировку водораздела Омь-Иртыш с попутным изучением растительности и почв, в почвенно-ботанической экспедиции 1924 г. на Подгородную дачу Сибаки, в экспедиционной поездке по Чуйской степи (юго-восточный Алтай) в 1925 г. В этой поездке вместе с К. П. Горшениным участвовали В. И. Баранов, Г. Я. Бей-Биенко, К. Е. Мурашкинский, В. А. Шелудякова и др. Результаты полевых исследований К. П. Горшенина сообщались в звучавших на заседаниях ЗСОРГО предварительных отчетах, публиковались в «Известиях» Отдела и «Сибирской природе»[225]. Заметим, что ученый входил в состав редакционных коллегий этих краеведческих изданий. Горшенин написал также ряд монографий о сибирских почвах. Одна из наиболее известных – «Почвы черноземной полосы Западной Сибири» – была напечатана в 39-м (юбилейном) томе «Записок ЗСОРГО» в 1927 г.[226].

В 1930-е гг. и последующие десятилетия наблюдался стремительный научный рост почвоведа Горшенина. В 1939 г. увидела свет еще одна его книга – «География почв Сибири» [227]. Ученый долгие годы был проректором ОмСХИ по учебной и научной работе, стал без защиты диссертации доктором сельскохозяйственных наук (1938 г.), заслуженным деятелем науки РСФСР (1943 г.), членом-корреспондентом ВАСХНИЛ (1956 г.), лауреатом Ленинской премии (ею в 1958 г. был отмечен его фундаментальный труд «Почвы южной части Сибири»), кавалером двух орденов Ленина. Правда, в 1948 г. этот авторитетный ученый за малым не стал жертвой погрома в советской сельскохозяйственной науке: Горшенин был обвинен в том, что в основе возглавляемого им научного направления лежит «неправильный метафизический вейсманистский тезис о неизменности сибирских почв»[228]. Своеобразным завершением всех работ К. П. Горшенина по изучению почв Сибири стала составленная им сибирская почвенная карта (от Урала до Байкала). Она послужила основой для составления «сибирских листов» Государственной почвенной карты СССР. Редактировал их опять-таки профессор Горшенин[229].

Несмотря на очевидную занятость сугубо научными делами, не оставлял он и краеведческой работы: в 1930-е гг. был одним из наиболее деятельных членов Омского ОБК, в 1947 г. вошел в состав оргкомитета по воссозданию в Омске отдела Географического общества СССР, а затем стал первым его председателем. В 1956 г. ученый-краевед выступил перед «отдельцами» с докладом «Почвы Омской

области и задачи освоения новых земель». Тогда же в первом выпуске «Известий» Отдела была опубликована его почти одноименная статья[230]. Спустя десятилетие в юбилейном выпуске «Известий», подготовленном к 250-летию Омска, были напечатаны небольшие, но интересные, содержащие любопытные подробности воспоминания К.П. Горшенина «Слово о старом Омске»[231].

В том же номере были опубликованы «Воспоминания старожила», написанные другим известным почвоведом профессором ***Вадимом Венедиктовичем Берниковым (1896–1989)***, также начавшим свою краеведческую деятельность в 1920-е гг. Интересно, что он, родившийся в Омске в семье военного, начальное образование получил во Франции, в школе для детей русских эмигрантов, затем обучался в одном из реальных училищ Петербурга, в Петроградском лесном институте и, вернувшись в Омск в конце 1917 г., в Сибирском институте сельского хозяйства и лесоводства, который закончил в 1925 г. Долгие годы В. В. Берников работал на кафедре почвоведа К. П. Горшенина, а в 1949 г. сам возглавил кафедру лесоводства и сельскохозяйственной метеорологии[232]. Правнук тоболяка П. П. Ершова, профессор Берников сам увлекался поэтическим творчеством, был активным участником литературной жизни Омска 1920-х гг. и последующих лет[233]. В 1953 г. Берников подарил Омскому краеведческому музею ларец своего знаменитого прадеда[234].

Судя по отчетам ЗСОРГО, В.В. Берников был отнюдь не формальным членом этой краеведческой организации. В 1924 г. он выступил на одном из общих собраний Отдела с докладом «Минувшее и современное почвообразование в юго-западной части Омского уезда»[235]. В 1930-е гг. краевед-натуралист принимал участие в деятельности Омского бюро краеведения, затем входил в число активистов областного краеведческого музея[236]. В изучаемый период в журнале «Омская область», «Трудах ОмСХИ» и других изданиях были опубликованы многочисленные работы ученого, в которых освещались вопросы почвоведения, мелиорации и лесного хозяйства применительно к Западно-Сибирскому региону и, в особенности, к Омскому Прииртышью[237].

Действительный член Омского отдела Географического общества профессор Берников в 1950-е гг. принимал участие в экспедиционной работе этой краеведческой организации. Так, в 1952–1953 гг., осуществляя общее научное руководство почвенными и мелиоративными обследованиями лесополос вдоль трассы железной дороги и двух лесопитомников, проводившимися по заданию управления Омской ж. д., он был начальником почвенно-лесомелиоративной экспедиции, о предвари-

тельных итогах которой доложил в одном из заседаний Отдела. В 1954 г. профессор обследовал Подгородную лесную дачу, чтобы выяснить причины гибели сосновых насаждений[238]. На заседаниях Отдела звучали не только научные доклады Бернико-ва, но и его сообщения-отчеты об участии в различных форумах, например в конференции по преобразованию природы Западной Сибири (Новосибирск, 1952 г.) и Всесоюзном совещании по полезащитному лесоразведению (Москва, 1954 г.)[239].

В. В. Берников состоял в редакционной коллегии «Известий» Отдела, одно время являлся ответственным редактором этого журнала, в котором и сам он неоднократно печатался. В «Известиях» и других изданиях Отдела ученый-краевед публиковал свои работы об особенностях возникновения растительных ассоциаций Барабинской низменности, о лесомелиорации в Западной Сибири, о роли кустарников при совместном произрастании с древесными породами в районе Омска, об эрозии почв в южной части Омской области, о зональных особенностях роста деревьев в лесных полосах, о пыльных бурях в Омской и Новосибирской областях летом 1963 г.[240].

В одном из выпусков «Известий» была напечатана статья Берникова о Барабе, свидетельствующая о том, что краевед интересовался также и вопросами исторической топономики. «Попытка расшифровать слово "Бараба" нам представлялась не лишней, – писал он. – К этому нас побуждали слова К. Маркса, что "язык" – это практическое сознание человека»[241]. Другая работа профессора – о механическом составе и засоленности почв на юге Омской области – явилась в свое время предметом его оживленной полемики с С. Р. Лаптевым[242].

Матвей Сергеевич Каргаполов (1899–1959), один из организаторов и активных членов Омского отдела Географического общества, был, по словам С. Р. Лаптева, «известным любителем и знатоком Омской области»[243]. Сын сибирского крестьянина, он работал какое-то время в хозяйстве отца, затем окончил омские бухгалтерские курсы, несколько месяцев находился в колчаковской армии, после служил в советских органах. Высшее образование М. С. Каргаполов получил в Сибирской сельскохозяйственной академии, а потом в течение ряда лет преподавал в этом вузе (в 1948 г. преподаватель Каргаполов обвинялся в «протаскивании старых агротехнических приемов»), затем был главным агрономом Омского Облземотдела, защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом ОмСХИ[244].

Выше уже говорилось о том, что профессором П. Л. Дравертом был смонтирован скелет мамонта из костей, найденных на берегу Оши в 1924 г. Надо сказать,

что авторство этой незаурядной палеонтологической находки принадлежало как раз М. С. Каргаполову. Молодому краеведу удалось тогда не только обнаружить костные остатки представителя ископаемой фауны Прииртышья, но и доставить значительную их часть в геологический музей Сибакадемии, о чем сообщалось в краеведческой хронике «Известий ЗСОРГО»[245].

В конце 1940-х–1950-е гг. краевед занимался изучением сибирского сельского хозяйства, в том числе и его истории. В 1950 г. в седьмой книжке «Омского альманаха» была опубликована его статья «У истоков сибирской агрономии», а в 1956 г. на общем собрании Омского отдела был заслушан доклад Каргаполова «Природные сельскохозяйственные районы Омской области (характеристика и пути социалистического развития)»[246].

Мы уже упоминали о совместной поездке Н. А. Плотникова, С. Р. Лаптева и М. С. Каргаполова по Омской области и сопредельным районам Казахстана в 1949 г. Целью этого путешествия было ознакомление с условиями местности, где планировалось разместить государственные лесополосы[247]. Надо полагать, в первую очередь данный вопрос интересовал агронома Каргаполова. Любопытно, что в этой поездке краевед продемонстрировал не только агрономическую компетентность. С. Р. Лаптев записал, что в ауле Коенды, когда молодые и старые казахи «щупали машину... и обменивались... впечатлениями на своем гортанном языке», Матвей Сергеевич «сразу поразил их своим знанием местности, прежде живших здесь казахских родов и некоторых событий из истории возникновения здешних аулов... [отчего] приобрел уважение... этих еще в доисторической степени наивных людей»[248].

Энтомолог ***Михаил Васильевич Мальцев (1877–?)*** в 1920-е гг. состоял действительным членом ЗСОРГО, его имя, в частности, постоянно называлось в годовых отчетах, в той их части, где речь шла о лицах-жертвователях книг для библиотеки Отдела. М. В. Мальцев был секретарем редакционной коллегии, готовившей выпуск 7-го тома «Известий ЗСОРГО» в 1930 г. В этом томе, в частности, был опубликован написанный Мальцевым некролог о П. Б. Яшерове.

В документах личного архивного фонда А. Ф. Палашенкова удалось обнаружить свидетельство того, что в марте 1941 г. выходец из крестьян, беспартийный, имевший незаконченное высшее сельскохозяйственное образование пенсионер Мальцев вступил во Всесоюзное астрономо-геодезическое общество[249]. Собранные Палашенковым материалы и особенно бумаги самого Михаила Васильевича,

сохраненные Н. Ф. Черноковым и переданные нам дочерью Николая Федоровича, позволяют утверждать, что Мальцев, натуралист и краевед, продолжал свою деятельность по изучению края, по крайней мере, еще в начале 1940-х гг.

Из записей М. В. Мальцева видно, что он интересовался старыми русскими книжниками – библиографами, библиофилами, собирателями древних рукописей – и, надо полагать, сам был увлеченным книголюбом. В 1934 г. омский художник С. В. Вахромеев выполнил экслибрис Мальцева. Судя по этому книжному знаку, последний собирал книги об Азии – Центральной и Северной. Книгособирательство, скорее всего, и свело его в свое время с Н. Ф. Черноковым. Впрочем, общим у них было и увлечение краеведением.

Краеведческие интересы М. В. Мальцева представляются достаточно широкими. В его архиве (записи, вырезки, выписки из работ Н. М. Ядринцева, П. А. и И. Я. Словцовых) есть сведения о географических исследованиях восточных окраин, сибирской литературе (в частности, о творчестве П. П. Ершова), народной медицине, архитектуре старого Омска. Некоторые записи свидетельствуют о том, что краеведа занимала история садоводства и пчеловодства в Сибири, а библиография «О находках костей мамонта», для составления которой были просмотрены подшивки дореволюционных омских, томских и тобольских газет и журналов, – о заинтересованности палеонтологией[250].

В архиве Мальцева имеется немало доказательств тому, что краевед был увлеченным исследователем истории сибирского искусства и, в особенности, иконописи в Сибири. Среди таковых – «Заметки по иконографии Сибири», датированные мартом 1940 г., и написанные в декабре того же года »Материалы к истории живописи в Западной Сибири». В последней работе автором была дана периодизация ненаписанной, по его выражению, истории западно-сибирской иконописи.

В одном из рукописных вариантов статьи «Забытый художник» Мальцев писал: «Тобольский музей хранит немало картин Д. П. Шелуткова (1807–1899. – *А. Р.*), но ни администрация музея, ни граждане Тобольска не скажут ровно ничего о самом творце этих картин». Краевед выступил в качестве биографа старого сибирского художника-иконописца, собрав документы и фотографии последнего, а также списавшись с дальними родственниками и учениками Шелуткова и выяснив, в частности, что художник имел непосредственное отношение и к Омскому Прииртышью (выполнил иконостас церкви с. Самсоновского, что близ Тары).

Между прочим, изучение жизни и творчества художника привело краеведа к весьма неутешительному умозаключению. «...Вообще нужно заметить, – писал

он, – что мы, русские, все еще проявляем порой непонятное равнодушие к своей местной изобретательности, талантливости, проглядываем в окружающей жизни такие явления, которыми справедливо гордился бы иностранец»[251].

Среди бумаг краеведа обнаружилось составленное им в 1935 г. заключение о проектах работ по устройству р. Замарайки и озер, лежащих на ее пути. Энтомолога Мальцева эти проекты интересовали прежде всего в силу их противомалярийной направленности. В 1939 г. в одном из номеров «Омской области» был напечатан его совместный с П. Л. Дравертом материал «Биологический метод борьбы с малярийным комаром»[252].

Однако на страницах этого журнала появлялись и мальцевские работы совсем иного плана, например статья «"Картофельный бунт" в Тобольской губернии (по неизданным материалам)» или рецензия на вышедшую в свет в 1939 г. брошюру «Омские областные архивы».[253]

Эти работы позволяют судить об их авторе как о заинтересованном в изучении исторического прошлого края исследователе, весьма неплохо ориентировавшимся в фондах областного архивохранилища. Таким образом, М. В. Мальцев, сейчас почти никому не известный, фактически забытый, предстает перед нами достаточно активным участником краеведческого движения 1930 – начала 1940-х гг., внесшим определенный вклад в развитие омского краеведения, как естественно-географического, так и историко-культурного.

Итак, можно было убедиться, что омский краеведческий корпус хотя и понес в конце 1920-х – 1930-е гг. весьма ощутимые потери, все же продолжал существовать. Причем не просто существовать, но и активно действовать. Значительная часть увлеченных любителей местного края по-прежнему занималась его изучением, несмотря на всю неблагоприятность наступивших времен. Думается, нам удалось показать также и то, что среди этих краеведов было немало весьма видных и авторитетных знатоков Прииртышья, что в известной мере обеспечивало выживание и даже развитие самого краеведческого движения в данном регионе как в 1930-е гг., так и в последующие десятилетия.

ГЛАВА III

«ВЫНУЖДЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ»

Сохранение краеведческой традиции и тем более дальнейшее развитие краеведения вряд ли были бы возможны, если бы краеведческие кадры с течением времени не пополнялись. Под пополнением в данном случае мы имеем в виду не только компенсацию тех или иных потерь, но и кадровый рост. Одним из источников нарастания (не столько в количественном, сколько в качественном отношении) кадрового потенциала омского краеведения был приезд в Омск ряда замечательных краеведов из других, как правило, расположенных ближе к центру мест. Причем приезд этот зачастую был таким же вынужденным, как и отъезд из Омска ряда краеведов-омичей. Так, в 1930-х гг. в Омске поселились и приступили к работе, в том числе краеведческой, бывшие уже достаточно известными и заслуженными энтузиастами краеведения С. Р. Лаптев, А. Ф. Палашенков, В. Н. Хитрово и др.

Сергей Романович Лаптев (1891–1967) родился в г. Чистополе Казанской губ. в семье приказчика. Около трех лет прослужил в царской армии, подпоручик инженерных войск, участник Первой мировой войны. В 1918 г. был мобилизован в колчаковскую армию, отступал с нею до Красноярска, где перешел на сторону красных. Служил в Особом отделе 5-й армии, в 1920 г., будучи военным топографом и начальником оперативно-строительного отдела, воевал на польском фронте. Имеются сведения, что С. Р. Лаптев учился в Томске и работал в Красноярске заведующим метеорологическим бюро и сотрудником музея[1].

В личном архивном фонде Лаптева хранятся его воспоминания о П. Л. Драверте, из которых, в частности, явствует, что в 1923–1924 гг. мемуарист находился в Омске и посещал собрания ЗСОРГО[2]. Любопытно, что в юбилейной публикации о чествовании Омским отделом Географического общества С. Р. Лаптева «по случаю 70-летия со дня рождения и 35-летия научно-общественной деятельности», подготовленной скорее всего А. Ф. Палашенковым и вряд ли без участия самого юбиляра[3], указывалось, что уже с 1923 г. «старейший краевед» жил и работал научным сотрудником агрометеослужбы в Свердловске[4].

Это явная неточность. В документах фонда Омского отдела ВГО имеется анкета, заполненная С. Р. Лаптевым 11 марта 1924 г. при вступлении в действительные члены ЗСОРГО. Судя по этой анкете, 31-летний, женатый, беспартийный «служащий-интеллигент» был в то время студентом-заочником физико-математического факультета Томского университета, научных трудов и ученых званий не имел, состоял ранее действительным членом Русского общества любителей мироведения и членом-корреспондентом РГО, владел двумя профессиями (основная – служащий и «частная» – кооператор) и выражал желание работать в Отделе, занимаясь исследованиями в области климатологии, метеорологии и математической географии[5].

Из других документов видно, что краевед в 1923–1924 гг. проживал в Омске на Большой Луговой улице и работал в Сибирском областном союзе сельскохозяйственных кооперативных союзов (Сибсельскосоюз), контора которого размещалась в доме № 11 по улице Тобольской. Подпись секретаря правления Сибсельскосоюза Лаптева стоит на письме, датированном 2 марта 1924 г. и извещавшем ЗСОРГО, что Сибсельскосоюз «согласно постановлению Н[ашего]/правления... вступает в число членов (коллективных. – *А. Р.*) В[ашего]/общества»[6]. Таким образом, становится ясно, что оказаться в Свердловске в 1923 г. С. Р. Лаптев никак не мог, это произошло, во всяком случае, не ранее весны 1924 г.

Еще большая путаница происходит в отношении даты возвращения краеведа в Омск. В воспоминаниях о Драверте (1960 г.) он писал, что ближе познакомился с последним «через 13 лет (отсчитывая от 1923–1924 гг. – *А. Р.*), после... возвращения из Свердловска. Шел 1937 г...»[7]. Из переписки Лаптева с директором Свердловского краеведческого музея (тот же 1960 г.) видно, что в период 1924(25)–1937 гг. он работал в Уральском обществе любителей естествознания, Уральском областном бюро краеведения (УОБК) и Уралмузее: «С 1925 по 1937 год я работал в музее и УОЛЕ»; «в Свердловске я работал в музее и УОЛЕ с 1925 по 1937 год и имел возможность

встречаться с целым рядом интересных и известных лиц»; «в период 1924–1937 г. я работал в УОБК и УОЛЕ, а также в Облмузее»[8].

С заметным постоянством называл краевед 1937 г. как последний год своего пребывания на Урале и возвращения в Омск. Действительно, в его личном фонде содержится целый ряд документов, подтверждающих, что в этом году он уже жил и работал в Омске (акт о передаче Омского ОБК музейно-краеведческому сектору Омского ОблОНО, описи имущества, различные справки за подписью заместителя председателя Омского бюро краеведения С. Р. Лаптева-Зенковского[9]). Между тем документы другого фонда – Омского общества краеведения – свидетельствуют, что Лаптев появился в Омске несколько ранее. В одном из разделов «Доклада о деятельности Омского Областного Оргбюро Краеведения с момента его организации по 5 августа 1935 г.» он упоминается как приглашенный на оплачиваемую должность зампреда облоргбюро[10], а в сентябре 1935 г. краевед выступал с заключительным словом на одном из заседаний бюро[11]. Не удивительно, что имя одного из руководителей Омского ОБК, научного работника местной ВКСХШ (высшей коммунистической сельскохозяйственной школы) Лаптева-Зенковского значится и в документах, датированных 1936 г.[12]

В уже называвшемся материале «Юбилей краеведа» (1963 г.) говорилось, что Лаптев «принимал активное участие в работе Уральского общества любителей естествознания, а позднее занимал должность ученого секретаря этого общества. С 1924 по 1934 гг. работал в Уральском музее в должности старшего хранителя и ученого секретаря. По семейным обстоятельствам в 1934 году переехал в Омск, где принимал активное участие в музейно-краеведческой работе...»[13]. Итак, годом возвращения краеведа в Омск называется уже не 1937-й, а 1934-й.

Существенно прояснили этот вопрос документы пенсионного дела С.Р. Лаптева (начато в 1953 г., окончено в 1967 г.). В это дело подшита справка из Свердловского краеведческого музея, данная в 1953 г. «гражданину Лаптеву-Зенковскому... о том, что он работал в Уральском обществе любителей естествознания в должности ученого секретаря музея с 15 мая 1926 г... по 1 июня 1930 года, уволен по личному желанию». Другая справка, выданная архивом Института истории партии Свердловского обкома КПСС – филиала ИМЭЛ при ЦК КПСС, удостоверяет, что «Лаптев-Зенковский С. Р. действительно работал с 1 октября 1930 года по 1 октября 1932 года в качестве ассистента Уральского Коммунистического университета им. Ленина в г. Свердловске» (приведены ссылки на 5 архивных дел истпартовского фонда № 2035).

В заявлении же от 18 сентября 1953 г. сам С. Р. Лаптев просил установить его «трудовой стаж работы в Омском КомВузе, впоследствии Коммун[истической] с/х школе, в качестве преподавателя химии с 1 октября 1932 г. по 26 октября 1937 г. «путем опроса свидетелей, т. к. справка из партархива Омского обкома КПСС подтверждала лишь дату его увольнения из ВКСХШ. Свидетельские показания трех бывших сослуживцев Лаптева действительно подтвердили, что будущий пенсионер в 1932–1937 гг. «работал в Омском коммунистическом университете, впоследствии – Высшей с/х партийной школе, в качестве преподавателя химии и заведующего химическим кабинетом»[14].

Таким образом, удалось установить точную дату возвращения С. Р. Лаптева в Омск – 1932 г.[15]. Заодно прояснилась и ситуация с фамилией краеведа, до отъезда в Свердловск писавшегося Лаптевым, затем ставшего Лаптевым-Зенковским и, наконец, снова просто Лаптевым. Из милицейской справки, приобщенной к тому же пенсионному делу, видно, что вторая часть двойной фамилии Сергея Романовича была фамилией его жены, а в 1936 г. «ему был выдан паспорт только на свою фамилию – Лаптев». Что же касается того обстоятельства, что краевед, столь хорошо помнивший в 1953 г. время своего приезда в Омск, спустя всего несколько лет стал называть в качестве такового 1937 г., оно по-прежнему остается загадочным.

Особый интерес вызывают причины, побудившие С. Р. Лаптева оставить работу на Урале, несмотря на то, что его краеведческая деятельность там была более чем успешной. Краевед, как уже говорилось, входил в руководство УОЛЕ, УОБК и Уралмузея, «близко соприкасался» со многими выдающимися деятелями отечественной науки и культуры. Среди них сам Лаптев называл видного деятеля советского краеведения 1920-х гг. академика А. Е. Ферсмана, известного метеоритоведа, также принимавшего активное участие в краеведческом движении, Л. А. Кулика, уральского писателя П. П. Бажова, художника и искусствоведа И. Э. Грабаря и др.[16] Можно добавить, что в круг его общения входили также известный советский библиограф Н. В. Здобнов (С. Р. Лаптев переписывался с ним, информировал о делах УОБК, на которое «косо» смотрело Центральное бюро краеведения[17]), старейшие краеведы Урала Д. М. Бобылев[18] и В. П. Бирюков. В журнале «Северная Азия» С. Р. Лаптев периодически публиковал своеобразные отчеты о работе уральских краеведов[19].

Работая в УОЛЕ, этом старейшем, созданном еще в 1870 г. краеведческом обществе, С. Р. Лаптев совместно с В. А. Батмановым принимал участие в организации фенологической сети, охватившей всю территорию Урала, включая Приуралье

и Зауралье, был председателем фенологической комиссии. В ходе многочисленных поездок по Уральскому краю ему нередко улыбалась удача краеведа-поисковика. Так, в Кыштыме, на задворках заводской школы, Лаптевым была обнаружена принадлежавшая ранее Уркварту коллекция каслинского чугунного литья. На севере Чердынского края «при ближайшем участии Лаптева было приобретено у местных жителей большое количество серебряных изделий, в т. ч. два блюда с золотой чеканкой, пополнивших уникальное собрание сасанидских блюд Эрмитажа.

Наконец, вместе с тагильскими краеведами в старом демидовском каретнике Лаптев нашел «Мадонну» Рафаэля, вывезенную в екатерининские времена из Лоретти агентами уральского заводчика. «После реставрации И. Э. Грабарем эта картина совершила триумфальное турне по Западной Европе»[20]. Интересно, что заведующий Тагильским окружным музеем местного края А. Н. Словцов сообщал в свое время (март-апрель 1925 г.) Н. В. Здобнову о хранящейся в музее «Мадонне», приписываемой кисти Рафаэля, и просил ускорения экспертизы, опасаясь за судьбу картины[21].

Л. И. Зорина в своей монографии «История Уральского общества любителей естествознания» отмечает, что С. Р. Лаптеву-Зенковскому, ученому-секретарю этой организации в 1926–1928 гг., принадлежало еще одно открытие: целым рядом своих статей он открыл «новую эпоху в историографии УОЛЕ»[22]. «В 1927 г. в сборнике "Уральское краеведение", журналах "Северная Азия" и "Округ" он писал о перестройке в деятельности УОЛЕ, о планах на ближайшее будущее»[23].

Вернемся, однако, к причинам отъезда краеведа из Свердловска в 1932 г. Выше уже назывались некие «семейные обстоятельства», вполне возможно, что таковые действительно имели место. Можно также предположить, что им сопутствовали, а то и сыграли решающую роль не менее серьезные обстоятельства уже не личного порядка. Ведь именно в 1932 г. до Урала докатилась волна погромных акций, обрушившаяся в начале 1930-х гг. на советское краеведение. После печально знаменитого Пленума ЦБК (1931 г.), потребовавшего пересмотра и переоценки всей краеведческой литературы, 8 января 1932 г. состоялось заседание президиума УОБК. Председатель бюро Я. И. Истомин заявил, что «фракция ВКП(б) считает необходимым активизировать борьбу на краеведческом фронте за генеральную линию партии, за строгую идеологическую выдержанность, против правого оппортунизма, левого загиба и контрреволюционной троцкистской пропаганды».

Провозглашенная «активизация борьбы» должна была начаться с «чистки» изданной на Урале краеведческой литературы, в которой, по словам того же Исто-

мина, можно было найти «целый букет контрреволюции: тут и мракобесие, и черносотенство, и великодержавный шовинизм, и неоэсеровщина, и юродствующее толстовство». «Чистка» литературы была поручена некоему М. Голубых, который, к примеру, «Краеведческому вопроснику» замечательного уральского краеведа В. П. Бирюкова (Пермь, 1929) дал следующую оценку: «Это не только не советское краеведение, но оно подает слабые надежды стать советским когда-либо». И еще: «Ряд сведений по этому вопроснику можно преподнести разве что угрозыску»[24].

За пересмотром литературы последовала «чистка» аппарата и членского состава УОБК. Тот же В. П. Бирюков был освобожден тогда от обязанностей инструктора оргбюро. Более года «работал» на Урале (т. е. «присматривал за краеведами») эмиссар ЦБК Н. Ловцов. «Присмотревшись» к деятельности УОБК, он пришел к выводу, что «бесплановое любительство в краеведении, изучение канвы платьев народностей, исследование сказок о Заиньке Беленьком должны быть похоронены... УОБК нужна ломка, и ломка коренная»[25]. Думается, что перспектива такой «ломки» и тем более «похорон» вряд ли могла прельстить члена президиума УОБК С. Р. Лаптева.

Перебравшись в Омск, краевед, как уже указывалось, занялся преподаванием в местном комвузе (партшколе). Примечательно, что высшего образования преподаватель химии Лаптев, строго говоря, не имел, хотя порой и утверждал обратное в разного рода официальных бумагах. Томский университет он так и не окончил, оставив учебу на последнем курсе[26]. Тем не менее Лаптев был авторитетным специалистом-гидрохимиком. По поручению Гидрологического института в 1934–1936 гг., он принимал участие в составлении Водного кадастра (было учтено свыше 5 тыс. анализов поверхностных и глубинных вод Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана)[27]. В летнее время Лаптев неоднократно участвовал в экспедициях Трансводпроекта по обследованию химического состава воды в источниках водоснабжения паровозов серии «ФД», введенных тогда в эксплуатацию на магистрали «Челябинск – Иркутск». Краевед был инициатором создания в Омске при бюро краеведения сектора гидрологических изысканий для обследования заводских строительных площадок[28].

Еще раз заметим, что он входил в аппарат Омского ОБК, сперва в качестве секретаря, а в 1935–1937 гг. – заместителя председателя бюро. Ликвидация этой краеведческой организации заставила С. Р. Лаптева искать иной возможности продолжения своих уже почти профессиональных занятий краеведением. Уволившись в октябре 1937 г. из ВКСХШ, он приступил к работе на областной станции юных

натуралистов в должности заведующего отделом неживой природы. На станции юннатов краевед трудился до августа 1943 г., причем в последние годы заведовал ее учебно-методической частью.

К сожалению, мы не располагаем информацией о деятельности краеведа в последующие почти полтора года. Известно лишь, что в период с 15 декабря 1944 г. по 27 октября 1945 г. он преподавал химию в средней школе Черлакского зерносовхоза Дробышевского района Омской области[29]. Позже, проезжая как-то мимо одного из озер близ Ачаира, он вспоминал о суровом быте военных лет: «Я помню, как в годы войны на этом озере мы собирали корневища сусака... из которых получали после сушки прекрасный розоватый крахмал, из которого готовили печенье, что вызывало большой фурор в то время»[30].

В марте 1946 г. начался длившийся более 5 лет период работы Лаптева в Омском областном краеведческом музее в должности заместителя директора по научной части, что заметно стимулировало его деятельность по изучению Омского края хотя бы потому, что исследователь получил возможность совершать краеведческие поездки по Прииртышью. В августе 1948 г. краевед совершил путешествие, которое впоследствии, обработав полевой дневник, подробно и увлекательно описал в своих заметках «По реке Оми на лодке». Эти заметки способны многое поведать не только о том, что краевед увидел и узнал нового и интересного, но и о его личных качествах, чувствах и пристрастиях.

«Я непосредственно [занялся] подготовкой экспедиционного имущества, – писал С. Р. Лаптев. – Люблю такую работу. Может быть, это особенность моей натуры... Искусство подготовки – это большое искусство и требует большой опытности и практики в этом деле... А. Ф. (Палашенков. – *А. Р.*) полностью поддержал нашу экспедицию. Расходы, как это всегда бывает в музейных экспедициях, самые минимальные... Вообще, когда за экспедицию берутся музейцы и краеведы, то расходы всегда грошовые. Это настоящая любовь к делу, любовь к своей профессии, любовь к своему краю». «Случайными спутниками» С. Р. Лаптева в этом путешествии были Н. И. Вицина и Н. Н. Галкин. «Мои компаньоны едут "отдохнуть", – заметил краевед, – поэтому у них с собой много такого, чего мы, путешественники-исследователи, не берем»[31].

На автомобиле участники экспедиции достигли деревни Усть-Гора Нижнеомского района, граничащего с Новосибирской областью. (С. Р. Лаптев: «Встречный ветерок от быстрого хода машины. Люблю я смотреть вперед, лицом к встречному ветру. Удивительно, как любит человек быстрое передвижение!»[32]) Затем на двух

лодках пошли вниз по реке, к Омску. Лодки шли раздельно, причем спутники Лаптева двигались гораздо медленнее, ему часто приходилось поджидать их в течение нескольких часов, а то и всего дня. («Конечно, все это понятно. Они ведь отдыхают»[33]) Сам же краевед был на своей любимой работе: он брал пробы воды и грунта, забивал шурфы, искал курганы и кости ископаемых животных, разбирался, чем местные оконные наличники отличаются от тех, которые ему довелось видеть в казачьих поселениях, скажем, в Черлаке или Ачаире.

Все привлекало его внимание, все интересовало и находило свое отражение на страницах его дневника: «Каково же было мое изумление, когда я, проснувшись утром... узнал, что... молоко в котелке было съедено псами. Это тем более удивительно, что эти псы очень трусливы и все же, несмотря на это, забрались в качающуюся лодку и выпили молоко»[34]. В этом весь Лаптев – скрупулезный натуралист, фиксирующий, подобно первопроходцу в неведомых краях, каждую мелочь, романтик, не утративший с годами любознательности и остроты восприятия, готовый, как ребенок, без конца и всему удивляться. Кажется, не существовало ничего такого, что оставило бы его равнодушным. В одном из райцентров краевед «посетил председателя РИК т. Деньгина и указал ему на полную неосвоенность р. Оми. Указал ему на возможность добычи мха и сбыта его в Омск, на отсутствие рыболовства... Деньгин очень нервный... плохо говорящий человек, видимо, мягкий и не пользующийся особым авторитетом у своих подчиненных»[35]. Кстати, уже в Омске С. Р. Лаптев составил на основе своих экспедиционных впечатлений докладную записку в Облплан по вопросу использования р. Оми.

В следующем 1949 г. краевед совершил еще одно не менее увлекательное путешествие, на этот раз вместе с Н. А. Плотниковым и М. С. Каргаполовым, которые, собственно, и пригласили его в поездку на озера Кызыл-Как, Селеты и Теке. «Уговаривать меня не пришлось, – записал Лаптев. – Сборы были недолгие, но достаточно обдуманные... Со мной деревянный ящик – походная лаборатория, посуда для отбора проб воды, грязи и т. п., рюкзак с провизией и ватник»[36]. Машинописный текст заметок об этом путешествии, озаглавленный «650 км по южным районам Омской области и Северо-Восточному Казахстану (путевые впечатления во время поездки на автомашине)», составляет одно из дел лаптевского фонда. Открываются заметки своеобразным обоснованием необходимости для краеведов такого рода поездок: «Лето – это прекрасная пора для людей всех возрастов и всех профессий. Для нас, краеведов, лето – это пора поездок, экспедиций, экскурсий, всякого рода скитаний и... просто бродяжничества. Иногда зимой, сидя где-нибудь в плохо

отапливаемом рабочем музейном кабинете, мечтаешь или обмениваешься мыслями с каким-нибудь приятелем-краеведом или с уважаемым А. Ф. (Палашенковым. – *А. Р.*) о том, как много нужно нам, краеведам, еще сделать, чтобы изучить сколько-нибудь полно нашу область.

Краеведу нужно знать так же хорошо свой край, кусочек большой советской родины, как ребенок знает свой дом и двор, рабочий – свой завод, колхозник – свои поля. Но в действительности мы еще далеки от этого. Правда, по целому ряду вопросов мы знаем свой край лучше других людей и даже значительно лучше, но то, чего мы еще не знаем, еще так велико и так многообразно, а иногда так важно и значительно, что кажется – мы еще далеко отстаем в своей профессии от рабочего и колхозника, и даже от ребенка. Вот почему никакие научные трактаты, мемуары прежних исследователей, краеведческие очерки писателей не смогут заменить непосредственного личного знакомства с той территорией, которая нас интересует»[37].

Заметки С. Р. Лаптева позволяют представить, чем занимался краевед в ходе этой поездки: «Я взял пробу воды, собрал несколько образцов ископаемых, каких-то мелких, серых, не встречающихся у нас лягушек... Поражает... отсутствие птиц и животных. Лишь изредка увидишь луня да жаворонков по дорогам. А в проезжаемых низинах нет ни уток, ни куликов... Подъезжаем к берегу озера (Теке. – *А. Р.*). Сравнивая карту Берга с нашими картами, приходим к убеждению, что мы недалеко от того места, где был Л. С. Берг в 1890 г. во время своей известной экспедиции по южной части Омского уезда: Здесь мы делаем большую станцию часа на 2–3... Делаю сборы: галька и песок с берега, образцы пород... некоторые любопытные растения... а также подборка материала по генезису и цементации рыхлых отложений... Беру пробы воды и грязи... образцы галита, ископаемых, некоторых лишайников и мха...»[38]

«Путевые впечатления» полны любопытных сведений краеведческого характера. К примеру, на 6 страницах путешественник описывает «бытовую обстановку зажиточного казаха» – председателя одного их колхозов, который «почему-то просил называть его Самуилом». Лаптевым было зафиксировано, что висит на стенах, лежит на подоконнике, были отмечены особенности угощения (русских гостей вежливо попросили не есть имевшуюся у них свиную колбасу), был составлен план председательского жилища и даже срисован украшавший его стены орнамент. Не меньший интерес краеведа вызвал и сам хозяин, вернее, особенности его поведения: «У хозяина дурное настроение. Он ругается, пересыпая ругательства русскими

лодках пошли вниз по реке, к Омску. Лодки шли раздельно, причем спутники Лаптева двигались гораздо медленнее, ему часто приходилось поджидать их в течение нескольких часов, а то и всего дня. («Конечно, все это понятно. Они ведь отдыхают»[33]) Сам же краевед был на своей любимой работе: он брал пробы воды и грунта, забивал шурфы, искал курганы и кости ископаемых животных, разбирался, чем местные оконные наличники отличаются от тех, которые ему довелось видеть в казачьих поселениях, скажем, в Черлаке или Ачаире.

Все привлекало его внимание, все интересовало и находило свое отражение на страницах его дневника: «Каково же было мое изумление, когда я, проснувшись утром... узнал, что... молоко в котелке было съедено псами. Это тем более удивительно, что эти псы очень трусливы и все же, несмотря на это, забрались в качающуюся лодку и выпили молоко»[34]. В этом весь Лаптев – скрупулезный натуралист, фиксирующий, подобно первопроходцу в неведомых краях, каждую мелочь, романтик, не утративший с годами любознательности и остроты восприятия, готовый, как ребенок, без конца и всему удивляться. Кажется, не существовало ничего такого, что оставило бы его равнодушным. В одном из райцентров краевед «посетил председателя РИК т. Деньгина и указал ему на полную неосвоенность р. Оми. Указал ему на возможность добычи мха и сбыта его в Омск, на отсутствие рыболовства... Деньгин очень нервный... плохо говорящий человек, видимо, мягкий и не пользующийся особым авторитетом у своих подчиненных»[35]. Кстати, уже в Омске С. Р. Лаптев составил на основе своих экспедиционных впечатлений докладную записку в Облплан по вопросу использования р. Оми.

В следующем 1949 г. краевед совершил еще одно не менее увлекательное путешествие, на этот раз вместе с Н. А. Плотниковым и М. С. Каргаполовым, которые, собственно, и пригласили его в поездку на озера Кызыл-Как, Селеты и Теке. «Уговаривать меня не пришлось, – записал Лаптев. – Сборы были недолгие, но достаточно обдуманные... Со мной деревянный ящик – походная лаборатория, посуда для отбора проб воды, грязи и т. п., рюкзак с провизией и ватник»[36]. Машинописный текст заметок об этом путешествии, озаглавленный «650 км по южным районам Омской области и Северо-Восточному Казахстану (путевые впечатления во время поездки на автомашине)», составляет одно из дел лаптевского фонда. Открываются заметки своеобразным обоснованием необходимости для краеведов такого рода поездок: «Лето – это прекрасная пора для людей всех возрастов и всех профессий. Для нас, краеведов, лето – это пора поездок, экспедиций, экскурсий, всякого рода скитаний и... просто бродяжничества. Иногда зимой, сидя где-нибудь в плохо

отапливаемом рабочем музейном кабинете, мечтаешь или обмениваешься мыслями с каким-нибудь приятелем-краеведом или с уважаемым А. Ф. (Палашенковым. – *А. Р.*) о том, как много нужно нам, краеведам, еще сделать, чтобы изучить сколько-нибудь полно нашу область.

Краеведу нужно знать так же хорошо свой край, кусочек большой советской родины, как ребенок знает свой дом и двор, рабочий – свой завод, колхозник – свои поля. Но в действительности мы еще далеки от этого. Правда, по целому ряду вопросов мы знаем свой край лучше других людей и даже значительно лучше, но то, чего мы еще не знаем, еще так велико и так многообразно, а иногда так важно и значительно, что кажется – мы еще далеко отстаем в своей профессии от рабочего и колхозника, и даже от ребенка. Вот почему никакие научные трактаты, мемуары прежних исследователей, краеведческие очерки писателей не смогут заменить непосредственного личного знакомства с той территорией, которая нас интересует»[37].

Заметки С. Р. Лаптева позволяют представить, чем занимался краевед в ходе этой поездки: «Я взял пробу воды, собрал несколько образцов ископаемых, каких-то мелких, серых, не встречающихся у нас лягушек... Поражает... отсутствие птиц и животных. Лишь изредка увидишь луня да жаворонков по дорогам. А в проезжаемых низинах нет ни уток, ни куликов... Подъезжаем к берегу озера (Теке. – *А. Р.*). Сравнивая карту Берга с нашими картами, приходим к убеждению, что мы недалеко от того места, где был Л. С. Берг в 1890 г. во время своей известной экспедиции по южной части Омского уезда: Здесь мы делаем большую станцию часа на 2–3... Делаю сборы: галька и песок с берега, образцы пород... некоторые любопытные растения... а также подборка материала по генезису и цементации рыхлых отложений... Беру пробы воды и грязи... образцы галита, ископаемых, некоторых лишайников и мха...»[38]

«Путевые впечатления» полны любопытных сведений краеведческого характера. К примеру, на 6 страницах путешественник описывает «бытовую обстановку зажиточного казаха» – председателя одного их колхозов, который «почему-то просил называть его Самуилом». Лаптевым было зафиксировано, что висит на стенах, лежит на подоконнике, были отмечены особенности угощения (русских гостей вежливо попросили не есть имевшуюся у них свиную колбасу), был составлен план председательского жилища и даже срисован украшавший его стены орнамент. Не меньший интерес краеведа вызвал и сам хозяин, вернее, особенности его поведения: «У хозяина дурное настроение. Он ругается, пересыпая ругательства русскими

и казахскими словами. Говорят, что русское матерное ругательство самое крепкое и самое действенное. Должно быть это правда!»[39]

В лаптевских записях нашлось место и председательскому соседу - местному мулле: «Я был удивлен, встретив здесь сейчас "муллу", но оказалось, что это духовное лицо имеется в каждом казахском ауле, а в некоторых даже по два. Наш "мулла" не походил на старых мулл, какими я их видел раньше, в чалмах и длинных халатах. На нем были военная гимнастерка с поясом, галифе, сапожки... довольно новая военная фуражка... Он выглядел молодцевато, с военной выправкой... Если бы мне не сказали, что это мулла, то я его принял бы за продавца сельпо, заготовителя или какого-либо другого чинушу»[40]. Думается, эти записи, учитывая их почти полувековую давность, могут представлять несомненный интерес для этнографов.

В ходе поездки Лаптев обращал внимание и на археологические памятники, обилие которых было для краеведа «исключительным сюрпризом». Курганам и городищам он посвятил отдельную главку своих путевых заметок. «...Группа больших, в полном смысле "богатырских" курганов, безусловно, очень интересна... – записал Сергей Романович. – Фотографию и зарисовываю... Не знаю, известно ли что о них А. Ф.?»[41]

Естественно, Лаптев совершал и небольшие экскурсии (как правило, пешеходные) по окрестностям Омска. Так, в 1949 г. он прошел маршрутом «Чернолучье – Ильинка», в следующем году провел геологическое обследование обнажений иртышских берегов в районе Черемушек – Новой станицы, в 1951 г. побывал на стоянке «Крутой (Большой? – *А. Р.*) Лог» и на Ермаковой горе (возвышенность на левом берегу Иртыша). Частым спутником Лаптева в этих недальних странствиях был Палашенков (в «походе по правому берегу Оми бросилась в глаза темная гумусовая полоса в обнажении... А. Ф. Палашенков считает, что этот слой является результатом оползня, хотя признаков оползня не найдено...»[42]).

В «Музейной летописи» читаем: «15 августа (1950 г. – *А. Р.*). Ученик 19-й школы, приехавший из лагерей Чернолучья, принес в музей нижнюю челюсть кабана... По словам мальчика, весь скелет был найден... вблизи Иртыша. С. Р. Лаптев хочет поехать туда посмотреть место находки... 17 августа... Лаптев отправился с Володей Морозом по берегу Иртыша посмотреть геологические отложения... 18 августа... Лаптев привез много интересного из своей короткой экспедиции: образцы песчаника, мох... остатки деревьев в торфе, черепки [со] стоянки, образцы различных слоев почвы...»[43]

В июне 1951 г. С. Р. Лаптев уволился из музея в связи с переходом на другую работу. С этого времени он – заведующий отделом краеведения (краеведческой

лабораторией) и руководитель кружка юных краеведов на областной юннатской станции. Краевед не только работал на станции, но и жил в принадлежавшем ей доме по ул. Учебной. Надо сказать, что Лаптев всегда проявлял к школьному краеведению самый живой интерес. В делах его личного фонда имеется немалое число документальных тому подтверждений. Это программа курса лекций по краеведению для пединститута (один из двух разделов этой включавшей 15 тем программы назывался «Методика и практика краеведческой работы в школе»), тексты отдельных лекций, докладов, планы семинарских занятий с учителями и школьниками, рукописи «Маршруты туристских путешествий, походов и экскурсий по г. Омску, его окрестностям, Омской области и вне ее пределов» и «Маршруты экскурсии по г. Омску и его окрестностям» (С. Р. Лаптев и А. Ф. Палашенков, 1947–1948 гг.).

Такого же рода материалами являются черновики статей Лаптева «Очередные задачи краеведческой работы в школах в зимний период», «Организуйте в школе наблюдения над периодическими явлениями природы», «Как приготовить чучела птиц или зверя небольшого размера», а также весьма критический отзыв на брошюру «Тематика и методика занятий географо-краеведческого кружка в средней школе» («Эта программа, – писал С. Р. Лаптев, – не может служить руководством к действию, а есть набор разнообразных и не совсем удачных тем») и многое другое[44].

Одно из дел фонда так и озаглавлено: «Школьно-краеведческая работа». В нем помимо прочего содержатся рукописи лаптевских лекций («Вводная лекция – беседа для базовых краеведческих кружков», «Изучение местных богатств в школьном химическом кружке» и др.), различные задания, вопросники для обследования школьниками колхозной библиотеки, колхоза, совхоза, молочного завода, райцентра, места падения метеорита и т. п., изложение опыта проведения внутрирайонных краеведческо-туристских эстафет как «формы массовой краеведческой работы». Судя по всему, С. Р. Лаптев принимал участие в проведении таких эстафет в Полтавском («Полтавская кругосветка»), Марьяновском и Тарском районах[45]. Вместе с юными натуралистами-краеведами их наставник участвовал в ВСХВ и был отмечен медалью выставки.

Занимаясь с юными краеведами, Лаптев, как это уже было отчасти показано нами в первой главе, нисколько не снизил своей активности путешественника. Уже в июле 1951 г., т. е. фактически сразу после прихода на станцию юннатов, он совершил со своими кружковцами поездку в Большереченский и Горьковский районы области. В отчете об этой недельной экскурсии Лаптев заметил, что хорошая

организация работы – половина успеха дела». И хорошая организация экскурсии, и полный ее успех были налицо. Экскурсанты составили описание древних курганов, собрали гербарий и коллекцию насекомых, им удалось договориться с работниками Сидоровского сельпо и завладеть двумя старинными пушками, приготовленными к сдаче в утиль. «Большой научный интерес представила собранная коллекция отпечатков плиоценовых рыб» на железистом песчанике и плитчатом сидерите.

Один из бывших юннатов – участников этой экспедиции В. Е. Шрам вспоминал: «Тогда Иртыш подарил нам целую полуторку костей мамонта, саблезубого тигра, древних быков, целый короб отпечатков древних рыб... Мы видели древние курганы, широкий разлив реки, деревенскую жизнь и многие другие прелести нашего края... Мы творили такое, что могут творить дети от радости общения с природой. А Сергей Романович постоянно наблюдал за нами с крутых берегов издалека, стоя в своем брезентовом плаще и допотопной шляпе, да с портфелем в руках, истертым временем. Он улыбался и радовался нашим шалостям... Тогда под Исаковской мы нашли более 500 отпечатков рыб... Оказалось, что мы собрали уникальную коллекцию... Ибо только в Британском музее имелось всего 300 таких отпечатков»[46]. Есть сведения, что впоследствии эти находки активно изучались и публиковались московскими учеными, причем без каких бы то ни было ссылок на юннатов и их наставника[47].

В октябре 1951 г. Сергей Романович совершил путешествие в северный Васисский район Омской области. В его архиве имеется «дорожный дневник» этой поездки. Следуя своей давней привычке, путешественник подробно описал все, что видел и слышал, с чем сталкивался. На страницах дневника нашлось место и тарской гостинице, и устройству ее 4-местного номера, и даже некоторому своеобразию застилки гостиничных коек. Вот, к примеру, одно из дорожных впечатлений: «Наличие ресторана в Таре при двух ресторанах в Омске... это уже достижение! В общем-то неплохой. В Таре работает свой пивзавод и пиво здесь всегда и везде имеется. Здесь Тара уже определенно обогнала Омск»[48].

Интересно, что спустя несколько лет в своих записках о путешествии из Омска в Усть-Ишим (май – июнь 1955 г.) краевед отметил все то же тарское преимущество: «В Омске выпить кружку пива – проблема. Здесь проще. Пиво можно найти во многих киосках...» И добавил: «Здесь можно купить то, что сейчас в Омске не достанешь (пимы, дешевые конфекты, ткань для белья и др.)»[49]. Как и в случае с отмеченным выше описанием «бытовой обстановки зажиточного казаха», подобные

зарисовки повседневности придают, на наш взгляд, краеведческим записям Лаптева, может быть, не меньшую ценность, нежели отраженные в них сведения по истории или географии посещенных краеведом мест, т. к. содержат информацию, традиционными источниками, как правило, не фиксируемую.

Летом 1952 г. состоялась еще одна поездка лаптевского кружка. Юные краеведы шли пешим маршрутом «Черемушки – Новая станица – Татарка», а сам Лаптев отправился из Омска в Татарку на пароходе «Андрей Жданов». В своем дневнике он записал: «Раньше этот пароход назывался "Алтай"... Я измерил его длину по верхней палубе, и она оказалась равной 100 шагам... Пассажиров немного. Еду по билету 4-го класса в 3-м, на верхней полке общей каюты... Остановился в школе. Там должна была произойти моя встреча с ребятами. Однако их еще не было, что вызвало у меня чувство опасения за их судьбу. Стало уже темнеть, и вот явились они, радостные и возбужденные. Как выяснилось, им удалось найти "кладбище" мамонтов на Иртыше... Понятна радость ребят, ведь это их первое открытие». Примечательна заключительная фраза этой записи: «У ребят есть огонек, если не потухнет – будет для них счастливая жизнь!»[50]

Весной следующего года Лаптев опять ездил в Васисс и, как обычно, оставил об этой поездке интересные, полные наблюдений за местной обыденностью записи: «Центром Васисса является столовая... Это своего рода клуб... В столовой можно узнать все последние новости, можно... договорится о машине... Здесь договариваются, обсуждают дела, принимают решения, ищут нужных людей, ведут торговые сделки, обмен и т. д. Здесь всегда полно и всегда есть что выпить, поесть, однако пьяных, непристойно ведущих себя я не видел. Все чинно, деловито и благопристойно. В магазинах и лавках Васисса можно найти все, что нужно местному обывателю... Гужевого транспорта да и вообще лошадей я почти не видал... Сенокосов мало... Косьба только ручная, а выгонов почти что нет. Лес и болото, и все !»[51]

Архив краеведа полон свидетельств того, с каким энтузиазмом предавался он работе с юннатами, увлекая их краеведческим поискам – делом всей своей жизни. Вот еще одна запись Лаптева (экскурсия по маршруту «Омск – Новотроицкое – Исаковка», август 1956 г.): «В этой экскурсии меня сопровождали учащиеся – члены краеведческого кружка в количестве 9 человек. Передвижение было разнообразное: и на лодке, и на машине, и на автоцистернах. Весь отряд был разделен на несколько групп, выполнявших то или иное задание и часто работавших самостоятельно, отрываясь от меня иногда на несколько дней. Эта экскурсия примечательна еще разными приключениями, иногда очень неприятными (потерялись двое ребят,

из Омска приехали их родители; пропавшие, к счастью, вскоре нашлись. – *А. Р.*), но по своим результатам очень интересная»[52].

Сергею Романовичу было тогда почти 65 лет, шел третий год его пенсионерства, однако он не оставлял весьма хлопотной и очень ответственной работы с детьми. И, надо полагать, не только потому, что назначенная ему в декабре 1953 г. пожизненная пенсия исчислялась 150 рублями (в 1961 г. она вообще стала бы равной 15 рублям, если бы не была пересмотрена и повышена до 51 руб. 30 коп.).

Безусловно, краеведческая активность С. Р. Лаптева отнюдь не сводилась только к работе со школьниками. Он часто появлялся в областном музее, участвовал во многих его мероприятиях, делился с музейными работниками своими фенологическими наблюдениями и т. д.[53] Выше уже отмечалось, что краевед был ученым секретарем оргкомитета, занимавшегося воссозданием Омского отдела Географического общества, затем в течение многих лет состоял бессменным ученым секретарем Отдела. Добавим, что С. Р. Лаптев был делегатом II Всесоюзного съезда географов (1955 г.). В 1961 г. по случаю 70-летия со дня рождения и 35-летия научно-общественной деятельности «Ученый совет Географического общества СССР прислал С. Р. Лаптеву почетный отзыв за долголетний и плодотворный труд в Омском отделе»[54].

С годами занятия Лаптева приобретали, конечно, известный оттенок досуга пожилого человека. Но всякий раз, с наступлением нового полевого сезона он опять собирался в дорогу, становясь, как в годы молодости, неутомимым путешественником и азартным исследователем, занимавшимся краеведением во всей широте диапазона слагающих его дисциплин. Особое место в солидном перечне его экскурсий и экспедиций (в период с 1948 по 1965 гг. их состоялось не менее 65) занимает серия из более чем 40 совместных поездок с А. Ф. Палашенковым, бывшим сослуживцем Лаптева, его старым другом и, главное, таким же, как он, энтузиастом краеведческого поиска, страстным путешественником и опытным, закаленным полевиком. Будучи активными членами Омского отдела краеведы еще в 1954 г. ставили перед центральными органами Географического общества вопрос о выделении Отделу автомобиля. Наконец, в начале 1957 г. грузовая автомашина «ГАЗ-51» была получена. Кроме того, оба краеведа-пенсионера, оставив к этому моменту службу, могли свободно распоряжаться своим временем. Таким образом, к началу летнего сезона 1957 г. все необходимые условия для совместных путешествий были налицо.

Первая научная экскурсия на юг области (по Черлакскому тракту) была совершена в конце мая. «27 мая, – пишет Лаптев, – автомашина въезжает во двор музея –

сборное место для нашего экипажа. Всего нас четверо: я, А. Ф. Палашенков, Ф. В. Маренов и шофер Петр Лукич». Палашенкова, собиравшего в то время материалы для «Археологической карты Омской области» прежде всего интересовали археологические памятники: «...По дороге часто останавливаемся... Не пропускаем ни один курган. А. Ф. добросовестно их обследует, делает промеры, записывает, зарисовывает... Машина стоит пока он не подойдет к кургану и не произведет все необходимые наблюдения и измерения... По просьбе А. Ф. делаю зарисовку группы курганов...»[55] (Лаптев, нужно заметить, был очень неплохим рисовальщиком, несколькими штрихами пером он мог изобразить, допустим, озеро с облаками над ним, линией горизонта и зарослями тростника по берегам[56].)

Географа и лимнолога С. Р. Лаптева интересовали встречавшиеся по дороге водоемы, подробные геоморфологические характеристики отдельных участков, а также некоторые вопросы геоботаники. Краеведы не оставляли без внимания и другие местные достопримечательности. Так, в совхозе «Плодопитомник» (с. Большой Атмас) они посетили «парк, или как его называют здесь, сад, созданный казачьим полковником Грязновым, постоянно здесь проживавшим. Много любви и настойчивости надо иметь, чтобы создать... такой сад». В советское время парк был заброшен, многие деревья спилены, мраморный памятник на могиле жены полковника разбит: «Словом, картина – мерзость запустения!»[57]

В июне того же года были совершены еще две поездки на юг области (левобережье Иртыша) и одна на юго-запад. «А. Ф. ведет свои археологические наблюдения, а я занимаюсь гербаризацией», – записал Лаптев. Почти весь июль 1957 г. был занят двумя большими поездками – в таежные районы севера Омской области и по реке Оми. Кроме двух старых краеведов, в этих экспедициях принимали участие студенты во главе с ученым-ботаником Н. А. Плотниковым и школьники-кружковцы.

Вот некоторые замечания С. Р. Лаптева о поездке на север: «Руководит нашей поездкой А. Ф., ему же принадлежит право выбора нашего маршрута, в зависимости от расположения курганов и др. памятников прошлого. Останавливаемся очень часто. А. Ф. уходит к своим объектам, к которым нельзя подъехать на автомашине, а Н. А. производит со своими студентами ботанические работы... Между остановками едем быстро. Лично для меня это создает трудности в последовательном и регулярном ведении записей по описанию окружающей... природы. Многие населенные пункты проскакиваем не останавливаясь. Приходится приноравливаться к А. Ф. и Н. А., хотя последний также больше приноравливается к А. Ф.

Больше занимаюсь фотографированием и зарисовками, отчасти собиранием гербария и энтомологией».

Н. А. Плотников, спустя 35 лет, вспоминая по нашей просьбе об этой и других краеведческих поездках, рассказывал: «Ездили скромно, на грузовой машине Географического общества, в кабинке сидел Андрей Федорович – и по возрасту, и по положению он был самый почтенный, но очень скромный... А мы сидели в кузове... И Лаптев был человек очень скромный, о себе не беспокоился, не добивался никаких званий. Человек очень трудолюбивый, очень порядочный, добрый, знающий человек. Мы все его уважали как опытного научного работника, знатока Омской области. По-моему, он незаслуженно забыт. Один из его друзей – Палашенков, а это тоже о многом говорит. Это такого же типа человек, у него тоже никаких степеней не было... У меня такое впечатление, что нынешнее поколение ученых, оно какое-то более эгоистичное, а старое поколение – оно было более преданным науке и бескорыстным»[58]. Понятно, что всякое обобщение подразумевает известную долю условности, но, думается, по большому счету старый ученый был прав...

В августе 1957 г. краеведы совершили поездку в Казахстан, на озеро Боровое. На юго-западном берегу озера, в детском санаторном лагере-поселке они разыскали «одного местного старожила, краеведа Корнилова Ивана Ивановича... Корнилов хорошо знал П. Л. Драверта, Н. А. Плотникова... [Он] еще не старый, невысокого роста, является учителем местной школы, живет бобылем и занимает небольшую комнату»[59]. (Надо заметить, что С. Р. Лаптев никогда не упускал возможности описать внешний облик, особенности характера, условия жизни, интересы и занятия тех своих коллег по увлечению краеведением, которые встречались ему в ходе многочисленных поездок). В сентябре того же года А. Ф. Палашенков и С. Р. Лаптев совместно с геологами Омской экспедиции предприняли еще одно дальнее путешествие – на большие озера Северо-Восточного Казахстана. И все это – поездки одного полевого сезона!

В последующие годы С. Р. Лаптев и А. Ф. Палашенков совершили большое количество не менее интересных, насыщенных новыми находками и открытиями поездок. В ходе одной из них (1958 г.) краеведы обнаружили множество курганов. «Откуда они? Сейчас здесь нет никаких водных путей! – рассуждал Лаптев. – А ведь доисторический человек продвигался вглубь ойкумены по водным путям. Такова точка зрения А. Ф. и я с этим вполне согласен... Курганы здесь неожиданность и мы ими основательно занимались»[60]. Другая поездка (1960 г.) была вызвана сообщением В. В. Берникова о том, что в районе Полтавки встречаются какие-то

холмы. «Мне казалось, – писал Сергей Романович, – что эти "холмы" есть не что иное как гривы, которые почему-то в юго-западной части области никем не указывались. Для проверки своих предположений я и выехал вместе с А. Ф.»[61].

В поездке по Нововаршавскому и Дробышевскому районам Лаптев «ставил задачей ознакомиться более подробно с геоморфологией местности в районе богатырских курганов около Нововаршавки и более подробно изучить озера в южной части Дробышевского района, в том числе и озера около Помазоновки». Но краеведа интересовали и многие другие вопросы, в частности, происхождение названия этого села. Как выяснилось, некто Федор Помазонов «раньше работал у помещика (офицера), проживавшего в Татарке», затем долго жил на заимке, «обзавелся хозяйством, имел своих лошадей и коров. В период коллективизации Ф. Помазонова выслали, а за заимкой закрепилось имя Помазоновка» (запись 1960 г.)[62].

Путешествуя по Омскому Прииртышью, краеведы исследовали долину древней реки Камышловки и обнажения «Чертовой ямы», зафиксировали сохранившиеся участки старого «кандального» тракта, неоднократно посетили большие Крутинские озера и разыскали озеро Букреево, о котором в свое время писал П. Л. Драверт, проверили достоверность сообщений газет и отдельных лиц о находке полного скелета мамонта в устье р. Ишим («все это оказалось блефом»[63]), тщательно обследовали оба берега Оми на всем ее протяжении в пределах Омской области. В июле 1962 г. вместе с А. Д. Колесниковым и М. П. Михельсоном они совершили краеведческую поездку по Большереченскому и Муромцевскому районам. (Интересно, что, по словам Лаптева, Михельсона, «ездившего без всякой цели, лишь бы провести время», Палашенков пригласил в экспедицию с тем расчетом, чтобы не было разговоров, что автомобилем пользуются только Палашенков и Лаптев[64]).

В дневниковых записях С. Р. Лаптева отражены занятия краеведов, а также специфика нелегкого полевого быта: «...Приезжаем в Бергамак... День выдался жаркий и мы подверглись нападению оводов. Удивительная это тварь. Отгонишь его, а он опять садится рядом и это продолжается до тех пор, пока его не убьешь... Палашенков и Колесников... ходят совместно и ищут остатки... поселений на правом берегу р. Тары. Вечером Колесников опять читал лекцию в местном клубе... В бору нас атакуют оводы... Произведено небольшое обследование, найдена керамика... Осмотрел обнажения берега у Окунево. Здесь на самом урезе – прекрасные образцы лигнита. Жители сообщили, что этого камня много на лугу... Колесников читает для крестьян третью лекцию»[65]. В Большеречье Лаптев и Палашенков посетили местного краеведа В. С. Аношина, осмотрели созданный им музей, а в ходе другой

поездки, состоявшейся тем же летом, навестили краеведа из с. Большемогильного И. С. Коровкина.

Последняя совместная поездка двух энтузиастов омского краеведения (на Крутинские озера) состоялась в июне 1965 г. На подъезде к Крутинскому рыбозаводу С. Р. Лаптев обратил внимание на вереницу легковых автомобилей: «Это, так сказать, прихлебатели из высокопоставленного начальства, которые приезжают на рыбозавод как за "ясаком". Что-то таинственно выносят в корзинах, мешках (конечно, ясно "что"!), укладывают в автомашины и уезжают!! Главное, все это происходит... наяву и всем это понятно. Конечно, все это прикрыто различными отношениями, мандатами, контрольными (якобы) функциями и т. д.!!» Можно подумать, что возмущение Лаптева вызвано тем, что сам он, не принадлежа к начальственной когорте, не имел «права» на подобные привилегии. Однако это не так: «...Предложили мне и А. Ф. Мы отказались...»[66] Их интересовало совсем другое: «На обратном пути сделали остановку в Тюкалинске. А. Ф. пошел отыскивать какой-то революционный памятник»[67].

Приведенный пример весьма показателен. Подобные, казалось бы, ничтожные факты как раз и позволяют понять феномен личности краеведа-энтузиаста, бескорыстного поборника знаний, скромного, чудаковатого человека, для которого мирская суета вокруг материальных благ является скорее объектом внимания бытописателя, нежели сферой собственного участия. Чем же еще, если не чудачеством, представлялось «нормальным» людям безудержное желание этих подвижников куда-то ехать, мокнуть под дождем («сильно мешали... грозовые ливневые дожди»[68]), «кормить» комаров («сильно донимали комары... У меня от укусов распухли уши...»[69]). Не ради мешка рыбы, огородного урожая или поправления собственного здоровья, а только лишь для того, чтобы расширить и углубить свои знания о родном крае.

Конечно, краеведы всегда стремились поделиться накопленными знаниями с окружающими. Сведения о крае они собирали, по большому счету, не для личного пользования, а потому могли рассчитывать на общественное признание и какую-то поддержку. Тем более, что потребность в краеведческой литературе, как писал Лаптев в 1956 г., была исключительно большой: «Школьники, студенты, учителя, многочисленные приезжающие в Омск туристы, командировочные, да и местные жители нуждаются в краеведческих книжках... К сожалению, местное книгоиздательство, в сравнении с издательствами Новосибирска, Свердловска, Иркутска, Челябинска, редко издает краеведческую литературу, и каждая вышед-

шая из печати книга по краеведению является большим событием»[70]. Лично у Лаптева таких событий было не слишком много, по крайней мере, в иных условиях библиография его работ могла бы быть значительно обширнее.

Во второй половине 1930-х гг. им были опубликованы несколько статей по проблемам бальнеологии, в частности, о минерализованных озерах края в журнале «Омская область»[71]. Результатом начавшегося после войны тесного сотрудничества С. Р. Лаптева с А. Ф. Палашенковым стали, в частности, составленные ими и опубликованные в 1947–1948 гг. пособия, предназначенные организаторам краеведческого туризма[72]. Интересно, что в одной из этих брошюр («Маршруты экскурсий и походов по Омской и смежным с ней областям») среди прочего рекомендовались путешествия по Южному и Среднему Уралу, экскурсия в Кунгурскую ледяную пещеру, маршруты «Сульфатное озеро Эбейты», «Хлоридное озеро Ульджай», «Тарские лигниты» и др., что являлось своеобразным отражением уральского периода биографии одного из составителей и его естественно-научных интересов. Описания же маршрутов «В край степных курганов», «Горькая линия», «Марьяновский бой», «По Сосьвинско-Ляпинскому краю», «Тобольск и его памятники», «Третья Всесоюзная кочегарка» (Карагандинский угольный бассейн) свидетельствовали об увлечениях и вехах жизненного пути другого автора этого пособия. В 1950 г. вышел в свет «Сборник материалов по охране природы Омской области», составленный С. Р. Лаптевым и Н. Н. Ненашевым[73].

Основная масса научно-краеведческих трудов С. Р. Лаптева была опубликована в 1956–1968 гг. в «Известиях Омского отдела Географического общества Союза ССР», членом редколлегии которых он состоял. В течение полутора десятилетий это издание было для омских краеведов если не единственной, то главной трибуной. Среди этих публикаций составленные С. Р. Лаптевым отчеты о деятельности Омского отдела, его статьи по различным вопросам географии края, по историческому краеведению («О медеплавильном и стекольном заводах на территории области в прошлом») и по истории краеведения («Из истории музейно-краеведческой работы в Омске»), а также написанный совместно с А. Ф. Палашенковым материал «Поездки по Омской области в 1957–1962 годах»[74].

Целая серия лаптевских работ, опубликованных в «Известиях», посвящена бальнеологическим перспективам Омской области, в т. ч. статьи, написанные в соавторстве с учеными Свердловского НИИ курортологии и физиотерапии Е. К. Абросимовой и В. В. Эпштейном[75]. С последним Лаптева связывали многолетнее плодотворное сотрудничество и личная дружба. В 1950 г. они вместе обследовали

Камышловскую долину: Эпштейн изучал воду и грязи озер, а Лаптев вел геологические и геоморфологические наблюдения и составлял гербарий местной флоры. «С Владимиром Васильевичем... я знаком с 1948 г., когда совместно с ним... принимал участие в экспедиции на озеро Ульджай, – писал Лаптев в дневнике этой поездки. – Позднее я неоднократно встречался с ним, а проездом из Москвы останавливался в Свердловске у него. Прекрасных личных качеств, широко эрудированный, один из лучших в Союзе... химиков-солевиков, наблюдательный, с хорошей памятью, всегда подвижный... и бесконечно влюбленный в свое дело...»[76] После смерти ученого С. Р. Лаптев опубликовал некролог[77] и подготовил к изданию ряд его рукописей о рапе и грязи озера Эбейты[78]. Вопросам бальнеологии и курортологии посвящена еще одна работа Лаптева об озерах Омской области, опубликованная в 1965 г. в сборнике «Медицинская география»[79].

В мае 1966 г. краевед принял участие в работе Межвузовской научной конференции, посвященной 250-летнему юбилею Омска. В бумагах А. Ф. Палашенкова сохранилось адресованное ему письмо С. Р. Лаптева с подробным отчетом о конференции. Интересны впечатления Сергея Романовича от устроенной ее организаторами экскурсии на Омский нефтезавод: «Мне удалось побывать на этом предприятии, на котором я еще не был. Оказывается, попасть на территорию завода – дело сугубо трудное. Кроме паспортов и прочего нужно разрешение самого директора... Что меня здесь поразило – это безлюдье... Я не видел ни одного встретившегося человека. Все шумит, гудит, дымит, а людей нет... Второе – это поразительная чистота... все подметено под метелку... Но запах тяжелый... У меня, обычно легко переносящего всякие запахи, под конец разболелась голова».

Далее передаются полученные от экскурсоводов сведения, отражающие специфику того времени: американцы пристально следят за развитием сибирской нефтехимии и это «сугубо увеличивает опасность для Омска в случае атомного нападения». Достаточно неожиданно заключение экскурсанта: «Построили и, оказывается, не там!!! (не учтена роза ветров. – *А. Р.*). Действительно, в этом сказался русский характер, бестолковый, "крепкий задним умом". Почему этого нет у немцев, да и не только у немцев... За рубежом такой бесхозяйственности, бестолковости, "шапкозакидательства" нет!!»[80]

Лаптев выступил на конференции с докладом об Омском отделе Геграфического общества, он был опубликован в «Материалах географической секции»[81]. Если ко всем вышеперечисленным публикациям добавить несколько газетных заметок 1940–1960-х гг. и небольшую книгу «Школьные экскурсии и походы по родному

краю», то получится практически полная библиография печатных работ краеведа[82]. Она достаточно представительна, но, безусловно, является лишь вершиной айсберга творческих замыслов исследователя и накопленных им научных знаний о крае.

Некоторую их часть Лаптев попытался опубликовать в виде книги «Природные условия Омской области», но его рукопись получила в общем неблагоприятный отзыв преподавателей кафедры географии Омского пединститута: «Работа... не географична, ее нельзя отнести ни к работам физико-географического характера, ни к работам эконом-географического характера... Работа не может считаться и научно-популярной, т. к. для рядового читателя она тяжела, загромождена излишними подробностями... Работа должна быть коренным образом переделана... Автор может, учтя все замечания, дать то, что с нетерпением ждут сотни читателей Омской области»[83]. На полях этой рецензии рукой Лаптева сделаны пометки. С чем-то он соглашается («это верно»), что-то вызывало его недоумение («а именно?») и протест («неверно, есть!»). Не известно, переделывал ли он свою работу, ясно лишь, что рукопись, датированная еще 1948 г., так и осталась рукописью и отложилась в личном архиве краеведа[84].

В то же время его не могло оставить равнодушным то, что отдельные краеведческие издания благополучно выходили в свет безо всякой предварительной экспертизы. В лаптевском архиве имеется отзыв А. В. Борисова на одну из книг, написанный в 1959 г. «Впечатление, которое остается после прочтения книги... такое, – говорится в этой разгромной рецензии, – что это набор газетных вырезок, плохо подобранных и наспех скомпонованных. Стиль книги – стиль плохого газетного репортажа. Большое количество ошибок... наводит на мысль, что автор бывал далеко не во всех местах, которые он описывает, вероятно, подобные книги создаются на месте с помощью длинных ножниц и короткой фантазии»[85].

Сам С. Р. Лаптев высказался об этой книге так: «Долг нашего Отдела (Географического общества. – *А. Р.*) поощрять хорошие работы... и отличать недобросовестные. К последней категории... относится [и данная] книга, даже если считать, что она является не научно-популярным произведением, а просто художественными очерками. В художественных очерках такого типа автору возбраняется фантазировать, искажать факты... Конечно, для туриста, сидящего в вагоне поезда и случайно купившего в вокзальном киоске указанную книгу, ущерб небольшой, но этого нельзя сказать... обо всех тех, кто должен жить в Омской области или близко с ней соприкасаться»[86]. Не ставя своей целью солидаризироваться с вышеприведенными оценками или оспаривать их, отметим лишь непростую ситуацию с изданием

литературы о крае в тогдашнем Омске и, главное, краеведческую скрупулезность С. Р. Лаптева, его стремление к максимальной точности и достоверности в своих работах (в обратном его никогда не упрекали) и требование того же от других.

Неоднократно сталкивавшийся с издательскими препонами и не питавший особых надежд на улучшение сложившегося положения старый краевед, естественно, не мог не тревожиться за судьбу своей «копилки». В конце концов им был найден оригинальный выход: он «издал» плоды своих многочисленных трудов тиражом в один экземпляр. Лаптев, давно занимавшийся систематизацией своего богатейшего архива, свел имевшиеся у него самые разнообразные сведения об Омском крае в 31 том «Материалов по изучению Омской области», собственноручно изготовив из картона и обоев даже некоторое подобие переплетов этого «многотомника»[87].

Сами названия отдельных томов говорят о необычайной широте интересов их составителя: «Библиография геологии, геоморфологии, палеонтологии и полезных ископаемых», «Гидрография», «Климатология», «Растительность», «Лекарственно-технические растения», «Метеорология. Фенология», «Почвы, флора, фауна», «Васюганье, Бараба, Озерный край, Камышловка, Боровое, Курумбельская степь, Север. Омская область (разные сведения), исторические материалы, библиография по методике краеведения, торф, рыбное хозяйство и др.», «Археология», «История исследования Сибири. Возникновение и развитие города Омска и других городов Западной Сибири. Общий очерк Омской области...», «Материалы Омского отдела ВГО», «Различные сведения для составления путеводителя экскурсий и походов», «Музей», «Различные сведения по краеведению» (в 3-х томах), «Статьи, переписка и рецензии» (в 2-х томах), «Природные условия Омской области», «Наблюдения над периодическими явлениями природы за 1946–1959 гг. в г. Омске» и т. д.

В одном из томов «Различных сведений по краеведению» Лаптевым собраны библиографические данные и выписки из литературы по разделам «Почвы», «Топография», «Гипсометрия», «Магнитные аномалии», «Необычайные явления», «Фенология», «Метеорология», «Гидрология», «Лимнология», «Гидробиология», «История библиографии в Сибири», «Этнография», «Омск», «Населенные пункты в Омской области», «Сибирские гербы», «Отзывы о Сибири разных лиц», «Северный Морской путь» и др.[88] «Материалы по изучению Омской области» предельно разнообразны и содержат, к примеру, таблицу, озаглавленную «Названия населенных пунктов и соответствующих им колхозов», или «краеведческие сведения, полученные от туристов-учащихся», скажем, о евгащинском купце Калижникове,

владевшем пароходами «Пионер», «Баян», «Святогор», «Витязь», «Арсений» и др. и оказавшемся после революции в Харбине[89]. В 15-м томе (нумерация томов полностью соответствует порядковым номерам единиц хранения личного фонда) имеется подробный реестр всех экспедиций, работавших на территории Омской области: краеведом было зарегистрировано более 150 экспедиций Томского университета, ЗСОРГО, Убекосибири и др.

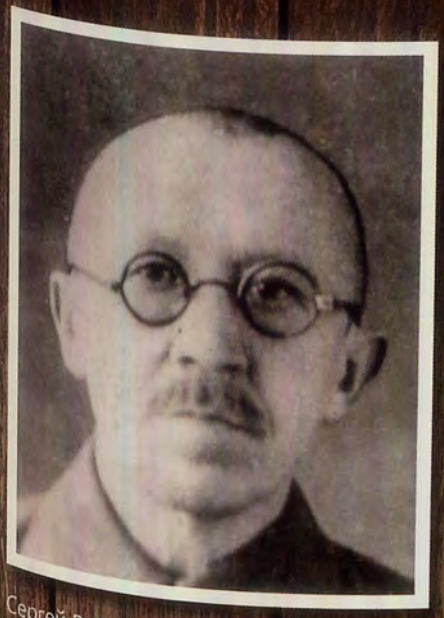
Лаптевские «Материалы...» разнообразны не только по содержанию, но и по форме. В них можно обнаружить выписки из дневника некоего Сенникова, прошедшего в 1948 г. со своим туристским отрядом по маршруту «Полтавка – оз. Эбейты», подписанные ученым секретарем Омского отдела Географического общества «журналы» (протоколы) его собраний за 1949–1958 гг., в которых неоднократно упоминаются В. В. Берников, М. Е. Бударин, С. П. Залыгин, А. Ф. Палашенков, Н. А. Плотников, Д. Н. Фиалков и другие краеведы, записки из Омской геологической экспедиции, содержащие просьбы к С. Р. Лаптеву о консультациях и уведомления, что за ним будет выслана машина. В томах «Материалов...» имеется большое количество аккуратно подклеенных и подшитых газетных вырезок, а также выписки из книг по различным отраслям знания, библиографические карточки, списки литературы, разработки маршрутов, записи рассказов старожилов, письма и деловые бумаги вплоть до прейскуранта на изготовление чучел.

По различным томам «Материалов...» разбросаны труды ряда авторов (в рукописном и машинописном вариантах), которые составитель счел необходимым включить в свое собрание. Среди таковых можно встретить реферат юнната Жени Логачева «Охраняйте свои сады» (т. 7), сделанный в 1949 г. доклад В. Н. Чернецова «Археологические исследования в Омской области» (т. 9), небольшую заметку М. А. Лебедева «Сколько же оленей в Омской области?» (т. 12), труды профессоров И. Н. Шухова «Птицы в Омской области», И. С. Астаповича «Серебристые облака и их наблюдение» и П. Л. Драверта «Минералогическая экскурсия по Иртышу (от Омска до Большеречья)» (т. 18), обработанную С. Р. Лаптевым статью краеведа В. С. Аношина «Материалы к вопросу о заселении Большереченского района» (т. 17). Отдельный 30-й том составляет сделанная С. Р. Лаптевым копия текста кандидатской диссертации Т. М. Спиридоновой (дочь профессора М. Д. Спиридонова, бывшая постоянной спутницей и лаборантом своего отца в поездках по Западной Сибири) «Районирование юго-западной части Западно-Сибирской низменности по степени обеспеченности дорожно-строительными материалами». Краткая аннотация на этот труд была написана Лаптевым в ноябре 1965 г.[90]

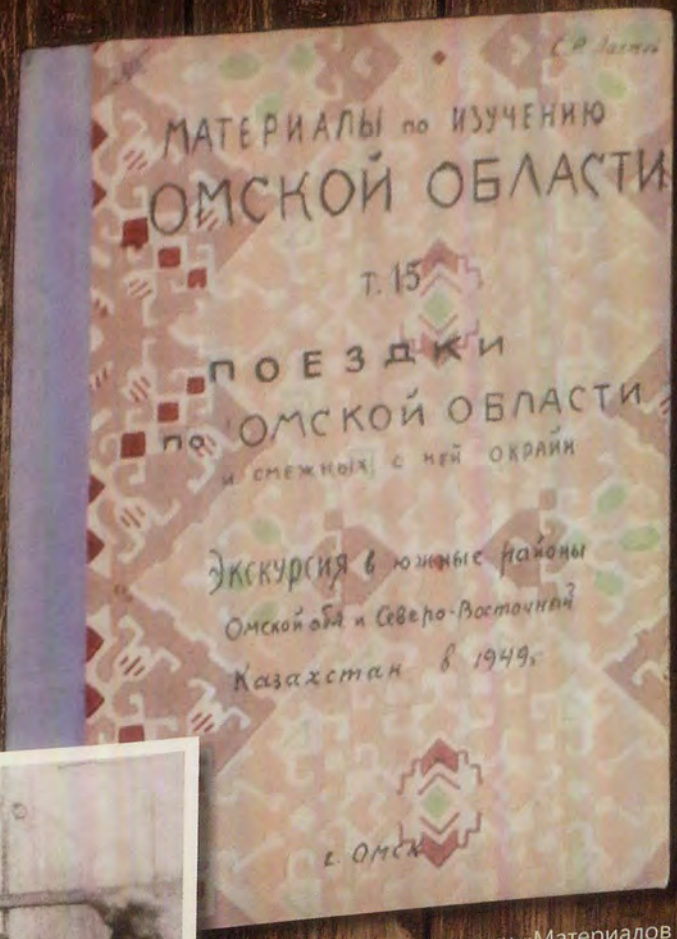
Существенное место занимают тексты опубликованных и, главное, неопубликованных работ самого Сергея Романовича. Среди них «Краткое описание природы Борового» (т. 8), лекции «История исследования Сибири в дореволюционное время», «История основания и развития дореволюционного Омска» (т. 10) и «Почвы Омской области», рецензия на статью В. В. Берникова «Механический состав и засоленность поверхностных и осадочных горных пород юга Омской области», замечания к статьям В. С. Мезенцева «Средний годовой сток на территории Омской области» и А. М. Жаркова «Генетическая схема болотных формаций Западно-Сибирской низменности по ландшафтным зонам», материал «К истории инженерно-геологических исследований территории города Омска», справка «Расчет количества извести для получения известкового молока (подпись: «химик С. Р. Лаптев»), «Объяснительная записка к гидрохимическому разделу каталога водных объектов СССР» (т. 17).

Весь 29-й том «Материалов по изучению Омской области» занимает машинописный текст труда С. Р. Лаптева «Наблюдения над периодическими явлениями живой и неживой природы в городе Омске за 1946–1959 гг.» Эта работа имеет небольшое предисловие, в котором, в частности, говорится: «Настоящие наблюдения до известной степени являются случайными, не систематическими и выполнены без какой-либо определенной программы. Велись они от случая к случаю, но в целом все же дают представление об общем ходе природных процессов в течение года...»[91]

Большой интерес представляют и не публиковавшиеся при жизни краеведа, уже неоднократно упоминавшиеся и цитировавшиеся выше «историко-минералогический экскурс в область драгоценных камней» «Минералы в поэзии П. Л. Драверта», написанный Лаптевым в 1947 г. (переработан в 1960 г.), и его «Воспоминания о П. Л. Драверте» (написаны в 1960 г. к 15-летию со дня смерти ученого)[92]. Живо и образно рисует мемуарист Лаптев облик известного ученого и поэта: «На улице Петр Людовикович привлекал внимание своим эксцентричным видом. Среди распространенных тогда (в начале 1920-х гг. – *А. Р.*) кепок, фуражек, блуз, штанов, шинелей защитного или серого цвета Петр Людовикович, одетый в темное длинное пальто, в черной шляпе с громадными полями, надвинутой на лоб, с длинными волосами, выставлявшимися из-под шляпы, казался для многих не то священником, не то художником. Мне эта мрачная, черная фигура напоминала иллюстрации героев эпохи кардинала Ришелье из известных романов А. Дюма»[93].

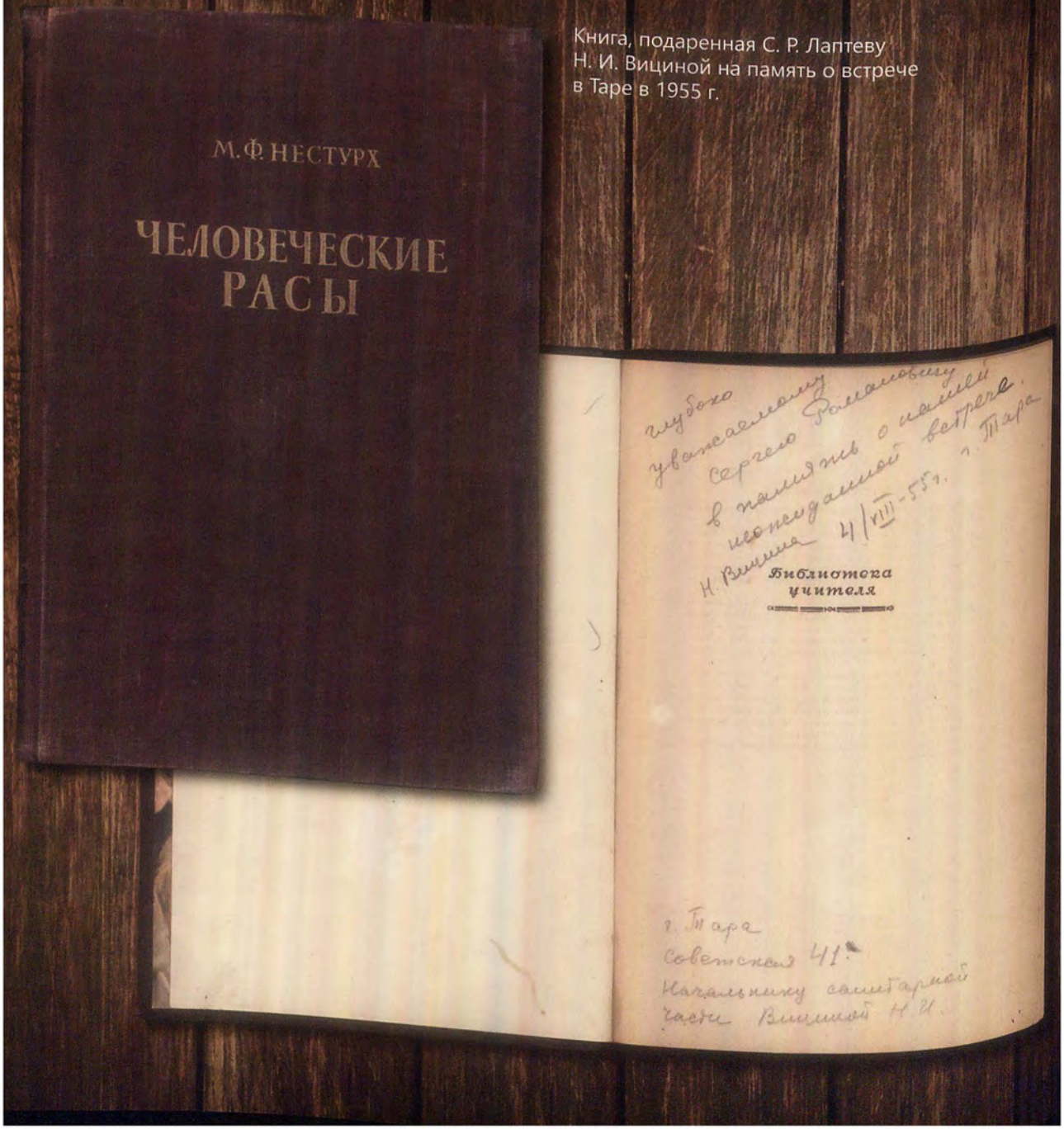


Сергей Романович Лаптев



15-й том лаптевских «Материалов по изучению Омской области». Из фондов ОГИКМ

С. Р. Лаптев (справа) беседует со старожилом с. Атирки Левандовским. 1955 г.



Книга, подаренная С. Р. Лаптеву Н. И. Вининой на память о встрече в Таре в 1955 г.

Друзья-краеведы А. Ф. Палашенков (слева) и С. Р. Лаптев. Из фондов ОГИКМ

Владимир Николаевич Хитрово

Брошюра С. Р. Лаптева и А. Ф. Палашенкова «Маршруты экскурсий и походов...» (Омск, 1948)

Воспитанник Алферовской учительской семинарии А. Палашенков. Февраль 1906 г. Из фондов ОГИКМ

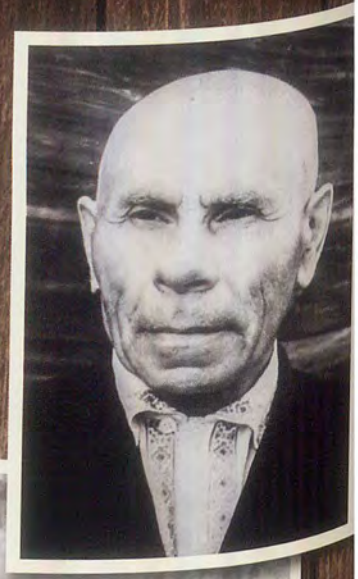
Преподаватели Таращинского городского училища Киевской губ. (А. Ф. Палашенков сидит слева). 1913 г. Из фондов ОГИКМ

кскурсанты в Смоленском кремле
. Ф. Палашенков стоит вторым
права). Конец 1920-х гг.
з фондов ОГИКМ

Фрагмент вогульского капища,
привезенный А. Ф, Палашенковым
из Ляпин-Сосьвинской экспедиции
1939 г. ОГИКМ

Храмовая икона «Успение Пресвятой Богородицы», привезенная А. Ф. Палашенковым из Березова в 1939 г. ОГИКМ

Андрей Федорович Палашенков



Омский краеведческий актив: в центре сидят А. Ф. Палашенков и И. Н. Шухов, за ними стоит А. С. Сливко. Из фондов ОГИКМ

Текст на обороте: «Экспедиция Омского отд. Географич. О-ва в Киргизию. Окр. Семипалатинска, в пойме Иртыша. А. Ф. Палашенков за работой. 1962 г.». Фото и надпись Н. А. Плотникова

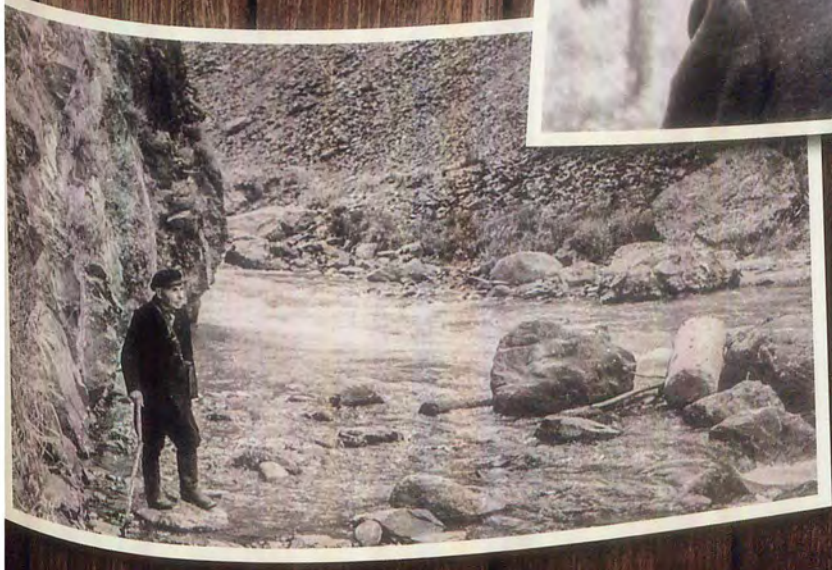
Участники краеведческой экспедиции А. Ф. Палашенкова на привале в пойме Иртыша. Фото Н. А. Плотникова

А. Ф. Палашенков и И. С. Коровкин. Июль 1962 г. Фото С. Р. Лаптева

У экспедиционной машины Географического общества в с. Большемогильном. Июль 1962 г. Фото С. Р. Лаптева

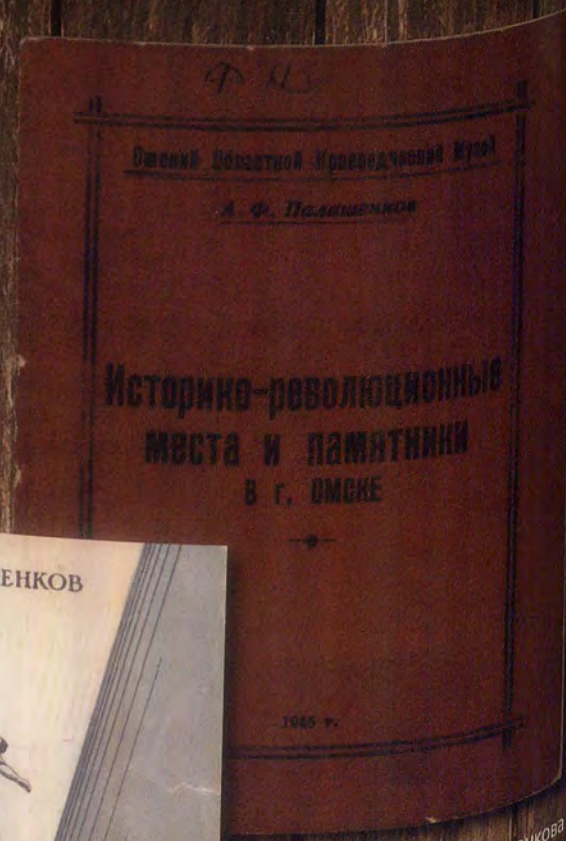
А. Ф. Палашенков в Бергамакском лесничестве. Июль 1962 г. Фото С. Р. Лаптева («В бору нас атакуют оводы. Фотография спины А. Ф. свидетельствует об их множестве...»)

. Ф. Палашенков
М. П. Михельсон в дупле старой ивы
Ачаирской роще.1963 г.
ото С. Р. Лаптева



А. Ф. Палашенков в горах Тарбагатая или Джунгарского Алатау. Сентябрь 1962 г. Фото Н. А. Плотникова

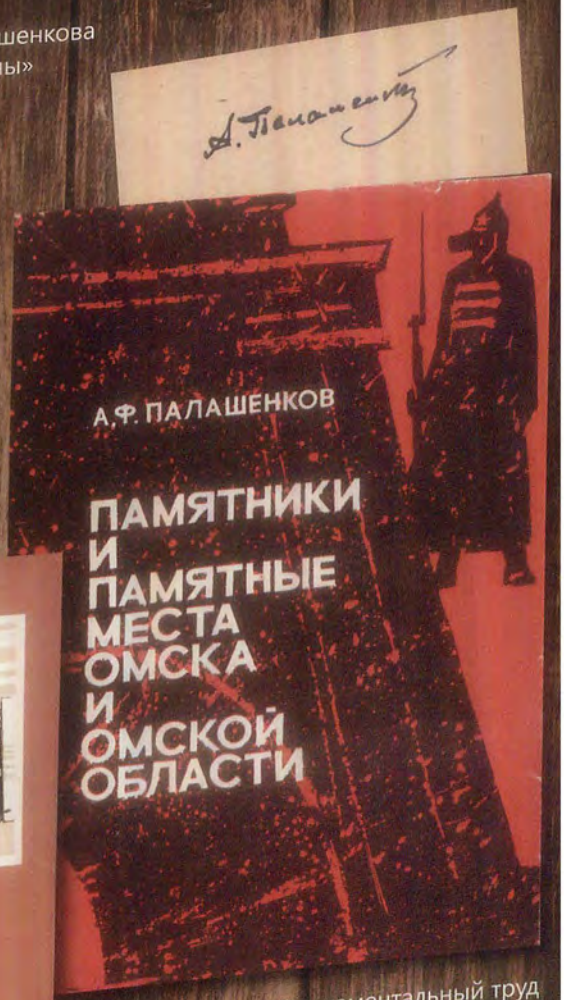
Брошюра А. Ф. Смоленского (Палашенкова) «Историко-революционные памятники Омска» (Омск, 1951)



Брошюра А. Ф. Палашенкова «Историко-революционные места и памятники в г. Омске» (Омск, 1945)

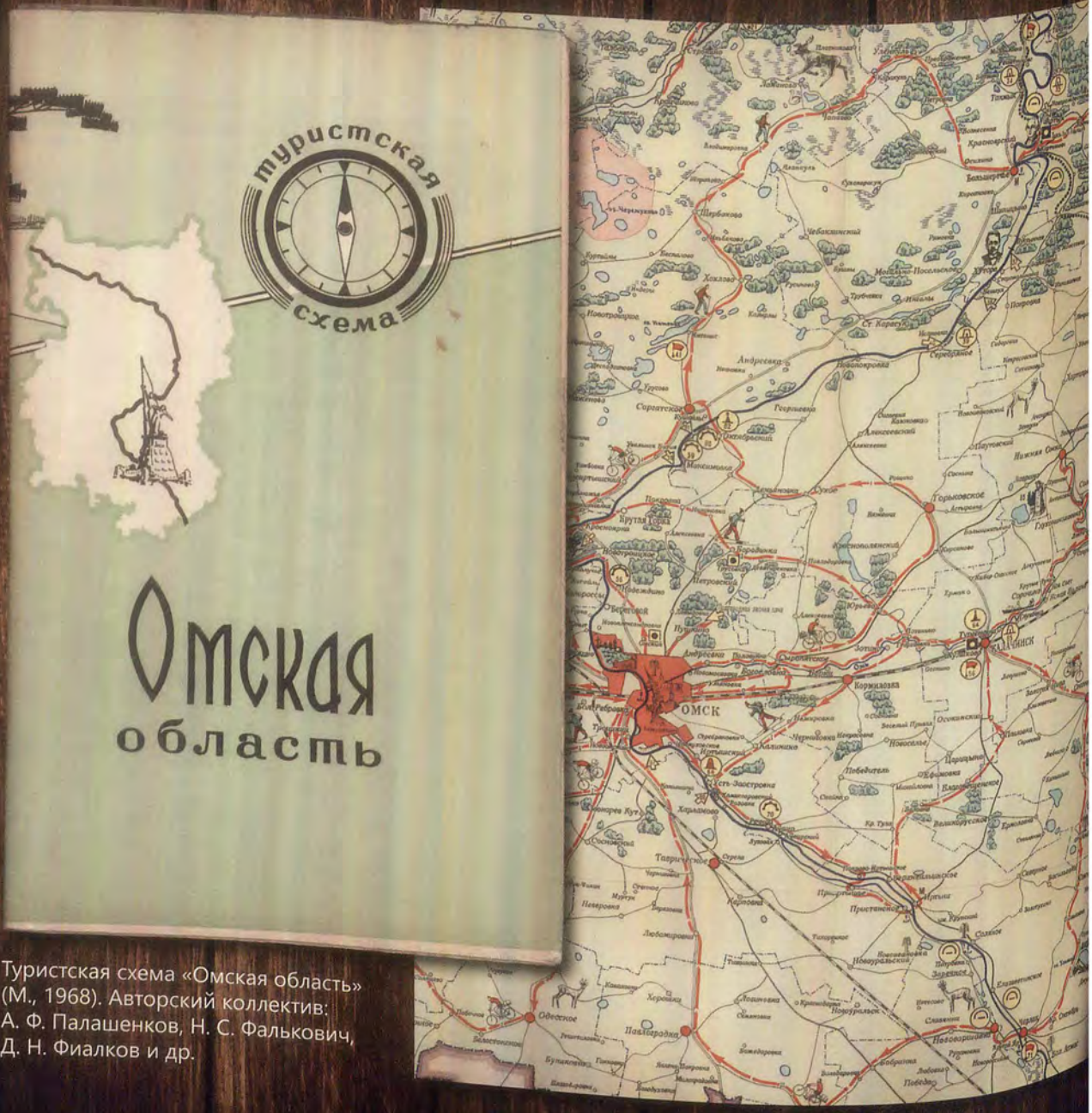
Книга А. Ф. Палашенкова «Памятные места Омска» (Омск, 1956)

Книга А. Ф. Палашенкова «Забытые курганы» (Омск, 1961)



Фундаментальный труд А. Ф. Палашенкова «Памятники и памятные места Омска и Омской области» (Омск, 1967) с автографом автора

Брошюра А. Ф. Палашенкова «По местам Ф. М. Достоевского в Омске» (Омск, 1965)



Туристская схема «Омская область» (М., 1968). Авторский коллектив: А. Ф. Палашенков, Н. С. Фалькович, Д. Н. Фиалков и др.

Фрагменты коллекций А. Ф. Палашенкова: визитные карточки и конфетные обертки. Из собрания А. М. Лосунова

Образы далекой родины – принадлежавшие А. Ф. Палашенкову памятные конверт и почтовая карточка. Из собрания А. М. Лосунова

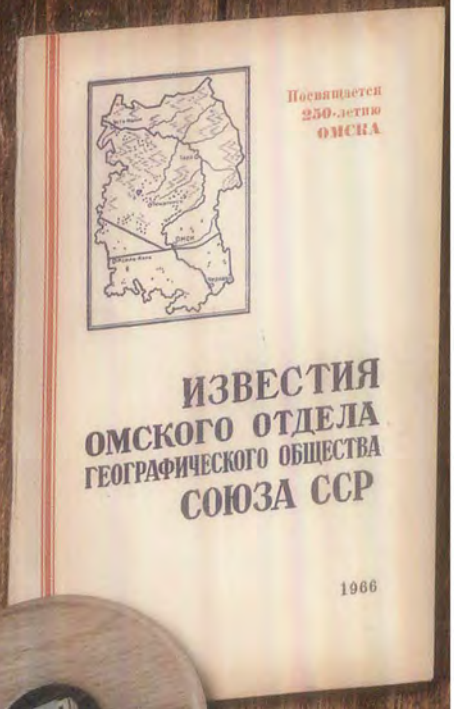
Экслибрис А. Ф. Палашенкова

Члены Омского отдела Географического общества.
Сидят слева направо: В. В. Берников, К. П. Горшенин, ?, А. Д. Кизюрин, Н. Н. Смирнов;
стоят: А. Д. Колесников, А. Ф. Палашенков, Н. В. Горбань, С. Р. Лаптев

Юбилейный выпуск «Известий» Омского отдела Географического общества, посвященный 250-летию Омска, с публикациями В. В. Берникова, М. Е. Бударина, К. П. Горшенина, А. Ф. Палашенкова, Н. А. Плотникова, П. Т. Сигутова, Д. Н. Фиалкова и др. (Омск, 1966)

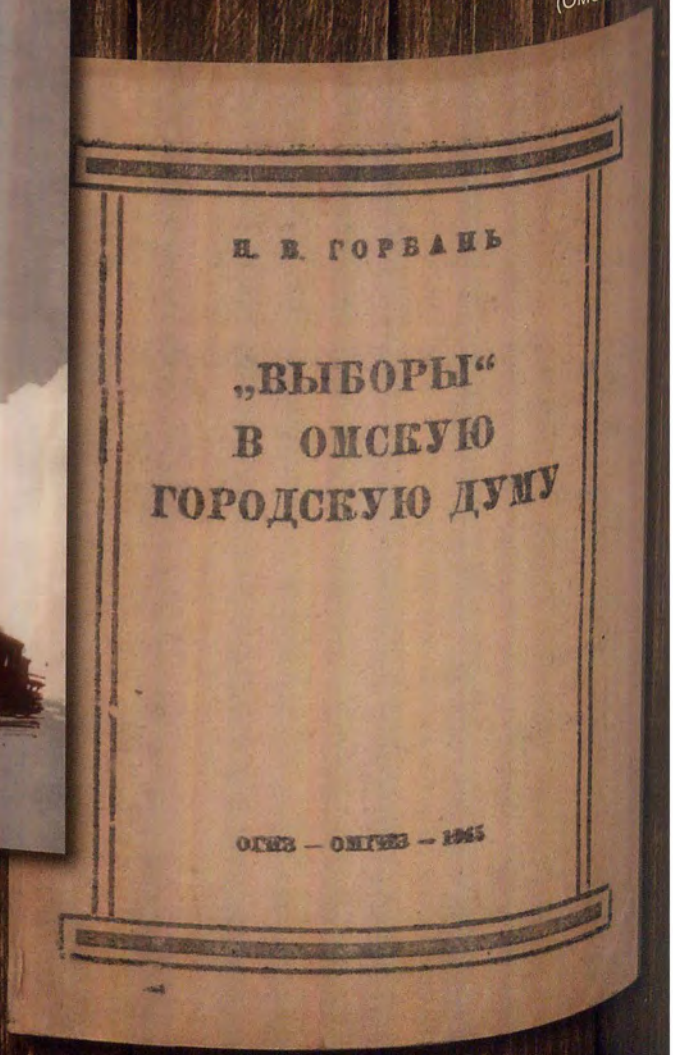
Нина Митрофановна Столповская

Мемориальная доска А. Ф. Палашенкову, установленная к 125-летию со дня его рождения на здании ОГИКМ



Памятная медаль «За вклад в развитие омского краеведения», учрежденная ОГИКМ «в честь 125-летия со дня рождения выдающегося омского краеведа, историка Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971)»

«Выборы в старом Омске»
Н. В. Горбаня (Омск, 1958)



Брошюра Н. В. Горбаня
«“Выборы” в омскую
городскую думу»
(Омск, 1945)

Показательно, что в своих воспоминаниях С. Р. Лаптев пытался разрушить сложившийся еще в 1930-е гг. стереотип чудаковатого, непрактичного профессора, чуждого новой жизни и чуть ли не враждебного ей. «Близко знавший П. Л.» мемуарист писал: «Отчужденность от практической жизни не давала и не дает никаких оснований считать П. Л. "чужим" человеком в нашем советском обществе, как это допускали некоторые его недруги... П. Л. был честный, неподкупный патриот своей отчизны... П. Л. жил и творил в унисон с идеалами советских людей. Это был прекрасный русский человек»[94].

Известно, что С. Р. Лаптев работал еще над одними воспоминаниями. В 1960 г. он писал директору свердловского музея: «В настоящее время я пишу воспоминания о старом Екатеринбурге и новом Свердловске в 20–30-х годах...»[95] В августе 1967 г. известный уральский краевед В. П. Бирюков в своем письме, адресованном семье покойного Лаптева, выражал «глубокое сожаление по поводу смерти дорогого краеведа», дорогого ему, «да и многим уральцам Сергея Романовича», а также просил прислать в Свердловск, в Уральский архив литературы и искусства (существовал при Госархиве Свердловской области в качестве отдела), лаптевские воспоминания.

«В последнем письме ко мне, – писал Бирюков, – Сергей Романович сообщал, что написал воспоминания о свердловском периоде своей работы и собирается переслать их сюда, и вот... не успел этого сделать...» Письмо это оказалось у А. Ф. Палашенкова, последний, судя по всему, и отправил воспоминания Лаптева в Свердловск (в декабре 1969 г. Бирюков сообщал Палашенкову, что текст воспоминаний им получен и просил дослать недостающую 38-у страницу)[96]. Вполне возможно, что эти воспоминания до последних дней их автора находились на его рабочем столе и поэтому не вошли в лаптевский архив, а, может быть, намеренно не были включены в «Материалы по изучению Омской области» как не имеющие к ней непосредственного отношения.

«Материалы по изучению Омской области» можно назвать делом всей (по крайней мере, последних 35 лет) жизни С. Р. Лаптева. Эти тома являются основным содержанием его личного архивного фонда, включающего в себя также полевые дневники краеведа под общим заглавием «Поездки по Омской области и смежным с ней территориям» (дд. 52–57) и альбомы с фотоснимками, сделанными в ходе этих поездок (дд. 32–51; негативы снимков хранятся в фотоотделе ГИАОО, в «Книге учета и хранения фотонегативов личного фонда С. Р. Лаптева» их значится 393).

Изучение личного архива краеведа позволяет с полным, на наш взгляд, основанием причислить С. Р. Лаптева к плеяде подвижников и энтузиастов краеведения, без труда разглядев в его личности черты того самого «особого типа» культурного и научного работника. С. Р. Лаптеву были присущи типичные для краеведа-энтузиаста увлеченность, граничившая с фанатизмом, самопожертвование, безудержное стремление к новым знаниям о «местном крае», бескорыстное желание делиться ими с обществом, личная скромность и, наконец, необычайная широта исследовательских интересов. Он, безусловно, был истинным поборником знания и просвещения, настоящим любителем науки. В последнем легко убедиться, вспомнив, что химик и музейный работник Лаптев занимался разнообразными изысканиями по географии, а также геологией, минералогией, гидрологией, лимнологией, гидрохимией, гидробиологией, климатологией, метеорологией, фенологией, почвоведением, геоботаникой, энтомологией, бальнеологией, курортологией и даже литературной критикой, интересовался палеонтологией, археологией и в какой-то мере этнографией (причем нередко на профессиональном или близком к таковому уровне, например, в области гидрохимии или медицинской географии). Кроме того, он немало преуспел в историческом краеведении и краеведческой библиографии.

Что касается этой последней дисциплины, заметим, что, наблюдая «случаи "открытия Америк" в силу собственного невежества... "первооткрывателей"», краевед находил, что у этого «причина одна – нарушена преемственность знаний».[97] Выход из положения Лаптев видел в «организации библиографического центра по местному краю при Омском отделе Географического общества СССР». Обосновывая свой замысел, он писал в августе 1961 г., что в течение 15 лет собирал газетные вырезки и выписки, содержащие информацию об Омской области. Все это было разобрано (в течение 7 месяцев «член-соревнователь» Отдела Фаддей Виссарионович Маренов потратил на эту работу 500 часов безвозмездного труда), помещено в специально установленный шкаф и преподнесено в дар Омскому отделу Географического общества. Таким образом, по мнению Лаптева, начало будущему центру было положено. Следовало продолжить работу по выявлению, учету и, конечно же, сохранению не только старых книг, но и любых других «печатных произведений», «будь то газета, листовка, плакат и даже простая афиша».

«Это справедливо, – писал далее Лаптев, – и для архивных документов различных учреждений и организаций, личных архивов ученых, писателей и поэтов, художников и музыкантов, всякого рода собраний и коллекций частных лиц, име-

ющих научную, общественную или художественную ценность. Пускай, с точки зрения сегодняшнего дня не все это будет равноценно в научном отношении, но я уверен, что придет время, когда ученые будут искать такие материалы, просматривать библиотеки, рыться в архивах, копаться в музейных фондах... Ведь во всех этих материалах есть отражение какой-то старой, прежней культуры и это культурное наследие нужно выявить, понять, обобщить...»[98]

В начале апреля 1967 г. умерла жена Лаптева Нина Николаевна. А. Ф. Палашенков записал в своем дневнике, что ездил вместе с С. Р. Лаптевым на Северное кладбище выбирать место для могилы: «Решили хоронить на отведенном возле Военного кладбища участке... С. Р. тяжело переживает смерть Н. Н.»[99]. Прошло всего 4 месяца и Палашенкову пришлось хоронить на том же участке своего старого друга. Сергей Романович умер 8 августа 1967 г. Теперь о нем мало кто помнит. И лишь документы личного архивного фонда, которые были приняты на государственное хранение еще при жизни краеведа, в 1965 г. (Лаптев не только передал их в областной архив, но и собственноручно составил опись дел своего фонда), могут рассказать о человеке, считавшем, что «знать свой край, свою область, свой район – не праздное любопытство, а большая культурная потребность»[100].

В середине 1930-х гг. начал свою работу в Прииртышье другой крупный краевед профессор ***Владимир Николаевич Хитрово (1878–1949)***. Будущий ученый родился в Петербурге, по его собственным словам, «как счастливый среди самых счастливых, в семье, находящейся в полосе ослепительного счастья». Его мать Е. Н. Клебек-Хитрово, известная артистка Мариинского оперного театра, вскоре умерла, так что воспитанием ребенка всецело занимался отец – гвардейский офицер-артиллерист, участник балканского похода 1877–1878 гг. Н. М. Хитрово. Прирожденный педагог и человек, не чуждый исследовательской работе, он заметил и способствовал развитию у мальчика проявившейся еще в детские годы «склонности вылиться в натуралиста». Немало содействовало тому и постоянное непосредственное общение с родным краем. Каждое лето Владимир проводил в Муратовке (Болховский у. Орловской губ.), имении своей бабушки, где, говоря его же словами, «напитался любовью к орловской природе»[101].

Неудивительно, что по окончании Таганрогской гимназии (отец был переведен в Таганрог по службе) Владимир Хитрово стал студентом естественного отделения физико-математического факультета Киевского университета, где занимался ботаникой под руководством профессоров С. Г. Навашина и Н. В. Цингера. Во время

учебы он совершил весьма продолжительную пешеходную экскурсию по Северному Кавказу и опубликовал в «Трудах Юрьевского ботанического сада» свою первую научную работу – зачетное сочинение по геоботанике. В 1902 г. университетский курс был закончен, а Хитрово – оставлен при кафедре ботаники лаборантом, затем ассистентом, ведшим практические занятия по морфологии и определению цветковых растений.

В 1908–1910 гг. В. Н. Хитрово сдал экзамены по всем разделам ботаники и по химии на магистерское звание и был допущен в качестве приват-доцента к чтению нового для Киевского университета спецкурса «Растительные сообщества Европейской части России». Продолжалась начавшаяся еще в 1901 г. активная экспедиционная работа молодого ученого в Орловской, Рязанской, Волынской губерниях. В 1913–1914 гг. он принимал участие в организации Киевской опытной сельскохозяйственной станции, тогда же по его инициативе была создана Новозыбковская станция и развернута опытная сеть по сельскому хозяйству на Орловщине.

В. Н. Хитрово состоял в нескольких научных и краеведческих обществах (Киевское и Петербургское общества естествоиспытателей, киевские Астрономическое общество и Общество любителей природы). Что же касается Общества исследования природы Орловского края, то оно было создано в 1905 г. как раз его стараниями. Первая мировая война в известной степени прервала научную деятельность В. Н. Хитрово. В 1914–1917 гг. он работал в военных госпиталях (был уполномоченным Земского союза по организации тылового госпиталя в Бежице, уполномоченным Союза городов на Западном фронте, начальником армейского приемника раненых, командиром врачебно-санитарного отряда)[102].

Октябрьскую революцию ученый-ботаник, именовавший себя «мыслителем-диалектиком», встретил с каким-то почти детским восторгом, полагая, что прямым ее следствием будет наивысший накал научно-краеведческой работы. «Без малейшего колебания, – писал он, – с момента, как докатился весной 1918 года до г. Болхова Октябрь, я по первому призыву отдал свои силы советскому делу, не вернулся в Киевский университет, а остался служить своему родному краю, научному исследованию которого я со школьной скамьи посвятил свою жизнь. Октябрь развязал мне возможность отдать эти знания массам, новым строителям края. Я мобилизовал без остатка все свое время и все находящиеся в моем распоряжении внутренние ресурсы для осуществления этой цели. Работа внешкольная в местном Наробразе, курсы, лекции, музейное дело, издательство, осуществление вуза в Орле, широкая

консультация по моей специальности – по вопросам растительности, почв и вод, обслуживания мелиорации и опытного дела – вот в чем заключалась моя жизнь, в чем была ее цель, и к чему я шел, презирая всякие недостатки, лишения и личные вопросы»[103].

Таким образом, ученый обосновался в родной Муратовке и в 1919 г. создал там Муратовскую ботаническую базу, бывшую отделом ботаники Шатиловской областной сельскохозяйственной опытной станции и служившую «организующим центром местных краеведческих исследований». Тогда же В. Н. Хитрово принял самое горячее участие в организации университета и пединститута в Орле и был утвержден Наркомпросом в звании профессора ботаники (1921 г.). Работа на Муратовской базе была чрезвычайно плодотворной. Ученый-краевед занимался не только геоботаникой и флористикой, но и фенологией, почвоведением, теорией и практикой мелиорации и травосеяния. Им было совершено множество походов и поездок, созданы исследовательские стационары, собран гербарий орловской флоры (1100 видов растений и 30 (!) лет кропотливого труда).

В. Н. Хитрово обследовал пойменные луга по Оке, Десне и Дону, брянские леса, произвел картирование и описание растительности заболоченной долины реки Нерусы как мелиоративного объекта, изучил флору Галичьей горы – одного из самых интересных заповедников Среднерусской возвышенности. Думается, у академика Н. И. Вавилова были все основания так высказаться о своем орловском коллеге: «Вероятно во всем Союзе не найдется такого другого ученого, который был бы таким энтузиастом-одиночкой, таким исключительным знатоком местного края...».[104]

В 1925 г. профессор Хитрово совершил длительную поездку вдоль Сибирской железнодорожной магистрали до ст. Карымская в Забайкалье, а в 1926 г. спустился вниз по Енисею от Красноярска до Игарки в поисках семян дикорастущего красного клевера. Другой целью этих сибирских путешествий Хитрово было ознакомление с работой краеведческих организаций Иркутска, Красноярска, Новониколаевска, Омска и других пунктов следования. В выданном ему Центральным Бюро краеведения удостоверении говорилось, что ЦБК просит все «краеведные» и прочие государственные либо частные учреждения оказывать его члену-корреспонденту тов. Хитрово «возможное содействие в исполнении возложенного на него поручения».

В конце декабря 1925 г. В. Н. Хитрово получил письмо, извещавшее его, что, «выслушав доклад ученого секретаря ЦБК Д. О. Святского о результатах Вашей

поездки по Сибири, ЦБК признало весьма желательным на одном из очередных заседаний, а также на сессии ЦБК, имеющей быть в Москве 10–12 января 1926 г., выслушать и Ваш личный подробный доклад о поездке и о краеведческой работе в Сибири...». Профессора просили также поделиться соображениями по организационно-методическим вопросам «для напечатания в изданиях ЦБК» [105].

Сам В. Н. Хитрово считал, что его деятельность, начиная еще с 1901 г., получила «краеведческую комплексную окраску», и с полным на то основанием называл себя «старым ботаником и краеведом». К примеру, его неопубликованные воспоминания о былых путешествиях и экскурсиях «Из записок бродячего ботаника» составлены из отдельных историй, каждая из которых имеет свое название: «Бродячий ботаник попал в исповедники-духовники», «Куда Макар телят не гоняет», «Бандиты накормили», «Слабинка русского человека», «Пойманы на месте преступления»... Есть среди этих заглавий и такие: «Тоже краевед...», «Как два голодных краеведа друг друга "демьяновой ухой" угостили» и т. п.[106]

В своих работах ученый не только делился воспоминаниями о предпринятых им краеведческих поездках, но и излагал свои взгляды на советское краеведение и стоявшие перед его активистами задачи. Так, в статье «Тупики современного строя деревни» (рукопись датирована мартом 1929 г.) он писал: «...Мы, краеведы, можем выполнить то, что кроме нас сделать некому - продвигать в среду краеведной массы, гораздо более многочисленной, чем горсточка краеведов зарегистрированных, те положения, которые должны служить основой местного строительства... социализированного хозяйства»[107]. В личном архивном фонде В. Н. Хитрово хранятся рукописи еще нескольких работ фондообразователя по вопросам организации и методики краеведения. Среди них – написанные в 1920-е гг. статьи «Краевед и карта», «Краевед и поднятие урожайности», «На переломе краеведной работы», «Молодые краеведы и понятие девственности» (об охране природы)[108].

Волновали ученого и проблемы школьного краеведения, что доказывают его работы «По вопросу о краеведном пособии для школы» и «Начальная школа и краеведение». В последней, в частности, говорилось: «Широкой волной поднимается повсюду после революции краеведческое движение, докатилось оно и до школы, где сразу поставило в тупик рядовое учительство, которое и чувствует, какое великое жизненное содержание вливает ворвавшаяся волна в старую схоластику, но которое не подготовлено ни к принятию методов преподавания, сопутствующих идее краеведения в школе, ни к тому, чтобы своей инициативой вложить в предмет краеведения определенное местное содержание»[109].

В. Н. Хитрово вполне обоснованно можно считать одним из видных деятелей советского краеведения времен «золотого десятилетия». Уже говорилось, что в середине 1920-х гг. он был членом-корреспондентом ЦБК. Сохранившиеся в архиве краеведа письма из ЦБК, датированные 1927–1930 гг., содержат обращения к нему, уже как к члену Бюро. Хитрово информировали о том, что ему предоставлено право на бесплатные почтовые отправления, просили выступить с докладом «Роль краеведческих организаций в деле поднятия урожайности» на президиуме ЦБК, приглашали на очередной пленум Бюро, предлагали написать статью для опубликования ее в «Известиях ЦБК». Как представитель Общества исследования природы Орловской губ. Хитрово приглашался к участию в выставке по охране природы и старины. Имеются также указания на то, что он входил в Комиссию ЦБК по охране природы, памятников искусства, быта и старины. С. Б. Филимонов среди «видных деятелей отечественной науки, культуры и просвещения» – делегатов всероссийских и всесоюзных краеведческих форумов называет и В. Н. Хитрово.

Интересно, что в 1927 г. (с 15 марта по 15 апреля) В. Н. Хитрово был «дежурным краеведом» страны. Для того, чтобы стал возможным приезд ученого в Ленинград, Наркомпрос отправил ему почтовым переводом 100 рублей. Тогда, в марте 1927 г., Хитрово выступил, кстати, с «весьма интересным и ценным докладом» (слова из благодарственного письма от правления секции молодых краеведов Ленинградского общества изучения местного края) на конференции молодежи по изучению города Ленинграда. В программе этой конференции значились имена таких известных деятелей советского краеведения, как Б. А. Федченко, Н. Н. Павлов-Сильванский, Н. П. Анциферов и др.[110]

Отметим также, что В. Н. Хитрово активно сотрудничал с Орловским, Болховским и Воронежским краеведческими музеями. Так, руководство Воронежского музея он просил о предоставлении ему возможности провести «маленькое совещание» с местными натуралистами в рамках проводимого там в январе 1930 г. краеведческого совещания, на котором тоже собирался выступать. Что же касается музеев Орловщины, то Хитрово делился с ними своими сборами и «фотографиями Орловского края, интересными и характерными». Причем сотрудничество это (в т. ч. и консультационная помощь тому же Орловскому музею) продолжалось и в начале 1940-х гг., когда краевед уже жил и работал в Омске[111].

Поскольку речь зашла о фотографиях, заметим, что еще в 1894 г. Хитрово занялся фотоделом и со временем превратил фотоаппарат в незаменимый инструмент сво-

их исследований. Он состоял в фотографическом обществе «Дагер», в 1903–1905 гг. организовал при Киевском обществе грамотности отдел диапозитивов, служивших иллюстрациями на просветительных лекциях, в 1914 г. опубликовал «Атлас семян и плодов среднерусских полевых сорных растений», снабдив его более чем двумястами фотографиями. Профессор располагал богатейшим собранием негативов, члены Выставочной комиссии и Оргкомитета II Международного конгресса почвоведов (1930 г.) находили его коллекцию снимков прекрасной и вели с ним переговоры о возможной демонстрации части фотографий. Свои познания в этой области ученый-краевед изложил в работе «Из 40-летнего опыта фотографа. Вместо инструкции для геоботаников». Интересно, что в этом своем труде он не ограничивался техническими рекомендациями и размышлял, к примеру, о «физиологической основе восприятия изображения трехмерного пространства»[112].

Вообще круг интересов В. Н. Хитрово был чрезвычайно широк. Несомненную одаренность ученого, его пристрастие к самым разнообразным по своей тематике интеллектуальным упражнениям можно без труда разглядеть даже в кратком перечне его неботанических и некраеведческих работ: «Изгнанный бес – этюд по массовой психологии эпохи 1914–18 г.», «Организация населения», «О службе времени в Советской стране», «О теоретических обоснованиях законов о браке в Советском государстве», «Рай на земле как биолого-социологическая задача и ее решение», «Памяти Алексея Николаевича Толстого», «О культуре речи, интеллигентности и культурности», «Система фонетического русского правописания» (о явлениях йотации, недостатках в начертании отдельных букв, освобождении азбуки от «излишних» знаков и т. д.; работа изобилует специальной языковедческой терминологией, примерами из латыни, французского и немецкого языков), «Что нужно сделать для упорядочения трамвайного движения в Омске» (со схемами реконструкции узлов трамвайного пути у музея и в Городке водников), «Очерк эгоцентрического миропонимания», «Проблема количества и качества», «О пространстве и времени»[113].

Тему же «Закон количества как основа материальных равновесий» ученый вообще считал своей «самозаветной». Он разрабатывал ее с 1895 г., впервые изложил «закон количества» еще в студенческом реферате, а в 1927 г. выступил по этой теме на общем собрании Русского общества любителей мироведения. В архивном фонде Хитрово хранятся несколько рукописных и машинописных вариантов работы «Закон количества», один из них снабжен посвящением «гениям человечества прошлого, настоящего и будущего времени»[114].

Добавим, что ученый не был чужд и техническому изобретательству. Он занимался усовершенствованием приборов для ситуационной съемки, аэрофотосъемки и аэрофотонивелировки, в годы Первой мировой войны разработал проект дальномера для стрельбы по воздушным целям. Хитрово был не только увлеченным ботаником и почвоведом, его интересовали фенология, четвертичная геология и геоморфология, физика, астрономия, химия, математика и даже археология, этнография и фольклористика (в «Записках бродячего ботаника», например, рассказывается об участии краеведа в раскопках палеолитической стоянки, а также приводятся записанные в ходе странствий бывальщины, еще в 1913 г. им были написаны «Этнографические заметки о болховских дулебах...»)[115]. Вполне допустимо, что научная ценность всех этих непрофессиональных работ, проектов и занятий Хитрово не велика, но свидетельством необычайной пытливости ума их создателя, его эрудиции и работоспособности они являются несомненным. Так что нельзя не согласиться с характеристикой, данной В. Н. Хитрово самому себе – «ученый-энциклопедист, партизан от науки».

Краевед признавался, что ему, «партизану», «присуща потребность и способность самому построить-сотворить и найти путь жизненного развития для учреждения, где он работает. Гораздо труднее для него найти свое место в прокрустовом ложе уже сложившихся... работающих по трафарету периферических научных учреждений, а от центральных его отталкивала их оторванность от территории. Попасть "на свою полочку" партизану трудно по общей колее, он зависит от случая», т. к. «лишен житейской ловкости устраиваться». В. Н. Хитрово, по его же словам, «не посчастливилось попасть подобно крупнейшим партизанам – соседям по территории Циолковскому или Мичурину – в кругозор кого-либо из вождей-хозяев, руководящих строительством в нашей стране... а, вернее сказать, он сам не сумел найти своего хозяина с политическим кругозором и авторитетом большим, чем у местных... земработников-партийцев, чтобы развернуть перед ним четкую картину результатов своей работы, своих целей и планов»[116].

Надо сказать, что ученый вообще весьма критически относился к итогам своей научно-краеведческой деятельности. Известно, что в 1928 г. А. М. Горький написал В. Н. Хитрово письмо, в котором предложил поместить в журнале «Наши достижения» материал о его работе. Профессор Хитрово отверг это «лестное предложение», поскольку «достижением можно было только зачесть изданную капитальную энциклопедию местной природы, совмещающую в себе и научные, в т. ч. впервые

опубликованные, выводы, и черты популярного справочника и даже учебника». Речь шла о сборнике «Природа Орловского края», одним из авторов и редактором которого был Хитрово (экземпляр этого сборника был подарен Горькому орловскими краеведами). Более, по мнению самого ученого, он ничего не достиг, напротив, налицо был «полный и трагический разрыв между содержательностью и объемом... многоохватной тематики и процессом претворения результатов... работы в практические достижения».

«Успех в отношении "прославленности" и служебной карьеры» Хитрово находил суетным и неважным. Лишь три достижения определяли, на его взгляд, степень самоудовлетворенности ученого: результаты научного творчества изданы необходимым тиражом и доступны современникам; идеи и проекты реализованы в практической жизни; наличие Дома (с большой буквы), т. е. некой материальной основы, которая обеспечивала бы коллективное творчество учителя и дружной семьи его «апостолов», «пришедших со всех сторон под его руководство помощников и наследников, продолжателей и углубителей его работы на последующих этапах ее развития». В своей автобиографии, написанной в 1943 г. и бывшей, по сути, своеобразным подведением итогов почти полувековой научной деятельности, ученый «с чувством глубокой горечи» констатировал по всем трем им же определенным направлениям «почти полный провал»[117].

Действительно, три четверти им написанного никогда не было издано и, самое главное, его Дом, Муратовская база, которую он всеми силами старался превратить в «оригинальный тип маленькой местной академии наук, связанной... через широкие пути внешкольной просветительной работы с крестьянской массой», деятельность которой имела целью «максимально приблизить науку в местный обиход, чутко следя за текущими заказами и запросами... со стороны местных партийных и советских органов», даже сам бытовой уклад которой «построен был на началах коммунистического воспитания»[118], была ликвидирована, разрушена в 1930 г., разделив таким образом судьбу многих краеведческих организаций.

В. Н. Хитрово не просто лишился своего возлюбленного детища, он был арестован ГПУ по делу «вредительской организации» – Шатиловской опытной станции, заключен на период следствия в орловскую тюрьму и, в конечном итоге, выслан на Урал. В 1931 г. ученый уже добросовестно трудился на контрольной семенной станции Уралобласти в г. Свердловске, в 1932–1934 гг. проводил геоботанические исследования в Тюменском, Исетском и Ярковском районах в связи с землеустро-

ительными работами Земтреста, в конце 1933 г. работал в Чердыни, в 1934 г. – в Тюмени. В 1935 г. ботаник возглавлял Тюменско-Тобольскую экспедицию отде-ла трав Сибирского НИИ зернового хозяйства (позже – СИБНИИСХОЗ), в 1936–1939 гг. руководил стационаром Омской областной опытной станции животновод-ства в с. Луговом Тюменского района, затем был научным консультантом назван-ного выше НИИ.

Таким образом, не по доброй воле покинув Орловщину и проработав какое-то время на Урале, В. Н. Хитрово сделался омичом, причем навсегда. Характерно, что в 1937 г., поехав по делам в Москву, он заглянул в родной Орел и... вновь оказался в местной тюрьме, где провел в заключении почти год, с марта 1938 по февраль 1939 гг. Освободившись, профессор вернулся в Омск и предпочел этот город ни-когда более не покидать[119].

Можно предположить, что Омск стал для него новым местом жительства и ра-боты неслучайно. В архиве ученого хранится копия его письма академику Н. И. Ва-вилову (они состояли в переписке), из этого документа видно, что Хитрово еще в середине 1920-х гг. поддерживал тесные научные контакты с «омцами», в част-ности, с профессором К. Е. Мурашкинским[120]. В Омске В. Н. Хитрово не только продолжал свои геоботанические изыскания, но и активно участвовал в местном краеведческом движении: сотрудничал с Омским ОБК, интересовался музейной и экскурсионной работой, занимался с юннатами и т. д.

Решением Ученого Совета ВАСХНИЛ профессору Хитрово была присвоена ученая степень доктора биологических наук без защиты диссертации. Краевед-ботаник был крупным специалистом по кормовым растениям. В 1930–1940-х гг. он разрабатывал мероприятия по улучшению естественных кормовых площадей и соз-данию искусственных выпасов, писал о роли севооборота и сенокосооборота в увеличении кормовой базы омского животноводства, занимался проблемой крас-ного клевера, выступал с докладами на агросовещаниях в Омском ОблЗО («Ин-формация и предложение, относящиеся к борьбе с сорняками в Омской области», 1936 г.; «Агроном-диспетчер колхозного урожая», 1945 г.). В. Н. Хитрово принад-лежал и проект раздела «Кормодобывание» павильона «Животноводство Омской области» на ВСХВ[121].

В ходе упомянутой Тюменско-Тобольской и Тарской экспедиции ученый собри-рал семена дикорастущих кормовых растений и выявлял экотипы трав[122], а наблю-дения, проведенные на областной животноводческой станции, позволили ему сде-

лать выводы о сезонном плеоморфизме и эволюционных сдвигах луго-пастбищной растительности. В годы Великой Отечественной войны В. Н. Хитрово провел геоботаническое обследование кормовых угодий Барабы[123], предпринял множество ботанических экскурсий по районам области и окрестностям Омска.

Н. А. Плотников вспоминал: «Ездил со мной и другой такой же чудак – профессор Хитрово. Есть такие люди – таланты. Он и ботаник, он и агроном, он и полное затмение солнца наблюдал... в самодельный телескоп и, я думаю, его наблюдения были не хуже, чем у иностранных ученых, которые приезжали тогда в Омск, т. к. Омск был лучшей точкой для наблюдения... Он и проект строительства трамвая в Омске составлял – таланты, они видят суть во всем». А. Ф. Палашенков отмечал «громадную эрудицию», «живой и оригинальный ум», «блестящую память» В. Н. Хитрово, назвав его «большим знатоком четвертичной геологии, метеорологии, геоморфологии, ботаники»[124].

В архиве Хитрово отложились материалы, относящиеся к Омскому периоду жизни ученого и так же свидетельствующие о разнообразии его краеведческих интересов. В частности, можно узнать, что в 1937 г. краевед совершил поездку в Тарский район для изучения поймы Иртыша в целях ее хозяйственного освоения и рационального использования, а также «болот Тарского района и орудий их освоения». По поручению Облземотдела им была осуществлена приемка изыскательских работ Омскмелиоводстроя на болотах Муромцевского и Ежовского районов. Тогда же В. Н. Хитрово был написан «Агроклиматический очерк Омска».

Из метеорологических работ можно назвать составленную им сводку температуры воздуха в Омске, Тобольске, Таре и Тюкалинске за 1891–1935 гг., из фенологических – «наблюдательные журналы» «Фенология цветения растений» (Любинский район, 1938–1939 гг.) и «Фенология г. Омска» (1941–1943 гг.). В. Н. Андреев указывал, что Хитрово до последнего дня своей жизни занимался «вычерчиванием и составлением фенологических кривых»[125]. Что же касается полного солнечного затмения 19 июня 1936 г., то ученый не только сам наблюдал его, но и призывал к этому юных естествоиспытателей. За несколько дней до этого достаточно редкого явления им была написана статья «Проверим, кто подковался в "небесных" делах к затмению (небесная викторина)», а несколько позже газета «Молодой большевик» напечатала заметку краеведа «Солнечное затмение»[126].

Одно из дел личного архивного фонда В. Н. Хитрово называется «Мысли и предложения... на общественные темы». Материалы, содержащиеся в нем, не только

еще раз показывают большую эрудицию, любознательность и социальное неравнодушие краеведа, но и представляют теперь, по прошествии десятилетий, определенный интерес для местных историков яркими зарисовками быта омичей, например, предвоенных лет. Вот несколько строк из рукописей Хитрово о трамвайном движении и службе времени в Омске конца 1930-х гг.

«В первые месяцы эксплуатации молодого городского трамвая омичи с гордостью убеждались, что наш трамвай один из лучших... опрятность украшенных уютно, по-стахановски, вагонов, точность движения, скорость его, бесшумность... внимательная сосредоточенность обслуживающего персонала. Но всякая вещь только тогда хороша, когда ею умело пользуются... Что, например, омерзительнее картины, ежедневно наблюдаемой в Омске при посадках на трамваи и автобусы, когда... орава озверелых мужчин врывается в узкую щель между вагонами и оградою платформы, стремясь на ходу, до остановки, втиснуться в дверки вагонов, и сметает детей, женщин, больных и стариков...»

«Достаточно прислушаться к перекличке гудков в установленные часы, навести по телефону справку о точном времени в разных учреждениях, чтобы убедиться в повседневном, самом вопиющем расхождении этого "точного" времени на разных предприятиях одного города... Такие примеры – прямое издевательство над основным принципом: советскому аппарату – точность часового механизма...» Надо заметить, что цитируемые работы являются своеобразными документами эпохи, несут на себе узнаваемый отпечаток того времени. Ту же трамвайную давку автор объясняет не только действиями хулиганов, но и «врагов, которым лестно всякую добрую вещь, увеличивающую радостность нашей жизни, превратить в свою противоположность», и вообще считает нарушителей «трамвайной» дисциплины «сознательными или бессознательными потворщиками диверсантов и врагов народа»[127].

Выше, когда речь шла о юннатском движении в Прииртышье, В. Н. Хитрово назывался среди омских ученых, руководивших масштабной экспедицией юннатов в 1939 г. Год спустя в ходе еще одной комплексной экспедиции юных краеведов ученый курировал вопросы четвертичной геологии и почвоведения. После возвращения Хитрово рассказал об этой «экскурсии юннатов Омской ДТСХС в окрестности с. Лежанки» на страницах омской детской газеты «Ленинские внучата». Близкое знакомство с методикой экскурсионной работы позволило краеведу в 1941 г. выступить с замечанием на тезисы С. Р. Лаптева. «...Автор перечисляет вопросы, над которыми должен подумать руководитель и организатор экскурсии, – писал Вла-

димир Николаевич. – Этого, конечно, недостаточно – надо из тех вопросов, над которыми предложено подумать, разжевать те моменты, которые особенно недооцениваются некоторыми руководителями»[128].

В том же 1941 г. ученый-краевед выполнил графическую часть «Синоптики засух Омской области и Приуралья за 50 лет», составил определитель местных бобовых растений и «Атлас юнната по физической географии» в фотоиллюстрациях, создал пришкольный опытный участок по типовой программе. Во всех этих делах принимали самое живое участие юные натуралисты филиала ДТСХС при сельхозинституте. Филиал был организован В. Н. Хитрово. Ученый сотрудничал не только со станцией юннатов, но и с областным краеведческим музеем. Известно, что в августе 1937 г. его приглашали принять участие в обсуждении вновь организуемого физико-географического отдела музейной экспозиции, а в 1948 г. он предоставил музею ряд сведений по геологии края[129]. Наконец, как было сказано в некрологе, напечатанном в «Известиях» Омского отдела Географического общества, с самого начала существования этой организации, т. е. с 1947 г., краевед был ее действительным и весьма деятельным членом[130].

Другой «вынужденный переселенец», смолянин, приехал в Омск также уже не молодым, 50-летним, но очень быстро стал и затем оставался до конца жизни омским «краеведом № 1», безусловным лидером местного краеведческого движения. ***Андрей Федорович Палашенков (Палашенко)[131] (1886–1971)*** родился в селе Надва Катынской вол. Смоленского у. Смоленской губ. в крестьянской семье. Его отец, Федор Наумович, до 1861 г. был крепостным помещика Вонлярского. «Родители и деды, – писал краевед в одной из автобиографий, – помещичьи крестьяне, крепостные. Отцу шел 17-й год, когда была "прочитана воля". Детство проходило в те годы, когда на Смоленщине крепко еще чувствовался помещик, когда деревня носила старый дедовский уклад как в хозяйственной жизни, так и в быту...»

Сама Надва, стоявшая на «каменной» дороге примерно в 30 верстах к западу от Смоленска, по выражению Палашенкова, «вошла в историю»: в начале августа 1812 г. там произошло соединение 1-й и 2-й русских армий, в селе, в доме священника, останавливался маршал Ней. Отец и бабушка будущего краеведа любили вспоминать «дела минувших дней», рассказывали о тех же французах (один из прадедов Палашенкова был у них в плену, «заехал» с французами «далеко за Ригу»), о крепостной жизни, помещиках, старостах, войтах. Дядя, ветеран русско-турецкой войны 1877–1878 гг., делился воспоминаниями о дунайских походах[132]. Столь тес-

ная, почти осязаемая связь родных мест с историей Отечества, участие в ярких ее событиях близких людей, естественно, произвели сильное впечатление на ребенка и непосредственным образом повлияли на формирование его склонности к изучению родной старины.

С раннего детства соприкасался А. Ф. Палашенков и с богатствами русского фольклора. «Село, – писал он, – являлось хранителем легенд, преданий, сказок, песен. Древний обряд, обычай сопровождал все стороны жизни крестьянина – от колыбели до могилы». Мать краеведа, Агафья Гавриловна, его сестры Улита и Евдокия слыли хорошими песенницами (старшая сестра больше знала старинных песен, а пела лучше младшая, Евдокия, позднее Палашенков запишет от сестер около сотни песен), в доме их нередко устраивались посиделки, звучали песни, «старик Артем Иванович Гапеенков... говорил сказки». Все это также «способствовало пробуждению интереса к истории, фольклору»[133].

Образование А. Ф. Палашенкова началось в школе при Богородице-Рождественской церкви родного села и продолжилось в двухклассном министерском училище. Последнее было расположено в 10 верстах от Надвы, «на земле двух сестер-помещиц... Старшая из сестер... являлась попечительницей училища. Она интересовалась и хорошо знала музыку и пение. При училище был организован хороший хор». Создание в дворянских усадьбах хоровых и музыкальных коллективов, состоявших из крестьянских ребятишек, было, очевидно, достаточно распространенной культурной инициативой рубежа веков, по крайней мере, на Смоленщине. Известно, что княгиня М. К. Тенишева примерно в те же годы организовала балалаечный оркестр из двадцати учеников сельскохозяйственной школы в своем знаменитом имении Талашкино[134].

Вскоре, благодаря своему голосу, юноша стал ведущим солистом, и ему часто приходилось бывать в «живописно расположенной помещичьей вотчине с прекрасным дворцом, с лакеями в ливреях, поварами в белых колпаках и многочисленным штатом горничных... На усадьбе были расположены ступенчатые пруды с озелененными островами на них, благоустроенные теплицы, сады, громадный дубовый парк с дорожками, клумбами, беседками, большими гранитными вазами... Перед детским взором вставали картины крепостной России, дополняемые рассказами старых служащих помещичьего гнезда»[135]. Таким образом Палашенков получил возможность приобщиться к старой дворянской культуре, носителями которой были, в частности, эти сестры-помещицы, владевшие семью тысячами де-

сятин земли внучки «русского графа Монте-Кристо» А. А. Вонлярского, известного своими фантастическими приключениями. На всю жизнь сохранил краевед воспоминания о построенном в готическом стиле флигеле с витражами, о храме, расписанном К. П. Брюлловым и М. О. Микешиным, о внутреннем убранстве усадебного дворца (живопись, скульптура, старинная бронза, собрание редких книг)[136].

Способный и подающий надежды ученик после окончания училища был оставлен при нем для подготовки к дальнейшему обучению. В 1904 г. Палашенков поступил в Алферовскую учительскую семинарию, выпустившись из которой в 1907 г., учительствовал в земских школах Смоленской (1907–1909 гг.) и Киевской (1909–1913 гг.) губерний. Есть сведения, что первым местом его работы была земская школа в деревне Челновой, одна из лучших в Дорогобужском уезде. Попечителем этого учебного заведения был тамошний помещик, председатель Дорогобужской уездной земской управы А. М. Тухачевский (дядя советского маршала), а инспектором народных училищ – историк, этнограф, лингвист, фольклорист и краевед В. Н. Добровольский (1856–1920). Между известным ученым и начинающим учителем сразу же установились не только дружеские отношения, но и тесное сотрудничество. Владимир Николаевич увлек Палашенкова своей страстью к собиранию образцов устного народного творчества[137].

Ничего удивительного в этом не было, если учесть отмеченную уже предрасположенность Палашенкова к такого рода занятиям и горячую, почти фанатичную увлеченность самого Добровольского. Со слов А. Ф. Палашенкова, записанных И. С. Коровкиным, известен такой случай: «Экзамены в сельской школе. Окна открыты настежь. Торжественная обстановка. Цветы. Вдруг Владимир Николаевич выпрыгивает в окно: он услышал, как баба у колодца, ругая сына-мальчонку, сказала какое-то незнакомое слово. В. Н. бежит за бабой, она – от него. Испуганно кричит. Забежала в свою ограду, заперлась на засов. Добровольский стучится, она не пускает. Сбежались люди, еле уговорили ее открыть и разъяснить новое для В. Н. слово»[138].

Так получилось, что именно в качестве фольклориста начал Палашенков свою научно-краеведческую деятельность. Как отмечал С. Р. Лаптев в докладе, сделанном по случаю 80-летия А. Ф. Палашенкова, собиранию фольклора молодой краевед «посвящал все свое свободное время. [Прошел] по деревням и селам Приднепровья пешком, с заплечным мешком... буквально исколесил этот громадный край и побывал почти в каждой деревне. Им было собрано свыше 10 тысяч бытовых, обрядовых и исторических песен, песен-частушек, духовных стихов, апокрифов,

сказок, причитаний, легенд, сказаний, заклинаний, примет...». О записанном Палашенковым и его женой Анной Михайловной, также учительницей, большом числе (свыше 11 тыс.) народных песен упоминает в своих дневниках и И. С. Коровкин[139].

Что же касается педагогической работы краеведа, то определенный интерес вызывает тот факт, что Палашенков не только был прогрессивно мыслящим учителем, но и чуть ли не занимался революционной деятельностью. А. Э. Лейфер в своем очерке «Фонд Палашенкова» цитировал письмо, полученное Андреем Федоровичем от ленинградского профессора Ф. И. Быдина. «Вы учили нас год или два... – вспоминал бывший учащийся Челновской школы. – Очень уважали и любили Вас мои родители, братья и сестры... Вы учили нас петь революционные песни... Вы, или кто другой, давали революционные брошюры, листки...». Сам Палашенков в ответном послании, похоже, не отрицал сказанного: «Славные революционно настроенные учительницы Быковской школы... предупредили меня, что мне нужно расстаться с Челновой. И вот я на Киевщине... заведующим министерским 2-классным училищем. Организовал хороший хор, воскресную школу, народную библиотеку...»[140]

Возможно, отъезд в Малороссию действительно был вынужденным, однако, как докладывал в 1966 г. С. Р. Лаптев, мечта побывать на Украине возникла у краеведа еще в юношеские годы. «Здесь, как и на Смоленщине, хорошо сохранился старый дедовский уклад», можно было наряду с мелодичными девичьими песнями услышать старых бандуристов, «надтреснутыми голосами» рассказывавших о борьбе с турками и татарами, о Запорожской Сечи и Богдане Хмельницком. Все это пробудило интерес Палашенкова к историческому прошлому Украины, он немало по ней попутешествовал, иногда в компании других учителей и своих учеников[141]. В ходе этих и иных краеведческих поездок (в верховья Днепра, на Западную Двину и Волгу) А. Ф. Палашенков интересовался не только фольклором, но и этнографией, археологией.

В 1913 г. краевед поступил вольнослушателем (стать действительным студентом ему мешал образовательный ценз) в Московский археологический институт, филиал которого находился в Смоленске, и перевелся в связи с этим в Смоленскую гимназию на должность учителя приготовительного класса и помощника классного наставника. Перед этим Палашенкову пришлось выдержать экзамен на уездного учителя, поскольку полученное им в учительской семинарии образование не давало права преподавать в городских учебных заведениях. Учебу в институте

он совмещал не только с преподавательской деятельностью, но и с работой в Смоленской ученой архивной комиссии, членом которой наряду с М. К. Тенишевой, С. Д. Шереметьевым, Н. А. Хомяковым и др. состоял с 1914 г.[142]

В мае 1917 г. Палашенковым был получен документ об окончании археографического отделения института, свидетельствовавший об отличных успехах вольнослушателя в изучении почти всех учебных дисциплин и защите кандидатской диссертации (т. е. дипломного сочинения) по теме «Песни-частушки Смоленской губ.» (интересно, что поначалу краевед-фольклорист весьма негативно относился к частушкам, видя в них «деградацию песенного слова»). А. Ф. Палашенкову было присвоено звание ученого-археографа, и произошло его зачисление в действительные члены института.

Вскоре краевед, уже как действительный студент, продолжил обучение на археологическом отделении того же Смоленского филиала Московского археологического института и летом 1922 г. получил свидетельство об окончании его полного курса. По всем 33 изучавшимся предметам, среди которых кроме русской истории, истории русского и зарубежного искусства, истории литературы и языка значились русская историография, славяно-русская и греческая палеография, история русской архитектуры и скульптуры, история византийского искусства, история эстетических учений, египтология, первобытная и христианская археология, этнография, музееведение, геология, нумизматика и эпиграфика, немецкий, французский и латинский языки, история местного края и т. д., выпускник имел только отличные оценки и получил все права, предоставлявшиеся окончившим российские госуниверситеты. Одновременно Палашенковым был прослушан курс словесно-исторического отделения Института народного хозяйства[143].

Проработав некоторое время после закрытия гимназии в советских школах Смоленска и Орловско-Витебской ж.д., Андрей Федорович оставил педагогическое поприще и целиком ушел в музейно-краеведческую деятельность. По имеющимся данным уже в 1921 г. он являлся экспертом Главнауки по отбору предметов музейного значения и участвовал тем самым в известном изъятии церковных ценностей в связи с голодом в Поволжье, а в 1922 г. был хранителем Музея искусства и древностей при Смоленском ГубОНО (бывший музей «Русская старина», созданный княгиней М. К. Тенишевой в 1905 г. и в 1911 г. переданный в дар ею же учрежденному Смоленскому филиалу Московского археологического института).

Видимо, как раз тогда состоялось его знакомство с М. М. Пришвиным. Как рассказывал сам А. Ф. Палашенков И. С. Коровкину, Пришвин, агроном по специ-

альности, был тогда («в первые годы советской власти») без работы и «директору музея в Смоленске» Палашенкову удалось устроить его на несколько месяцев смотрителем находившегося в ведении музея безнадзорного имения помещика Барышникова[144]. Среди известных деятелей культуры у краеведа было еще несколько друзей и добрых знакомых – те же М. В. Исаковский, М. И. Погодин, И. С. Соколов-Микитов. Был знаком А. Ф. Палашенков и со знаменитым путешественником П. К. Козловым, гостившим у него в Смоленске[145].

В 1923 г. Палашенков был организатором этнографического отдела Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве, а начиная с 1925 г. являлся сперва библиотекарем, а затем научным сотрудником Смоленского музея, заведовал местными историко-археологическим музеем, мемориальным музеем композитора М. И. Глинки, музеем революции. Если в историко-археологическом музее им была проведена реорганизация на основе новых принципов музейного строительства, то создание двух последних из названных музеев, а также мемориального музея Н. М. Пржевальского вообще было его личной заслугой. В 1927 г. распоряжением Главнауки Наркомпроса А. Ф. Палашенков был назначен директором и председателем Ученого совета Областного музея, объединявшего все музеи Смоленщины. Уйдя в 1928 г. с административной работы (по состоянию здоровья), краевед возглавил один из отделов музея, а затем стал инспектором и уполномоченным по охране памятников Западной области.

Нельзя не сказать и о его общественной деятельности. А. Ф. Палашенков был заседателем народного суда (1922 г.), состоял членом правления и казначеем Общества гуманитарных наук при Смоленском университете (1926–1927 гг.), членом бюро Смоленской секции научных работников (1927–1928 гг.), «культуполномоченным» Областного дома работников просвещения (1930–1933 гг.; в 1931 г. в этом качестве руководил бригадой по проведению весенней кампании и получил благодарность за «энергичную и плодотворную работу»). В 1931 г. он был членом только что созданного Западного ОБК, где руководил исторической и библиографической секциями, с 1932 г. являлся ученым секретарем этого бюро краеведения.

В 1930–1933 гг. А. Ф. Палашенков провел большую работу по регистрации археологических и историко-революционных памятников Западного края. К концу смоленского периода деятельности ученого-краеведа в его активе было около десятка научных публикаций (исторический очерк Смоленска, статьи и заметки об отдельных памятниках и проблемах их охраны, сборники фольклорных произве-

дений) и несколько подготовленных к печати рукописей по истории, археологии и этнографии Смоленщины. Кроме того, на протяжении ряда лет А. Ф. Палашенков собирал самые разнообразные материалы для краеведческого словаря Западной области[146].

Вся эта весьма продуктивная работа была прервана 7 сентября 1933 г. арестом увлеченного краеведа. А. Ф. Палашенков был обвинен в шовинизме и 25 марта 1934 г. приговорен Тройкой УНКВД по Западной области к трем годам лишения свободы. Много лет спустя в одном из писем он пояснил, в чем состоял его «шовинизм»: «Работа по охране памятников и довела меня до Сибири. Спасая от разрушения Смоленскую стену, Большой Успенский собор, памятники 1812 г. и Кутузову, я приобрел много недругов»[147]. Профессор А. Д. Колесников в декабре 1998 г. рассказывал, что Андрею Федоровичу, по его собственным словам, инкриминировали еще и сохранение дворянских усадеб... в интересах их бывших владельцев, бежавших за рубеж в годы Гражданской войны. Некая русская эмигрантка из Парижа письменно поблагодарила краеведа-музейщика за заботу о такого рода объектах культурного наследия. Письмо это до адресата не дошло, но зато фигурировало в материалах следственного дела.

История же с памятником фельдмаршалу Кутузову вообще детективная и отчасти даже трагикомическая. Смоленские комсомольцы сняли чугунный памятник с постамента для последующей переплавки. Узнав об этом, Палашенков под покровом ночи укрыл скульптуру в музейном подвале. Явившийся на другой день милиционер потребовал от него незамедлительно выдать спрятанного «царского генерала». Когда разобрались, что речь идет о памятнике, вынимать последний из подвала все же не стали, а перед войной и вовсе установили на прежнем месте. А. Д. Колесников уже от себя добавил, что после бомбежки памятник вновь оказался на земле, а затем был отправлен оккупантами в Германию в качестве металлолома. Под Оршей партизаны пустили немецкий эшелон под откос, памятник в очередной раз уцелел, но был обнаружен местными железнодорожниками лишь спустя довольно продолжительное время.

Тогда же, в 1933–1934 гг., краеведу припомнили и соборы, и усадьбы, и памятники. Все пошло в дело, в прямом и переносном смысле... Надо заметить, что репрессиям краевед подвергался и ранее. А. М. Лосунов установил, что в 1918 г. Палашенков был арестован ЧОНом и препровожден в Губчека, где его продержали несколько дней» за то, что он слишком упорно настаивал на передаче Смоленскому

музею бывшего архиерейского дома, а в 1919 г. он был взят в заложники по случаю проходивших в округе антисоветских крестьянских волнений, более месяца провел в тюремном застенке и лишь чудом избежал расстрела.

Надо полагать, к подследственному краеведу применялись специфические меры воздействия, заставившие его 10 сентября 1933 г. признать свое членство в «контр-революционной национал-фашистской организации», которая «ставила своей конечной целью свержение Советской власти». Вряд ли допрашивавшие Андрея Федоровича Альтман, Каган, Финкельберг и др. воздерживались от использования пыточного арсенала. По мнению смоленского историка М. В. Иванова, это подтверждается одним из документов следственного дела – заявлением, написанным карандашом на листке оберточной бумаги 14 ноября 1933 г. «В силу тяжелого психического состояния и большой нервной расшатанности, – писал арестованный Палашенков, – я в данных ранее показаниях признал себя участником контрреволюционных организаций. Настоящим заявляю, что никогда ни в каких контрреволюционных организациях я не состоял и никаких поручений названных организаций не принимал и не проводил. Всегда был добросовестным работником и честным гражданином Республики».

Через несколько дней после вынесения приговора группа заключенных, в которой находился Палашенков, была отправлена на строительство канала Москва – Волга. Однако в Вязьме находившиеся среди заключенных интеллигенты были сняты с поезда, возвращены в Смоленск и после кратковременного содержания в городской тюрьме этапированы в КАРЛАГ[148]. Обстоятельства сложились так, что любовь к истории, пристрастие к музейному делу, приведшие А. Ф. Палашенкова в лагерь, помогли ему и выбраться оттуда. В марте 1935 г. начальник Управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД Линин издал приказ за № 84, которым предписывалось «для успешного и четкого выполнения приказа... об организации общелагерного музея, ставящего целью выявление результатов работы лагеря по переделке природы и перековке человека... временно для подготовки музея организовать под руководством заведующего музеем з/к Палашенкова А. Ф. проведение работ по оформлению музейной экспонатуры».

В помощь «заведующему», дотоле бывшему лагерным метеорологом, были выделены снятые с других объектов (учебный комбинат, мелиогруппа, поливное опытное поле и т. д.) еще 6 заключенных: художники Р. Г. Флеминг и П. И. Нерадовский (в прошлом придворный художник последнего императора, он написал

тогда портрет А. Ф. Палашенкова, к сожалению, сгоревший), фотограф Р. И. Пауль, а также И. Г. Спасский (бывший заведующий секцией медалей Эрмитажа и будущий корифей отечественной нумизматики, доктор исторических наук), П. С. Каменский и Е. М. Сыров. Всем предприятиям и учреждениям КАРЛАГа предписывалось «оказывать всемерное содействие в успешном осуществлении организации общелагерного музея». Приказ начальника лагерного управления действительно был выполнен «успешно и четко», и 27 марта 1936 г. за ударную работу по созданию музея А. Ф. Палашенков был досрочно освобожден[149].

Тюремные камеры и лагерные бараки отняли у краеведа не только несколько лет жизни, при обыске существенно пострадал его архив, были утрачены многочисленные рукописные материалы, документы об образовании и т. д. После освобождения Палашенков обращался с просьбой об их возвращении в «УГБ УНКВД» по Западной области и получил в ответ лишь извещение, что «просимых документов не оказалось». Вернее, извещение это получили тюменские чекисты, их начальник на бумагу наложил свою резолюцию: «Вызовите. Объявите». Вызывать просителя работники «компетентных органов» все же не стали (видимо, из-за своей тогда уже слишком большой занятости) и переслали уведомление заведующему гормузеем с тем, чтобы тот довел его до сведения Палашенкова[150].

Как видим, новым местом жительства недавнего заключенного был определен город Тюмень Омской области, где он 15 апреля 1936 г. был принят оформителем в местный музей, а спустя несколько месяцев, в ноябре, «по договоренности» направлен для работы в Омский областной краеведческий музей[151], в котором в 1936–1943 гг. занимал должность научного работника, заведующего историко-археологическим отделом, старшего научного работника-археолога, а затем в течение полутора десятилетий был директором.

Заметим, что А. Ф. Палашенков на всем протяжении сибирского периода своей жизни не порывал связей со ставшей теперь очень далекой родиной, хотя и считал, что Смоленск его «крепко обидел»[152]. В Смоленске остались его родные братья и сестры, его книги и бумаги, перевезти которые в Омск он либо не мог, либо не хотел, надеясь, может быть, на скорое возвращение в родные места. Архив и «шеститысячная» библиотека краеведа погибли в самом начале войны, уничтоженные огнем бомбежек и артобстрелов. Основная часть книг сгорела вместе с домом старшего брата, Никиты Федоровича, другая – вместе с домом отца, где жили сестры Палашенкова. Это была уже вторая библиотека, которой краеведу пришлось лишиться,

известно, что еще в 1919 г. его книги были отчасти «забраны», отчасти же просто разворованы[153].

По свидетельству И. С. Коровкина, дома у А. Ф. Палашенкова висели рядом две карты – Смоленской и Омской областей[154]. Интересно, что в конце 1940 – первой половине 1950-х гг. краевед часть своих работ подписывал псевдонимом «Смоленский»[155]. Наконец, Палашенков никогда не упускал возможности погостить в родных краях, интересовался смоленскими делами, в т. ч. и краеведческими. Его бывшие земляки также помнили своего старейшего краеведа, в смоленских газетах были опубликованы материалы к его 70- и 85-летнему юбилеям.[156]

Особый интерес представляют, на наш взгляд, первые годы пребывания А. Ф. Палашенкова в Омске. Он сразу же продемонстрировал такую неуемную энергию в изучении нового для себя края, в особенности, в изучении его исторического прошлого, такую краеведческую ненасытность, такой энтузиазм в поиске новых краеведческих знаний, какие мало кому были свойственны тогда, как, впрочем, и до него, и после. В архиве краеведа сохранилась автобиография, написанная им в 1946 г. Вот что он сам рассказал о начале омского периода своей деятельности:

«С переходом на работу в Сибирь занялся изучением Омской области. Зимой 1936–1937 гг. проработал и напечатал программы по учету археологических, историко-революционных и архитектурных памятников, ознакомился с состоянием дома декабриста Муравьева-Апостола в Ялуторовске, составил проект реставрации этого дома (впоследствии дома-музея. – *А. Р.*)[157]. В 1938 г. предпринял экспедицию за Полярный круг. Обследовал на реке Полуй древнюю (IV–VIII вв.) стоянку, раскопки которой дали богатый археологический материал. В Салехарде изучен в археологическом отношении береговой мыс – территория Обдорской крепости. Произведено описание и фотографирование мыса Ваули... связанного с именем национального ненецкого героя... В Надымском районе собран этнографический материал, характеризующий быт ненцев. В том же 1938 году произведены раскопки на Искере (территория столицы б[ывшего] татарского Сибирского царства), сделаны обмеры и разрезы, сняты планы[158].

В 1939 г. предпринята экспедиция по рекам Северная Сосьва и Ляпин. Обследована территория б[ывшей] Ляпинской крепости, где обнаружены остатки крепостного тына, фундаменты башен и других строений. По рекам Сосьве и Ляпину открыты городища, стоянки древних поселенцев... собран вещественный материал... произведены обмеры, чертежи и фото. В Березове определено место погребе-

ния Марии Меншиковой, дочери сподвижника Петра, умершей в 1729 г. Обнаружены и вывезены в музей шелковые и др. ткани XVIII и XIX веков, в т. ч. фелонь, пожертвованная находившимися в березовской ссылке княжнами Долгоруковыми, выделена и вывезена в музей коллекция икон древнего письма (были найдены в груде церковного хлама. – *А. Р.*), в т. ч. икона, известная в литературе под именем "Знамя Ермака". Составлено описание березовского некрополя.

В 1940 году продолжал обследование (начато в 1938 г.) Тобольского кремля и других исторических, историко-революционных и архитектурных памятников старейшего из русских городов в Сибири. С 1937 по 1940 г. провел учет, описание и фотографирование всего наличия историко-революционных памятников на всей территории Омской области ... от Казахстана и кончая Ямальским полуостровом. За упомянутые работы занесен на Доску Почета со следующей характеристикой:

"Палашенков Андрей Федорович – старший научный работник. Трудовой стаж 34 года. Провел большую работу по изучению кремля в г. Тобольске, в результате чего по представлению Исполкома Омского областного совета депутатов трудящихся СНК РСФСР признал кремль... историческим памятником государственного значения, подлежащим государственной охране. Руководил составлением и оформлением технических смет и титульного списка на ремонтно-реставрационные работы по этому памятнику, закончив оформление всего материала ко дню открытия XVIII конференции ВКП(б). Провел работу по учету и фиксации историко-революционных памятников на территории г. Омска и Омской области. Учетный список памятников утвержден Исполкомом... Активно участвует в общественной работе музея"»[159].

Рассказывая об участии в пополнении музейных фондов, А. Ф. Палашенков не упомянул о своей роли в спасении книг т.н. «словцовской библиотеки», подаренных в свое время П. А. Словцовым одному из учебных заведений г. Тары. Позже краевед написал короткие воспоминания об этом эпизоде (хранятся в рукописном фонде библиотеки Омского историко-краеведческого музея), опубликованные И. Е. Бродским в 1994 г. Поскольку отраженные в них факты во всех отношениях характерны, позволим себе еще одну пространную цитату из написанного Андреем Федоровичем:

«Весной 1938 г. я приехал в Тару ознакомиться с состоянием Тарского музея. Это было первое посещение мной города. Когда я проходил по главной улице, мое внимание было остановлено большим каменным храмом чудесной архитектуры...

Несмело перешагнул порог открытой двери. В притворе направо и налево лежали высокие груды старинных переплетов (картонных... конца XVIII – начала XIX вв., дубовых и липовых, покрытых кожей, пергаментом, с церк[овно]-слав[янским] тиснением надписей...). Пройдя дальше, я оказался в громадном помещении бывшего храма... Здесь сосредоточены были тысячи книг дореволюционной печати.

Здесь же я встретился с архивными "тружениками", которые с яростью расправлялись со "старым барахлом" (так они называли обесславленные книжные сокровища). Архивные работники вырывали текстовую часть книг из переплетов, и в этом, как я убедился, преуспели немало. Текстовая часть книг шла в утиль на поддержание тепла в сырых стенах бывшего храма. Переплеты оставались для приведения в должное состояние и вид здания Тарского архива.

Я обратился с просьбой к зав. архивом о передаче книг Омскому музею. Получил решительный отказ: "Нам приказано сдать все в утиль!!!" Не было у меня надежды, что и др. власти Тары встанут на мою сторону. Пошел на телеграф и без минутного промедления послал телеграмму в Омск. Просил председателя испол[кома] обл[астного] Совета т. Евстигнеева дать указание о передаче книг... Через несколько часов я получил разрешение на вывоз книг в Омск. Началась беготня по закупке ящиков, мешков, рогож, веревок, шпагата и т. п. Когда обзавелся упаковочным материалом, началась укладка книг, зашивка, перевозка и заколачивание ящиков. Дней пять работал. Три четверти обреченных на уничтожение книг упаковал и отправил на пароходную пристань (240 пудов).

Оставалось тысячи две книг. Тара запротестовала. Не позволила продолжать мне упаковку: "Нам тоже нужны книги". Я торопился с погрузкой на пароход: погода была ненастная, груз же лежал на открытом дебаркадере. Полагал по доставке груза в музей, заручившись отношениями, отправиться в Тару за оставшимися там книгами... Книжный груз был перевезен в библиотеку музея. Я... довольный обогащением библиотеки ценнейшим поступлением, пришел к директору музея А. П. Петровской... просил ее посмотреть книги. Пришла и с нескрываемой брезгливостью взяла в руки одну, другую... десятую книгу. Потом, глядя на меня с сожалением, сказала: "Жалко мне Вас, А. Ф., что так много затратили сил на доставку этого старого барахла. Тут нет и одной полезной книги..." Конечно, при таком взгляде директора я не мог просить командировку в Тару... Только через два года... мне... сказали, что никаких старых книг в городе не сохранилось. Все уничтожено. Так гибнут ценности»[160].

Н. М. Столповская, бывшая в те годы музейным библиотекарем, рассказывала нам, что Андрей Федорович даже получил взыскание за свои столь решительные и, главное, не санкционированные музейным начальством действия по спасению 7 тысяч старинных книг. Впрочем, ему было не привыкать страдать за излишнее (как видим, даже с точки зрения директора краеведческого музея) свое радение по сбережению родной старины.

Можно несколько дополнить автобиографию краеведа, касаясь его северных экспедиций, в частности, Ямало-Ненецкой. Она началась 16 июля 1938 г., когда историк-археолог А. Ф. Палашенков, художник Д. С. Суслов со своей супругой Р. И. Жуковой и 6-летним сыном и географ, бывший секретарь Омского ОБК, Г. П. Белозеров взошли на палубу стоявшего у омского причала парохода «Карл Либкнехт». 24 июля они достигли Салехарда, две недели проводили исследования в его окрестностях, затем на какое-то время выезжали в Ныдинский район. Около двух недель ушло и на возвращение из Салехарда в Омск, куда участники экспедиции прибыли 10 сентября.

В ходе поездки Палашенков, как и подобает всякому путешественнику, вел подробный дневник («Путешествие на Обской Север в 1938 году. Полевые наброски старшего научного работника Омского областного музея...»[161]). Из этих записей, дополнив их выдержками из литературных источников и проиллюстрировав фотографиями, он составил после возвращения из экспедиции нечто вроде отчета о ней. Из последнего можно узнать, что при знакомстве со стоянкой на Полуе краевед-археолог собирал подъемный материал и закладывал шурфы, кто-то передал ему найденный на том месте каменный фаллос, а работники аэропорта сообщили, что вообще довольно часто находят старинные предметы. В поисках ненецкого жертвенного места, где, по слухам, все еще приносились жертвы во славу полулегендарного самоедского Робин Гуда – Ваули Пиетомина (промышлял грабежами богатых оленеводов, помогал беднякам, выступал против русских властей и готовил нападение на Обдорск в 1841 г.), путешественники, «пробираясь... по тундре, встретили целый ряд небольших, но, видимо, глубоких озер-ям, по берегам которых много голубики и "северной царицы ягод" – морошки. Краеведы обследовали старое ненецкое кладбище, вскрыли один хальмер, в других разрушенных временем гробницах собрали кольца, бубенчики и бляхи, затем изучали хантыйское становище, производили небольшие раскопки».

Палашенков подробно описал памятники на новом кладбище («орлам» 232-го полка 26-й дивизии, «сложившим головы на далеком Севере за идею коммуниз-

ма» в июне 1921 г., матросу и грузчику Карской экспедиции, погибшим «на фронте борьбы за хозяйственное возрождение Советского Союза»), а также экспозицию местного музея[162]. Несколько страниц дневника-отчета занимает почти художественное описание тундровой природы и вообще местной экзотики: «Проносятся стайки диких уток. Их много бывает под вечер и, в особенности, когда надвинутся тучи и подуют холодные ветры...

Взад и вперед по реке снуют суда, начиная от маленькой... лодки-калданки и кончая быстроходными катерами и различными буксирами. Реже раздаются басящие гудки больших пассажирских пароходов, вносящих большое оживление в полярный город. К приходу их в свободные от работы часы и, в особенности, в выходные дни к пристани Сале-Хард собирается много городского люда и выходящие из парохода пассажиры проходят через шумную толпу любопытствующих. Часто раздается треск пропеллера воздухоплавательной машины, проносящейся над городом...»[163]

В Ныде А. Ф. Палашенков знакомился с бытом и хозяйством ненцев (чумы, стада оленей), покупал для музея предметы их обихода (25 шт. на 100 руб.). Есть в его записях и любопытные данные об остяцких князьках, например, об Иване Матвееве Тайшине, которому в середине прошлого столетия были высочайше пожалованы серебряный кортик, золотая медаль на аннинской ленте, малиновый бархатный кафтан с парчовым полукафтаньем и бархатной шапкой, а также кубок и грамота за усердие и в знак признания его княжеской власти над обдорскими хантами[164].

Итогом Ямало-Ненецкой экспедиции были не только ценные археологические, этнографические и исторические сведения о самых северных территориях тогдашней Омской области, но и дружба А. Ф. Палашенкова с Д. С. Сусловым, которая продолжалась долгие годы, несмотря на то, что Суслов, став к тому времени секретарем Союза художников СССР, переехал в Москву. В 1966 г. тогда уже вдова Суслова написала Палашенкову: «...Нет меры восхищению и преклонению перед Вашей увлеченностью своим любимым интересным делом, которому Вы служите с завидным трудолюбием... Многим Вы послужили примером, многих смогли увлечь... Одним из них был Ваш друг Дмитрий Степанович. Ваше отзывчивое доброе сердце умеет откликаться на горе и радость. Спасибо Вашему сердцу»[165].

Имеются данные, что вскоре по возвращении из Ямало-Ненецкой экспедиции краевед вновь был арестован. А. В. Жук в одной из своих работ сообщает, что

«...время от времени Палашенкову напоминали, кто он такой. К примеру, 26 августа 1938 г... Андрей Федорович был арестован... и отпущен лишь в начале 1939 г.[166] В конце лета (августе-сентябре) этого года состоялась еще одна большая комплексная экспедиция Палашенкова – Ляпин-Сосьвинская – в Березовский район Остяко-Вогульского национального округа Омской области. В ней кроме него участвовали научные работники музея геоботаник Н. А. Князев и бывший редактор «Молодого большевика» Д. П. Сальников. Перед тремя музейщиками была поставлена задача обследовать округ «в естественно-историческом, историко-археологическом, а также хозяйственно-экономическом и культурно-бытовом отношениях за последние 22 года»[167].

Достигнув Березова, участники экспедиции обследовали территорию старого города, уже частично смытого рекой. Палашенков записал: «...Всюду встречаются человеческие кости и черепные коробки... Каждый удар лопаты выносит на свет остатки людей». При раскопках берегового склона краевед нашел древний нож, им были также открыты подземные части стоявших когда-то здесь деревянных укреплений. От Березова путешественники прошли более 600 км на лодке, дойдя по рекам до восточных предгорий Северного Урала[168].

Во время этого похода была тщательно обследована территория Ляпинской крепости. А. В. Жук находит не случайным повышенный интерес А. Ф. Палашенкова к этому памятнику, т. к. тот «и по специальности и по призванию... был археологом историко-архитектурного направления»[169]. Правда, настроение краеведа изрядно испортилось, когда он узнал, что этот «памятник исключительной ценности» был уничтожен пожаром еще в 1920 г. Тем не менее крепость, вернее, следы от нее, были в течение двух недель детально обследованы Палашенковым. По остаткам крепостного тына он смог определить план древней крепости, наличие тех или иных крепостных построек, стен, башен, ворот и т. д. «Устали порядком, – записал исследователь в своем дневнике. – Пришлось много копать. Были моменты, когда сомневался, что удастся определить детально план крепости. Сомнения рассеяны. Сделано много»[170].

Действительно, и в ходе этих раскопок и вообще в этой экспедиции Палашенковым было сделано немало. Кое о чем он рассказал в цитировавшейся выше автобиографии, это, конечно, далеко не все. Так, в архиве краеведа имеется описание и фотографии мансийского храма, в частности, семи вырезанных из дерева идолов. Машинописный текст датирован 1939–1940 гг., а материалы собирались как раз

в ходе Ляпин-Сосьвинской экспедиции. Вероятно, из этой поездки привез Андрей Федорович и хранящиеся в его личном архивном фонде 15 фотографий жертв «кулацко-шаманского восстания в Березовском районе в 1934 г.»[171]

Если к тому, что было сказано выше, добавить, что А. Ф. Палашенков, бывший тогда единственным в Омске археологом-профессионалом, читал курс археологии в местном пединституте (в 1939 г., позже, с 1946 г., читал там же аналогичный факультативный курс), собирал материалы о «февральском перевороте и Октябрьской революции в Омске», об Ишимском восстании 1921 г., записывал бытовавшие в Прииртышье частушки и т. д.[172], что в омских газетах появились его публикации о прошлом Омска и Березова, о Тобольском кремле и кучумовой столице Искере, о походе Ермака и о сыске разинцев в Западной Сибири[173], и не забывать, что все это делал человек, ставший омичом, сибиряком совсем недавно, станет понятно, почему мы назвали его энергию неуемной, а краеведческий энтузиазм в какой-то мере беспрецедентным.

Нетрудно заметить, что в течение первых лет жизни А.Ф. Палашенкова в Омске достаточно четко обозначился круг его краеведческих пристрастий: учет, изучение и охрана археологических, историко-культурных, историко-революционных памятников и палеонтологических объектов, создание собственного краеведческого архива и постоянное пополнение его материалами об историческом прошлом населенных пунктов, а также и археологическими, этнографическими, фольклорными и общегеографическими, наконец, популяризация краеведческих знаний. Естественно, в этот круг входили активная экспедиционная работа и живое участие в музейном строительстве.

По словам Н. М. Столповской, отношение к Палашенкову со стороны дирекции музея было, мягко говоря, настороженным. А. П. Петровская не забывала, что имеет дело с хотя и освобожденным, но все же «врагом народа», и чуть ли не запрещала прибывшему из Тюмени художнику П. А. Росомахину иметь с опасным краеведом добрососедские отношения (оба обитали при музее). Тем не менее Палашенкова ценили как крупного музейного специалиста. Та же Петровская в 1939 г. писала начальнику музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР: «14 февраля с. г. вернулся (надо полагать, из тюрьмы. – *А. Р.*) и приступил к работе археолог Палашенков А. Ф. ... Высшее образование, большой практический стаж музейной работы тов. Палашенкова требуют соответствующей оплаты труда для закрепления его у нас. Наша ставка... 400 рублей для него, безусловно, мала, тем более, что

он работает без совместительства и все свое время, зачастую выходя из нормы, отдает музею и охране памятников... Мы возбуждали ходатайство перед Наркоматом об установлении ему персональной ставки 700 рублей, и я прошу этот вопрос разрешить возможно быстрей».

Чем это все закончилось неизвестно, но сам краевед явно оправдал заботу руководства: уже в 1940 г. им был «организован исторический отдел Омского музея», в марте 1941 г. он составил ответ на запрос журнала «Историк-марксист о музее и его историческом отделе[174]. Да и вообще многое было собрано, изучено, выяснено, обо многом написано. Среди рукописного наследия краеведа выделяется хранящийся и поныне в Омском историко-краеведческом музее фундаментальный четырехтомный труд «Реставрация памятников города Тобольска», подготовленный А. Ф. Палашенковым при содействии техников Омской областной проектной конторы И. П. Каширова и Ф. П. Серова в 1940–1941 гг. Этот труд, богато иллюстрированный фотографиями, акварельными рисунками и чертежами, немалая часть которых была выполнена самим автором, А. В. Жук считает «вершиной предвоенных исследований Андрея Федоровича»[175].

Основные направления краеведческой деятельности А. Ф. Палашенкова, обозначавшиеся в первые годы его пребывания в Омске, оставались неизменными и в дальнейшем. Что же касается объема работ и продуктивности занятий краеведа, они постоянно и неуклонно возрастали. Так, наверное, еще более напряженными и насыщенными, нежели предыдущие, были для Палашенкова годы Великой Отечественной войны. В своей рабочей тетради за 1941 г. он записал, что уже 22 июля в музее была открыта выставка о войне. Эта выставка и экспозиция отдела природы функционировали в течение всех военных лет, за это время их посетили более 300 тыс. человек.

Резко сократилось финансирование, музей испытывал большие трудности с отоплением и электроосвещением. На его площадях разместились учреждения Военведа, весь второй этаж музейного здания занял эвакуированный из Москвы 2-й медицинский институт. Все это делало особенно острым дефицит площадей, а, между тем, нужно было где-то разместить вывезенные в Омск фонды ГИМа, Воронежского и Вологодского музеев и даже Сигтунские ворота – древнюю Новгородскую реликвию. А. Ф. Палашенкову, директору музея с сентября 1943 г., естественно, приходилось участвовать в решении всех этих проблем самым непосредственным образом. Судя по всему, это у него получалось – неслучайно те же москвичи,

спустя много лет, в 1966 г., писали, что помнят большую помощь Палашенкова их музею в трудные годы Отечественной войны.

При всем том сотрудники областного музея всячески старались пополнять собственные фонды. В 1943 г. А. Ф. Палашенков совместно с С. Русяйкиной опубликовал брошюру «Собирайте материалы о Великой Отечественной войне». «Омский областной краеведческий музей, – говорилось в ней, – обращается ко всем трудящимся области с просьбой оказать всемерное содействие в сборе материалов, отражающих невиданную в истории человечества борьбу советского народа за Родину, за свободу». И материалы поступали в музей: трофеи, взятые на Ленинградском фронте, личные вещи генерала Гуртьева, фотографии, письма фронтовиков. Многие из них использовались для устройства передвижных выставок, которые музей рассылал по районам области[176].

6 июня 1942 г. Палашенков получил в облисполкоме документ, подтверждавший, что ему поручалось обследование историко-революционных, архитектурных и археологических памятников на территории Омской области. Всем организациям, учреждениям и отдельным лицам предписывалось оказывать ему всевозможное содействие. В том же году краеведом была составлена и опубликована программа «Об учете памятников старины и революции в Омской области», а в 1944 г. увидели свет его брошюра «Основание Омска» и фольклорный сборник «Песни советской девушки в дни Великой Отечественной войны».

За годы войны Андрей Федорович дважды командировался в Тобольск для изучения вопросов охраны и реставрации тамошних памятников. В ходе одной из этих поездок ему удалось спасти от сноса домик знаменитого тоболяка П. П. Ершова. Но «...помимо памятников прошлого... – писал он в одной из своих статей, – наше исключительно знаменательное время, время Великой Отечественной войны, время величайшего напряжения сил народных... обогащает исторический памятниковый арсенал новыми и новыми объектами. Каждый день борьбы покрывает немеркнущей славой доблестных защитников Родины, каждый день рождает героев на фронте и в тылу, каждый день наша Советская земля покрывается новыми и новыми объектами величия, славы и гордости, обогащается новыми памятниками... беречь и охранять которые наша обязанность, наш долг»[177].

Приходилось Палашенкову заниматься и делами, прямо скажем, далекими от исторического краеведения. К примеру, в ноябре 1942 г. исполком Горсовета направил его в Кормиловский район «для оказания помощи райпотребсоюзу по

усилению заготовок картофеля по госпоставкам для горпищеторга». Нелегко было краеведу решать продовольственную проблему и в личном ее аспекте. В архиве А. Ф. Палашенкова сохранилось его заявление о «прикреплении» к столовой № 30 и «закрытому распределителю», обслуживавшему научных работников (май 1942 г.). «В марте месяце, – писал он, – мне отказано было в пользовании столовой... как не имеющему ученой степени... К столовой и рапределителю прикреплен ряд лиц, которые в отношении образования... научного стажа и работы не выше моего. Ввиду исключительно тяжелого положения прошу комиссию не отказать... Я один, иждивенцев нет»[178].

Тяготы и трудности военного времени, так же как и самоотверженность, доблесть в их преодолении, в выполнении своего профессионального и гражданского долга, действительно были исключительными, так что медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», полученная краеведом в 1947 г., была для него более чем заслуженной наградой[179].

Впрочем, тех же трудностей, проблем, как производственных, так и бытовых, хватало и в послевоенные годы. К примеру, в 1946 г. А. Ф. Палашенков, директор краеведческого музея, стал еще и исполняющим обязанности директора Музея изобразительных искусств. Тогда же решением облисполкома «Об организации Научно-технического совета при Областном отделе животноводства» он был введен в состав Секции кормов этого Совета. С конца 1945 г. краевед состоял в научно-методическом совете при Областном лекционном бюро (вместе с «ученым профессором т. Дравертом»), приглашался («явка строго обязательна») на совещания, проводившиеся Уполномоченным по Омской области Управления промысловой кооперации и т. д. и т. п.[180]

Случались и неприятности. Сохранился один любопытный документ-заявление Палашенкова в городскую прокуратуру. Директор музея сообщал, что к нему в музейном дворике подошел какой-то человек в военной форме, с орденом Красной звезды, представился братом одной из сотрудниц музея и потребовал немедленно освободить ее от работы. «Хватает меня за руку, – писал Андрей Федорович, – и в гневе заявляет: "Я заставлю Вас!.. Я узнаю, где и когда Вы ходите!.. Убью! Найду способ!.." Я заметил, что угроз не боюсь. А вот [ему], орденоносцу, стыдно действовать такими методами...»[181] Заметим, в свою очередь, что подобные угрозы способны кого угодно вывести из равновесия, а если вспомнить, каким был размах уголовщины в том же 1946 г., обращение в прокуратуру лишним не покажется.

Приходилось Палашенкову писать в ту же прокуратуру и «объяснительные», оправдываться самому. Началось с того, что П. К. Бадаева, незаконная супруга покойного П. Л. Драверта, обратилась в редакцию «Омской правды» и предъявила музею, а точнее, его директору ряд претензий в том, что он не выполнил Постановление облисполкома от 14 декабря 1945 г., принятое в связи со смертью Петра Людовиковича. Палашенков ответил, что «профессор Драверт похоронен музеем. Никто другой... не израсходовал ни одного рубля... Музеем выплачено единовременное пособие т. Бадаевой в сумме 3000 руб. ... Не могу придумать, в какой части решение исполкома... музеем не выполнено. Тов. Бадаева как-то высказала недовольство, что музей... не устроил обеденный стол с вином. Да, поминок музей не устроил и не собирается устраивать. Памятник не поставлен на могиле... мемориальная доска не установлена... Банная улица не переименована в улицу им. Драверта – так ведь это все в компетенции горисполкома...»[182].

Прошло чуть более года, и в ноябре 1947 г. Палашенкову пришлось объясняться перед помощником городского прокурора. На этот раз Бадаева обвинила его в разбазаривании имущества, завещанного Дравертом музею. Андрей Федорович сам принимал это имущество на квартире Бадаевой. «К моему приходу, – писал он в объяснительной записке, – часть завещанного (папки, свертки и др.) лежала на полу и на столе. П. К. Бадаева указала на полки с книгами, затем стала вынимать из письменного стола и сундуков... свертки и коробки... Вынутое складывалось на пол... В числе выделенного (Бадаевой. – *А. Р.*) для музея была и небольшая (изящной работы) шкатулочка, ключ от которой находился у П. К. Бадаевой. Бадаева принесла ключ, открыла шкатулочку. Там были монеты, причем несколько монет было завернуто в бумагу... Ключ Бадаева оставила у себя...

Через 2, приблизительно, недели происходила приемка музеем завещанного. Такой большой перерыв вызван был занятостью Бадаевой... Отложенные для музея папки с рукописями, газетными и журнальными вырезками, свертки с фотографиями, альбомы с книжными знаками, коробки с марками, коробка с монетами, две шкатулки с минералогическими коллекциями, коробка с золотой медалью, веер, компасы, молоток – все было уложено в ящики... Когда укладка была закончена, я... написал акт. Акт был прочитан и подписан Бадаевой и работниками музея... Я затрудняюсь сказать, куда исчезла шкатулка с монетами и как могли попасть в КОГИЗ книги из библиотеки П. Л. Драверта. Могу только сказать, что из стен музея ничего не пропало. То, что принято, было и есть налицо и в сохранности»[183].

Тяжбы, подобные этой, имели место и позже. Так, в первой половине 1950-х гг. Палашенков безуспешно пытался отстоять от посягательств ряд музейных помещений. История этого конфликта такова: в 1953 г. директор Музея изобразительных искусств А. М. Гольденблюм с помощью Управления культуры заполучил «под хранилище картин» один из экспозиционных залов краеведческого музея. За счет этой площади, однако, была расширена квартира Гольденблюма, заявившего, что «он не мог использовать переданную ему... комнату под хранилище, так как она якобы сырая». Впрочем, вопрос с хранилищем все-таки решился через пару лет. Было занято еще одно помещение краеведческого музея, в котором уже довольно долго квартировал Омский отдел Географического общества.

В докладной записке на имя председателя облисполкома М. Е. Демиденко краеведы (А. Д. Кизюрин, А. Ф. Палашенков, С. Р. Лаптев, С. А. Огурцов и М. М. Садырин) писали, что «в этой комнате протекала вся жизнь Отдела, проходили заседания, камеральная обработка экспедиционных материалов...» 15 июля 1955 г. «По распоряжению начальника областного Управления культуры т. Манторовой О. П. имущество Отдела было выкинуто из комнаты, причем не сочли нужным поставить в известность председателя Отдела». «Решив административным путем вопрос о выселении Отдела... – говорилось в заключительной части этого послания, – т. Манторова, казалось бы, по долгу службы заинтересованная в развертывании краеведческой работы... по сути дела поставила вопрос о ликвидации ее»[184].

Краеведы-отдельцы обратились также в Президиум Географического общества СССР, а тот, в свою очередь, в Совет министров РСФСР. Кончилось тем, что О. П. Манторова получила из Минкультуры указание обеспечить условия, необходимые для работы Омского отдела ВГО. В письме А. Д. Кизюрину от 16 января 1956 г. она сообщила, что вернуть отнятое помещение «в настоящее время не представляется возможным», зато Управление культуры «обязало директора краеведческого музея тов. Палашенкова беспрепятственно предоставлять для Отдела... любые помещения музея», причем выполнение этих указаний... будет проверено»[185].

Воистину трагикомический финал: директор Музея изобразительных искусств прирастил к своей квартире лишнюю комнату, сам музей получил хранилище для полотен, Омский отдел пережил известный стресс, а Палашенков, ведший упорную борьбу за торжество справедливости как заместитель председателя и член совета Отдела, в другой своей ипостаси – директора краеведческого музея – лишился еще одного, уже третьего по счету, помещения. Строгие указания Манторовой и обеща-

ние столь же строгого контроля за их выполнением способны создать впечатление, что именно он, Палашенков, являлся виновником злоключений омских географов.

Однако отмеченные выше трудности и неприятности, безусловно, омрачавшие настроение А. Ф. Палашенкова, осложнявшие его жизнь, никоим образом не влияли на его краеведческую активность, всегда остававшуюся необычайно высокой. Доказательств тому предостаточно. Взять хотя бы деятельность краеведа в области музейного строительства, его старания по увеличению музейной сети Омского Прииртышья. Музеи в саду П. С. Комиссарова и на станции Мариановка вряд ли начали бы свое существование в конце 1940–1950-х гг., не прояви А. Ф. Палашенков творческую инициативу, способности организатора и беспримерный энтузиазм краеведа-музейщика.

Как указывал он в одной из своих автобиографий, вопрос о превращении комиссаровского сада, первого сада в Западной Сибири, в парко-ботанический заповедник был поставлен им еще в 1945 г. Решением облисполкома от 5 октября 1945 г. сад был объявлен заповедником, научное наблюдение за которым было возложено на областной музей. «В результате проявленной заботы о саде (находился до обращения в заповеднике на краю полной гибели), в настоящее время (1954 г. – *А. Р.*) сад-заповедник является одним из интересных уголков природы Прииртышья, привлекающим в летнее время тысячи посетителей».

1 февраля 1948 г. на могиле выдающегося сибирского садовода, расположенной на территории заповедника, музеем был установлен памятник, а «в октябре 1950 г. при заповеднике [был] открыт (на правах филиала областного музея) Комиссаровский мемориальный музей. Дом под музей [был] построен по типу дома, в котором жил П. С. Комиссаров»[186]. Приготовительные хлопоты и само открытие музея в саду Комиссарова подробно описаны в «Музейной летописи» (запись от 17 октября 1950 г.):

«С 8 числа начали готовиться к открытию музея в парко-ботаническом заповеднике. А. Ф. Палашенков в течение недели 2 раза выезжал туда... Мы (сотрудники краеведческого музея. – *А. Р.*) выехали из Омска... Нас ждали и Андрей Федорович встретил нас у сада... Большой портрет т. Сталина обвит гирляндой осенних листьев, около портрета поставлены букеты из разноцветных веток деревьев... Н. М. Столповская начала золотить надписи на памятнике Комиссарову, а [другая сотрудница]... – писать надписи и этикетки для музея и выставки. Андрей Федорович совещался с председателем колхоза Лавриком о порядке проведения собрания и научной конференции...

Наконец все было готово, перед домиком поставили стол, накрытый красным сукном, стулья для почетных гостей и скамейки. Стали подъезжать на машинах и подводах колхозники соседних колхозов, учителя с учениками... Пришла машина из СИБНИИСХОЗа, в ней приехали... профессор Ренард, М. М. Садырин, дочь Комиссарова Мария Павловна, ее приятельница и С. Р. Лаптев... Приехал на «Москвиче» Каргаполов со своей женой... Выступил А. Ф. Палашенков, рассказал историю сада. (С приветствиями выступили М. М. Садырин, М. С. Каргаполов и К. Г. Ренард. – *А. Р.*)... После собрания гостям было предложено осмотреть выставку и музей... На машинах прибыли в колхоз, где в школе уже было все приготовлено для научной конференции... После конференции колхозом был устроен для гостей обед. Очень шумный и веселый...

А. Ф. Палашенков пять лет работал и хлопотал над тем, чтобы создать там музей. Самый домик и все экспонаты собирались им буквально по крупице. Сколько раз пришлось ему выезжать в сад. Сам принимал участие в постройке, и вот теперь, после стольких усилий, музей открыт». Запись, сделанная днем позже, сообщает, что Андрей Федорович, фактически только что вернувшийся в город, «снова уехал в Комиссаровский сад для подготовки музея и домика к зиме...»[187]

Спустя несколько лет, в январе 1954 г., Палашенков выступил с докладом о работе Омского областного краеведческого музея на аппаратном совещании, проводившемся в кабинете начальника Отдела культуры облисполкома О. П. Манторовой. Бухгалтер-ревизор упрекнул докладчика в том, что однажды тот ездил в Комиссаровский сад на такси, причем все было подано так, что директор музея с одной из сотрудниц «взяли такси и поехали отдыхать». Поездка на такси действительно имела место, т. к. не удалось достать билетов на автобус. Что же касается достаточно пошлых попыток придать ей какое-то двусмысленное содержание, то они были встречены решительной отповедью присутствовавшего на совещании А. Д. Колесникова.

Музейный «летописец» записал: «А. Д. Колесников... высказал свое возмущение (в довольно резкой форме) репликой ревизора... А. Д. подчеркнул, что ревизор должен выбирать свои выражения и говорить более тактично». Для нас весьма интересен и показателен один аргумент, приведенный Колесниковым в защиту уважаемого им краеведа. Александр Дмитриевич «резко сказал, что А. Ф. Палашенков в 1946 г. не раз ходил пешком в Комиссаровский сад (а это 35 км! – *А. Р.*) и носил на себе экспонаты для музея, а ревизор упрекнул [его], что на этот раз он поехал на такси»[188].

Завершая разговор о заповеднике и музее, открытых по инициативе Палашенкова на территории бывшего сада П. С. Комиссарова, отметим, что краевед вообще проявлял немалый интерес к истории сибирского садоводства. В его материалах есть данные о Локтиновском саде, заложенном в 1937 г. М. К. Кучинским, выходцем из Черниговской губернии, переселившимся в Сибирь в начале прошлого века. После смерти садовода в 1941 г. «сад стал хиреть», это продолжалось до тех пор, пока в 1948 г. за дело не взялся сын покойного энтузиаста. Собрал краевед и сведения о выдающемся омском садоводе, цветоводе и огороднике И. А. Яцкине (1859–1929), в саду которого росли карагачи и каштаны, а дома, в комнатах, цвели яблони и располагалась целая коллекция пальм («особенно своей красотой поражала финиковая пальма, занимавшая площадь в 9 кв. м»)[189]. Среди печатных работ А. Ф. Палашенкова есть брошюры, статьи и заметки о «творческом подвиге» П. С. Комиссарова и старейшей в Омске яблоне П. Б. Яшерова[190].

В «Музейной летописи» есть записи, рассказывающие и о стараниях краеведа по созданию музея в Марьяновке. Указано, например, что А. Ф. Палашенков 5 января 1951 г. «выехал в Марьяновку по поводу организации там мемориального музея памяти марьяновских боев», позднее им был «...заключен договор на изготовление самана колхозом для постройки музея...», 8 февраля 1953 г. Палашенков «...ходил в Ленинск на трубный завод, где уже изготовлено [было] для Марьяновского музея оборудование», а 31 мая того же года провел в музее собрание оставшихся в живых участников этих боев («организовали историко-краеведческий кружок при... музее с целью изучения революционного прошлого края и решили... обслуживать Марьяновский музей... дежурить и проводить экскурсии»), в августе того же года искал материалы о марьяновских событиях в областном архиве, а в сентябре с музейным столяром и двумя сотрудницами ездил в Марьяновку оформлять экспозицию. «К вечеру остались неразвешанными... две крупные картины и несколько портретов...» и Палашенкову пришлось заночевать в музейном зале[191].

С. Р. Лаптев в докладе на торжественном собрании Омского отдела Географического общества, состоявшемся по случаю 80-летнего юбилея А. Ф. Палашенкова, отмечал, что в этом музее «были сосредоточены документальные материалы, оружие, портреты участников боев, картины (Д. И. Логачева и Н. Д. Хломенка. – *А. Р.*), воспроизводящие эпизоды... боя. Для музея было построено специальное помещение, и он находился под наблюдением и научным руководством Омского областного музея». Об открытии музея в Марьяновке Палашенков написал замет-

ку, опубликованную в октябре 1953 г. в газете «Омский железнодорожник». Боям с белочехами под Марияновкой, музею и памятнику на братской могиле красногвардейцев уделено внимание и в известной книге краеведа «Памятники и памятные места Омска и Омской области»[192].

Интересно, что памятникам и памятным местам революции и Гражданской войны А. Ф. Палашенков посвятил 139 страниц этой своей книги, т. е. почти 60 % ее объема. Кроме того, еще в 1945 г., им была опубликована брошюра «Историко-революционные места и памятники в г. Омске», а в 1951 г. увидел свет уже более внушительный труд краеведа «А. Ф. Смоленского» «Историко-революционные памятники Омска». На протяжении 1940–1950-х гг. в омских газетах достаточно регулярно печатались статьи и заметки краеведа на историко-революционные темы (от первых маевок в Омске до освобождения Прииртышья от колчаковцев)[193].

Существует мнение, что очевидное внимание, с завидным постоянством уделявшееся А. Ф. Палашенковым событиям времен революции и Гражданской войны, связанным с ними памятникам и иным объектам, было недостаточно искренним, в известном смысле конъюнктурным. Так, А. В. Жук в одной из статей пишет, что «к 7 ноября 1937 г. Андрей Федорович создает выставку, посвященную 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции... и тем покупает право делать науку на казенный счет, а также печататься в местной прессе – это была единственная для А. Ф. Палашенкова возможность публиковать хотя бы в такой форме результаты своих изысканий». И еще: путешествуя в 1939 г. по Ляпину и Сосьве, «Андрей Федорович собирал также в качестве “прикрытия” материал по истории Гражданской войны»[194].

Вряд ли дела обстояли именно так. Изучение документов личного архивного фонда А. Ф. Палашенкова убедило нас в том, что его интерес к историко-революционному прошлому края отнюдь не являлся своеобразным средством социально-политической мимикрии. Думается, что следы событий, происходивших в Прииртышье в ходе крупнейшего в российской и мировой истории социального конфликта, просто не могли не интересовать историка и краеведа Палашенкова. Другое дело, был ли он до конца искренним в своих оценках, в своем пиетете к победившим в этой ужасной братоубийственной мясорубке, равно как и в неприязни к потерпевшим поражение. Мы не знаем и вряд ли узнаем когда-либо, как на самом деле относился краевед к белым офицерам или участникам «кулацко-эсеровских» и «кулацко-шаманских» восстаний и, напротив, к подпольщикам, красным пар-

тизанам, чекистам, коммунарам и воинствующим безбожникам. Одно бесспорно, сами события революционной эпохи и то, что о них напоминало, всегда вызывали у А. Ф. Палашенкова живой и неподдельный интерес.

Только этим интересом можно объяснить наличие в краеведческом архиве Палашенкова огромного количества материалов о революционных событиях в Омских железнодорожных мастерских в 1905 г., о «февральском перевороте и Октябрьской революции» в Омске, о партизанском движении в Большеуковском и Седельниковском районах, об «освобождении Омска от Колчака», о первом председателе Черлакского ревкома Мельникове, об убитых кулаками учительнице Разгуляевой из Мартюшево и председателе колхоза Рубине из Владимировки. Огромен и собранный краеведом комплекс сведений об историко-революционных памятниках, различных их описаний (например, памятников на могилах погибших в годы Гражданской войны в Тевризе, расстрелянных крестьян в Сергиевке и Рыжковой, партизан в Муромцево и Атирке, «преданных Советской власти людей» близ Старо-Южного кладбища г. Омска и т. д.)[195].

Еще в 1939 г. краевед скомпоновал машинописный двухтомник «Материалы по историко-революционным местам и памятникам г. Омска и Омской области»[196]. Впоследствии в результате многочисленных краеведческих поездок А. Ф. Палашенкова по Прииртышью эти материалы существенно пополнились. О том, как это происходило, можно узнать из полевых дневников его постоянного спутника С. Р. Лаптева. В июле 1957 г. после прибытия в Васисс краеведы познакомились с тамошним предрайисполкома т. Азаровым.

Он «оказался красным партизаном времен колчаковщины, а поэтому А. Ф. скоро нашел с ним общий язык... [Азаров] рассказал о местных памятниках и некоторых эпизодах партизанского движения, в частности, об учительнице Разгуляевой, убитой кулаками... А. Ф. ознакомил его с порядком постановки памятника... установки мемориальных надписей и т. д.» С. И. Азаров, между прочим, сообщил А. Ф. Палашенкову любопытные данные о судьбе убийцы Разгуляевой Панова. В отличие от отца, старшего брата и еще пятерых пособников убийства, расстрелянных по приговору суда, несовершеннолетний Панов был наказан 10 годами тюремного заключения. Отбыв положенный срок, он получил образование и стал инженером одного из омских заводов[197]. Наверное, бывало и такое.

В мае следующего 1958 г. краеведы совершили поездку к устью Камышловки и на подсобное хозяйство сельхозинститута. «Аллея выходит к небольшому доми-

ку, в котором находится контора и квартира зав. хозяйством Анатолия Павловича, хорошего знакомого А. Ф., – записал Лаптев. – Анатолий Павлович – старый большевик, ветеран Гражданской войны... Мы скоро очутились за столом и самоваром... А. Ф. выяснял целый ряд накопившихся у него вопросов по прошлому революционной борьбы в Омске». Впрочем, нередко Палашенкову, наоборот, приходилось делиться с местным начальством своими сведениями. В июле 1962 г. Лаптев записал: «Называевск... Утром предприняли посещение местных властей и интересовались местными революционными памятниками. Как это бывало и раньше, местные руководители оказались невеждами и нам (вернее, А. Ф.) пришлось указать на то, что должны были бы знать местные партийцы»[198]. Палашенков не только «указывал» местному руководству памятники и памятные места, но и добивался приведения их в надлежащий вид. Так произошло, например, в Больших Уках, где краеведом были обследованы могилы председателя исполкома Еланского сельсовета А. П. Шутова и комсомолки П. Садовниковой, погибших в ходе коллективизации[199].

Вот еще один отрывок из лаптевских записей, на этот раз об однодневной поездке в Марьяновку 23 июня 1964 г.: «Было известно, что в Марьяновке установлен новый памятник. А. Ф. получил приглашение участвовать в его открытии, но у нас была запланирована другая поездка, и поэтому его выезд тогда не состоялся... Теперь мы ехали без всяких приглашений, т. е. по собственной инициативе... Памятник очень подробно обмерил и описал А. Ф. и согласился со мной, что он действительно хорош»[200].

Сам Андрей Федорович считал, что «значение историко-революционных памятников огромно», поскольку они «обогащают и углубляют наши познания в области истории... и воспитывают высокие качества человека-гражданина...»[201]. По словам Лаптева, Палашенковым в Омске и области «был произведен детальный учет памятников погибшим за установление Советской власти в Сибири», 150 из них вошли в утвержденный облисполкомом реестр и были взяты на государственную охрану. В Омске «при ближайшем участии Андрея Федоровича... на памятниках революции установлены мемориальные доски, где их не было, и заменены старые»[202].

Среди хороших знакомых А. Ф. Палашенкова были старые омские революционеры (И. Г. Залепин, А. И. Гришин, А. П. Страхов, А.З. Судакова, Н. Г. Бурчанинов и др.). Они поздравляли его с юбилеями, их он просил оповестить в случае своей кончины. Наконец, не стоит забывать, что премия им. М. В. Певцова за 1968 г. была

присуждена Омским отделом Географического общества «археологу и историографу» Палашенкову, в том числе и «за исследования в области... истории революционного движения в Западной Сибири»[203].

Как видим, вопросы изучения местных историко-революционных сюжетов, увековечения памяти о событиях революции и Гражданской войны в крае занимали А. Ф. Палашенкова на протяжении всей его краеведческой деятельности на Омской земле, в том числе и тогда, когда «прикрываться» ими престарелому краеведу не было никакой нужды (другие времена, отсутствие каких бы то ни было служебных обязанностей). Вот почему утверждение об использовании Андреем Федоровичем историко-революционного краеведения как некоего прикрытия кажется нам ошибочным.

Вернемся, однако, к участию краеведа в омском музейном строительстве. Немало сделал Палашенков и для создания в Омске литературного музея. Еще в январе 1946 г. он писал: «В настоящее время... работаю по составлению тематико-экспозиционного плана и по сбору материалов для Западно-Сибирского историко-литературного музея, организация которого намечена в доме старейшего сибирского писателя Антона Сорокина»[204]. Андрей Федорович вообще не был чужд литературному краеведению и особенно приблизился к нему через изучение омского и семипалатинского периодов жизни Ф. М. Достоевского.

Посетив Семипалатинск по пути в Киргизию в 1962 г., краевед осмотрел дом, в котором жил Достоевский. Этот дом как раз ремонтировали и, как записал со слов А. Ф. Палашенкова И. С. Коровкин, «сломали все уличное украшение... оторвали ставни и все это выбросили в мусорную кучу». «Зачем же вы это выбросили?» – спросил Палашенков у ломавшего дом казаха и получил в ответ: «А мы лучше сделаем». Оставалось лишь взять себе одну ставню (привез ее в Омск и хранил у себя дома) и посетовать: «Они не чувствуют аромат этого... Надо их приучить тонко воспринимать...»[205]

Результатом пристального внимания краеведа к тем уголкам Омска, которые напоминали о пребывании здесь Достоевского, сбора материалов об этих памятных местах стали брошюра А. Ф. Палашенкова «По местам Ф. М. Достоевского в Омске», увидевшая свет в 1965 г., а также ряд небольших публикаций конца 1960-х гг.[206] Бандероль с несколькими экземплярами своей книжки краевед послал внуку великого писателя и своему тезке Андрею Федоровичу Достоевскому, ленинградскому инженеру. Последний разослал палашенковские брошюры в различные научные уч-

реждения страны, в Гарвардский и Корнелльский университеты США, в канадский Мак-Гиллский университет, а также своим знакомым в Англию, Францию и Югославию[207]. В 1968 г. А. Ф. Достоевский посетил Омск. «Его трехдневное пребывание в Омске, – вспоминала К. А. Зубарева, – было насыщенным. Трогательной была встреча с известным омским краеведом и литератором А. Ф. Палашенковым, отдавшим много энергии делу создания будущего литературного музея им. Ф. М. Достоевского в Омске... Навсегда запомнились их длительные беседы, одна из которых состоялась в доме... Палашенкова, в его библиотеке. Сюда на чаепитие за самоваром были приглашены учителя, художники, просто любители русской словесности»[208].

Но не только печатным словом пытался Палашенков увековечить память о Достоевском в Омске. Еще в годы работы директором музея он заказал на машиностроительном заводе чугунную доску. Она была отлита по макету скульптора Словакова. «Эту доску, – писал С. Р. Лаптев в январе 1966 г., – предполагалось поместить на стене Тарских ворот... Однако этого сделать не удалось, т. к. ворота были снесены ... Увы, дирекция (новая. – *А. Р.*) музея не нашла лучшего ей применения, как бросить ее текстом вниз сначала под порог дверей, а затем около садовой скамьи с тем, чтобы посетители могли обтирать приставшую грязь и ставить на нее свои ноги»[209].

Материалы об этой доске составляют одно из дел палашенковского архивного фонда. Среди них – черновой вариант статьи, посланной краеведом в редакцию «Литературной газеты» (1966 г.). Речь шла о печальной судьбе ряда омских исторических и архитектурных памятников и, в частности, говорилось, что «доска в память пребывания в Омске Ф. М. Достоевского... лежит в земле во дворе музея». Имеется в деле и фотография: люди сидят на скамейке, поставив ноги на чугунную плиту. Рукой А. Ф. Палашенкова сделана надпись: «...Брошенная под ноги посетителей музея мемориальная доска... пролежала по воле директора М. И. Агеева десять лет...»[210]

Обвинения краеведа в адрес своего преемника на директорском посту не остались без последствий. 18 октября 1966 г. «Литературная газета» напечатала что-то вроде опровержения, озаглавленного Агеевым «Кто же пренебрег памятью?» На этот раз обвинялся Палашенков: он-де, будучи заказчиком доски, все 10 лет молчал о ней, не поставив в известность ни областное Управление культуры, ни новое руководство музея. Старые товарищи Андрея Федоровича С. Р. Лаптев и М. П. Михельсон, в свою очередь, вступились за него и обратились в редакцию «ЛГ», Музей Ф. М. Достоевского в Москве, Министерство культуры РСФСР и в Союз художников СССР.

В письме Достоевскому-внуку Лаптев сообщал: «Каждый неосведомленный читатель... сделает вывод, что во всем виноват А. Ф. Палашенков!! Конечно, мы принимаем все меры к реабилитации А. Ф. ... Эта заметка угнетающе подействовала на А. Ф. и вызвала у него очень тяжелые переживания... Увековечение памяти пребывания Ф. М. Достоевского в Омске было постоянной мечтой и желанием А. Ф., и в результате вместо благодарности плевок в лицо!!!» Впрочем, подобные неприятности хотя и угнетали Палашенкова, не могли отвратить его от забот об исторической памяти. Та же мемориальная доска в 1969 г. «по распоряжению секретаря обкома партии т. Елизаветина» все-таки была установлена на Тобольских воротах[211].

Не оставлял краевед и хлопот по открытию в Омске музея Достоевского. В письме заведующей аналогичным музеем в Семипалатинске З. Г. Фурцевой А. В. Палашенков писал: «Жалею, что состояние здоровья не позволило продвинуть вопрос об организации в Омске музея Ф. М. Достоевского. В крепости сохранился каменный дом коменданта... в котором бывал Ф. М. Достоевский. Я вот на него претендую... Очень хотелось бы увековечить в Омске великого писателя»[212]. Последнюю запись в своем дневнике краевед сделал 9 сентября 1970 г.: «В 13 ч. 30 м. пошел в горисполком. Там нас (ходатаев по организации музея Достоевского) принял председатель Алексей Ив. Бухтияров. Обещал всяческое содействие, если получит благословение от обкома партии»[213]. Факт, что старый и безнадежно больной человек, которому оставалось жить чуть более полугода, нашел-таки силы похлопотать напоследок о создании нового музея, говорит сам за себя...

Годом раньше, в августе 1969 г. , во время поездки в Баян-Аул, у Палашенкова возникла идея организации в Омске еще одного музея. В этой поездке кроме него участвовали Н. А. Плотников, Д. Н. Фиалков, В. С. Мезенцев и еще несколько человек. «Во время беседы в автобусе, – записал Андрей Федорович в полевом дневнике, – я поднял вопрос о сосредоточении в Сквере географов хороших экземпляров по минералогии, организовать музей под открытым небом. Для выставки подобрать крупные экземпляры в 1–1,5 м. Для сбора их организовать ряд поездок в Боровое, Баян-Аул и др. пункты»[214].

Как видим, А. Ф. Палашенков, несмотря на свою бесспорную историко-культурную краеведческую ориентацию, проявлял определенный интерес и к естественно-научному краеведению. Еще в 1936 г. он записывал рассказы жителей Омской области о падениях метеоритов, в 1939 г. составил описание местных рек (Туй, Аркарка, Ишим, Шиш, Оша, Уй, Шайтанка, Каштанка), позже собирал общие

и морфометрические данные о р. Камышловке и Камышловских озерах, интересовался Крутинскими озерами и озером Драверта[215].

В бумагах краеведа можно найти интересное описание пыльной бури, которую ему довелось наблюдать в ходе совместной с С. Р. Лаптевым поездки на юг области в 1957 г. «...Уже слышно дыхание надвигающейся бури... – записал Палашенков. – Вдруг сразу вокруг засвистело и загудело. С дороги подняло всю пыль. Стало темно; глаза нельзя открыть – сразу же засыпаются пылью. Трудно дышать. Все живое попряталось. По воздуху неслись солома, куски фанеры, обрывки бумаги, какой-то мусор...». Эта «черная буря», исключительное по интенсивности явление, оказывала, как отмечали краеведы в одной из своих статей, «разрушительное действие на почвенный покров»[216].

О некоторой причастности А. Ф. Палашенкова к геологическим изысканиям свидетельствуют, например, докладная записка краеведа председателю Облплана «по вопросу о положении с добычей полезных ископаемых на территории области и их использованием» (1950 г.) или собранные им материалы о кормиловских трепеловидных суглинках. Есть сведения пусть и о скромном, но все же имевшем место интересе краеведа к растительному и животному миру Прииртышья: в 1958 г. он осматривал барсучьи норы на правом берегу Камышловки, годом раньше на северном берегу Селеты – Денгиз наблюдал «усиленную генерацию какого-то вида [мух], к сожалению, оставшегося неопределенным». Тогда же, находясь в районе оз. Теке, он записал: «Мы с С[ергеем] Р[омановичем] увлеклись сбором прибрежной растительности в виде мелкого кустарника»[217].

В конце февраля 1970 г. Н. А. Плотников пригласил Андрея Федоровича в ботанический кабинет сельхозинститута. Палашенков тогда записал: «Буду здоров – пойду. Всегда приятно встретиться с друзьями и послушать доброе слово. Вместе с Н. А. просмотрели фотоснимки нашей летней поездки в Саргатский, Большереченский и Муромцевский районы. Сделали надписи...». Краевед не только тесно контактировал с омскими ботаниками, был в курсе их исследований, но интересовался также историей ботанической науки в Омске, например, творчеством М. М. Сиязова, В. Ф. Семенова и др. Выше уже говорилось о его внимании к истории омского садоводства. Интересно, что в 1951 г. А. Ф. Палашенков был награжден Куйбышевским райисполкомом г. Омска почетной грамотой «за участие в организации районной выставки по садоводству и цветоводству»[218].

И все же из естественно-научных дисциплин наибольшим вниманием краеведа пользовалась палеонтология. Палеонтологические материалы составляют 12 еди-

ниц хранения его личного архивного фонда. Вот названия некоторых этих дел: «Материалы об ископаемых позвоночных на территории г. Омска», «Материалы об ископаемых позвоночных на территории Омской и Тюменской областей», «Описание находок остатков ископаемых позвоночных на территории Омской области (Тарский район, в пойме Иртыша и Оми, в окрестностях Омска)», «Описание находок остатков китов на территории Ямало-Ненецкого национального округа». Большинство материалов датированы 1937–1942 гг., есть и более поздние[219].

За первое десятилетие своего пребывания в Сибири краевед учел до 300 пунктов, где были сделаны палеонтологические находки (главным образом, остатков представителей четвертичной фауны), а к 1954 г. им было учтено уже до 500 палеонтологических объектов. Целью этого учета, сбора сведений о находках было составление палеонтологических карт. Видимо, в начале 1940-х гг. А. Ф. Палашенковым была составлена неопубликованная «Карта мест находок остатков кита на Крайнем Севере Омской области», что же касается материалов к палеонтологическим картам г. Омска и Омского Прииртышья, то они были напечатаны в «Известиях Омского отдела...» в 1956 и 1957 гг. [220]

Действительный член Географического общества, кандидат биологических наук В. В. Левицкий написал в 1957 г. отзыв на работу краеведа «Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории Омской области». «Работа... имеет не только краеведческий характер, но представляет ценный вклад в палеонтологическую науку вообще, – говорилось в нем. – В этой работе представлен богатейший фактический материал, собиравшийся автором в течение ряда десятков лет. Автор выполнил трудоемкую и кропотливую работу». Не обошлось, правда, и без замечаний. Автор отзыва справедливо недоумевал, почему в работу включены данные о находках костей рыб, что явно не соответствует ее названию[221].

Интересно, что в этих палашенковских материалах к палеонтологическим картам неоднократно упоминаются многие известные омские краеведы (П. Л. Драверт, М. И. Крот, М. Д. Спиридонов, И. Н. Шухов, С. Р. Лаптев, А. В. Ваганов, В. С. Аношин и др.) как авторы находок или сообщений о них. П. Л. Драверт и И. Н. Шухов часто помогали составителю в определении видовой принадлежности найденных костных остатков. Известно также, что через киевского геолога Г. К. Голдина А. Ф. Палашенков поддерживал научные контакты с палеонтологом И. Г. Пидопличко, который занимался определением фрагментов костей, присылавшихся ему из Омска. Заметим, что автором многих палеонтологических находок был и сам Па-

лашенков. И. С. Коровкин, посетивший Андрея Федоровича в 1964 г., увидел во дворе его дома, у сарая, сложенные кости ископаемых животных. Ребра и позвонки мамонта, кости быка, найденные Палашенковым летом 1960 г., были отданы Коровкину для школьного музея в Большемогильном[222].

Думается, что палеонтология увлекала Палашенкова как сама по себе, так и известным своим пересечением с археологией. Не случайно в предисловии к «Вопроснику по регистрации мест находок костей ископаемых позвоночных животных», опубликованному краеведом в 1949 г., достаточно много «археологических» рассуждений, например, о палеолите, который в Омской области тогда еще не был найден, хотя давно был известен по соседству. В самом вопроснике есть вопросы о находках вместе с костями древних орудий, следов огня и искусственной обработки на самих костях и т. д.[223]

Археологическая деятельность А. Ф. Палашенкова уже не раз затрагивалась нами выше. Сведения о ней, оценки роли краеведа в изучении древнейшей истории края присутствуют и в работах почти всех современных омских археологов[224]. Поэтому подробно рассказывать о занятиях Палашенкова краеведческой археологией нет необходимости. Остановимся лишь на масштабности и результативности этих занятий, подчеркивая особенный энтузиазм, с которым он им предавался.

Выше говорилось об археологических изысканиях Андрея Федоровича, предпринятых им в ходе двух северных экспедиций 1938–1939 гг. Поиск и регистрация археологических памятников Омской области оставались в числе приоритетных направлений работы краеведа и в годы его директорства в областном музее. Известно, к примеру, что в 1952 г. он осматривал курганы на въезде в Черлак и курганные группы в направлении Татарки, а годом раньше, как свидетельствует «Музейная летопись», в том же Черлакском районе им была открыта стоянка «Сопка» и «оттуда... привезены глиняные черепки, кремневые пластинки, кости...», а также обследованы «богатырские курганы» Дробышевского и «курганчики» Ульяновского районов[225].

Если уже в 1946 г. он располагал материалами о более чем двух тысячах местных археологических памятников, а в 1954 г. – более чем о полутора тысячах (уменьшение, надо полагать, объясняется существенным сокращением территории Омской области в связи с выделением Тюменской)[226], то с выходом на пенсию и началом регулярной и необычайно активной экспедиционной работы это и без того немалое число стало быстро увеличиваться. Весьма «урожайным» в плане обследования уже известных и обнаружения новых археологических памятников был самый пер-

вый год совместных с С. Р. Лаптевым, Н. А. Плотниковым и другими краеведами поездок на грузовой автомашине Омского отдела.

Судя по полевым дневникам и экспедиционным отчетам А. Ф. Палашенкова, в 1957 г. было осуществлено несколько поездок, в частности, по обоим берегам Иртыша к югу от Омска. «Этот участок Иртыша, – писал краевед, – представляет... особый интерес для решения вопроса о первобытной колонизации Среднего Прииртышья, уводящей нас в глубокую древность. На правобережье Иртыша в пределах Омской области от Омска до Татарки имеется большое количество курганов, тянущихся полосой вдоль реки. Нет никакого сомнения в том, что эта полоса продолжается и дальше на юг, в пределах территории Казахстана... О некоторых имеются литературные сведения, но большинство из них впервые изучены... Проводилось сплошное обследование всех встречавшихся курганов, для уже известных уточнялись их размеры, местонахождение и т. д., для вновь обнаруженных собирались все необходимые сведения для регистрации...

На левобережье Иртыша другая картина... Здесь почти что нет одиночных или небольших курганов... Зато здесь довольно часты могильники – небольшие скопления нескольких десятков небольших курганов... Все это свидетельствует о большой заселенности Среднего Прииртышья в прошлом...» Далее Палашенков ставит перед самим собой задачу «восстановить действительную картину первобытного заселения края»[227].

В 1957 г. краевед обследовал курганные группы у деревень Богдановка и Исаковка Горьковского района, «городище Драверта» в окрестностях Лежанки, городище на поросшей старым лесом Линевой сопке, расположенной на берегу Шиша в 1,5–2 км от с. Новоягодное Знаменского района, и многие другие памятники. В Русской Поляне ему передали каменный наконечник стрелы и другие находки, оставленные специально для него.

В Степанихе Тюкалинского района «...производились поиски большого городища. Сейчас на месте городища большой огород и... пришлось выдержать атаку хозяина огорода», который выпроваживал Палашенкова из своих владений, но «к общему удовольствию дело кончилось благополучно». Не всегда удавалось сразу обнаружить интересовавшие краеведа объекты. «Ни одного курганчика, ни одного привлекающего внимания исторического объекта не встретил глаз...», – записал он на первых страницах дневника поездки по берегам Оми, но, в конце концов, желанные курганы все же были найдены[228].

Данные о поездках 1957 г. имеются и в записях С. Р. Лаптева, который уделял внимание не столько памятникам, которые искал А. Ф. Палашенков, сколько тому,

как, с каким упорством и целеустремленностью он это делал. «Для А. Ф. благоприятное время (июнь. – *А. Р.*) для регистрации и поиска курганов, которые хорошо заметны... Каждое подозрительное возвышение, каждый бугор А. Ф. не пропускает и обязательно его обследует, – читаем у Лаптева. – ...Работа довольно тяжелая, когда приходится идти по целине, по парам или посевам, иногда на 0,5–1 км в сторону от дороги. А. Ф. делает это с удивительной добросовестностью». Вот один пример: «...Далеко, за километр, маячил силуэт... большого кургана... Чтобы дойти до него, нужно преодолеть большое поле, занятое черным паром, А. Ф. все же направился к нему... Это путешествие было для А. Ф. не из легких, но уж такова его натура, да и ходок он прекрасный».

Во время одной из остановок на маршруте «Омск – Боровое» (август 1957 г.) Палашенков «детально обследовал всю окружающую территорию и насчитал 53 погребения в большинстве настолько разрушенных, что только его опытный взгляд археолога мог их обнаружить, и, вместе с тем, выразил сомнение, что все эти захоронения – могильники – относятся к андроновской эпохе. Во всяком случае, по его словам, [этот] памятник седой древности является очень ценным для науки»[229].

Не менее насыщенными археологическими поисками и находками были для Палашенкова и поездки следующих лет. В уже не раз называвшейся совместной с Лаптевым статье-отчете о шести годах краеведческих путешествий приводится количество археологических памятников, обнаруженных на том или ином маршруте в 1957–1962 гг. Так, по левому берегу Иртыша на отрезке от города Тары до с. Усть-Ишим было зарегистрировано 175 курганов, 7 городищ и 5 древних селищ. Много памятников было обнаружено краеведами и по берегам Тары.

«Прибрежье р. Тары, – писали они, – заселено с древних времен. По ее берегам и притокам находится большое количество памятников древней культуры. Выявлены курганные могильники хорошей сохранности возле д. Окуневой и усадьбы Бергамацкой лесной дачи, а также небольшие курганные группы и одиночные курганы в других местах. Открыты городища на левом берегу р. Бергамак... и вблизи д. Тамочная на левой стороне р. Нижняя Тунгуска. Оба городища хорошей сохранности. Открыты стоянка и селище у д. Окунево, селища у д. Кордон... а также на левой стороне р. Тары, против Низовского льнозавода... На последнем селище собран большой материал в виде орнаментированных фрагментов глиняных сосудов. На городищах были заложены шурфы, давшие древние находки»[230].

Что касается окуневских памятников, дополнительную информацию об их регистрации можно почерпнуть из одной публикации А. И. Петрова. «В 1962 году

в Омский областной краеведческий музей, – говорится в ней, – от А. Ф. Окунева, жителя села Окунево Муромцевского района, пришло письмо, в котором он сообщал об интересных находках, сделанных им в окрестностях деревни. В то же лето на место выехал Андрей Федорович Палашенков – известный краевед, собиратель древностей и составитель археологической карты края. Он и зарегистрировал здесь несколько археологических памятников»[231].

Сообщения местных жителей о каких-то необычайных с их точки зрения объектах краевед никогда не оставлял без внимания. В ходе одной из поездок на север области, в которой кроме Андрея Федоровича участвовали С. Р. Лаптев с супругой и энтомолог А. Ф. Зубков (август 1962 г.), он «предпринял поиски кургана, на который ему указали местные жители». «...Вообще-то курганов, как это ни странно, мы встретили очень мало, – записал Лаптев. – Да и у местных жителей о них довольно смутные представления... Бывало так, что жители говорят: "Да, да, есть такие". А когда приезжаешь на место, то видишь, что это обыкновенные останцы». В лаптевском дневнике одной из поездок 1964 г. зафиксировано: «...Вся группа по предложению А. Ф. выехала в деревню Тамочную, где, по словам А. Ф., были загадочные курганы», на которых сохранились городища. Оказалось, это два громадных останца...».

В том же 1964 г. А. Ф. Палашенков, С. Р. Лаптев, Н. А. Плотников и др. (всего 14 человек) предприняли еще одну поездку в районы, лежащие к северу от Омска. «Одной из целей поездки было ознакомление с обнажением на берегу Иртыша... а также с новыми местами находок окаменелых рыб около Карташево... А. Ф. предполагал ознакомиться с некоторыми городищами... о которых ему сообщил В. И. Мороз, и поискать новые»[232].

Интересно, что еще в 1949 г., как сообщалось в музейной «Летописи», «учеником 19[-й] школы Морозом Вовой [была] обнаружена древняя стоянка на правом берегу р. Оми... А. Ф. Палашенков обследовал стоянку, [были] найдены кости и керамика», а месяц спустя, «когда в музей приехала экспедиция Института материальной культуры, А. Ф. Палашенков, В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская «выезжали на вновь найденную стоянку на р. Оми, в Чернолучье и Большекулачье. Производили раскопки курганов Большого Лога и курганов на Ермаковой горе». В 1950 г. учеником 6-го класса 20-й омской школы Борисом Драчковым на спуске одной из улиц были найдены орнаментированные «...черепки глиняных сосудов... и позвонок мелкого животного... Палашенковым был произведен осмотр места находок...»[233].

Ряд любопытных сведений о работах А. Ф. Палашенкова по изучению археологии Прииртышья можно обнаружить и в документах личного архивного фонда И. С. Коровкина. Так, в коровкинском дневнике значится, что в 1961 г. в Саргатском, Колосовском, Тарском, Седельниковском районах Палашенков и Лаптев «нашли много курганов, стоянок... В Васисском районе обнаружены остяцкие могилы», а в 1962 г. «...ученые побывали в Муромцевском районе..., обнаружили около 200 курганов, кладбище в лесу тысячелетней давности, стоянки. "А леса – то какие там! – говорит А. Ф-ч. – Едешь, будто в торжественные храмы въезжаешь..." А. Ф-ч просматривает мои записи песен, восхищается песнями Нат. Ив. Сафроновой, переписывает две из них (где упоминается "каменна стрела")»[234].

Краевед-фольклорист Н. Ф. Черноков в письме И. С. Коровкину рассказывал о том, как А. Ф. Палашенков гостил у него в Красноярке в сентябре 1963 г.: «Ходили с ним на старые жилища (в первый день). Во второй день он один ходил туда же. Принес полные карманы черепков и костей и тетрадь с записями и чертежами». Собранные таким образом материалы Палашенков обрабатывал дома, в своем летнем «кабинете». Посетив краеведа в июле 1964 г., Коровкин записал: А[ндрей] Федорович показал мне "избушку на курьих ножках", кот[орую] он построил... Восемь лет собирал для нее подходящий строительный материал – дрова. В избушке одно окошечко, стены голые [в этом и прелесть...], скамейка, табуретка. На чердаке, на березовых вениках А. Федорович любит отдыхать («Спишь, а над тобою дождь барабанит»). В избушке он разбирал археологич[ескую] коллекцию»[235].

Собранные в течение многих лет материалы, сведения о памятниках древней истории краевед использовал для составления археологических карт Прииртышья. Как указывал А. Ф. Палашенков в одной из написанных им автобиографий, в 1953 г. им была составлена археологическая карта Омской области. Как писала «Омская правда», «этот труд является результатом 15-летнего изучения памятников древности, обнаруженных на территории области... Археологическая карта будет экспонироваться в областном краеведческом музее» (еще в 1950 г. краевед планировал заказать графическое исполнение карт археологических и историко-революционных памятников супруге омского художника В. Р. Волкова)[236].

Кроме самих карт Палашенковым были подготовлены к печати «Материалы к археологической карте Омска». Известна одобрительная рецензия («автором выполнена довольно трудоемкая работа по установлению тех точек на территории города, где открыты археологические находки») на эту рукопись, опубликованную

в «Известиях Омского отдела...» в 1960 г. Что же касается «Материалов к археологической карте Омской области», то, по мнению С. Р. Лаптева, «ценность этого труда особенно повышается тем, что в него вошли сведения о памятниках, ныне не существующих, уничтоженных в последние годы (1957–1966 гг.), которых около 600 (преимущественно курганы)»[237].

Эта работа А. Ф. Палашенкова не была опубликована при жизни автора. В личном архивном фонде краеведа содержатся рукописи «Описание памятных мест древней истории народов Среднего Прииртышья и Приомья» (1968 г.) и «Описание памятников древней истории Среднего Прииртышья» (1968–1969 гг.), множество отдельных описаний и паспортов памятников, а также их порайонные описания (схемы, планы, заметки), т. е. как раз то, что является материалами к областной археологической карте. Подобные материалы хранятся и в научной библиотеке Омского государственного историко-краеведческого музея. Среди них рукопись А. Ф. Палашенкова «Памятники древней истории Среднего Прииртышья» (1969 г.). Издание этой работы под заголовком «Материалы к археологической карте Омской области» стараниями ученых Омского госуниверситета было начато в 1979 г.[238] Почти сорок лет назад А. И. Петров и Н. М. Столповская отмечали, что «в настоящее время работа А. Ф. Палашенкова, безусловно, является наиболее полной сводкой археологических памятников в Омской области»[239]. Данная оценка, на наш взгляд, и по сей день остается справедливой.

Краевед не только искал и регистрировал археологические памятники, но и боролся с их повсеместным уничтожением в результате хозяйственной деятельности. Известно, что в 1962 г. он послал академику Б. А. Рыбакову, директору Института археологии АН СССР, докладную записку «О состоянии и охране памятников», а в 1966 г. сообщил омской общественности, что на территории области уничтожено свыше 60 % курганов. Кроме того, Палашенков старался по возможности популяризировать знания о древнейшем прошлом края и, тем самым, обратить внимание земляков на необходимость охраны археологических памятников. В 1940–1960-х гг. им были написаны брошюра «Забытые курганы» (издана Омским отделом ВГО и разослана по школам области) и довольно много статей, напечатанных в омских газетах[240].

Когда речь шла о раскопках Палашенкова на месте Ляпинской крепости в 1939 г., уже подчеркивался его особый интерес к археологическим памятникам позднего средневековья и нового времени, в частности, к памятникам стратификационно-

го искусства минувших эпох. Надо сказать, что эта склонность прослеживается и на протяжении всей последующей деятельности краеведа-археолога. В архиве Палашенкова сохранились материалы экспедиций по изучению оборонительных сооружений Иртышской и Горькой линий в пределах Омской области (сведения о находках и памятниках, схемы, карты), а также физико-географическое описание Ишимской линии (1958 г.)[241].

В отчете об одной из его поездок читаем: «В начале 18-го столетия Ишимская линия состояла из ряда форпостов и редутов... В 1752–1755 гг. была построена новая укрепленная линия, получившая название Горькой или Пресногорьковской. Она проходила от урочища Звериная Голова до Омской крепости и состояла из трех дистанций... Укрепления Тарской дистанции расположены на территории теперешней Омской области вдоль Камышловской долины... Вполне естественно возник вопрос о поисках сохранившихся остатков этих укреплений. С этой целью в 1957–1958 гг. ... работал в московском Военно-историческом архиве, где нашел планы укреплений... скопировал их, а летом 1958 г. уже были организованы поиски... на месте... Иртышский редут не был найден... Мельничный редут найден...»[242]

С. Р. Лаптев так рассказал об этом открытии в своем дневнике: «(В Мельничном. – *А. Р.*), выехав на площадь, мы сразу же установили старые валы бывшего здесь Мельничного форпоста... Вылезаем, делаем все наблюдения... А. Ф. делает все обмеры, записывает в книжку. Я фотографирую и зарисовываю. Зарисовки дают иногда более лучшие результаты, чем фото... А. Ф. все это расшифровывает, отмечая, где были пороховой погреб, где землянки гарнизона... Все это предположительно, но у А. Ф. наметанный глаз видеть в небольшом бугре или ямке историю прошлого»[243].

Удалось выяснить также, что в 1952 г. Палашенков искал остатки Черлакского форпоста. В дневнике поездки «по дорогам Черлакского района» (кроме Андрея Федоровича, в ней принимали участие А. И. Галкин и два ученика омской школы № 1) краеведом записано: «От курганов отправились на берег Иртыша. По бичевнику пошли вверх... Долго задержались на ознакомлении со старым селищем, культурный слой которого тянется... от заготзерно... к старому затону... В культурном слое много щепяных остатков, обломков кирпича, кусков бересты... войлока и грубой шерстяной ткани. Встречаются засыпанные мусором бывшие жилища, от которых сохранились сгнившие деревянные стены, пол. Можно заключить, что здесь в течение длительного периода жили люди. Возможно, именно здесь находился Черлакский форпост... Место для форпоста наиболее подходящее...»[244]

Много лет спустя, в 1969 г., во время поездки с Н. А. Плотниковым, лаборантской и двумя студентками сельхозинститута на р. Нюхаловку А. Ф. Палашенков искал еще один старинный редут. «Остановились для закуски и сбора ботаники в леску против Саргатки. Давно меня манила Увальная Бития, где в 18 веке был редут. К сожалению, удалось просмотреть лишь только нижний конец села, где ничего не обнаружено. Нужно будет приехать специально сюда», – записал краевед, которому доходил уже 83-й (!) год. В связи с этим последним обстоятельством хочется привести еще одну выдержку из походного дневника старого полевика, отражающую специфику экспедиционного быта:

«11 июня, среда... Торопимся скорей устроиться с ночлегом. Поехали к ближайшей роще, где и остановились. Заготовили дров. Девушки принесли воды... На ужин приготовили картоф. суп с мясными консервами... После ужина меня попросили что-нибудь рассказать... Рассказал о Лермонтове, Пушкине, их эпохе, окружении... Лег около двух часов... Дул сильный ветер. Было холодно и я не уснул ни на минутку... 13 июня, пятница. Встал далеко до восхода солнца. Поправил потухший огонь. Всю ночь дул ветер. Дождь под утро перестал. Небо значительно прояснилось. Сижу на своем ящике и пишу эти строчки. Товарищи спят»[245].

Интерес А. Ф. Палашенкова к военно-историческим сюжетам проявился и в том, что в 1961 г. (поездка на север области в направлении с. Седельниково) он и С. Р. Лаптев «сделали остановку на речке Ибейке, где по сведениям А. Ф. была большая битва калмыков с русскими». Смоленская газета «Смена» сообщала, что «неугомонный по своей натуре» краевед уже в начале 1970-х гг. «побывал в Павлодарской области. Привела его сюда заинтересованность остатками лагеря экспедиции Бухольца». Правда, С. Р. Лаптев еще в 1966 г. докладывал, что Палашенковым «в пятидесяти километрах от Павлодара... у села Ямышева произведен поиск территории военного лагеря основателя Омской крепости И. Д. Бухольца... После тщательных поисков ему удалось обнаружить на речке Преснухе около 50 землянок – жилищ участников похода и наблюдательный пункт...»[246].

Естественно, интересовала краеведа и сама Омская крепость, вернее, обе – старая и новая – крепости на берегах Оми. Палашенков собирал сведения об их строительстве (в том числе и об их основателях – И. Д. Бухольце и И. И. Шпрингере), снимал копии со старинных схем и планов. Этими материалами пополнялся краеведческий архив Андрея Федоровича, некоторые из них легли в основу публикаций краеведа[247]. Значительное место старой и новой Омским крепостям отведе-

но и в книге А. Ф. Палашенкова «Памятники и памятные места Омска и Омской области».

Рассказывая о некоторых сооружениях, краевед с сожалением констатировал: «Из бывших четырех ворот... сохранились одни – Тобольские. Омские разобраны в конце 1936 г., несколько раньше их разобраны Иртышские, а в феврале 1959 г. – снесены Тарские...»[248] О печальной судьбе Иртышских и Омских крепостных ворот Палашенков писал еще раньше в своих неопубликованных заметках «О состоянии и охране памятников Омской области»: «В двадцатых и тридцатых годах т[екущего] с[толетия] разобрано трое (о том, что Тобольские уцелели, он еще не знал. – *А. Р.*) крепостных ворот конца XVIII века. Для какой цели совершена разборка, сказать трудно. Места, освобожденные от ворот, и до сих пор остаются свободными. Видимо, нужен был горкомхозовским техникам кирпич...»

Тогда, в середине 1940-х гг., Тарские ворота еще стояли и считались Палашенковым единственно сохранившимися. Кстати, внимание краеведа к себе они привлекли даже раньше. Известно, что еще до войны по ходатайству краеведческого музея Горсовет решил создать в небольшом помещении, имевшемся в Тарских воротах, музей Омской крепости. На его организацию даже были выделены соответствующие субсидии, однако начавшаяся война заставила временно отложить осуществление данного проекта [249]. Создать этот музей А. Ф. Палашенкову не удалось, как не удалось спасти от разрушения и сами Тарские ворота, впрочем, справедливости ради следует заметить, что они прекратили бы свое существование еще раньше, если бы «ревностный поборник охраны исторических памятников» не пытался их отстоять в 1953 и 1955 гг.

Интересную информацию на этот счет можно получить со страниц «Летописи» областного краеведческого музея. В записи от 22 августа 1953 г. значится: «Приходил художник В. Р. Волков, принес известие, что Тарские ворота... по постановлению горисполкома будут сносить. По этому же вопросу звонил из обкома партии... Журавлев. А. Ф. Палашенков послал телеграмму в Министерство культуры о сносе ворот». Через две недели краевед получил ответ из Управления музеев Минкультуры РСФСР: его заверяли, что «Тарские крепостные ворота снесены не будут...»

Запись от 27 сентября 1955 г. свидетельствует, что те, кому памятник архитектуры конца позапрошлого столетия почему-то мешал, на этом не успокоились: «А. Ф. Палашенков сегодня пошел в обком партии, а потом к председателю горисполкома т. Рождественскому по поводу Тарских ворот Омской крепости – их

хотят сносить и уже сорвана крыша...»[250] Члены Омского отдела Географического общества обратились в Верховный Совет, в редакции центральных газет, а старый большевик И. Г. Залепин сообщил о вандализме омских властей в ЦК КПСС.

Надо полагать, снос ворот был тогда остановлен. А «17 февраля 1959 г., – как писал С. Р. Лаптев, – случилось нечто анекдотическое. В городе Омске исчезли Тарские ворота, и многие жители с недоумением спрашивали друг друга о внезапном исчезновении ворот... Ворота находились на государственном учете как историко-архитектурный памятник... но... это оказалось неубедительным для одного руководящего товарища (Е. П. Колущинского, первого секретаря Омского обкома КПСС в 1955–1961 гг., проживавшего в непосредственной близости от злосчастных ворот, – *А. Р.*), и по его распоряжению ворота были разобраны в одну ночь и даже попытки фотографов снять этот процесс оказались безуспешными». Подробности о гибели Тарских ворот можно найти и в записях А. Ф. Палашенкова: «На утренней заре 17 февраля 1959 г. началась поспешная разборка... крепостных ворот... Работа проводилась в ударном темпе, была выделена большая группа рабочих и несколько десятков автомашин... На другой день на месте ворот было чисто, убрано до пылинки»[251].

Тобольские же ворота, долгие годы находившиеся на территории, принадлежавшей военному ведомству, как уже говорилось, уцелели. В 1960 г. Омский отдел вел переговоры с городскими властями об их охране и реставрации, а в 1964 г. географы обратились с письмом к министру обороны маршалу Р. Я. Малиновскому. Ходатайство краеведов было удовлетворено, и доступ к воротам был открыт[252]. А. Ф. Палашенков во всех этих делах принимал самое активное участие.

Постоянно беспокоило краеведа и состояние других памятников омской старины. Еще в 1940-е гг., говоря о снесенных крепостной кордегардии и обелисках городской заставы, обезображенных Никольском («единственном в своем роде») и Воскресенском («подкупавшем пышностью своих форм и тщательностью работы») соборах, Палашенков подчеркивал, что «разрушенный и уничтоженный памятник – потеря невознаградимая, неискупимая никакими материальными ценностями», что «содержать и видеть памятник в обезображенном состоянии» – преступление, наконец, что «все это обязывает нас к самому внимательному и бережному отношению к памятникам».

«Вопрос охраны памятников, – писал он, – должен встать во весь свой рост перед городскими и районными организациями – партийными и советскими, перед

советской интеллигенцией, перед всеми крепко любящими свою родину людьми. Но мало сохранить памятник. Нужно призвать его к жизни, к служению. Без этого он остается мертвым инвентарем, немым свидетелем. Нужно, чтобы памятник будил воспоминания о минувшем, в живых и ярких образах, недоступных часто самому талантливому описанию, воскрешал ушедшее... снимал отделяющую нас от событий и лиц пелену времени, разрывал годы, десятилетия, века и приобщал к прошлому во всей непосредственности и правде»[253]. Замечательные слова, однако к ним мало кто прислушивался.

В январе 1959 г. на заседании секции музейного Совета Палашенковым был поднят вопрос о том, что «в Омске и области беспощадно уничтожаются археологические и исторические памятники», а в 1966 г. он написал в «Литературную газету» о том, как Омск заранее начал «готовиться» к своему 250-летию. В 1958 г. была начата разборка Воскресенского военного собора и вскоре омичи «окончательно распрощались» с этим «очагом дурмана». К Никольскому казачьему собору были пристроены уборные («видимо, хотели показать православным, как надо расправляться с невежеством»).

«Вообще-то в отношении антирелигиозной пропаганды у омичей есть чему поучиться, – заметил А. Ф. Палашенков. – В свое время пол большого зала краеведческого музея был сплошь застлан иконами, ликами кверху. В результате такого мероприятия погибла хранившаяся в Омском кадетском корпусе... суворовская икона, принадлежавшая отцу великого полководца, а также ряд интересных икон... Военного собора, на которых были изображены архангелы с типом лица сибирских казаков и в казачьих папахах»[254]. Касательно храмовых построек и их внутреннего убранства есть сведения, что в конце 1940-х гг. краевед пытался спасти здание Всехсвятской церкви на Казачьем кладбище, просил передать его под городской музей. Позже, когда эту церковь все же стали ломать, он принес из нее в музей две иконы, которые успел спасти[255].

В начале юбилейного 1966 г. в Омске проходили конференции по организации городского и областного добровольных обществ охраны памятников истории и культуры. Судя по «впечатлениям очевидца» С. Р. Лаптева, который, «не занимаясь специально вопросами охраны всех памятников прошлого», все же имел к ним отношение будучи секретарем исторической комиссии Омского отдела Географического общества, о городской конференции Отдел узнал уже после ее проведения. Причем А. Ф. Палашенков, председатель исторической комиссии Отдела, посвя-

тутского, Еврейского, Восточного, Северного, Ленинского, Казачьего, Бутырского и Шепелевского кладбищ[260]. В архивных делах можно обнаружить описания и фотографии отдельных захоронений, схемы интересных надгробий, тексты эпитафий, биографические сведения о многих похороненных на том или ином кладбище выдающихся омичах. Встречаются и записи личных впечатлений краеведа, не лишенные порой лиризма и художественности.

Так, посетив Военное кладбище, Андрей Федорович записал: «Прошло свыше двух десятков лет. Почернели могильные столбички, могилы поросли пахучей мятой, горят маленькими солнцами одуванчики. Молодые клены оплели своими корнями солдатские гробы, а раскинувшиеся над могилами их ветви мягко шумят своей листвой... Стайки скворцов быстро пролетают, поднявшись над кленами. До кладбища, заселенного бессмертной славой, долетают заводские гудки... Солнце льет тепло, свет на землю»[261].

Собранные А. Ф. Палашенковым сведения о старых омских кладбищах (иноверческом (немецком), двух еврейских, Казачьем, Бутырском, Шепелевском и др.) составили целый раздел его «Материалов к археологической карте Омска». Особое внимание уделил краевед захоронениям основателя правобережной Омской крепости И. И. Шпрингера, знаменитого русского металлурга П. П. Аносова, близкого знакомого А. С. Пушкина Н. М. Коншина. Генерал-поручик и кавалер фон Шпрингер был похоронен на юго-западной окраине иноверческого (правильнее было бы называть это кладбище инославным, поскольку оно, не будучи православным, являлось, тем не менее, христианским, а не иудейским или мусульманским) кладбища, «метрах в десяти на восток от построенного в 40-х годах круглого кирпичного помещения, занимаемого ныне цветочным магазином»[262].

Из воспоминаний М. Е. Бударина узнаем, что «как-то году в 1946 или 1947» А. Ф. Палашенков подвел его «к одноэтажному круглому кирпичному помещению рядом с музеем на площади Ленина. Спросил:

– Вы знаете, что это за здание, заколоченное сейчас?

– Конечно! Главный в центре Омска общественный туалет.

– А знаете, на чьей могиле он был поставлен еще до войны?

– Нет.

– На могиле строителя новой Омской крепости генерал-поручика инженерной службы Ивана Ивановича Шпрингера. Я написал городскому и областному начальству пять докладных, чтобы покончить с этим позором. В этом ватер-клозете надо поместить цветочный магазин»[263].

Тексты докладных записок директора музея Палашенкова, направленных им во второй половине 1940-х гг. в исполком Омского горсовета, составили одно из дел его архивного фонда. Краевед не только сообщал о «месте погребения строителя новой Омской крепости» и других разрушенных, заброшенных и затерявшихся могилах, но и констатировал плачевное состояние захоронений героев революции и Гражданской войны. Кстати сказать, неухоженность захоронений выдающихся земляков Палашенков объяснял разбросанностью их по разным кладбищам и предлагал в связи с этим «организовать отдельное, относительно небольшое по территории кладбище», которое «должно быть огорожено и обеспечено охраной... озеленено, засажено цветами... Оно должно быть не менее благоустроено, чем самый лучший городской сад. Только в этом случае, по мнению краеведа, «долг перед умершими славными сынами Родины будет выполнен»[264].

Материалы об уже исчезнувших и продолжавших существовать омских кладбищах скорее всего собирались А. Ф. Палашенковым с целью создания обширного свода-справочника «Омский некрополь». Пометки, сделанные рукой краеведа на некоторых рукописях, свидетельствуют об этом прямо, а то, что сведения о примечательных захоронениях, как правило, дополнялись краткими жизнеописаниями погребенных, – косвенно. Интересно, что среди отмеченных Палашенковым погребений немало могил известных омских ученых, краеведов и библиофилов: В. И. Квятковского, М. М. Сиязова, А. Н. Седельникова (Казачье кладбище), С. Я. Зыменского, М. Д. Спиридонова, В. В. Барышевцева (Шепелевское кладбище), В. Н. Хитрово, К. Е. Мурашкинского, И. Н. Шухова, М. М. Садырина, М. С. Каргаполова (Северное кладбище), В. Ф. Семенова и П. Л. Драверта (Восточное кладбище). Два последних захоронения в 1963 г. были перенесены с упраздненного Казачьего кладбища, надо полагать, не без непосредственного и живого участия А. Ф. Палашенкова[265].

Интерес краеведа к некрополистике проявлялся и в ходе его поездок по Омской области. Известно, к примеру, что в 1957 г. он обследовал современное кладбище на берегу Шиша близ д. Имшегал и отметил своеобразие тамошних надмогильных крестов, а также составил описания ряда сельских кладбищ, расположенных по берегам Оми. В 1969 г. А. Ф. Палашенков осмотрел старое татарское кладбище в окрестностях Увальной Битии, а Н. А. Плотников по его просьбе запечатлел этот памятник на фотопленке[266]. Впрочем, отнюдь не богатые захоронениями знаменитостей и примечательными надгробиями деревенские кладбища привлекали

советской интеллигенцией, перед всеми крепко любящими свою родину людьми. Но мало сохранить памятник. Нужно призвать его к жизни, к служению. Без этого он остается мертвым инвентарем, немым свидетелем. Нужно, чтобы памятник будил воспоминания о минувшем, в живых и ярких образах, недоступных часто самому талантливому описанию, воскрешал ушедшее... снимал отделяющую нас от событий и лиц пелену времени, разрывал годы, десятилетия, века и приобщал к прошлому во всей непосредственности и правде»[253]. Замечательные слова, однако к ним мало кто прислушивался.

В январе 1959 г. на заседании секции музейного Совета Палашенковым был поднят вопрос о том, что «в Омске и области беспощадно уничтожаются археологические и исторические памятники», а в 1966 г. он написал в «Литературную газету» о том, как Омск заранее начал «готовиться» к своему 250-летию. В 1958 г. была начата разборка Воскресенского военного собора и вскоре омичи «окончательно распрощались» с этим «очагом дурмана». К Никольскому казачьему собору были пристроены уборные («видимо, хотели показать православным, как надо расправляться с невежеством»).

«Вообще-то в отношении антирелигиозной пропаганды у омичей есть чему поучиться, – заметил А. Ф. Палашенков. – В свое время пол большого зала краеведческого музея был сплошь застлан иконами, ликами кверху. В результате такого мероприятия погибла хранившаяся в Омском кадетском корпусе... суворовская икона, принадлежавшая отцу великого полководца, а также ряд интересных икон... Военного собора, на которых были изображены архангелы с типом лица сибирских казаков и в казачьих папахах»[254]. Касательно храмовых построек и их внутреннего убранства есть сведения, что в конце 1940-х гг. краевед пытался спасти здание Всехсвятской церкви на Казачьем кладбище, просил передать его под городской музей. Позже, когда эту церковь все же стали ломать, он принес из нее в музей две иконы, которые успел спасти[255].

В начале юбилейного 1966 г. в Омске проходили конференции по организации городского и областного добровольных обществ охраны памятников истории и культуры. Судя по «впечатлениям очевидца» С. Р. Лаптева, который, «не занимаясь специально вопросами охраны всех памятников прошлого», все же имел к ним отношение будучи секретарем исторической комиссии Омского отдела Географического общества, о городской конференции Отдел узнал уже после ее проведения. Причем А. Ф. Палашенков, председатель исторической комиссии Отдела, посвя-

тивший не один десяток лет поискам, регистрации и изучению памятников прошлого, написавший о них единственную в своем роде книгу, «также не знал о проведении конференции (проще говоря, его не пригласили на эту конференцию!!)»[256].

А вот об областной конференции отдельцы знали заранее. Тот же Лаптев собирался выступить на ней с докладом, сказать, в частности, что «благодаря ряду допущенных ошибок, недостаточной осведомленности и компетенции некоторых руководящих работников город Омск подошел к своему юбилею "оголенным", не имея ни одного значительного памятника Омской крепости...»[257]. Выступление это не состоялось, более того, само проникновение в зал стоило не имевшему пригласительного билета краеведу немалых трудов. Что же касалось А. Ф. Палашенкова, на этот раз он был приглашен, причем в качестве докладчика. В докладе краеведа говорилось о том, что Омск за последние 8 лет лишился шести памятников революции, а в ближайшие 10–20 лет лишится еще около двух десятков домов-памятников, что «мы небогаты памятниками архитектуры», об «архитектурных покойниках», т. е. уничтоженных, погибших памятниках.

«Остановлюсь на одном, с большой трагической судьбой, архитектурном памятнике, – говорил, в частности, А. Ф. Палашенков. – Имею в виду Казачий Никольский Собор в Городском саду, являвшийся самым лучшим архитектурным памятником нашего города, нужно было гордиться и радоваться его наличием здесь, у нас... Всюду созданные по... проектам (В. П. Стасова. – *А. Р.*) здания находятся на союзной государственной охране. И только мы сорвали кровлю с четко очерченного купола стасовского творения, разрушили на стройной, легкой колокольне верхние ярусы с красивым шпилевидным завершением, сломали торжественный западный вход и т. д. Но этого показалось мало нам... с южной и северной сторон вместо мемориальной доски с именем великого зодчего ... пристроили две кирпичных уборных. И смотрят с большим укором на нас обесславленные стены Казачьего собора»[258].

Деятельность Палашенкова по охране памятников истории и культуры тесно переплеталась с его сформировавшимся еще в смоленские годы увлечением краеведческой некрополистикой. В свое время краевед был самым крупным, если не единственным, знатоком и исследователем омских кладбищ. Бессчетное количество раз прошел он по их аллеям и рядам, собрав ценнейшие сведения о многих, теперь уже исчезнувших кладбищах и отдельных захоронениях[259]. В личном фонде Палашенкова хранятся составленные им описания могил Военного, Инсти-

тутского, Еврейского, Восточного, Северного, Ленинского, Казачьего, Бутырского и Шепелевского кладбищ[260]. В архивных делах можно обнаружить описания и фотографии отдельных захоронений, схемы интересных надгробий, тексты эпитафий, биографические сведения о многих похороненных на том или ином кладбище выдающихся омичах. Встречаются и записи личных впечатлений краеведа, не лишенные порой лиризма и художественности.

Так, посетив Военное кладбище, Андрей Федорович записал: «Прошло свыше двух десятков лет. Почернели могильные столбички, могилы поросли пахучей мятой, горят маленькими солнцами одуванчики. Молодые клены оплели своими корнями солдатские гробы, а раскинувшиеся над могилами их ветви мягко шумят своей листвой... Стайки скворцов быстро пролетают, поднявшись над кленами. До кладбища, заселенного бессмертной славой, долетают заводские гудки... Солнце льет тепло, свет на землю»[261].

Собранные А. Ф. Палашенковым сведения о старых омских кладбищах (иноверческом (немецком), двух еврейских, Казачьем, Бутырском, Шепелевском и др.) составили целый раздел его «Материалов к археологической карте Омска». Особое внимание уделил краевед захоронениям основателя правобережной Омской крепости И. И. Шпрингера, знаменитого русского металлурга П. П. Аносова, близкого знакомого А. С. Пушкина Н. М. Коншина. Генерал-поручик и кавалер фон Шпрингер был похоронен на юго-западной окраине иноверческого (правильнее было бы называть это кладбище инославным, поскольку оно, не будучи православным, являлось, тем не менее, христианским, а не иудейским или мусульманским) кладбища, «метрах в десяти на восток от построенного в 40-х годах круглого кирпичного помещения, занимаемого ныне цветочным магазином»[262].

Из воспоминаний М. Е. Бударина узнаем, что «как-то году в 1946 или 1947» А. Ф. Палашенков подвел его «к одноэтажному круглому кирпичному помещению рядом с музеем на площади Ленина. Спросил:

– Вы знаете, что это за здание, заколоченное сейчас?

– Конечно! Главный в центре Омска общественный туалет.

– А знаете, на чьей могиле он был поставлен еще до войны?

– Нет.

– На могиле строителя новой Омской крепости генерал-поручика инженерной службы Ивана Ивановича Шпрингера. Я написал городскому и областному начальству пять докладных, чтобы покончить с этим позором. В этом ватер-клозете надо поместить цветочный магазин»[263].

Тексты докладных записок директора музея Палашенкова, направленных им во второй половине 1940-х гг. в исполком Омского горсовета, составили одно из дел его архивного фонда. Краевед не только сообщал о «месте погребения строителя новой Омской крепости» и других разрушенных, заброшенных и затерявшихся могилах, но и констатировал плачевное состояние захоронений героев революции и Гражданской войны. Кстати сказать, неухоженность захоронений выдающихся земляков Палашенков объяснял разбросанностью их по разным кладбищам и предлагал в связи с этим «организовать отдельное, относительно небольшое по территории кладбище», которое «должно быть огорожено и обеспечено охраной... озеленено, засажено цветами... Оно должно быть не менее благоустроено, чем самый лучший городской сад. Только в этом случае, по мнению краеведа, «долг перед умершими славными сынами Родины будет выполнен»[264].

Материалы об уже исчезнувших и продолжавших существовать омских кладбищах скорее всего собирались А. Ф. Палашенковым с целью создания обширного свода-справочника «Омский некрополь». Пометки, сделанные рукой краеведа на некоторых рукописях, свидетельствуют об этом прямо, а то, что сведения о примечательных захоронениях, как правило, дополнялись краткими жизнеописаниями погребенных, – косвенно. Интересно, что среди отмеченных Палашенковым погребений немало могил известных омских ученых, краеведов и библиофилов: В. И. Квятковского, М. М. Сиязова, А. Н. Седельникова (Казачье кладбище), С. Я. Знаменского, М. Д. Спиридонова, В. В. Барышевцева (Шепелевское кладбище), В. Н. Хитрово, К. Е. Мурашкинского, И. Н. Шухова, М. М. Садырина, М. С. Каргаполова (Северное кладбище), В. Ф. Семенова и П. Л. Драверта (Восточное кладбище). Два последних захоронения в 1963 г. были перенесены с упраздненного Казачьего кладбища, надо полагать, не без непосредственного и живого участия А. Ф. Палашенкова[265].

Интерес краеведа к некрополистике проявлялся и в ходе его поездок по Омской области. Известно, к примеру, что в 1957 г. он обследовал современное кладбище на берегу Шиша близ д. Имшегал и отметил своеобразие тамошних надмогильных крестов, а также составил описания ряда сельских кладбищ, расположенных по берегам Оми. В 1969 г. А. Ф. Палашенков осмотрел старое татарское кладбище в окрестностях Увальной Битии, а Н. А. Плотников по его просьбе запечатлел этот памятник на фотопленке[266]. Впрочем, отнюдь не богатые захоронениями знаменитостей и примечательными надгробиями деревенские кладбища привлекали

внимание не столько краеведа-некрополиста, сколько краеведа-этнографа Палашенкова.

То, что этнографические изыскания не были чужды Андрею Федоровичу, уже неоднократно показывалось выше. Добавим, что в 1951 г. он участвовал в работе совещания («съезда этнографов»), проводившегося в Москве Институтом этнографии АН СССР[267]. На это совещание Палашенков был приглашен, скорее всего, «по должности», как директор областного краеведческого музея, однако вопросы этнографии Прииртышья занимали его независимо от должностных обязанностей. Так, в конце 1950 – начале 1960-х гг., не будучи уже музейным работником, краевед собирал «материалы по эстонским селам», расположенным вдоль Оми, или, путешествуя по Таре, вел «этнографические наблюдения (русские и татарские поселения, татарские кладбища – мазараки, сохранившиеся старые дома, украшения на жилищах и постройках, наличники, цветы на окнах, новые постройки, народное празднество – сабантуй)». Интерес краеведа к произведениям русского народного декоративно-прикладного искусства отмечен в дневниковых записях И. С. Коровкина[268].

Надо сказать, что современные омские краеведы зачастую не сходятся во мнениях относительно того, кем же был А. Ф. Палашенков, следует ли называть его археологом или, допустим, этнографом, фольклористом, историком... Споры эти кажутся нам в известной мере надуманными, хотя, действительно, порой трудно определить, кем был Палашенков, изучавший форпосты и редуты, археологом или военным историком, и чем он занимался, когда обследовал старые кладбища, той же археологией, некрополистикой, этнографией, историей населенных пунктов или охраной исторического и культурного наследия.

Совершенно очевидно то, что Андрей Федорович прежде всего был краеведом – необычайно талантливым, увлеченным и преданным своему делу до самоотречения. Занимаясь изучением края вообще, он, если можно так выразиться, специализировался на историческом и историко-культурном краеведении. Материалы обширнейшего краеведческого архива Палашенкова – наглядное тому подтверждение, поскольку они представляют собой огромный массив сведений именно об историческом прошлом края: о прошлом населенных пунктов и связывающих их дорог, о выдающихся людях, живших в давнем и недавнем прошлом, о различных объектах, напоминающих об ушедшем времени.

Эти собранные краеведом-историком материалы, безусловно, заслуживают того, чтобы охарактеризовать их содержание несколько подробнее. Нам уже до-

водилось писать о содержавшихся в личном архивном фонде А. Ф. Палашенкова сведениях по истории населенных пунктов Прииртышья и частично публиковать их[269]. Сейчас отметим лишь необычайное разнообразие данных, попавших в копилку краеведа. Так, в его записях об историческом прошлом Тары и Тюкалинска встречаются данные о Екатерининском винокуренном заводе и бежавшем из Екатериновки в... Париж каторжнике Руфиме Пиотровском, о водворенном в Тару на поселение псевдо-декабристе и большом оригинале князе Друцком-Горском, о золотопромышленнике Я. А. Немчинове и построенном им в Таре сиротском приюте – «немчиновском доме», о легендарном происхождении названия Тюкалинской слободы и столь же легендарном противодействии тюкалинских купцов проведению через их город железной дороги «Омск – Ишим», о тюкалинских ярмарках, развлечениях местных торговых магнатов и т. д.[270]

Из палашенковских записок, озаглавленных «Описание исторических событий в Омске периода 1773–1958 гг.» и «Хронологический перечень событий по г. Омску, 1838–1896 гг.», можно узнать об ураганах, наводнениях и пожарах в старом Омске, о посещении его знаменитыми и малоизвестными путешественниками, о строительстве церквей и мечетей, открытии учебных заведений и библиотек, о прениях в Городской думе по вопросам устройства в Омске конно-железной дороги, трамвая и электрического освещения, о местных банках, магазинах, богадельнях, пароходах, кинотеатрах, газетах и многом другом, вплоть до наблюдения омичами в марте 1894 г. неопознанного летающего объекта. Основную массу сведений о событиях прошлого краевед почерпнул из подшивок «Степного края», «Омского Вестника», «Восточного обозрения», «Омских епархиальных ведомостей», «Акмолинских областных ведомостей» и других периодических изданий[271].

Выписки из старой сибирской периодики А. Ф. Палашенков дополнил записями о событиях 1940–1950-х гг., свидетелем которых он был сам или о которых слышал от других. В этой своеобразной исторической хронике нашлось место борьбе с «вейсманистами» в Омском сельхозинституте, посадке карагачей на ул. Ленина в 1949 г., первым омским троллейбусам, неизвестному самоубийце, повесившемуся на растяжке телевизионной вышки и ажиотажу, охватившему город в конце января 1958 г. в связи со слухами о грядущем повышении цен на сахар[272].

Надо заметить, что те же цены краевед отнюдь не считал малозначительными подробностями городской жизни и скрупулезно их фиксировал. В музейную «Летопись» были в свое время включены (переписаны) такие записи А. Ф. Пала-

шенкова, как «Базарные цены в г. Омске на 1 января 1945 г.» (указаны цены на более чем 50 наименований продуктов и товаров – от стакана сушеной земляники до «коровы крупного размера с большим выменем»), «Из прошлого» (те же базарные цены по состоянию на 30–31 декабря 1947 г.), а также интереснейшие впечатления краеведа о том, как проходила в Омске в конце 1947 г. денежная реформа[273].

Последняя запись настолько колоритна в отношении истории повседневности, что трудно удержаться, чтобы не процитировать хотя бы несколько фраз. 30 ноября, по свидетельству Палашенкова, «весь город пришел в нервное состояние. У кого были на руках деньги, торопились... купить что-нибудь на них. Все магазины сразу переполнились покупателями. Покупали все, что попадало на глаза. Стоявшие многие месяцы в Универмаге пианино сразу, в несколько часов, были разобраны. Один полковник захватил два пианино. Одна женщина приобрела восемь кроватей. Брали посуду, обувь, материал, все – нарасхват. В один день магазины и лавки опустели... В сберкассах – толпа, через которую нельзя пробиться. Сначала стали брать вклады. Затем... одни брали... другие вносили. Про одну старушку говорили, что имевшиеся 20 тыс. ... она несколько раз брала с книжки и несколько раз вносила в сберкассу. Полная растерянность...». А когда 14 декабря было объявлено об обмене денег и отмене карточной системы, «началось полное смятение в городе... Все магазины, исключая хлебные, стали на переучет. Лица, имевшие на руках деньги и терявшие их... бегали как угорелые»[274].

Записи, подобные этой, основанные на личных впечатлениях и наблюдениях, нередко встречаются и на страницах дневников многочисленных путешествий краеведа. Сам Палашенков в своеобразном предисловии к материалам о поездке по маршруту «Омск – Пржевальск», предпринятой вместе с Н. А. Плотниковым и др. в 1962 г., заметил: «В свою записную тетрадь я вносил то, что останавливало взор на пути нашего следования: исторические и археологические памятники, географические и этнографические объекты, места, связанные с пребыванием славных наших соотечественников, и т. д. Как и все путевые записи, они не лишены личных лирических отступлений»[275].

Посетив в 1957 г. Тюкалинск, краевед подметил своеобразие этого города и записал: «Самое лучшее знакомство с Тюкалинском можно получить, если ехать со стороны Крутинки. Прежде чем подъехать к чайной, этому сердцу каждого более или менее крупного населенного пункта, приходится проехать по всем главным улицам... Сомнений нет, это город, но город прошлого... Все каменные солидные

дома, в которых сейчас разместились клубы, кино, библиотеки, сельмаги... и другие районные и городские организации, – это старые купеческие дома. Дом пионеров размещается в церкви... В самом центре... на главной площади, живым укором настоящему стоят массивные и мрачные на вид купеческие амбары с широченными коваными... дверями и тяжелыми засовами, занятые сейчас под склады и магазины советской торговли. Если спросить местного жителя, что построено в Тюкалинске при Советской власти, то он укажет на дом райкома партии, школу и еще два-три дома...»[276]

Вот как описал краевед одну из посещенных им в том же году сельских чайных (Борисовский совхоз): «Все эти чайные и столовые в районах области похожи одна на другую. Эта тоже не является исключением. В ней на стене висит копия известной картины Шишкина, изображающей играющих медведей в сосновом бору. Картины такого содержания нам приходилось встречать почти в каждой столовой. Очевидно, по мысли пищевиков, такое содержание картин способствует пищеварению!» Встречаются в его дневниковых записях и «лирические отступления». Называевск, 1962 г.: «Сижу в кабине машины у Дома культуры. На скамейках сидят девушки в разнаряженных платьях и юноши с чубами... Приятно смотреть на милых влюбленных. Ждут открытия танцев. Радио заиграло вальсы, и все хорошие, с оттенками минорности»[277].

Возвращаясь к собранным А. Ф. Палашенковым материалам по истории Омского Прииртышья и, в особенности, самого Омска, необходимо указать на наличие в архиве краеведа весьма любопытных данных о прошлом омских учебных заведений (гимназии, учительская семинария, вузы), о выставке 1911 г., об омской периодической печати (в том числе черновик совместной с Н. М. Столповской статьи, которая должна была предварять составленный авторами для «Известий» Омского отдела библиографический указатель омской периодики 1871–1916 гг.). Обращает на себя внимание и составленный Палашенковым в 1953 г. список «Выдающиеся и знаменитые люди, которые жили в г. Омске или посетили его» [278].

Очень интересны включенные краеведом в свое собрание впечатления неизвестного бытописателя об Омске 1919 г. Яркие зарисовки обыденности колчаковской столицы: блеск Любинского проспекта, заполненного нарядной публикой, дамами в великолепных туалетах и джентльменами в «безукоризненных панамах», военными и чиновниками во френчах и форменных фуражках разных стран и ведомств, и улицы окраин, «затопленные черной грязью», заваленные лошадиными

черепами и дохлыми крысами, с угрюмыми и замкнутыми прохожими-рабочими и оборванными солдатами; плачевное состояние магазинной торговли («во всем городе нельзя было найти пары сносных штиблет») и, напротив, процветание «толчка» с продавцами кораллов и лотерейных билетов, шарманщиками, трактирными гармонистами, а также какими-то брюнетами и прочими субъектами («всюду поблескивали их бойкие жадные глаза, скалились крепкие зубы... все они хотели есть, есть даром и хорошо, все любили весело пожить и, в то же время, ничего не делать»); бурная ночная жизнь города с «хриплым лаем граммофонов» в притонах и харчевнях и нежными, изысканными мелодиями садов и дорогих ресторанов.

«Рестораны были средоточием всей жизни и деятельности Омска. В них билось сердце сибирского действа, к которому и стекались вся грязь и все нечистоты, – писал современник... – В пьяном шуме и крике, в сладострастных звуках тустепов и танго тонули и бесследно исчезали слова Колчака о спасении родины, правах народа... слова, из-за которых на фронте лилась в это время кровь. Ресторанная публика... состояла, главным образом, из буржуа и военных. Но омские кутежи носили особый специфический привкус. Так пить могли только в этом городе и лишь в это... время. Половина присутствующих были кокаинисты, морфинисты и эфироманы»[279].

Данные такого рода представляются не только неординарными, исключительными (вряд ли нечто подобное можно обнаружить в источниках официального происхождения), но и показывают интерес А. Ф. Палашенкова к жизни края во всем ее многообразии. Изучение его творческого наследия лишний раз убеждает в особенном внимании краеведа к исторической повседневности, без знания которой, на наш взгляд, невозможно составить достаточно цельное и близкое к истинному представление о минувшем. Как правило, такая «бытовая» информация об историческом прошлом отложилась именно в записках краеведов, их архивах, коллекциях, и, в первую очередь, это относится к уникальному собранию Палашенкова.

Особое место в краеведческом архиве Андрея Федоровича занимают самые разнообразные сведения о «путях-дорогах» Прииртышья. В свое время знаток Урала В. П. Бирюков утверждал, что «краеведам «по штату положено» знать дороги своего края – с ними неразрывно связана жизнь коренного населения, его история»[280]. Надо сказать, что Палашенков такими знаниями, безусловно, обладал.

В записях краеведа есть данные о проследовавшем по Семипалатинскому тракту в 1757 г. «самосекретнейшем азианине» – последнем правителе Джунгарии

Амурсане, о траурном поезде с останками членов экипажа американской яхты «Жаннетта», затонувшей близ устья Лены в 1881 г., о происшествии на Сыропятском тракте, в конечном итоге стоившем жизни томскому гражданскому губернатору генерал-майору П. П. Аносову, о проезжавших в разное время сибирскими дорогами М. М. Сперанском, русских и иностранных путешественниках А. Гумбольдте, П. Палласе, А. Бреме и О. Финше, Дж. Кеннане, Н. М. Пржевальском, М. В. Певцове, П. П. Семенове, Г. Н. Потанине, В. А. Обручеве, писателях А. П. Чехове и В. Г. Короленко[281].

Вряд ли подобное перечисление сюжетов и фактов способно дать сколько-нибудь полное представление о всем богатстве собранных Палашенковым сведений о Сыропятском, Тюкалинском, Семипалатинском, Петропавловском и других трактах и дорогах Омского края. Некоторые подробности, например, об оживленной дискуссии крутинских крестьян, выяснявших в связи с приездом Кеннана, кто, русские или американцы, более умны, отважны и искусны в полярном мореходстве, или, скажем, о «воровской дороге», потайной тропе омских конокрадов, заинтересовавшийся читатель сможет узнать из наших публикаций, в основу которых были положены палашенковские материалы[282].

Надо заметить, что особое внимание А. Ф. Палашенков уделял изучению истории Московско-Сибирского тракта. В архиве краеведа сохранились сделанные им выписки из различных источников, газетные вырезки, коллекция фотографий[283]. Материалы о старинном тракте пополнялись и в ходе непосредственного знакомства с отдельными его участками. Так, в августе 1958 г. С. Р. Лаптев записал в походном дневнике: «Едем... по прекрасному старому тракту... А. Ф. часто вылезает и измеряет, записывает размеры тракта. Этот тракт знаменит как "кандальный", и на нем сохранились валы, по которым шли конвоиры, сопровождая ссыльных каторжников»[284].

Интересно, что краевед не только изучал этот тракт, но и боролся за признание одного из его участков историческим памятником. «Только в немногих местах тракт сохранил еще свой первоначальный вид, – писал Палашенков в июне 1955 г. в докладной записке на имя начальника областного Управления культуры О. П. Манторовой. – Но не далеко то время, когда... от старой "владимирки" останутся одни воспоминания... Сохранить в неприкосновенном виде на том или ином протяжении тракт – это сохранить один из значимых памятников истории Сибири». Был найден и обследован и подходящий участок тракта длиной 18 км с сохранившими-

ся в первозданном виде полотном, канавами, боковыми насыпями и даже настилом из толстых лиственничных бревен, датируемыми XVIII столетием.

Судя по некоторым данным, предложение Палашенкова встретило должное понимание не сразу. Ему пришлось обращаться к директору ГИМа проф. Смирнову с просьбой высказать свое мнение насчет объявления участка тракта заповедным («непонятно историческое значение... тракта, по которому прошли лучшие борцы революции, только юридической части облисполкома: "Как же это дорогу можно признать памятником???"»). Тем не менее в 1957 г. участок тракта, расположенный к востоку от с. Копьево (до границы Омской и Новосибирской областей), был-таки объявлен историческим заповедником, на нем были установлены соответствующие указатели, запрещена распашка и застройка, а присмотр за заповедными километрами старинной дороги вменялся в обязанность директору Копьевского совхоза[285]. Тогда же, в 1957 г., в своеобразном отчете о поездке «в тарские урманы» Палашенковым было отмечено: «Участок Знаменское – Тара... кусочек старого Сибирского тракта, кое-где сохранился профиль... Следовало бы взять на особый учет как исторический памятник. Пока что ограничились благими пожеланиями о необходимости этого мероприятия...»[286]

Что же касается проследовавших в свое время Сибирским трактом «лучших борцов революции», то краевед особое значение придавал тому факту, что по территории Омской области проезжал А. Н. Радищев, причем дважды, в 1791 г., направляясь в Илимскую ссылку, и в 1797 г., возвращаясь обратно. 20 сентября 1952 г. А. Ф. Палашенков получил от большереченского краеведа В. С. Аношина телеграмму, извещавшую его, что мемориальная доска в с. Артын готова. На следующий день в большереченской районной газете «Колхозный путь» была напечатана заметка того же Аношина «Мемориальная доска А. Н. Радищеву в Артыне». «В целях увековечения памяти великого писателя, – сообщалось в заметке, – ...по Сибирскому тракту, по которому следовал А. Н. Радищев, проехала областная комиссия во главе с директором Омского краеведческого музея А. Ф. Палашенковым»[287].

Торжественная установка в Артыне мемориальной доски была приурочена к 150-летию со дня смерти великого ссыльного. В связи с этой датой в омских газетах были опубликованы написанные Палашенковым юбилейные материалы о Радищеве, хотя публикации краеведа на радищевскую тему появлялись в местной прессе и ранее[288]. Мемориальная доска в уже называвшемся с. Копьево Большереченского района была установлена позже, нежели в Артыне, летом 1955 г. А. Ф. Па-

лашенков принимал участие в торжествах по случаю ее открытия, выступил перед копьевцами с докладом о жизни и деятельности писателя-вольнодумца[289]. Судя по всему, эта поездка в Копьево, участие в мемориальных мероприятиях и вдохновили его на хлопоты по признанию заповедным копьевского участка старого Сибирского тракта.

Многолетняя деятельность краеведа по изучению истории «кандальной» дороги нашла свое воплощение как в установленных по его инициативе памятниках, так и в его работах, например, в значительной и по объему, и по содержанию статье «Из прошлого старого Московско-Сибирского тракта», опубликованной в «Известиях» Омского отдела ВГО в 1968 г. Завершая разговор о палашенковских материалах по истории «путей-дорог», отметим, что краевед интересовался не только старыми трактами. В его архиве имеются сведения о строительстве Транссибирской стальной магистрали, а также о водных путях Прииртышья и, в частности, о пароходных линиях Обь-Иртышского бассейна[290].

Естественно, изучая далекое и близкое прошлое омских дорог, А. Ф. Палашенков никогда не оставался равнодушным к истории стоящих или стоявших на этих путях сел и деревень. В его краеведческом архиве немало такого рода материалов: о заселении земель по р. Оше, о селах Ново-Московка, Троицкое, Любомировка, различных колхозах, МТС и т. д. Большой интерес проявлял краевед и к вопросам местной топонимики, особенно применительно к истории населенных пунктов, а в случае с селами Большемогильным и Маломогильным – еще и к своим археологическим изысканиям. Д. Н. Фиалков писал в 1963 г., что старейший член Географического общества А. Ф. Палашенков неоднократно предпринимал поездки по родной области «с целью обследования исторических памятников, сбора археологической коллекции и коллекции древних строительных материалов», а также сведений о происхождении названий географических объектов и населенных пунктов Прииртышья[291].

В самом начале настоящей главы отмечалось, что прибывавшие на Омскую землю «иногородние» краеведы продолжали здесь свои прежние занятия, но уже применительно к тому краю, который стал их второй родиной. Краеведческая деятельность А. Ф. Палашенкова, бесспорно, – самое яркое тому подтверждение. Практически все его омские дела и начинания, интересы и увлечения имели, скажем так, «иноземное» происхождение, смоленские корни. Взять, к примеру, то же изучение городских некрополей. Еще в 1923 г. краеведом была опубликована работа «Архитектура, скульптура и литература Смоленского некрополя» [292].

Легко просматриваются подобные параллели и в отношении таких видов деятельности краеведа, как выявление и регистрация археологических и историко-революционных памятников с составлением соответствующих карт, изучение исторического прошлого населенных пунктов и «путей-дорог»[293], интерес к этнографии и топонимике края, к местным фольклорным богатствам, упорная борьба за сохранение культурного наследия – памятников архитектуры, произведений искусства[294], архивов[295] и книжных раритетов, хлопоты по устройству музейных экспозиций и открытию новых музеев... Всем этим А. Ф. Палашенков занимался в Смоленске и продолжал заниматься в Омске.

Уже упоминалось, что вплоть до своего ареста в 1933 г. краевед работал над составлением словаря Западного края. Интересно, что, оказавшись в Прииртышье, он какое-то время продолжал эту работу, о чем постоянно упоминал в своих первых сибирских автобиографиях. Так, в ноябре 1936 г. Палашенков писал: «В настоящее время меня занимают вопросы музейного оформления и изготовления моделей из дерева. Продолжаю также работу по составлению словаря Западной области». Вот подобные строки из других автобиографических текстов: «В настоящее время прорабатываю и подбираю материалы к составлению карт (археологической и палеонтологической) Омской области, а также продолжаю начатую более 10 лет тому назад работу по составлению словаря Западного края»; «В настоящее время прорабатываю подробный план организации музея фольклора, а также продолжаю... работу по составлению словаря Западного края»[296].

Вряд ли эти словарно-энциклопедические работы были достаточно продуктивными, чтобы удовлетворить краеведа. Часть его рукописных материалов, как уже отмечалось, бесследно исчезла после произведенного смоленским следователем Рассказовым обыска, остальные остались на теперь уже слишком далекой родной Смоленщине. Зато на каждом шагу встречался дотоле неведомый и потому особенно интересный сибирский материал. Стоит ли удивляться тому, что Палашенков достаточно скоро переключился на сбор сведений для краеведческого словаря Омской области. Часть сведений собиралась, что называется, попутно, в ходе отмеченных выше разнообразных занятий и работ, некоторые обретались в результате специальных целенаправленных поисков.

В автобиографии, датированной январем 1954 г., Андрей Федорович написал, что работает «по составлению Омского областного словаря и подбору материалов для путеводителя "Литературный Омск"», а через пару лет, уже в другой автобиографии, рассказал об этой работе более подробно: «В течение 20 лет собираю материалы

к словарю Омской области: о людях нашего края (ученых, писателях, путешественниках, деятелях искусства, борцах революции, общественных деятелях, новаторах, героях и энтузиастах труда, патриотах края и др.), о городах, селах, совхозах, реках, озерах, растительности, животном мире, явлениях природы, археологии, палеонтологии, исторических и историко-революционных событиях и местах, обычаях и обрядах, а также материалы по местному лексикону. Не проходит ни одного дня, в который не пополнялись бы материалы к словарю той или иной заметкой, газетной вырезкой, иллюстрацией и т. п. Словарь-летопись обогащается изо дня в день»[297].

Как видно, среди собранных Палашенковым материалов для краеведческого словаря, персоналии – сведения о жителях края или же его «гостях» и выдающихся, и не очень, – занимали особое место. Краеведа интересовали в этом плане не только видные деятели минувшего, судьбы которых были так или иначе связаны с Омским Прииртышьем, Сибирью, но и его современники, и, как он сам выразился, «не только знаменитости, но и более скромные в достижениях на том или ином поприще». И. С. Коровкин в свое время зафиксировал, что А. Ф. Палашенков «в особую папку собрал (наклеил) материал из "Омск[ой] пр[авды]" о смерти Ел[ены] Владимировны Калугиной», организатора Омского русского народного хора: извещение о ее кончине, некролог и целиком всю газету. При этом Андрей Федорович говорил: «У нас многие не понимают, зачем это... А это делать нужно. Ведь как сейчас интересны для нас газеты, извещавшие о смерти Пушкина!»[298]

Впрочем, коллеги, друзья по увлечению краеведением Палашенкова понимали. 26 мая 1957 г. на праздновании 50-летия научно-просветительской деятельности краеведа ему был вручен подарок – множество обложек для собранных им материалов с типографским текстом на каждой: «А. Ф. Палашенков. Материалы к энциклопедии Сибирского Прииртышья». На папках указывалось также, что преподносятся они «к 50-летию научной и общественной деятельности старейшего археографа и краеведа г. Омска и Омской области» от коллектива «Омгорсправки».

Служащий этого учреждения и друг юбиляра К. И. Иоффе сказал тогда: «Андрей Федорович называет накопленный им материал архивом. Но я бы этим казенным словом не пользовался. Это ценнейший... систематизированный научный фонд, сокровищница по истории Омска, это энциклопедия города и края. Почти все, что имеет то или иное отношение к Омску, начиная с основателя города полковника Бухгольца и кончая новоселами 1957 г., отражено в фондах А. Ф.

Из пучины документальных журнальных и газетных и фото-материалов А. Ф. в течение свыше 20 лет извлекает и систематизирует, подготовляет и включает

в научный оборот сообщения о людях и событиях нашего края... Перечислить имена и события, охваченные А. Ф., нам не придется... Для этого не хватит не только регламента, но и целого трудодня... В фонде А. Ф. около 3000, если можно так выразиться, научных деталей. Андреем Федоровичем выполнен труд, который делает его имя неразрывно связанным с историей Омска и края. При оценке трудов А. Ф. невольно вспоминаются слова... автора толкового словаря В. Даля. Он сравнил труд свой с трудом подносчика кирпича. А. Ф. отдал труд целой жизни, чтобы делать, формовать кирпичи для будущего здания истории Сибири...»[299]

Спустя почти десятилетие, когда 25 декабря 1966 г. отмечался 80-летний юбилей А. Ф. Палашенкова, похожие слова произнес его старый друг и соратник С. Р. Лаптев: «Архив Андрея Федоровича – это исключительное богатство, над которым придется поработать не только Андрею Ф(едоровичу) при его жизни, но останется достаточно для его учеников, последователей и потомков. Достаточно сказать, что собранный им материал для местной энциклопедии содержит свыше тысячи названий, из них каждое посвящено какой-либо одной теме и оформлено в специальную папку. В этой папке не одна, иногда десятки и больше записей, относящихся к этой теме, взятых из разных источников, какие пришлось встретить Андрею Федоровичу на его длинном пути ученого. Андрей Федорович собрал большой биографический материал... Биографический "словник" насчитывает свыше 2,5 тысяч имен»[300].

Естественно, и сам Палашенков понимал, что собранное им сослужит добрую службу «ученикам, последователям и потомкам», а потому всегда беспокоился о сохранности своих материалов. Тем более что у него уже имелся некоторый печальный опыт. Выше мы приводили данные о гибели нескольких палашенковских библиотек на Смоленщине. Досадные утраты случались и в Омске. Известно, например, что одна семья, эвакуированная в город во время Великой Отечественной войны и поселенная в доме, где квартировал краевед, причем как раз в той комнате, где находились его библиотека и архив, зимой украдкой топила печь его бумагами и книгами[301].

Известно, что А. Ф. Палашенков ратовал и за сохранение личных архивов краеведов – своих современников. Так, в письме И. С. Коровкину от 14 октября 1951 г. он писал: «Поступлению материалов от Вас будем рады. Сейчас принимаем архив профессора В. Н. Хитрово... Наша задача – сохранить все до строчки», а 3 месяца спустя сообщал своему корреспонденту, что «в краеведческом музее... хранится ряд архивов отдельных лиц. Сейчас поступили записи преподавателя называев-

ской школы Славинского». (По нашим сведениям Я. А. Славинский еще в довоенные годы составил рукописный «Сборник историко-революционных материалов Называевского района Омской области», хранящийся в архиве Называевского историко-краеведческого музея).

Оставив работу в музее, А. Ф. Палашенков, видимо, перестал считать, что именно там целесообразно сосредотачивать наследие краеведов. Е. Н. Евсеев рассказывал нам, что встречался в областном архиве с С. Р. Лаптевым – тот приходил в архив сдавать свои бумаги («Андрей Федорович его присылал»). Евгений Николаевич вместе с А. В. Поварницыным в 1970 г. принял и доставил в госархив на такси часть бумаг самого Палашенкова, обратившегося с соответствующей просьбой. Принято тогда было немного, по словам Евсеева, дел тридцать, поскольку Андрей Федорович плохо себя чувствовал.

Тревога краеведа за дальнейшую судьбу архива усиливалась в те периоды, когда значительно ухудшалось состояние его здоровья. Пожалуй, первое такое серьезное ухудшение случилось с началом 1956 г. Тогда А. Ф. Палашенков указал в своем дневнике адреса родных и близких, кого следовало бы уведомить о его возможной кончине, изложил просьбу похоронить его на Восточном кладбище, с краю, причем могилу сделать круглую, «курганной формы», а также записал:

«С грустной думой вступил я в 1956 год. Никогда раньше передо мной не стоял вопрос: дождусь ли следующего Нового года. Сейчас же этот вопрос неотвязчиво стоит. Молчу. Никому не говорю о своем состоянии, о здоровье. Следовало бы обратиться в раковую больницу, но там сразу предложат резать. Жду сам не знаю чего. А болезнь, видимо, прогрессирует... М[ожет] б[ыть], в наступившем 1956 году придется расстаться с жизнью. Возраст большой, семидесятый год идет. Умирать когда-то нужно...

Скорблю, что не завершил работу по сбору материалов для Омского областного словаря, не привел в должное состояние собранное. Боюсь, что после смерти разлетятся с любовью и трудом подобранные листочки в разные стороны. Хотелось бы, чтобы моя мечта о сборе материалов для областного словаря не умерла с моей могилой. Скорблю, что не пришлось отдать все свои силы изучению края, радушно принявшего меня, ошельмованного. Омск, Прииртышье – вторая моя Родина, [но] где бы я не умирал, последний мой привет тебе, мой край Родной (Смоленский. – *А. Р.*)!»[302]

Эта скорбь тогда, в 1956 г., к счастью, оказалась преждевременной – в запасе у краеведа оставалось еще полтора десятилетия жизни и плодотворной работы.

Заметим, кстати, что он не только тревожился по поводу сбережения накопленных им знаний о крае, но и желал, чтобы сама его идея областного краеведческого словаря нашла своих продолжателей. М. Е. Бударин в одной из своих публикаций привел такие слова Андрея Федоровича: «Жаль будет, если после моей смерти никто не продолжит эту летопись». Они прозвучали в ходе одной из последних встреч краеведов, незадолго до кончины Палашенкова[303].

В последние годы жизни судьба материалов для областного словаря (как и вообще всего его собрания) особенно волновали подвижника омского краеведения. Это отчетливо прослеживается по его переписке конца 1960-х гг. Так, в августе 1970 г. в одном из писем З. Г. Фурцевой он писал о себе и своем архиве: «...Этот гражданин очень любит получать письма от друзей, хранит в отдельных папках и ни одного письма не уничтожил. Какая судьба постигнет все это мое достояние – трудно сказать. А ведь за каждой страничкой живая душа, дыхание времени, боль и радость сердца. С каким бы интересом читали мы письма своих дедов, прадедов».

В другом его письме тому же адресату говорилось: «Я скупой. За 30 лет работы в Омске накопил много нужного и ненужного... И теперь, когда недалеко время уходить в вечность, хотелось бы хоть мало-мальски разобрать это свое единственное богатство. В последние 2 месяца (письмо датировано 17 декабря 1969 г. – *А. Р.*) занимаюсь отборкой в Госархив. Свыше 50 папок подобрал... Самый большой материал – это персоналии, люди»[304].

Озабоченностью будущим «единственного богатства» пронизаны и палашенковские дневниковые записи последних лет его жизни. 3 января 1969 г. краевед записал: «Всю ночь болела голова. Минутами набегали мрачные мысли. Все может случиться. К этому "хозяйство" мое (архив, книги, коллекции и т. п.) не готово»[305]. Особенно показательны в этом плане строки из дневника А. Ф. Палашенкова за 1970 г. Приводимые ниже, они, кроме того, предоставляют, на наш взгляд, редкую возможность прикоснуться к внутреннему миру старого, уже подводящего жизненные итоги краеведа, проникнуться его последними мыслями, заботами и переживаниями.

24 февраля.

Болезнь пищевода, груди, горла... прогрессирует... Не думал, что так быстро пойдет угасание. Правда, пока я еще не ослаб. Все хозяйственные дела осуществляю без затруднения. Питаюсь мятой картошкой, творогом, киселем, а больше всего чаем сладким, с вареньем, печеньем... Скучаю, хочется хлеба.

25 февраля.

...После чая приступил к обычным своим занятиям - разборке архива. Хочется привести свои накопления в такой порядок, чтобы люди могли пользоваться... Занимался разборкой материала на букву «М». Удалось окончить разборку только в 9 часов вечера. Мучает меня вопрос, много ли удастся мне сделать по приведению в порядок материалов. Тороплюсь, устаю... Написал письмо в Кемерово Дмитрию Ильичу Логачеву. Ему и его сыну – профессору мединститута – первым сообщил о своей болезни. В городе никто, кроме Александры Васильевны[306], не знает о моем тяжелом состоянии.

26 февраля.

Тревожно спал. Горло давало знать о себе. Встал в 8 часов. Выгреб золу из печки. Произвел обмазку у дверки. Подмел у крылечка и тротуар против дома. Дал воробушкам пшенной крупы. После этого затопил печку, сходил за водой. Когда открывал ставни, представил[ась] такая картина: на тротуаре, у калитки и во дворе, когда буду лежать мертвым, небольшая толпа. Обсуждают, рассказывают, интересуются всем, что относится к жизни и смерти. Ругать, кажется, не за что. Такие мысли в последнее время все чаще и чаще посещают меня.

27 февраля.

Встал несколько позже обычного. Не хотел нарушать покоя котика и кошечки, которые спали со мной... Разбирал, как и в предыдущие дни, материалы к Словарю. Полагал сделать больше, но помешали. Пришел старый большевик И. Г. Залепин...

1 марта.

Пришел М. П. Михельсон. Посидел часик. Все ворчит, все не по его...

3 марта.

...Поехал в с-х институт на заседание Совета Г[еографического] О[бщества]. С Совета зашел к Берниковым, немного поговорили.

4 марта.

...Вечером ко мне пришли К. А. Зубарева и Светлана... Пили чай, беседовали. Я сказал о своих намерениях обратиться к Светлане за помощью при составлении Словаря уроженцев и деятелей края. Она охотно приняла это предложение...

9 марта.

...Поехал в лечебницу. Мне она известна. Я часто посещал С. Р. Лаптева, когда он там лежал... Пришел навестить Евг. Дм. Логачев.

10 марта.

...Я, как председатель историко-географической комиссии (Отдела), должен представить отчет о работе... Нет настроения писать. Получил пенсию за март 49 руб. 50 коп.

11 марта.

...Нужно написать своим и не знаю, как писать. Говорить о захватившей меня болезни нельзя, я их убью таким сообщением...

12 марта.

Весь день занимался уборкой в библиотеке. Навел некоторый порядок, но, конечно, далеко от хорошего. Папку за папкой беру в руки. Сколько было затрачено сил для того, чтобы собрать все это. Может быть, теперь смотрю на собранное в последний раз. Другая рука будет развязывать папки, перелистывать листы. Одно желание, чтобы материал не пропал, чтобы после моей смерти служил людям.

15 марта.

...Завтра нужно идти в онкологическую лечебницу, от которой ничего хорошего не ожидаю. Правда, все мои знакомые успокаивают меня...

17 марта.

...В палату пришел лечащий врач... Мило поговорили. Сказал, что... операции не будет – большой возраст...

– Доктор, лечите, мне нужно завершить одну свою работу.

– А сколько Вам нужно времени для окончания?

– Года два.

– А разве никто не смог бы продолжить Вашу работу?..

21 марта.

...День кончины мамы. Давно-давно это было. Сколько пережито с тех пор. Из семьи я остался один, все умерли. Недалек и мой конец. Правда, я не чувствую себя слабым...

26 марта.

...Минувшей ночью видел сон. Зимняя заснеженная дорога. Батя на лошади везет большой воз соломы... У подножия на гору остановился. Пошел осматривать дорогу. Я был очень озабочен, сможет ли лошадь подняться на гору. Батя успокоил меня...

29 марта.

...Меня пригласили сойти вниз... Смотрю - милый Николай Алексеевич Плотников... Напомнил мне, что предстоят поездки, нужно готовиться... Подошел Саша Лейфер из редакции «Омской правды». Сердечно приветствовал...

15 апреля.

...Ко мне пришли В. В. Берников, Н. Н. Смирнов, Н. М. Столповская.., Г. И. и В. И. Морозы...

16 апреля.

...Делал выборки из книги Н. Колмогорова «Красные мадьяры» для Словаря.

24 апреля.

...Приходили в палату практикантки-студентки. Поговорили. Милые девушки...

7 мая.

На дворе солнышко. На душе пасмурно... Вот уже два «поколения» больных сменилось, а я остаюсь на своей больничной кровати...

21 мая.

...Покинул больницу с неудовлетворенностью (я не вылечился) и с радостью – очень надоели больничные стены. Ласково встретил меня домик, почерневший от своих лет, чисто выметенный садик с распускающимися яблонями, грушей, рябинкой и кустиком калины...

7 июня.

Состоялось собрание членов Геогр. об-ва в пединституте для выбора делегатов на Географический съезд, который состоится в Ленинграде с 9 по 14 сент. ...Выбрали Мезенцева, Палашенкова и Фиалкова...

2 июля.

...Состояние здоровья ухудшается... Рад, что девочки привели в порядок материалы к Словарю уроженцев и деятелей края. Всего 2305 имен...[307]

16 июля.

Вновь начинается больничная жизнь. Страшно вступать в нее...

3 августа.

...Был Д. Н. Фиалков. Звал в Баян-Аул. Хотя бы удалось добраться до Ленинграда...

17 августа.

Сегодня покидаю больницу...

19 августа.

...Посетили Е. А. Самодурова и М. К. Иоффе.

24 августа.

...Был в пединституте. Получил деньги на поездку в Ленинград... и... на лечение. Посмотрел Тобольские ворота...

31 августа.

...Разбирали папки... Приходил Н. Н. Смирнов. Принес баночку меда.

9 сентября.

Посетили Д. Н. Фиалков, В. В. Берников... Постепенно худею. Долго ли протяну? Не знаю[308].

А. Ф. Палашенков умер в больнице 30 апреля 1971 г. Похороны состоялись 5 мая. Гроб с телом покойного был установлен почему-то не в краеведческом музее, как следовало бы, а в здании дорожно-ремонтно-строительного управления (ул. Ленина, 41). Свое последнее пристанище краевед обрел на Восточном кладбище г. Омска, недалеко от могилы П. Л. Драверта...

Думается, всего сказанного выше об Андрее Федоровиче Палашенкове вполне достаточно, чтобы представить, какого масштаба была эта фигура, и по достоинству оценить вклад в развитие омского краеведения, внесенный этим талантливым и пытливым исследователем, поборником знания и культуры, ревностным хранителем исторической памяти. Подчеркнем лишь, что годы работы на омской земле замечательного краеведа-энтузиаста, по нашему мнению, были ничем иным, как особым, «палашенковским» периодом в истории омского краеведения. Заметим также, что почти полное совпадение границ этого периода с временными рамками нашего исследования – совпадение далеко не случайное.

Завершить же разговор о деятельности А. Ф. Палашенкова хотелось бы оценками, данными ей и самому краеведу современниками, людьми, близко и потому хорошо его знавшими. Писатель И. С. Соколов-Микитов называл его «подвижником земли русской», удивлялся его «глубокой преданности любимому делу, родной земле и старине». Автор известной книги по истории омского градостроительства профессор В. И. Кочедамов считал Андрея Федоровича «замечательным сибирским исследователем и хорошим человеком», «вечно молодым пионером науки», а И. С. Голубецкий, бывший в шестидесятые годы главным архитектором области, знал его не только как ученого и краеведа, но и как «человека большой души и необыкновенной скромности», показывавшего «замечательный пример доброты и деловитости в работе, особой чуткости и внимательного отношения к людям»[309].

Приведем также некоторые отзывы о Палашенкове его друзей-краеведов. Д. И. Логачев писал о «теплом благородном отпечатке», оставленном этим «подлинно любящим свою Родину и ее историю» тружеником, «преданнейшим науке, бескорыстнейшим, культурным человеком», «настоящим советским ученым-энтузиастом», «единственным в своем роде крупнейшим специалистом по истории Западной Сибири». Смоленский краевед С. М. Яковлев передавал А. Ф. Палашенкову «земной поклон... за подвижническое служение Родине, спасение священных реликвий народа для восходящих поколений». А И. С. Коровкин имел все основания для того, чтобы утверждать: «Много, много прекрасных дел сделал этот замечательный ученый, большой души человек, и память о нем будет всегда храниться среди благодарных сибиряков»[310].

Весьма схожи с палашенковскими обстоятельства появления в Омске украинского историка ***Николая Васильевича Горбаня (1899–1973)***. Он родился в семье земских учителей в с. Никольском Константиноградского у. Полтавской губ., в 1917 г.

окончил с золотой медалью Кобылянскую мужскую гимназию и начал свой трудовой путь работой в Отделе народного образования Константиноградского уездного ревкома: был учителем, заведовал подотделом внешкольного образования, являлся ревизором культпросветсекции местного Рабкрина.

В 1929 г. началась журналистская деятельность Н. В. Горбаня: он сотрудничал с редакциями нескольких столичных харьковских газет, заведовал информационным отделом радиотелеграфного агентства Украины. Одновременно Горбань обучался в аспирантуре Харьковского института народного образования (по кафедре истории Украины). Будучи аспирантом, он занимался в семинаре академика Д. И. Багалея, называвшего молодого ученого своей надеждой и любимым учеником, опубликовал ряд статей по истории Украины, а также «несколько исторических повестей и рассказов (Микола Горбань считается одним из основателей исторического жанра в украинской советской литературе).

В 1924–1928 гг. Н. В. Горбань работал научным сотрудником названной кафедры, руководил секцией докапиталистической истории Украины в НИИ истории украинской культуры, читал лекции на трехгодичных курсах им. Сковороды, проводил экспедиции по харьковскому Музею Слободской Украины, преподавал будущим архивистам. В 1929 г. историк стал доцентом и был избран ученым секретарем и действительным членом Археографической комиссии АН УССР, а также членом Комиссии по изучению украино-турецких взаимоотношений при НИИ востоковедения. Именно тогда ученый, владевший немецким, французским и латинским языками, начал изучать еще и турецкий язык.

В апреле 1931 г. историк был арестован как украинский националист и бывший эсер и после почти годичной «отсидки» выслан в Казахстан, где работал научным сотрудником Алма-Атинского архива. В марте 1934 г. Особым совещанием при коллегии ОГПУ он был приговорен к продлению срока ссылки еще на три года и переведен в Тобольск, где опять-таки работал в местном архиве. В июне 1936 г. ссылка закончилась. Н. В. Горбань был восстановлен в правах, летом 1937 г. перебрался в Омск, где более двух лет трудился в областном архиве.

Неснятая судимость, однако, давала себя знать. В декабре 1939 г. Горбаню было отказано в должности, и вплоть до сентября 1940 г. он являлся безработным, перебиваясь случайными заработками. Затем Николай Васильевич преподавал русскую словесность в школе № 19, латынь – в ветеринарном институте, был старшим методистом, а позже преподавателем пединститута. В 1946 г. он стал кандидатом

исторических наук, защитив в Ленинградском университете диссертацию по теме «Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в.», после чего работал на кафедре истории СССР Омского государственного педагогического института в качестве доцента и заведующего кафедрой.

В 1950 г. историк был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и в том же году (по другим данным – в 1949 г.) вынужден был покинуть институт, опять какое-то время оставался без работы, затем преподавал немецкий язык в вечерней школе, латынь - в медучилище и медицинском институте, а также сотрудничал с областным архивным управлением. Вскоре после реабилитации и снятия судимости в 1958 г. ученый переехал в Ташкент (1960 г.), где преподавал в мединституте, а с 1966 г. заведовал кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов ТашГУ. Скончался ученый там же, в Ташкенте, 19 апреля 1973 г.[311]

Исследователь творчества историка Н. В. Горбаня Л. Н. Рощевская выявила более 300 его трудов, изданных на Украине, в Казахстане и Сибири, из них омских – более 80 статей и заметок, напечатанных в «Омской правде», около десятка публикаций в журнале «Омская область» и несколько отдельных брошюр. При этом указывается, что составление полной библиографии трудов Горбаня существенно осложнено как их рассеянностью, так и тем, что многие из них подписаны различными псевдонимами[312].

Добавим, что многие его небольшие работы, те же заметки в периодике вообще могли не подписываться. На страницах, отведенных под рубрику «Из прошлого нашей области» журнала «Омская область» встречается довольно много таких анонимных заметок. С учетом этого обстоятельства можно констатировать, что только в 1939 г. в этом журнале было опубликовано не менее 11 работ, в основном, миниатюрных, написанных Н. В. Горбанем. Тематика этих историко-краеведческих работ весьма разнообразна: революционное движение, межнациональные отношения, отдельные любопытные сюжеты местной истории.

Показательны в этом плане названия заметок Горбаня: «Безумный к летанию способ», «Четыре копейки в час»(№ 6), «Демонстрация на омском вокзале в 1906 году», «Такой народности не знаю», «Письмо Аблай-хана» (№ 8), «Кадетские "святые"», «Миллионы рублей на подачки буржуазии»(№ 10), «Под конвоем в школу», «Ложный донос» (№ 11–12). Некоторые опубликованные в «Омской области» работы Н. В. Горбаня являются не заметками, а небольшими научными статьями, на-

пример, работа, посвященная восстанию двух сибирских казачьих полков в 1914 г., или краткая хроника «Омск в 1919 году»[313]. Как правило, работы историка-краеведа были основаны на неопубликованных архивных источниках.

Из научно-популярных краеведческих работ Н. В. Горбаня, вышедших в 1940–1950-х гг. отдельными брошюрами, можно назвать «"Выборы" в Омскую городскую думу» (Омск, 1945), «Выборы при царизме в сибирской деревне» и «Как омичи выбирали в Государственную думу» (Омск, 1947), «Выборы в старом Омске» (Омск, 1958). Л.Н. Рощевская считает эту серию брошюр о дореволюционных выборах «чисто омской темой научного творчества Горбаня»: «Он удачно использовал в качестве повода первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР, но не ограничился только ориентацией на агитаторов. Брошюры насыщены фактическим материалом, густо заселены как деятелями демократического лагеря, так и представителями буржуазии. Сам Горбань считал достоинством этой серии... то, что удалось опубликовать, хотя и в сокращении, предвыборные прокламации дореволюционного Омска»[314].

Прожив в Омске более 20 лет, Н. В. Горбань постоянно контактировал с местными краеведами. Он был дружен с П. Л. Дравертом[315] и А. Ф. Палашенковым, в 1957 г. стал членом Омского отдела Географического общества СССР. В одном из выпусков «Известий» Отдела был опубликован его труд «Западносибирское крестьянство по наказам в комиссию 1767 г.»[316]. По данным И.Е. Бродского, в семейном архиве ученого-краеведа хранилась рукопись его незащищенной докторской диссертации «Крестьянская война в Западной Сибири в 1773–1775 гг.» В целом вклад, внесенный Н. В. Горбанем в 1940-1950-е гг. в развитие омского исторического краеведения, был, на наш взгляд, весьма существенным.

ГЛАВА IV

СПОДВИЖНИКИ И ПРОДОЛЖАТЕЛИ

Восполнение кадрового состава омского краеведения в 1930-е гг. и далее осуществлялось, естественно, не только и не столько за счет прибывавших в Прииртышье «иногородних» краеведов, хотя, как мы уже отмечали, именно последние во многом обеспечили заметный качественный рост местного краеведческого движения. Другим, не менее «важным» источником развития омского краеведения было увеличение его кадрового потенциала путем перманентного включения новых энтузиастов из числа самих омичей. Так, в те же 1930-е гг. началась или, начавшись несколько раньше, стала заметной деятельность таких замечательных краеведов, как Н. Ф. Черноков, А. В. Ваганов, В. С. Аношин, И. С. Коровкин.

Николай Федорович Черноков[1] ***(1891–1968)***, потомок старинного рода сибирских ямщиков, родился на одной из черноковских почтовых станций в с. Замиралово Тюкалинского у. Тобольской губ., еще в младенчестве был привезен в дом деда, находившийся в с. Красноярском. С этим селом, хотя и приходилось Чернокову не раз на тот или иной срок покидать его, постоянно была связана судьба этого человека. Деревенское детство, впечатления и привязанности той поры во многом определили основное содержание уже взрослой жизни краеведа, фольклориста, книголюба и коллекционера. Еще в детстве он усвоил самобытный уклад трудовой жизни народа с его размеренностью и основательностью, проникся традиционным миропониманием русского крестьянина, его особенной философией. Ничего удивительного не было в том, что с годами Н. Ф. Черноков стал выдающимся знатоком народ-

ного быта и почитателем родной старины. «Мало таких, влюбленных в народную Русь», – говорил о нем в свое время А. Ф. Палашенков, находивший Чернокова «одним из последних ярких представителей старой крестьянской интеллигенции»[2].

В детстве сформировалось пристрастие краеведа к книгам и чтению: когда-то воображение ребенка поразила имевшаяся в доме двухкопеечная книжица «Как солдат спас Петра Великого», затем были журнал «Родина», выписывавшийся Черноковыми, и книги из библиотек двух имевшихся в Красноярке школ – церковно-приходской и высшеначальной. Интересно, что в одной из школ устраивалось для крестьян нечто вроде публичных литературных чтений, сопровождавшихся показом диапозитивов (конец XIX века!). «Зимой в "маленькой" школе (была еще большая), около церкви, по воскресеньям показывали "туманные картины", – вспоминал Н. Ф. Черноков. – Народу битком набито. Мой дедушка Платон в первом ряду сидит в кресле, я стою у него в коленях (мне лет семь). Учитель Матвей Иванович около растянутого на стене полотна, наклонившись над столом, громко читает "Тараса Бульбу". Я не могу оторвать глаз от чуть-чуть подрагивающего полотна, ведь на нем, в кругу под лучами "волшебного фонаря", сразу появились Тарас Бульба и два его сына»[3].

Еще подростком Николай Черноков, бывая в Омске, стал заходить в книжный магазин А. С. Александрова. Надо полагать, что-то из книг уже тогда им приобреталось. Начало же серьезному книгособирательству, по мнению самого книголюба, было положено в 1914 г., когда он состоял на военной службе. Позже, уже после революции, Н. Ф. Черноков разыскивал сытинские издания на омских базарчиках и толкучках, был постоянным покупателем магазина «Пролетарское знание» на ул. Ленина. Его библиотека стала со временем весьма внушительным (к 1936 г. она насчитывала уже около 6 тыс. томов) и уникальным собранием. Книгами Чернокова пользовались омские литераторы П. Драверт, А. Сорокин, Е. Минин, Л. Мартынов[4].

Николай Федорович был знаком, наверное, со всеми омскими книжниками, владельцами частных библиотек, состоял в кружке книголюбов при Пушкинской библиотеке. Тот же А. Ф. Палашенков дал библиофилу высокую и вполне справедливую оценку, назвав его «самым большим любителем и знатоком книги в Омске»[5].

В свои детские годы увлекся Черноков и рисованием. Разглядывая любимые бабушкой лубочные картинки, попробовал рисовать сам. Однажды какой-то проезжий даже одарил мальчика серебряным рублем за удачный рисунок одного из героев Троянской войны. Тяга к рисованию была столь сильной, что по окончании

высшеначальной школы в 1906 г. Николай Черноков собирался продолжить свое обучение в Томском художественном училище, однако беспорядки времен первой русской революции и пожар в училище не дали осуществиться его мечте[6].

Формально образование будущего краеведа ограничилось 6-ю классами двух уже называвшихся сельских школ, хотя любовь к изобразительному искусству осталась навсегда, трансформировавшись с годами в коллекционирование портретов и художественных открытых. Черноковское собрание репродукций к 1936 г. насчитывало 13 тыс. портретов выдающихся людей мира и 32 альбома с открытками, подобранными по темам «Русский народ, его нравы и обычаи», «Русские типы», «Русские писатели», «Былины и сказки», «Наполеон», «Конный портрет в скульптуре и живописи» и др.[7] (Внимательное изучение черноковских коллекций приводит к выводу, что в свое время Николай Федорович каким-то образом «унаследовал» часть материалов, принадлежавших Драверту-старшему. На многих вырезках с портретами исторических персонажей даты жизни проставлены рукой Людовика Станиславовича, такова же изначальная принадлежность, на наш взгляд, и открыточной наполеоники Чернокова).

Интересно, что в начале 1960-х гг. Н. Ф. Черноков в компании с Л. И. Шарохой предпринял «издание» самодельных, изготовленных фотоспособом, открыток. Задуман был выпуск нескольких серий: «Русская история в портретах правителей и государственных деятелей», «Русская история в картинах», «Русская литература в портретах писателей» («Задумано очень широко... – писал Черноков коллекционеру Н. Ф. Кобылину, – начиная от Нестора – Летописца и кончая нашими днями»), «Быт русского народа», «Русское деревянное и каменное зодчество», «Собиратели народного творчества», «Собиратели гравюр и портретов», «Книгоиздатели и библиофилы», »Художники», «Певцы». Фотоработы выполнялись Л. И. Шарохой (как правило, в перерывах между гастрольными поездками Омского хора), подбор же оригиналов для пересъемки осуществлялся Н. Ф. Черноковым.

Конечно, за основу им было взято собственное собрание портретов и репродукций, но кое-что приходилось добывать путем достаточно длительных и многотрудных разысканий, днями напролет, к примеру, листая подшивки «Исторического вестника» и находя на его страницах многое дотоле неизвестное, ранее не встречавшееся, несмотря на то, что в свое время Черноков, по собственному его признанию, «немало порылся во всякого рода... магазинах и лавчонках старого Петербурга». «Издание» открыток осуществлялось, разумеется, более чем скром-

ными тиражами. Распространялись они среди черноковских знакомых – омских и иногородних библиофилов и собирателей – филокартистов.

Самой же сильной страстью Чернокова, основным, наверное, содержанием его дальнейшего творчества была любовь к русской народной песне (среди его родственников было немало отменных народных певцов, и сам Черноков отличался незаурядными вокальными способностями). «С дней моего детства, – писал он, – беззаветно полюбил я ее, нашу русскую народную песню, и она, эта чаровница, стала постоянной, неразлучной моей спутницей». Он никогда не расставался с ней, наслаждался ею, черпал в ней жизненные силы, когда переживал свои трагедии и неудачи. В 1954 г. недавно овдовевший фольклорист записал в дневнике: «Только песни и спасают меня. Если бы не они... Не знаю, что было бы со мною, если бы не спасла меня наша красавица, чародейка, наша русская народная песня...»[8]

Записывать понравившиеся ему народные песни Н. Ф. Черноков начал еще в юности. Известно, что уже в 1908 г. им была записана игровая вечеринная песня. Эти первые записи были случайными, бессистемными. Как вспоминал спустя много лет сам краевед-фольклорист, «песен пришлось слышать и знать очень много... Записывал чаще те, которые не пели у нас. А больше приходилось просто запоминать. Приходилось идти мимо кабака, слушать и записывать. Кабак – клуб тогдашнего времени. Каких только там личностей не было! На пароме услышишь или рекрута идут и поют, или круга водили, пели. Что понравится, то и записывал»[9].

Одна из таких песен – «полная грусти, чудесная рекрутская» – в 1913 г. проводила Чернокова на военную службу. Рядовой лейб-гвардии Московского полка служил в Петербурге, затем участвовал в сражениях Первой мировой войны. «Часть молодости моей, – вспоминал он много лет спустя, – осталась на полях Галиции, а остальная сгорела в страшные дни под Ковелем». В октябре 1914 г. рядовой Черноков был ранен под Ивангородом, затем находился на излечении в Тамбове и в апреле 1915 г., после выздоровления, был направлен в квартировавший в столице запасной батальон своего полка. Из автобиографии 1924 г. узнаем, что 3–4 июля 1917 г. он участвовал в вооруженном выступлении и 7 июля в числе 23 военнослужащих был арестован приказом генерала Половцева как «сознательно участвовавший в восстании против правительства». За арестом последовали 2 недели, проведенные на гауптвахте, 3 дня в «Крестах» и освобождение по ходатайству полкового комитета[10].

Надо сказать, что время, проведенное в Петрограде, было с успехом использовано им для самообразования. Из бумаг личного архива краеведа можно, к при-

меру, узнать, что в 1916–1917 гг. Черноков выписывал газету «Копейка», был постоянным читателем бесплатной городской читальни им. И. А. Крылова, посещал кинематограф «Урал», искал возможность брать уроки рисования, был на выставке картин академика живописи Л. Н. Новоскольцева, доходы от продажи билетов на которую шли в фонд благотворительного учреждения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и т. д.

Внимательный и пытливый молодой человек многим интересовался, старался побольше узнать, запомнить, записать в свой дневник. В годы военной службы началось формирование не только его библиотеки и коллекций, но и архива, в который включались почтовые квитанции и воинские проездные документы (Черноков как минимум 3 раза ездил в Омск в качестве продовольственного агента своей роты), фотографии, письма родных, земляков, сослуживцев (некоторые из них являются уникальными свидетельствами общественных настроений после свержения монархии, участия войск в июльских антиправительственных манифестациях 1917 г., острой политической борьбы в связи с выборами депутатов Учредительного собрания и т. д.), а также письма самого Чернокова из армии и целый ряд других интереснейших документов (приказы военного и морского министра А. Ф. Керенского, воззвание «К населению Петрограда» от 24 октября 1917 г., требование наркома Дыбенко задержать Керенского, поскольку «на основании соглашения казаков, юнкеров, солдат, матросов и рабочих» решено было предать последнего гласному народному суду и т. д.).

Н. Ф. Черноков прекрасно знал столицу, неоднократно бывал в Зимнем дворце, видел государя и членов императорской фамилии. Интересными воспоминаниями на этот счет поделился с нами Л. Ф. Тихомиров, ездивший в 1950-х гг. вместе с Н. Ф. Черноковым в Ленинград. В ходе экскурсии по Зимнему дворцу Николай Федорович прервал экскурсовода и поправил его относительно того, где и что тут раньше располагалось. Сразу же к Чернокову подошел какой-то мужчина и пригласил пройти в один из кабинетов. Где-то через полчаса знаток дворцовых апартаментов и интерьеров вернулся и рассказал Тихомирову, что «это был товарищ из КГБ», проверил документы, выяснил, что подозрительная информированность задержанного объясняется несенной когда-то в царском дворце караульной службой, и недвусмысленно посоветовал держать познания свои при себе, попросту говоря, помалкивать во избежание неприятностей[11].

На военной службе произошло и формирование Н. Ф. Чернокова как увлеченного фольклориста. Записывать понравившиеся лирические, рекрутские, игровые

песни он начал еще в 1908 г., но эти записи представляли собой нечто вроде бессистемного песенника. В 1915 г. Черноков заинтересовался солдатскими песнями: «во время праздничных дневных отпусков из казарм полка "в город"... отыскивая по третьеразрядным трактирам певших там народных певцов, за небольшое угощение слушал и записывал их песни». Как отмечал фольклорист, среди этих исполнителей «встречались большие мастера народного пения, с замечательными голосами и богатейшим песенным репертуаром»[12].

Демобилизовавшись в феврале 1918 г., недавний старший унтер-офицер и старший писарь старшего разряда Н. Ф. Черноков вернулся в родное село, вступил в местное общество потребителей, некоторое время состоял в должности сельского писаря, а в конце мая был командирован Кулачинским волостным съездом в г. Томск, где около месяца обучался на Сибирских областных курсах по социализации земли (сохранились его тогдашние конспекты и небольшой, видимо, «сувенирный» гербарий). Традиционные занятия сельским хозяйством Черноков сочетал с общественной деятельностью. Так, в августе-сентябре 1919 г. он принимал активное участие в деятельности красноярского (сельского) культурно-просветительного общества «Свет», работавшего под эгидой культурно-просветительного подотдела неторгового отдела Союза западно-сибирских кооперативов.

В архиве краеведа сохранились членская книжка этого общества, украшенная цитатами из Н. А. Рубакина и девизами типа «Век живи, век учись» и «Скажем, братцы, спасибо науке...»; уведомление из кооперативного Союза о невозможности «по обстоятельствам военного времени» откомандировать в Красноярку «инструктора-культурника» (в этом послании содержался также и призыв к правлению общества принять все меры к тому, чтобы деятельность «Света» не замирала); каталог принадлежавшей обществу народной библиотеки; подписной лист на добровольные пожертвования и т. д. Некоторые документы подписаны председателем правления общества Н. Ф. Черноковым.

Дальнейшая трудовая деятельность Чернокова была напрямую связана с его увлечением книгами. С апреля 1920 г. по ноябрь 1922 г. он работал заведующим и инструктором по организации изб-читален Красноярской районной библиотеки, затем, пробыв короткое время председателем Красноярского сельсовета и успев поступить и даже поучиться в Омском художественно-промышленном институте, с 1 марта 1923 г. по 1 мая 1924 г. трудился библиотекарем в Омской губернской центральной библиотеке имени Пушкина, после чего несколько месяцев снова

заведовал Красноярской районной библиотекой имени тов. Зиновьева (по другим данным – библиотекой омского завода «Энергия»).

Вместе с тем, в Областном историческом архиве имеются документы (Ф. 318. Оп. 2. Д. 1930), согласно которым лишь поздней осенью 1924 г. в связи с «возрождением культурно-просветительной работы в деревне» и, «имея всегдашнее желание и интерес вести эту работу среди крестьян», Николай Федорович добился назначения на должность заведующего Бородинской (Красноярской) районной избой-читальней. 1 ноября он прибыл к месту назначения и незамедлительно был командирован райполитпросветкомиссией и райкомом РКП(б) в г. Омск для покупки учебных пособий и политической литературы. По неизвестным нам причинам райизба-читальня так и не дождалась ни политлитературы, ни своего заведующего, которого ответственные работники Бородинской районной политпросветкомиссии объявили за это симулянтом и дезертиром.

Как бы то ни было, но где-то с середины ноября 1924 г. и в течение почти 11 лет книголюб трудился в занимавшемся реализацией печатной продукции отделе Сибкрайиздата (позже – Омское отделение Книготоргового объединения государственных издательств или КОГИЗа) отборщиком литературы, заведующим отделом «Советский букинист» магазина № 1, заместителем заведующего этим магазином. «Книжник» из «бригады книжников» Черноков имел «Билет ударника», в 1920 – начале 1930-х гг. состоял в профсоюзе работников кооперации и госторговли, в обществах Друзей воздушного флота, «Долой неграмотность» и «Автодор».

Несколько удивляет тот факт, что работавший в городе Черноков числился также и членом колхоза «Бедняк» с. Красноярского, где постоянно проживала его семья. В 1936–1937 гг. он работал «товароведом-книжником» культбазы Омского облпотребсоюза, откуда уволился по болезни и некоторое время жил в родном селе, занимаясь домашним хозяйством. В 1939 г. он опять работал в КОГИЗе, а затем – завхозом Кагановичского райисполкома. Весной 1942 г. по трудмобилизации Черноков был отправлен в г. Каменск-Уральский, где трудился на «Урал-Алюминьзаводе». Домой вернулся, получив свидетельство об освобождении от воинской обязанности в августе 1943 г., снова какое-то время был завхозом райисполкома, а потом – Красноярского дома отдыха Омской «облинстрахкассы». По сведениям, сообщенным Л. Ф. Тихомировым, в 1945 г. Николай Федорович вновь заведовал букинистическим отделом омского книжного магазина «Знание».

С 1954 г., уже будучи пенсионером, Черноков работал по трудовому соглашению в Омском русском народном хоре консультантом по фольклору. Краевед мно-

го сделал для сценического успеха этого прославленного коллектива, был дружен с его первым художественным руководителем Е. В. Калугиной, знаменитой песенницей А. М. Оленичевой, известным солистом Л. И. Шарохой. Собиратель щедро делился с Омским хором своими богатствами, участвовал в конце 1950 – начале 1960-х гг. в его фольклорных экспедициях.

С каждым годом поиски старинных песен становились все более трудными, все реже и реже встречались талантливые народные певцы. В 1957 г. (поездка за песнями в северные районы Омской области) Н. Ф. Черноков записал в своем дневнике: «Много приходилось слышать хороших певцов из народа, а еще больше плохих, но у этих плохих было просто неумение петь и только. А здесь, не умея петь по-народному, он ("дедушка" лет 50–55. – *А. Р.*) не научился и по-благородному, отстал от одного берега и не пристал к другому. Послушав немного, я понял, что для народной песни это уже "человек конченый"».

Время от времени происходили и более удачные встречи, например, в 1958 г. фольклорист записал от некоего Гаврилы Леонтьевича из Колосовки несколько интересных песен, а спустя два года – еще несколько десятков песен, правда весьма неравноценных, среди которых были и городские, полубульварного характера[13]. Интересные находки случались и в родной Красноярке. В дневнике краеведа (запись от 9 января 1958 г.) читаем: «...днем был у бабушки Арины... Там же была бабушка Прасковья (Дудкина, 82 г.). С первых же слов сожаления об ушедшей молодости разговор привел к песне "Уж ты, матушка, наша молодость"... Сегодня я здесь нашел недостающую у меня строку этой песни...»[14]

Как-то Н. Ф. Черноков заметил, что «где песня, там и пляска, они часто сопутствуют друг другу». Сам он был большим знатоком и ценителем плясового мастерства, этого неотъемлемого элемента русской народной культуры. В бумагах краеведа имеется множество доказательств (описание танца «Зеркало», рукописи статей «Русская пляска», «Еще о пляске» и др.). «Еще в детстве, – писал Черноков, – пришлось мне видеть немало народных плясок, а в юности и в последующие годы и узнать их. Русские народные пляски и танцы были очень разнообразны и обширны в своем репертуаре. Первое место среди них всегда занимала наша национальная гордость – "Русская пляска". Слово "пляска" не всегда и добавлялось, а говорилось просто "Русская"»...

В ней, в этой старинной, самой любимой русской пляске, в величавых, полных достоинства и красоты движениях девушки, в сильных и красивых, с удалью, но без

ухарства, движениях парня особенно ярко выявляется характер русского человека с его удалью и сердечностью. У меня "Русская" всегда оставляла сильное впечатление и всегда вызывала чувство гордости за родной народ»[15]. При непосредственном участии фольклориста в репертуар Омского хора вошло несколько интересных плясовых номеров, в числе которых была и пляска «Ямщицкая». И. С. Коровкин вспоминал, с каким упорством разыскивал краевед по старым омским деревням хорошие поддужные колокольцы для оформления этой пляски[16].

Деятельность же Чернокова как фольклориста-любителя, начавшаяся, как уже говорилось, еще в годы его военной службы, не прекращалась на протяжении всех последующих лет. В свободное от работы и домашних дел время, которого явно не хватало и которое приходилось выкраивать, он ходил по деревням, селам и городам Омской земли, отыскивая народных певцов, записывая тексты песен и запоминая напевы. Первую половину 1920-х гг., наряду с годами службы, сам Черноков считал наиболее удачной порой в своей деятельности фольклориста-поисковика. Он записывал песни в Тюкалинске, Таре, Чернолучье, Верблюжьем, в 1921–1922 гг. совершил четыре поездки по Семипалатинскому тракту. В одном из путешествий охотник за народными песнями стал жертвой воров – у него украли книжку с фольклорными записями, восстановление которых стоило ему немалых трудов[17].

«С сумкой через плечо, странствуя по старожильческим селам и деревням бывшей Тобольской губернии, а изредка и по казачьим станицам Степного края, – писал Черноков, – слушал и записывал народные песни и преданья от старика-воротника у ворот деревенской поскотины, где иногда меня заставала ночь... от захмелевшего бродяги в шумном деревенском кабаке, на веселой девичьей вечорке и на разгульной семейной гулянке. Только теперь я вполне понял все многообразие талантов русского народа, как велики, неисчерпаемы его песенные сокровища, какие богатства и красота мелодий, разнообразных и оригинальных. Поняв это, я уже не удивлялся, нередко встречая в народе певцов-художников, певцов-артистов, с чудесными голосами, с изумительным мастерством пения...

Иногда мне казалось, что я мало записываю, не успеваю, что народная песня уходит из жизни вместе с людьми. Нередко так и бывало, я не успевал. Зная о каком-либо хорошем народном песеннике, я, связанный работой в хозяйстве, слишком долго собирался к нему и, когда приходил, [выяснялось, что] он уже спел свою последнюю песню, и я к этой песне не успел... Запоздалые сожаления и сердечная боль

за утрату того, что он унес с собой...»[18] И все-таки фольклорист-собиратель успел записать большое количество старинных игровых, вечеринных, проголосных, рекрутских, солдатских, бродяжьих, тюремных, исторических, плясовых песен, а также массу частушек-однодневок, многие из которых нигде кроме черноковских записей не зафиксированы.

Николай Федорович записывал даже «предоконные причитания нищих». Его интересовали также сведения из области народной медицины, народный календарь, диалектные слова и выражения и в несколько меньшей степени народные предания и сказки. «Случалось, во время летних полевых работ, в пропахшей дымом полевой избушке, в течение ночи и даже двух ночей слушаешь одну сказку от сказочника-бродяги, удивляешься неудержимой фантазии и порой самой чудовищной фантастике ее содержания. Но сказка только развлекала меня, не привлекая к себе и не увлекая на путь ее собирательства. Вероятно, поэтому... я почти равнодушно прошел мимо русской народной сказки, за все время моих странствий записав только около сорока ее текстов»[19].

Фольклориста Н. Ф. Чернокова можно было бы в принципе причислить к краеведам 1920-х гг., продолжавшим свои занятия и в последующие десятилетия. Мы не сделали этого, исходя из следующих соображений. Во-первых, хотелось подчеркнуть, что деятельность его в 1920-е гг. никак не соотносилась с краеведческим движением того времени. Н. Ф. Черноков не состоял ни в одной из тогдашних краеведческих организаций, ни с кем не сотрудничал, был в этом смысле абсолютным одиночкой. И даже как «чистый» фольклорист в течение первых десятилетий своей собирательской деятельности Черноков испытывал тягостное одиночество. У него не было тогда не то чтобы последователей, но и просто коллег, товарищей по увлечению, с кем можно было бы обменяться находками, поделиться впечатлениями и планами.

«... Чувство одиночества, отсутствие какой-либо моральной поддержки, – писал он, – иногда зароняло в душу сомнение: зачем я это делаю? Кому нужны эти крупицы, собранные мной? Не лучше ли все это оставить? Но вместе с этим явилась и мысль, что ведь на моих глазах жизнь изменяется, идет вперед, несет новое, и с этим новым приходят и новые песни, а старая русская народная песня уходит вместе с бытом, часто оставив от хорошего полного текста только коротенький неполный вариант, а иногда не оставив и этого. Все это заставляло меня продолжать мою работу»[20].

Во-вторых, в нашем распоряжении почти нет данных, которые подтверждали бы, что, кроме местного фольклора, Чернокова тогда интересовали и какие-либо другие краеведческие вопросы. Можно сказать даже, что и песни Омского края интересовали его прежде всего просто как русские народные песни (вспомним, что в годы военной службы он с не меньшей страстью записывал песни, слышанные им в Петрограде от выходцев из самых разных краев и земель, причем тогда, как и раньше, его в большей степени привлекали как раз те песни, «которые не пели у нас»). Что же касается странствий фольклориста по дорогам Омского Прииртышья, то они, эти дороги, могли бы, на наш взгляд, увести его далеко за пределы родного края, располагай он соответствующими возможностями.

В 1930-е и последующие годы Н. Ф. Черноков занимался краеведением более широко и углубленно. Продолжая свои фольклористические поиски, он беседовал со старожилами о минувшем, интересовался прошлым отдельных населенных пунктов, собирал материалы по истории сибирской ямщины. Так, в черноковских бумагах встречаются материалы по истории родного села краеведа. Это выписки, касающиеся станции М. М. Сиязова в окрестностях Красноярки, сделанные в 1935–1936 и 1951–1954 гг. фотографии примечательных построек с необходимыми пояснениями (дата постройки, кому она принадлежала или что в ней располагалось и т. д.) и даже фрагментами воспоминаний на обороте, старинные документы (вкладная книжка Красноярского кредитного товарищества, циркуляры и уведомления, полученные в 1916 г. сельским старостой от волостного старшины и станового пристава, предписание местного сельсовета, датированное 1919 г., того же времени письмо в Красноярский ревком с информацией об одном белом офицере, перебежавшем к красным, а до того увезшем неведомо куда двух девиц – сестер Прохоровых и проч.), записи легенд о происхождении богатств зажиточных земляков, проделках конокрадов и т. д.[21]

Краевед Черноков собирал также материалы по истории г. Омска: фотографии и открытки, планы, документы, выписки из журнала «Всемирная иллюстрация» (1897 г.) и «Торгово-промышленного календаря» (1903 г.). Судя по этим выпискам, озаглавленным «К истории г. Омска», краеведа интересовали сведения о Сибирском кадетском корпусе, Омском военно-окружном суде, Общественном собрании, набережной Оми, железнодорожном мосте через Иртыш и, в особенности, о православных и инославных церковных сооружениях. Очень интересны сделанные Н. Ф. Черноковым в 1936 г. приписки о сломе часовни Иверской Божьей Мате-

ри и строительстве на ее месте фотоателье, о начале сноса Братской церкви, костела и пока еще только ограды Ильинского храма, об «обновленцах», занявших третью часть Крестовоздвиженской церкви (теперь собора).

В архиве Н. Ф. Чернокова имеются данные по истории Тары, Тюкалинска, Большеречья, Кабырдака, Ингалов, Замиралова и ряда других населенных пунктов Омской области и сопредельных территорий. В основном это фотографии старинных строений, сделанные во время поездок за фольклором в 1957–1961 гг. спутниками краеведа. К примеру, снимки купеческих особняков и крестьянских построек Большеречья были сделаны в 1961 г. Л. И. Шарохой.

Но есть и иные материалы. Так, в записных книжках Чернокова, датированных 1959 г., зафиксированы отдельные факты из истории сибирского казачества, в том числе почерпнутые из рассказов стариков сведения о событиях Гражданской войны, а также списки казаков, подвергшихся репрессиям в 1921 и 1933 гг. В «Тюкалинских записях» краеведа можно найти воспоминания местных старожилов о ямщиках, купцах, «лошадниках» и кулачных бойцах старого времени. В 1963 г., когда Черноков участвовал в фольклорной экспедиции в Тюменскую область, он не только собирал русские и татарские песни в окрестностях Тобольска, но и, посетив Тобольский краеведческий музей, внес в свою записную книжку целый ряд сведений по истории Сибири.

Интересно, что в 1959 г. тюкалинские газетчики обратились к Николаю Федоровичу с просьбой дать для публикации материалы по истории района, особенно за 1917–1919 гг. Мы не располагаем данными о том, что краевед проявлял к этому неспокойному времени какой-то особый интерес. Думается, гораздо больше занимала его народная жизнь как раз дореволюционной Сибири. Известно, правда, что Черноков собирал сведения о руководителе партизанского движения в тарских урманах Артеме Избышеве, но последний интересовал его опять же не как герой Гражданской войны, а как яркий образчик русского удальца[22].

Это черноковское неравнодушие к русской удали было, наверное, наследственным, ямщицким, так же как и безграничная любовь краеведа к лошади, соперничавшая, вернее, переплетавшаяся с его песенной страстью. «На первом месте у меня всегда была песня. Песня и лошади», – говорил Н. Ф. Черноков И. С. Коровкину. В его архиве есть материалы об омском ипподроме. Николай Федорович переписывался с сотрудниками Музея коневодства и известным художником-баталистом Н. С. Самокишем, оформлявшим в начале века «Вестник русской конницы»,

интересовался историей кавалерии. Тема «Лошади» была одной из самых любимых тем Чернокова – коллекционера художественных открыток. Он собирал книги о лошадях, выискивал публикации о них в периодике, писал сам (например, рассказ «Вороные»). В дневнике краеведа за 1945 г. читаем: «Мысль начать работу над подготовкой к "Русскому Декамерону" меня не покидает... Ряд лиц уже намечен - это всё фанатики конного спорта, лошадники-конелюбы, владельцы бегунцов, одномастных подобранных троек, любители отчаянной, ухарской езды. И еще записать материал о конокрадах, с исключительными фактами, которые я знаю»[23].

В дневнике И. С. Коровкина (1969 г.) имеется переписанный им текст Н. Ф. Чернокова – нечто вроде плана-конспекта еще одной задуманной книги. Краевед собирался писать о народных лекарях, гармонистах и певцах, ярмарочных борцах, мастерах, купцах, кожевенных заводчиках, мельниках, а также о местночтимых иконах, ярмарочной торговле, трактирах, кабаках, игре в «орлянку». Первые семь разделов конспекта посвящены опять-таки лошадям и «лошадникам»: ямщикам почтовым и разбойникам, извозу, любителям лошадей, шорникам и сбруям, коновалам-знахарям, охоте верхами на волков. Интересно и показательно, что любимыми литературными образами Николая Федоровича были «бродячий певец-странник, певец-бродяга, горемыка, певец-собиратель народных песен», «удалой ямщик-певун, ямщик-троечник, любитель и знаток лошадей» и, наконец, «книголюб-собиратель». «Только жаль, – писал Черноков, – что в литературе все они встречаются не часто»[24].

Настоящей кладезью краеведческих сведений, главным образом, касающихся опять-таки народной культуры, народного быта, является черноковская мемуарная и «фольклорная» проза. Прежде всего следует назвать записки краеведа, которые начинаются словами: «Это воспоминания и впечатления мальчика из зажиточной сибирской крестьянской семьи, увиденном и пережитом, изложенные в доступном ему понимании». Будучи уже совсем не ребенком, мемуарист смог передать свои детские впечатления, сохранив присущие им когда-то восторженность и непосредственность. Когда были написаны эти воспоминания, сказать трудно. Известно лишь, что вечером 11 января 1953 г. Черноков переписал их в простую ученическую тетрадку, сделав на ее обложке надпись: «Отрывки (материал для воспоминаний)». До этого момента «Отрывки», надо полагать, были разбросаны по страницам многочисленных дневников краеведа.

Нельзя не упомянуть также черноковские «Автобиографический эскиз» (1958 г.) и «Автобиографические записки». Эти тексты так же, как и названный выше, в свое время переписал, сохранил и даже подготовил к печати в качестве раздела так и не увидевшей свет книги Н. Ф. Чернокова «Сибирские песни и игры. Воспоминания о старой Сибири» его близкий друг и единомышленник, краевед И. С. Коровкин[25]. Весьма любопытны и содержательны в историко-краеведческом плане и «Воспоминания о призыве в армию» (1960 г.), в которых Н. Ф. Черноков подробно описал Баженово: «Призывной пункт был в селе Баженово. Да ведь нигде вы не найдете о призывных пунктах в Сибири. А что там делалось! Сколько драк было, сколько песен, сколько гармошек!»[26]. Действительно, нигде, кроме как у Чернокова, не встретишь подобного описания места, куда съехались окрестные призывники – своевольная, порою буйная и куражистая сибирская молодежь.

То, что было названо выше «фольклорной» прозой Н. Ф. Чернокова, представляет собою бывший, видимо, достаточно большим цикл рассказов, не столько написанных, сколько записанных краеведом-фольклористом. В черновике его письма Т. Н. и М. Д. Чумаковым (январь 1964 г.) читаем: «В народе было такое поверье, что если нужно вернуть откуда-либо издалека близкого человека, то стоит только в церкви за литургией "подать по нем" панихиду и помянуть его (живого) за упокой, то где бы он ни был, "не вынесет" навалившейся на него тоски по дому (по человеку), вернется. Прибегали к этому очень и очень редко – это был страшный грех. Вот на основе этого поверья я вечерами написал рассказ (не выдумывал, описал только факт, записанный мною лет пятьдесят тому назад). Хотя и закончил, но не доволен, начало кажется растянутым и еще нет у него названия».

По всей вероятности, Н. Ф. Черноков пытался переделать свой написанный еще в январе 1938 г. (именно так датирован машинописный экземпляр, подаренный Черноковым Палашенкову в конце 1967 г.[27]) рассказ «Панихида» (подзаголовок: «Из народных поверий»). Переписывать «Панихиду» Николай Федорович стал, возможно, в связи с задуманным им несколько ранее циклом рассказов о старой Сибири. В декабре 1958 г. он писал С. В. Линецкому: «Давным-давно у меня собран интересный бытовой материал из прошлого Сибири. Этот цикл я так и назвал "Из былых дней Сибири". Кое-как собрался и недавно начал первый рассказ "Стерпится – слюбится"... Работа идет медленно...»

Из названного цикла рассказов нам удалось найти и опубликовать лишь два полных текста[28]. Рассказы «Кашемировое платье» и «Люб-трава» известны пока

лишь фрагментарно или в черновом варианте. Что же касается «Попутчика» и других рассказов цикла (если таковые существовали), то их поиски, к сожалению, оказались безрезультатными[29]. Однако и то, что известно, т. е. прозаические произведения Чернокова-фольклориста так же, как и произведения Чернокова-мемуариста, являются, как уже отмечалось, весьма ценными источниками краеведческой информации. Эти произведения выдают не только писательский дар их автора, но и явное неравнодушие его к родной сибирской старине.

Сотрудничал Черноков и с областным краеведческим музеем, был членом его ученого совета. Известно, что будучи признанным знатоком редкой книги, он не раз командировался в Москву и Ленинград с целью приобретения книг для областной научной библиотеки, а в 1947 г. Н. Ф. Черноков предпринял аналогичную поездку по заданию музея, заметно пополнив в итоге его книжное собрание. Известны и намерения краеведа пополнить это собрание своим личным вкладом. В один из зимних дней 1958 г. он записал в дневнике: «Пересмотрел старые, пятидесятилетней давности и немножко позднее, газеты. Решил передать в библиотеку Омского краеведческого музея. Кроме газет есть воззвания времен Февральской революции и Гражданской войны. Кое-чего из имеющегося у меня в библиотеке, вероятно, нет»[30].

Краевед Черноков участвовал в формировании некоторых разделов музейной экспозиции, в частности, раздела, посвященного истории сибирской ямской гоньбы[31] (в 1959 г. директор музея М. И. Агеев обратился к председателю тюкалинского райисполкома с письмом, содержавшим просьбу оказать помощь «активисту музея» Н. Ф. Чернокову в сборе материалов по теме «Сибирская ямщина»). Надо полагать, и консультационная помощь краеведа была весьма полезной областному музею.

Наконец, говоря о краеведческой деятельности Чернокова в 1930–1960 гг., нельзя не отметить, что в это время перестало быть фактом его своеобразное фольклорно-краеведческое одиночество. В рассматриваемый нами период Николай Федорович достаточно активно общался с другими исследователями края, среди которых были П. Л. Драверт, М. В. Мальцев, В. С. Аношин, А. А. Зубков, Е. Н. Евсеев. Связь с Омским отделом Географического общества Черноков поддерживал через С. Р. Лаптева. Очень дружен был краевед и с уже не раз называвшимся И. С. Коровкиным.

Судя по записи в дневнике Ивана Семеновича, познакомились они в 1946 г.: «6 января... Был у книгособирателя Н. Ф. Чернокова. Высокий, с широким откры-

тым лицом, крестьянским, умным. Как страстно любит книги и как много знает! Русскую литературу – всю: от Ломоносова... до Бажова». Уже на следующий день Черноков нанес Коровкину ответный визит (Ново-Архангелка, где жил тогда Коровкин, и Красноярка находятся всего в нескольких километрах одна от другой, разделенные Иртышом) и рассказал ему о том, что когда-то через Замиралово проезжала одна, следовавшая в Якутск, английская путешественница и оставила на память о себе "карточку"»[32].

На протяжении всех последующих лет эти два краеведа активно контактировали, демонстрируя плодотворное творческое содружество. «Николая Федоровича вижу часто, живем мы с ним душа в душу, при встречах наговориться не можем... Говорим о собирании фольклора, читаем друг другу записанное... иногда он споет песни старожилов-сибиряков, почти всегда с любовью вспоминает прошлое (молодые годы) и читает свои дневники», – писал в июне 1954 г. Коровкин Палашенкову[33].

С последним Н. Ф. Черноков общался достаточно часто и много. Они встречались в музее, в областной библиотеке, в домашней обстановке (Черноков бывал на квартире у Палашенкова, а тот приезжал к нему, как уже отмечалось выше, в Красноярку), Палашенков навещал близкого ему по духу краеведа в больнице, куда Черноков угодил в тяжелом для него 1964 г.[34] (В письме Н. Ф. Кобылину Николай Федорович писал: «...Последние 12 лет я совершенно не следил за своим здоровьем. Было некогда. Но 1964 год сразу подвел итог всем поездкам и походам, до полуночи просиженным ночам и чрезмерному физическому труду в короткие наезды домой».)

Известно, что именно Н. Ф. Черноков сообщил А. Ф. Палашенкову данные о «воровской дороге» – тайной тропе омских конокрадов, а в 1960 г. Палашенков предложил Чернокову съездить в Любинский район и на месте установить, где находились речка Воровская и деревня Воровская. Поездка краеведов состоялась и была очень интересной. От Чернокова почерпнул Палашенков и сведения о Бутырском кладбище (в 1927 г. Николай Федорович зарисовал надгробие находившейся там и уничтоженной позже вместе с кладбищем могилы П. П. Аносова) и Братской церкви, в частности то, что работы по ее перестройке велись по проекту известного архитектора А. Н. Бенуа. Н. Ф. Черноков узнал это еще в 1921 г. от студента омского Худпрома Е. Н. Семенова, вместе с которым «ходил посмотреть живопись и архитектуру» этого храма[35].

Николай Федорович Черноков. 1936 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА
Лейбъ-Гвардіи
МОСКОВСКАГО
ПОЛКА
Чернаковъ
Николай Федоровичъ
Роты 10
Взвода 3
Отдѣленія 2
на 1914—1916 г.
Личный № 58.

11
Имя Николай
Отчество Федоровичъ
Фамилія Чернаковъ
На службѣ съ „1" Января 1914 г.
На правахъ Общихъ
Въ полку съ „28" Ноября 1913 г.
Изъ сословія Крестьянинъ
Губерніи Тобольской
Уѣзда Тюкалинскаго
Города или волости Кулачинской
Села или деревни с. Красноярскаго
Вѣроисповѣданія Православный
Холостъ или женатъ Холостъ
Знаетъ мастерство Плотникъ
Прохожденіе службы.
Ефрейторомъ съ 1915 г.
Младш. унт.-офиц. съ 19 г.
Старш. унт.-офиц. съ 19 г.

25 Мая 1914 г. Лагерь подъ Крас. Селомъ
Здравствуйте дорогіе мои Тятя, Анфиша, Зина, Жора, Алеша, Ваня, Дѣдушко, Бабушка, Вася, Анушка, Катя, Саня, Василій Василичъ, Паша. Тятя! письмо ваше я получилъ 20го Мая. Въ лагерь мы пришли 8го Мая не задолго до выступленія въ лагерь я послалъ вамъ письмо не знаю получили вы его или нѣтъ. Первое время погода стояла хорошая а теперь идутъ дожди.
Поздравляю васъ съ праздникомъ св. Троицы, днемъ Св. Духа. Въ предыдущемъ письмѣ я у васъ кое что спрашивалъ пожалуйста напишите.
Сегодня дождь идетъ начинающуюся нѣсколько разъ.
Остаюсь усиль и здоровъ Вашъ сынъ Николай.
Андрюша пишетъ!!!

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
Г. Омскъ
Кулачинская волость село Красноярское
Федору Платоновичу Чернокову
С.-Петербургъ

На военной службе. 1913–1918 гг.
Из архива Н. Ф. Чернокова

Документы Первой мировой войны и Великой Российской революции 1917 г.
Из архива Н. Ф. Чернокова

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Г. Омскъ

Курганная волость село Крапивинское

Зинаиде Федоровне

27-го Августа 16-го года

Здравствуй Зина!

Поздравляю тебя привѣтомъ и ушлю. Письмо твое и Омскъ получили, за что спасибо. Мы теперь в Петроградѣ. Переѣхали 24-го Августа

Новинки у насъ пока никакихъ. Зина где теперь Андрей и что у всѣхъ в Крапивинском нов. Напиши все. Жду писем!

Досвиданья Зина!

Твой Ефимъ

От Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ населенію Петрограда.

Граждане!

Контръ-революція подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуютъ силы, чтобы раздавить Всероссійскій съѣздъ Совѣтовъ и сорвать Учредительное Собраніе. Одновременно погромщики могутъ попытаться вызвать на улицахъ Петрограда смуту и рѣзню.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатов беретъ на себя охрану революціоннаго порядка отъ контръ-р... щихъ и погромныхъ покушеній.

Гарнизонъ Петрограда не допуститъ никакихъ насилій ... чинствъ. Населеніе призывается задерживать хулигановъ и чер... ныхъ агитаторовъ и доставлять ихъ комиссарамъ Совѣта въ ... жащую войсковую часть. При первой попыткѣ темныхъ элемент... вызвать на улицахъ Петрограда смуту, грабежи, поножовщину ил... стрѣльбу—преступники будутъ стерты съ лица земли.

Граждане! Мы призываемъ Васъ къ полному спокойствію и самообладанію. Дѣло порядка и революціи въ твердыхъ рукахъ.

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦІОННЫЙ КОМИТЕТЪ.

24 Октября 1917 года.

Списокъ полковыхъ частей, гдѣ находятся комиссары Военно-Революціоннаго Комитета Петр. Сов. Р. и С. Д.

О всѣхъ случаяхъ контръ-революціонныхъ погромныхъ и т. п. выступленій немедленно надо увѣдомлять по указаннымъ телефонамъ. Помочь будетъ дана тотчасъ-же.

Переписчатая воспрещается

Дорогой Товарищъ! Коля

Беру перо въ руки,
Пишу письмо отъ скуки,
Беру перо золотое,
Пишу письмо дорогое.
Перо мое заскрипѣло
Сердце во мнѣ заиграло.
Лети, лети мое письмо, возвращайся
Въ руки никому не давайся!
Дайся въ руки тому,
Кто рядъ письму моему,
Кто моему письму рядъ,
Тотъ прилетитъ отвѣтъ назадъ
Ты лети, въ родимый край,
Тамъ увидишь свѣтлый рай
И увезжимъ все правду мою,
Что мнѣ скучновато жить въ чужомъ краю,
Безъ знакомыхъ и родныхъ
И безъ друзей дорогихъ.
Обо мнѣ не безпокойтесь
Я слава Богу здоровъ.
Ну бать кланяюсь съ переда и сзаду,
Шатаясь досвиданья. Очень не скучайте,
А можетъ быть и съ Георгіемъ меня ожидайте.

Съ почтеніемъ Твой другъ Ефимъ.

Изданіе Р. М. Дворянскаго, Омскъ, Лавр. хуторъ. Широкорядовская № 7.
Печатать разрѣш. Омскъ, тип. „Иртышъ", арендъ Керенск. 50.

№ 5443

ГЛАВНАЯ КОНТОРА

Акц. О-ва Изд. Дѣла „КОПѢЙКА"

Литейная, 111; Телефонъ № 98-10.

При перемѣнѣ адреса Гг. городскіе подписчики благоволятъ предъявлять Квитанціи и уплатить 10 к. а Гг. иногородніе—прислать 20 к. и извѣстить, гдѣ чего перешлютъ адресъ не можетъ быть сдѣланъ.

Принята подписка на I-е ИЗДАНІЕ „Газеты-Копѣйки"

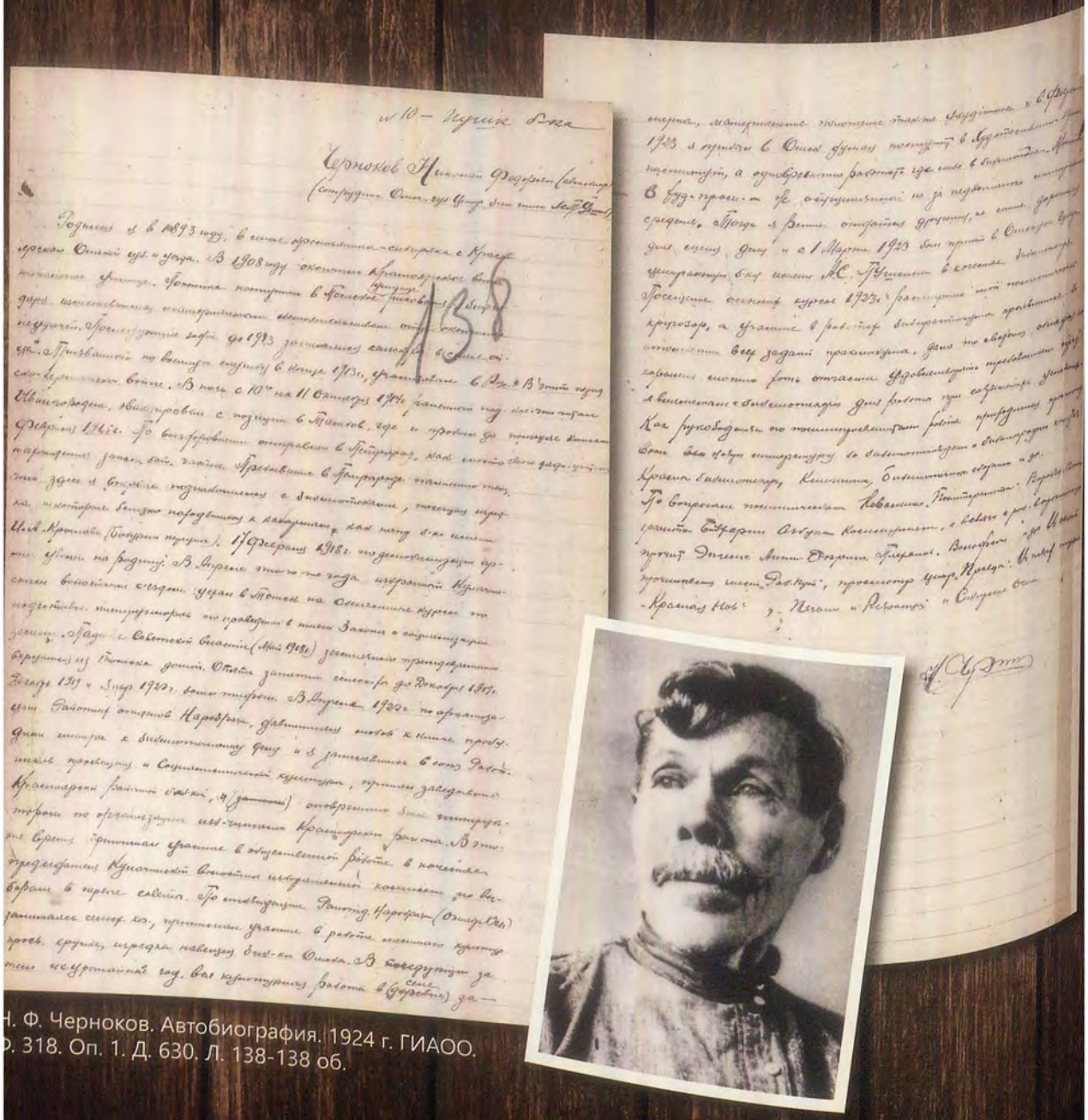
Отъ Г. Юрьикова

съ февр. до Авг.

Марка 5 к.

Получено 2 р. 80 к.

Принята 28 19 16 года.



Н. Ф. Черноков. Автобиография. 1924 г. ГИАОО.
Ф. 318. Оп. 1. Д. 630, Л. 138-138 об.

Дом Н. Ф. Чернокова в Красноярке

20/V

ПАСПОРТЪ.

Выданъ Кулачинскимъ Волостнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ [1])

1. Вѣроисповѣданіе: Православного
2. Время рожденія или возрастъ: 26 л.
3. Родъ занятій: Хлѣбопашествомъ
4. Состоитъ ли или состоялъ ли въ бракѣ: Холостъ
5. Находится при немъ:
6. Отношеніе къ отбыванію воинской повинности: Отдыха
7. Подпись (владѣльца паспорта): Николай Чернокова

При неграмотности предъявителя обозначается его примѣты:
Ростъ:
Цвѣтъ волосъ: Грамотный
Особыя примѣты:

Предъявитель сего Омской обл. Омскаго уѣзда, Кулачинской волости села Красноярского Николай Федоровъ Чернаковъ уволенъ въ разные города и селенія Россійской Имперіи отъ инженисаннаго числа по двадцать восьмое Апрѣля 1919 года.

Данъ, съ приложеніемъ печати, тысяча девятьсотъ восемнадцатого года Апрѣля двадцать восьмого дня.

[2]) Предсѣд. Комитета М. Шерстнева
Секретарь Н. Шерстнева

БЕЗПЛАТНО. На срокъ не болѣе одного года.

ОТСРОЧКА.

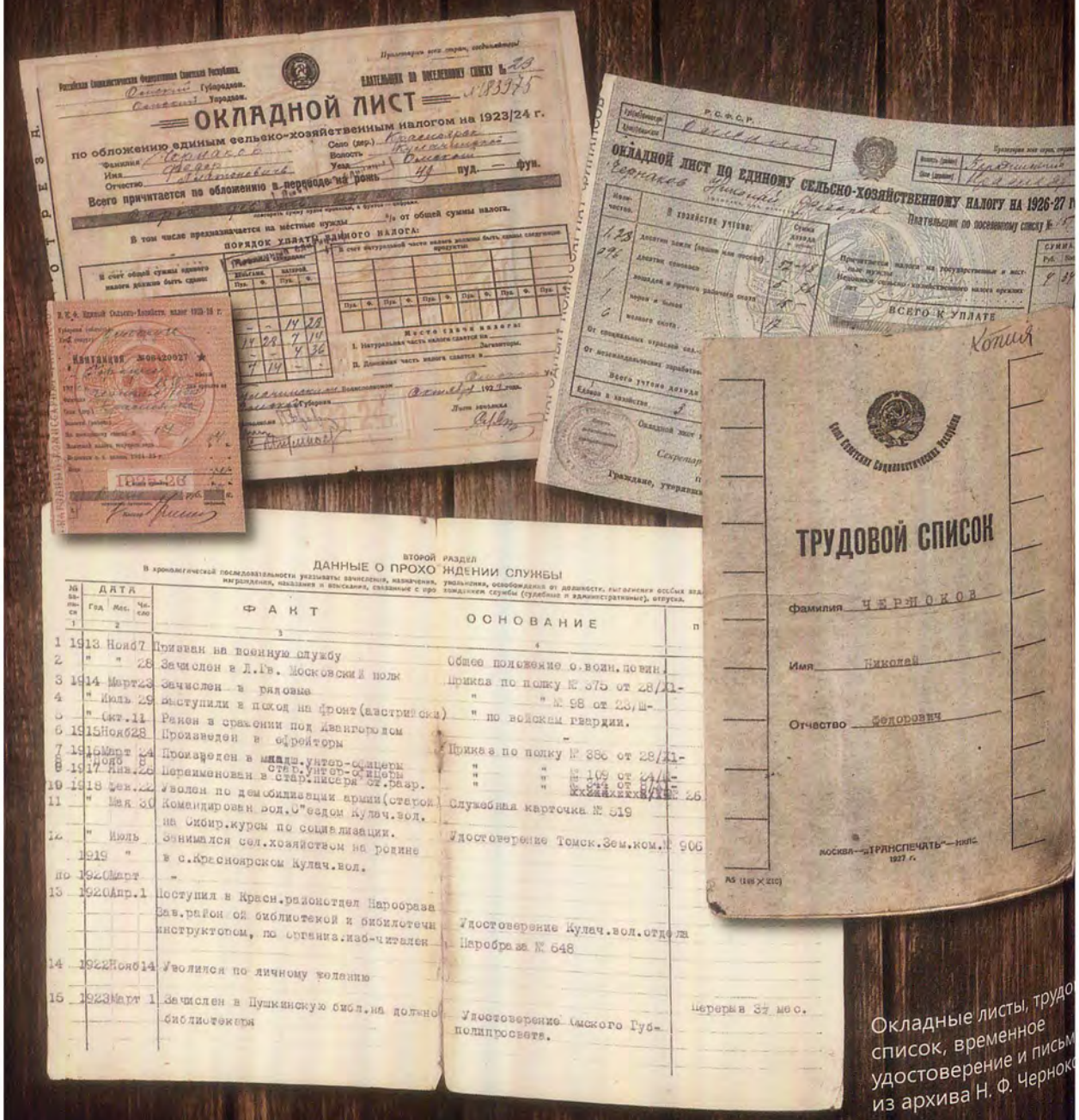
Выдана [1]) , т.-е. до года.

Дѣйствіе сего паспорта отсрочено на [2])

Паспорт Н. Ф. Чернокова, выданный Кулачинским волостным Исполнительным Комитетом 28 апреля 1918 г.

Почтовые карточки, членские билеты и «Билет ударника» из архива Н. Ф. Чернокова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Трудовой народ, строй Воздушный Флот.
ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА СССР.
ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ
МОПР
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ (Секция СССР)
ЧЛ-НСКИЙ БИЛЕТ
№ 1 4029975
Фамилия
Имя и отчество
Время вступления
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Ликвидация неграмотности — дело самих трудящихся.
ОБЩЕСТВО „ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ"
ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ
Москва. 1927 ЦСОДН.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
БИЛЕТ УДАРНИКА
Ударник—строитель социализма
БИЛЕТ УДАРНИКА
Фамилия
Имя и отчество
Член союза
Место работы
Специальность
Бригада
Самоприкрепление
Премирован
Выдан
Подпись
Кварт.
Задание
Исполнено
Подпись
Места для фотограф. карточки



Окладные листы, трудо
список, временное
удостоверение и письм
из архива Н. Ф. Черноко

Город
Каменск-Уральский
Челябинская обл.
Красногорское п/отд.
Военный поселок барак № 2
Получить Чернакову
Николаю
Федоровичу

ПРОСМОТРЕНО
Военной цензурой
О М Ж К
140

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Действительно на 6 м-цев

Владельцем настоящего удостоверения является:

1. Фамилия, имя и отчество Чернаков Николай Федорович
2. Время и место рождения 1892 г. с Красноярск. Кагановичск р-на Омск обл.
3. Национальность русский
4. Социальное положение рабочий
5. Отношение к военной службе в/об
6. Собственноручная подпись

№ 2116

Дата выдачи 29 мая 1943 г.

7. Кем выдано удостоверение гор отд милиции г Каменск. Уральск Свердл обл
8. На основании каких документов выдано удостоверение в/б 1/1 х 40 г. Кагановичск РВК
9. Лица, внесенные в удостоверение владельца:

№№ по пор.	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Отношение к влад. удостов.	На основании каких документов вписаны и кем

Начальник милиции
/Нач. паспортного стола Шкребко

Н. Черноков.

ТЕТРАДЬ
по Частушки учени
Записанные в Горноч. Башни,
Новом пути, Покровке,
Алексеевке и в Ильинке,
Ульяновскаго р-на, Омской обл.
Февраля 6-18. 1956 г.

Тетрадь Н. Ф. Чернокова с частушками, записанными в 1956 г.

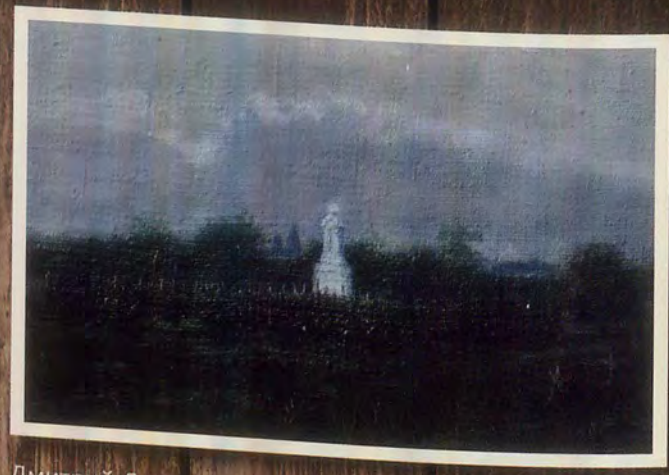
За песням

Н. Ф. Черноков (справа) и Л. И. Шароха с народной песенницей А. Н. Мартыновой

Из коллекций Н. Ф. Чернокова

Из коллекций Н. Ф. Чернокова

РУССКИЕ СКАЗЫ И БЫЛИНЫ
Н. М. КОЧЕРГИН
РИСУНКИ К СКАЗКЕ П. П. ЕРШОВА
КОНЕК-ГОРБУНОК
ИЛЛЮСТРАЦИИ К СКАЗКАМ К. ЧУКОВСКОГО



Дмитрий Логачев. Братская могила красногвардейцев, погибших в бою под Марианов кой, на Казачьем кладбище г. Омска. Х., м. Марьяновский районный краеведческий музей

Работы омских краеведов, изданные в конце 1940-х – 1960-е гг.

Когда 27 сентября 1968 г. Н. Ф. Чернокова не стало, А. Ф. Палашенков, гостивший тогда у своих родных в Смоленске, узнал об этом, скорее всего, из письма И. С. Коровкина. В ответных посланиях Коровкину Андрей Федорович писал: «Не ожидали мы такой быстрой его развязки с жизнью. Не хочется верить этому. Так много было у него красивых планов – и вдруг смерть...» (24 октября 1968 г.). «..Эту открытку (с видом Смоленского собора) берег для нашего милого Николая Федоровича. Он любил святыни. В 1969 г. мы собирались с ним посетить Владимир, Ростов Великий и др. места, где сохранилась древняя Русь. Теперь и Вы, и я осиротели. Николай Федорович относился к тем немногим, с которыми никогда не наговоришься. Помню в одну из поездок... мы у костра на берегу Камышловки проговорили всю ночь, до рассвета, и будто только начали беседу. Очень хочется по достоинству увековечить его память... По приезде в Омск при первой возможности поеду поклониться [его] могиле...» (18 ноября 1968 г.).

«Думы о Николае Федоровиче не выходят из головы. Был ли напечатан некролог в "Омской правде"? Если был, постарайтесь, пожалуйста, достать вырезку для меня... Хорошо, что похоронили Н. Ф. не на душном городском кладбище (Н. Ф. Чернокова умер в Омске. – *А. Р.*), а под красноярскими родными березками, среди дорогих его сердцу. Сфотографирована ли могилочка? Все меня интересует...» (29 ноября 1968 г.). В сентябре 1969 г. А. Ф. Палашенков сообщал тому же И. С. Коровкину: «...Могилу Николая Федоровича посетил, преклонил перед ней колени... Тяжело мне было проходить и проезжать по улицам Красноярки. Многое напоминает о дорогом Николае Федоровиче...»[36]

Практически во всех этих письмах А. Ф. Палашенкова есть фразы, достаточно ярко характеризующие Н. Ф. Чернокова и как краеведа, и как книгособирателя, и вообще как интеллигентного русского человека. Эти краткие и вместе с тем емкие характеристики так или иначе уже приводились выше. Заметим, что подобные оценки личности и деятельности краеведа-фольклориста встречаются и в других документах, например в письме И. С. Коровкину московского литератора В. Ф. Бокова. По выражению этого хорошо знавшего Чернокова и дружившего с ним поэта, Николай Федорович, «образец высокой нравственности, скромности и нехвастливого трудолюбия», «знал столько о Сибири, что записанное с его слов могло бы составить энциклопедию» края[37].

Вероятно, как и в случае с Н. Ф. Черноковым, краеведческие интересы тарчанина ***Аркадия Викуловича Ваганова (1892–1978)*** сформировались еще до начала

1930-х гг., но именно в эти годы он стал одной из заметных фигур краеведческого движения в Омском Прииртышье. Краевед родился в с. Аскино Бирского у. Уфимской губ. в крестьянской семье, в 1912 г. выпустился из Благовещенской (Уфимская губ.) учительской семинарии, некоторое время учительствовал, а затем был призван на военную службу[38]. Выпустившись в 1916 г. из Псковской школы прапорщиков, служил прапорщиком в 37-м запасном и 525-м пехотных полках императорской армии, а с сентября 1918 г. – в белой армии, в составе 14-го Уфимского стрелкового полка, и уже в чине подпоручика. 17 августа 1919 г. колчаковский офицер Ваганов был взят в плен красными и продолжил свою военную карьеру уже в Красной армии[39].

Дочь краеведа Вера Аркадьевна поведала нам следующую бытовавшую в их семье версию военно-политического метаморфоза: ее отец и его фронтовой товарищ Культин оставили свою часть и в течение нескольких месяцев скрывались в тарских урманах. Местные крестьяне-охотники обнаружили их в таежной избушке и сообщили о наступлении частей Красной армии, навстречу которой и двинулись недавние дезертиры[40].

В 1920 г. А. В. Ваганов служил секретарем и исполнял обязанности «начполита» в Тарском уездном военкомате, осуществлял мобилизационные мероприятия в с. Муромцево, судя по одному из документов его личного архива, «отличался большой внимательностью, исполнительностью, вдумчивостью, энергией и великолепной дисциплинированностью». Вскоре Ваганов был отозван со службы Тарским оргбюро РКП(б) «для исполнения должности секретаря». Будучи членом партии, он занимался политической работой в селах уезда, а также активно сотрудничал с «Тарскими известиями», причем, «благодаря присущим ему энергии и незаурядному таланту, приносил газете большую пользу»[41].

Поступив тогда же, в 1920 г., в распоряжение Тарского отдела народного образования, А. В. Ваганов в течение двух лет работал заведующим подотделом единой трудовой школы, а затем уехал на родину, где в 1923–1924 гг. был руководителем (воспитателем) в дефективном отделении Башкирской областной нервно-психиатрической больницы. В середине 1920-х гг. педагог теперь уже навсегда вернулся в Тарское Прииртышье и в 1925–1932 гг. заведовал Кондратьевской, Бергамакской, Князевской школами, школой № 3 г. Тары, преподавал в тарском педучилище и школе колхозной молодежи[42].

Выше уже отмечалась роль А. В. Ваганова в организации Тарского окружного бюро краеведения и музея местного края. Когда 20 августа 1937 г. бюро было лик-

видировано, краевед записал в своем дневнике: «С работой покончено», а через месяц директор музея Ваганов был «снят» как «не обеспечивший руководства и не заслуживающий политического доверия» Некоторое время он трудился в Тарском окружном архиве, но уже 25 ноября 1937 г. был арестован и на свободу вышел только 7 марта 1939 г., когда дело, возбужденное по наиболее «популярной» в те времена статье 58-10 УК РСФСР, было прекращено Тарским окружным отделом НКВД «за недостаточностью собранных улик». Как видим, изредка случалось и такое.[43]

Краевед был восстановлен в прежней должности, но в 1942 г. резко и, скорее всего, вынужденно изменил профиль своей деятельности: в 1942–1944 гг. заведовал пасекой в колхозе им. Н. С. Хрущева, после был внештатным инструктором по пчеловодству при Дзержинском райземотделе, в 1946–1949 гг. работал в Тарском райсельхозотделе, а с 1949 г. и до выхода на пенсию в 1952 г. состоял пчеловодом и руководителем кружка юных натуралистов на Тарской детской технической и сельскохозяйственной станции[44].

Затрагивался выше и вопрос о роли А. В. Ваганова в возрождении краеведческого музея в г. Таре. Как уже отмечалось, во второй половине 1960-х гг. он входил в группу пожилых энтузиастов тарского краеведения, сумевших справиться с этой нелегкой задачей. Что же касается других направлений деятельности краеведа, живо интересовавшегося геологией, ботаникой, археологией, историей Тарского Прииртышья на протяжении всех 1930–1960-х и отчасти 1970-х гг., то речь о них пойдет ниже.

О совместных с Ф. В. Мелехиным исследованиях Тарского Прииртышья, осуществлявшихся А. В. Вагановым в начале 1930-х гг. также уже рассказывалось. Добавим, что, по выражению А. А. Жирова, краеведам удалось возбудить общественное мнение и привлечь к таежному краю внимание специалистов. Так, уже в 1932 г., профессор П. Л. Драверт произвел разведку бурых углей по р. Абросимовке, в 1934 г. профессор В. В. Ассонов с помощью А. А. Федотова и А. В. Ваганова обследовал ряд мест обнаружения полезных ископаемых в районе Екатерининского, Михайловки и других населенных пунктов Тарского края. Двумя годами позже геолого-разведочная партия инженера Г. П. Быкова изучала залежи мергеля близ Нерпинки, профессор Л. А. Кулик занимался поисками Васисского метеорита, а профессор В. Ф. Семенов предпринял ботаническую экспедицию в Знаменский район[45].

Данные о достаточно активных геологических изысканиях А. В. Ваганова в 1930-х гг. содержатся в известном дневнике краеведа в виде выписок. К примеру,

в сентябре 1936 г. он составил описание залежей мергеля, бурых углей, минеральных красок и изготовил экспонаты «Геологи и краеведы в поисках» и «Стратиграфическая схема рыхлых толщ бассейна р. Уй и правобережья Иртыша» для окружной сельскохозяйственной выставки, а в декабре того же года выезжал в Колосовский район для проверки сведений о месторождении графита в окрестностях с. Кубрино. («...Расспросы, безрезультатно, шурф в 120 см, где был найден подозрительный камень "графит"; пробовал достать породу из озер, но неудачно; заполнил анкету на озеро Пестрое, ходил на оз. Малое в 3-х км от Кубрино, взял пробу воды»).

Летом 1937 г. краевед нашел тарский мергель и произвел его пробный обжиг в Нерпино, обнаружил битумы в глинах у с. Екатериновки, разведал залежи фосфоритов, запасы торфа и минеральных красок, собрал пробы горючего газа на р. Аркарке в полутора км от Тары, на речке Жареной он также наблюдал выходы газа («газовые пузырьки появляются на поверхности небольшого заливчика... в одной из точек газ выходит постоянно через промежутки в 1–2 секунды... плавающая тонкая пленка»).

Посетив те места поздней осенью, Ваганов обнаружил крупный выход природного газа и 8 ноября записал: «В месте выходов наиболее сильных струй газа вода в речке не замерзла, а вокруг вполне можно было ходить по льду взрослому человеку. Необходимо понаблюдать за местом выхода газа после наиболее сильных морозов зимой». Спустя десять дней он вновь побывал на месторождении и нашел, что в местах выхода газа лед очень тонок, не выдерживает тяжести человека, тогда как вообще речка покрыта толстым слоем льда, а через Иртыш уже переезжают на подводах. «Выделение газа такое же интенсивное, как и... в момент обнаружения»[46].

Имеются сведения о том, что в 1939 г. А. В. Ваганов и И. П. Хворов обследовали местные мергели и вивианиты на предмет использования их в качестве удобрений[47]. Надо полагать, краевед обладал достаточным опытом и навыками геологических поисков. В 1950 г. он был приглашен на работу в геологический отдел одной буровой партии. Работа эта была временной, что, однако, вполне устраивало Ваганова. «Я... сумею уйти оттуда в любое время, – писал он Палашенкову, – самостоятельная работа всегда интереснее, чем работа по заданию»[48].

Отметим также, что в активе А. В. Ваганова имелся и ряд публикаций геологической тематики. В 1956 г. в тарской районной газете «Ленинский путь» под рубрикой «Изучай свой край» была напечатана его статья о геологическом прошлом

Тарского Прииртышья. В 1957 г. в том же издании увидели свет три работы Аркадия Викуловича о местных полезных ископаемых: торфе, буром угле, минеральных красках и даже о небольших залежах железной руды[49]. В архиве А. Ф. Палашенкова отложились рукопись и машинописный экземпляр статьи А. В. Ваганова о геологическом изучении Тарского Прииртышья в исторической ретроспективе. С несколько измененным заглавием этот материал был опубликован в Таре в 1956 г.[50]

Видимо, в связи с занятиями геологией интересовали краеведа и находки образцов ископаемой флоры и фауны. В его дневнике имеются записи 1936–1937 гг. об обработке им нескольких коллекций ископаемой растительности, приобретении у местных жителей двух бивней мамонта и т. д. Известно также, что 23 октября 1938 г. А. В. Ваганов заполнил по просьбе А. Ф. Палашенкова «анкету учета памятников», т. е. мест находок костей крупных млекопитающих четвертичного периода[51].

Не оставлял Ваганов своим вниманием краеведа-натуралиста и представителей современного растительного и животного мира. В тех же дневниковых записях находим сведения о подготовке им в 1936 г. экспонатов «Мексиканский томат», «Наши дикорастущие медоносы», «В поход за советскими дубителями», о сборе и оформлении коллекций хлебных (тогда в Тарском крае были собраны рекордные урожаи пшеницы овса и ячменя) и кормовых культур, об отправке во Всесоюзный институт растениеводства гербария и семян молочая, а также данных об урожае этого растения на опытном участке[52].

Интерес к ботаническим исследованиям А. В. Ваганов проявлял на протяжении практически всей своей деятельности по изучению местного края. «Я, между прочим, занимаюсь... даже и ботаникой, – писал тарский краевед А. Ф. Палашенкову в феврале 1968 г. – Прошлым летом провел кое-какие сборы: обработал, определил и дал музею около 100 видов местных дикорастущих из числа лекарственных, плодово-ягодных, текстильных и пр. Жив буду, работу продолжу и нынешним летом». Отметим также, что Ваганов, сам будучи пчеловодом, интересовался биологией пчел, собирал сведения о развитии пчеловодства на тарской земле. К примеру, осенью 1936 г. он «ходил на пасеку колхоза "Заря революции", заснял зав. пасекой, помощника, пасеку, контрольный улей...»[53].

Кстати, Аркадий Викулович никогда не упускал возможность поделиться своим знанием родной природы с земляками. Так, в одной из поздних своих публикаций краевед сделал обзор природных богатств Тарского района и дал анализ их использования. Речь в вагановской статье шла не только о полезных ископаемых, но и о древесных ресурсах, ягодах, лекарственных травах, промысловых животных[54].

Необходимо заметить и то, что Ваганов был не только человеком, увлеченным геологией или той же ботаникой, но и вообще являлся страстным любителем-природоведом. Как-то зимой 1966 г. он, уже достаточно пожилой, сетовал: «Вся беда в том, что у меня пропадает летнее время, когда можно было бы делать вылазки в природу. А заниматься в нашей тарской природе еще есть чем. Многое еще осталось недоделанным...»[55] Впрочем, во время бесчисленных «вылазок в природу», предпринятых краеведом, его исследовательский интерес занимали не только природные явления и объекты. А. В. Ваганов был одним из наиболее крупных в Омском Прииртышье археологов-любителей.

Палашенков в наброске статьи о Ваганове для своего словаря уроженцев и деятелей Омской области указывал, что тот «провел большую работу по учету, регистрации и частью по обследованию археологических памятников бывшего Тарского округа (средней и северной части нынешней Омской области). Собранный им археологический материал после ликвидации Тарского музея передан в Омский областной музей»[56]. Имя Ваганова неоднократно упоминается в палашенковских «Материалах к археологической карте Омской области» так же как и в целом ряде работ современных омских археологов[57].

В дневнике краеведа (записи 1937 г.) читаем: «18 июня раскопка кургана около Айткулово результатов не дала – все курганы "прощупаны", около озера... обнаружены черепки глиняной посуды, костяная стрела, костяное шило и множество костей съеденных животных, в частности, лошадей... 4 июля заезжали в Усть-Куренгу, пробные разведочные раскопки древних кладбищ...» В 1939 г. А. В. Ваганов подготовил справку об обнаруженных в Тарском районе археологических памятниках в ответ на запрос Института истории материальной культуры АН СССР[58].

Интересные сведения о Ваганове-археологе можно найти в его переписке с Палашенковым. Судя по письму 1950 г., краевед был чрезвычайно обеспокоен безвозвратными потерями науки вследствие гибели археологических памятников. Выходом из сложившейся ситуации он видел своего рода либерализацию доступа к их исследованию любителей археологии из числа краеведов. «...Андрей Федорович... – писал Ваганов. – Вы, как специалист-археолог, безусловно, заинтересованы в том, чтобы памятники материальной культуры не уничтожались, а сохранялись. А на деле я вижу обратное явление.

В районах Тарского Прииртышья много курганов, могильников, городищ. Пройдет десяток-два лет, и от этих памятников не останется и следа. И все это толь-

ко потому, что обыкновенные люди, хотя бы краеведы, не имеют права заниматься раскопками. А археологи не имеют возможности посетить все места, все районы, и памятники гибнут. Какой тут найти выход, я даже не знаю. Но делать что-то нужно. Наши музеи значительно обогатились бы, если бы доступ к памятникам был более свободен. Я считаю, что гораздо меньшее зло произвести не совсем по-научному раскопки, но что-то получить, чем пустить курганы и городища под пашню и в результате ничего не получить. Это мой личный взгляд, но я не уверен в том, что правильно думаю»[59].

Созвучные мотивы можно заметить и в вагановском письме, написанном почти два десятилетия спустя, в 1968 г. «Прошлым летом, – сообщал Аркадий Викулович, – несколько раз побывал на Тарской стоянке древнего человека, собрал несколько десятков осколков керамики, обнаружил следы погребений. Хотелось бы провести раскопки хотя бы одного погребения, а таких прав у наших старичков (имеются в виду пенсионеры-активисты, возрождавшие в Таре краеведческий музей. – *А. Р.*) нет. Не сможете ли Вы, Андрей Федорович, побывать у нас летом и нашей стариковской силой провернуть работу по раскопкам одного погребения. Кстати, поддерживаете ли Вы связь с археологом профессором Чернецовым, и, если поддерживаете, не заинтересуется ли он Тарской стоянкой?.. А ведь стоянок по Иртышу уйма – есть еще над чем поработать»[60].

Археолога-любителя Ваганова интересовала не только древнейшая история Прииртышья, но и следы куда более поздних эпох. Так, в 1969 г. в ходе строительных работ на тарской площади К. Маркса им были обследованы вскрытые траншеями древние срубы – остатки хозяйственных построек (коровников, овчарен и т. п.) первых тарчан. «Основания срубов, – писал краевед, – лежали на глубине 3,5–4 м – таков культурный слой, накопившийся за несколько столетий... Из бытовых находок много встречалось осколков глиняной посуды, весьма грубой и чрезвычайно толстой, стекло, фрагменты фарфоровой посуды и др. Ничего более ценного я обнаружить не мог, хотя спускался в траншеи несколько раз... Хотелось бы напомнить, что в Таре мной открыта стоянка и собраны кое-какие вещественные доказательства. Когда же археологи рискнут заехать в Тару и на месте ознакомиться с этим памятником старины? Вот отсюда действительно начинается история Тары»[61].

А. В. Ваганов открыл не только эту стоянку. Признано, что краевед был первооткрывателем кошкульских курганов и Ананьевского городища. Он собрал инте-

ресную коллекцию находок на Новоникольском городище (Усть-Ишимский район), описал верхнеаксеновские городище и могильник, открыл комплекс памятников в окрестностях д. Окунево Муромцевского района (этот комплекс, именуют сейчас Окуневским археологическим микрорайоном)[62]. Об археологических древностях Тарского Прииртышья «А. Ваганов, краевед-любитель», как он обычно подписывался, опубликовал в районной и областной газетах несколько небольших работ[63].

Деятельность А.В. Ваганова в области исторического краеведения не ограничивалась его археологическими изысканиями, хотя последние, безусловно, были приоритетными. Краевед проявлял постоянный и живой интерес к историческому прошлому населенных пунктов Тарского края и, прежде всего, самой Тары. В его дневнике (1950-е гг.) записаны, надо полагать, им же самим составленные вопросы краеведческой викторины с ответами на них. Викторина помимо заданий экономико-географичсекого плана (площадь района, природные зоны, сплавные реки, крупные озера, гидроэлектростанциии, количество колхозов до и после укрупнения хозяйств, наводнения в Таре) включала в себя и конкретно-исторические вопросы: о первой тарской типографии, первой газете, первой школе, первом памятнике В. И. Ленину и т. д.

В свои тетради краевед выписывал сведения, касающиеся Тарского края, из трудов С. У. Ремезова, Н. М. Карамзина, П. А. Словцова, И. И. Завалишина и др., а также заносил самые разнообразные данные по истории местного крестьянства, промышленности и торговли, народного образования, политической ссылки, революционного движения в Тарском Прииртышье. Заметим особый интерес А. В. Ваганова к истории изучения родного края. Бумаги краеведа заполнены сведениями о посещении Тары и ее окрестностей путешественниками-исследователями – от Палласа и Гумбольдта до Шухова и Драверта[64].

Своими знаниями местной истории А. В. Ваганов охотно делился с другими краеведами. Известно, что С. Р. Лаптев в работе, посвященной медеплавильному и стекольному производствам на территории Омской области, использовал материалы своего тарского коллеги. Немало любопытных данных почерпнул от Ваганова и А. Ф. Палашенков. В своих письмах Аркадий Викулович сообщал ему полученные из бесед с тарскими старожилами сведения о Спасской церкви, «Немчиновском доме», «ночлежке», построенной в Таре городской управой, тарском же «ночлежном доме для ссыльных», учрежденном евгащинскими богачами Калижниковыми, владельцами многочисленных паровых мельниц, маслобоен и магазинов

в Тарском уезде. «Благотворительностью занималась старушка Калижникова – не иначе, как для "спасения души"»[65].

В феврале 1966 г. Ваганов писал Палашенкову: «Дорогой Андрей Федорович! Я не знаю, как отблагодарить Вас за весьма ценную для меня посылку (брошюра "По местам Ф. М. Достоевского в Омске". – *А. Р.*). Я с большим удовольствием прочитал Ваш труд и, по правде говоря, сразу же настроился на краеведческий лад. Нет! Жив еще во мне дух краеведа, и я по силе своей кое-что еще делаю. Ко мне еще нередко обращаются за краеведческими материалами школы. Приходится помогать восстанавливать историю нашего края, а также заниматься и другими темами»[66]. «Дух краеведа» был жив в Аркадии Викуловиче до тех пор, пока был жив он сам. Умер А. В. Ваганов 11 января 1978 г. и был похоронен на тарском городском кладбище.

Другой «районный» краевед и энтузиаст-музейщик ***Василий Семенович Аношин (1897–1996)*** начал свою деятельность по изучению Большеречья и его окрестностей в 1934 г., когда приступил к сбору материалов по экономическому развитию района. Он родился в семье крестьянина деревни Орлово-Кукушкино Тюкалинского у. Тобольской губ. Свое образование в автобиографии, составленной по просьбе А. Ф. Палашенкова, краевед описал так: «В деревне в то время школы не было, учился у ссыльного пастуха, который летом пас овец, а зимой собирал до 10 детей, и по дворам поочередно продвигалась "школа" от одного ученика к другому. Весь курс моей учебы у этого "учителя" составил 6–7 месяцев, сам "учитель" знал в объеме 2–3 классов. Далее учился самообразованием, брал уроки у сельского писаря (тоже политический ссыльный, но более грамотный)».

В 1916 г. Аношин был призван в армию, служил в находившемся в Омске 20-м запасном полку. За свой хороший почерк он был прикомандирован к ротной канцелярии в качестве писарского ученика, затем стал писарем командира батальона, старшим писарем хозяйственной части штаба полка. Демобилизовавшись в мае 1918 г., он какое-то время крестьянствовал в родительском хозяйстве, однако вскоре вновь был мобилизован уже в колчаковскую армию, в которой прослужил несколько месяцев. В июле 1919 г., перед отправкой на фронт, Аношин дезертировал, «выправив» себе предварительно подложные документы. По ним он поступил вначале в другую часть, а после уже перешел на сторону Красной армии и был в ее рядах до демобилизации в 1920 г.

Вернувшись в родные места, В. С. Аношин работал секретарем волостного земотдела (г. Тюкалинск), исполнял обязанности уездного землемера, заведовал

государственными земельными участками в Тюкалинском уездном и Омском губернском земотделах. В 1929 г., «попав под сокращение», он потерял работу и переехал в Большеречье, связав с этим селом всю свою дальнейшую жизнь. В Большеречье Аношин недолгое время служил делопроизводителем местного отделения милиции, в 1930 г. был председателем сельскохозяйственной коммуны им. Калинина, затем был отозван на советскую работу (плановик при райисполкоме). В 1933 г. по заданию Западно-Сибирской плановой комиссии он составил экономический справочник Большереченского района, дал подробный материал в справочник «Западно-Сибирский край». В 1934 г. Аношин был назначен на должность инспектора ЦСУ по Большереченскому району, увлекся местной экономической статистикой, экономическим краеведением[67].

Корни этого аношинского увлечения уходили еще в начало 1920-х гг. и даже в дореволюционное время. Вспоминая в 1959 г. первые свои шаги в изучении родного края, В. С. Аношин писал: «...краеведческой работой стал увлекаться еще с детства, по заданиям статистического управления вел фенологические наблюдения, а с 1922 года меня увлек в эту работу землеустроитель, с которым мне приходилось работать в Тюкалинске. Он в 1922–23 годах написал подробное описание природных богатств Тюкалинского уезда, я заинтересовался этим и, как только прибыл в Большеречье, начал писать об этом районе, правда, я сначала собирал только экономические показатели»[68].

Интерес же к краеведению историческому пришел несколько позже, причем в его возникновении немалую роль сыграло участие краеведа в Великой Отечественной войне. Призванный в самом начале войны по партийной мобилизации В. С. Аношин служил вначале в Омске, затем – в Красноярском крае, в запасном полку. Батальонный писарь, ставший со временем делопроизводителем строевой части штаба полка, помощником начальника штаба, начальником секретной части, закончил войну в Польше. Примечательно, что в 1945 г. он «был руководителем комиссии по описанию истории полка и лично подготовил основные разделы истории».

Вернувшись в Большеречье и работая в административно-хозяйственной сфере (секретарь райисполкома – на эту должность он был назначен в 1941 г., еще до войны, снова инспектор ЦСУ, директор пищекомбината, старший экономист райплана), а также выполняя массу общественных «нагрузок» по партийной (в 1946–1957 гг. – секретарь парторганизации, в 1947–1953 гг. – председатель ревизионной

комиссии райкома), профсоюзной (в 1921–1955 гг. – председатель и секретарь райкома профессиональных союзов сельхозрабочих, работников госучреждений), судебной (в течение 5 лет состоял народным заседателем Омского областного суда, с 1956 г. – народный заседатель Большереченского райнарсуда), кооперативной (в 1947–1952 гг. – председатель Ревизионной комисси райпотребсоюза, с 1954 г. – член его правления) линиям, краевед-экономист продолжил пополнение своего архива, причем исходя уже из более широких интересов.

Как писал сам Аношин, сведения по истории Большереченского района он начал собирать с 1947 г.[69] Известным стимулом к историко-краеведческим поискам служила, надо полагать, его деятельность в качестве пропагандиста-руководителя кружка по изучению истории партии и текущей политики, которой он стал заниматься по окончании в 1952 г. районной партшколы. Как говорилось в одной газетной публикации, «чтобы быть хорошим пропагандистом, надо знать все о том районе, где ты работаешь, – таково твердое правило Василия Семеновича, которому он неуклонно следует»[70].

Однако решающую роль в переориентации, вернее, в расширении краеведческого кругозора В. С. Аношина сыграло его знакомство с А. Ф. Палашенковым. В письме И. С. Коровкину сам краевед рассказывал, что его материалы в свое время рассматривал ученый совет Омского областного музея и дал некоторые рекомендации: «...мне подсказали, чтобы я пополнил свою работу историческими данными»[71]. Весьма убедительны и сведения, предоставленные нам И. Е. Бродским, дважды посетившим большереченского краеведа на рубеже 1970–1980-х гг. и записавшим такие слова Аношина: «В 1947 г. я поехал в Омск. Был в Географическом обществе, беседовал с Палашенковым. В то время я собирал экономические данные по нашему району. Палашенков посоветовал собирать материал по истории и культурной жизни. Охватить все стороны жизни земляков»[72].

Собранные краеведом материалы, как уже указывалось, в 1960 г. были положены в основу им же созданного районного музея. Его директором Аношин являлся более 20 лет, до 1982 г. В 1950–1960-е гг. «районный летописец» активно сотрудничал с Омским отделом Географического общества, встречался и переписывался с другими видными омскими краеведами – А. Ф. Палашенковым, С. Р. Лаптевым, Н. Ф. Черноковым, И. С. Коровкиным и др. Письма Василия Семеновича коллегам по увлечению являются, на наш взгляд, весьма информативным источником для выяснения конкретного содержания и методов его краеведческой работы. Вряд ли

можно рассказать о занятиях Аношина по изучению края лучше и полнее, нежели он сделал это сам.

22 апреля 1951 г. Н. Ф. Чернокову: *...Я тоже любитель-краевед, в течение десятков лет собираю материал по составлению истории своего района. Я много собрал сведений о заселении района, его первых засельщиках, о дальнейшем прибытии переселенцев... о развитии полеводства, животноводства, культуре, промыслах и проч. Но мне хотелось тесно увязаться с Вами и обменяться опытом работы, чтобы лучше и полней описать как прошлое, так и события настоящего времени. Прошу... сообщить мне методы Вашей работы по сбору материала, как Вы проводите описание – сами лично или через других лиц?.. Как Вы организуете работу по описанию истории сел и деревень, по каким вопросам?.. У меня тоже до десятка есть описаний сел, но я желал бы, чтобы эти описания были... полней...*

18 мая 1951 г. Ему же: *...Ваше письмо... внесло... свежую струю в мою работу. Ваши богатые познания и долголетний труд в краеведческой работе наталкивают меня на многое, что мною было упущено при сборе материала, оказывается... что я многое не сделал по сравнению с Вашим... У меня в основном собран материал чисто историческ[ий]... Я большой раздел написал... о заселении района, взял период... до Ермака, затем порядок заселения русскими с 1600 года – ссыльными и служилыми людьми. Установил, что у нас в районе были водворены сосланные повстанцы польского мятежа 1830 года, декабристы... много повстанцев... революции 1905 года. Подробно написано плановое переселение... Памятники старины, в общем, все, что относилось к далекому прошлому.*

Всего у меня написано и на машинке отпечатано более 400 страниц, более 20 разделов... Особенно подробно описаны развитие полеводства и животноводства... период Гражданской войны... [Записаны] рассказы участников и очевидцев этих событий. В [разделе] Отечественной войны 1941–45 гг. описаны боевой путь отдельных участников... сколько всего награждено и какими наградами, работа населения в тылу... помощь фронту... возвращение демобилизованных и проч. [Описаны] административное деление района в прошлом и теперь, население, религия и обычаи... развитие культуры. Подробно описан период коллективизации, с табмер, первый плуг в... году, первая сенокосилка, первый председатель... и т. д.

Теперь по существу Вашего запроса. Почтовыми станциями до 1912 г. в пределах нашего района были Пустынное, Евгащино. После 1912 года – Б[ольше]речье, Пустынное, Черноозерье. Земских станций было больше... Кроме обозной ямщины здесь широко практиковалась езда на вольнонаемных лошадях... «на дружках». Остальная часть населения, жившего по тракту, извлекала доход из обслуживания обозного движения, занимаясь «дворничеством» (содержанием постоялых дворов), продажей овса и сена... Время, когда «бегут» возки, было самое бойкое. Народ топчется на улице, колокольчики то замирают, то снова начинают греметь; одни возки отъезжают, другие – приближаются к деревне, третьи – стоят на улице подле избы, в которую купцы вошли закусить и напиться чаю. Ночью шум продолжается, как и днем...

Об Артеме Избышеве ничего не имею, т. к. его действия были далеко от нас... Народный календарь, поговорки, песенки не записывал, это большое упущение, вообще фольклор не записывал. Если можете поделиться народным календарем, то прошу... т. к. [это] характерно и для нашего района...

28 февраля 1952 г. Ему же: *...О моей работе знает не только Андрей Федорович – мы с ним в хороших отношениях, но знает... предоблисполкома, обл[астное] лекционное бюро и другие. Материал продолжаю собирать, но нужна литературная обработка, нужно время, а его как раз в обрез... А сколько много интересного не только из далекого, но даже недавнего прошлого, меня это просто увлекает с головой... Вот только на фольклор никак у меня или сознание не дошло, или время не доходит, просто за это еще не брался, но возьмусь обязательно.*

Я записал народный говор в разных селениях, который тоже интересен, в общем, интересует все. Осенью 1951 г. обнаружил и зарисовал одну древнюю стоянку... таких стоянок теперь у меня зарегистрировано и описано 4... Приговоры и свадебные песни тоже не собирал, одному всего не осилить, нужно много иметь свободного времени, а у меня общественных и иных нагрузок как у «сивого мерина». Кроме сбора материала по истории, я собираю для районного музея экспонаты, имею череп бизона, зубы мамонта и носорога, собираю образцы... природных богатств (ископаемые, животный мир и др.)...

12 марта 1955 г. Ему же: *...Из Евгащино учитель Остапенко был у меня, привозил с собой все свои записи... Кроме частушек у него записаны сказки, поговорки, пословицы... у меня он выписал около 200–300 поговорок-пословиц... Я... в настоящее время готовлю материал из истории старинного села Такмык... «Свадьбу» на досу-*

ге напишу полностью... но сейчас, откровенно говоря, никак не выберу время, даже [в] выходные дни приходится или работать, или быть в поездке.

12 марта 1955 г. А. Ф. Палашенкову: *...Недавно получил извещение о собрании членов Географического общества, но оно пришло с опозданием... На этом собрании я мог бы получить очень много для своей работы... Я сейчас собираю материал о старинных сибирских селах, недавно перешедших в наш район... Такмык и Евгащино. Это старые торговые пункты с богатым прошлым. По Такмыку уже порядочно собрал, часть материала мне пишет местный житель, и один раз выезжал сам, дал задание директору школы... Есть много замечательных эпизодов. В Такмыке установил, что есть братская могила расстрелянных... красногвардейцев, шедших из Омска для важных поручений в отряд Избышева, но могила в запущенном состоянии...*

3 марта 1957 г. Н. Ф. Чернокову: *...Исполнителями былин в деревне Большe-Никольской были местные крестьяне Илья Лукьянов и Андрей Степанов, возраст их был в то время (1912–15 гг.) около 65 лет... Из большереченцев хорошим сказочником и былинником был Степан Артемьевич Седельников, умер в 1955 г. ... я тоже упустил эту возможность записать его рассказы...*

Мои труды понемногу пополняются новыми данными из далекого прошлого... По-прежнему собираю понемногу местный фольклор, стихотворения местных поэтов, сатиру из местной жизни и кое-что другое. Нужно еще время, чтобы собрать на местах интересный материал из прошлого, нужно ехать самому, а когда? Видимо, капитально возьмусь за это дело в 1958 году, когда пойду на пенсию. Другого выхода нет, на постороннюю помощь потерял всякую надежду. Все говорят, что это дело хорошее, что нужно его доводить до конца, а как зайдет речь о помощи, желающих не находится.

5 октября 1958 г. Ему же: *...Посылаю Вам сказки, все, что было у меня собрано через учеников школы... Напишите... хотя бы коротенько... по дер. Черновой. У Вас эти записи, кажется, есть.*

10 мая 1959 г. И. С. Коровкину: *После этого (т. е. после того, как получил совет Палашенкова обратиться к историческому материалу. – А. Р.)... перебрал библио-*

теку им. Пушкина в г. Омске, библиотеки Омского музея и г. Тары, архивы г. Тары и, частично, омский областной. На месте опросил более 150... стариков и других сведущих лиц, перебрал церковные книги (метрические). Как видите, источники... самые разнообразные. Собранный материал разбил по разделам, так его и описываю, может быть, это неправильно, но пока мне никто лучшего не предложил...

Отдельно собрал... пословицы и поговорки. Это у меня не основное, а между дел... Сейчас, с переходом на пенсию, корректирую, дополняю и переписываю, многое уже перепечатано...

19 августа 1959 г. Н. Ф. Чернокову: *...Немного поработал над своим материалом, теперь уже берусь окончательно, обрабатываю по разделам и печатаю на машинке. По разделам, как говорят добрые люди, получается неплохо, а вот как в целом получится, не знаю...*

По ямщине у нас в районе кое-что можно собрать, я узнал несколько человек старых ямщиков, они еще живы... Есть старушки, которые знают много песен. Я этим пока не занимаюсь, нужно закончить одно, а то разбросаешься на многое, не сделаешь и малое. Хочется... в сентябре или октябре закончить свою работу.

31 октября 1959 г. А. Ф. Палашенкову: *...Видимо, в конце этого года я приеду в Омск показать свой законченный материал по истории района. Написал я много... а сколько еще интересного... выявляется... а общественность, наша советская интеллигенция, работники культуры проходят мимо таких фактов и даже не хотят иногда помочь... Я нынче много дал из исторического прошлого в нашу районную газету... Я нынче ждал Вас с Сергеем Романовичем... Вы зимой обещали проехать по историческим местам... Я настоял, [чтобы] в дер. Лебяжье привели в порядок братскую могилу расстрелянных в 1919 году... Сделали изгородь, поставили обелиск... Еще есть такие могилы, которые нужно разыскивать и приводить в порядок...*

21 ноября 1959 г. Ему же: *Все лето никуда не выезжал, один месяц поработал в редакции районной газеты, помог им, а потом все время сидел за обработкой своего материала. До 1959 года все собирал материал... по крупинке, буквально гонялся за ним... да разве все один охватишь. Столько в жизни народа – как в прошлом, так и в настоящем – интересного, что записал бы все, но это недостижимо, и я решил*

взяться за обработку того, что уже собрано... Взялся группировать собранное по разделам, например, полеводство или торговлю беру от начала ее возникновения в районе и довожу до наших дней. Это я делаю для того, чтобы потом, если придется писать книгу, легче было искать необходимый материал, а его набралось ужасно много и я начинаю в нем зарываться. Обработанный материал – все это подробно и с таблицами – имеет такие разделы:

1. Порядок заселения территории со времен завоевания Сибири, с указанием года возникновения каждого селения. Археологические находки...

2. Естественные условия района. Здесь природные богатства, полезные ископаемые, метеорологические наблюдения с 1926 года...

3. Сельское хозяйство. В нем: полеводство, животноводство, коллективизация, МТС, совхозы, лесное хозяйство, заготовки, сельхозвыставки, электрификация.

4. Промышленность в прошлом и теперь. Это интересный раздел, особенно по маслоделию.

5. Промыслы – охотничьи и рыбные.

6. Пути сообщения. В нем подразделы «Связь», «Радио».

7. Население. Это большой раздел, в нем показаны движения населения, изменения за 350 лет, список селений по водным источникам и количеству дворов, административное подчинение, советское строительство, социальное обеспечение, факты важнейших событий, «Они были первыми» и проч.

8. Культура. В этом разделе народное образование, здравоохранение, печать, спорт, кино, клубы, библиотеки, материальный и культурный рост населения, люди, вышедшие из крестьян и получившие высшее образование...

9. Период Гражданской войны.

10. Период Отечественной войны: работа населения в тылу, помощь фронту, большереченцы на фронтах войны (с эпизодами), сколько человек награждено орденами и проч.

11. Финансы. Здесь налоги с населения в прошлом и теперь, бюджет района, государственные займы, сберегательное дело, кредитные товарищества.

12. Партия и комсомол: возникновение первых... организаций и их работа.

...Жаль, если все это не увидит света. Мне нужна помощь составить план и проспект книги, литературная обработка, но здесь, на месте... этой помощи... ждать не от кого, как быть, и сам не знаю... Поработали мы с Вами сколько было сил и знаний, а теперь осталось одно – довести до конца то, что собрано за долгие годы.

26 сентября 1961 г. Н. Ф. Чернокову: *...Дела музейные меня затянули с головой. Все хочется сделать как лучше, а денег на это нет нисколько, все приходится выпрашивать, а тут зима на носу, надо думать об отоплении музея. С оформлением Совета музея хожу по начальству всю неделю и никак не добьюсь толку...*

24 февраля 1964 г. Ему же: *Большое спасибо за присланные фотоснимки... Это будет хорошим пополнением начатого мною сбора к альбому «Район в фотоснимках»... Если придется самому поездить по району, то... сотни две могу собрать. Недавно ездил в Карташево, походили мы с одним авторитетным человеком по селу... и я привез около двух десятков... Начали собирать школы и некоторые уже привезли интересные фотоснимки дореволюционного времени...*

По Вашему заказу ямщицкой сбруи, мне говорил один человек, что в 10 км от Большеречья у одного старика... есть полный комплект ямщицкой сбруи на пару лошадей, я просил проверить... Как приедете к нам, съездим к нему.

Музей работает хорошо, дежурство пенсионеров идет нормально, достали немного денег... избрали Совет музея только из одних пенсионеров, так, пожалуй, дело будет лучше. С предрика (председателем райисполкома. – А. Р.) есть договоренность об увеличении помещения... весной будем оборудовать...

28 октября 1964 г. И. С. Коровкину: *...Я в этом году нашел... сборники военных песен... В первом – морские песни, их около двадцати пяти, второй – тоже, десятка два, и третий – около десятка фронтовых и с десяток послевоенных. Сам автор живет в Большеречье, работает на мясокомбинате... Я теперь эти песни включаю в воспоминания участников Отечественной войны как художественную разрядку. Есть несколько песен первой империалистической войны. Приезжайте... что нужно, запишите себе.*

27 августа 1965 г. А. Ф. Палашенкову: *...В июне ездил в туристическую поездку в плавучем доме отдыха до Салехарда... Везде, где есть музеи, побывал в них... много увидел интересного... В 1964 году у нас побывали две уральских экспедиции, обнаружили много исторических памятников – селищ, курганов, могильников. Все это начинает разрушаться, запахивается, стираются признаки этих замечательных мест без надлежащего описания-исследования. У меня появляются помощники – хранители старины, но мы не знаем, с чего начинать и как это все надо делать,*

хотя бы на одном примере-показе нам поприсутствовать и посмотреть, чтобы потом продолжать самостоятельную работу, пока еще кое-что можно сделать. Хотелось бы узнать... что из себя представляют Мурлинское и Артынское городища...

Музей наш продолжает работу, дали нам другое хорошее помещение, разместились, как умели. Экспонаты все время пополняются. Уже имеем две нижних челюсти мамонта, найденные в обвалах берегов Иртыша... Собираю фотолетопись района, уже оформил 28 фотоальбомов, собрал свыше 150 воспоминаний... участников Отечественной войны... и около пятидесяти воспоминаний участников Гражданской войны. Без дела не сижу. Все хочется сделать для общества, найти то, что уходит безвозвратно, но память об этом необходима... Проводил беседу с историками и географами школ нашего района об использовании местного краеведческого материала... на уроках в школе...

18 сентября 1965 г. Ему же: *...Мне в музей поступило много археологических находок, которые мы здесь на месте сами не можем определить... Крайне необходимо и желательно Ваше присутствие... Из Омского музея научные работники боятся выехать в район... Больше у нас обратиться не к кому, кроме Вас... Музей наш работает и пополняется, дали нам другое помещение в 4 комнаты, недалеко от моей квартиры, в 150 метрах...*

8 марта 1966 г. Н. Ф. Чернокову: *...У меня... нынче одна катастрофа за другой. 10 октября при раскопке кургана меня завалило метровым слоем земли и только через полчаса нашли и откопали. Месяц лежал в больнице...*

Лично я частушечников не знаю, это не мое призвание... Я работ нахватал на себя много и все на общественных началах, основную краеведческую работу нужно готовить к апрелю – подготовка к 250-летию Омска, но тоже все никак руки не доходят...

24 ноября 1967 г. И. С. Коровкину: *...У меня... кроме текстовой части собрано более трех тысяч фотоснимков для фотолетописи района, больше половины из них уже сгруппированы... а для остальных все еще никак не выберу время. С каждым днем выплывают новые непредвиденные работы, а перед праздниками у меня был целый поток посетителей за сведениями времен первых лет Советской власти.*

Нигде у нас в районе их нет, кроме как у меня, ну и пришлось, как из городского архива, давать всевозможные... справки...

17 февраля 1969 г. А. Ф. Палашенкову: *...На 1969 год... планируйте поездки по нашему району, хочется с Вами проехать по историческим местам, а то все останется опять не обследованным...*

3 марта 1969 г. Ему же: ...Высылаю Вам имеющуюся у меня фотографию Федора Павловича Копейкина (ямщика, провезшего по территории Омской области А. П. Чехова. – А. Р.). Весной жду Вас в наши края, я уже составил план маршрута и [список] объектов обследования[73].

Из писем В. С. Аношина видно, что ему, как и большинству других любителей и знатоков края, была свойственна впечатляющая широта краеведческих интересов. Добавим, что в нашем распоряжении имеется и ряд других свидетельств того, что краевед занимался изучением местной природы или, скажем, археологии. К примеру, в 1968 г. корреспондент «Омской правды» застал его за «препарированием огромного беркута, чучело которого скоро займет свое место в районном музее»[74]. Что же касается увлечения Аношина большереченскими археологическими древностями, то он занимался не только поиском памятников, но и проводил самостоятельные и, следовательно, непрофессиональные их раскопки.

А. Ф. Палашенков, посетивший большереченского краеведа летом 1962 г. и ознакомившийся с его архивом, нашел в бумагах Аношина и переписал в свой экспедиционный дневник датированное октябрем 1961 г. письмо тогда еще томского археолога В. И. Матющенко. «Должен заметить, – писал ученый краеведу, – что на месте Вами раскопанной могилы мы нашли еще не выбранную Вами бересту... стеклянные бусы и еще что-то...»[75]

Отметим также, что, судя по той же переписке и другим данным, В. С. Аношин был весьма активным членом Омского краеведческого содружества. Он не только устанавливал и поддерживал тесную связь с коллегами-краеведами, но и всегда готов был поделиться с ними той информацией, которой располагал, а зачастую и специально раздобыть интересовавшие их сведения. Как мы видели, Н. Ф. Чернокову краевед писал о ямской гоньбе и почтовых станциях на старом тракте, сообщал сведения о местных былинниках, посылал свои записи сказок. А. Ф. Палашенков также консультировался с В. С. Аношиным, выясняя направления старинных

дорог («9 июля 1957 г. ... был в райисполкоме, говорил с Аношиным В. С. Выяснил направление тракта Пустынное – Камышино – Курское»[76]), получал от него сведения о палеонтологических находках.

И. С. Коровкин в 1961 г. заполучил с помощью Аношина фотографию и ряд биографических данных о чеховском ямщике Федоре Копейкине. Полученной информацией Коровкин поделился с работником дома-музея А. П. Чехова в Ялте С. Г. Брагиным, а тот, в свою очередь, с К. Г. Паустовским. «Сейчас в Ялте находится писатель К. Г. Паустовский, – писал Брагин Коровкину в ноябре 1966 г., – я рассказал ему о Вашем ямщике. Писатель очень заинтересовался этим фактом и при встрече напомнил мне написать об этом Вам...» Судя по всему, вдохновленные таким вниманием краеведы приступили к дальнейшим поискам.

Не прошло и недели как Коровкин записал в своем дневнике: «С... Аношиным договорились о том, чтобы: 1) заснять общий вид сел... по которым проезжал А. П. Чехов; 2) отыскать родных Ф. П. Копейкина, собрать сведения о нем; 3) узнать, какой ямщик привез Чехова к Копейкину и к кому Копейкин привез писателя; 4) сфотографировать, если сохранился, дом ямщика в Пустынном (в этом доме останавливался Чехов)...» А уже в начале декабря И. С. Коровкин получил письмо В. С. Аношина с данными о родственниках ямщика[77].

Не менее охотно делился В. С. Аношин знаниями о крае и со своими земляками. И. С. Коровкин отмечал в свое время, что Аношин, «член Общества по распространению научных и политических знаний... часто выступает с лекциями и беседами по истории родного края. Советуются с ним агитаторы, лекторы, учителя, и краевед охотно помогает им»[78]. В 1950–1960-х гг. большое количество публикаций В. С. Аношина увидело свет на страницах большереченской и муромцевской районных газет, печатался он и в областной газете.

Краевед писал о радищевских местах и потомках декабристов, о партизанах времен Гражданской войны, боевом и трудовом героизме большереченцев, о своих интересных находках и редких экспонатах районного музея[79]. Две работы краеведа – «Исчезнувшие хвойные леса в Большереченском районе» и «Материалы к вопросу о заселении территории Большереченского района» (последняя – в обработке С. Р. Лаптева) – были опубликованы в «Известиях» Омского отдела Географического общества[80].

Читая аношинские письма 1960-х гг., нельзя не заметить, какое существенное место в краеведческой работе Василия Семеновича занимали вопросы организа-

ции и развития районного музея. В первой главе мы уже касались этих сюжетов. Добавим, что в «Музейной летописи» также имеются подтверждения тому, что к созданию Большереченского краеведческого музея В. С. Аношин был более чем причастен. В частности, указывается, что 1 февраля 1960 г. он осмотрел отделы областного музея, получил составленный М. И. Агеевым примерный тематико-экспозиционный план, кое-что записал, снял размеры витрин, рамок и т. п.

Уже 14 февраля «Аношин прислал письмо, что работа по народному музею налаживается... Заказали витрины и рамки, взялся делать чучела [местный] охотник. Дадут образцы семян сельскохозяйственных культур». Во время очередного посещения Омского музея в марте 1960 г. В. С. Аношин «сделал сообщение, какая работа им проведена уже по музею»[81]. Напомним, что директором музея в Большеречье краевед работал со дня его основания и до 1982 г., т. е. в течение 22 лет. Однако главным делом Аношина, своего рода сверхзадачей, поставленной им перед собой, было, на наш взгляд, создание районного летописного свода, написание комплексного краеведческого труда о Большеречье.

В 1955 г. И. С. Коровкин в своей статье «Изучать наш край» писал: «Двадцать пять лет занимается изучением истории родных мест Василий Семенович Аношин, живущий в Большереченском районе. Более тысячи страниц заключает в себе рукописная летопись этого района, созданная неутомимым краеведом. Здесь и таблицы урожайности большереченских полей до Великого Октября, и материалы по экономике хозяйств, и наблюдения роста колхозного производства. Это... полезный и нужный материал»[82].

А в отчете А. Ф. Палашенкова о поездке вниз по Иртышу в тарские урманы, предпринятой им в 1957 г. вместе с С. Р. Лаптевым и Н. А. Плотниковым, читаем: «В Большеречье мы задержались у местного краеведа, члена Географического общества В. С. Аношина... Аношин известен как большой любитель и знаток своего края... У [него] в районе своя корреспондентская сеть и, как общественник-краевед, он принимает живое участие в краеведческо-географических кружках в школах района». Особо Палашенков отметил, что Аношиным «собран большой материал по Большереченскому району и составлено описание в виде отпечатанной на машинке [и] переплетенной толстой книги с многочисленными таблицами, графиками»[83].

Долгое время краеведу приходилось довольствоваться изготовлением таких вот самодельных рукописных и машинописных фолиантов, пока в 1968 г. не увиде-

ла свет выпущенная Омским отделением Западно-Сибирского издательства книга «Где шумит Артынский бор». На ее страницах краевед рассказал о природе, археологических памятниках, истории сел и деревень, нравах и обычаях старого времени, а также о борьбе за советскую власть, о коллективизации, совхозном строительстве, современной экономике района и перспективах его развития[84]. Впрочем, продолжалась и самостоятельная «издательская деятельность» Аношина. В библиотеке Омского отделения ВООПиК нам довелось видеть достаточно солидный (170 страниц машинописи через 1,5 интервала) том о Большереченском районе, подготовленный краеведом в 1972 г. к 50-летию образования СССР[85].

Активная и плодотворная работа В. С. Аношина по изучению истории, экономики, природных и фольклорных богатств Большереченского, соседнего Муромцевского и некоторых других районов Омской области, имевшая место на протяжении всего рассматриваемого нами периода, продолжалась и в последующие десятилетия. Несомненные заслуги краеведа в изучении родного Прииртышья получили в свое время справедливое признание. В 1975 г. Омский отдел Географического общества наградил Аношина премией им. М. В. Певцова, а в 1987 г. ему было присвоено звание «Почетный гражданин поселка городского типа Большеречье»[86].

Не может не поражать и не восхищать его феноменальное творческое долголетие. Так, в 1995 г. он, 98-летний, писал артынским краеведам В. А. и Е. С. Шадриным: «Я заканчиваю писать Энциклопедию Большереченского района... По Артыну у меня много материала, целая история, но нужны еще некоторые дополнения. Мне необходимо подробное описание места Артынского пионерского лагеря: когда он был открыт, какие были в нем постройки... Убедительно прошу... сделайте схему расположения лагеря, как размещались постройки, когда он сгорел и как он восстановился после пожара, опишите это подробней... Не откажите написать, какие постройки возведены на центральной усадьбе колхоза... Я очень давно не был в Артыне и не знаю, какие в нем произошли изменения, а в Энциклопедию его нужно внести обязательно...

У меня есть подробная история Артына, а вот... сведений, какие вы прислали, у меня не доставало... Все присланное... я внесу в историю Артына и в свою районную летопись... Рукопись книги Г. А. Неворотова прочитал от начала до конца, экономических показателей в ней нет, но люди, с которыми он... работал, описаны подробно. Много в Артыне замечательных и знатных людей, хотя у меня есть они... я теперь добавил много, сделал выписки и отпечатал на машинке 6 страниц, а книге

сделал переплет, чтобы все листы были целы, не растерялись... Теперь просматриваю "Книгу памяти"... Нам привезли из Омска 10 томов... Написано слабовато, даже не указано, из каких [погибшие] селений. В общем, сделано формально...»[87]

В одном из этих писем есть такая фраза: «Хотя мне теперь и трудно писать, но я без этого уж не могу жить...» Будучи старейшим краеведом Прииртышья, а то и всей России, Василий Семенович писал, собирал краеведческие материалы вплоть до последних своих дней. Умер В. С. Аношин в Большеречье 24 мая 1996 г. на 100-м (сотом!) году жизни[88].

Концом 1930-х гг. можно датировать начало краеведческой работы ***Ивана Семеновича Коровкина (1919–1977)***, одного из наиболее молодых представителей омского краеведения интересующего нас периода. Крестьянскому сыну, уроженцу села Ново-Архангельское Любинского района Омской области еще не было двадцати, когда он, окончив Ленинск-Омское педучилище, уже учительствовал в Меркутлах Солдатского района (позже – Тюкалинского, а ныне – Колосовского), писал стихи, переписывался с О. Л. Книппер-Чеховой, В.В. Вересаевым, М. В. Исаковским, А. Т. Твардовским. Увлечение литературным творчеством во многом определило его дальнейшую судьбу. В 1940 г. И. С. Коровкин стал студентом-заочником филологического факультета Омского пединститута, где учился, надо полагать, с перерывами до 1951 г. Бывая в Омске, начинающий поэт встречался с Л. Н. Мартыновым, В. Г. Утковым, С. И. Веремеем, познакомился и подружился с П. Л. Дравертом[89].

В июле 1940 г. Коровкин участвовал в работе 1-й Омской областной конференции писателей, в появившейся тогда в «Омской правде» публикации отмечалось, что «в произведениях молодых омских поэтов И. Ливертовского, М. Юдалевича, С. Федотова, И. Коровкина... и др. сказывается несомненное дарование»[90]. Его стихи печатались в газетах и «Омском альманахе», звучали по радио, в январе 1941 г. состоялся творческий вечер Коровкина в Омском клубе писателей и журналистов. С началом войны литератор и педагог был призван на военную службу, впрочем, на фронт не попал из-за плохого зрения и несколько месяцев работал в Омске в составе строительного батальона.

Вернувшись в район, он продолжал бывать в городе, активно участвовал в проводившихся в военном Омске «литературных четвергах»[91]. Тем не менее профессиональным литератором Иван Купалов (псевдоним Коровкина) не стал и всю жизнь проработал сельским учителем. После Меркутлов он преподавал словесность в родной Ново-Архангеловке, затем короткое время заведовал библиотекой в лю-

бинском же селе Большемогильном, а после учительствовал в тамошней «восьмилетке», при которой создал свой литературно-краеведческий музей (1964 г.). Последние годы жизни И. С. Коровкина прошли в райцентре Любино.

Что касается краеведческих интересов педагога, они вытекали из его литературных наклонностей. Случилось так, что любовь Коровкина к поэзии стимулировала его привязанность к краю, стремление к его познанию. В июле 1941 г. в своем дневнике, который вел уже несколько лет, начиная с 1938 г., Коровкин описал свой визит к Леониду Мартынову, не упустив, кажется, ни слова из того, что сказал ему этот тогда уже достаточно известный сибирский поэт. После полагающихся расспросов о делах и планах искушенный мэтр посоветовал неофиту продолжать «Меркутлинские дневники», искать и разрабатывать новые темы стихов, искать самого себя и не застаиваться: «Любовные стихи – это одно, а вот тема жизни, которую Вы видите, – другое. Напишите стихи о меркутлинской жизни. Опишите историю Меркутлов».

«Он (Мартынов. – *А. Р.*) весь поглощен в эти минуты одним: как бы лучше, яснее дать понять, о чем надо писать человеку, который живет в далеких, почти совершенно неисследованных местах. И всегда твердит одно: "Пиши о том, что ты видишь и чего другие не видят. Живешь в Тюкалах... и пиши о них, живешь в Меркутлах и пиши о них. Это будет новое в литературе..." Недаром он, досконально знающий всю историю Сибири... сибирскую литературу, кровно любящий Сибирь, сибирский народ... вот уже 20 лет пишет о Сибири. Уже 20 лет!»[92]

Один только восторженный тон этой записи не оставляет сомнений в том, что молодой литератор не преминул воспользоваться рекомендациями старшего собрата по перу. Однако для того, чтобы «описать историю» тех же Меркутлов, просто необходимо располагать соответствующими материалами, причем материалами несобранными и вообще никем ранее не собиравшимися, т. е. налицо потребность в краеведческих изысканиях, которыми И. С. Коровкин и занялся. Связь между любовью к литературе и литературным краеведением еще более ощутима, нежели в случае с краеведением историческим. Наконец, краеведческая деятельность Коровкина как фольклориста (записывать фольклорные произведения он начал даже раньше, нежели стал интересоваться историей населенных пунктов и сибирской литературой) также имела своим источником его пристрастие к поэзии, в частности, к народной поэзии.

Следует заметить, что становление И. С. Коровкина как краеведа происходило под непосредственным влиянием крупнейших знатоков и любителей Омско-

го края. Близкое знакомство с П. Л. Дравертом и, особенно, с Н. Ф. Черноковым и А. Ф. Палашенковым (к этим «людям, сердцу дорогим», он испытывал чуть ли не сыновнюю привязанность, бесконечно их уважал и считал своими учителями) немало способствовало тому, что творчество И. С. Коровкина стало частью краеведческого движения в Прииртышье, причем, как еще будет показано, частью весьма существенной.

Освещая содержание бурной, насыщенной и разноплановой краеведческой деятельности Коровкина, отметим, что Иван Семенович фактически ни разу не заявил о себе как о краеведе-натуралисте. Правда, выше, когда речь шла о П. Л. Драверте, упоминался факт сбора Коровкиным образцов местных глин с последующей посылкой их профессору. Факт этот, безусловно, не может быть использован для характеристики самостоятельной работы краеведа, и трактовать его следует лишь как знак внимания и уважения к интересам старшего товарища и коллеги.

Вероятно, некоторый природоведческий интерес И. С. Коровкину приходилось так или иначе проявлять в качестве организатора самодеятельного музея в Большемогильном. Действительно, в инвентарной книге созданного Коровкиным школьного литературно-краеведческого музея значились рога лося, марала, косули, фрагмент медвежьей шкуры, а также кости мамонта и древнего быка, подаренные музею А. Ф. Палашенковым в 1964 и 1967 гг.[93] Поверхностность отмеченного интереса, отсутствие сколько-нибудь глубокого проникновения в естественно-научные сферы в данном случае очевидны.

В гораздо большей степени интересовал И. С. Коровкина локальный исторический опыт природопользования, освоения природных богатств. Известно, что краевед, подобно многим другим знатокам Омского края, собирал сведения по истории местного садоводства, цветоводства и пчеловодства. Так, среди его публикаций второй половины 1950 – начала 1960-х гг. имеется несколько газетных заметок о цветоводах из Боголюбовки, саде старого железнодорожника С. С. Кузьмичева, любинских пчеловодах-любителях[94]. Впрочем, указанные сюжеты рассматривались Коровкиным в русле скорее исторического, нежели естественно-научного краеведения.

Что же касается собственно исторического краеведения, заметим, что археолого-этнографическое направление последнего также интересовало Коровкина постольку-поскольку. Конечно, он проявлял достаточно живой интерес к археологической деятельности того же Палашенкова или, будучи краеведом-фольклористом, собирал наряду с произведениями устного народного творчества сведения, допу-

стим, о традиционной обрядности (известно, например, что в 1964 г. он побывал на сельской свадьбе и подробно описал ее обрядовую сторону[95]).

Коровкина-музейщика, естественно, привлекали (в качестве потенциальных экспонатов) предметы старого, традиционного быта. В уже называвшейся музейной инвентарной книге таких предметов перечислено немало – от рожка для искусственного вскармливания до кринок, рубелей, безменов, серпов, полотенец и пороховниц. В мае 1965 г. краевед посетил школьный музей, созданный в Любино-Малороссах М. И. Лощининой. Судя по дневниковой записи, Коровкина очень заинтересовали собранные учащимися «восьмилетки» старинные туеса, самовары, гребни, колокольцы и самопряхи[96]. Однако опять-таки мы имеем здесь дело скорее с неравнодушием краеведа к истории населенных пунктов, нежели с чем-то иным.

Сам Иван Семенович еще в 1955 г. писал: «...а сколько еще осталось несобранным!... Предметы домашнего обихода, одежды и обуви, образцы народного рукоделия – ведь это тоже свидетели прошлого. Одним словом, чтобы суметь воспроизвести полную картину *истории жизни населенных пунктов области* (выделено нами. – *А. Р.*)... требуется еще много и много собрать того, что лежит непочатым ценнейшим кладом в памяти людей, в их легендах и песнях, пословицах и присказках, старых обычаях и порядках, в быту, в украшении и обстановке "горниц", "передних" и "задних" изб»[97].

Надо сказать, что изучение истории населенных пунктов, а именно сел и деревень Любинского и некоторых соседних с ним районов Омской области, составляло основное содержание историко-краеведческих занятий И. С. Коровкина. В уже не раз цитировавшейся выше статье «Изучать наш край» краевед писал: «Мы не знаем даже даты основания многих поселков, деревень. Как же без этого изучать их историю, с чего начинать, с какого времени?.. Надо изучать историю своих родных мест не по сухим сводкам отчетов и протоколам собраний, а по живым рассказам наших современников... по воспоминаниям односельчан. Посвятить себя собиранию исторических сведений, писем и дневников участников войн, старинных документов, фотографий, предметов быта, песен и сказаний местных жителей – это важное и благородное дело...

На местах следует провести большую работу, разъяснить, заинтересовать, организовать собирание и руководить им из каких-то центров. Такими центрами могли бы быть местные краеведческие музеи, районные библиотеки или дома культуры, районные архивы... Сельские учителя и ученые вузов, библиотечные

работники и писатели, специалисты сельского хозяйства – все мы должны ради науки, ради истории, ради успеха нынешних и завтрашних дел собирать, изучать, пропагандировать ценнейшие материалы прошлого, рядом с которыми еще ярче и убедительнее становится наше настоящее»[98].

Эти фразы могли бы служить эпиграфом краеведческого творчества И. С. Коровкина. По сути, он призывал других к тому, чем активно и плодотворно занимался сам. В его «Меркутлинском дневнике» (1943 г.) записан рассказ одного 77-летнего старика о том, как он приехал в Сибирь в 1917 г. Судя по другим дневниковым записям краеведа, в 1946 г. он собирал материал о пребывании в Омске академика Н. В. Цицына. В графе «Что сделать» Коровкин отметил тогда: «Везде, где только можно, доставать вырезки из газет, журналов... о Н. В. ... о его работах...» Замыслив книгу «Цицын в Омске», краевед собирал воспоминания об ученом людей, с ним соприкасавшихся, – научных сотрудников и рабочих опытной станции сельхозинститута. «Скорее хочется собрать материал об этом», – читаем в коровкинском дневнике[99].

В том же 1946 г. краевед записал полученные от Н. Ф. Чернокова сведения о путешественниках, проезжавших через сибирские притрактовые села, в частности о князе Голицине. Тогда же он переписал для себя фронтовые дневник и письма своего земляка И. К. Коновалова[100]. Заметим, что сбору материалов о тогда еще недавней войне И. С. Коровкин уделял особое внимание. В его краеведческом архиве отложились письма земляков – участников Великой Отечественной войны Ф. Е. Чернокова, И. И. Каменского, А. Л. Борща и др., биографические сведения о ветеранах, воспоминания одного из них, П. Р. Борисова, о пребывании в лагере военнопленных[101].

В письме от 17 сентября 1951 г. Коровкин спрашивал Палашенкова, имеет ли областной краеведческий музей «особый отдел архива Великой Отечественной войны», есть ли в нем письма ветеранов-сибиряков, а также выяснял отношение Андрея Федоровича «к мысли насчет издания книги “Вести с фронта. Письма сибиряков – участников... войны”». «Мне кажется, – писал краевед, – это была бы очень ценная книга. М[ожет] б[ыть], следовало бы включить в нее и дневники... Скоро пришлю в архив музея кое-какие матер[иалы] о Великой Отеч[ественной] войне»[102].

Интересен ответ А. Ф. Палашенкова краеведу из Ново-Архангелки: «В музее собрано порядочно писем с фронта. Многие со стихами и рассказами. Конечно,

очень хорошо было бы издать все это, но, дорогой Ив[ан] Семенович, трудно рассчитывать, что на это пойдут. Не приспело еще время. Через некоторое время, несомненно, этот вопрос встанет перед центральными издательствами. Тогда зашевелятся и на местах. Теперь – безнадежно»[103].

Палашенков не только ответил на вопросы Коровкина, но и порадовался его краеведческим достижениям (в свое время ему было сообщено, что краевед кроме фольклора собирает «материалы для работы "Краткие сведения о населенных пунктах Любинского р-на" и "вообще всякий краеведческий материал"[104]). «Меня очень радует, – писал он, – что Вы, Иван Семенович, собираете фольклор и вообще занимаетесь изучением своего края. К глубокому сожалению, мало-мало кто интересуется родными местами. Мне известно 4–5 человек, с любовью отдающих свободное от службы время изучению края. Это на всю область. Мало, слишком мало. Не выращивает краеведов... [и] наш пединститут»[105].

В ответном послании, датированном 1 декабря 1951 г., Коровкин поблагодарил Палашенкова за внимание, за «большое сердечное письмо» («...мне оно очень дорого, дороги и нужны слова поддержки, одобрения. Посоветоваться здесь совершенно не с кем, кроме милого Ник[олая] Фед[оровича], которого я вижу, однако, всего раза 3–4 в год») и скромно заметил: «У Вас очень преувеличенное представление о моей собират[ельской] работе. Ничего особо ценного я не сделал, не собрал, хотя хочется, очень хочется собрать».

Тут же краевед сообщал своему старшему товарищу, что 60-летие Ново-Архангелки было отмечено беседой «История заселения наших мест». После его собственного выступления своими воспоминаниями поделились местные старожилы, причем один из них, по словам Коровкина, был настоящим кладом для краеведов. «Как много он знает и помнит! – восклицал Иван Семенович. – Но все-таки полагаться на память 2–3 стариков, понятно, нельзя, приходится расспраш(ивать) многих... Буду еще и еще расспрашивать... До чего интересно собирать материалы по истории наших сел и деревень! Жаль времени мало для этого, очень мало»[106].

Летом 1954 г. Коровкин просил Палашенкова «найти... кое-какие материалы, в кот[орых] содержались бы данные о возрасте населенных пунктов Любинского и др., соседних с Омском, районов», а в апреле 1955 г. записал в своем дневнике: «Твердо решил, что нужны ежедневные записи о текущей жизни, и я буду их делать. Весь захвачен историей населенных пунктов области. Но, собирая материал о прошлом, надо не забывать о настоящем, догнать жизнь... и шагать с ней в ногу»[107].

Свидетельства большой заинтересованности краеведа в изучении истории населенных пунктов Омского Прииртышья вообще очень часто встречаются на страницах его дневников. Приведем несколько примеров. В январе 1955 г. Коровкин сделал доклад в Ядринцево об основании этого села и других населенных пунктов Любинского района, в 1958–1959 гг. записал сведения по истории Чулково, Ново-Любино, Замиралово, Верблюжьего, Славинки, Масляновки, Протопоповки, а также статистические данные о деревнях Большемогильного сельсовета по состоянию на 1 января 1959 г. В 1959–1960 гг. краевед поместил в свой дневник схему внутреннего устройства этапного дома в Замиралово и рисунок «сборни» (сигнальный колокол под навесом), находившийся в той же деревне, а в 1962 г. работал в библиотеке областного музея, делал выписки о станице Лебяжьей[108].

Встречаются в бумагах И. С. Коровкина и другие материалы по истории населенных пунктов. В их числе выписки из хранящихся в научном архиве Тобольского краеведческого музея документов о деревнях и селах Большереченского района, фотографии дореволюционного Омска, запись беседы с выходцами из Смоленской губ. об их переселении в Сибирь, рассказ дочери партизана о событиях 1917–1919 гг. в Седельниковском районе, воспоминания А. М. Чебикова «В батраках» и многое другое. Естественно, подобные материалы занимали существенное место и в коровкинском музее в Большемогильном. Были включены в экспозицию, либо хранились в фондах те же письма, фотографии, награды и прочие реликвии земляков, портрет, крест и медали кочегара с «Варяга» Ф. Е. Михайлова и т. д.[109]

Особо нужно сказать о многочисленных публикациях краеведа по истории района, отдельных сел и деревень, а также о чем-то замечательных их жителях. И. С. Коровкин вообще был чрезвычайно активным корреспондентом районной и областной газет. В 1963 г. в редакционной статье «Зорче глаз, острее перья, рабселькоры!», помещенной в любинском «Маяке», говорилось: «Учитель-краевед... прислал за год 19 писем... Заметки Коровкина учат любить родной край, его людей, природу. Они обогащают память новыми знаниями из истории нашего края...»[110]

Нам известно несколько десятков таких заметок краеведа, опубликованных в 1950–1960-х гг. В них освещается история районных здравоохранения, школьного образования, библиотечного дела, комсомольских организаций[111]. И. С. Коровкин писал о любинцах-долгожителях, участниках гражданской и Великой Отечественной войн, колхозного строительства[112]. Добрая половина коровкинских газетных публикаций этих лет была посвящена истории отдельных населенных пунктов и особенно «юбилеям колхозных деревень» Тарлыка, Чулково, Ягодного, Ядринце-

во, Больше-Окуневки, Андреевки, Астрахановки, Боголюбовки, Помогаевки, Ивановки, Ровной Поляны и др.[113]

И. С. Коровкин, филолог по образованию и учитель русского языка и литературы по профессии, занимался и литературным краеведением, причем последнее увлекало его не менее, чем краеведение историческое. Вспомним также, что и к краеведению вообще Коровкин обратился будучи литератором-любителем. Мы уже говорили о том, что краеведа интересовали обстоятельства и подробности следования дорогами Омского Прииртышья А. П. Чехова. Добавим, что И. С. Коровкин, получив от В. С. Аношина сведения о потомках Ф. П. Копейкина, чеховского ямщика, вступил с ними в переписку. Сноха ямщика передала краеведу слова самого Копейкина: «Я вез одно время, в мае месяце, большого человека, шибко большого. Он писатель, ехал на Сахалин... Что он мне говорил, я никогда никому не скажу...»[114].

Разумеется, интересовали литератора-краеведа и пребывание в Омске Ф. М. Достоевского (он переписывался с внуком писателя), и тюкалинская ссылка Г. А. Мачтета, и биография Н. М. Ядринцева, и новые данные о П. П. Ершове или П. П. Бажове[115]. Однако основным направлением литературно-краеведческой деятельности И. С. Коровкина было изучение литературного Омска первых послереволюционных десятилетий. «Надо по крупицам собирать сведения о литературной жизни Омска в 20–30-х гг.», – писал он в своем дневнике[116]. Запись датирована октябрем 1969 г. – к тому времени краевед уже много лет собирал эти «крупицы» и накопил их немало.

Краеведческий архив И. С. Коровкина буквально испещрен материалами, касающимися жизни и творчества омских литераторов 1920–1930-х гг. В бумагах краеведа можно найти сведения об Антоне Сорокине (в неопубликованной книге Коровкина «О людях, сердцу дорогих» писателю посвящена отдельная глава – «В высоком гнезде короля Шестой державы»; 14 июня 1941 г. краевед получил от М. Юдалевича рукопись Сорокина «Сила денег»), Георгии Вяткине (записи стихов, машинописные экземпляры его статей и публикации Коровкина о нем), Всеволоде Иванове (сценарий телепередачи «Из литературного прошлого Омска»), Яне Озолине (рукопись статьи Коровкина «Стихи Яна Озолина», записи о встрече с вдовой поэта), Евлампии Минине (рукопись статьи о творчестве писателя), Иване Шухове (сведения, полученные от М. Е. Бударина), Георгии Суворове (его переписка с А. И. Смердовым, воспоминания о нем Н. С. Тихонова, публикации), Лидии Сей-

фуллиной (переписка краеведа с сестрой писательницы), а также об Александре Олениче-Гнененко, Викторе Уткове, Сергее Маркове, Иосифе Ливертовском и некоторых других поэтах, прозаиках, публицистах и литературоведах, судьбы которых были связаны с Омском[117].

Чувствуется особый интерес И. С. Коровкина к творчеству подавшегося в атеисты расстриги Иоанна Голошубина, а также репрессированных в 1930-х гг. Евгения Забелина и Павла Васильева. Голошубину Коровкин посвятил целый ряд своих газетных статей[118]. В феврале 1970 г. краевед писал А. Ф. Палашенкову: «Получил я интересные материалы о поэте Евгении Забелине. Его дочери прислали мне его стихи, фотографии, биографические сведения...». Кроме названных документов в архиве И. С. Коровкина хранится также и рукопись его собственной работы «О Евгении Забелине»[119].

Что же касается васильевских материалов, то в архиве краеведа отложились полученные им письма вдовы поэта Е. А. Вяловой-Васильевой, воспоминания В. Н. Васильева о своем брате, рукопись статьи самого Коровкина «Павел Васильев в Омске». В свое время Иван Семенович выписал интересные сведения о Васильеве из дневника Н. Ф. Чернокова. («С грустью на душе, – писал Черноков в 1961 г., – слушал я рассказ Журавлева о потере архива Васильева и... [о] гибели его самого: будучи в заключении, он не вернулся с первого допроса. Тяжело было слышать это, сознавая всю нелепость предъявляемых ему обвинений... Будто бы в основу одного из пунктов обвинения были положены строки из "Песни о гибели казачьего войска"... Нашли, что это подстрекательство к мятежу...») Интересовался Коровкин и частушками Павла Васильева. В марте 1963 г. Е. Н. Жданович прислала ему несколько текстов, сообщив при этом, что поэт «часто пел эти частушки, а, выпивши, орал на весь Омск»[120].

Более чем заметным направлением литературно-краеведческих занятий И. С. Коровкина было творчество его современника и, как мы помним, наставника, известного советского поэта Л. Н. Мартынова. В архиве Коровкина имеются письма Леонида Николаевича, а также несколько рукописных и машинописных экземпляров работ краеведа о Мартынове, главным образом, мемуарного характера («Тридцать лет назад», «В доме на улице Красных Зорь», «Воспоминание о Леониде Мартынове», «Страница воспоминаний...» и др.). Естественно, очеркам о Л. Н. Мартынове, а также о его брате Н. Н. Мартынове нашлось место и в коровкинской книге «О людях, сердцу дорогих»[121].

Вместе с тем, как нам кажется, центральное положение в литературно-краеведческом творчестве И. С. Коровкина занимала фигура П. Л. Драверта. Это имя постоянно встречается на страницах коровкинских дневников, в архиве краеведа сохранилась его переписка с самим Петром Людовиковичем, а также с П. К. Бадаевой и другими знавшими Драверта людьми. Отдельными единицами хранения личного фонда И. С. Коровкина являются машинописные экземпляры некоторых работ ученого-поэта, а также разнообразные записи о нем, «Воспоминания о Драверте» и статья «Моя переписка с Дравертом», принадлежащие перу фондообразователя[122].

«П. Л. Драверта я лично знала в детстве, когда жила в Омске. В альбоме у меня есть написанные им стихи. Моему отцу он дарил на память книги...», – эти слова И. С. Коровкин записал в свой дневник в 1954 г. Сказаны они были А. И. Малютиной, доцентом Енисейского учительского института[123]. Однако куда больший объем информации о Драверте был получен краеведом в результате многолетнего общения с уже нами называвшейся П. К. Бадаевой, морганатической, если можно так выразиться, вдовой Петра Людовиковича.

Судя по дневниковым записям Коровкина, свой первый визит к Бадаевой в качестве биографа покойного поэта он нанес летом 1947 г. Она рассказала краеведу о последних днях жизни его старшего товарища и друга: «Он простудился в сентябре. И дома, и в музее работал с трудом... Особенно тяжелы были последние двенадцать дней... Лишь в последние четыре-пять дней несколько раз приходил в сознание, начинал говорить, слушать письма... Накануне смерти, 11 декабря, захотел продиктовать письмо Вам. Я сказала, что сама напишу. "Нет-нет. Я продиктую. Мне совестно, что я до сих пор не ответил на два письма, не известил о болезни..." Больше всего он говорил о незаконченных научных работах».

Тогда же И. С. Коровкин посетил домашний кабинет Драверта и описал его обстановку: «...Бывший кабинет П. Людовиковича теперь выглядит так. Слева от двери, у печки – койка, покрытая ковром... в углу – биллиард... затем простой стол, покрытый скатертью, и в правом углу – письменный стол... На стене – большой фотопортрет матери П. Людовиковича в возрасте 33-х лет (удивительно молодой и красивой женщины). Отец [П. Л. Драверта] умер в возрасте 86 лет, дед прожил 106 лет)»[124].

Именно Коровкин вдохновил Павлу Константиновну на написание воспоминаний о Драверте. В дневнике краеведа (запись от 25 августа 1954 г.) читаем: «Был

у П. К. Драверт. Читала наброски своих воспоминаний... По-моему, неплохо выйдут. Пишет по моему наущению: «Мысль Вашу я подхватила, вернее, она меня полонила. Теперь институт ушел в прошлое, и пока я безработная, я пишу о П. Л. ... Назвала я мои записки просто – "Как было"». В другой тетради Ивана Семеновича есть запись, датированная тем же днем, но несколько иная по содержанию: «По моему наущению (вернее, не наущал, а настоял, чтобы писала) П. Конст. начала писать воспоминания о П. Людовиковиче и окружающих его людях. Вчера она читала первый вариант 4-х глав. Очень даже недурно выходят.

Вот несколько строк об Антоне Сорокине: "Вдруг легкий стук. П. Л. порывисто, как отмахиваются от назойливой мухи, пошел открыть. Возглас, приглушенные голоса, и он вернулся в комнату в обществе трех мужчин... разных возрастов. Первым шел изможденный высокий человек с узким лицом монгольского типа. Он крупно шагнул ко мне и произнес бесцветным сухим голосом: "Антон Сорокин". Рука его слабо дрогнула в моей, задержалась вяло и тихо упала. Он был самым старшим"»[125].

Вначале Иван Семенович переписывал в свой дневник лишь наиболее любопытные фрагменты воспоминаний П. К. Бадаевой (например, о приезде в Омск осенью 1924 г. А. В. Луначарского и его встрече с П. Л. Дравертом), а в 1955 г., видимо, не удовлетворившись отрывками, переписал их полностью[126]. В общем массиве краеведческих материалов Коровкина этот сделанный им список воспоминаний Бадаевой, хранящийся в областном историческом архиве, востребован теперь не только исследователями, но и публикаторами.

Отметим также, что в ходе одного из визитов к П. К. Бадаевой И. С. Коровкин скопировал полученные ею письма-соболезнования по случаю кончины Драверта, в частности, письмо Бориса Бухштаба. В 1965 г. Бадаева подарила краеведу для его музея в Большемогильном фотографии отца и сестры П. Л. Драверта, а также несколько открыток 1914 г.[127] Впрочем, случалось Коровкину получать от Бадаевой и неприятные подарки. Так, в том же 1965 г. она написала критическую заметку «Слово не воробей...» и направила ее в редакцию областной комсомольской газеты «Молодой сибиряк», не забыв при этом прислать копию Ивану Семеновичу как объекту свой критики.

Суть дела состояла в том, что в кабинете Драверта, как писала в своих воспоминаниях та же Бадаева, «...поверх всего с книжной полки строго смотрел пустыми глазницами белый череп...» Череп был найден ученым на левом берегу Иртыша

(несколько ниже Куломзино, в прибрежном иле, «на месте расстрелов в куломзинские события»). «...По глубокому убеждению П. Л., он принадлежал одному из участников восстания, геройски погибших в страшную ночь 22 декабря 1918 г.» Рядом с черепом стояла небольшая табличка с надписью "Homo sapiens" в траурной рамке. И. С. Коровкин, безусловно, знал все это, но, видимо, с годами что-то подзабыл, перепутал и в своей статье «Дом на улице Косарева» написал, что на этажерке Драверта лежал череп обезьяны[128].

Последнее глубоко возмутило П. К. Бадаеву. «Прежде всего, у П. Л. Драверт[а] не было черепа обезьяны, – писала она. – На этажерке... лежал череп человека... Череп этот имел сильно поврежденную нижнюю челюсть и в затылочной части круглое, видимо, пулевое отверстие... Он принадлежал одному из участников Куломзинского восстания... Мне непонятно, почему И. С. Коровкину вздумалось этого, видимо, геройски погибшего человека сделать обезьяной! ...Можно еще много сказать по поводу несуразностей и неряшливости, допущенных И. С. Коровкиным в своей статье... Они тем более отталкивают и неприятно поражают, что допускает их опытный, постоянный работник печати... Слово в печати – большое слово, и преступно так халатно и небрежно бросать его в массы, как это делает И. С. Коровкин. Этим он оказывает молодежи "медвежью услугу"»[129].

Нетрудно заметить, что своим стилем, словарем и особым приемом, придающим заурядной неточности политическую окраску (героя революции назвали обезьяной!), критический отзыв П. К. Бадаевой слишком напоминает доносы времен 1937 г. Любой другой человек, подвергнись он такой «критике», порвал бы с «критиком» всякие отношения. Насколько же нам известно, И. С. Коровкин либо вообще этого не делал, либо, прервав отношения с Бадаевой на какое-то время, вскоре опять их возобновил.

Так, в июне 1968 г. П. К. Бадаева ознакомила краеведа с новым вариантом своих воспоминаний, а в ноябре 1970 г. он, в очередной раз побывав у нее, «о многом [ее] расспрашивал», помимо прочего интересовали Коровкина и «радости Петра Людовиковича». В числе таковых фигурировали находки метеоритов, переписка с В. И. Вернадским, появление новых печатных работ, удачная поездка в Баян-Аул. Иван Семенович старался побольше узнать об окружении Драверта (к кому, например, он был особенно расположен), а также интересовался целым рядом всевозможных подробностей и мелочей – от того, где и с кем «гулял» (т. е. делил праздничный стол) Петр Людовикович, и до его гастрономических пристрастий, вроде

пирожков с яйцом и зеленым луком. Тогда же Коровкин выяснил, что и сама его собеседница, жившая в юные годы в Томске и знававшая самого Ивана Тачалова, не была чужда литературному творчеству, написала несколько рассказов и повесть «Хоженые тропы»[130].

Думается, такая вот незлопамятность Ивана Семеновича являлась следствием не только особенностей характера этого в действительности очень доброго человека, но и его незаурядной краеведческой увлеченности. Возможность получения новых материалов о том же Драверте, надо полагать, была для Коровкина важнее личных обид.

Деятельность И. С. Коровкина на поприще литературного краеведения, нашла свое отражение и в экспозиции созданного им школьного литературно-краеведческого музея[131]. Стоит упомянуть также, что краевед входил в состав инициативной группы, занимавшейся организацией литературного музея в Омске. Еще в 1961г. Коровкин выступил в печати с заметкой о создании на правах филиала Омского областного краеведческого музея музея литературного, причем выступил как член оргсовета последнего[132].

Надо заметить, что членство краеведа в оргсовете будущего музея было более чем оправданным. Он не только давно уже зарекомендовал себя как энтузиаст музейного строительства, не только сам был свидетелем и активным участником литературной жизни Омска, но и, безусловно, был полезен своими внушительными литературно-краеведческими познаниями и накопленными материалами[133]. Кстати, краевед располагал материалами не только о литературной, но и о театральной жизни края, собрав, в частности, довольно представительную коллекцию афиш, репертуарных листов, программ Омского драматического театра, а также театральных коллективов, приезжавших в Омск на гастроли. Есть в его собрании и списки трупп, и личные документы актеров, например, почетные грамоты Н. А. Бабенко и Г. С. Некрасова[134].

Однажды Н. Ф. Черноков свое очередное послание И. С. Коровкину начал шутливым обращением: «Шефу трех музеев, краеведу, собирателю народного творчества, т. е. фольклористу, организатору сельских хоров народной песни, члену-корреспонденту Омского отдела Географического общества, члену оргкомиссии Омского литературного музея, преподавателю литературы в 8, 9, 10 и 11 классах "и прочая"! Дорогому моему Ивану Семеновичу дружеский привет!!!»[135] Николай Федорович перечислил таким образом фактически все ипостаси своего товарища.

О двух основных направлениях краеведческого творчества Коровкина – историческом и литературном – мы рассказали выше. Однако характеристика деятельности краеведа была бы неполной без освещения его занятий фольклористикой, бывших для него – при всем внимании к историческому и литературному прошлому Прииртышья – первостепенными по своей значимости.

Характеризуя историко-краеведческую и литературно-краеведческую деятельность И. С. Коровкина, мы неоднократно обращались к его дневникам и переписке. Данные источники содержат достаточно обширную информацию и о работе Коровкина-фольклориста. Представление об этой работе способны, на наш взгляд, составить даже отдельные факты, почерпнутые из указанных источников и сведенные в довольно беглую, «пунктирную» хронику фольклорно-краеведческих поисков и находок Ивана Семеновича.

1939 г., январь. Первое упоминание в дневнике о записях народных песен: поэт М. В. Исаковский благодарит Коровкина «за присылку песен».

1939 г., февраль. Запись в дневнике: «Переписываю народные песни. Хожу к старухе. Четыре угла. Печка. Темно. Чуть мерцает свеча... Хорошие песни. И старуха чудесная»[136].

1947 г., июль. Встречается с песенницей А. М. Оленичевой: «...встреча обрадовала, но под конец разочаровала: я ожидал от нее гораздо большего. Зимой А. М. говорила... что в ее репертуаре не менее сорока сибирских... песен. Что же оказалось? Она знает не более двадцати песен полностью... и свыше десяти в отрывках... Причем из этих песен более половины привезенных из России. И все же А. М. – интересный человек. Это настоящая чалдонка»[137].

1951 г., сентябрь. Сообщает А. Ф. Палашенкову, что собирает песни, частушки, пословицы, поговорки, записывает «говоры людей», готовит для отправки в Гослитмузей материалы по устному народному творчеству и «кое-что уже отослал».

1951 г., декабрь. Пишет Палашенкову: «Неделю тому назад я отправил в Гослитмузей, в отдел уст[ного] нар[одного] творчества... тетрадь вечерочных и свадебных песен сибиряков-старожилов (сделал это по просьбе сотрудницы музея С. И. Минц). До этого отослал туда 4 тетр[ади] частушек и получил очень хороший отзыв. Частушки есть действительно очень хорошие»[138].

1953 г., декабрь. Слушает сказки в исполнении Анисьи Никитичны Ефимовой. От нее же записывает шуточную песню о Колчаке.

1954 г., январь. Запись в дневнике: «Записал плясовую "На коня дружка сажала"... Спешить записывать круговые песни, они скорее забываются старыми людьми, т. к. совсем не поются сейчас»[139].

1955 г., июнь. В библиотеке областного музея знакомится с М. Е. Будариным. Из дневника: «Говорили о фольклоре малых национальностей Сев.-Зап. Сибири (Бударин начинал собирать, больше никто не собирает)...»[140]

1955 г., сентябрь. Посылает А. Ф. Палашенкову открытку, в которой сообщает, что «этим летом... записывал фольклор в дер[евнях] Любинского района; записал песню о Ст. Разине (узнав об этом, Палашенков попросит прислать запись ему: "Думаю, что это один из многих вариантов. Интересно посмотреть". – *А. Р.*)... солдатские, плясовые и проголосные песни»[141].

1956 г., апрель. Отсылает в отдел фольклора Государственного литературного музея 12 сказок и анекдотов: «Мишка – кошкин сын», «Сущая правда», «Суворушка», «Умная дочь», «Поповы беды», «Катенька», «Про Петра I и солдата», «Хитрый Васька»... (в декабре оправит туда же еще 9 сказок, записанных от А. С. Кожемякиной).

1957 г., январь. Н. Ф. Черноков просит разрешения переписать для филармонии 1000 собранных И. С. Коровкиным частушек.

1959 г., июнь. Запись в дневнике: «Подумал вот о чем: хорошо бы из года в год записывать названия песен, кот[орые] исп[олняются] на выпускном вечере в... школе... Ведь молодежь поет новые, наиб[олее] популярн[ые] песни».

1960 г., сентябрь. От Е. Н. Земнухова, 73-летнего колхозника из дер. Тюменки, записывает заговор от куриной слепоты[142].

1962 г., июль. Вместе с А. Ф. Палашенковым и С. Р. Лаптевым навещает песенницу Н. И. Сафронову (песни, записанные от нее, буквально восхитили старого фольклориста Палашенкова), записывает рассказ Андрея Федоровича о «русальной неделе»[143].

1964 г., февраль. Идет за песнями на деревенскую свадьбу, но там «частушек пели очень мало, свадебных песен совсем не пели».

1967 г., январь. М. В. Исаковский сообщает о вышедшей в большой серии «Библиотеки поэта» книге «Частушки», составленной В. С. Бахтиным: «Между прочим, в книге напечатано довольно много Ваших частушек...»[144]

1970 г., февраль. Пишет Палашенкову: «Нашел я в Люб[инском] районе сказочницу... и сказочника... буду записывать от них сказки. От Балагурова одну [уже] записал».

1971 г., июль. Запись в дневнике: «...приехал в Веселую Поляну к Анне Кузьмовне записывать сказки. Пока записал только одну... т. к. у А. К. много гостей...»[145]

Как видим, краеведа-фольклориста И. С. Коровкина устное народное творчество интересовало во всей его полноте. Он записал множество русских народных песен[146], посвятил песням значительное число своих опубликованных и неопубликованных работ. В 1940–1960-х гг. были напечатаны его статьи «Народные песни Западной Сибири», «Хор народной песни» (две одноименных – о хоровых коллективах в Ново-Архангельском и Большемогильном, организатором и руководителем которых был сам фольклорист), «Летит по стране сибирская песня», «Песня живет вечно» и др.[147], а также ряд заметок о песенницах Омской области Д. Т. Холуевой, А. И. Гуловой, М. Ф. Абуцыной, Е. А. Отрадновой, Н. И. Сафроновой[148]. В архиве краеведа имеются рукописи его статей «Жемчужина русских песен», «Народный календарь и обрядовая песня сибиряков»[149].

Фольклорист собирал также загадки, пословицы и поговорки. Записи их составляют полтора десятка дел его личного архивного фонда[150]. Интересно, что одно из них содержит загадки, записанные учениками новоархангеловской «семилетки». Заметим кстати, что И. С. Коровкин вообще активно привлекал школьников к занятиям фольклористикой и добился в этом деле определенных успехов. Известно, в частности, что в июне 1971 г. он со своими учениками участвовал в работе Всероссийского семинара юных краеведов, проходившего в Псковской области. Одна из коровкинских подопечных Ольга Пахотина выступила там с докладом «Фольклор Западной Сибири»[151].

Вместе с тем, и это нетрудно обнаружить, первый план фольклорно-краеведческих интересов И. С. Коровкина занимали сибирские частушки и сказки. Частушками краевед увлекся еще в самом начале своего собирательского пути. К примеру, весной 1942 г. он выяснял мнение о песнях-частушках своего корреспондента П. Л. Драверта. Любопытно, что последний дал частушечному жанру, а заодно и народным музыкальным инструментам крайне низкую оценку.

«...Вообще к частушкам я равнодушен, – писал Драверт Коровкину, – они меня не трогают; это упадочные произведения народного творчества, рожденные в условиях капиталистического строя. Старинная русская песня была куда благороднее и поэтичнее. Впрочем, это дело вкуса, и своей точки зрения я никому не хочу навязывать. Балалайка мне прямо противна – безразлично в чьих бы то ни было руках. В старое время мне пришлось слышать балалаечный оркестр Андреева, которым

восхищался Николай II, – плохонького впечатления! Человеческий гений в ходе своего музыкального развития дал нам великолепные, богатые по звуковым оттенкам инструменты, и надо только пожелать, чтобы из обихода масс скорее исчезли балалайки, домбры и т. под. То же я отношу и к гармошке. Как видите, мы по-разному смотрим на некоторые вещи; однако это не мешает мне понимать Вас и от души желать всякого добра»[152].

Мнение Драверта на пристрастие Коровкина к исполнявшимся под звуки гармошки и балалайки «упадочным произведениям» не повлияло. Частушки он собирал в течение долгих лет и собрал их великое множество. Краевед писал о частушках, публиковал их тексты в периодической печати. В 1956 г. увидел свет сборник «Частушки колхозной молодежи», составленный И. С. Коровкиным вместе с филологом-фольклористом из Омского пединститута В. А. Василенко (с ним, а также с его коллегой Т. Г. Леоновой краевед состоял в переписке). Спустя три года, Коровкину удалось издать другой сборник – «Сибирские частушки», в который вошли уже только его собственные записи[153].

А вот в 1967 г. Западно-Сибирское книжное издательство отказало И. С. Коровкину в публикации сборника «Современные частушки Омской области» (был составлен в соавторстве с В. А. Василенко), сославшись на негативную оценку, данную рукописи А. Ивановым. Отзыв последнего стоит того, чтобы подробнее на нем остановиться. Принцип, исповедуемый этим рецензентом, был весьма прост: современна не та частушка, которую поют твои современники, а та, которую они должны сейчас петь. Понятно, что при данном подходе из разряда современных частушек должны были быть исключены такие, где упоминались, скажем, вороные кони на пашне, или предупреждались те, кто не слушается советов агронома и рискует тем самым отобедать щами из соломы и сорняков.

Иванов полагал также, что портят сборник и частушки, содержащие названия и понятия, сейчас измененные, либо вышедшие из широкого употребления («Красная Армия», «паровоз», «стахановец» и т. п.). «Следует внимательнее отнестись к частушкам с упоминанием “звена”, “звеньевой” с тем, чтобы не допустить пропагандирования *осужденной* (курсив наш. – *А. Р.*) производственной единицы в организации колхозного труда, – говорилось, в рецензии. – Встречаются в рукописи частушки определенно вредного или сомнительного в идейном отношении содержания». Хорошо еще, что рецензент уточнил, что попали они в сборник по недосмотру, невнимательности составителей, а не по злому их умыслу.

1971 г., июль. Запись в дневнике: «...приехал в Веселую Поляну к Анне Кузьмовне записывать сказки. Пока записал только одну... т. к. у А. К. много гостей...»[145]

Как видим, краеведа-фольклориста И. С. Коровкина устное народное творчество интересовало во всей его полноте. Он записал множество русских народных песен[146], посвятил песням значительное число своих опубликованных и неопубликованных работ. В 1940–1960-х гг. были напечатаны его статьи «Народные песни Западной Сибири», «Хор народной песни» (две одноименных – о хоровых коллективах в Ново-Архангельском и Большемогильном, организатором и руководителем которых был сам фольклорист), «Летит по стране сибирская песня», «Песня живет вечно» и др.[147], а также ряд заметок о песенницах Омской области Д. Т. Холуевой, А. И. Гуловой, М. Ф. Абуцыной, Е. А. Отрадновой, Н. И. Сафроновой[148]. В архиве краеведа имеются рукописи его статей «Жемчужина русских песен», «Народный календарь и обрядовая песня сибиряков»[149].

Фольклорист собирал также загадки, пословицы и поговорки. Записи их составляют полтора десятка дел его личного архивного фонда[150]. Интересно, что одно из них содержит загадки, записанные учениками новоархангеловской «семилетки». Заметим кстати, что И. С. Коровкин вообще активно привлекал школьников к занятиям фольклористикой и добился в этом деле определенных успехов. Известно, в частности, что в июне 1971 г. он со своими учениками участвовал в работе Всероссийского семинара юных краеведов, проходившего в Псковской области. Одна из коровкинских подопечных Ольга Пахотина выступила там с докладом «Фольклор Западной Сибири»[151].

Вместе с тем, и это нетрудно обнаружить, первый план фольклорно-краеведческих интересов И. С. Коровкина занимали сибирские частушки и сказки. Частушками краевед увлекся еще в самом начале своего собирательского пути. К примеру, весной 1942 г. он выяснял мнение о песнях-частушках своего корреспондента П. Л. Драверта. Любопытно, что последний дал частушечному жанру, а заодно и народным музыкальным инструментам крайне низкую оценку.

«...Вообще к частушкам я равнодушен, – писал Драверт Коровкину, – они меня не трогают; это упадочные произведения народного творчества, рожденные в условиях капиталистического строя. Старинная русская песня была куда благороднее и поэтичнее. Впрочем, это дело вкуса, и своей точки зрения я никому не хочу навязывать. Балалайка мне прямо противна – безразлично в чьих бы то ни было руках. В старое время мне пришлось слышать балалаечный оркестр Андреева, которым

восхищался Николай II, – плохонького впечатления! Человеческий гений в ходе своего музыкального развития дал нам великолепные, богатые по звуковым оттенкам инструменты, и надо только пожелать, чтобы из обихода масс скорее исчезли балалайки, домбры и т. под. То же я отношу и к гармошке. Как видите, мы по-разному смотрим на некоторые вещи; однако это не мешает мне понимать Вас и от души желать всякого добра»[152].

Мнение Драверта на пристрастие Коровкина к исполнявшимся под звуки гармошки и балалайки «упадочным произведениям» не повлияло. Частушки он собирал в течение долгих лет и собрал их великое множество. Краевед писал о частушках, публиковал их тексты в периодической печати. В 1956 г. увидел свет сборник «Частушки колхозной молодежи», составленный И. С. Коровкиным вместе с филологом-фольклористом из Омского пединститута В. А. Василенко (с ним, а также с его коллегой Т. Г. Леоновой краевед состоял в переписке). Спустя три года, Коровкину удалось издать другой сборник – «Сибирские частушки», в который вошли уже только его собственные записи[153].

А вот в 1967 г. Западно-Сибирское книжное издательство отказало И. С. Коровкину в публикации сборника «Современные частушки Омской области» (был составлен в соавторстве с В. А. Василенко), сославшись на негативную оценку, данную рукописи А. Ивановым. Отзыв последнего стоит того, чтобы подробнее на нем остановиться. Принцип, исповедуемый этим рецензентом, был весьма прост: современна не та частушка, которую поют твои современники, а та, которую они должны сейчас петь. Понятно, что при данном подходе из разряда современных частушек должны были быть исключены такие, где упоминались, скажем, вороные кони на пашне, или предупреждались те, кто не слушается советов агронома и рискует тем самым отобедать щами из соломы и сорняков.

Иванов полагал также, что портят сборник и частушки, содержащие названия и понятия, сейчас измененные, либо вышедшие из широкого употребления («Красная Армия», «паровоз», «стахановец» и т. п.). «Следует внимательнее отнестись к частушкам с упоминанием “звена”, “звеньевой” с тем, чтобы не допустить пропагандирования *осужденной* (курсив наш. – *А. Р.*) производственной единицы в организации колхозного труда, – говорилось, в рецензии. – Встречаются в рукописи частушки определенно вредного или сомнительного в идейном отношении содержания». Хорошо еще, что рецензент уточнил, что попали они в сборник по недосмотру, невнимательности составителей, а не по злому их умыслу.

Далее составители получили совет подвергнуть «особо тщательной чистке» так называемые любовные частушки, сильно засоренные «старой деревенщиной, натурализмом, вульгарной эротикой». «Некоторые частушки, – писал А. Иванов, – требуют текстового уточнения, иногда исправления по смыслу ...

Ох, Сибирь наша богата!
Чем она богата?
И лесами, и лугами,
И скотины табунами.

Здесь целесообразно "луга" заменить на "поля": богатство Сибири немыслимо без полей... Хлебные богатства Сибири почему-то... представлены одной рожью...»[154]

Складывается впечатление, что перед нами не рецензия на сборник фольклорных произведений, а отзыв на «Блокнот агитатора» или «Календарь колхозника». Рецензент, похоже, не видел разницы между частушкой, своеобразным документом эпохи, памятником народной культуры, и каким-нибудь лозунгом или памяткой-инструкцией, которые перед тем как публиковать, можно и нужно подвергать редакционной обработке. Мы уже не говорим о том, что в некоторых местах рецензия была весьма схожа с пассажами государственных обвинителей, звучавшими на судебных процессах лет за тридцать до ее написания.

Вернемся, однако, к объектам особого внимания собирателя-фольклориста Коровкина. Наряду с частушками таковыми, как уже отмечалось, являлись и сказки. К сибирским русским народным сказкам Иван Семенович был более, чем не равнодушен. Их записи составляют более четырех десятков единиц хранения архивного фонда краеведа[155].

Вспомним также, что среди бумаг покойного Н. Ф. Чернокова Коровкин с особым рвением искал опять-таки сказки. «Сборник из материалов Н. Ф-ча составляю, – писал он А. Ф. Палашенкову в декабре 1969 г., – но беда – нет сказок, а без них сборник не выходит. Василенко мне не ответил; [а] у Шарохи бумаг Н. Ф. нет». В феврале 1970 г. Коровкин снова сетовал, что «сказки Н. Ф-ча не находятся»[156]. Опубликовать хотя бы часть собранных сказок фольклористу удалось не сразу. Интересно, что в 1964 г. Коровкин послал сборник «Сказки, пословицы, частушки», составленный В. А. Василенко и вышедший в свет в 1955 г., Н. С. Хрущеву. Дневниковая запись от 17 апреля (позже несколько раз перечеркнутая красной пастой) гласит: «Сегодня дорогому Никите Сергеевиче Хрущеву исполнилось 70 лет... С разных концов света идут к нему поздравления, подарки. Я тоже отправил...

нашу книгу...»[157] Не совсем понятно только, что значит «нашу», нашу, т. е. омскую, или речь идет все же о совместной работе?

В 1968 г. в Новосибирске вышли уже собственно коровкинские «Сказки Омской области», а спустя пять лет, в 1973 г., там же увидело свет второе, существенно дополненное, издание собранных фольклористом сибирских сказок[158]. Сказки, вошедшие в эти книги, были записаны И. С. Коровкиным от Анастасии Степановны Кожемякиной, которой краевед посвятил еще и несколько отдельных небольших своих работ[159].

В середине 1970-х гг. краевед задумал предпринять третье издание сказок А. С. Кожемякиной под названием «Сказки Сибирского края». Рукопись этого сборника получила в 1976 г. благоприятные отзывы ученых СО АН СССР и была рекомендована к публикации[160]. Тогда же, в 1976 г., И. С. Коровкин получил отзывы на еще одну свою рукопись - сборник сказок для детей «Суворушка». На этот раз рецензенты – Т. Г. Леонова и А. Л. Коптелов – сошлись на отрицательном заключении.

Известный сибирский писатель, много слышавший о фольклористе Коровкине и охотно согласившийся прочесть рукопись, нашел, в частности, что «сказки записаны по всем правилам фольклористики, в них полностью сохранен говор исполнителей, и они, безусловно, представляют интерес для науки... Но... они... трудны для детского восприятия из-за обилия устаревшего лексикона». Рецензент, отнесшийся к работе краеведа-фольклориста справедливо и понимающе, советовал собирателю пересказать сказки современным литературным языком: «Иван Семенович сделает доброе дело, если вдохновится на этот труд»[161]. Думается, читать эту пусть отрицательную, но умную и добрую рецензию Коровкину было гораздо приятнее, чем ту, о которой шла речь несколько выше. Однако ни издать в третий раз сказки Кожемякиной, ни переписать «Суворушку» краевед не успел...

Завершая разговор о Коровкине-фольклористе, необходимо заметить, что Иван Семенович в какой-то мере интересовался также и историей местной фольклористики. Его перу принадлежит ряд работ о собирателях устного народного творчества и их коллекциях: «Собиратель фольклора» и «Редкое собрание песен» (об И. С. Голошубине как фольклористе), «Собиратель фольклора» (об отставном капитане Петре Павловиче Павлове из Омска, начавшем собирать фольклор еще в 1920-х гг. и поддерживавшем тесную связь с другими фольклористами)[162].

Конечно же, писал И. С. Коровкин и о Н. Ф. Чернокове, став, по сути, его первым, еще прижизненным биографом, а также настойчивым пропагандистом его краеведческого и собирательского творчества. Нам известны 10 газетных заметок

Коровкина о своем наставнике и друге, опубликованных в 1951–1969 гг. По одним только заголовкам этих публикаций, весьма содержательным и красноречивым, можно составить достаточно полное представление о жизни и деятельности Николая Федоровича: «Краевед Н. Ф. Черноков», «Большой знаток Сибири», «Собиратель жемчугов русского слова», «Летописец Омского хора», «Книголюб», «Интересная коллекция», «Тысяча фотопортретов», «Архив краеведа-сибиряка»[163].

В начале 1970-х гг. Коровкину удалось опубликовать небольшую статью о Чернокове в журнале «Земля сибирская, дальневосточная»[164]. Выше мы уже касались и того факта, что краевед сосредоточил в своем архиве значительный массив черноковских материалов[165], а после смерти товарища и коллеги попытался свести их в нечто целое и опубликовать в виде книги «Сибирские песни и игры. Воспоминания о старой Сибири. Дневники и письма»[166]. Добиться этого Коровкину не удалось отчасти потому, что подготовленный им труд был достаточно «сырым».

Известно, что Т. Г. Леонова, выступившая в качестве рецензента, пришла к следующему, по большому счету верному заключению. «Н. Ф. Черноков более пятидесяти лет занимался собиранием фольклора... – писала она в декабре 1972 г. – Записанные им тексты песен, описание игр, воспоминания, дневники, письма собирателя – все это, несомненно, достойно быть предметом внимания широкого читателя. В настоящее время рукопись при всем том, что в ней содержится интересный и значительный материал, нуждается в серьезной доработке со стороны отбора и систематизации этого материала, редакторской работы над ним и примечаниями к нему – всего того, что взял на себя И. С. Коровкин, готовя к публикации архив Н. Ф. Чернокова»[167]. Другое дело, добавим от себя, что Коровкину, если взять в расчет реалии его жизни, вряд ли была по силам тогда эта ноша.

Выше упоминалось также, что И. С. Коровкину не удалось в свое время издать и книгу собственных воспоминаний «О людях, сердцу дорогих». В конце 1974 г. он получил отказное письмо из Западно-Сибирского издательства. «К сожалению, мы не можем не согласиться с... оценкой сборника [рецензентом]», – писали издатели[168]. Оценка, данная Н. Н. Яновским, была предельно негативной. Мы приведем ниже несколько выдержек из этой рецензии, позволив себе там, где это необходимо, очень краткие комментарии.

«...В отличие от обычных читателей... [Коровкин] посылал письма своим любимым поэтам и, конечно, получал от них с их книгами, – писал рецензент. – Это, как правило, своего рода сопроводиловки (отнюдь, письма того же М. В. Исаковского весьма содержательны и интересны. – *А.Р.*)... Все это вызывает довольно грустное

ощущение: автору... публикация нужна не для того, чтобы сообщить о писателях что-то интересное, а для коллекции...

Теперь собственно о воспоминаниях и некоторых статьях об омских писателях. Прежде всего, все это неинтересно, чаще всего бессодержательно написано (это не факт. – *А. Р.*)... Книга у И. Коровкина не получилась... потому, что в ней много самого автора (но это вообще присуще мемуарному жанру. – *А. Р.*), не изучающего творчество или биографию того или иного писателя, а просто (это не так уж и просто. – *А. Р.*) коллекционирующего документы [в связи] с его положением инициатора музея в одном сибирском селе»[169].

Кстати, еще раз обратим внимание на то, что посредством этой книги И. С. Коровкин хотел поделиться с читателями своими воспоминаниями не только о писателях, но и о многих бывших его современниками омских краеведах – П. Л. Драверте, С. Р. Лаптеве и, конечно же, Н. Ф. Чернокове и А. Ф. Палашенкове, посвятив каждому из них отдельную главу[170]. Здесь уместно вспомнить еще об одной области коровкинских интересов и увлечений – о причастности его к изучению истории омского и вообще сибирского краеведения.

О том же А. Ф. Палашенкове И. С. Коровкин писал пусть меньше, чем о Н. Ф. Чернокове, но все же весьма много. После смерти Андрея Федоровича краевед посвятил его памяти небольшую выставку в своем музее и выступил перед школьниками с рассказом о нем. Палашенкову был посвящен также ряд печатных и оставшихся рукописными работ Коровкина («К 90-летию А. Ф. Палашенкова» и др.). В 1976 г. он выступил с воспоминаниями о нем по омскому радио и передал И. Ф. Петрову для публикации в «Судьбах, связанных с Омском» свой очерк о Палашенкове, так и не увидевший свет[171].

Писал И. С. Коровкин и о члене Географического общества, краеведе и коллекционере фотографий и открыток с изображениями старого Омска Николае Ивановиче Портнягине[172]. Вместе с тем его интересовали жизнь и деятельность не только краеведов-современников. Известны две публикации Коровкина о «крупнейшем сибирском краеведе» С. П. Швецове, а также его рукопись «Педагог и краевед Г. И. Симонов»[173]. Это имя уже упоминалось нами, когда речь шла о краеведческой деятельности Драверта. Возможно, Коровкин именно от него узнал об этом талантливом краеведе, ушедшем из жизни еще в 1923 г., а может быть, и от Палашенкова, располагавшего сведениями о том, что Симонов написал в свое время историю Тюкалинска[174]. Нам удалось выяснить лишь то, что материалы о Симонове Коровкин собирал, работая с документами научного архива Тобольского краеведческого музея[175].

Завершая рассказ о Коровкине, коснемся такого более чем важного для любого творческого человека фактора, как прижизненное признание. Ивана Семеновича знали, его в общем-то печатали, о нем писали. Еще в 1953 г. в «Омской правде» появилась статья А. Каневской «Собиратель народного творчества», в которой занятия фольклориста назывались делом благородным, требующим «особой любви, вдохновения, страсти» и заслуживающим не меньшего уважения, чем труд новатора-изобретателя.

«Беспокойной жизнью искателя жемчужин народного творчества, – писала А. Каневская, – живет учитель... Коровкин. За пятнадцать лет этот энтузиаст-фольклорист собрал свыше двух тысяч частушек, шестисот поговорок и пословиц, трехсот песен, много сказок, загадок, шуток... а также различных краеведческих материалов. В каникулярное время Ивана Семеновича можно часто встретить далеко за пределами своего села и района. Он усердно записывает произведения народного творчества в различных районах области, лично связан со многими сказителями, песенниками, хранителями золотых россыпей народного ума... Большим и благородным делом занимается сельский учитель. Оно, несомненно, заслуживает самого широкого признания и поддержки общественности»[176].

В 1970 г. статья Н. Тюриной «Ищу Коровкина» была опубликована в «Комсомольской правде»[177], а годом позже, судя по сохранившемуся в бумагах краеведа сценарию В. Гагарина, Центральное телевидение выпустило передачу «Собиратель сибирского фольклора». «Изо дня в день одной и той же тропой идет И. С. Коровкин по направлению к школе, – прозвучало тогда в телеэфире. – Из дому он выходит заблаговременно. Почему?.. А вдруг он услышит новую поговорку, прибаутку, интересную бывальщину... Дома Иван Семенович еще долго будет сидеть за столом за обработкой собранных им материалов, готовиться к очередной экспедиции, чтобы в один из счастливых дней выйти вот на эту самую дорогу да и пошагать от села к селу, от избы к избе... в надежде принести домой полный короб песен, сказок, частушек, остроумных пословиц и поговорок, мудрых сказов, которыми так богата... сибирская земля»[178].

Высоко ценили Ивана Семеновича и те, кто близко с ним соприкасался. А. Ф. Палашенков еще в 1951 г. написал краеведу: «Вы, я знаю, любите каждую искру души народной. Вот побольше бы таких, как Вы»[179]. А когда Коровкина уже не было в живых (он умер в Любинской районной больнице 24 января 1977 г.) хорошо знавший его писатель В. Г. Утков сказал, что «это был один из немногих в наше время... бескорыстных служителей литературе, святой человек, для которого кроме любимого

дела ничего не существовало, который никогда не гнался ни за какими выгодами и преимуществами»[180].

И все же того самого «широкого признания и поддержки общественности» И. С. Коровкину явно недоставало. Сделавший и так «больше, чем было возможно», он сделал бы еще больше, если бы находил понимание и содействие там, где ему зачастую приходилось, как мы видели, сталкиваться с совершенно обратным. Впрочем, с дефицитом понимания и поддержки приходилось сталкиваться практически всем энтузиастам омского краеведения. Лишь очень немногие считали тогда (таких и сейчас не слишком много), что люди, подобные И. С. Коровкину, принадлежат «не только берегам Иртыша, а тому всемирному движению человечества вперед, к счастью, которое и осуществляется отдельными личностями».

Именно так выразился в свое время в письме к А. Э. Лейферу В. Г. Утков. В том же письме известного писателя и литературоведа есть слова, непосредственно относящиеся к Ивану Семеновичу: «Разве Ваня Коровкин, бедный Ваня Коровкин, над которым многие смеялись и которого понимали только немногие, не достоин того, чтобы о нем писали как о человеке замечательном, том праведнике, без которых не может существовать мир?..»[181]. Излишне, наверное, пояснять, что ответ на этот риторический вопрос может быть только положительным.

Кадровый состав омского краеведения пополнялся как в 1930-е, так и в последующие 1940–1960-е гг. Бурная краеведческая деятельность областного музея в годы директорства А. Ф. Палашенкова, возрождение в Омске отдела Географического общества СССР явились мощными факторами вовлечения в краеведческое движение большой группы ученых-естественников. Известный сибирский садовод мичуринской школы, доктор сельскохозяйственных наук, профессор ОмСХИ ***Александр Дмитриевич Кизюрин (1879–1971)***, выходец из пензенских крестьян, окончил училище садоводства и институт в Моравии, стажировался в Швейцарии, Италии, Германии, Бельгии и Голландии, затем преподавал в Черниговской губ., после поражения первой русской революции подвергался высылке, запрету на педагогическую деятельность и проживание в университетских городах.

А. Д. Кизюрин в течение нескольких лет работал в Обществе садоводов Самарской губ., затем преподавал в Пензенском техникуме садоводства, с 1930 г. он – заведующий кафедрой плодоводства Омского сельхозинститута[182]. Уже говорилось, что в 1951–1960 гг. профессор возглавлял Омский отдел ВГО, активно сотрудничал с областным краеведческим музеем, дружил с его директором[183]. В 1964 г. ученый писал А. Ф. Палашенкову из Крыма: «Нахожусь у дочери. Она работает в Никитском бо-

таническом саду. Сад! Вот где "минувшее меня объемлет живо" ... Здесь живо вспоминаешь и Южную Моравию, и Тюрингию, и годы учебы в Пензенском училище... К тому же на днях прочитал занимательную книгу о поисках и находках произведений Древнего мира. Сколько интересного. А исторические пути народов и племен!..

Прочитал несколько статей о перемене взглядов на современную генетику. Большие перемены. Многие ученые потеряли авторитет, и не вернуть им таковой. Я интересовался генетикой, но моя специальность была другая, более скромная – найти в Сибири здоровые условия обитания для яблони, нашей обычной культурной яблони»[184]. Некоторые работы А. Д. Кизюрина, посвященные проблемам сибирского садоводства, во второй половине 1950-х гг. увидели свет на страницах «Известий» Омского отдела[185]. Как садовод-опытник и краевед Кизюрин внес значительный вклад в развитие садоводства и плодоводства в Прииртышье.

Частым гостем и другом омского музея в палашенковское время был профессор сельхозинститута, доктор сельскохозяйственных наук ***Константин Густавович Ренард (1884–1961).*** Выпускник агрономического факультета Киевского политехнического института, директор Энгельгардской опытной станции Ренард, как и Кизюрин, претерпел гонения за проявленное в молодые годы свободомыслие, в начале 1920-х гг. работал в Белорусской сельскохозяйственной академии, в 1930 г., будучи приверженцем А. В. Чаянова, был приговорен к трем годам лишения свободы (наказание отбывал в мариинском СИБЛАГе), затем преподавал в ОмСХИ. В 1948 г. после известного институтского собрания по обсуждению итогов августовской сессии ВАСХНИЛ профессор К. Г. Ренард, наряду с профессорами А. А. Стольгане и К. Е. Мурашкинским оказался в опале и какое-то время оставался без работы. Восстановлен в должности заведующего кафедрой селекции и семеноводства он был лишь в результате поездки в Москву и покаянного разговора с академиком Т. Д. Лысенко[186].

В «Музейной летописи» за 1950 г. отразились факты активного участия К. Г. Ренарда в проводимых музеем мероприятиях, в частности, в открытии 17 октября 1950 г. музейной экспозиции в парково-ботаническом заповеднике им. П. С. Комиссарова. Несколько раньше в самом музее открылась выставка, посвященная «Неделе сада», и состоялась небольшая научная конференция. В «Летописи» читаем: «Сделал доклад... профессор Ренард К. Г. "Декоративное садоводство и цветоводство в условиях Омской области"... Собралось человек тридцать научных работников и представителей общественности... Профессор... боялся, что ему придется идти пешком до Сибаки, т. к. времени оставалось очень мало до отхода автобуса,

а Садырин засыпал его вопросами... Ренард показал фотографии и рисунки всевозможных цветов, рассказал, как заставить некоторые сорта цвести чуть ли не круглый год...»[187] Добавим, что К. Г. Ренард был автором нескольких публикаций по проблемам цветоводства в Омском Прииртышье[188].

Активно сотрудничал с Омским отделом ВГО заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, доктор биологических наук, лауреат премии Московского общества испытателей природы ***Анатолий Владимирович Федюшин (1891–1972).*** Сын слуцкого уездного землемера по окончании естественного отделения физико-математического факультета Московского университета занимался педагогической деятельностью, в 1920-е гг. работал на кафедрах зоологии белорусских сельхозакадемии и университета. Профессором Сибирского сельскохозяйственного института Федюшин стал в 1933 г.

Известно, что по совместительству он преподавал также в Омском ветеринарном институте, где, в частности, в 1948 г. его упрекали за то, что в своих лекциях он не показывал должным образом достижения К. Е. Тимирязева, И. В. Мичурина и Т. Д. Лысенко[189]. Как биолог А. В. Федюшин отличался впечатляющей широтой научных интересов и мог с одинаковым успехом работать над решением проблем прудового рыбоводства и кормовой базы птицеводства, паразитологии и природно-очаговых инфекций[190]. Увлеченность и эрудиция этого известного в стране и за рубежом ученого проявились и в его плодотворной краеведческой работе, в частности, в Омском отделе ВГО, действительным членом которого он состоял. В изданиях Отдела время от времени печатались научные труды А. В. Федюшина[191].

Практически то же самое можно сказать и о профессоре Омского ветеринарного института ***Михаиле Михайловиче Садырине (1900–1963).*** Краевед родился в Красноярской губ. в семье крестьянина, учился вначале в низшем, а затем в среднем сельскохозяйственных училищах, дальнейшее образование получил на агрономическом отделении Высших педагогических курсов и в Омском ветеринарном институте, который окончил (заочно) в 1935 г. В 1940 г. М. М. Садырин был утвержден доцентом кафедры зоологии и дарвинизма этого вуза. С конца 1940-х гг. он являлся одним из наиболее активных членов Омского отдела, неоднократно выступавшим с докладами в его собраниях и в течение ряда лет состоявшим в его Совете. В 1954 г. вместе с другими активистами Отдела Садырин принимал участие в работе научной конференции, проводившейся в ТГУ по случаю 350-летия г. Томска[192].

Более всего краеведа интересовали вопросы, связанные с изучением опыта и перспектив развития пчеловодства в Омской области (А. Ф. Палашенков отзывал-

ся о нем как о «пропагандисте пчеловодства в крае, авторе ряда ценных работ по этой отрасли сельского хозяйства...»), однако, исходя из имеющихся данных, можно говорить и о том, что его занимали ботанические вопросы, заботили проблемы охраны природы[193]. В какой-то степени внимание краеведа было обращено и на изучение истории омской науки и образования (того же ветеринарного института). Интересно и показательно также то, что М. М. Садырин в собраниях Омского отдела неоднократно выступал с докладами о жизни и краеведческой деятельности своих коллег и товарищей П. Л. Драверта, И. Н. Шухова, А. Ф. Палашенкова («П. Л. Драверт – широко образованный биолог», «Биографические материалы о профессоре И. Н. Шухове», «А. Ф. Палашенков, его жизнь и научно-просветительская деятельность»)[194].

Заметный историко-биографический интерес к судьбам некоторых омских краеведов проявлял и доцент Омского сельскохозяйственного института ***Венедикт Константинович Иванов (1901–1972)***. В 1962 г. он выступил на собрании Омского отдела с докладом «Научно-педагогическая и поэтическая деятельность П. Л. Драверта». Спустя несколько лет на научной конференции, посвященной 90-летию Отдела, прозвучал его доклад об одном из первых своих учителей-наставников «А. Н. Седельников – ученый, педагог, демократ»[195].

Крестьянский сын В. К. Иванов начал свое образование в двухклассном училище и Омской учительской семинарии. В 1919–1920 гг. он участвовал в Гражданской войне. В мае 1920 г. красноармеец Иванов стал студентом Сибирского института сельского хозяйства и промышленности, параллельно с учебой работал наблюдателем на метеорологической станции В. И. Дудецкого. Еще в 1923 г. студентом-метеорологом, специализировавшимся на изучении засух и суховеев, был сделан доклад в ЗСОРГО, членом которого он к тому времени уже состоял. В этом докладе впервые были установлены коэффициенты корреляции между летними осадками и урожаями. С несколькими докладами о метеорологических условиях западносибирских засух В. К. Иванов выступил и в 1926 г. В дальнейшем ученому довелось быть делегатом II Всесоюзного географического съезда и ряда других форумов, проводившихся Географическим обществом СССР.

В 1937 г. к тому времени уже доцент метеорологии В. К. Иванов выпустил монографию «Климат Омской области», а в октябре 1970 г. коллективом под его руководством была опубликована брошюра «Климат Омска. Результаты 40-летних (т. е. проводившихся на протяжении именно 1930–1960-х гг. – *А. Р.*) наблюдений метеорологической станции Омского сельскохозяйственного института...».

Аркадий Викулович Ваганов
в молодые годы

Документы о рождении и браке
А. В. Ваганова. 1892, 1920 гг.

РЕДКАЯ НАХОДКА

Воспитанники Екатерининского детского дома № 35 Тарского района нашли на берегу реки Абросимовки, на глубине около полутора метров, металлическую чашу. Ее высота 2,7 см, диаметр дна — 5,5 см, диаметр верхней окружности — 8,8 сантиметра.

На внешней стороне чаши размещено свыше 20 рисунков, изображающих, по преимуществу, различных животных и среди них человека, расположившегося в непринужденной позе на земле. На внешней стороне дна изображен всадник на бегущем коне. Среди животных можно опознать заседланного слона, собаку, тигра, зайца. Рисунки некоторых животных повторяются несколько раз.

Богато гравирована и внутренняя сторона чаши. На дне ее изображен всадник на коне. За человеком, на крупе коня находится какое-то животное, с подогнутыми ногами, себя задними ногами и очень странной головой. Около ног коня ползут две змеи, высоко подняв головы. Всадник производит впечатление человека, увосщегося от какой-то большой опасности.

По бокам внутренней части чаши около 30 изображений, по преимуществу люди, животные и птицы. Обращает на себя внимание человек, голова которого присажена к туловищу ниже пояса. Второй человек изображен с головой животного. Но чувствуется, что голова мыслит по-человечески, а глаза с любопытством и удивлением устремлены вдаль.

Один пониклой человек изображен с особыми знаками отличия: на обоих рукавах костюма, чуть повыше локтя, имеются лентообразные повязки; головной убор его — в виде конуса с двумя вертикальными прошивками против середины лба. Далеко отставив правую руку, человек над чем-то раздумывает.

Обилие узорной гравировки вокруг людей и животных иногда скрадывает самую сущность изображения.

Вероятно, находка относится к XII—XIV столетиям. Приняты меры к точному определению места и времени изготовления находки.

Детский дом передал чашу Тарскому краеведческому музею.

А. ВАГАНОВ,
краевед-любитель г. Тары.

В ТАРЕ НУЖЕН МУЗЕЙ

Краеведческий музей существовал в Таре в течение двадцати лет с 1932 по 1952 год. Музея не стало, краеведческой работы нет. Нужна ли она? Несомненно нужна. Чтобы воспитывать молодежь, нужно многое изучать, исследовать не только по «сухой» книге или рассказу преподавателя, а по живой книге природы.

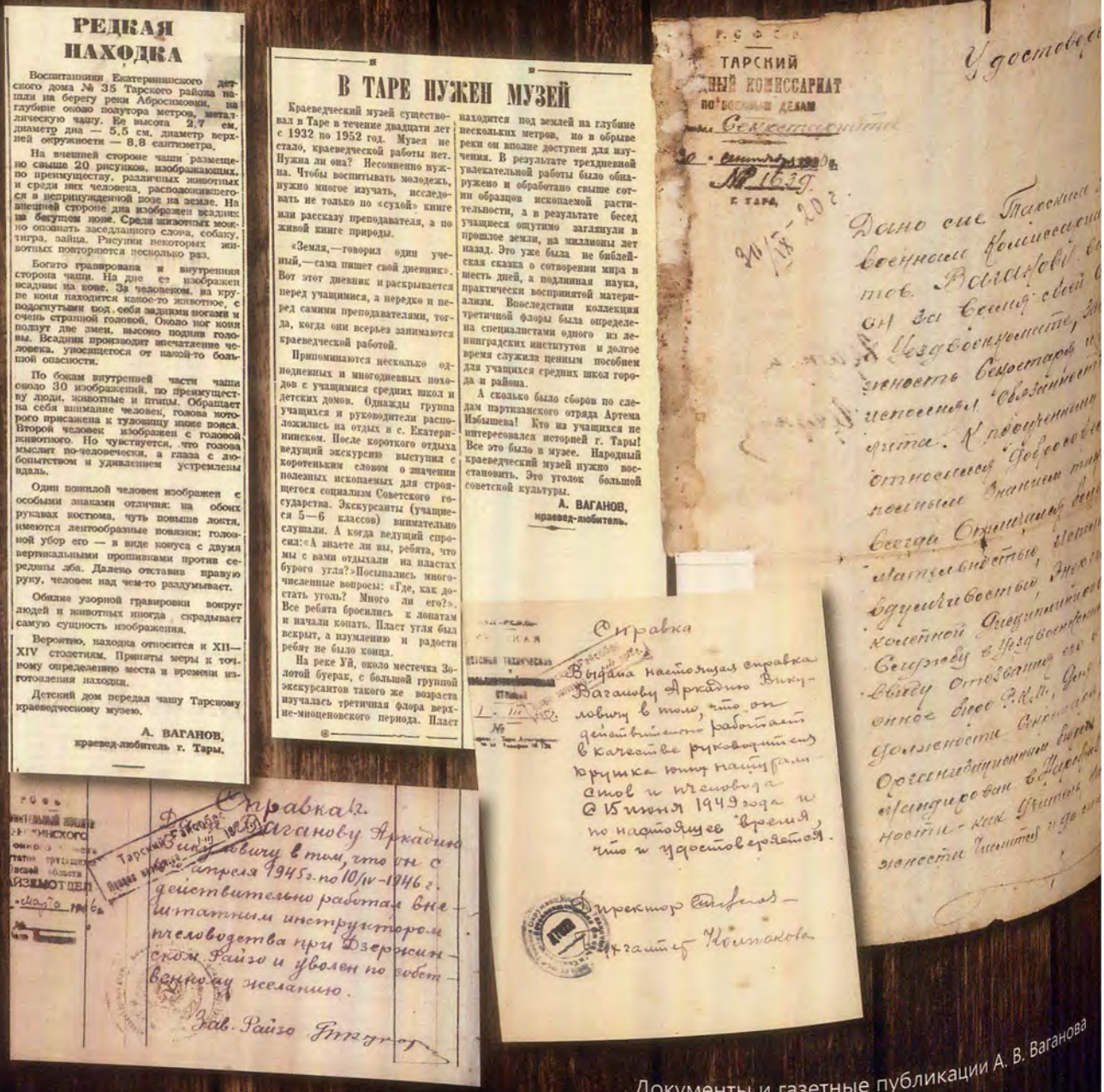
«Земля,—говорил один ученый,—сама пишет свой дневник». Вот этот дневник и раскрывается перед учащимися, а нередко и перед самими преподавателями, тогда, когда они всерьез занимаются краеведческой работой.

Припоминаются несколько однодневных и многодневных походов с учащимися средних школ и детских домов. Однажды группа учащихся и руководители расположились на отдых в с. Екатерининском. После короткого отдыха ведущий экскурсию выступил с коротеньким словом о значении полезных ископаемых для строящегося социализм Советского государства. Экскурсанты (учащиеся 5—6 классов) внимательно слушали. А когда ведущий спросил: «А знаете ли вы, ребята, что мы с вами отдыхали на пластах бурого угля?» посыпались многочисленные вопросы: «Где, как достать уголь? Много ли его?». Все ребята бросились к лопатам и начали копать. Пласт угля был вскрыт, а изумлению и радости ребят не было конца.

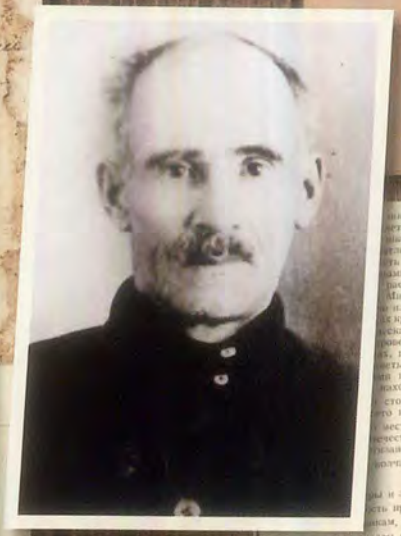
На реке Уй, около местечка Золотой буерак, с большой группой экскурсантов такого же возраста изучалась третичная флора верхне-миоценовского периода. Пласт находится под землей на глубине нескольких метров, но в обрыве реки он вполне доступен для изучения. В результате трехдневной увлекательной работы было обнаружено и обработано свыше сотни образцов ископаемой растительности, а в результате бесед учащиеся ощутимо заглянули в прошлое земли, на миллионы лет назад. Это уже была не библейская сказка о сотворении мира в шесть дней, а подлинная наука, практически воспринятой материализм. Впоследствии коллекция третичной флоры была определена специалистами одного из ленинградских институтов и долгое время служила ценным пособием для учащихся средних школ города и района.

А сколько было сборов по следам партизанского отряда Артема Избышева! Кто из учащихся не интересовался историей г. Тары! Все это было в музее. Народный краеведческий музей нужно восстановить. Это уголок большой советской культуры.

А. ВАГАНОВ,
краевед-любитель.



Документы и газетные публикации А. В. Ваганова



А. В. Ваганов.
1930-е гг.

ИЗУЧАЙТЕ СВОЙ КРАЙ

но ли забыть, забросить экскурсии и походы? Почему не использовать для них осенние погожие дни? А нет ли в нашем городе таких объектов, которые помогли бы наполнить школьные кабинеты ценными пособиями?

К примеру, отметим следующее: учащиеся средних школ изучают строение земной коры, знакомятся с геологическими эпохами. Как известно, каждая из них характеризуется определенного типа растительными и животным миром. Если у вас поблизости встретятся пласты земной коры с ископаемой фауной, используйте их для учебы. А они совсем рядом, в самом городе, на р. Аркарке. Вот точные координаты: левый берег р. Аркарки, метров на 15—20 ниже мостика для пешеходов по дороге на стадион в загородную рощу. Здесь около самой воды есть залежь песка, вернее илистой массы, насыщенной разложившимся ракушечником, но встречаются и сохранившиеся ракушки—это фауна четвертичного периода.

Здесь же неподалеку, на стыке улиц Свердлова и Чернышевского, вы обнаружите стоянку древних людей, найдете фрагменты глиняной посуды с характерным для тех времен орнаментом. По заключениям находкам специалисты определят период стоянки.

В заключение следует отметить, что Тарский район чрезвычайно насыщен памятниками материальной культуры, особенно правобережья Иртыша. Там, начиная от устья р. Тары и до устья реки Уй, вы обнаружите множество стоянок, городищ и курганов. Изучайте свой край!

А. ВАГАНОВ.
краевед-любитель.

Правое дело восторжествовало

Октябрьская социалистическая революция совершилась. Распространение власти Советов по территории нашей страны шло таким быстрым темпом, что В. И. Ленин назвал его «триумфальным шествием Советской власти».

Но молодому Советскому государству с первых же дней его существования пришлось выдержать ожесточенную борьбу с контрреволюционными силами.

...Июнь 1918 г. После упорных боев пал Омск, ставший резиденцией белогвардейских правителей, солдафей Колчака.

Окопи и поднял головы черные силы Тарского Приртышья. Здесь до разгрома колчаковщины свирепствовали карательные отряды полковника Франко и его дяди Гнусина. Разгулом была охвачена и тарская буржуазия с кулачеством во главе. Так по доносу кондратьевского попа (Муромцевский район) много невинных людей, сочувствующих большевику Казанцеву, карателя в своих зверствах методически расправлялось. Например, приговоренным к смерти вешали и плечи гвоздя. Евгашинский поп Наум Гнилой, снимая рясу, верхом на лошади с револьвером за поясом носился по селам и деревням в поисках больше-виков и красных партизан. Но и часто красных карающей рукой возмездия карающей власти Советского государства. Активизировали свою деятельность и тарские коммунисты, поднимая народ на священную борьбу.

Со звериной жестокостью и страстью рыскали белики за теми, чтобы изловить руководителей красного партизанского движения Артема Ивановича Избышева. Окруженный колчаковскими псами, он погиб в 1919 году. Тарские буржуазия линовала и с неописуемой радостью встречала карателей.

Черные дни переживала Сибирь. Но и в это трудное время разнузданного разгула белогвардейщины, массовых арестов и расстрелов сибирские большевики не ослабили революционной борьбы. Уйдя в подполье, они руководили партизанским движением, организовывали восстания, разрушали колчаковские тылы. Активизировали свою деятельность и

берег р. Аркарки, метров на 15—20 ниже мостика для пешеходов по дороге на стадион в загородную рощу. Здесь около самой воды есть залежь песка, вернее илистой массы, насыщенной разложившимся ракушечником, но встречаются и сохранившиеся ракушки—это фауна четвертичного периода.

Здесь же неподалеку, на стыке улиц Свердлова и Чернышевского, вы обнаружите стоянку древних людей, найдете фрагменты глиняной посуды с характерным для тех времен орнаментом. По заключениям находкам специалисты определят период стоянки.

В заключение следует отметить, что Тарский район чрезвычайно насыщен памятниками материальной культуры, особенно правобережья Иртыша. Там, начиная от устья р. Тары и до устья реки Уй, вы обнаружите множество стоянок, городищ и курганов. Изучайте свой край!

А. ВАГАНОВ.
краевед-любитель.

Стойким революционером-ленинцем проявил себя в Тарском отделении Сибирского Областного Комитета РКП(б) и Тарского Уездного Исполкома Советов.

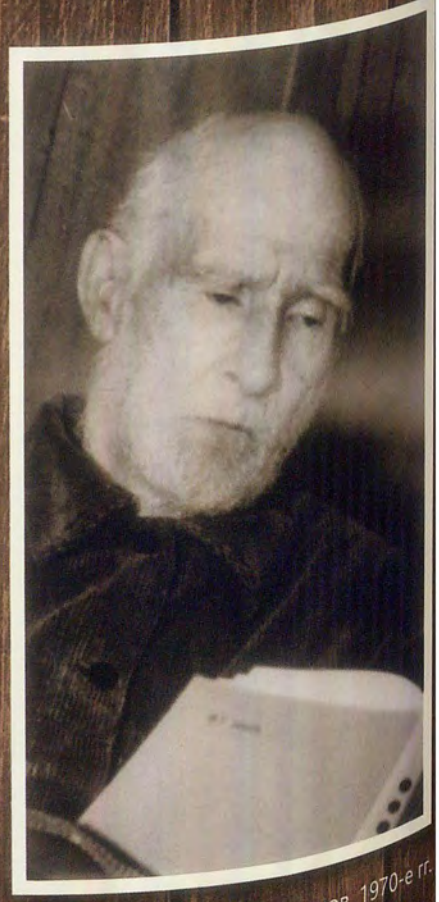
В 1919 году, когда в Тару ворвались белогвардейские банды Колчака, Ваганов был арестован и брошен в тюрьму. Здесь он подвергался зверским пыткам, но не выдал своих товарищей.

Ваганов А. В. был освобожден из тюрьмы в 1920 году, после разгрома колчаковщины.

Ваганов А. В. был одним из организаторов Тарского краеведческого музея, в котором работал с 1925 по 1931 год.

Ваганов А. В. был одним из организаторов Тарского краеведческого музея, в котором работал с 1925 по 1931 год.

В кругу семьи



А. В. Ваганов. 1970-е гг.

ера Аркадьевна у дома Вагановых в Таре.
Май 1994 г. Фото автора

Самовар – семейная реликвия, подаренная автору В. А. Вагановой в 1994 г.

Василий Аношин на военной службе

Василий Семенович Аношин у своего музея в Большеречье. Июль 1962 г. Фото С. Р. Лаптева

В. С. Аношин проводит экскурсию в своем музее

Краеведы-фольклористы
(слева И. С. Коровкин, справа Н. Ф. Черноков)

Иван Семенович Коровкин

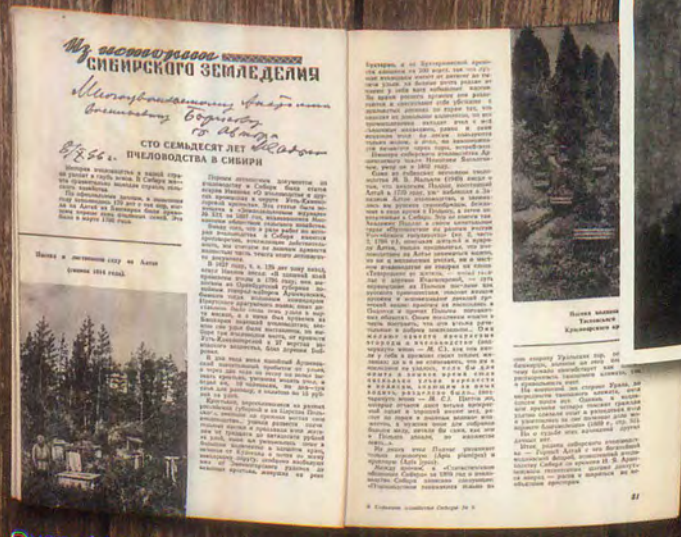
Книга В. С. Аношина
«Где шумит Артынский бор»
(Омск, 1968)

Сборник «Сибирские
частушки», составитель
И. С. Коровкин (Омск, 1959)

Книга «Сибирские сказки.
Записаны И. С. Коровкиным
от А. С. Кожемякиной»
(Новосибирск, 1973)

Александр Дмитриевич Кизюрин. 1938 г.

Анатолий Владимирович Федюшин



Михаил Михайлович Садырин

Очерк М. М. Садырина «170 лет пчеловодства в Сибири», напечатанный в 8-м номере «Сельского хозяйства Сибири» за 1956 г. Из собрания А. М. Лосунова

Сергей Павлович Залыгин

Константин Густавович
Генард

Сборник рассказов Сергея Залыгина «Утренний рейс» (Омск, 1953)

Варфоломей Семенович
Мезенцев

Дмитрий Николаевич Фиалков

Манускрипты XVII–XVIII вв.
Из личного фонда Д. Н. Фиалкова в ОГОНБ им. А. С. Пушкина

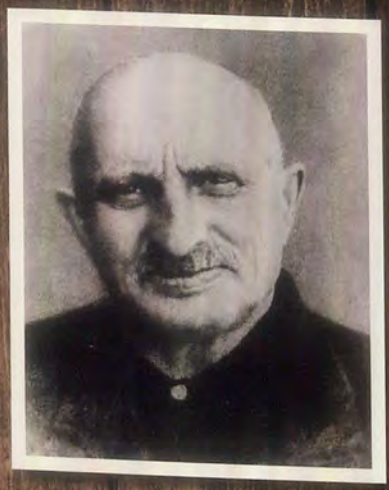
Брошюра С. А. Огурцова «Михаил Васильевич Певцов – географ-путешественник» (Омск, 1960)

Журнал «Омская область» (№10, 1939 г.) с публикациями Л. Н. Мартынова, С. Г. Тихонова и В. Г. Уткова

Петр Тимофеевич Сигутов

Титульный лист книги Леонида Мартынова «Крепость на Оми» (Омск, 1940)

Виктор Григорьевич Утков (слева) и Леонид Николаевич Мартынов. 1965. Из архива О. В. Устиновой (Утковой)



Климентий Иосифович Иоффе

Мария Климентьевна Юрасова

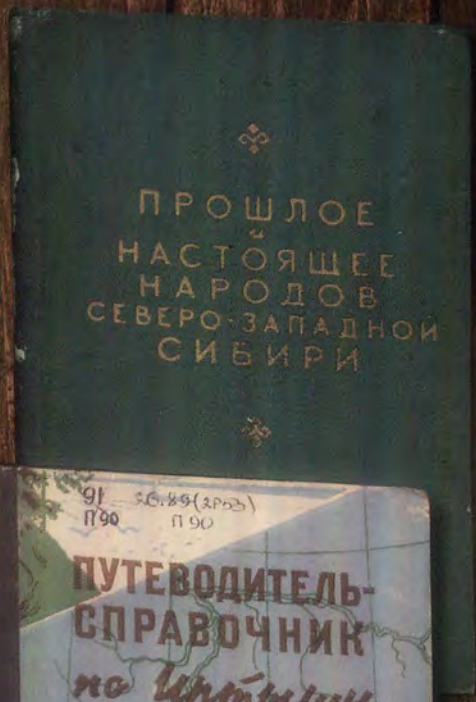
Автор в гостях у М. К. Юрасовой. 28 марта 1998 г.

Книга сказок Омской области «Заветное кольцо», составители А. С. Борисевич, В. А. Василенко, М. К. Юрасова (Омск, 1951)

Статуэтка, подаренная автору Марией Клементьевной на память о встрече

Книги М. К. Юрасовой, вышедшие в свет в 1946–1970 гг.

Книга «Омск. Очерки истории города» (Новосибирск, 1965), подаренная М. К. Юрасовой А. Ф. Палашенкову. ОГОНБ им. А. С. Пушкина



Монография М. Е. Бударина «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири» (Омск, 1952)

Михаил Ефимович Бударин

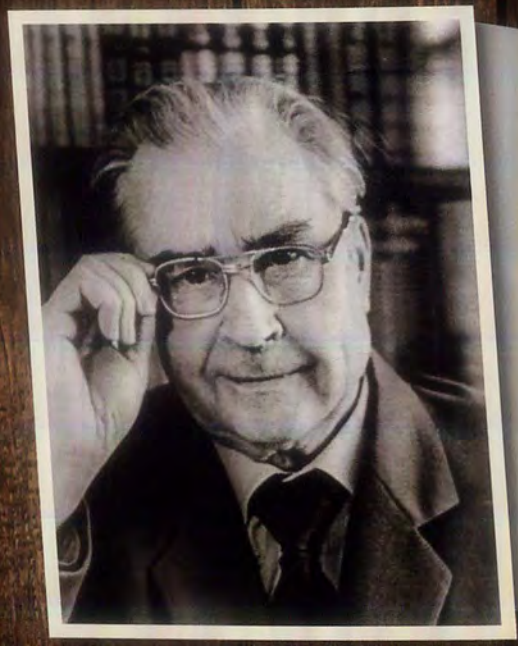
Путеводитель по Иртышу и Нижней Оби с очерками М. Е. Бударина (Омск, 1960)

М. Е. Бударин – спецкор «Известий»

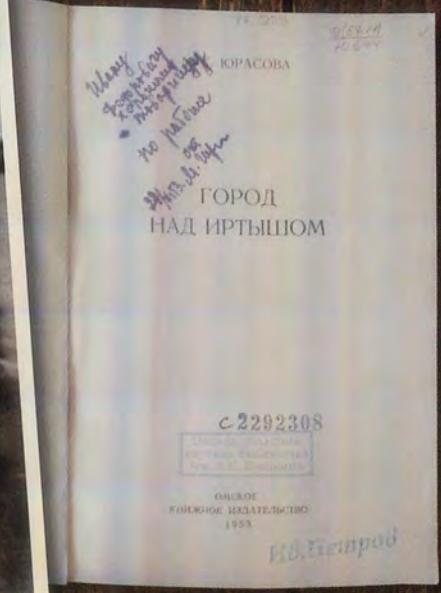
Мемориальная доска М. Е. Бударину, установленная на корпусе ОмГПУ по ул. Партизанской 15 февраля 2016 г.

А. Д. Колесников после заседания Омского отдела РГО, посвященного 65-летию Победы. 25 апреля 2010 г. Фото автора.

Слева направо: А. Д. Колесников, В. Т. Фоменко, М. Е. Бударин



Иван Федорович Петров



Титульный лист книги М. К. Юрасовой «Город над Иртышом» с дарственной надписью «хорошему товарищу по работе» И. Ф. Петрову. 28 ноября 1953 г.

Автор в гостях у И. Ф. Петрова. 7 мая 2008 г.

Будучи специалистом в области метеорологии, ученый, как отчасти уже говорилось, интересовался историей края. Наряду с трудами о климате Прииртышья в изданиях Омского отдела был опубликован его материал о выпускниках Омской учительской семинарии Сакене Сейфуллине и Ныгмете Нурмакове, видных казахских государственных и культурных деятелях, расстрелянных в 1937–1938 гг. Известно, что В. К. Иванов писал о Залмане Лобкове, а также был своего рода сельхозинститутским историографом[196]. Кроме того, ученый-краевед писал стихи и очерки, занимался редакторской и журналистской работой, нередко выступал в роли литературного критика[197].

Среди причастных к краеведению омских ученых-естественников на протяжении долгих лет видное место занимал профессор, доктор географических наук ***Варфоломей Семенович Мезенцев (1914–1997).*** Ученый родился в с. Прыганка на Алтае, в крестьянской семье, по окончании 9 классов школы с педагогическим уклоном какое-то время учительствовал, работал счетоводом и бухгалтером в Алтайском крае и Новосибирске. В 1937–1943 гг. В. С. Мезенцев обучался на гидромелиоративном факультете ОмСХИ. Работая на стыке гидрологии и климатологии, он создал со временем свою научную школу, владеющую «одной из лучших математических моделей влагообмена между деятельным слоем почвогрунта и атмосферой, которая является основной для оценки природных условий гидромелиораций и других хозяйственных мероприятий»[198].

Разработка метода гидролого-климатических расчетов принесла В. С. Мезенцеву известность в стране и за ее пределами. Известен ученый также и тем, что в свое время входил в состав комиссии, решительно отвергшей проект поворота сибирских рек для обводнения засушливых земель Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии[199]. В. С. Мезенцев активно сотрудничал с Омским отделом Географического общества. Трудно найти какое-либо печатное издание Отдела, где не были бы помещены одна или сразу несколько работ ученого[200].

Среди омских ученых, активно работавших в местном отделе Географического общества, следует назвать и ставшего известным советским писателем кандидата технических наук, доцента ***Сергея Павловича Залыгина (1913–2000)***. Выпускник ОмСХИ в 1948–1955 гг. руководил в этом вузе кафедрой. Будучи опытным гидрографом, специалистом в областях гидротехники и сельскохозяйственной мелиорации, Залыгин выступал в заседаниях Отдела с докладами и сообщениями, в 1953 г. вместе с В. В. Берниковым представлял Отдел на конференции по преобразованию природы, проводившейся СО АН СССР в Новосибирске. Краеведческая деятель-

ность С. П. Залыгина в Прииртышье продолжалась вплоть до его отъезда из Омска в 1955 г.[201]

В 1950–1960-х гг. действительными членами Отдела либо сотрудниками, так или иначе участвовавшими в его научно-краеведческой работе, печатавшимися на страницах его «Известий» и других изданий были и такие омские естествоиспытатели, как П. В. Борисов, Н. И. Княгиничев, А. И. Кузьмин, Н. С. Нацук, А. И. Пинчук, С. Г. Халевин (гидрологи), Г. И. Зайков, Я. И. Четин, Н. Н. Смирнов, Г. Г. Шкулов (лесоводы), А. М. Жаркова, Г. Г. Мухамадеева (ботаники), В. А. Битехтина, А. С. Зыбин, Г. Н. Герасимова, К. С. Растегаева (зоологи) и др. В основном все они были преподавателями и научными работниками омских сельскохозяйственного и ветеринарного институтов.

Так, только в «Известиях» Отдела были опубликованы работы гельминтолога и вообще специалиста по фауне наземных мягкотелых В. Н. Дроздова; видного деятеля омской сельскохозяйственной науки, трудившегося в области молочного животноводства В. И. Иржичко; гельминтолога, паразитолога и инфекциониста А. Н. Каденации; интересовавшегося не только космогонией и метеоритикой, в частности, проблемой космической и метеоритной пыли, но и историей заселения Прииртышья А. В. Борисова, а также многих других, названных и неназванных выше[202].

В 1960 г. председателем Отдела был избран ***Дмитрий Николаевич Фиалков (1909–1995)***. Уроженец Симбирской губ., с 1927 г. (по другим данным – с 1929 г.) он принимал участие в работе различных изыскательских организаций вначале простым рабочим, а затем десятником, техником, топографом, образование получил в Московском геодезическом институте, который окончил в 1932 г. Еще будучи студентом, Д. Н. Фиалков работал в Московском аэрофотогеодезическом тресте начальником топографической партии, а после института был направлен в Западно-Сибирский трест того же профиля. В этой организации с учетом различных ее трансформаций он проработал более тридцати лет, занимаясь геологическими и геодезическими изысканиями в Кузбассе, на Алтае и Дальнем Востоке, в Саянах, Якутии и Голодной степи.

Будучи в течение многих лет начальником Омской геолого-геодезической партии Фиалков, естественно, руководил и топографо-геодезическими работами в Прииртышье. С его именем связано, например, открытие омских минеральных вод. Как указывал В. Е. Шрам, в г. Омске по инициативе Дмитрия Николаевича были «разведаны запасы бальнеологических и термальных вод при глубоком бурении скважин, на которых по ул. Березовой созданы медицинские комплексы».

В ряде публикаций Фиалков называется также и «зачинателем разведки» нефтяных и газовых месторождений в Омской области[203].

Начиная с 1951 г. Д. Н. Фиалков совмещал производственную деятельность с преподаванием в ОмСХИ, а в 1966 г. перешел на постоянную работу на кафедру географии Омского пединститута (в 1972–1985 гг. –заведующий кафедрой инженерной геодезии в СибАДИ, в 1985–1995 гг. – профессор-консультант этой кафедры). Геолог и геодезист-практик стал доктором географических наук, профессором, почетным членом Всероссийского общества охраны природы, Географического и Астрономо-геодезического обществ.

О последнем, т. е. ВАГО, не лишним будет сказать, что его омское отделение возникло по инициативе П. Л. Драверта, П. А. Ходоровича, М. П. Ивановского и некоторых других энтузиастов в 1940 г. В начале 1942 г. правление Омского отделения ВАГО было переизбрано и стало выглядеть так: доцент Ивановский – председатель, профессор Драверт – заместитель председателя и председатель метеоритной комиссии, инженер Фиалков – еще один заместитель и одновременно председатель геодезической секции. В ноябре 1969 г. тогда уже профессор Д. Н. Фиалков стал председателем Совета ОмВАГО и являлся таковым в течение десяти лет[204].

Омским же отделом Географического общества ветеран Великой Отечественной войны профессор Фиалков руководил вдвое дольше. Надо сказать, что в 1960-е и последующие годы профессор Фиалков был одним из наиболее заметных деятелей омского краеведения, внесшим большой вклад в исследование и освоение природных богатств края. В «Известиях» и других изданиях Отдела были опубликованы многочисленные работы геодезиста-краеведа о движении земной коры, формировании современного рельефа, происхождении Прииртышского увала и тенгизов, специальном картографировании, озере Жалаулы, Баян-Ауле и т. д.[205]

Есть мнение, что в годы своего руководства Отделом Д. Н. Фиалков активно содействовал расширению его издательской деятельности. Действительно, в те же 1960-е гг. помимо нескольких номеров «Известий» увидели свет два выпуска «Медицинской географии» и четыре тома «Трудов» Отдела. Достаточно малоизвестным фактом является то, что тогда Отдел предпринял попытку продолжить выпуск и своих «Записок». Правда, в 1964 г. вышел лишь единственный том данного научного издания. Этот 40-й по счету (напомним, что 38 томов «Записок» вышли еще до революции, а 39-й – в 1927 г.) том представлял собою монографию Д. Н. Фиалкова о грядовых формах рельефа Западно-Сибирской низменности[206].

Говоря о краеведческой деятельности профессора Д. Н. Фиалкова, нельзя не упомянуть его занятия исторической географией Сибири и историческим краеведением. Известно, что по его инициативе Отделом были организованы экспедиции в места, связанные с походом Ермака (Искер, Кучумово городище и др.). Сам краевед интересовался строительством в Прииртышье оборонительных линий, основанием Омской крепости и особенно всем тем, что имело отношение к ее основателю И. Д. Бухольцу. В середине и второй половине 1960-х гг. в изданиях Отдела было опубликовано несколько историко-краеведческих работ Фиалкова[207].

Вообще к истории, древностям, культурному наследию Дмитрий Николаевич всегда испытывал пиетет и проявлял самый живой интерес. Наглядное тому подтверждение – хранящиеся в Центре книжных памятников ОГОНБ им. А. С. Пушкина уникальные манускрипты XVII в. с автографами Людовика XIV и Карла II Английского, а также датируемые XVIII в. булла Папы Пия VI, акварельные таблицы «Эфемериды планет» и нотная запись Kyrie Моцарта, возможно, собственноручная. Все эти раритеты военный топограф майор Фиалков в 1945 г. отыскал в развалинах поверженного Берлина, спас от неминуемой гибели и тем самым сохранил для всего человечества.

Заметим, что деятельность Д. Н. Фиалкова была отнюдь не единичным примером интереса омских географов к историческому краеведению. ***Сергей Алексеевич Огурцов (1913–1973)***, коренной омич, выпускник географического факультета ОГПИ, участник Великой Отечественной войны, с 1946 г. преподавал в педагогическом институте и школе милиции. Будучи действительным членом Омского отдела ВГО, в 1955 г. Огурцов участвовал в работе II Всесоюзного съезда географов, вместе с А. Ф. Палашенковым, С. Р. Лаптевым и В. К. Ивановым входил в состав омской делегации[208]. Краевед являлся также членом редакционного коллектива, выпустившего несколько первых номеров «Известий» Отдела. В этом и других изданиях были опубликованы несколько его работ по исторической топонимике г. Омска, в частности, о названиях и переименованиях омских улиц, а также ряд историко-биографических исследований, посвященных М. В. Певцову[209].

В 1950-е гг. начал свою работу по изучению географии населения Омской области другой выпускник географического факультета ОГПИ ***Петр Тимофеевич Сигутов (1927–2006)***, ставший впоследствии специалистом по исторической демографии и авторитетным знатоком истории отдельных населенных пунктов Омского края[210]. П. Т. Сигутов – автор значительного числа работ по географии и движению городского и сельского населения Омского Прииртышья в конце XIX–XX вв.

Часть их, а также небольшой материал о заповедном массиве хвойного леса, окаймляющем с севера с. Петропавловку родного краеведу Муромцевского района Омской области, в 1960-х гг. были напечатаны в изданиях Омского отдела Географического общества, действительным членом которого он был в течение долгих лет [211].

Ряды омских краеведов-историков пополнялись в изучаемый период также и представителями местной литературы и журналистики. Так, в конце 1930-х гг. весьма активными историко-краеведческими поисками занимались тогда еще омские литераторы Л. Мартынов и В. Утков. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к издававшемуся в те годы журналу «Омская область». ***Леонид Николаевич Мартынов (1905–1980)*** был его постоянным автором, публиковал в этом журнале свои статьи и очерки, а также готовил для рубрики «Из прошлого нашей области» небольшие заметки историко-краеведческого содержания (как правило, они подписывались инициалами Л. М.).

Он писал о композиторе А. А. Алябьеве и знаменитом тоболяке П. П. Ершове, рассказывал читателям о прошлом сибирского пароходства, базарной торговле в старом Омске, первых шагах капитализма в крае, о переселенцах, трудах тобольских ямщиков братьев Черепановых и многом другом. В одном из номеров «Омской области» была напечатана глава из тогда еще неопубликованной книги Мартынова «Крепость на Оми», речь в ней шла о событиях 1917–1919 гг.[212] По некоторым данным можно судить, что увлекшийся историческим краеведением поэт интересовался тогда и фольклористикой. К примеру, в своей рецензии на книгу «О Ленине» он упрекал омских фольклористов за то, что они не торопятся собирать произведения устного народного творчества о Гражданской войне, революции и ее вожде, а в статье «Песни, сказки, были» сумел увязать фольклористику с «освобождением» Красной Армией Западной Белоруссии и Западной Украины [213].

Имеются любопытные данные о том, что Леонид Мартынов интересовался не только историческим прошлым края. В декабре 1946 г., когда он уже жил в Москве, им был написан очерк «Иртыш течет в будущее». С. И. Жданов, тогдашний директор ОмГИЗа и редактор «Омского альманаха» (очерк предназначался для шестого его выпуска), отметил: «В очерке много места уделено Омску и его будущему. Удивительно точно определил Мартынов градостроительную задачу нашего города... То, что он описывал в очерке предположительно, в будущем все осуществилось! А какие великие перспективы открывает автор в развитии водных путей нашей области, в освоении природных богатств Сибири!»[214]

Действительно, очерк наглядно демонстрирует достаточно близкое знакомство его автора с градостроительными проблемами, а также совсем неплохую его осведомленность о речных путях Прииртышья и их народнохозяйственном значении. Этот очерк в свое время не был опубликован, т. к. в 1946–1947 гг. в Омске имела место быть достаточно масштабная «антимартыновская» кампания, развернутая «в свете» известного «журнального» постановления ЦК ВКП(б). Любопытно, что в омском варианте этой драмы роли Ахматовой и Зощенко предназначались Драверту и Мартынову. Оригинальность данного подхода состояла в том, что первого к тому времени уже не было в живых, а второй, видимо, исходя из принципа «от греха – подальше», покинул Омск, перебравшись в Москву[215].

Известный впоследствии писатель и литературовед ***Виктор Григорьевич Утков (1912–1988)***, живший в Омске до войны, в конце 1930-х гг. так же, как и Л. М. Мартынов самым активным образом сотрудничал с «Омской областью», готовя по нескольку материалов практически в каждый номер журнала. Большинство этих публикаций Уткова можно вполне обоснованно отнести к историко-краеведческим. Он писал о сосланных в Тобольск декабристах и П. П. Ершове, о Ваули Пиеттомине и восстании ненцев в 1850-х гг., о безымянном «казаке-композиторе», разгуле черносотенцев, голоде в Омске в 1911–1912 гг. и многом другом[216].

Во второй половине 1930-х гг. краеведческие, главным образом, историко-революционные сюжеты освещал в своих публикациях ***Сергей Григорьевич Тихонов (1900-1942)***, тогда главный редактор журнала «Омская область». Его недолгая жизнь, кажется, вобрала в себя все военно-политические перипетии неспокойного прошлого века: родился в Самаре в семье железнодорожного телеграфиста, восьми лет от роду лишился отца, жил в Челябинске, Барнауле, Семипалатинске, добровольцем вступил в 315-й Акмолинский стрелковый полк, участвовал в разгроме «банд Анненкова, Дутова, Бакича», сражался с басмачами в Средней Азии, в 1922 г. был демобилизован и направлен на журналистскую работу, редактировал «Рабочий путь», заведовал отделом партийной жизни в «Омской правде», в 1941 г., будучи директором ОмГИЗа, ушел на фронт и погиб в феврале 1942 г. [217]

В 1940-е гг. приступила к изучению прошлого Прииртышья ***Мария Климентьевна Иоффе (Юрасова, 1913–2003)***. Одесситка по рождению, выпускница Харьковского университета, она была эвакуирована в Омск в 1943 г., работала на омском радио, в «Омской правде», одно время была редактором Омского книжного

издательства. В 1961 г. она была принята в Союз писателей СССР и на протяжении многих лет живо участвовала в литературной и краеведческой жизни Омска[218].

Еще в годы войны под редакцией М. К. Иоффе была выпущена брошюра о ратных подвигах сибиряков – бойцов гуртьевской дивизии, составленная из рассказов фронтовиков. В 1946 г. вышла из печати уже ее авторская работа – брошюра «Герой Советского Союза генерал-майор Гуртьев». В 1947 г. в «Омском альманахе» был напечатан очерк «В ханской столице», написанный ею в соавторстве с А. Ф. Палашенковым. В 1950 – начале 1960-х гг. увидели свет первые книги М. К. Юрасовой по истории Прииртышья «Из истории советского Омска», «Жизнь на сцене» (о заслуженном артисте РСФСР П. С. Некрасове), «Город над Иртышом» (о Таре), «Путь реки», «На берегах Иртыша», «Города Омской области», «Любовь и подвиг беззавистно...» (о С. У. Ремезове)[219].

Особо следует отметить книгу Марии Климентьевны «Очерки истории Омска», выдержавшую четыре издания и имевшуюся в свое время почти в каждой омской домашней библиотеке, не говоря уже о школьных и общедоступных[220]. Рассчитанная на самый широкий круг читателей, эта книга, действительно, в течение долгих лет была для многих омичей единственным в своем роде пособием по истории родного города. «Книга "Омск", – писал М. Е. Бударин в предисловии к одному из изданий, – живое, впечатляющее повествование о городе на Иртыше, его большой истории, представляющее интерес для... всех, кто интересуется прошлым и настоящим нашего города, нашего края»[221]. На его взгляд, своеобразие книги М. К. Юрасовой состояло в удачном сочетании «научного исследования с живописанием исторических фактов, образными зарисовками, живыми характеристиками людей и событий...».

Наверное, эта существенная доля художественности в известной степени снижала научность произведения Марии Климентьевны, что не раз вызывало нарекания в ее адрес со стороны профессиональных историков и некоторых краеведов. Однако не стоит забывать, что Юрасова писала отнюдь не научную монографию, а популярные краеведческие очерки. Другое дело, что этим очеркам, как уже указывалось, в течение более чем четырех десятилетий пришлось заполнять своеобразный вакуум, поскольку историки-профессионалы взялись за создание труда по истории Омска, адресованного широкой читательской аудитории и вместе с тем научного, исторически достоверного, лишь на излете минувшего столетия.

Коль скоро разговор зашел о М. К. Юрасовой, уместно будет сказать несколько слов и о ее отце ***Клименти Иосифовиче Иоффе (1884–1960)***. Талантливый само-

учка, не имевший ни общего среднего, ни специального образования, был очень способен к языкам (читал на древнееврейском, знал немецкий, английский), самостоятельно освоил профессии журналиста и экономиста. К. И. Иоффе работал в черниговской газете, сотрудничал с газетами Киева, в предвоенные годы трудился на Запорожском авиамоторном заводе им. П. И. Баранова экономистом и одновременно работал в заводской многотиражке. С началом Великой Отечественной войны вместе с этим предприятием был эвакуирован в Омск.

Ставший таким образом омичом Климентий Иосифович, выйдя на пенсию, создал и возглавил при «Омгорсправке» своеобразный отдел – «бюро газетных вырезок», занимавшийся подбором материалов прессы по заявленным темам и рассылкой комплектов вырезок своим подписчикам. Тогда же, в послевоенное время, К. И. Иоффе подружился с директором областного краеведческого музея А. Ф. Палашенковым, стал принимать участие в деятельности Омского отдела Географического общества.

В имеющемся в нашем распоряжении рукописном биографическом очерке «Климентий Иосифович Иоффе» приводятся данные о том, что Иоффе и Палашенков предприняли совместную экспедицию по Московско-Сибирскому тракту, вместе ездили в Тобольск, где изучали историю тамошней пересыльной тюрьмы. К. И. Иоффе, судя по одной из его тетрадей, озаглавленной «Заметки», интересовался говором и песнями каторжан, выписывал из различных источников данные об их быте и т. д. Отметим также, что он помогал своей дочери собирать материалы по истории Омска, вместе с Андреем Федоровичем натолкнул ее на создание исторической повести о С. У. Ремезове[222].

Круг краеведческих интересов Иоффе был достаточно широким. Так, в 1947 г. в журнале «Сибирские огни» была опубликована статья о библиотеке ЗСОИРГО, написанная им совместно с И. Н. Шуховым[223]. Не исключено, что Климентий Иосифович увлекался также и ботаникой. Известно, по крайней мере, что в 1957 г. на чествовании Омским отделом Палашенкова по случаю его 70-летия он преподнес Андрею Федоровичу подарок – «альбом-гербарий»[224].

Надо полагать, что краеведческая деятельность К. И. Иоффе стимулировалась в существенной степени именно его дружбой с А. Ф. Палашенковым. В уже упоминавшейся рукописи, в свое время подаренной нам М. К. Юрасовой, читаем: «Большая, хорошая дружба завязалась у Климентия Иосифовича с... Андреем Федоровичем Палашенко (М. К. предпочитала именовать А. Ф. именно так, согласно паспорту. – *А. Р.*). У них было много общего». И еще: «Андрей Федорович поса-

дил на могиле друга елочки». Добавим, что М. К. Юрасова неоднократно называла А. Ф. Палашенкова большим другом своей семьи и «своим первым наставником, который научил видеть и любить наш край».

Способность последнего «заражать» окружавших его людей своей краеведческой увлеченностью уже не раз подмечалась нами. Пользуясь случаем, приведем еще ряд примеров, показывающих вовлечение Палашенковым в краеведение своих приятелей, в данном случае омских художников. Как уже говорилось, в Ямало-Ненецкой экспедиции 1938 г. вместе с Палашенковым участвовал художник ***Дмитрий Степанович Суслов (1907–1964)***, он же помогал краеведу при раскопках Искера. Судя по всему, прикосновение к сибирским древностям весьма впечатлило художника и вдохновило его на написание очерка «Искер – столица Кучума», опубликованного в 1939 г. в журнале «Омская область»[225].

Как указывалось в преамбуле этого очерка, он являл собою попытку «дать сжатый исторический обзор событий, связанных с чудесным памятником старины, и краткое описание его облика». Можно предположить, что очерк этот был написан не без участия А. Ф. Палашенкова, который, как полагает А. В. Жук, был весьма ограничен тогда в публикации своих работ: в конце 1930-х гг. ему «не раз приходилось соглашаться на "соавторство" того же Д. П. Сальникова (другого спутника по северным странствиям. – *А. Р.*) с тем, чтобы та или иная статья могла выйти в свет»[226].

Частым гостем Омского краеведческого музея в палашенковские годы был высокого ранга железнодорожный служащий и художник-любитель, член Омского отделения Союза художников СССР ***Дмитрий Ильич Логачев (1903–1970)***. В «Музейной летописи» за 1949–1952 гг. Логачев упоминается достаточно часто и, главным образом, в связи с созданием им живописных полотен историко-краеведческого содержания. Декабрем 1950 г. отмечена запись о посещении художника, жившего в одном из железнодорожных поселков Ленинска, А. Ф. Палашенковым. Художник-краевед демонстрировал тогда свои картины из серии «Старый Омск» («Городище Большой Лог», «Чернолучье», «Вид крепости», «Вид на старый мост через Омь», «Полицейский участок, где сидел В. В. Куйбышев»). «А. Ф. [Палашенков] дал ему ряд указаний с тем, чтобы каждая картина была исторически верна... [Логачев] начал писать... большую картину "Извлечение трупов из оврага в Старой Загородной роще на месте расстрела Колчаком 120 челов[ек]"... И по этой картине А. Ф. также дал указания»[227].

Сюжеты Гражданской войны, похоже, особенно занимали художника-любителя. В нашем распоряжении имеются данные о том, что в 1949 г. Д. И. Логачев подго-

товил несколько картин для музейной выставки «Разгром колчаковщины». Интересно, что члены худсовета – профессиональные художники, по сути, сорвали эту выставку, высказав о картинах любителя ряд «насмешливых замечаний». В «Музейной летописи» отмечено: «Чувствовалась предвзятость... отсутствовала деловая критика... Логачев начал забирать свои картины»[228]. Как видим, та ситуация, когда профессионалы и краеведы-любители, что называется, говорят на разных языках, наблюдалась не только в археологии, фольклористике или природоведении, но и в изобразительном искусстве.

Где-то в середине 1950-х гг. Д. И. Логачев покинул Омск в связи с переводом на ст. Славгород, где он служил начальником местного отделения Омской ж. д. Затем художник-краевед работал заместителем начальника станции Кемерово-3. В архиве А. Ф. Палашенкова имеются письма Логачева-старшего (с Палашенковым переписывался и сын Д. И. Логачева Е. Д. Логачев), речь в них велась опять-таки о картинах краеведческой тематики. Художник посылал своему товарищу фотографии набросков картины «Колчак ушел», а также эскизов к полотнам, посвященным пребыванию в Омской крепости Ф. М. Достоевского.

В феврале 1970 г. Дмитрий Ильич сообщал директору Музея Революции СССР Толстихиной, что много своих работ, рассказывающих о событиях 1905 и 1917–1919 гг., он в свое время «безвозмездно отдал» Омскому областному музею, музею на ст. Марионовка, железнодорожному клубу им. З. И. Лобкова, подчеркнув при этом, что ему «огромную помощь в работе... оказал Андрей Федорович Палашенков...»[229]. А самому Палашенкову еще в январе 1958 г. Логачев писал: «Я тоже в... области (исторического краеведения. – *А. Р.*) много работаю. Уже почти треть жизни отдал этому делу и продолжаю дальше, и чувствую, что единственный пробел в моей работе и ее прогрессе – это отсутствие Вас...»[230]

Вернемся, однако, к пришедшим в омское краеведение представителям местного журналистского цеха. ***Сергей Иванович Веремей (1903–1991)***, бывший в молодости сотрудником губчека и уголовного розыска, участником первого столичного парада физкультурников и чемпионом Сибири и Дальнего Востока по боксу и легкой атлетике, на протяжении всех 1930-х гг. являлся штатным корреспондентом омской комсомольской газеты «Молодой большевик». В тот период им был составлен сборник деревенского фольклора «Колхозные частушки» (1937 г.). В 1941–1956 гг. С. И. Веремей служил в армии. По выходу в отставку боевой офицер-подполковник активно сотрудничал с редакциями «Омской правды» и «Молодого сибиряка»[231].

Интересно, что еще будучи военным, он увлекся историей революционного движения в Омске. В «Музейной летописи» упомянуто, что в марте 1951 г. А. Ф. Палашенков рецензировал работу С. И. Веремея «Непогасшая искра», увидевшую свет в том же году в виде брошюры «Первые шаги рабочего движения в Омске»[232]. Впоследствии краевед заметно расширил диапазон своих интересов, отдав дань не только прошлому Омского края, но и его современности, а также природе Прииртышья. Он писал, к примеру, об истории строительства и первых днях эксплуатации Омского нефтеперерабатывающего завода, о редком факте пролета над Омском розового фламинго и многом другом[233].

Как журналист и литератор приобщился к историко-краеведческим изысканиям ***Михаил Ефимович Бударин (1920–2003)***, ставший впоследствии доктором исторических наук, профессором и членом-корреспондентом Международной академии наук высшей школы. Будущий видный историк и краевед родился в ишимском селе Лариха, окончил факультет журналистики Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), в 1930-е гг. работал в газете «Серп и молот» (г. Ишим), а затем в «Омской правде» и «Известиях» (собственный корреспондент по Омской и Тюменской областям). В ходе многочисленных служебных поездок по Западной Сибири сформировался устойчивый интерес исследователя к прошлому и настоящему коренных обитателей края, уже в 1952 г. была издана первая книга М. Е. Бударина о народах Севера. Эта тема стала приоритетной в творчестве историка, обладавшего вместе с тем обычным в краеведческой среде разнообразием научных интересов[234].

Практически с первых лет существования Омского отдела Географического общества М. Е. Бударин принимал активное участие в его жизни, стал лауреатом учрежденной Отделом премии им. М. В. Певцова, печатался в изданиях Отдела[235]. В превращении журналиста Бударина в историка и краеведа в какой-то степени сыграл свою роль все тот же Палашенков. Как отмечал профессор А. Д. Колесников в статье, написанной к 75-летию М. Е. Бударина, последний «с 1945 г. ... в изучении Обь-Иртышского края сблизился с прекрасным историком, замечательным краеведом А. Ф. Палашенковым. По совету этого краеведа молодой историк занялся изучением народов Обского Севера – хантов, манси, ненцев, селькупов. Занятиям такой темой во многом способствовала служебная деятельность М. Е. Бударина: редакция «Известий» оплачивала все транспортные и прочие расходы на путешествия самолетами, пароходами, оленями. "Известия" доставили из Москвы своему корреспонденту в Омск легковую автомашину "эмку"»[236].

В письме А. Ф. Палашенкову, посланном из Москвы в октябре 1964 г., сам М. Е. Бударин писал: «С Вашей легкой руки в 1948 или 1949 году, словом, полтора десятилетия назад, я засел вплотную за эту тему (о народах Севера. – *А. Р.*), и она останется для меня главной. Я часто с признательностью думаю о Вас, что Вы привили мне вкус к истории Сибири в те мои почти юношеские годы, когда я особенно часто навещал Вас. Конечно, пора моего увлечения краеведением в его чистом виде миновала. Но это была очень необходимая ступень, которая много мне дала».

Любопытно, что в этом письме упоминается также обозначенный выше автомобиль, и вот в какой связи. «Сегодня утром... прослушал радио, а потом прочел "Правду" об освобождении Н. Хрущева от занимаемых постов, – писал Михаил Ефимович. – И вспомнил наш с Вами разговор весной 1953 г., в мае или июне, когда мы с Вами на моей бывшей служебной "эмке" ехали из Марьяновки и в пути говорили о руководителях, правителях и массах в связи со Сталиным»[237].

Думается, им было о чем поговорить тогда. Что же касается процитированного выше утверждения М. Е. Бударина о том, что пора его увлечения краеведением миновала, то позволим себе с ним не согласиться. М. Е. Бударин, начиная со второй половины 1940-х гг. и до самого конца своего земного пути, был, на наш взгляд, одним из наиболее авторитетных, активно и плодотворно работавших омских историков-краеведов[238].

В 1950–1960-е гг. свой вклад в развитие омского исторического краеведения внесли представители вузовской науки Алексей Карпович Касьян (1908–1983), Борис Васильевич Кондриков (1914–1994), Михаил Васильевич Наумов (1904–1971), Иван Никифорович Новиков (1918–1982), Насиб Беланович Хайруллин (1907–1963) и др.[239] Несколько раньше, во второй половине 1940-х гг., началась краеведческая деятельность профессора, доктора исторических наук ***Александра Дмитриевича Колесникова (1919–2012)***[240]. Его обучение на историко-филологическом факультете Уральского университета было прервано начавшейся советско-финской войной, и только после окончания Великой Отечественной он продолжил свое образование в ОГПИ и Высшей партшколе.

Известно, что еще в 1946–1948 гг. историк записывал рассказы крестьян-первопоселенцев в Шербакульском районе Омской области[241]. Будучи в 1950-х гг. руководящим работником областного отдела культуры, он близко соприкасался с деятельностью краеведческого музея, затем активно сотрудничал с Омским отделом Географического общества (возглавлял Отдел в 1982–1990 гг.), был первым и бессменным (более трех десятилетий!) председателем Омского отделения ВООПИК.

В 1960-х гг. краеведческие работы А. Д. Колесникова нередко публиковались в изданиях Омского отдела ВГО[242].

Своими научными трудами, а также многочисленными работами широкой историко-краеведческой тематики ученый существенно способствовал накоплению и популяризации знаний о прошлом Омского края, о русском освоении Сибири, о подвиге сибиряков в Великой Отечественной войне. Александр Дмитриевич ушел из жизни признанным патриархом омского исторического краеведения.

Ближе к завершению изучаемого периода, в конце 1950-х–1960-е гг., началась (или, начавшись ранее, стала достаточно заметной) краеведческая деятельность писателя и публициста Ивана Федоровича Петрова (1920–2012), доктора исторических наук, профессора Вениамина Михайловича Самосудова (1926–2000), историков-архивистов Николая Сергеевича Колмогорова (1925–1965) и Евгения Николаевича Евсеева (1927–2013), музейного работника Людмилы Владимировны Иржичко (1931–1980), географа, энтузиаста краеведческого туризма Николая Семеновича Фальковича (1933–2007), известного омского врача, профессора медицины Марка Соломоновича Рабиновича (1892–1976) и целого ряда других энтузиастов краеведения[243]. Работа большинства этих краеведов по изучению истории и природы Прииртышья особенно развернулась уже в 1970-е и последующие годы, поэтому мы опускаем в данном случае биографические и иные подробности[244].

Хотелось бы сказать несколько слов и о «сельских» краеведах 1950–1960-х гг. В августе 1958 г. «Омская правда» сообщала о «своем музее» П. Миронова, рабочего Юрьевского совхоза. Он с детства любил совершать экскурсии по берегам Оми, создал «уголок натуралиста», а затем и маленький природоведческий музей в местной школе. А в марте 1962 г. та же газета информировала своих читателей о народном музее Иртышского района, организованном краеведом А. И. Крыловым и принявшем своего уже 10-тысячного посетителя[245]. В нашем распоряжении имеются сведения и о других краеведах-энтузиастах, живших и работавших в изучаемый период за пределами г. Омска, т. е. в различных районах Омской области.

В их числе следует назвать Константина Ивановича и Нину Ивановну Шабалиных (Тара), Виктора Александровича и Екатерину Степановну Шадриных, Николая Антоновича Бородина (Артын Муромцевского р.), Марию Ионовну Лощилину (Любино-Малороссы Любинского р.), Александра Карловича Вормсбехера (Александровка Азовского р.), Константина Петровича Кошукова (Тевриз), Николая Максимовича Бутова (Саргатское), Николая Антоновича Свиркина (Тихвинка Павлоградского р.), Василия Федоровича Корнеева (Колосовка) и многих других

организаторов школьных, сельских и районных, общественных краеведческих музеев, местных летописцев и хранителей исторической памяти своей малой родины. Многие из них самоотверженно и увлеченно трудились на краеведческой ниве до самого конца своих дней[246].

Конечно, говоря о пополнении омского краеведческого корпуса путем вовлечения в движение новых краеведов, происходившего на протяжении всех четырех рассматриваемых десятилетий, можно было бы назвать гораздо большее число имен, нежели это было сделано. Однако же и тех, что названы, достаточно для того, чтобы сделать вывод – в 1930–1960-е гг. Омский край не оскудевал своими патриотами и знатоками. Причем практически все начинавшие тогда свою краеведческую деятельность работали в самом тесном контакте со старыми краеведами (тем же А. Ф. Палашенковым и др.), обладавшими еще дореволюционным «родиноведческим» опытом или помнившими «золотые» годы советского краеведения. Это обеспечивало непрерывность местной краеведческой традиции, а, стало быть, и высокий накал краеведческой активности.

* * *

Завершая разговор о «старых» и «новых», «природных» и «пришлых» краеведах, т. е. о всех тех, кто своим трудом и энтузиазмом наполнял живым содержанием то, что мы называем омским краеведением 1930–1960-х гг., позволим себе несколько более или менее общих замечаний. Классик советского краеведения Н. П. Анциферов (1889–1958), рассуждая в статье «Краеведение как историко-культурное явление» (1927 г.) о той громадной роли, которую может сыграть краеведческое движение в организации духовной жизни провинции, писал: «Соединяя и направляя добровольческую культурную работу на местах, краеведческие общества смогут влить новое содержание в провинциальную жизнь, подчас бесцветную и пустую. В часы, свободные от своих профессиональных трудов, граждане смогут найти в краеведческой работе удовлетворение своим умственным запросам... Разные слои общества объединяются в работе всем понятной и всем нужной. Краеведческое движение должно, таким образом, оказать воздействие и на самый быт, создавая новую форму жизни провинциального деятеля, выковывая новый психологический тип культурного работника...

Кто же такой краевед? Пока это не ученый. Хотя многие крупнейшие ученые являются краеведами. Это не советский служащий, не политический деятель, хотя он и является активным участником строительства новой России. Краеведы, выходящие из всех социальных слоев, сливают в общем деле свои особые вкусы и интересы, сочетают разные воли. Пусть многие из них сознают себя только "чернорабочими культуры". Их роль с точки зрения субъективной самооценки весьма скромная, объективно становится явлением большой общественной значимости. Можно уже говорить как о наметившемся бытовом явлении – о семье краеведов, в которой старые работники – "отцы" дружно работают с молодняком – с "детьми", где обычная борьба "отцов" и "детей" заменяется их содружеством»[2.17].

Взгляды Анциферова на то, что краеведение, являющееся мощным культурообразующим фактором, оказывает большое влияние на духовную жизнь провинции, как и на то, что краеведческое движение, объединяя представителей различных социальных и профессиональных групп, носителей различных интересов, привязанностей и волевых устремлений, создает новый психологический тип культурного работника представляются нам очень верными. Не вызывают сомнения и мысли ученого о содружестве в краеведении представителей разных поколений. Причем все им подмеченное можно отнести не только к краеведению 1920-х гг., но и к краеведческому движению в целом, вне временных границ. Особый тип культурного работника-краеведа отчетливо проступает в дореволюционном российском родиноведении, хорошо различим он и в советском краеведении интересующего нас периода.

На мысль о существовании такого особенного типа наталкивают не только теоретические рассуждения о природе и значении краеведческого движения, но и вполне конкретные наблюдения. Нам уже приходилось как-то рассматривать под «типологическим» углом зрения творческие биографии А. Ф. Палашенкова и уральского краеведа В. П. Бирюкова (1888–1971), отмечая при этом просто удивительную их схожесть: почти полностью совпадали не только даты жизни и полученное каждым образование, но и увлечение фольклором, работа над краеведческими словарями, страсть к собирательству, бескомпромиссная борьба с разрушителями объектов национальной исторической памяти и т. д. Думается, что и между другими краеведами при всех детальных отличиях имеется некое сущностное сходство.

Возьмем, к примеру, ту же собирательскую деятельность. Не удивительно, что собирателем является буквально каждый краевед, поскольку он непременно собирает какие-то сведения, ту или иную информацию о крае. Не редки и скорее даже обязательны в краеведческой среде сбор и оформление гербариев, минералогиче-

ских, геологических, почвоведческих, энтомологических и других фаунистических, палеонтологических, археологических, этнографических и вообще музейных коллекций, фольклорное собирательство и личное архивное фондообразование.

Однако многие омские краеведы занимались и традиционным любительским коллекционированием. П. Л. Драверт собирал почтовые марки, монеты, книжные знаки (свои коллекции он завещал краеведческому музею) [248]. А. Ф. Палашенков коллекционировал помимо таких необычных в общем-то для собирателей древностей предметов, как образцы строительных материалов и мелкие детали старинных архитектурных сооружений, те же экслибрисы, визитные карточки, портреты исторических личностей и... конфетные обертки (фрагмент палашенковской коллекции «фантиков» хранится у А. М. Лосунова)[249]. С. Р. Лаптев часть своего досуга посвящал собиранию художественных и видовых открыток, этикеток от спичечных коробков[250].

Н. Ф. Черноков также был увлеченным филокартистом, коллекционировал боны и монеты, вырезанные из разного рода печатных изданий портреты деятелей, чем-либо интересных в контексте отечественной и мировой истории и культуры. Судя по датам жизни, надписанным на портретах-вырезках весьма характерным почерком, значительная часть этого оригинального собрания изначально принадлежала Людвигу Станиславовичу Драверту, особое внимание уделявшему полководцам, коронованным особам и сугубо Наполеону Бонапарту[251].

Дом И. Н. Шухова был наполнен охотничьими трофеями, предметами северной экзотики, старинными ружьями и их моделями, собственноручно изготовленными профессором[252]. И. С. Коровкин коллекционировал книги с автографами писателей, часть своей коллекции в 1962 г. краевед подарил ГБЛ СССР по случаю юбилея главной библиотеки страны[253]. После кончины Д. Н. Фиалкова в ОГИКМ поступила его филателистическая коллекция, а в фонд редких книг и рукописей ОГОНБ им. А. С. Пушкина – уже называвшиеся выше безусловные раритеты мирового уровня.

Показательно, что практически все омские краеведы были страстными библиофилами, владельцами обширных и ценных книжных собраний. Вряд ли все это случайные совпадения. Но главное, что всегда объединяло и объединяет краеведов (в данном случае – омских) – это любовь к родному краю и научному знанию. Изучая деятельность краеведов прошлого, нельзя не заметить ярких образчиков искреннего, непоказного местного патриотизма, в котором, в свою очередь, без труда усматривается очевидная схожесть взглядов и чувств.

В. Бахолдин, вспоминая о литературной жизни военного Омска, передавал разговоры о П. Л. Драверте: «Это уму непостижимо!.. Его не раз звали жить в Москву! Ему там обещали более солидные условия работы и жизни. Но он (такой ученый!) *всякий раз твердил:* "Сибири не изменю!" Итак, уже двадцать лет он живет в этом провинциальном, захудалом городе, *на захудалой* улице, в захудалом доме, в захудалой для профессора квартире!»[254] Сын ученого-краеведа сообщал *А. Э. Лейферу*, что отца еще в 1920-е гг. приглашали в столицу заведовать академическим метеоритным музеем, предлагали «хорошую по тем временам зарплату, квартиру, но отец решительно отказался: "До конца своего Сибири не изменю!"»[255].

Судя по дневниковым записям И.С. Коровкина, подобные предложения делались и А. Ф. Палашенкову. Так, в 1962 г. последний получил письмо из ГИМа от члена Комитета по охране памятников П. Д. Барановского, настоятельно просившего Палашенкова «переезжать на жительство в Москву, чтобы принять участие в ряде работ по реставрации памятников старины», и упиравшего на то, что без Андрея Федоровича «эти работы не будут проходить так успешно, как они проходили бы при нем»[256]. А в 1965 г. сам Палашенков писал Ф. И. Быдину: «...Москву не люблю. Несколько раз мне предлагали работу в Москве – отказался... Привык к Сибири, к ее просторам, многоводным рекам, к горячему солнцу»[257].

А вот строки из его письма В. П. Бирюкову, написанного в 1969 г.: «Я не коренной сибиряк, непогодливые 30-е гг. загнали меня сначала в Казахстан, а затем в Сибирь, [в] Омск... Временами... сильно тоскую о родных местах, где много троп и дорог исходил резвыми ногами, где могилы родных и близких... Ежегодно раз или два навещаю их (родственников, живущих в Смоленске. – *А. Р.*)... и опять в Сибирь, хотя и никого из родных у меня здесь нет: один «как рекрут на часах». Правда, есть друзья, искренние, сердечные. Предлагали неск[олько] раз вернуться в Смоленск – родной и безмерно дорогой для меня город, предлагали также перебраться и в Москву... Остался в Сибири и, м[ожет] б[ыть], до конца своих дней... Врос в Сибирь. Полюбились мне ее просторы, многоводные реки, сибирское солнце, звезды»[258]. Думается, комментарии здесь излишни.

Как уже было сказано, омских краеведов роднило и то, что все они были страстными любителями науки. Феномен любительства в науке сам по себе чрезвычайно интересен. Еще в 1921 г. на I Всероссийском съезде любителей мироведения один из докладчиков говорил: «Обыкновенно ставится знак равенства между понятиями "любитель" и "дилетант". Но это совершенно не верно... Любитель – это

друг знания и просвещения. Под "любителем науки" нужно понимать человека, для которого наука не является прямым профессиональным занятием, но который, тем не менее, горячо предан ей, в часы досуга он нередко занимается ею не менее серьезно, чем ученые специалисты... В особенности труд любителя становится неоценимым... когда дело касается местных особенностей в флоре, в области палеонтологии, этнографии, археологии. Россия так обширна и так мало еще изучена, что в этих областях знания возможны – и случаются в действительности – целые открытия»[259].

Эти слова, прозвучавшие на краеведческом форуме, принадлежали крупному ученому и видному краеведу, впоследствии ставшему одним из руководителей ЦБК, Даниилу Осиповичу Святскому (1881–1940). Как видим, он особо подчеркнул роль любителей научного знания в изучении местного края. Разговор, правда, шел о тех любителях науки, которые в основной своей деятельности были от нее далеки[260]. Однако мы вполне можем распространить это понятие и на профессиональных ученых, которые, будучи профессионалами в тех или иных областях науки, именно как любители преуспевали в иных ее разделах и отраслях, далеко выходящих за рамки их научной специализации. Среди омских краеведов мы видим и первых, не бывших учеными любителей (В. С. Аношин, А. В. Ваганов, И. С. Коровкин, С. Р. Лаптев, Н. Ф. Черноков и др.), и вторых, т. е. ученых-профессионалов, являющихся одновременно увлеченными любителями в «непрофильных» сферах научного знания (профессора П. Л. Драверт, В. Н. Хитрово, И. Н. Шухов и др.).

Вслед за Д. О. Святским заметим, что в обоих случаях речь идет о любителях, а не о дилетантах. Впрочем, и последний термин можно толковать в ином, почти противоположном принятому смысле. Герой документальной повести Даниила Гранина «Эта странная жизнь» провинциальный профессор-энтомолог А. А. Любищев (1890–1972), бывший не только авторитетным биологом, но и математиком, философом, знатоком истории и экономики, говорил о себе: «...Я – дилетант, универсальный дилетант. Слово-то происходит от итальянского "дилетто", что значит – удовольствие. То есть человек, которому процесс всякой работы доставляет удовольствие» [261]. Не вдаваясь более в терминологические тонкости, подчеркнем лишь, что все деятели омского краеведения, как бы мы их не называли, отличались тем, что получали несомненное удовольствие от своих научно-краеведческих занятий.

Омское краеведение интересующего нас времени, безусловно, являлось частью общенационального, всероссийского и всесоюзного краеведческого движе-

ния. Если же понимать под краеведением не только комплексное научное знание некой территории или особый исследовательский метод, но и «культурное движение общественного характера»[262], то нельзя не увидеть в омском краеведении неотъемлемую и существенную часть отечественной и, соответственно, мировой культуры. Причем не просто объявить его такой составляющей, а именно увидеть на целом ряде более чем наглядных примеров.

Взять хотя бы органичную связь участников местного краеведческого движения с крупнейшими научными школами России, учитывая, что многие омские краеведы начинали свой путь в науку в высших учебных заведениях обеих столиц, в университетах Казани, Киева, Томска и т. д. Весьма показательны и их личные контакты с видными отечественными и даже со всемирно известными деятелями науки и культуры.

Напомним читателю, что среди друзей, знакомых, корреспондентов омских краеведов были знаменитые географы и путешественники В. К. Арсеньев, П. К. Козлов, Ф. Нансен, В. А. Обручев, Г. Я. Седов, Ю. М. Шокальский, биохимик и науковед В. И. Вернадский, теоретик космонавтики К. Э. Циолковский, астрономы Д. О. Светский, К. Фламмарион, минералог А. Е. Ферсман, метеоритовед Л. А. Кулик, ботаники Н. И. Вавилов, В. Л. Комаров, В. В. Сапожников, зоолог В. Л. Бианки, этнографы В. Н. Добровольский, М. И. Погодин, Л. Я. Штернберг, востоковед С. Ф. Ольденбург, фольклорист М. К. Азадовский, библиографы Н. В. Здобнов, И. М. Кауфман, писатели П. П. Бажов, В. В. Вересаев, А. С. Грин, А. М. Горький, М. В. Исаковский, В. И. Лебедев-Кумач, Л. Н. Мартынов, К. Г. Паустовский, М. М. Пришвин, И. С. Соколов-Микитов, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов, К. И. Чуковский, В. Я. Шишков, Т. Л. Щепкина-Куперник, актриса О. Л. Книппер-Чехова, художники И. Э. Грабарь, Н. С. Самокиш и др. Думается, что данный перечень сам по себе весьма показателен и красноречив.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надо думать, читатель получил возможность убедиться в том, что на протяжении четырех рассмотренных нами десятилетий омское краеведение располагало более или менее разветвленной сетью организаций и достаточно мощным кадровым корпусом. Научно-краеведческий потенциал этого корпуса был налицо даже с учетом известных потерь. Краеведы того времени в большинстве своем действительно были культурными работниками особого типа, истинными патриотами родного края, любителями науки и энтузиастами краеведческого поиска.

В организационном оформлении и в кадровом составе местного краеведческого движения весьма ощутимой была преемственность научно-краеведческой и вообще культурной традиции. Все это объясняет и показанные нами несомненные достижения краеведов 1930–1960-х гг. в изучении природных богатств и исторического прошлого Омского Прииртышья. Отчего же омское краеведение демонстрировало столь высокий накал своей активности как раз в это время, вроде бы совсем не «золотое», определяемое многими как десятилетия стагнации и упадка краеведческого движения?

Во-первых, говорить о застое или упадке краеведения, на наш взгляд, нельзя вообще, о каком бы периоде его истории ни шла речь. Стремление человека к познанию окружающего мира, в особенности родных мест и своих «корней», вечно и неистребимо. Может меняться отношение к краеведению власть предержащих, а стало быть, и положение краеведения в некоем общественно-политическом рейтинге, могут ликвидироваться краеведческие организации, а их активные члены – подвергаться гонениям и репрессиям вплоть до физического уничтожения. Само же краеведение, по глубокому нашему убеждению, в принципе не может погибнуть или деградировать. Оно самодостаточно и потому бессмертно. Во все времена

краеведы делали свое дело, заметим, любимое дело, и делали его, что называется, в свое удовольствие. А уж считало ли их современное им общество авангардом грандиозной армии строителей нового мира или чудаками, предающимися весьма странным и никчемным занятиям, – это другой вопрос.

Во-вторых, нельзя не учитывать и своеобразия Омского региона – его провинциальности, окраинности, «восточности», если можно так выразиться. Известная удаленность от центра, безусловно, сыграла свою роль. В провинциальном Омске и вообще в Прииртышье те же 1920-е гг. – «золотое десятилетие» советского краеведения – были не такими «сверкающими», как в столичных городах и губерниях Центральной России. Но зато и удар, нанесенный краеведению в конце 1920 – начале 1930-х гг., и жесточайший прессинг последующих лет были здесь, в Сибири, слабее, относительно, конечно, и ненамного, но все же слабее.

Отдаленность Омского Прииртышья оказала достаточно заметное влияние на качественный состав местного краеведческого корпуса. Как мы видели, в 1930-х гг. он пополнился целым рядом крупных краеведов, вольно или невольно оказавшихся на Омской земле, сроднившихся с нею и посвятивших больший или меньший отрезок своей жизни ее изучению. Здесь нельзя не сказать и еще об одном, третьем по счету, но не по значению, обстоятельстве. Это небезызвестный личностный фактор.

Конечно, омское краеведение продолжало бы жить и развиваться даже тогда, когда, допустим, П. Л. Драверт или И. Н. Шухов в силу каких-либо причин покинули бы наш край. Конечно, омское краеведение не прекратило бы своего существования и в случае невозвращения в Омск того же С. Р. Лаптева или, наоборот, возвращения на родную Смоленщину А. Ф. Палашенкова. Но это было бы уже другое краеведение, не такое, каким мы его увидели и показали.

В связи с этим хотелось бы еще раз отметить выдающуюся роль А. Ф. Палашенкова, сумевшего сплотить вокруг областного музея (читай – вокруг себя) как «старых», так и начинающих краеведов, в большинстве своем им же вдохновленных и наставленных на краеведческую стезю. ***Вторая половина 1930-х – 1960-е гг. были для омского краеведения особым, «палашенковским» периодом.***

Самозабвенный труд и бескорыстный энтузиазм самого Андрея Федоровича, его друзей и соратников, последователей и учеников как раз и придали этому времени окраску, сравнимую с блеском «золотых» 1920-х гг. ***1930–1960-е гг. навсегда останутся в истории прииртышского краеведения как время особенное, своеобразное, достаточно драматичное и, главное, чрезвычайно насыщенное плодотворной работой подлинных патриотов Омской земли.***

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

[1] *Лихачев Д. С.* Любить родной край // Отечество : Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 7–9.

[2] *Шмидт С. О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // Там же. С. 27.

[3] Термин «краеведение» впервые прозвучал в 1914 г., когда педагог Маньков использовал его для обозначения деятельности по всестороннему изучению крупных административно-территориальных единиц – губерний и областей. Таким образом, краеведение мыслилось чем-то большим по сравнению с родиноведением (изучение места рождения или проживания, т. е. какого-то населенного пункта и его ближайших окрестностей) и, наоборот, меньшим, нежели отчизноведение (отечествоведение) и мироведение. Общепринятым такой подход не был: в дореволюционный период многие отождествляли то же родиноведение с исследованием не только отдельных уголков страны, но и огромных по своей территории регионов. В советское время старый термин «родиноведение», равно как и расширяющие его понятия, был вытеснен. Под краеведением же стали понимать не только изучение краев и областей, но и места своего жительства, своей, как мы сейчас говорим, малой родины.

[4] Цит. по: *Шмидт С. О.* Указ. соч. С. 11.

[5] *Филимонов С. Б.* Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1989. С. 21–22; *Шмидт С. О.* «Золотое десятилетие»... С. 11.

[6] *Гревс И. М.* История в краеведении // Краеведение. 1926. Т. 3 № 4. С. 487–488.

[7] Там же. С. 489.

[8] *Анциферов Н. П.* Краеведение как историко-культурное явление // Известия ЦБК. 1927. № 3. С. 83, 85.

[9] *Шмидт С. О.* Изучение культуры российской провинции (XVIII – начало XX вв.) и задачи краеведения // Русская провинция. Культура XVIII–XIX вв. М., 1992. С. 9.

[10] *Он же.* «Золотое десятилетие»... С. 11, 27.

[11] *Юньев И. С.* Возродить массовое краеведческое движение // Коммунист. 1960. № 3; *Мухин В. В.* Больше внимания краеведческой работе // История СССР. 1960. № 3.

[12] *Тагильцева Н.* Краеведческий центр на Урале // Политическая агитация (Свердловск). 1988. № 10. С. 23.

[13] *Курочкина Е. Ф., Соскин В. Л.* Из истории науки в Сибири (Сибирское краеведение в 1920–1928 гг.) // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1965. № 1. Вып. 1. С. 65–71; *Борина Е. Н.* Из истории деятельности Центрального бюро краеведения (1922–1927 гг.) // Труды Ленинградского государственного института культуры... Л., 1967. Т. 17. С. 285–296 и т. д.

[14] *Буринская Е. Н.* Из истории сибирского краеведения (1917–1928 гг.) // Вопросы краеведческой библиографии (Научные труды ГПНТБ СО РАН ССР. Вып. 24). Новосибирск, 1975. С. 166–189; *Филимонов С. Б.* Источники по истории краеведения в РСФСР. 1917–1929 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974; *Флейман Е. А.* Некоторые вопросы становления и развития костромского краеведения в первые годы Советской власти // Краеведческие записки. Ярославль, 1983 и т. д.

[15] *Ахметова С. Ш.* Историческое краеведение в Казахстане. Алма-Ата, 1982.

[16] К читателям // Отечество. М., 1990. Вып. 1. С. 5.

[17] *Вибе П., Минжуренко А.* И любить и знать... // Омская правда. 1989. 24 июня; *Вибе П.* Съезд краеведов России // Вечерний Омск. 1990. 15 мая.

[18] *Тумаков В. Е.* Союз краеведов России // Отечество. М., 1992. Вып. 3. С. 282.

[19] *Шмидт С. О.* «Краеведение – дело, значение которого не может быть преувеличено» // Памятники Отечества. 1985. № 1; *Он же.* О книге «Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.)» // Филимонов С. Б. Краеведение и документальные памятники... С. 3–17; *Он же.* «Золотое десятилетие...»; *Он же.* Изучение культуры российской провинции... и т. д.

[20] *Филимонов С. Б.* Краеведение и документальные памятники...; *Флейман Е. А.* Краеведение в Поволжье. Кострома, 1995; *Зорина Л. И.* Уральское общество любителей естествознания. 1970–1929. Из истории науки и культуры Урала // Ученые записки Свердловского обл. краевед. музея. Екатеринбург, 1996. Т. 1.

[21] *Филимонов С. Б.* Историческое краеведение в России и документальные памятники : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992; *Флейман Е. А.* Краеведческое движение в Поволжье 1917–1930 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 1997.

[22] В первом же номере возрожденного издания (1992 г.) под этой рубрикой была напечатана статья Н. М. Пугачевой «Сибирское краеведение в 1920–1930-е гг.».

[23] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994.

ПРИМЕЧАНИЯ

[24] *Ремизов А. В.* Деятельность энтузиаста-краеведа С. Р. Лаптева-Зенковского // Роль науки в освоении восточных районов страны: Тезисы докладов и сообщений Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1992. С. 185–187; *Он же.* Профессор И. Н. Шухов: факты биографии в документах личного архивного фонда // Научная конференция памяти Н. М. Ядринцева. Секция: История культуры Сибири: опыт, традиции, проблемы развития. Омск, 1992. С. 40–44; *Он же.* А. Ф. Палашенков и С. Р. Лаптев: совместные краеведческие поездки по Омской области (1957–1965 гг.) // Там же. С. 53–57; *Он же.* Коллекция провинциального российского краеведа. Об одной архивной находке // Русский вопрос: история и современность : тезисы докладов Всерос. науч. конф. Омск, 1992. Ч. 1. С. 85–87; *Он же.* А. Ф. Палашенков: «досибирский» период жизни и деятельности по биографическим материалам архивного фонда // Историческая наука в омском педагогическом институте. К 60-летию со дня основания института : материалы конф. Омск, 1992. С. 27–30; *Он же.* Иннокентий Шухов: четыре экспедиции к Полярному Кругу (1911–1914 гг.) // Там же. С. 40–46; *Он же.* В. П. Бирюков и А. Ф. Палашенков: две жизни – одно призвание. К вопросу об особом типе российского культурного работника-краеведа // Русский вопрос: история и современность : материалы докладов Всерос. науч. конф. Омск, 1993. С. 88–92; *Он же.* Коллекция книжных знаков из архивного фонда краеведа А. Ф. Палашенкова // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы освоения, изучения и использования : тезисы докладов и сообщений обл. науч. конф. Омск, 1993. С. 128–132; *Он же.* По следам экспедиции немецких натуралистов. Об одном малоизвестном путешествии омского краеведа // Немцы Сибири: история и культура : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1993. С. 54–58; *Он же.* Омские краеведы 1930–1960-х гг.: к вопросу о профессионализме и любительстве в науке // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории : тезисы докладов и сообщений науч.-метод. конф. Омск, 1993. С. 125–128; *Он же.* Российские энтузиасты-краеведы – особый тип хранителей отечественного культурного наследия // Проблемы культурогенеза и культурное наследие : материалы к конф. Ч. 1. Культура и культурное наследие в современном мире. СПб., 1993. С. 46–51; *Он же.* Научная деятельность С. Р. Лаптева как пример подвижничества и энтузиазма в краеведческом поиске (по материалам личного архивного фонда) // Проблемы истории науки и культуры России. Омск, 1993. С. 146–157; *Он же.* Энтузиаст краеведения – особый тип российского провинциального интеллигента // Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX в.) : тезисы докладов Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1993. С. 118–121; *Он же.* Прошлое Омского края в бумагах А. Ф. Палашенкова. Из недавних архивных находок // Страницы исторического прошлого Омска. (XIX – начало XX вв.) : краеведческий сборник. Омск, 1994. С. 132–144; *Он же.* Краевед С. Р. Лаптев и медицина // Позиция. 1994. № 36 (в соавторстве с И. Е. Бродским);

Он же. Краеведческие словари А. Ф. Палашенкова // Таре 400 лет : материалы науч.-практ. конф. Омск, 1994. Ч. 1. С. 18–22; *Он же.* Тарский краевед Аркадий Ваганов // Там же. С. 121–126; *Он же.* Корифей сибирского охотоведения. К 100-летию со дня рождения И. Н. Шухова // Омский вестник. 1994. 27 окт.; *Он же.* «Партизан от науки». О старом русском краеведе профессоре В. Н. Хитрово (по документам личного архивного фонда) // Русский вопрос: история и современность : материалы докладов II Всерос. науч. конф. Омск, 1994. Ч. 1. С. 223–228; Знаток родного края: к 100-летию И. Н. Шухова // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея (далее – Известия ОГИКМ). Омск. 1994. № 3. С. 7–12; *Он же.* «Влюбленный в народную Русь»: о знатоке деревенской культуры сибирском краеведе Н. Ф. Чернокове (по архивным материалам) // Духовность русской культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1994. С. 155–159; *Он же.* Сибирский краевед Иннокентий Шухов // Западно-Сибирское краеведение : научно-информативный сборник. Ишим, 1994. С. 34–43; *Он же.* Омский краевед И. Н. Шухов – летописец старого города // Урбанизация и культурная жизнь Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1995. С. 119–122; *Он же.* Иван Коровкин – краевед из Большемогильного (по материалам личного архивного фонда) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории : тезисы II Регион. науч.-метод. конф. Омск, 1995. С. 117–120; *Он же.* Историк-архивист Н. В. Горбань: о судьбе ученого и его наследии // Там же. С. 165–167 (В соавторстве с И. Е. Бродским); *Он же.* Омские краеведы в годы Великой Отечественной войны // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне : материалы Всерос. науч. конф. Омск, 1995. С. 170–177; *Он же.* Пути-дороги Омской земли (из краеведческой копилки А. Ф. Палашенкова) // Глубинка. Омск, 1995. № 1. С. 42–51; *Он же.* О писателях-краеведах // Писатель. Общество. Власть. Омск, 1995. С. 88–96; *Он же.* «Маленький Пржевальский». К столетию со дня рождения И. Н. Шухова // Омская старина. 1994–1995. Омск, 1995. № 3. С. 54–64; *Он же.* Н. А. Плотников – ботаник, путешественник, краевед. Памяти ученого // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XXвв.) : материалы II Всерос. науч. конф. Т. 2. Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск, 1995. С. 190–195; *Он же.* Рукоположенные краезнатцы: православное духовенство в сибирском краеведении (к постановке вопроса) // Русское православие в Сибири: история и современность: Материалы международной научной конференции «Русское православие: 4 века в Сибири. К 100-летию Омско-Тарской епархии». Омск, 1995. С. 125–128; *Он же.* Забытые имена: старинный сибирский иконописец Денис Шелутков и его биограф омский краевед М. В. Мальцев // Там же. С. 128–133; *Он же.* Незаслуженно забыт // Иртыш. 1995. № 1 (10). С. 189–1991 (о С. Р. Лаптеве); *Лаптев С.* Минералы в поэзии П. Л. Драверта. Воспоминания о П. Л. Драверте // Там же. С. 192–205 (публикация

и примечания А. В. Ремизова); *Ремизов А. В.* Совместная краеведческая поездка летом 1962 г. в полевых дневниках А. Ф. Палашенкова, С. Р. Лаптева и И. С. Коровкина // Известия ОГИКМ. Омск 1996. № 4. С. 45–52; *Он же.* Редкий самородок (о Николае Черноков, знатоке сибирской старины) // Глубинка. Омск, 1996. № 2. С. 8–29; *Черноков Н.* Предания старины сибирской // Там же. С. 30–39 (предисловие и публикация А. В. Ремизова); *Ремизов А. В.* Омский отдел Географического общества в первые десятилетия после второго «рождения» (1947 – середина 1960-х гг.) // 280 лет Омску: история и современность : тезисы докладов и сообщений науч. конф. Омск, 1996. С. 151–155 (в соавторстве с И. Е. Бродским); *Он же.* «Серебряные десятилетия» в истории омского краеведения // История и культура Сибири : материалы отчетной сессии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН. Омск, 1996. С. 70–75; *Он же.* О книге Е. А. Флеймана «Краеведение в Поволжье» и современном состоянии историографии российского краеведения // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории : тезисы докладов и сообщений III Регион. науч.-метод. конф. Омск, 1997. С. 166–170; *Он же.* Омское краеведение (страницы недавней истории) // Известия ОГИКМ. Омск, 1997. № 5. С. 55–60; *Он же.* Омские краеведы в казахском ауле Коенды (по запискам С. Р. Лаптева о поездке 1949 г.) // Россия и восток: традиционная культура, этнокультурные и этнонациональные процессы : материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1996. С. 131–136; *Он же.* В. П. Бирюков и омский краевед А. Ф. Палашенков: по следам заочного знакомства // Шадринская провинция : материалы II Регион. краеведческой конф. Шадринск, 1998. С. 31–34; *Он же.* Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерк истории : монография : в 2 ч. Омск, 1998. 355 с. (ч. 1 – 180 с., ч. 2 – 175 с.); *Он же.* А. Ф. Палашенков и уральский краевед В. П. Бирюков: из истории одной переписки // Музей и общество на пороге XXI века : материалы Всерос. науч. конф., посв. 120-летию ОГИК музея. Омск, 1998. С. 267–268; *Он же.* Три века омского краеведения (175 лет Омской области. Краеведы Омского Прииртышья). Омск, 1998. 35 с.; *Он же.* Омский краевед А. Н. Седельников – исследователь Степного края // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.) : тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посв. 175-летию образования Омской области. Омск, 1998. С. 127–130; *Он же.* Михаил Сиязов: о научно-педагогической и краеведческой деятельности омского ученого (к 140-летию со дня рождения) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.) : материалы Третьей Всерос. науч. конф. Т. II. Интеллигенция России: динамика, образы, потенциал местных культурных гнезд. Омск, 1998. С. 57–60; *Он же.* Краеведческое движение в Омском Прииртышье (1930–1960-е гг.) : дис. в виде научного доклада на соискание ученой степени канд. ист. наук. Омск, 1998. 36 с.; *Лаптев С.* В казах-

ском ауле Коенды. Заметки о поездке 1949 г. // Вестник Евразии. № 1–2 (6–7). М., 1999. С. 209–218 (публ., предисл. и прим. А. В. Ремизова); *Ремизов А. В.* Документы сельского культурно-просветительского общества «Свет» из собрания краеведа Н. Ф. Чернокова // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск, 2000. С. 104–105; *Он же.* Неизвестный архив: бумаги краеведа М. В. Мальцева из собрания Н. Ф. Чернокова // Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда : материалы IV Всерос. науч. конф. «Культура и интеллигенция России. Интеллектуальное пространство (провинция и центр). XX век». Омск, 2000. Т. 2. С. 180–184.; *Он же.* Героизм русского народа времен войны 1812 года в творческой биографии омского краеведа А. Ф. Палашенкова // Русский вопрос: история и современность: сб. науч. тр. Омск, 2000. С. 63–65; *Он же.* Культурная жизнь Омска в послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.) // Омск. XX век (вехи истории) : краеведческий сб. Омск, 2001. С. 134–158; *Он же.* Н. В. Горбань – омский краевед // Архивные чтения памяти Н. В. Горбаня: тез. докл. и сообщ. Омск, 2002. С. 47–51; *Он же.* Роль омских краеведов в изучении природных богатств Прииртышья // История, природа, экономика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 125-летию Омского регионального отделения РГО. Омск, 2002. С. 69–71; *Он же.* Юбилейные и мемориальные издания ЗСОРГО как историографический источник // Там же. С. 35–36 (в соавторстве с М. В. Штергер); *Он же.* Свидетельство сибирской старины. Жизнь и творчество Николая Чернокова // Омский краевед. 2003. № 1. С. 92–103; *Он же.* Палашенков. Омск. Первые годы // Известия ОГИК музея. Омск, 2006. № 12. С. 7–13; *Он же.* Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерк истории : монография : 2-е изд., испр. и дополн. Омск, 2010. 348 с.; *Он же.* Подвижник краеведения // Антология омского краеведения. Т. 1. Избранные труды А. Ф. Палашенкова. Омск, 2013. С. 44–90; *Он же.* Письма Н. А. Свиркина: жизнь в краеведении // Известия ОГИК музея. Омск, 2013. № 18. С. 289–297; *Он же.* Подвижник тарского краеведения // Альманах «Тобольск и вся Сибирь». Тара. Тобольск, 2014. Кн. XVI. С. 391–400; *Он же.* Ученый, путешественник, поэт // Петр Людовикович Драверт (1879–1945). Биобиблиографический указатель. Омск, 2014. С. 3–17; *Он же.* С. Р. Лаптев – краевед, ученый, педагог // Дравертовские чтения : материалы Регион. науч.-практ. конф., посв. 135-летию со дня рожд. П. Л. Драверта. Омск. 25 ноября 2014. Омск, 2015. С. 31–33; *Он же.* Личная библиотека и документальный архив профессора Д. Н. Фиалкова в фондах ОГОНБ имени А. С. Пушкина // Третьи Ядринцевские чтения : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посв. 300-летию Омска. Омск, 2015. С. 254–257 (в соавторстве с А. П. Сорокиным); *Он же.* Коллекция книжных знаков омского краеведа А. Ф. Палашенкова // EX LIBRIS. Омск, 2016. Вып. 3. С. 84–87; *Он же.* «Нехвастливое трудолюбие Николая Чернокова // Николай Федорович Черноков: краевед, фольклорист, библиофил. К 125-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель.

Омск, 2016. С. 5–24; *Он же.* Жизнь и поиск тарского краеведа // Аркадий Викулович Ваганов. К 125-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель. Омск, 2017. С. 5–15. См. также статьи-биографии "Ваганов" (в соавторстве с Л. П. Капитоновой), "Лаптев" и "Шухов" в своде "Выдающиеся ученые и деятели культуры – члены ЗСОИРГО и Омского регионального отделения Всерос. обществ. организации "Русское географическое общество" (Известия Омского регионального отделения... Вып. 2(19). Омск, 2008. С. 136,190–191, 263–264), "Ваганов Аркадий Викулович", "Лаптев (Лаптев-Зенковский) Сергей Романович" в 1-м томе Энциклопедии Омской области (Омск, 2010. С. 181, 544), "Палашенков (Палашенко) Андрей Федорович", "Черноков Николай Федорович", "Шухов Иннокентий Николаевич" во 2-м томе указ. изд. (с. 174, 513, 546) и "Лаптев (Лаптев-Зенковский) Сергей Романович" в Энциклопедии города Омска (Т. 3. Омск в лицах. Кн. 2. Омск, 2011. С. 11–12).

[25] *Шмидт С. О.* Изучение культуры российской провинции... С. 12–13.

ГЛАВА1

[1] ЗСОРГО, в дореволюционный период – ЗСОИРГО, в 1926–1929 гг. – ЗСОГРГО, в 1930 г. – Западно-Сибирское Географическое Общество.

[2] *Семенов В. Ф.* Очерки пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества. Омск, 1927. С. 3.

[3] *Ремнев А. В.* Общество исследователей Западной Сибири // История культуры Сибири: опыт, традиции, проблемы развития. Омск, 1992. С. 6–8.

[4] *Семенов В. Ф.* Указ. соч. С. 3.

[5] *Плотников А. Е.* Из истории создания и деятельности в Омске Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества (1877–1917 гг.) // Страницы исторического прошлого Омска XIX – начало XX вв. : краеведческий сборник. Омск, 1994. С. 54–55.

[6] П. Б. Яшеров был одним из лидеров омских кадетов (член Омского городского комитета кадетской партии), состоял в городской Управе, одно время редактировал газету «Степной край», в течение 25 лет возглавлял им же созданное Омское общество правильной охоты, являлся почетным членом Омского общества плодоводства и садоводства, был известен как один из главных организаторов I Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки (1911 г.). Деятельность П. Б. Яшерова на посту председателя ЗСОИРГО оценивалась впоследствии следующим образом: «Много нужно было в это время проявить такта, чтобы уберечь Общество от нахлынувшей реакции и не растерять прогрессивно мыслящих членов его» (*Мальцев М.* П. Б. Яшеров (некролог)) // Известия Западно-Сибирского Географического Общества. Т. VII. 1930. Омск, 1930. С. 235–237).

[7] *Седельников А. Н.* Учебник родиноведения для школ Западно-Сибирского учебного округа. 1. Акмолинская область. Омск, 1916.

[8] *Лаптев С. Р.* Омский отдел Географического общества // Межвузовская научная конференция : материалы географической секции. Омск, 1967. С. 109–110.

[9] *Вутын О. П.* Деятельность Г. Е. Катанаева в Западно-Сибирском Отделе Русского Географического общества (ЗСОРГО) // Архивный вестник. Омск, 1995. № 5. С. 21–22.

[10] *Плотников А. Е.* Указ. соч. С. 58.

[11] Там же. С. 62

[12] *Семенов В. Ф.* Указ. соч. С. 37–38.

[13] Там же. С. 38–39.

[14] Там же. С. 39–40.

[15] Там же. С. 67.

[16] *Пугачева Н. М.* Сибирское краеведение в 1920–1930-е гг. // Известия ОГИКМ. Омск, 1993. № 2. С. 12–13; *Она же.* Информационный бюллетень «Сибиреведение» как источник по истории краеведения Сибири // Областная научно-практическая конференция, посв. 275-летию города Омска. Секция: История Омска и Омской области. Омск, 1991. С. 122.

[17] *Казаринов П. К.* Научно-исследовательская работа // ССЭ. Т. III. Новосибирск, 1932. Стб. 707.

[18] *Соскин В. Л.* Сибирь, революция, наука. Новосибирск, 1989. С. 135.

[19] *Семенов В.* Отчет о состоянии и деятельности ЗСОГРГО за 1926–1927 год // Известия ЗСОРГО. Т. VI. 1928–1929. Омск, 1929. С. 9.

[20] *Пугачева Н. М.* Сибирское краеведение... С. 15–16.

[21] Поварцов С. Н. Петр Драверт и дело ОИС // Писатель. Общество. Власть. Омск, 1995. С. 73–74.

[22] Там же. С. 75; Запись беседы автора с Н. А. Плотниковым. 4 апреля 1992 г. Личный архив автора.

[23] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 84, 183, 189.

[24] *Лаптев С. Р.* Из истории музейно-краеведческой работы в Омске // Известия Омского отдела Географического Общества Союза ССР. Омск, 1968. Вып. 9 (16). С. 190.

[25] *Мелехин Ф. В.* 1923–1928 г. Пять лет работы музея: Краткий отчет // Известия Государственного Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. № 1. С. 131.

[26] *Колупанко Л. В.* Из истории Омского общества краеведения // История культуры Западной Сибири: Омская областная научная конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири», посв. 110-летию Омского ГОИЛ музея : тезисы докладов. Омск, 1988. С. 35.

[27] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 188–189.

ПРИМЕЧАНИЯ

[28] Омское краеведческое общество // Северная Азия. 1929. № 2. С. 131–132.

[29] *Пугачева Н. М.* Омское общество краеведения во второй половине 20-х годов // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Омск, 1991. С. 120.

[30] Судя по тому, что указанный сборник остался единственным, «материальные условия» не позволили продолжить выпуск этого издания.

[31] Материалы Омского общества краеведения. Омск, 1926. Вып. 1. С. 3.

[32] Омское краеведческое общество. С. 132.

[33] *Сливко А.* Современное краеведение и очередные задачи социалистического строительства // Материалы Омского общества краеведения. С. 5.

[34] *Котельников В.* Связь краеведческой работы с работой всех местных госучреждений и организаций // Там же. С. 21.

[35] *Семенов В.* Отчет... С. 15.

[36] *Лаптев С. Р.* Из истории... С. 190.

[37] Хроника // Советское краеведение. 1935. № 2. С. 70–71.

[38] *Лаптев С. Р.* Из истории... С. 190–191.

[39] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 189.

[40] *Лаптев С. Р.* Из истории... С. 191–193.

[41] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 189.

[42] ГИАОО. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 16. Л. 42–66. Далее, ссылаясь на документы, хранящиеся в Государственном историческом архиве Омской области, само название архива мы будем опускать, указывая лишь номер фонда и т. д.

[43] Ликвидация Омского ОБК не пресекла краеведческую активность в регионе как таковую. Показательно, что в конце 1937 г., т. е. уже после официального закрытия краеведческого общества, тот же С. Р. Лаптев-Зенковский пытался «составить план работы на следующий год и доказать полезность и необходимость возобновления работы краеведов, учитывая прошлый опыт и сложившиеся коллективы...» (*Рыженко В. Г., Назимова В. Ш.* О связи одной научно-практической традиции с культурным освоением Сибири (к истории краеведения) // Роль науки в освоении восточных регионов страны : тезисы докладов и сообщений Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1992. С. 135).

[44] *Макаров Ю. А.* Так начинался музей // Краеведение Западной Сибири: Омская областная научная конференция, посв. 110-летию... музея... Омск, 1988. С. 9.

[45] *Он же.* Так начинался Омский музей // Прииртышье мое. Омск, 1990. Кн. 2. С. 47–48, 54.

[46] *Томилов Н. А., Макаров Ю. А.* Омский государственный объединенный исторический и литературный музей: Краткий исторический очерк // Народы Севера Сибири в коллекциях Омского ГОИЛ музея. Томск, 1986. С. 16.

[47] Там же. С. 17.

[48] Семенов В. Ф. Очерк... С. 37–38.

[49] *Соскин В. Л.* Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921–1923 гг.). Новосибирск, 1971. С. 323.

[50] Там же. С. 323–325.

[51] *Семенов В. Ф.* Очерк... С. 37–38.

[52] Сибирская природа. 1922. № 1. С. 83.

[53] Там же. № 2. С. 129.

[54] *Богомолов В. Б., Томилов Н. А.* Этнографические коллекции Омского государственного исторического и литературного музея // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского ГОИЛ музея. Томск, 1990. С. 18–19.

[55] *Пугачева Н. М.* Сибирское краеведение... С. 10; *Семенов В. Ф.* Очерк... С. 37.

[56] *Мелехин Ф. В.* Указ. соч. С. 124.

[57] Там же. С. 126.

[58] Там же. С. 128.

[59] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 125.

[60] *Мелехин Ф. В.* Указ. соч. С. 139.

[61] Там же. С. 132-133.

[62] *Томилов Н. А., Макаров Ю. А.* Указ. соч. С. 22.

[63] *Пугачева Н. М.* Сибирское краеведение... С. 11.

[64] *Лаптев С. Р.* Из истории... С. 187–188.

[65] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224, 240, 250, 259, 278.

[66] Там же. Д. 224. Л. 12, 18, 20, 22.

[67] Там же. Л. 1, 33, 47; Д. 246. Л. 13.

[68] Там же. Д. 224. Л. 8, 12, 22, 28, 30, 32, 34, 36, 38, 42-44, 48, 51,69, 77, 80, 81, 86, 87, 89-91; Д. 240. Л. 4 об. - 5, 9, 13 об., 14 об., 19 об., 34, 37 об., 50 об., 63 об., 65 об., 67 об., 71 об. – 73, 75, 88, 90 об. 94, 94 об.; Д. 246. Л. 17 об. - 18; Д. 250. Л. 2 об., 4,5 об., 12 об., 14 об., 34 об., 51, 77 об., 79-80, 82 об. – 83; Д. 259. Л. 11 об. – 12, 16 об., 17.

[69] Там же. Д. 240. Л. 50.

[70] Там же. Л. 48; Д. 278. Л. 16.

[71] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 264. Л. 11, 46.

[72] Там же. Д. 297. Л. 43.

[73] *Назарцева Т. М., Любашенко А. И.* О тарском музее // Таре 400 лет : метериалы науч.-практ. конф. Омск, 1994. Ч. 1. С. 169–170.

[74] Выписки А. А. Жирова из дневника А.В. Ваганова. Личный архив автора; *Жиров А. А.* Краеведение в Тарском Прииртышье // Урбанизация и культурная жизнь Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1995. С. 123.

[75] *Назарцева Т. М., Любашенко А. И.* Указ. соч. С. 170.

[76] Архив Тарского районного отдела социальной защиты населения. Д. 216.

[77] *Назарцева Т. М., Любашенко А. И.* Указ. соч. С. 170

[78] Запись беседы автора с В. А. Вагановой. 12 мая 1994 г. Личный архив автора.

[79] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 270. Л. 5а–5б.

[80] *Шабалина Н. И.* Письмо автору от 18 апреля 1994 г. Личный архив автора; Запись беседы с В. А. Вагановой...

[81] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 270. Л. 14а, 13б.

[82] *Логинова С. И., Симонов В. В.* Основатель Большереченского музея Василий Семенович Аношин // Тезисы областной научно-практической конференции «Памятники истории и культуры омской области». Вып. 1. Историческое краеведение. Омск, 1989. С. 161–162.

[83] *Аношин В. С.* Где шумит Арынский бор. Омск, 1968. С. 5; *Он же.* Большереченский историко-этнографический музей. Большеречье, 1985. С. 1.

[84] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 57. Л. 45 об.

[85] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 43. Л. 3.

[86] *Плотников Н. А.* У истоков юннатского движения // Известия Омского отдела... Омск, 1966. Вып. 8(15). С. 102; Хроника краеведения // Известия ЗСОРГО. Т. V. 1925–1926. Омск, 1926. С. 256–257.

[87] *Войнова Г.* Вехи юннатского движения // Омский вестник. 1994. 31 марта.

[88] Рукопись этой инструкции хранится в ГАОО, в личном архивном фонде С. Р. Лаптева (Ф. 2118. Оп. 1. Д. 18. Л. 118–123).

[89] *Лаптев С. Р., Палашенков А. Ф.* Маршруты экскурсий и походов по Омской и смежным с ней областям. Омск, 1948.

[90] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 216.

[91] Там же. Д. 53. Л. 61. Один из машинописных экземпляров очерков является единицей хранения личного архивного фонда. С. Р. Лаптева (д. 22).

[92] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 240. Л. 5 об.

[93] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 10. Л. 19, 20, 25; *Логачев Е.* Встреча в начале пути. Из воспоминаний бывшего юнната // Вечерний Омск. 1980. 29 авг.

[94] *Логачев Е.* Указ. соч.

[95] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 307. Л. 2.

[96] Архив Тарского районного отдела социальной защиты населения. Д. 216.

[97] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 62; Д. 11. Л. 14. Особую роль А. Ф. Палашенкова в возобновлении работы Омского отдела отмечают современные омские географы (*Новиков Ф.* Географы – Отечеству // Омский вестник. 1995. 24 окт.).

[98] *Лаптев С.* Краткий отчет о деятельности Омского отдела Всесоюзного географического общества // Известия Омского отдела... Омск, 1956. Вып. 1 (18). С. 90.

[99] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 18. Л. 243

[100] *Лаптев С. Р.* Омский отдел... С. 110–111.

[101] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 305. Л. 6.

[102] *Лаптев С. Р.* Омский отдел... С. 111. См. также: *Лосунов А. М.* Возрождение в 1947 г. Омского отдела Географического общества СССР и первые годы его существования // Известия Омского регионального отделения Всерос. обществ, организации «Русское географическое общество». Омск, 2008. Вып. 20. С. 115–131.

[103] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 54. Л. 44.

[104] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 188.

ГЛАВА 2

[1] *Грызов А.* Светлой памяти А. Н. Седельникова. 29 января 1919 года // Иртыш – голос Сибирского казачьего войска. 1919. № 4. С. 13. (Автор некролога литератор Алексей Грызов (Ачаир), выпускник Омского кадетского корпуса, участник Гражданской войны, белоэмигрант, в 1945 г. был арестован в Харбине как руководитель «фашистско-белогвардейской» литературной организации «Молодая Чукреевка», после 10 лет лагерей жил и умер в Новосибирске). Иногда ошибочно указывается 1918 г. (Скончавшиеся в течение последних лет (1918–1922) // Наука и ее работники. 1922. № 2. С. 49).

[2] *Семенов В.* Георгий Ефремович Катанаев // Сибирская природа. 1922. №1. С. 80–82; *Мальцев М.* П. Б. Яшеров (некролог) // Известия Западно-Сибирского географического общества. Т. VII. Омск, 1930. С. 235–237; *Степпе Я.* Памяти Никифора Демьяновича Павлова // Там же. С. 239–240.

[3] *Крылов Г. В., Завалишин В. В., Казакова Н. Ф.* Исследователи природы Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 248–249.

[4] *Семенов Б. С.* По Томи и ее притокам // Сибирская природа. 1922. № 1. С. 56–69; *Он же.* По Алтаю // Там же. № 3. С. 17–28; *Он же.* Экспедиция Западно-Сибирского Краевого Музея в Тарский округ с ботанической целью летом 1921 г. // Там же. С. 69; *Он же.* Участие в Саянской экспедиции Сибнаробраза летом 1922 г. с ботанической целью // Там же. С. 71.

[5] *Семенов В.* Отчет о состоянии и деятельности ЗСОРГО за 1923 и 1924 гг. // Известия ЗСОРГО. Т. IV. Вып. 1. 1924–1925 гг. Омск, 1924. С. 140–141.

[6] *Семенов Б. С.* По реке Уень. Новосибирск, 1950. *Зоркий М., Семенов Б.* По родной Сибири. В помощь краеведу: Маршруты краеведческих походов. Новосибирск, 1951.

[7] *Спирина И.* У истоков // Вечерний Омск. 1992. 26 фев.; *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 143.

[8] *Поварцов С. Н.* Петр Драверт и дело ОИС // Писатель. Общество. Власть. Омск, 1995. С. 73–75.

[9] *Жиров А. А.* Тарский период в биографии омского краеведа Ф. В. Мелехина // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории : тезисы докладов и сообщений III Регион, науч.-метод. конф. Омск, 1997. С. 212–215; *Спирина И. В.* История создания музея изобразительных искусств в Омске (1870–1930-е годы). Омск, 2004. С. 127–136.

[10] *Семенов В. Ф.* К десятилетию со дня смерти Александра Никитича Седельникова // Известия ЗСОРГО. Т. VI. 1928–1929. Омск, 1929. С. 3. Любопытно, что факт рождения Седельникова-старшего в Омске в 1817 г. в семье «урядника хора войсковых музыкантов» подтвержден «выписью» из метрической книги Градо-Омской Войсковой Казачьей Николаевской церкви. В то же время в биографиях Седельникова-младшего, родившегося в Талицком заводе Пермской губернии в семье выходца из Бухтарминского края, рядового казака-музыканта, указывается, что Седельниковы переехали в Омск лишь после его рождения, т. е. не ранее 1876 г.

[11] *Рыженко В. Г., Захарова Н. А.* Омские краеведы Седельниковы // Известия ОГИКМ. Омск, 1994. № 3. С 16–17.

[12] Там же. С. 17–19.

[13] *Семенов В.* Отчет... за 1923 и 1924 гг. С. 141; *Червоненко В. Н.* Ученые Омского сельскохозяйственного института (1918–1994). Омск, 1995. С. 97–98; *Авербух С. Д.* Краткие сведения о ботаниках и исследователях флоры Омской области (XVIII–XX вв.) // Известия ОГИКМ. Омск, 1996. № 4. С. 307.

[14] *Семенов В. Ф.* Очерк растительности Омской губернии // Известия ЗСОРГО. Т. IV. Вып. 1. С. 13–46.

[15] *Он же.* Отчет... за 1923 и 1924 гг. С. 135–136.

[16] Там же. С. 135.

[17] *Семенов В.* Отчет о деятельности ЗСОГРГО за 1927–1928 гг. // Известия ЗСОРГО. Т. VI. С. 21.

[18] Например, «Из жизни Западно-Сибирского Отдела... в годы войны и революции», «Краеведение в Западной Сибири» и т. д. (Известия ЗСОРГО. Т. IV. Вып. 1. С. 118–127).

[19] *Семенов В.* Два эпизода из дела о сибирских сепаратистах // Там же. С. 113–115.

[20] *Поварцов С. Н.* Указ. соч. С. 75.

[21] *Семенов В. Ф.* Растительность Омской области. Омск. 1937; *Он же.* Роль местной дикорастущей растительности в экономике Омской области // Омская область. 1939. № 2. С. 35–39; *Он же.* К вопросу о засушливости юга Омской области // Там же. 1940. № 8. С. 4–10.

[22] *Авербух С. Д.* Указ. соч. С. 307.

[23] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 1800. *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 251. *Червоненко В. Н.* Очерки истории Омского сельскохозяйственного института (1918–1993). Омск, 1994. С. 104.

[24] Интересно, что А. С. Сливко был еще и организатором Омского общества воинствующих материалистов-диалектиков, созданного в том же 1923 г.

[25] *Самосудов В.* На исходном рубеже // Омский вестник. 1994. 13 окт.; *Он же.* Кровавое воспитание // Там же. 1 авг.; *Червоненко В. Н.* Очерки... С. 101–102.

[26] *Сливко А. С.* Народное образование в первые годы после освобождения Омска // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. Омск, 1966. Вып. 8 (15). С. 52–53. Подробнее о А. С. Сливко см.: *Штырбул А. А.* Александр Сергеевич Сливко: первый ректор ОмГПИ : историко-биографическое исследование / под ред. К. А. Чуркина, Л. К. Гореловой; предисл. К. А. Чуркина. Омск, 2009.

[27] *Круссер Р. Г.* Георгий Владимирович Круссер – мой отец // Разыскания. Кемерово, 1993. Вып. 3. С. 73–80.

[28] *Поварцов С. Н.* Указ. соч. С. 76.

[29] *Он же.* Математик, яхтсмен, поэт... // Фарос. 1993. № 3. С. 11–13.

[30] Омское краеведческое общество // Северная Азия. 1929. № 2. С. 132.

[31] *Семенов В.* Отчет о состоянии и деятельности ЗСОРГО за 1925–1926 год // Известия ЗСОРГО. T.VI. С. 9; *Он же.* Отчет... за 1927–1928 год. С. 13.

[32] Хроника краеведения // Известия ЗСОРГО. Т. IV. Вып. 1. С. 124.

[33] *Семенов В.* Отчет... за 1927–1928 год. С. 21.

[34] Хроника // Советское краеведение. 1935. № 2. С. 70–71.

[35] *Семенов В.* Отчет... за 1927–1928 год. С. 9; *Он же.* Отчет... за 1927–1928 год. С. 13.

[36] В. Л. Соскин пишет по этому поводу следующее: «Специализация отделов РГО во многом определялась профилем расположенных в данном городе вузов... В отличие от дореволюционного краеведения, когда основной состав отделов РГО рекрутировался из военных и гражданских чиновников, теперь костяк обществ... формировался из профессоров и преподавателей высших учебных заведений. Поэтому в ЗСОРГО, например, основную работу вели те же научные работники, что и в Сибирской сельскохозяйственной академии: К. П. Горшенин, Г. Г. Петров, С. Д. Лавров, В. Д. Дудецкий, П. Л. Драверт». И далее: «В Сибири роль главной научной силы по-прежнему отводилась вузам, располагавшим лучшей материальной базой и кафедрами специалистов. Нередко на их плечи ложилось руководство краеведческими обществами и экспедициями. В 1927–1928 гг. во главе ЗСОРГО стоял профессор В. Ф. Семенов, чья основная деятельность была связана с Омским сельскохозяйственным и медицинским институтами, его заместителем был профессор этих же вузов П. Л. Драверт. Основные

научные доклады на общих собраниях ЗСОРГО также делали профессора этих институтов (В. И. Баранов, Н. А. Тихомиров и др.)» (*Соскин В. Л.* Сибирь, революция, наука. Новосибирск, 1989. С. 121–122, 150).

[37] *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 37–38; *Дудецкий В. Д.* Опыт климатического районирования черноземной полосы Западной Сибири // Известия ЗСОРГО. Т. V. С. 77–118; *Он же.* Температура воздуха в Омске // Сибирская природа. 1922. № 3. С. 54–67.

[38] *Семенов В.* Отчет... за 1927–1928 год. С. 13.

[39] *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 14; *Семенов В.* Отчет... за 1925–1926 год. С. 4.

[40] Хроника краеведения // Известия ЗСОРГО. Т. IV. Вып. 1. С. 123, 125; *Семенов В.* Отчет о состоянии и деятельности ЗСОГРГО за 1926–1927 год // Известия ЗСОРГО. Т. VI. С. 4.

[41] Из жизни ЗСОРГО // Сибирская природа. 1922. № 1. С. 82–83.

[42] *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 16–17.

[43] Там же. С. 102–103.

[44] *Семенов В.* Отчет... за 1923 и 1934 гг. С. 133, 143; *Спиридонов М. Д.* Киргизские пустынные степи // Сибирская природа. 1922. № 1. С. 34–47; № 2. С. 87–113; *Он же.* Исследование Тарского уезда с ботанической целью в 1922 г. // Там же. № 3. С. 71.

[45] *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 84; *Авербух С. Д.* Указ. соч. С. 303.

[46] *Петров Г. Г.* Очерк растительности окрестностей Омска // Сибирская природа. 1922. № 1. С. 20–23.

[47] Интересно, что в некоторых документах ЗСОРГО М. И. Крот именуется Михаилом Николаевичем (списки членов Отдела по состоянию на 15 марта 1923 г. и 1 февраля 1924 г. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 37. Л. 43, 52 об., 53). В отчете ЗСОРГО за 1923–1924 гг. он также упоминается с инициалами «М. Н.» (Известия ЗСОРГО.Т. IV, вып. 1. С. 140). Во всех прочих публикациях (отчеты; краеведческая хроника; статьи самого Крота в «Известиях» и «Записках» ЗСОРГО, «Известиях Краевого музея», «Северной Азии»; юбилейный очерк В. Ф. Семенова и т. д.), а также в воспоминаниях С. Р. Лаптева о П. Л. Драверте (Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 142) фигурирует М. И. Крот.

[48] *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 63.

[49] Из жизни ЗСОРГО // Сибирская природа. 1922. № 1. С. 824; *Семенов В. Ф.* Очерк... С. 87, 89.

[50] *Лавров С. Д.* Естественные районы Западной Сибири с точки зрения зоогеографа // Сибирская природа. 1922. № 1. С. 47–55; *Он же.* Наблюдение над жизнью природы окрестностей Омска // Там же. № 3. С. 29–36.

[51] *Он же.* Бабочки и гусеницы: Практическое руководство к научному собиранию и составлению коллекций чешуекрылых с 82 рисунками // Труды ЗСОРГО. Омск, 1922. Вып. 1; *Он же.* Определитель бабочек средней полосы Европейской России и Западной Сибири. Ч. 1 // Там же. Омск, 1922. Вып. 5.

[52] *Семенов В.* Отчет... за 1927–1928 год. С. 15.

[53] *Москаленко К. Н.* Зоологическая поездка в Тарские урманы весной 1930 г. Омск, 1932. С. 3–4.

[54] *Он же.* Изучай птиц. Омск, 1933.

[55] *Ручкин В. Н.* Вишнево-Островская казенная дача (Ишимского уезда Тобольской губернии) как курортное место // Известия ЗСОИРГО. Т. III. Вып. 1–2. 1915. Омск, 1916. С. 1–6 (у каждой публикации этого тома отдельная нумерация страниц).

[56] *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 90; *Он же.* Очерки... С. 139.

[57] *Ручкин В. Н.* Окрестности города в прошлом // Известия Омского отдела... Вып. 8(16). С. 56–58.

[58] *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 63; *Авербух С. Д.* Указ. соч. С. 302.

[59] Северная Азия. 1926. № 5–6. С. 165; 1927. № 1. С. 134.

[60] *Червоненко В. Н.* Очерки... С. 66, 72.

[61] Там же. С. 124–125, 136, 138.

[62] Личный фонд Ф. К. Надя в ГИАОО (не описан).

[63] Драверт // ССЭ. Новосибирск, 1929. Т. I. Стб. 852–853; П. Л. Драверт // Известия Омского отдела... Вып. 1 (18). С. 87; *Беленький Е.* Поэт сибирской природы (творчество П. Л. Драверта) // Писатели-сибиряки. Новосибирск, 1959. Вып. 2. С. 3–17; *Палашенков А. Ф.* Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск, 1967. С. 219–221; *Лейфер А.* Сибири не изменю! Страницы одной жизни. Новосибирск, 1979; *Марьин В.* П. Л. Драверт – исследователь и певец Сибири // Сибирская старина. Томск, 1994. № 6. С. 40–41; *Червоненко В. Н.* Ученые...С. 36–37; *Андреева Л.* Петр Драверт. Ученый и поэт. М., 2014. См. также материалы региональной науч.-практ. конф. "Дравертовские чтения", посв. 135-летию со дня рожд. П. Л. Драверта (Омск, 2015), в том числе воспоминания П. К. Бадаевой "Как это было. 1924 год"; статьи А. М. Лосунова "Петр Людовикович Драверт: неизвестное об известном" (в частности о встрече П. Л. Драверта с Верховным Правителем А. В. Колчаком с вручением последнему приветственного адреса "Собирателю Земли Русской"); Т. И. Местниковой "Петр Драверт и Кемпендяй"; О. А. Милищенко "Петр Драверт и СибАКА"; Л. И. Огородниковой "Имя П. Л. Драверта в документах Исторического архива Омской области" и др.

[64] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 78–79; *Лейфер А.* Указ. соч. С. 40.

[65] *Борисов А. В.* В Омской метеоритной комиссии // Известия Омского отдела... Вып. 1 (8). С. 86.

[66] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 612. Л. 3 об.

[67] Метеоритика. Вып. 4. М.; Л., 1948.

[68] П. Л. Драверт – Азадовскому // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969. Т. 1. С. 230.

[69] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 146.

[70] *Драверт П. Л.* Определитель важнейших минералов Сибири с указателем их месторождений // Труды ЗСОРГО. Омск, 1922. Вып. 3.

[71] *Драверт П. Л.* К минералогии кайнозойских отложений Обь-Иртышского бассейна // Известия ЗСОРГО. Т. V. С. 129–156; *Он же.* Из геологии окрестностей Омска : доклад (см.: *Семенов В.* Отчет... за 1927–1928 год. С. 5); *Он же.* К истории Тарского болида 1/III 1929 г. // Известия ЗСОРГО. Т. VII. С. 215–220 и т. д.

[72] *Он же.* Фосфориты в Омско-Тарском Прииртышье. Омск, 1931.

[73] *Он же.* Платина в окрестностях курорта Боровое и о возможностях ее нахождения в других районах Казахстана // Известия ЗСОРГО. Т. VI. С. 29–36; *Он же.* Еще о сейсмических явлениях в Казахстане // Там же. С. 37–43 и т. д.

[74] *Он же.* Об использовании корневищ сусака в качестве суррогата хлеба. Омск, 1921; *Он же.* Чернокорые березы в Приитышье // Рабочий путь. 1925. 25 янв.

[75] *Он же.* Перекрашенный Ермак (ответ т. Вяткину. О поэме Вяткина «Сказ о Ермаковом походе»). Омск, 1927; *Он же.* Из жизни Общества изучения края при Музее Тобольского Севера // Сибирская природа. 1922. № 3. С. 72; Хроника краеведения // Известия ЗСОРГО. Т. IV. Вып. 1. С. 117. В последней публикации-некрологе П. Л. Драверт рассказывал о краеведческой деятельности тобольского учителя, активиста Общества изучения Тобольского края, члена-корреспондкнта ЦБК Георгия Ивановича Симонова, покончившего с собой на 35-м году жизни «под гнетом долгих материальных лишений и вызванного ими нервного расстройства».

[76] Хроника краеведения // Известия ЗСОРГО. Т. IV. Вып. 1. С. 123.

[77] *Коников Б. А.* Краеведы-археологи Омского Прииртышья // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления изучения и использования : тезисы докладов и сообщений обл. науч. конф. Омск, 1993. С. 60–61.

[78] *Он же.* Петр Людовикович Драверт как краевед-археолог // Немцы Сибири: история и культура : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1993. С. 51. К немцам Сибири П. Л. Драверт не имеет никакого отношения. Не нашла подтверждения и версия, построенная на том, что одним из предков Драверта якобы был плененный в 1812 г. француз. Судя по новейшим публикациям, предки П. Л. Драверта были польскими шляхтичами (*Жук А. В.* Иван Гаврилович Драверт – прадед П. Л. Драверта // Памятники истории и культуры Сибири : тезисы докладов и сообщений Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1995. С. 153–159).

[79] *Семенов В.* Отчет... за 1927–1928 год. С. 13.

[80] *Драверт П.* Грот с писаницей на озере Джасыбай в окрестностях Баян-Аула // Известия ЗСОРГО. Т. VII. С. 231–234.

[81] *Коников Б. А.* Петр Людовикович Драверт... С. 51.

[82] Там же. С. 52–53.

[83] Там же. С. 53–54.

[84] *Драверт П.* Незакатное вижу я солнце. Новосибирск, 1979. С. 163–180.

[85] *Авербух С. Д.* Человек и природа: Проспект выставки. Омск, 1991. С. 4.

[86] *Никитин М.* Безрогий носорог // Сибирские огни. 1931. № 11–12. С. 5–40.

[87] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 14. Л. 142.

[88] *Поварцов С. Н.* Петр Драверт... С. 75.

[89] *Лейфер А.* Указ. соч. С. 39.

[90] Ф. 1075. Оп. 1. Д. 37. Л. 9; *Семенов В.* Отчет... за 1927–1928 год. С. 3.

[91] П. Л. Драверт был редактором ССЭ по разделам «Минералогия» и «Геохимия», в энциклопедии помещены его статьи «Минералы», «Метеориты» (последняя – в соавторстве с Л. А. Куликом. ССЭ. Т. III. Стб. 438–441).

[92] *Семенов В.* Отчет... за 1927–1928 год. С. 21.

[93] *Поварцов С. Н.* Петр Драверт... С. 75.

[94] *Кочнев С.* 30 лет литературной и научной деятельности П. Л. Драверта // Сибирские огни. 1933. № 11–12. С 106.

[95] *Поварцов С. Н.* Петр Драверт... С. 77; *Он же.* Омская стрелка. Омск, 2003. С. 80–82.

[96] *Он же.* Петр Драверт... С. 83, 86.

[97] *Драверт П.* Природное известковое сырье в Омском Прииртышье. Омск, 1932.

[98] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 141, 143.

[99] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 300. Л. 27 об..

[100] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 145.

[101] Там же. Л. 143.

[102] Музей первоначально состоял из двух отделов – минералогического и зоологического. Последний был детищем Ивана Иосифовича Мороза (1989–1984), научного сотрудника заповедника Боровое, впоследствии – зоотехника Алма-Атинского зоопарка. В 1931–1939 гг. И. И. Мороз работал таксидермистом в Омском краеведческом музее. В собрании ОГИКМ сейчас хранится около 50 чучел, изготовленных этим талантливым мастером.

[103] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 144.

[104] *Драверт П. Л.* Полезные ископаемые Омско-Тарского края (Издание Омского Бюро Краеведения). Омск, 1993; *Он же.* Несколько слов о Прииртышском буроугольном бассейне. Омск, 1932; *Он же.* Ванадий и никель в осадочных породах южной части Омской области // Омская область. 1939. № 2. С. 71–72; *Он же.* Драгоценные и цветные камни в Омской области // Там же. № 4. С. 64–65.

[105] *Беленький Е.* Путями поэта и ученого // Вечерний Омск. 1979. 16 янв.

[106] *Драверт П.* Местное минеральное сырье // Омская правда. 1941. 5 дек.

[107] *Лейфер А.* Указ. соч. С. 105–106.

[108] *Коровкин И.* Перо – это штык писателя // Омская правда. 1967. 29 ноября.

[109] *Лейфер А.* Указ. соч. С. 103-104.

[110] Там же. С. 102.

[111] Там же. С. 104, 106; *Бахолдин В.* Мне в жизни помогли стихи // Вечерний Омск. 1989. 16 янв.; *Буслаева Г. Б.* Деятельность П. Л. Драверта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам фондов ОГИКМ) // Известия ОГИКМ. Омск, 2016. № 20. С. 259.

[112] *Драверт П. Л.* Метеориты, наблюдения над их падением и их поиски. Омск, 1944; *Он же.* Агрономические руды в Омской области. Омск, 1944.

[113] «Минералы и полезные ископаемые Омской области» (4 п. л.), «Землетрясение в Омской области» (0,5 п. л.). Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 185.

[114] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 300. Л. 27.

[115] Там же. Л. 61. П. Л. Драверт обладал удивительной способностью удачно сочетать свое научное и литературное дарование. Тогда же им было написано стихотворение «Болид» – «научно выдержанное описание вторжения космического тела в атмосферу Земли». Об этом своем произведении ученый-поэт писал: «Думаю, что не пройдет в малокультурном Омске. В Ленинграде, в Москве – другое дело» (л. 61, 61 об.).

[116] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 141, 142.

[117] *Кожухарь А. А.* Геологические исследования П. Л. Драверта в Западной Сибири // Краеведение Западной Сибири : Омская обл. науч. конф., посв. 110-летию музея. Омск, 1988. С. 59.

[118] Так назывались своеобразные творческие вечера, устраивавшиеся омскими литераторами в редакции «Омской правды». См.: *Бахолдин В.* Литературные четверги в военном Омске // Иртыш. 1993. 2 (7). С. 272–290. – *А. Р.*

[119] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 300. Л. 57.

[120] *Лейфер А.* Указ. соч. С. 102.

[121] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 43. Л. 24.

[122] Там же. Оп. 2. Д. 612. Л. 7–8 об.

[123] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 21. Л. 2; Д. 20. Л. 1-17; Ф. 345. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 1; Д. 3. Л. 1; Д. 4. Л. 1–7; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 125.

[124] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 125, 139; Ф. 2037. Оп. 1. Д. 2. Л. 12 об.; Д. 7. Л. 15.

[125] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 2. Л. 11; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 126–127, 136.

[126] *Жук А. В.* Иннокентий Николаевич Шухов в 1894-1920 годах // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения и использования... С. 63.

[127] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об.; Ф. 347. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

[128] Ф. 347. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

[129] Там же. Л. 1 об., 8 об., 9–10; Д. 4. Л. 1–16.

[130] Там же. Д. 3. Л. 10 об., – 23; Д. 4. Л. 25 об.

[131] Там же. Д. 3. Л. 23 об.

[132] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об. – 12; Ф. 347. Оп. 1. Д. 4. Л. 17 – 18 об.; И. Н. Шухов (1894–1956) // Литературный Омск. Омск, 1956. С. 181.

[133] Народы Севера Сибири в коллекциях Омского ГОИЛ музея. С. 43–45, 164–166; *Богомолов В. Б., Томилов Н. А.* Этнографические коллекции Омского государственного исторического и литературного музея // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского ГОИЛ музея. Томск, 1990. С. 10, 11, 16, 17; *Жук А. В., Мельников Б. В.* Археологические изыскания И. Н. Шухова. I. Нижне-Обская экспедиция 1911 года // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995. С. 4–16.

[134] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 4; Д. 2. Л. 12 об.; Д. 19. Л. 6.

[135] Там же. Д. 1. Л. 3. Д. 2. Л. 12 об.

[136] Там же. Д. 1. Л. 5; Д. 14. Л. 1-5; Д. 19. Л. 1–2; Ф. 2200. Оп. 2 Д. 2381. Л. 112–114.

[137] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 103, 126, 163; *Жук А. В.* Иннокентий Николаевич Шухов... С. 64; *Он же.* Иннокентий Николаевич Шухов в первый период его научной деятельности (1910-е – начало 1920-х годов) // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2013. № 2 (41). С. 60–67; *Терюков А. И. Коллекции* И. Н. Шухова в собрании МАЭ РАН // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты в 2012 г. СПб., 2013. С. 226–233.

[138] В «Сибирском листке» от 25 августа 1913 г. Шуховым был опубликован материал «Как истребляют рыбу в р. Щучьей» (Ф. 2037. Оп. 1. Д. 16. Л. 5).

[139] Там же. Л. 12.

[140] Там же. Д. 1. Л. 6–7 об.

[141] Там же. Д. 6. Л. 1–4 об.; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 120, 153, 154; *Лейфер А.* Удивительная библиотека. Рассказы о старых книгах и книжниках. Омск, 1989. С. 49–50; *Терюков А. И.* Указ. соч. С. 226.

[142] *Палашенков А. Ф.* Памяти И. Н. Шухова // Известия Омского Отдела... Омск, 1957. Вып. 2 (9). С. 216; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 139–140. В феврале 1929 г. В. К. Арсеньев сообщал И. Н. Шухову, что его «книжки "Зыряне Тарского округа" и "Охотн[ичий] пром[ысел] в Тарском округе"... получил своевременно», задержку с ответом объяснял большой перегруженностью работой после возвращения с Кавказа, обещал в следующем подробном письме поделиться сведениями о Дальнем Востоке, а также непременно прислать свою новую «книжку», как только («месяца через два») она выйдет из печати (Ф. 2037. Оп. 1. Д. 5. Л. 1).

[143] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

[144] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 126; *Жук А. В.* Иннокентий Николаевич Шухов... С. 64–65.

[145] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 139.

[146] Там же. Л. 126.

[147] *Жук А. В.* Иннокентий Николаевич Шухов... С. 65; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 128, 138; Ф. 2037. Оп. 1. Д. 4. Л. 6; *Терюков А. И.* Указ. соч. С. 229.

[148] *Поварцов С.* Математик, яхтсмен, поэт... С. 11.

[149] Сын И. Н. Шухова Георгий (Юрий) Иннокентьевич (р. 1921) сообщил нам следующее: «Об отце. Происхождение его не сказывалось на деятельности. Отец был чрезвычайно демократичным. В какую-то из революций солдаты или матросы выбрали его своим командиром. Он не вызывал зависти, т. к. был беден и выучился на деньги купца Тележкина, рассчитывавшего выдать (за него) одну из своих дочерей. Женился отец на дочери интендантского чиновника... Покидая Омск под натиском красных в обыкновенных крестьянских санях, отец и мама не предполагали, что их настигнет сыпняк. Как многие другие, они были помещены в тифозные бараки военного городка в Красноярске. Выздоровевшему отцу новая власть предоставила должность, соответствующую его знаниям: начальника лесов и угодий Енисейской губернии». (Письмо от 3 мая 1996 г. Личный архив автора).

[150] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 128.

[151] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 3.

[152] Там же. Л. 1; Д. 4. Л. 3, 6; Д. 13. Л. 13.

[153] Там же. Д. 3. Л. 7–9, 13, 15–17; Д. 4. Л. 3; Д. 5. Л. 6; Д. 10. Л. 6; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 126; Хроника краеведения // Известия ЗСОРГО. Т. V. С. 257.

[154] *Шухов И. Н.* К фауне гнездующих птиц восточной части Чумышской лесной дачи // Известия ЗСОРГО. Т. V. С. 205–217; *Он же.* Из результатов орнитологических исследований в Омском округе // Там же. С. 225; *Он же.* К авифауне северной части Обской губы и острова Шокальского // Там же. Т. VII. С. 95–112.

[155] Таксидермией И. Н. Шухов продолжал заниматься и позже. В архиве Палашенкова хранится фотография Шухова с чучелом фламинго. На обороте шутливая надпись: «Глубокоуважаемому Андрею Федоровичу... на память о фламинго и его реставраторе... 29. IV. 52 г.» (Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 109).

[156] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–8, 16; Д. 4. Л. 3, 6; *Семенов В.* Отчет... за 1927–1928 год. С. 21.

[157] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 3. Л. 10, 11, 14.

[158] *Шухов И. Н.* Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел // Известия Государственного Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. № 1. С. 99–120.

[159] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 19. Л. 14; Д. 3. Л. 12.

[160] *Коников Б. А.* Краеведы-археологи Омского Прииртышья. С. 62. В другой своей работе Б. А. Коников даже причисляет И. Н. Шухова к археологам-профессионалам (*Коников Б. А.* Варвара Павловна Левашова – археолог Омского краеведческого музея // Известия ОГИКМ. № 3. С. 22).

[161] *Трухин Г.* Ученый-путешественник // Вечерний Омск. 1981. 27 июля.

[162] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 3. Л. 18–20; Д. 4. Л. 3, 6; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 128, 130.

[163] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 4. Л. 6; Д. 3. Л. 23; Д. 13. Л. 3, 3 об.; *Поварцов С.* Омская стрелка. Омск, 2003. С. 83–84.

[164] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 3. Л. 20, 21; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 128.

[165] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 128–135, 138; *Лаптев С.* Краткий отчет о деятельности Омского отдела Всесоюзного географического общества // Известия Омского отдела... Омск, 1956. Вып. 1 (18). С. 105.

[166] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–7.

[167] *Шухов И. Н.* Позвоночные. Вып. I. Рыбы, амфибии и рептилии. Омск, 1948; *Он же.* Позвоночные. Вып. II. Млекопитающие. Омск, 1949.

[168] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 33–80.

[169] Там же. Л. 139–140; *Шухов Ю. И.* Письмо автору от 1 октября 1995 г. Личный архив автора.

[170] *Логачев Е.* Встреча в начале пути. Из воспоминаний бывшего юннната // Вечерний Омск. 1980. 29 авг.; *Он же.* Наставник юннатов // Кировец. 1990. 11 июля.

[171] *Он же.* О некоторых вредителях сахарной свекловицы. Исилькуль, 1942; *Он же.* Краткое наставление для сбора, хранения и пересылки насекомых. Омск, 1948.

[172] *Шухов И.* Краткое наставление по сбору зоологических материалов // Известия ОГИКМ. № 1. С. 163–169.

[173] *Он же.* Птицы – вредители кедрового промысла // Омская область. 1939. № 7. С. 51–52; *Он же.* Глистные болезни рыб в некоторых районах Омской области // Там же. № 5. С. 63.

[174] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 127.

[175] Ф. 2037. Оп. 1. Д. 3. Л. 24, 25.

[176] Там же. Д. 11. Л. 1, 13, 14.

[177] Там же. Л. 5-12.

[178] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 127; Ф. 2037. Оп. 1. Д. 10. Л. 19, 20, 25.

[179] *Шухов И. Н.* В поисках перехода с Оби на Енисей // Молодой большевик. 1935. 9 апр.; *Он же.* Город Мангазея // Там же. 10 апр.; *Он же.* В поисках Золотой Бабы // Ленинские внучата. 1940. 19 окт.

[180] *Он же.* Дятел – музыкант: Биологические очерки из жизни птиц и зверей. Омск, 1940; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 240. Л. 66.

[181] В августе 1956 г. А. Ф. Палашенков получил из Иркутска от профессора В. Н. Скалона письмо, в котором сообщалось, что в начале учебного года на факультете охотоведения Иркутского сельхозинститута состоится траурное собрание памяти И. Н. Шухова. Профессор просил прислать ему биографические материалы и портрет Иннокентия

Николаевича, чтобы поместить его «в галерее наших корифеев охотоведения» (Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 142).

[182] Первая фенологическая работа И. Н. Шухова «Весенние наблюдения у г. Омска» была опубликована в «Известиях ЗСОИРГО» (Т. 1. Вып. 1) в 1913 г.

[183] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 140.

[184] Археолого-этнографические труды профессора Шухова // Омская правда. 1940. 30 янв.

[185] *Лаптев С.* Краткий отчет... С. 93.

[186] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 19.

[187] *Лейфер А.* Сибири не изменю!.. С. 100.

[188] *Логачев Е. Д., Шухов И. Н.* Медведица Кайя (вредная деятельность и меры борьбы). Исилькуль, 1942; *Шухов И. Н.* Слепушонка – вредитель картофеля (биология и меры борьбы). Омск, 1945; *Он же.* Уничтожайте мышевидных грызунов – вредителей высокого урожая. Омск, 1942; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 129; Ф. 2037. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

[189] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 127–129, 137 об.

[190] Там же. Л. 139–140.

[191] Там же. Л. 138, 140; Ф. 2037. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

[192] *Логачев Е.* Встреча в начале пути...; *Он же.* Наставник юннатов.

[193] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 129, 139.

[194] Там же. Л. 139–140; Ф. 345. Д. 1–3.

[195] Ф. 347. Оп. 1. Д. 1.

[196] *Шухов И. Н.* Знамена Ермака // Сибирские огни. 1946. № 3.

[197] *Он же.* Летающие тоболяки. Из воспоминаний // Омский альманах. Омск, 1944. Кн. 4. С. 131–136; *Он же.* К столетию Обь-Иртышского пароходства // Советский Иртыш. 1945. № 13; *Он же.* Развитие судоходства в Обь-Иртышском бассейне: Исторический очерк // Омская область. 1937. № 5; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 108. Л. 43–44.

[198] *Он же.* Оружие западно-сибирских ямщиков // Омская область. 1940. № 3; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 181. Л. 10.

[199] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 140; Шухов И. «Марионовка» и «Карлушка» // Омский железнодорожник. 1954. 12 апр.

[200] *Шухов И. Н.* Картины старого Омска. Из воспоминаний // Омский альманах. Омск, 1945. Кн. 5. С. 82–87. В 1994 г. редколлегия «Известий ОГИКМ» поддержала наше предложение по переизданию этих воспоминаний И. Н. Шухова (Известия ОГИКМ. № 3. С. 193–198).

[201] *Лейфер А.* Прошлое в настоящем. Омск, 1984. С. 86–87.

[202] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 143–150.

[203] Там же. Л. 5–7.

[204] Там же. Оп. 1. Д. 56. Л. 36, 77; Д. 131. Л. 1–2.

[205] Там же. Оп. 2. Д. 2381. Л. 101, 105.

[206] *Лейфер А.* Письма учителя // Омская старина. Омск, 1993. Вып. 1. С. 115.

[207] Ф. 1075. Оп. 1. Д. 37. Л. 52 об., 53, 111.

[208] *Семенов В.* Отчет... за 1926–1927 год. С. 10; Он же. Отчет... за 1927–1928 год... С. 5, 9, 10, 14; Северная Азия. 1926. № 5–6. С. 165; 1927. № 1. С. 134.

[209] Запись беседы автора с Н. А. Плотниковым 4 апреля 1992 г. Личный архив автора; *Николаева Н.* Вершины, которые покоряются // Вечерний Омск. 1980. 8 окт.

[210] Хроника краеведения // Известия ЗСОРГО. Т. V. № 257.

[211] *Червоненко В. Н.* Очерки... С. 31.

[212] *Плотников Н. А.* Об изменениях во флоре Омской области // Известия Омского отдела... Вып. 1 (8). С. 63–66; *Он же.* Растительность естественных лугов и пастбищ северных районов Омской области // Там же. Вып. 4 (11). С 51–61; *Он же.* Некоторые представители дикой флоры, имеющие перспективное значение в декоративном садоводстве // Там же. С. 83–92; *Он же.* От Омска до Ташкента в поисках дикорастущих полезных растений // Там же. Омск, 1963. Вып. 5 (12). С. 93–102; *Он же.* Ботанические поисковые работы в Зайсанской котловине, в предгорьях Саура и Южно-Алтайском хребте летом 1963 г. // Там же. Омск, 1965. Вып. 7 (14). С. 79–87; Он же. Ботанический сад Омского сельскохозяйственного института // Там же. Вып. 9 (16). С. 140–146; *Он же.* Новый американский сорняк паслен трехцветковый... в окрестностях Омска // Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. Омск, 1966. С. 54–57.

[213] К примеру, в отчете о работе Отдела за 1959 г. отмечалось, что 20 апреля Г. П. Масалкина и Н. А. Плотников сделали сообщение о ядовитых растениях в травостое и кормах Омской области, основываясь на проведенных им (Масалкиной – на юге области, а Плотниковым – на севере) обследованиях (Годовой отчет... за 1959 год // Известия Омского отдела... Вып. 4 (11). С. 123.

[214] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

[215] Там же. Л. 6–8, 11, 31.

[216] Там же. Д. 55. Л. 1–3.

[217] Там же. Л. 87.

[218] *Фиалков Д. Н.* За тесную связь с жизнью // Известия Омского отдела... Вып. 5 (12). С. 6.

[219] Охотники за растениями // Омская правда. 1976. № 246.

[220] Запись беседы автора с Н. А. Плотниковым...; *Николаева Н.* Указ. соч.

[221] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 305. Л. 4.

[222] Там же. Л. 2, 11, 12.

[223] *Николаева Н.* Указ. соч.

[224] *Козорез А.* Дело жизни // Омская правда. 1978. 18 июня.

[225] *Семенов В. Ф.* Очерк... С. 87, 94, 97.

[226] *Горшенин К. П.* Почвы черноземной полосы Западной Сибири // Записки ЗСОРГО. Омск, 1927. Т. XXXIX. С. 1–360.

[227] *Он же.* География почв Сибири. Омск, 1939.

[228] *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 30–31; *Он же.* Очерки... С. 136.

[229] К. П. Горшенин. К 70-летию со дня рождения // Известия Омского отдела... Вып. 3 (10). С. 109.

[230] *Лаптев С. Р.* Годовой отчет Омского отдела Всесоюзного географического общества за 1956 год // Известия Омского отдела... Вып. 2 (9). С. 145; *Горшенин К. П.* Почвы Омской области и возможности освоения новых земель // Там же. Вып. 1 (8). С. 23–32.

[231] *Он же.* Слово о старом Омске // Там же. Вып. 8 (15). С. 59–60.

[232] *Червоненко В.* Ученые... С. 19.

[233] *Перепелкина Е.* «И узнаешь прекрасную судьбу» // Омская правда. 1979. 29 июля.

[234] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 240. Л. 92 об.

[235] *Семенов В.* Отчет... за 1923 и 1924 гг. // Известия ЗСОРГО. Т. IV. Вып. 1. С. 142.

[236] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 16. Л. 42–66; Ф. 1076. Оп. 1. Д. 240. Л. 80, 91 об.

[237] *Берников В. В.* Почвенно-грунтовое обоснование лесомелиоративных работ на юге Омской области // Омская область. 1939. № 11–12. С. 43–56; *Он же.* Почвенно-грунтовое обоснование лесомелиоративных работ на юге Омской области. Омск, 1950; *Он же.* Основные вопросы полезащитного лесоразведения в Западной Сибири // Сборник трудов по лесному хозяйству Сибири. Новосибирск, 1958. Вып. 4; *Он же.* О засухоустойчивости древесно-кустарниковых пород окрестностей Омска // Труды ОмСХИ. Омск, 1958. Т. XXII. Вып. 2. С. 131–136; *Он же.* О водорегулирующих лесных полосах на правобережье реки Иртыша в пределах лесостепи Омской области // Там же. Т. 54. Омск, 1964. С. 121–124.

[238] *Лаптев С.* Краткий отчет... С. 100, 104.

[239] Там же. С. 101–102.

[240] *Берников В. В.* Зональные особенности роста деревьев в лесной полосе вдоль линии Омской железной дороги // Известия Омского отдела... Вып. 1 (8). С. 53–62; *Он же.* Эрозия почв в южной части Омской области // Там же. Вып. 2 (9). С. 7–16; *Он же.* Вопросы лесомелиорации в Западной Сибири // Там же. Вып. 6 (13). Омск, 1964. С. 53–60; Он же. Особенности возникновения растительных ассоциаций Барабинской низменности // Там же. Вып. 10 (17). Омск, 1972. С. 27–34; *Он же.* К вопросу осушительных мероприятий в Барабинской низменности // Межвуз. науч. конф. Омск, 1969. С. 41–46; *Он же.* Пыльные бури в Омской и Новосибирской областях летом 1963 года // Материалы к третьему научному совещанию. С. 45–53 (в соавторстве с И. С. Сметаниным); *Он же.* О государственных лесных полосах в Омской области // Записки по краеведе-

нию Омской области. Омск, 1972. С. 81–83; Он же. О роли кустарников при совместном произрастании с древесными породами в районе Омска // Там же. С. 58–62.

[241] *Он же.* О границах Барабы и происхождении ее названия // Известия Омского отдела... Вып. 7 (14). С. 24.

[242] *Он же.* Механический состав и засоленность поверхностных осадочных пород южной части Омской области // Известия Омского отдела... Вып. 4 (11). С. 3–22; Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 59–61 об.

[243] Ф. 1075. Оп. 1. Д. 83. Л. 182 об.; Ф. 2118. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

[244] *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 180–181; Он же. Очерки... С 136.

[245] Хроника краеведения // Известия ЗСОРГО. Т. IV. Вып. 1. С. 124.

[246] *Каргаполов М. С.* У истоков сибирской агрономии // Омский альманах. Омск, 1950. Кн. 7. С. 184–192; Годовой отчет ... за 1959 год. С. 145.

[247] *Лаптев С.* Краткий отчет... С. 103.

[248] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 25. Л.14.

[249] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 1271. Л. 1.

[250] Там же. Л. 3.

[251] *Ремизов А. В.* Забытые имена: старинный сибирский иконописец Денис Шелутков и его биограф омский краевед М. В. Мальцев // Русское православие в Сибири: история и современность : материалы Междунар. науч. конф. «Русское православие: 4 века в Сибири. К 100-летию Омско-Тарской епархии». Омск, 1995. С. 128–133.

[252] *Драверт П. Л., Мальцев М. В.* Биологический метод борьбы с малярийным комаром // Омская область. 1939. № 3. С. 59–62; *Мальцев М. В.* Энтомологическая работа Омской малярийной станции // Сибирский медицинский журнал. 1926. № 1. С. 47.

[253] *Он же.* «Картофельный бунт» в Тобольской губернии (по неизданным материалам) // Омская область. 1939. № 11–12. С. 109–114; *Он же.* Омские областные архивы // Там же. С. 119–120; Омские областные архивы. Омск, 1939.

ГЛАВА 3

[1] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 132; *Бродский И. Е.* Рыцарь науки // Архивный вестник. Омск, 1999. № 7. С. 134.

[2] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 140.

[3] О такой практике косвенным образом свидетельствует машинописный текст доклада С. Р. Лаптева по случаю юбилея А. Ф. Палашенкова с правкой, сделанной самим юбиляром. Этот документ хранился у Н. А. Плотникова. Личный архив автора.

[4] Юбилей краеведа // Известия Омского отдела... Вып. 5 (12). С. 199.

[5] Ф. 1075. Оп. 1. Д. 37. Л. 139.

[6] Там же. Л. 44, 131.
[7] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 141.
[8] Там же. Д. 18. Л. 209, 211, 212.
[9] Там же. Д. 16. Л. 42-66.
[10] Ф. 1074. Оп. 1. Д. 82. Л. 8–9.
[11] Там же. Л. 17.
[12] Там же. Д. 130. Л. 198.
[13] Юбилей краеведа. С. 198.
[14] Архив Куйбышевского районного отдела социальной защиты населения (г. Омска). Д. 1375.
[15] Авторы «Омского историко-краеведческого словаря» называют датой возвращения С. Р. Лаптева в Омск 1930 г., что противоречит нашим данным.
[16] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 18. Л. 212.
[17] *Коган Е. И.* Н. В. Здобнов и страницы уральского краеведения // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1993. Вып. 6. С. 25–26.
[18] *Лаптев-Зенковский С. Р.* Юбилей уральского краеведа // Северная Азия. 1928. № 5–6. С. 195–197.
[19] *Л[аптев]-З[енковский].* Письмо из Свердловска // Там же. 1927. № 1. С. 132–133; *Лаптев-Зенковский С.* Краеведческая работа на Урале // Там же. 1928. № 5–6. С. 190–192.
[20] Юбилей краеведа. С. 200.
[21] *Коган Е. И.* Указ. соч. С. 26.
[22] *Зорина Л. И.* Уральское общество любителей естествознания. 1970–1929. Из истории науки и культуры Урала // Ученые записки Свердловского обл. краевед, музея. Екатеринбург, 1996. Т. 1. С. 185, 198.
[23] *Л[аптев]-З[енковский] С. Р.* Уральское общество любителей естествознания // Уральское краеведение. Свердловск, 1927. № 1. С. 134–135; *Он же.* Новые пути Уральского общества любителей естествознания // Северная Азия. 1927. № 5–6. С. 183–185.
[24] *Коган Е. И.* Указ. соч. С. 16–17.
[25] Там же.
[26] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 132.
[27] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–10 об.
[28] Юбилей краеведа. С. 200.
[29] Архив Куйбышевского районного отдела социальной защиты населения. Д. 1375.
[30] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 54. Л. 45.
[31] Там же. Д. 20. Л. 2.
[32] Там же. Л. 5.
[33] Там же. Л. 27.

[34] Там же. Л. 29.
[35] Там же. Л. 16.
[36] Там же. Д. 25. Л. 2.
[37] Там же. Л. 1.
[38] Там же. Л. 8–11.
[39] Там же. Л. 19–24.
[40] Там же. Л. 14, 18–19.
[41] Там же. Л. 38–43.
[42] Там же. Д. 52. Л. 58.
[43] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 47.
[44] Ф. 2118. Оп. Д. 17. Л. 42.
[45] Там же. Д. 31.
[46] *Емельянов В.* Приобщение к родному краю // Омский юннат. 1995. № 26.
[47] *Войнова Г. Я.* Первые юннатские годы // Там же. 1994. 22 марта.
[48] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 52. Л. 88 об.
[49] Там же. Д. 53. Л. 49.
[50] Там же. Л. 2.
[51] Там же. Л. 10 об.
[52] Там же. Д. 54. Л. 31.
[53] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 246. Л. 28 об.; Д. 259. Л. 72; Д. 278. Л. 8.
[54] *Лаптев С.* Краткий отчет о деятельности Омского отдела Всесоюзного географического общества // Известия Омского отдела... Омск, 1956. Вып. 1 (18). С. 105; Юбилей краеведа. С. 201.
[55] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 54. Л. 44–46.
[56] См., напр., изображение озера Камышлово и др. рисунки С. Р. Лаптева, сделанные им в ходе поездки по древнему руслу Камышловки в 1955 г. Там же. Д. 24.
[57] Там же. Д. 54. Л. 46 об.
[58] Там же. Д. 55. Л. 3–3 об.; Запись беседы автора с Н. А. Плотниковым. 4 апреля 1992 г. Личный архив автора.
[59] Ф. 2118. Д. 54. Л. 83 об. – 84.
[60] Там же. Д. 56. Л. 61 об.
[61] Там же. Д. 57. Л. 21.
[62] Там же. Л. 2, 2 об.
[63] Там же. Л. 58 об.
[64] Там же. Л. 38.
[65] Там же. Л. 46, 46 об.
[66] Там же. Л. 117.

[67] Там же. Л. 116 об.

[68] Там же. Л. 107.

[69] Там же. Л. 95.

[70] Там же. Д. 17. Л. 31.

[71] *Лаптев С. Р.* Минерализированные озера Изылбашского района // Омская область. 1936. № 9; *Он же.* Некоторые вопросы бальнеологии Омской области // Там же. 1937. № 1–2; *Шухов И. Н., Лаптев С. Р.* Озеро Эбейты // Там же. 1939. № 6; *Лаптев С. Р.* Пути производственного освоения озера Эбейты // Там же. № 9.

[72] *Лаптев С. Р., Палашенков А. Ф.* Маршруты для экскурсий по г. Омску и Омской области. Омск, 1947; *Они же.* Маршруты экскурсий и походов по Омской и смежным с ней областям. Омск, 1948.

[73] Сборник материалов по охране природы Омской области. Омск, 1950.

[74] *Лаптев С.* Краткий отчет... С. 89–107; *Он же.* Годовой отчет Омского отдела Географического общества Союза ССР за 1956 год // Известия Омского отдела... Вып. 1 (8). С. 145–147; *Он же.* Краеведческая работа юных натуралистов // Там же. С. 85; *Он же.* Редкое природное явление глиняных шаров // Там же. Вып. 2 (9). С. 55–62; *Он же.* О картах полезных ископаемых Омской области // Там же. С. 118–120; *Он же.* О следах снижения уровня воды в Оми и Иртыше // Там же. Вып. 5 (12). С. 184–185; *Он же.* О медеплавильном и стекольном заводах на территории области в прошлом // Там же. Вып. 7 (14). С. 181–182; *Он же.* Из истории музейно-краеведческой работы в Омске // Там же. Вып. 9 (16). С. 186–194; *Палашенков А. Ф., Лаптев С. Р.* Поездки по Омской области в 1957–1962 годах // Там же. Вып. 5 (12). С. 187–199.

[75] *Лаптев С. Р.* Бальнеологические возможности Омской области // Там же. С. 31–35; *Эпштейн В. В., Лаптев С. Р.* Озеро Ульджай // Там же. С. 37–43; *Лаптев С. Р., Абросимова Е. К.* О некоторых минерализированных озерах в южной части Омской области // Там же. С. 49–54.

[76] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 52. Л. 30.

[77] В. В. Эпштейн (некролог) // Известия Омского отдела... Вып. 4 (11). С. 129. (Авторство С. Р. Лаптева установлено по черновику. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 97.)

[78] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 129.

[79] *Лаптев С. Р.* Новые данные об озерах Омской области // Медицинская география. Омск, 1965. Вып. 1. С. 64–67.

[80] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 294. Л. 3 об.

[81] *Лаптев С. Р.* Омский отдел... С. 109–112.

[82] *Он же.* Экспедиция областного краеведческого музея // Омская правда. 1948. 3 сент.; *Он же.* В поисках небесного камня // Там же. 1958. 31 авг.; *Он же.* «Сибирь» остается загадкой // Там же. 1965. 10 апр. и т. д.; Школьные экскурсии и походы по родному краю. В помощь руководителям походов. Омск, 1958.

[83] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 71–73.

[84] Там же. Д. 27.

[85] Там же. Д. 17. Л. 63.

[86] Там же. Л. 62.

[87] Там же. Д. 1–31. Дела (тома) 1–6 утрачены.

[88] Там же. Д. 12.

[89] Там же. Д. 8. Л. 59.

[90] Там же. Д. 30. 2-я сторона обложки.

[91] Там же. Д. 29. Л. 1.

[92] Там же. Д. 17. Л. 146–151, 140–145; *Лаптев С.* Минералы в поэзии П. Л. Драверта. Воспоминания о П. Л. Драверте // Иртыш. 1995. № 1 (10). С. 192–205 (предисловие и публикация А. В. Ремизова).

[93] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 140.

[94] Там же. Л. 142.

[95] Там же. Д. 18. Л. 209.

[96] Ф. 2200. Оп 2. Д. 191. Л. 17, 18. Интересно, что С. Р. Лаптев самим фактом своей кончины как бы «познакомил», «свел» двух краеведов – А. Ф. Палашенкова и В. П. Бирюкова, до того друг с другом не контактировавших, хотя и бывших, по выражению Бирюкова, «почти сокашниками по Московскому археологическому институту».

[97] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 98.

[98] Там же. Д. 18. Л. 167 об.

[99] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

[100] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 31.

[101] Ф. 2095. Оп. 1. Д. 147. Л. 8; Д. 1. Л. 1.

[102] Там же. Д. 1. Л. 2; Д. 35. Л. 2, 4, 11.

[103] Там же. Д. 1. Л. 1; Д. 35. Л. 5.

[104] Там же. Д. 1. Л. 2, 3; Д. 35. Л. 3; *Третьяков А.* Служу Отечеству // Времена года. 1999. № 5. С. 8–9.

[105] Ф. 2095. Оп. 1. Д. 45. Л. 44, 44 об.

[106] Там же. Д. 147. Л. 1, 2.

[107] Там же. Д. 81. Л. 13.

[108] Там же. Д. 62. Л. 1, 4, 5; Д. 147. Л. 10.

[109] Там же. Д. 62. Л. 10; Д. 61. Л.1.

[110] Там же. Д. 45. Л. 4, 7, 12, 16, 24, 29, 46–48; *Филимонов С. Б.* Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1989. С. 26.

[111] Ф. 2095. Оп. 1. Д. 41. Л. 5, 7, 9, 19, 29.

[112] Там же. Д. 35. Л. 3, 4, 10, 11; Д. 47. Л. 1.

[113] Там же. Д. 55, 58, 67, 75, 81, 109, 110, 134.

[114] Там же. Д. 1. Л. 8; Д. 80, 103; Д. 107. Л. 1.

[115] Там же. Д. 1. Л. 16; Д. 147. Л. 28–30, 33, 33 об.; Д. 110. Л. 29.

[116] Там же. Д. 1. Л. 19, 20.

[117] Там же. Л. 17, 18.

[118] Там же. Л. 19.

[119] *Третьяков А.* Служу Отечеству // Времена года. 1999. № 5. С. 8–9; Ф. 2095. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Д. 35. Л. 6–7.

[120] Ф. 2095. Оп. 1. Д. 160. Л. 5.

[121] Там же. Д. 51, 53, 88, 104, 140.

[122] *Хитрово В. Н., Кошурникова Н. И., Строкова Е. А.* Тюменско-Тобольская и Тарская экспедиция отдела трав СИБНИИСХОЗа... // Кормовые травы черноземной полосы Западной Сибири. Омск, 1939. С. 186–224.

[123] Ф. 2095. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Д. 35. Л. 8.

[124] Запись беседы с Н. А. Плотниковым...; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 128. Л. 2.

[125] Ф. 2095. Оп. 1. Д. 110. Л. 23; Д. 97, 137, 142, 145; Д. 35. Л. 12.

[126] Там же. Д. 52, 93.

[127] Там же. Д. 55. Л. 1–4.

[128] Там же. Д. 117. Л. 2.

[129] Там же. Д. 1. Л. 5; Д. 41. Л. 2; Д. 146. Л. 1 об.

[130] *Третьяков А.* Указ.соч.; Ф. 2095. Оп. 1. Д. 41. Л. 2–3; Д. 117. Л. 1–2; Д. 35. Л. 7-8; В. Н. Хитрово (некролог) // Известия Омского отдела... Вып. 1 (8). С. 88.

[131] Судя по целому ряду документов, в паспортных данных краеведа защиты населения значилась фамилия Палашенко. Архив Куйбышевского районного отдела социальной защиты населения. Д. 1912.

[132] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 57; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.

[133] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 57–58; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 11. Л. 19–19 об.; Д. 13. Л. 2 об. – 3.

[134] *Журавлева Л. С.* Талашкино. М., 1989. С. 101–103.

[135] *Лосунов А. М.* А. Ф. Палашенков: начало пути // Историческая наука в Омском педагогическом институте. К 60-летию со дня основания института : материалы конф. Омск, 1992. С. 31; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 166–166 об.

[136] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

[137] Там же. Л. 4; Ф. 1405. Оп. 2. Д. 12. Л. 5.

[138] Ф. 1405. Оп. 2. Д. 12. Л. 5–6.

[139] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 5; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 57 об.; Д. 11. Л. 19.

[140] *Лейфер А.* Фонд Палашенкова // Судьбы, связанные с Омском. Омск, 1983. Кн. 3. С. 222–223.

[141] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 5–6.

[142] Там же. Л. 6; Д. 1. Л. 15; *Лосунов А. М.* Указ. соч. С. 31–32.

[143] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 37, 38.

[144] Там же. Л. 10, 25 об.; Д. 11. Л. 10.

[145] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 57 об., 70 об.; Д. 11. Л. 12 об. – 14.

[146] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 12, 15, 17, 18; Д. 11. Л. 10.

[147] Там же. Д. 1. Л. 65 об.; *Лейфер А.* Фонд Палашенкова. С. 224.

[148] *Иванов М.* Памяти А. Ф. Палашенкова. (Листая следственное дело...) // Край Смоленский. 2011. № 11; *Лосунов А. М.* Указ. соч. С. 32, 33; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 15. Л. 12.

[149] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, 16, 19 об; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

[150] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 21-23.

[151] Там же. Л. 16, 24.

[152] *Лейфер А.* Фонд Палашенкова ... С. 224.

[153] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 56 об.; Д. 15. Л. 12; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 191. Л. 16.

[154] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 14. Л. 60 об.

[155] И. Е. Бродский, ссылаясь на М. К. Юрасову, бывшего редактора Омского книжного издательства, сообщил нам, что в те годы не рекомендовалось печатать труды лиц, когда-либо подвергавшихся репрессиям, по крайней мере, нельзя было указывать подлинные имена таких авторов. Палашенкова якобы вызвали в издательство и предложили обзавестись псевдонимом. Он воспринял это совершенно спокойно и стал именоваться А. Ф. Смоленским. Скорее всего, это своеобразная легенда. Просмотр работ краеведа, опубликованных в то время, показал, что в основном они подписаны отнюдь не псевдонимом. Выяснилось также, что свое вымышленное имя А. Ф. Палашенков нередко употреблял в тех случаях, когда в одном и том же номере газеты печатал сразу несколько своих материалов. Этот прием и по сей день широко используется в журналистской практике.

[156] *Шубенко В.* Старейший краевед страны // Рабочий путь (Смоленская обл.). 1957. 22 июня; *Владимиров В.* Верность отчему краю // Смена (Смоленская обл.). 1971. Март.

[157] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

[158] В раскопках Палашенкову помогали художник Суслов и тобольские школьники. Там же. Л. 11.

[159] *Жук А.* Еще раз о «знамени Ермака» // Омская правда. 1994. 16 сент.; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об. – 28 об.

[160] *Бродский И.* Спасение книг // Омский вестник. 1994. 20 мая; *Он же.* Рыцарь сибирской культуры. Страницы биографии историка и краеведа А. Ф. Палашенкова. Омск, 1998. С. 14–16.

[161] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об. – 2.

[162] Там же. Д. 19. Л. 5–14, 16–24.

[163] Там же. Л. 29.

[164] Там же. Л. 50.

[165] Там же. Д. 10. Л. 7, 14.

[166] *Жук А. В.* Исследование Ляпинской крепости А. Ф. Палашенковым // Археология Сибири: историография. Омск, 1995. Ч. 2. С. 70. Заметим, что сообщенная А. В. Жуком дата ареста А. Ф. Палашенкова противоречит тому, что писал сам Андрей Федорович (26 августа он, вернувшись из Ныды, был в Салехарде и готовился к отъезду в Омск. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 19. Л. 2). Вряд ли арест краеведа был произведен ранее 10 сентября, даты его возвращения в Омск.

[167] *Жук А. В.* Исследование Ляпинской крепости... С. 69.

[168] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 21. Л. 2, 3; Д. 11. Л. 12.

[169] *Жук А. В.* Исследование Ляпинской крепости... С. 69.

[170] Там же. С. 81.

[171] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 176, 155.

[172] Там же. Д. 1. Л. 27 об., 93; Д. 75, 88, 356.

[173] *Палашенков А., Сальников Д.* Из прошлого Омской области. Основание Омска // Ленинские внучата. 1939. 27 июня; *Они же.* Бывшая столица татарского Сибирского ханства // Молодой большевик. 1939. 22 июня; *Палашенков А.* Гора Кучум // Серп и молот (г. Ишим). 1937. 3 авг.; *Он же.* Поход Ермака // Молодой большевик. 1941. 30 марта; *Он же.* О сыске разинцев в Западной Сибири // Омская правда. 1941. 3 апр.; *Он же.* Основание г. Омска // Молодой большевик. 1941. 22 апр.; *Он же.* Из прошлого нашей области: г. Березов // Омская правда. 1941. 18 мая; *Он же.* Историк Сибири П. А. Словцов // Там же. 19 июня; *Он же.* Тобольск и его кремль // Молодой большевик. 1941. 19 июля.

[174] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–77 об., 28 об.; Д. 18. Л. 27–29.

[175] *Жук А. В.* Исследование Ляпинской крепости... С. 70.

[176] *Лейфер А.* В сороковые грозные годы // Омская правда. 1978. 16 апр.; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 14; Д. 18. Л. 11–12; Д. 10. Л. 22.

[177] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 29, 82.

[178] Там же. Л. 81–81 об., 83.

[179] Там же. Л. 65 об., 88–90, 189.

[180] Там же. Л. 91, 92, 98, 99, 103.

[181] Там же. Л. 95.

[182] Там же. Л. 97а – 97а об.

[183] Там же. Оп. 2. Д. 612. Л. 7–8 об.

[184] Ф. 1075. Оп. 1. Д. 83. Л. 5, 6.

[185] Там же. Л. 10.

[186] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

[187] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 56–62.

[188] Там же. Д. 250. Л. 3–4.

[189] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 32. Л. 24 об.; Д. 130. Л. 10.

[190] *Палашенков А.* Комиссаровский сад: к 50-летию западно-сибирского садоводства // Омская правда. 1945. 23 мая; *Он же.* Первый сибирский садовод // Советский воин. 1948. 23 мая; *Он же.* Павел Саввич Комиссаров. Омск, 1948; *Он же.* Бударин М. Е. Творческий подвиг Комиссарова // Сад и огород. 1948. № 6. С. 43–44; *П[алашенков] А.* Старейшая яблоня в Омске // Известия Омского отдела... Вып. 2 (9). С. 142.

[191] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 83; Д. 240. Л. 68 об., 89 об.; Д. 246. Л. 11, 23 об.

[192] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 13; *Палашенков А., Кузема Г.* Открытие музея в Марьяновке // Омский железнодорожник. 1953. 13 окт.; *Палашенков А. Ф.* Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск, 1967. С. 159–162.

[193] *Он же.* По куйбышевским местам // Омская правда. 1949. 28 авг.; *Он же.* Подпольные типографии // Там же. 16 сент.; *Он же.* Памяти восстания 22 декабря 1918 г. // Там же. 1 нояб.; *Он же.* 32 года назад // Молодой большевик. 1951. 14 нояб; *Он же.* Первые шаги революционного движения в г. Омске // Там же. 19 дек.; *Он же.* 1905 год в Омске // Там же. 1952. 21 марта; *Он же.* Борьба за власть Советов в Омске // Там же. 1952. 6 мая; *Он же.* К 35-летию освобождения Омска от Колчака // Молодой сталинец. 1954. 14 нояб.; *Он же.* Куйбышевские места в Омске // Там же. 1955. 26 января и т. д.

[194] *Жук А. В.* Исследование Ляпинской крепости... С. 68, 70.

[195] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 68–76, 80–85, 89, 90, 129; *Палашенков А. Ф., Лаптев С. Р.* Поездки по Омской области... С. 188, 192, 195–198.

[196] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 118, 119.

[197] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 55. Л. 8; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 30. Л. 74.

[198] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 56. Л. 2 об.; Д. 57. Л. 68 об.

[199] *Зензин Е.* «Край света – край географии» // Омский вестник. 1995. 1 нояб.

[200] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 57. Л. 89–89 об.

[201] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.

[202] Там же. Д. 11. Л. 13, 14.

[203] Там же. Д. 9. Л. 42; Д. 2, Л. 5; Д. 6. Л. 1.

[204] Там же. Д. 1. Л. 29.

[205] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 14. Л. 58 об. – 59.

[206] *Палашенков А. Ф.* По местам Ф. М. Достоевского в Омске. Омск, 1965; *Он же.* Пребывание Ф. М. Достоевского в омской ссылке. К 120-летию со дня приезда Ф. М. Достоевского в Омск // Календарь юбилейных и памятных дат 1970 г. Новосибирской, Омской, Томской областей. Новосибирск, 1969. С. 31–33; *Он же.* В Омском остроге. К 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского // Молодой сибиряк. 1970. 17 окт.

[207] *Лейфер А.* Фонд Палашенкова... С. 241.

[208] *Зубарева К.* Узел судеб // Вечерний Омск. 1991. 11 окт.; *Лейфер А. Э.* «Вокруг Достоевского» и другие очерки. Омск, 1996. С. 167–171.

[209] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.

[210] Там же. Д. 16 Л. 2, 8.

[211] Там же. Л. 2–6 об., 11–12 об.

[212] *Лейфер А.* Фонд Палашенкова. С. 238.

[213] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 2. Л. 59 об.

[214] Там же. Д. 53. Л. 12.

[215] Там же. Д. 30, 32, 59, 111, 112.

[216] Там же. Д. 22. Л. 7; *Палашенков А. Ф., Лаптев С. Р.* Поездки по Омской области ... С. 189.

[217] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 18. Л. 19; Д. 22. Л. 61–69, 97; Д. 32. Л. 70 об.

[218] Там же. Д. 2 Л. 14 об. – 15; Д. 5. Л. 2.; Оп. 2. Д. 1786.

[219] Там же. Оп. 1 Д. 252–263. [220] Там же. Д. 1. Л. 29, 35 об.; *Палашенков А. Ф.* Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории г. Омска: Материалы к палеонтологической карте г. Омска // Известия Омского отдела... Вып. 1 (8). С. 75–82; *Он же.* Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории Омской области: Материалы к палеонтологической карте Омской области // Там же. Вып. 2 (9). С. 101–124.

[221] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 71, 72.

[222] Там же. Д. 274; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 15. Л. 11–11 об.

[223] *Палашенков А. Ф.* Вопросник по регистрации мест находок костей ископаемых позвоночных животных. Омск, 1949. С. 3, 4.

[224] *Матющенко В. И.* О возрождении археологии в Омске // Историческая наука в Омском педагогическом институте... С. 59; *Он же.* История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск, 1992. С. 124; *Он же.* Сибирская археология в 1940–1950-е годы. Омск, 1994. С. 25; *Коников Б. А.* Омские стоянка и могильник – уникальные памятники по предыстории города Омска. Омск, 1992. С. 4; *Он же.* Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. Омск, 1993. С. 10–12, 16; *Он же.* Вклад В. Н. Чернецова в изучение древностей Омского Прииртышья // Вопросы истории и литературы. Омск, 1995. С. 19; *Петров А. И., Столповская Н. М.* Археологическая деятельнсть А. Ф. Палашенкова // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 78–84; *Петров А.* Нашли... микрорайон // Вечерний Омск. 1981. 23 сент.; *Шугаева Н.* Свидетели далекого прошлого // Омская правда. 1988. 14 авг.; *Жук А. В.* Е. И. Малахов как археолог // Таре 400 лет : материалы науч.-практ. конф. Омск, 1994. Ч. 2. С. 21–22; *Мельников Б. В., Сафаров М. Ю.* Охрана и использование археологических памятников Омской обла-

сти // Там же. С. 97–99; *Данченко Е. М.* Потчевашское городище на Ишиме // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы освоения, изучения и использования : тезисы докладов и сообщений обл. науч. конф. Омск, 1993. С. 84 и т. д.

[225] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 29. Л. 2, 4; Ф. 1076. Оп 1. Д. 240. Л. 2–2 об.

[226] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 29, 53.

[227] Там же. Д. 22. Л. 1–2.

[228] Там же. Д. 30. Л. 11, 41, 52, 82 об.; Д. 22. Л. 49; Д. 32. Л. 24 об., 84.

[229] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 54. Л. 63 об., 71 об. – 72, 84 об.

[230] *Палашенков А. Ф., Лаптев С. Р.* Поездки по Омской области... С. 191, 196.

[231] *Петров А.* Нашли... микрорайон.

[232] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 57. Л. 57–57 об., 86, 95.

[233] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 1, 42.

[234] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 11. Л. 12, 15–15 об.

[235] Там же. Д. 86. Л. 3; Д. 14. Л. 59 об.

[236] Ф. 2200. Оп 1. Д. 1. Л. 53, 174; Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 76.

[237] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. 73–74; Д. 11. Л. 11; *Палашенков А. Ф.* Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела... Вып. 3 (10). С. 3–23.

[238] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 221–251; *Палашенков А. Ф.* Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этногрфия Сибири. Томск, 1979. С. 85–95; *Он же.* То же // Археология Прииртышья. Омск, 1980. С. 100–146; *Он же.* То же // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 124–147; *Он же.* То же // Источники по истории Западной Сибири: История и археология. Омск, 1987. С. 116–126; *Он же.* То же // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 154–160; *Он же.* То же // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 156–181.

[239] *Петров А. И., Столповская Н. М.* Указ. соч. С. 84.

[240] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 14. Л. 30; *Палашенков А. Ф., Лаптев С. Р.* Поездки по Омской области... С. 198; *Палашенков А. Ф.* Забытые курганы. Омск, 1961; *Он же.* 3000 лет назад на месте Омска // Омская правда. 1945. 2 сент; *Он же.* В глубь веков Приомья // Там же. 1949. 3 сент.; *Он же.* Древнейшие страницы истории Сибири // Молодой большевик. 1951. 7 марта; *Он же.* Древнейшие страницы истории Среднего Прииртышья // Омская правда. 1952. 17 янв.; *Он же.* Откуда мы узнаем о далеком прошлом // Молодой большевик. 1952. 21 мая; *Он же.* На месте Омска тысячу лет назад // Там же.1953. 31 мая; *Он же.* В глубь веков // Омская правда. 1966. 12 янв.

[241] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 34, 35.

[242] Там же. Д. 22. Л. 31-32.

[243] Ф. 2118. Оп. Д. 56. Л. 2 об.

[244] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 29. Л. 2–3.

[245] Там же. Д. 53. Л. 1–2 об., 5.

[246] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 57. Л. 33 об.; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 173; Д. 11. Л. 14.

[247] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 61–63; *Палашенков А. Ф.* Старая Омская крепость // Молодой сталинец. 1953. 8 июля; *Он же.* Крепость на Оми // Омская правда. 1954. 11 июля; *Он же.* Планы Омской крепости 1722 и 1755 гг. // Известия Омского отдела... Вып. 3 (10). С. 25–29.

[248] *Он же.* Памятники и памятные места... Омск, 1967. С. 20.

[249] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 13. Л. 14; Д. 14. Л. 17.

[250] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 246. Л. 15 об. – 16, 17 об.; Д. 250. Л. 10; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.

[251] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 14. Л. 17; Д. 16. Л. 1.

[252] *Ремизов А. В., Бродский И. Е.* Омский отдел... С. 154.

[253] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 13. Л. 14, 16, 17.

[254] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 292. Л. 9 об. – 10; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

[255] *Лебедева Н.* Всехсвятская церковь // Вестник культуры. 1993. № 4; *Максимов Е.* Иконы возвращены церкви // Омская правда. 1991. 3 авг.

[256] Ф. 2200. Оп 1. Д. 14. Л. 1.

[257] Там же. Л. 16.

[258] Там же. Л. 1–1 об., 23, 29, 30.

[259] *Ремизов А.* Обитатели социального дна // Омская правда. 1994. 13 мая и т. д.

[260] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 126–131.

[261] Там же. Д. 126. Л. 1.

[262] *Палашенков А. Ф.* Материалы к археологической карте Омска. С. 20.

[263] *Бударин М.* Русские интеллигенты // Омский вестник. 1992. 4 марта.

[264] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 17. Л. 2 об.

[265] Там же. Д. 127. Л. 6, 7.

[266] Там же. Д. 30. Л. 76 об.; Д. 32. Л. 24 об.; Д. 53. Л. 2 об.

[267] Там же. Д. 116; Ф. 1076. Оп 1. Д. 224. Л. 84.

[268] *Палашенков А. Ф., Лаптев С. Р.* Поездки по Омской области... С. 195, 196; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

[269] *Ремизов А. В.* Прошлое Омского края в бумагах А. Ф. Палашенкова. Из недавних архивных находок // Страницы исторического прошлого Омска. XIX – начало XX вв. : краеведческий сборник. Омск, 1994. С. 132–144; *Он же.* Былое братолюбие // Омский вестник. 1993. 30 нояб.; *Он же.* «Отъ огня возрождалось». Старый Омск: ураганы, пожары и страховой бизнес // Коммерческие вести. 1993. 7 июля.

[270] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 91, 92, 95, 97.

[271] Там же. Д. 56, 137.

[272] Там же. Д. 56. Л. 34, 36, 41.

[273] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 233. Л. 6–13.

[274] Там же. Л. 8–9.

[275] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

[276] Там же. Д. 22. Л. 41.

[277] Там же. Л. 71; Д. 43. Л. 35.

[278] Там же. Д. 58, 86, 87.

[279] Там же. Д. 79. Л. 1–5.

[280] *Бирюков В. П.* Уральская копилка. Свердловск, 1969. С. 58.

[281] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 105 - 107, 182, 183.

[282] *Ремизов А. В.* Дороги родного Прииртышья. Из краеведческой копилки А. Ф. Палашенкова // Омский вестник. 1994. 30 марта; *Он же.* Пути-дороги Омской земли(из краеведческой копилки А. Ф. Палашенкова) // Глубинка. Омск, 1995. № 1. С. 42–51.

[283] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 27, 181, 364.

[284] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 56. Л. 22- 22 об.

[285] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 15. Л. 2, 2 об., 4, 5.

[286] Там же. Д. 22. Л. 26.

[287] Там же. Д. 64. Л. 2, 68.

[288] *Палашенков А., Анисимова Л.* По радищевским местам в Сибири // Омская правда. 1952. 24 сент.; *Палашенков А.* Радищев в Сибири // Молодой большевик. 1952. 24 сен.; *Он же.* Радищев в Прииртышье // Омская правда. 1949. 3 сен.; *Он же.* Там, где проезжал Радищев // Молодой большевик. 1951. 4 сент.

[289] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

[290] *Палашенков А. Ф.* Из прошлого старого Московско-Сибирского тракта // Известия Омского отдела... Вып. 9 (16). С. 156–177; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 109, 110, 137, 179.

[291] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 101, 343–350, 371; *Фиалков Д. Н.* За тесную связь с жизнью // Известия Омского отдела... Вып. 5 (12). С. 8.

[292] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

[293] Работа А. Ф. Палашенкова «Древние пути-дороги Смоленской земли» увидела свет в Смоленске в 1933 г. Там же.

[294] Интересно, что в 1949 г. А. Ф. Палашенкову как уполномоченному Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром при Омском областном отделе по делам искусств было поручено выявить и взять на учет художественные ценности – произведения искусства, принадлежавшие «православной церкви на Тарской улице». Там же. Л. 114.

[295] Краевед в 1950-х гг. состоял членом научного совета Архивного отдела УМВД по Омской области (там же. Л. 39). Известно, что А. Ф. Палашенков ратовал за сохранение

личных архивов краеведов – своих современников. Так, в письме И. С. Коровкину от 14 октября 1951 г. он писал: «Поступлению материалов от Вас будем рады. Сейчас принимаем архив профессора В. Н. Хитрово... Наша задача – сохранить все до строчки», а 3 месяца спустя сообщал своему корреспонденту, что «в краеведческом музее... хранится ряд архивов отдельных лиц. Сейчас поступили записи преподавателя называевской школы Славинского» (по нашим сведениям, Я. А. Славинский еще в довоенные годы составил рукописный «Сборник историко-революционных материалов Называевского района Омской области», хранящийся в архиве Называевского историко-краеведческого музея). Оставив работу в музее, А. Ф Палашенков, видимо, перестал считать, что именно там целесообразно сосредотачивать сборы краеведов. Е. Н. Евсеев рассказывал нам, что встречался в ГАОО с С. Р. Лаптевым – тот приходил в архив сдавать свои бумаги («Андрей Федорович его присылал»). Е. Н. Евсеев вместе с А. Поварницыным в 1970 г. приняли и доставили на такси в ГАОО и часть бумаг самого Палашенкова. обратившегося в архив с соответствующей просьбой. Принято тогда было немного, по словам Евсеева, дел тридцать, поскольку Андрей Федорович плохо себя чувствовал. Основная же часть палашенковского фонда поступила на государственное хранение уже после смерти краеведа.

[296] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 26, 34.

[297] Там же. Л. 54, 63.

[298] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 55 об.

[299] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.

[300] Там же. Д. 11. Л. 18. А. Э. Лейфер вспоминал: «Когда он (А. Ф. Палашенков – *А. Р.*) был еще жив, а я только начинал писать о прошлом Омска, ходил к нему домой – на ул. Успенского. Что за посещения это были! Придешь за каким-нибудь, казалось бы, пустяком – за справкой, за датами рождения и смерти какого-нибудь полузабытого местного деятеля, а хозяин об этом самом "полузабытом" тебе целую лекцию прочитает, да еще и библиографию о нем выдаст. Уходишь – и уже не просто даты эти, ничего ни уму, ни сердцу не говорящие, с собой уносишь, а как бы жизнь человеческую, между ними уместившуюся. А все потому, что таков хозяин и такое у него было занятие – готовить Словарь». *Лейфер А.* Удивительная библиотека. Рассказы о старых книгах и книжниках. Омск, 1989. С. 155.

[301] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.

[302] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–4.

[303] *Бударин М.* Русские интеллигенты.

[304] *Лейфер А.* Фонд Палашенкова... С. 244, 249.

[305] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 об.

[306] Хозяйка дома по ул. Успенского (Каинской), в котором квартировал А. Ф. Палашенков.

[307] В марте 1971 г. в смоленской газете «Смена» был опубликован материал В. Владимирова «Верность отчему краю», посвященный «85-летию краеведа, ученого А. Ф. Палашенкова». Там среди прочего указывалось, что краевед «готовит к выпуску словарь "Уроженцы и деятели Западной Сибири", который будет состоять из трех тысяч статей» (Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 173).

[308] Там же. Д. 2. Л. 12–21 об., 26–28, 34, 37, 40, 44–46 об., 48, 53, 56–59 об.; *Лейфер А. Э.* «На добрый вспомин...» К портрету А. Ф. Палашенкова. Омск, 2005. С. 40–41.

[309] Там же. Д. 9. Л. 13; Д. 10. Л. 5, 24 а, 32.

[310] Там же. Д. 297. Л. 37, 43; Д. 10. Л. 33; Ф. 1405. Оп. 2. Д. 12. Л. 18.

[311] *Бродский И. Е., Ремизов А. В.* Историк-архивист Н. В. Горбань...; *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 63; *Рощевская Л. Н.* Сибирский историк Н. В. Горбань: судьба и труды // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизации (XVIII–XX вв.) : материалы II Всерос. науч. конф. Т. 2. Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск, 1995. С. 186–190; *Бударин М. Е.* Горбань Н. В.: историк, архивист, личность // Архивный вестник. Омск, 1999. № 7. С. 13–16; *Ремизов А. В.* Н. В. Горбань – омский краевед // Архивные чтения памяти Н. В. Горбаня : тезисы докладов и сообщений. Омск, 2002. С. 47–51.

[312] *Рощевская Л. Н.* Указ. соч. С. 186.

[313] *Г[орбань]. Н. В.* Восстание казаков 4-го и 7-го сибирских казачьих полков 31 июля 1914 года // Омская область. 1939. № 8. С. 55–58. *Он же*; Омск в 1919 году: Краткая хроника, составленная по материалам Омского архива Октябрьской революции // Там же. № 10. С. 57–61.

[314] *Рощевская Л. Н.* Указ. соч. С. 190.

[315] По сведениям И. Е. Бродского между П. Л. Дравертом и Н. В. Горбанем существовала договоренность кому-то одному из них произнести на похоронах другого траурную речь по-латыни. В декабре 1945 г. Н. В. Горбань исполнил этот скорбный долг.

[316] *Горбань Н. В.* Западносибирское крестьянство по наказам в комиссию 1767 г. // Известия Омского отдела... Вып. 3 (10). С. 31–36.

ГЛАВА 4

[1] Этот вариант написания фамилии краеведа является предпочтительным потому, что использовался самим Николаем Федоровичем. Вместе с тем многие и при его жизни, и впоследствии именовали и именуют его Чернаковым. Здесь же заметим, что в качестве года своего рождения сам краевед неоднократно называл 1892-й или 1893-й годы, тогда как метрическая запись однозначно фиксирует в качестве даты его рожде-

ния 28 ноября (ст. ст.) 1891 г. Ф. 16. Оп. 6. Д. 210. Л. 299; Ф. 318. Оп. 1. Д. 138. Л. 2; Оп. 2. Д. 1925. Л. 2, 5; Д. 1930. Л. 1.

[2] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 71. Л. 1, 5; Д. 86. Л. 7.

[3] Там же. Д. 16. Л. 72 об.; Д. 211. Л. 6–7 об.

[4] Там же. Д. 16. Л. 48; Д. 10. Л. 23 об.; Д. 75. Л. 6; *Коровкин И.* Книголюб // Омская правда. 1956. 15 нояб.

[5] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 86. Л. 18.

[6] Там же. Д. 71. Л. 6, 7.

[7] Там же. Д. 75. Л. 2.

[8] Там же. Д. 210. Л. 1; Д. 216. Л. 15.

[9] Там же. Д. 71. Л. 8.

[10] Там же. Д. 210. Л. 2, 3; Ф. 318. Оп. 2. Д. 1925. Л. 2.

[11] *Тихомиров Л. Ф.* Письмо автору от 22 февраля 1996 г. Личный архив автора.

[12] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 210. Л. 3.

[13] Там же. Д. 16. Л. 17 об. – 18; Д. 218. Л. 2–3.

[14] Там же. Д. 16. Л. 62 об. – 63.

[15] Там же. Д. 210. Л. 4–5; Оп. 2. Д. 30.

[16] Там же. Оп. 1. Д. 71. Л. 4.

[17] Там же. Л. 11, 12.

[18] Там же. Д. 210. Л. 3–4.

[19] Там же. Л. 6; Д. 241.

[20] Там же. Д. 210. Л. 4.

[21] Там же. Д. 75. Л. 6; Д. 214а. Л. 20, 35 об. – 36.

[22] Там же. Д. 5. Л. 57 об.

[23] Там же. Д. 71. Л. 2–4.

[24] Там же. Д. 17. Л. 5–5 об.; Д. 218. Л. 6–7.

[25] Там же. Д. 210, 211, 213а.

[26] Там же. Д. 212; Д. 71. Л. 9.

[27] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2247. Л. 5.

[28] *Черноков Н.* Преданья старины сибирской // Глубинка. Омск. 1996. № 2. С. 30–39.

[29] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 74. Л. 1; Д. 246.

[30] Там же. Д. 16. Л. 63 об.

[31] Там же. Д. 75. Л. 6.

[32] Там же. Д. 5. Л. 57–57 об.

[33] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 290. Л. 13 об.

[34] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 15. Л. 4–4 об.; Д. 86. Л. 3, 4, 6.

[35] Там же. Д. 86. Л. 2; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 105. Л. 1; Д. 131. Л. 1, 2, 13; Оп. 2. Д. 2247. Л. 15.

[36] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 86. Л. 7, 15–19, 21–22.

[37] Там же. Д. 19. Л. 5 об., 6.

[38] *Ваганова В. А.* Письмо автору от 18 апреля 1994 г. Личный архив автора.

[39] *Волков С. В.* База данных «Участники Белого движения в России» на янв. 2016.

[40] *Ваганова В. А.* Письмо автору от 22 декабря 1994 г. Личный архив автора.

[41] Цитируется «Удостоверение» (по сути – характеристика), выданное А. В. Ваганову тарским уездным военкомом 30 сентября 1920 г. Личный архив автора.

[42] Архив Тарского районного отдела социальной защиты населения. Д. 216.

[43] Выписки А. А. Жирова из дневника А. В. Ваганова...; Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск, 2001. Т. 2. С. 45.

[44] Архив Тарского районного отдела...

[45] *Жиров А. А.* Тарский период в биографии Ф. В. Мелехина // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории : тезисы докладов и сообщений III Регион. науч.-метод. конф. Омск, 1997. С. 214–215.

[46] Выписки А. А. Жирова...

[47] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 294. Л. 23.

[48] Там же. Оп. 1. Д. 270. Л. 5а.

[49] *Ваганов А.* Геологическое прошлое районов Тарского Прииртышья // Ленинский путь. 1956. 30 дек.; *Он же.* Минеральные краски и железные руды // Там же. 1957. 20 марта; *Он же.* Горючие ископаемые в районах Тарского Прииртышья: Торф // Там же. 5 апр.; *Он же.* Бурый уголь // Там же. 14 июля.

[50] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 294. Л. 2–17, 22–24; *Ваганов А.* Некоторые данные к истории исследовательских работ в районах Тарского Прииртышья // Ленинский путь. 1956. 2 дек.

[51] Выписки А. А. Жирова...; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 294. Л. 18.

[52] Выписки А. А. Жирова...

[53] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 270. Л. 14 б.; Выписки А. А. Жирова...

[54] *Ваганов А.* Природные богатства района и план // Ленинский путь. 1970. 28 нояб.

[55] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 270. Л. 10а.

[56] Там же. Л. 21.

[57] *Тихонов С. С.* Археологические памятники урочища Темеряк // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы освоения, изучения и использования : тезисы докладов и сообщений обл. науч. конф. Омск, 1993. С. 74–75; *Коников Б. А.* Таежное Прииртышье...

[58] Выписки А. А. Жирова...; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 294. Л. 19.

[59] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 270. Л. 5а – 5б.

[60] Там же. Л. 14а – 14б.

[61] Там же. Л. 7а – 7б.

[62] *Коников Б. А.* Краеведы-археологи Омского Прииртышья // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления изучения и использования : тезисы докладов и сообщений обл. науч. конф. Омск, 1993. С. 61–62.

[63] *Ваганов А.* Редкая находка // Омская правда. 1950. 5 апр.; *Он же.* Древняя стоянка // Там же. 17 сент.; *Он же.* 3000 лет тому назад // Ленинский путь. 1966. 2 сент.

[64] Выписки А. А. Жирова...; *Ваганов А.* Из истории политической каторги // Ленинский путь. 1964. 18, 20, 25, 29 янв., 3, 5 февр.; *Он же.* Допрос декабриста // Там же. 1975. 25 дек.; *Он же.* Революционное движение в Тарском уезде (1905–1914 гг.) // Там же. 1967. 1, 4, 6 июля.

[65] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 270. Л. 7а, 13а – 13б.

[66] Там же. Л. 10 а.

[67] Там же. Оп. 2. Д. 70. Л. 1–1 об.; *Жигунов Г.* Это было в тридцатом // Омская правда. 1987. 21 окт.; Основатель Большереченского музея В. С. Аношин / С. И. Логинова, В. В. Симонов // Памятники истории и культуры Омской области: тезисы обл. науч.-практ. конф. Вып. I. Историческое краеведение. Омск, 1989. С. 161–162; *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 13–14. Авторы «Омского историко-краеведческого словаря» вслед за С. И. Логиновой и В. В. Симоновым указывают отличную от известной нам дату рождения краеведа – 1898 г.

[68] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 289. Л. 5 об. – 6.

[69] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 70. Л. 2–2 об.

[70] *Лобода В.* Районный летописец // Омская правда. 1957. 3 февр.

[71] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 289. Л. 5 об. – 6.

[72] *Бродский И. Е.* Воспоминания о В. С. Аношине. Машинопись. Личный архив автора.

[73] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 264. Л. 7, 9–11, 23 об., 29 об., 37–38 об., 40–40 об., 46, 47; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 289. Л. 6–6 об., 9, 11–11 об.

[74] *Гагарин В.* Домик на улице Советов // Омская правда. 1968. 28 апр.

[75] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 43. Л. 4 об. – 5.

[76] Там же. Д. 30. Л. 66.

[77] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 14 об.; Д. 16. Л. 1–1 об., 3 об., 9.

[78] *Коровкин И.* Изучать наш край // Омская правда. 1955. 28 мая.

[79] *Аношин В.* Мемориальная доска А. Н. Радищеву в Артыне // Колхозный путь. 1952. 21 сент.; *Он же.* И в труде и в бою // Иртышская правда. 1963. 30 окт.; *Он же.* Потомки декабристов в нашем районе // Знамя труда. 1963. 4 дек.; *Он же.* Рассказы о наших земляках // Иртышская правда. 1963. 22 февр.; *Он же.* Артын – село старинное // Знамя труда. 1964. 26 февр.; *Он же.* Духовный рост большереченских сел // Иртышская правда. 1966. 23 февр.; *Он же.* Партизаны-большереченцы // Там же. 10 июня; *Он же.* В те далекие годы // Там же. 7 окт.; *Он же.* Редкий экспонат // Омская правда. 1967. 29 марта;

Он же. По радищевским местам // Иртышская правда. 1967. 21 окт.; *Он же.* Это было в 1918 г. // Знамя труда. 1969. 20 мая; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 38. Л. 6; Д. 39. Л. 10 об.

[80] *Аношин В. С.* Исчезнувшие хвойные леса в Большереченском районе // Известия Омского отдела... Вып. 2 (9). С. 134; *Он же.* Материалы к вопросу о заседании Большереченского района // Там же. Вып. 4 (11). С. 109–111.

[81] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 292. Л. 23, 26.

[82] *Коровкин И.* Изучать наш край...

[83] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

[84] *Аношин В. С.* Где шумит Артынский бор. Омск, 1968.

[85] *Аношин В. С.* Большереченский район. К 50-летию образования Союза ССР. 1922–1972. Большеречье, 1972. Машинопись. Библиотека Омского отделения ВООПиК.

[86] Василий Семенович Аношин // Известия ОГИКМ. № 4. Омск, 1996. С. 323.

[87] Письма В. С. Аношина В. А. и Е. С. Шадриным от 30 января, 24 февраля и ? апреля 1995 г. Личный архив автора.

[88] Аношин Василий Семенович (некролог) // Иртышская правда. 1996. 28 мая.

[89] Ф. 1405. Оп. 2. С. 2–3; *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 118.

[90] *Тихонов С.* Накануне первой Омской областной конференции писателей // Омская правда. 1940. 14 июля.

[91] *Лейфер А.* Сибири не изменю! Страницы одной жизни. Новосибирск, 1979. С. 82; *Бахолдин В.* Литературные четверги в военном Омске // Иртыш. 1993. 2 (7). С. 279–281. Мемуарист рассказал, в частности, об одном из «четвергов», когда И. С. Коровкин подвергся критике за свое стихотворение «Проводы» (акцент на горе женщины, провожающей мужа на войну, многим представлялся непатриотичным), но был защищен от нападок известным новосибирским писателем Кондратием Урмановым.

[92] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4.

[93] Там же. Д. 35; Д. 15. Л. 11; Д. 16. Л. 25 об.

[94] *Купалов И.* Разводить и беречь сады // На ленинском посту. 1955. 11 нояб.; *Коровкин И.* У садовода-любителя // Там же. 1957. 14 апр.; *Он же.* Пчеловоды-любители // Там же. 1959. 15 марта; *Он же.* Сад железнодорожника // Омская правда. 1959. 13 июня; *Он же.* Пчеловоды-любители // Маяк. 1962. 1 авг.

[95] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1, 165, 166.

[96] Там же. Д. 35; Д. 15. Л. 28 об.

[97] *Коровкин И.* Изучать наш край...; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 39. Л. 26.

[98] Там же.

[99] Там же. Д. 22. Л. 2–5 об.

[100] Там же. Д. 5. Л. 57 об.; Д. 22. Л. 6–26.

[101] Там же. Д. 276–279.

[102] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 290. Л. 14а.

[103] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 321. Л. 10.

[104] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 290. Л. 14а.

[105] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 321. Л. 10.

[106] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 290. Л. 12, 12а, 12б.

[107] Там же. Л. 13а; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

[108] Там же. Л. 11 об., 45 об., 50, 52 об., 58, 59 об., 74; Д. 7. Л. 4; Д. 10. Л. 52.

[109] Там же. Д. 32, 256, 350; Оп. 2. Д. 6, 16, 17, 32.

[110] Зорче глаз, острее перья, рабселькоры! // Маяк. 1963. 10 апр.

[111] *Купалов И.* Из прошлого школ района // На ленинском посту. 1954. 4 июня; *Он же.* Первые библиотеки в районе // Там же. 3 сент.; *Коровкин И.* Из истории народного здравоохранения // Там же. 1956. 3 окт.; *Он же.* Славные дела комсомольцев // Там же. 1958. 20 авг.; *Он же.* Юбилей библиотеки // Омская правда. 1960. 1 янв.; *Он же.* Любинской библиотеке десять лет (19 января 1965 г.). Ф. 1405. Оп. 1. Д. 38. Л. 22 об.; *Он же.* Первые библиотеки // Маяк. 1969. 4 февр.

[112] *Он же.* Свидетели тех боевых лет // На ленинском посту. 1957. 7 апр.; *Купалов И.* Они прожили почти век // Омская правда. 1957. 7 сент.; *Коровкин И.* О наших земляках // Там же. 1958. 22 февр.; *Он же.* Строили новую жизнь на селе // Молодой сибиряк. 1958. 8 окт.; *Он же.* В чапаевской дивизии // На ленинском посту. 1958. 7 нояб; *Он же.* Чапаевец из Лыжино // Омская правда. 1965. 20 февр.

[113] *Купалов И.* О населенных пунктах района // На ленинском посту. 1955. 27 апр.; *Он же.* Северной МТС – 25 лет // Там же. 1957. 27 февр.; *Коровкин И.* В селе Ново-Троицком // Омская правда. 1957. 7 сент.; *Он же.* Старейшие населенные пункты (апрель 1958 г.). Ф. 1405. Оп. 1. Д. 39. Л. 32 об.; *Он же.* Юбилей сибирского села // Омская правда. 1958. 25 мая; *Он же.* Готовятся к юбилею деревень // На ленинском посту. 1958. 10 окт.; *Он же.* Юбилеи деревень // Омская правда. 1958. 16 окт.; *Он же.* Тарлыку – 50 лет // На ленинском посту. 1958. 24 окт.; *Он же.* Навстречу юбилею (200 лет Тюкалинску. – *А. Р.*) // Омская правда. 1959. 30 мая; *Он же.* Андреевке – 50 лет // На ленинском посту. 1959. 5 авг.; *Он же.* Юбилеи сибирских деревень (1959 г.). Ф. 2200. Оп. 2. Д. 1011. Л. 41; *Он же.* Юбилей Помогаевки // Маяк. 1966. 14 янв.; *Он же.* Юбилей колхозных деревень // Там же. 8 апр.; *Он же.* Ровной поляне – 60 лет // Там же. 29 авг.; *Он же.* Ивановке – 60 лет (октябрь 1967 г.). Ф. 1405. Оп. 1. Д. 38. Л. 25 об.; *Он же.* Андреевке – 60 лет (1969 г.). Там же. Л. 44.

[114] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.

[115] Там же. Д. 299; *Купалов И.* Николай Михайлович Ядринцев. К 60-летию со дня смерти // На ленинском посту. 1954. 19 нояб.; *Коровкин И.* Редкие фотографии // Омская правда. 1958. 2 авг.; *Он же.* Писатель Г. А. Мачтет в Тюкалинске // Знамя Ильича. 1959. 17 мая.

[116] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.

[117] Там же. Д. 5. Л. 20; Д. 12. Л. 4; Д. 16. Л. 66 об. Д. 18. Л. 24 об.; Д. 38. Л. 5 об; Д. 39. Л. 16, 17; Д. 85, 89, 91, 259, 262, 264, 283, 315, 334, 346; *Коровкин И.* Из архива поэта // Омская правда. 1964. 12 дек.; *Он же.* Стихи Георгия Суворова // Молодой сибиряк. 1965. 21 дек.; *Он же.* Редкий снимок // Там же. 3 июля; *Он же.* Поэт и гражданин в двадцать... Воспоминания о друге // Молодой сибиряк. 1966. 26 авг.; *Он же.* О поэте, воине, друге // Маяк. 1967. 5 сент.

[118] *Он же.* Архив писателя-сибиряка // Омская правда. 1959. 5 июня; *Он же.* Разоблачитель духовенства // Маяк. 1966. 29 апр.; Он же. Писатель-атеист // Там же. 1970. 5 мая.

[119] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 290. Л. 11б.; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 82. 303.

[120] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 16. Л. 21–21 об.; Д. 10. Л. 84 об; Д. 263, 295; Оп. 2. Д. 4.

[121] Там же. Оп. 1. Д. 59–66, 313; Д. 16. Л. 66 об. – 67; Оп. 2. Д. 11.

[122] Там же. Оп. 1. Д. 78, 79, 254, 261, 290, 300.

[123] Там же. Д. 6. Л. 3.

[124] Там же. Д. 4. Л. 2 об. – 3 об.

[125] Там же. Д. 5. Л. 7; Д. 8. Л. 1.

[126] Там же. Д. 10. Л. 45 об. – 48 об.; Д. 255.

[127] Там же. Д. 4. Л. 10 об. – 11; Д. 15, Л. 16.

[128] Там же. Д. 255. Л. 7–7 об.; *Коровкин И.* Дом на улице Косарева // Молодой сибиряк. 1965. 25 июня.

[129] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 194. Л. 1–2.

[130] Там же. Д. 18. Л. 45 об. – 50.

[131] *Коровкин И.* Новые экспонаты // Омская правда. 1966. 5 окт.; *Он же.* Интересная переписка // Там же. 1967. 8 янв.

[132] *Он же.* Для литературного музея // Там же. 1961. 23 дек.

[133] *Он же.* Стихи, письма, автографы // Там же. 1967. 7 янв.; *Он же.* Перо – это штык писателя // Там же. 29 нояб.; *Он же.* Литературные места Омска // Маяк. 1968. 24 сент.

[134] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 200–203, 205–208.

[135] Там же. Д. 241. Л. 18.

[136] Там же. Д. 1. Л. 5, 5 об.

[137] Там же. Д. 4. Л. 4.

[138] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 290. Л. 12, 12 б, 14б.

[139] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2 об.

[140] Там же. Л. 20.

[141] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 290. Л. 8 об.; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 86. Л. 13.

[142] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 5. Л. 23, 24, 60, 73.

[143] Там же. Д. 11. Л. 12, 16 об. – 17 об., 19 об.

[144] Там же. Д. 14. Л. 5 об.; Д. 16. Л. 11.

[145] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 290. Л. 11 а; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 18. Л. 77.

[146] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 145–152, 154–164, 174–178; Оп. 2. Д. 20, 21.

[147] *Коровкин И.* Народные песни в Западной Сибири // Омский альманах. Кн. 5. Омск, 1945. С. 88–99; *Купалов И.* Хор народной песни // Омская правда. 1955. 1 янв.; *Он же.* Хор народной песни // Омская правда. 1955. 1 янв.; Он же. Хор народной песни // Там же. 1960. 29 апр.; *Коровкин И.* Летит по стране сибирская песня // Там же. 1961. 9 дек.; *Он же.* Песня живет вечно // Маяк. 1967. 9 сент.

[148] *Он же.* Песенница Д. Т. Холуева // На ленинском посту. 1959. 4 марта; *Он же.* Песенница А. И. Гулова // Омская правда. 1959. 17 мая; *Он же.* Хранительница песен // Там же. 9 июля; *Он же.* Хранительница народных песен // Маяк. 1969. 6 мая; *Он же.* Песенница // Там же. 1970. 22 янв.

[149] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 45, 69.

[150] Там же. Д. 179–193.

[151] Там же. Д. 36. Л. 2.

[152] Там же. Д. 300. Л. 5 об. – 6.

[153] Там же. Д. 46, 167–173, 294, 311; *Коровкин И.* Ой, товарочки-доярочки (частушки) // На ленинском посту. 1956. 25 нояб.; Для своей родной страны: Частушки // Омская правда. 1959. 10 окт.; Частушки колхозной молодежи. Омск, 1956; Сибирские частушки. Омск, 1959.

[154] Ф. 1405. Оп. 1. Д.199. Л. 1–14.

[155] Там же. Д. 103–144; Оп. 2. Д. 14, 15, 19.

[156] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 290. Л. 10а, 11а.

[157] Ф. 1405. Оп. 1 . Д. 14. Л. 25.

[158] Сказки Омской области. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной. Новосибирск, 1968; Сибирские сказки. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной. Новосибирск, 1973.

[159] *Коровкин И.* Сказочница А. С. Кожемякина // Омская правда. 1958. Авг.; *Он же.* Об А. С. Кожемякиной и ее сказках // Сибирские сказки... 1973. С. 3–10; *Он же.* Сибирская сказочница // Маяк. 1974. февр.; *Он же.* Сибирская сказочница // Призыв. 1976. См. также: Ф. 1405. Оп. 1. Д. 38. Л. 35, 40; Д. 39. Л. 36 об.; Оп. 2. Д. 10.

[160] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 196. Л. 1–2.

[161] Там же. Д. 198. Л. 8, 9.

[162] *Коровкин И.* Собиратель фольклора // Маяк. 1967. 25 янв.; *Он же.* Редкое собрание песен // Омская правда. 1960. 23 марта; *Он же.* Собиратель фольклора // Там же. 1959. 31 янв.

[163] *Купалов И.* Краевед Н. Ф. Черноков // Там же. 1951. 13 апр.; *Он же.* У краеведа Н. Ф. Чернокова // Там же. 1952. 23 мая; *Коровкин И.* Книголюб // Там же. 1956. 15 нояб.; *Он же.* Большой знаток Сибири // Там же. 1958. 12 сент; *Он же.* Интересная коллекция // Там же. 1961. 25 марта; *Он же.* Тысяча фотопортретов // Там же. 1965. 6 февр; *Он же.* Летописец Омского хора // Маяк. 1966. 17 апр.; *Он же.* Собиратель жемчугов русского

слова // Омская правда. 1966. 24 дек.; *Он же.* Архив краеведа-сибиряка // Там же. 1968. 12 дек.; *Он же.* Собиратель народного фольклора // Маяк. 1969. 26 июня.

[164] *Он же.* Собиратель сибирского фольклора // Земля сибирская, дальневосточная. 1972. № 2. С. 60–61.

[165] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 210–219, 226–232, 235–246, 248; Оп. 2. Д. 27, 28, 30.

[166] Там же. Оп. 1. Д. 74, 220-225, 247; Оп. 2. Д. 7, 29.

[167] Там же. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

[168] Там же. Д. 195. Л. 4.

[169] Там же. Л. 2–3.

[170] Там же. Д. 16. Л. 66 об. – 67.

[171] Там же. Д. 8. Л. 49–51; Д. 86; Оп. 2. Д. 3,12; *Коровкин И.* Заглядывая в глубь веков // Омская правда. 1962. 20 окт.

[172] *Он же.* Патриот // Омская правда. 1966. 18 июня.

[173] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.

[174] В записях А. Ф. Палашенкова о поездке в «Озерный край» (по Тюкалинскому и Крутинскому районам) читаем: «Покойный П. Л. Драверт в IV т. "Известий Западно-Сибирского Отдела РГО" поместил хроникальную заметку о смерти Георгия Ивановича Симонова, жителя Тюкалинска, умершего в 1923 г., написавшего историю Тюкалинска. Судьба этой рукописи не известна. Возможно, она находится в Тобольском музее и следовало бы заняться ее поисками» (Ф. 2200. Оп. 1. Д. 22. Л. 42).

[175] Ф. 1405. Оп. 2. Д. 6.

[176] *Каневская А.* Собиратель народного творчества // Омская правда. 1953. 26 июля.

[177] *Тюрина Н.* Ищу Коровкина // Комсомольская правда. 1970. 23 сент.

[178] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 282. Л. 3–4.

[179] Там же. Д. 321. Л. 10.

[180] *Лейфер А.* «Сделал больше, чем было возможно...» // Омская правда. 1979. 28 дек.

[181] *Он же.* Письма учителя // Омская старина. Омск, 1993. Вып. 1. С. 115; *Шумаева Е.* Подвижник // Маяк (Любинский район). 1999. 26 янв.; Избранное о Коровкине. Любино, 2009. Вып. 1.

[182] *Червоненко В. Н.* Ученые Омского сельскохозяйственного института (1918–1994). Омск, 1995. С. 50.

[183] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 240. Л. 37 об.

[184] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 288. Л. 21.

[185] *Кизюрин А. Д.* Закономерности и перспективы продвижения садов Прииртышья // Известия Омского отдела... Вып. 2 (9). С. 57–64; *Он же.* К географии культурной яблони в Сибири // Там же. Вып. 3 (10). С. 112.

[186] *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 88; *Он же.* Очерки истории Омского сельскохозяйственного института (1918–1993). Омск, 1994. С. 136–137.

[187] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 55–61.

[188] *Ренард К. Г.* Аммариллисы-гиппераструмы // Сельское хозяйство Сибири. 1958. № 8. С. 117–118; *Он же.* Цветоводство в Омской области. Омск, 1959 и т. д.

[189] *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 111; *Он же.* Очерки... С. 136.

[190] Труды А. В. Федюшина по гельминтологии и местным кормовым ресурсам см. по библиографическому указателю «Растительный и животный мир Омской области» (Омск, 1969. № 378–398, 451–427); *Федюшин А. В.* Озерные биокорма и их использование в птицеводстве // Полвека научно-педагогической работы. 1918–1968. Научные труды ОмСХИ. Омск, 1968. Т. 76. С. 124–128.

[191] *Он же.* О качественных отличиях внутри- и межвидовых отношений организмов в свете современных данных // Известия Омского отдела... Вып. 6 (13). С. 39–46; *Он же.* Научные основы охраны природы // Там же. Вып. 9 (16). С. 202–204; *Он же.* Современные проблемы географии // Там же. С. 207–212.

[192] *Авербух С. Д.* Краткие сведения о ботаниках и исследователях флоры Омской области (XVIII–XX вв.) // Известия ОГИКМ. Омск, 1996. № 4. С. 305–306; *Лаптев С.* Краткий отчет о деятельности Омского отдела Всесоюзного географического общества // Известия Омского отдела... Омск, 1956. Вып. 1 (18). С. 91, 92, 95, 96, 102, 104, 106.

[193] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 128. Л. 2; *Садырин М. М.* О пчеле, меде и воске // Омская область. 1939. № 4. С. 53–56; *Он же.* Ядовитые и вредные растения лугов и пастбищ. Омск, 1954; *Он же.* Календарь цветения медоностых растений на широте г. Омска // Труды Омского ветеринарного института. 1958. Т. 17. С. 207–213; *Он же.* О розах ветра // Известия Омского отдела... Вып. 1 (18). С. 83–84; *Он же.* О физических и химических свойствах прииртышского пасечного воска // Там же. Вып. 2 (9). С. 135–140; *Он же.* Стелляграммы, характеризующие развитие пчеловодства в Омской области // Там же. Вып. 3 (10). С. 113–114.

[194] *Он же.* Омский ветеринарный институт // Омская область. 1939. № 3. С. 53–56; *Он же.* На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке: Краткий обзор участника ВСХВ // Там же. № 9. С. 4–9; *Россомахин П. А., Садырин М. М.* К шестидесятилетию Тюменского музея // Там же. № 8. С. 49–52; *Фиалков Д. Н.* За тесную связь с жизнью... С. 6; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 9. Л. 41; Оп. 2. Д. 2381. Л. 136–138.

[195] *Фиалков Д. Н.* Указ. соч. С. 6; *Иванов В. К.* А. Н. Седельников – ученый, педагог, демократ // Материалы научно-географической конференции. К 90-летию Омского отдела... Омск, 1970. С. 151–155.

[196] К шестидесятилетию со дня рождения В. К. Иванова // Известия Омского отдела... Вып. 10 (17). С. 230–232; *Иванов В. К., Иванова С. В.* Характеристика засушливых и влажных лет по материалам метеорологических наблюдений в Омске за 1891–1965 гг. // Там же. С. 21–33; *Иванов В. К.* Воспитанники Омской учительской семинарии С. Сей-

фуллин и Н. Нурмаков – гордость казахского народа // Материалы научной географической конференции... С. 156–160.

[197] Об участии критика В. К. Иванова в травле Л. Н. Мартынова, развернувшейся после выхода «ждановского» постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», см.: *Загатова И.* Облава 1946 года // Сын Гипербореи. Книга о поэте. Омск, 1997. С. 100, 119, 126-128.

[198] *Муравицкий И. Г., Кузьмин А. И.* К восьмидесятилетию со дня рождения В. С. Мезенцева // Известия Омского отдела Русского географического общества. Вып. 11 (18). Омск, 1995. С. 171–172.

[199] *Бородин В.* Ведущий сибирский гидролог // Омский юннат. 1995. № 26.

[200] *Мезенцев В. С.* Годовые характеристики теплообеспеченности Западно-Сибирской равнины // Известия Омского отдела... Вып. 3 (10). С. 79–88; *Карнацевич И. В.*, Мезенцев В. С. К вопросу о внутригодовом распределении суммарного испарения на территории Омской области // Там же. Вып. 6 (13). С. 17–27; *Они же.* О естественном балансе увлажнения Западно-Сибирской равнины... // Там же. Вып. 7 (14). С. 47–64; *Мезенцев В. С.* Методика расчета элементов водного и теплового балансов и характеристик увлажнения // Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. Омск, 1966. Вып. 1. С. 17–27 и т. д.

[201] *Лаптев С.* Краткий отчет... С. 106; *Червоненко В. Н.* Ученые... С. 164–165; *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 83; *Залыгин С. П., Кулаев С. С.* Задачи водного хозяйства Омской области в связи с освоением новых земель // Известия Омского отдела... Вып. 1 (8). С. 43–52.

[202] *Дроздов В. Н.* К изучению моллюсков низовья реки Оми // Известия Омского отдела... Вып. 6 (13). С. 120–122; *Он же.* Фаунистический очерк наземных мягкотелых Прииртышья // Там же. С. 123; *Он же.* Фаунистический очерк наземных мягкотелых Западно-Сибирской лесостепи // Там же. Вып. 7 (14). С. 176–177; *Он же.* К характеристике гельминтофауны домашних плотоядных животных г. Омска и сельской местности // Там же. С. 179–180; *Иржичко В. И.* Молочная продуктивность крупного рогатого скота в Омской области за 40 лет // Там же. Вып. 2 (9). С. 83–92; *Он же.* О жирномолочности коров в Сибири // Там же. Вып. 6 (13). С. 113–118; *Корш П. В., Каденации А. Н.* О массовой гибели уток морянок и турпанов в Омской области // Там же. Вып. 4 (11). С. 111–112; *Борисов А. В.* Аэрозоли и проблема космической пыли // Там же. Вып. 3 (10). С. 63–70; *Он же.* Заселение юга Среднего Прииртышья // Там же. Вып. 2 (9). С. 69–74.

[203] К шестидесятилетию со дня рождения Д. Н. Фиалкова // Там же. Вып. 10 (17). С. 229–230; *Новиков Ф. И.* К восьмидесятилетию со дня рождения Д. Н. Фиалкова // Там же. Вып.11 (18). С. 168–170; *Третьяков С.* Его года – его богатство // Омская правда. 1994. 30 сент.; *Шрам В. Е.* Памяти сибирского геодезиста // Омский юннат. 1995. № 26; *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 275.; Поле жизни, поле боя. К юбилею Д. Н. Фиалкова // Омский вестник. 1999. 23 сент.

[204] *Рычков В. В., Фиалков Д. Н.* Тридцатилетие Омского отделения ВАГО // Записки по краеведению Омской области. Омск, 1972. С. 67–71; *Фиалков Д.* Омск – город геодезистов // Омская правда. 1991. 5 фев.

[205] *Фиалков Д. Н.* Современные вертикальные движения земной коры в Западно-Сибирской низменности по материалам повторных нивелировок повышенной точности // Известия Омского отдела... Вып. 1 (8). С. 67–74; *Он же.* К истории формирования современного рельефа южной части Западной Сибири // Там же. Вып. 2 (9). С. 17–22; *Он же.* Прииртышские тенгизы // Там же. Вып. 3 (10). С. 45–54; *Он же.* Озеро Жалаулы // Там же. Вып. 4 (11). С. 33–38; *Он же.* Об изучении движения земной коры в Западной Сибири // Материалы к Третьему научному совещанию географов... С. 3–10; *Слотин Н. Н., Фиалков Д. Н.* О происхождении Прииртышского увала // Межвузовская научная конференция : материалы географической секции. Омск, 1967. С. 65–70 и т. д.

[206] *Фиалков Д. Н.* Грядовые формы рельефа Западно-Сибирской низменности // Записки Омского отдела... Т. 1 (40). Омск, 1964.

[207] *Он же.* По следам Ивана Дмитриевича Бухольца // Известия Омского отдела... Вып. 6 (13). С. 61–66; *Он же.* Страницы сибирской истории // Там же. Вып. 7 (14). С. 161–172; *Он же.* Раздумье над первыми чертежами земли Иртышской // Там же. Вып. 8 (15). С. 97–99; *Он же.* Несколько слов о Бухольцах // Там же. С. 103; *Он же.* Использование аэрофотоснимков в историко-геграфических исследованиях // Межвузовская научная конференция... С. 77–83.

[208] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 160–161; *Лаптев С.* Краткий отчет... С. 105; Поле жизни, поле боя. Записки Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Т. 2 (40). Омск, 2009. С. 5–49.

[209] *Огурцов С. А.* М. В. Певцов и его деятельность в Западно-Сибирском отделе... // Известия Омского отдела... Вып. 1 (8). С. 5–14; *Он же.* Певцов М. В. – исследователь Центральной Азии // Там же. Вып. 2 (9). С. 75–82; *Он же.* О названиях и переименованиях улиц г. Омска // Межвузовская научная географическая конференция. Омск, 1969. С. 150-155; *Он же.* Необходимость применения топонимики в краеведении // Материалы научной географической конференции. Омск, 1970. С. 89–93; *Он же.* Михаил Васильевич Певцов. Географ-путешественник. Омск, 1960.

[210] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 249–250.

[211] *Сигутов П. Т.* Петропавловский бор // Известия Омского отдела... Вып. 4 (11). С. 97–98; *Он же.* Некоторые вопросы географии сельского населения Омской области // Там же. Вып. 7 (14). С. 113–132; *Он же.* Население Омска в конце XIX века // Там же. Вып. 8 (15). С. 31–39; *Он же.* О современной миграции населения города Омска (1917–1939) // Межвузовская научная конференция... С. 99–107; *Он же.* Изменения в размеще-

нии сельского населения по районам Омской области // Межвузовская научная географическая конференция. С. 139–149.

[212] Homo unis libri (Человек одной книги) // Омская область. 1939. № 1. С. 75–76; Человек, которому рвали ноздри; Из прошлого сибирского пароходства // Там же. № 6. С. 60–62; Алябьев за Уралом // Там же. № 7. С. 59–60; «Ростки рукодельности»; Глобус Козьмы Черепанова; Старинный базар у Омска // Там же. № 8. С. 59–60; «Омские толмачи»; Как наживались капиталы // Там же. № 9. С. 23–35; Крепость на Оми // Там же. № 10. С. 23–35 (полный текст: *Мартынов Л.* Крепость на Оми. Омск, 1940); Труд ямщика Ильи (на самом деле его звали Иваном. – *А. Р.*) Черепанова; «Между небом и землей» // Там же. № 11–12. С. 102–105, 115–116.

[213] Там же. № 5. С. 65; № 10. С. 67–69.

[214] *Мартынов Л.* Иртыш течет в будущее; *Жданов С.* Видение поэта. Леонид Мартынов о будущем Омска // Омская правда. 1991. 29 мая.

[215] *Загатова И.* Указ. соч.

[216] Новое о Ваули Пиеттомине // Омская область. 1939. № 6. С. 52–53; Восстание ненцев в 50-х годах XIX века // Там же. № 7. С. 57–58; Казак-композитор; Голод 1911–1912 г. // Там же. № 8. С. 60–62; Последние годы жизни Ершова; Нравы хозяйчиков; Разгул черной сотни // Там же. № 9. С. 63–67; Ответ по заслугам; Вылазка церковников; Ханте – узники Кондинского монастыря; Тревога «о свиньях» // Там же. № 10. С. 61–62, 70; Тобольское главное народное училище // Там же. № 11–12. С. 116–117.

[217] *Тихонов С.* Разгром адмирала Колчака // Омская правда. 1935. 14 нояб.; *Он же.* 20 лет освобождению Омска от Колчака // Там же. 1939. 1 нояб.; *Он же.* Ликвидация колчаковщины Красной Армией // Молодой большевик. 1939. 10 нояб.; *Лейфер А. Э.* Удивительная библиотека. Омск, 1989. С. 138–140.

[218] *Злотина Е.* «Любовь и подвиг беззавистно...» // Омская правда. 1993. 28 дек.

[219] Сибиряки-гуртьевцы-гвардейцы. Омск, 1944; *Юрасова М. К.* Герой Советского Союза генерал-майор Гуртьев. Омск, 1946; *Юрасова М., Палашенков А.* В ханской столице // Омский альманах. Омск, 1947. Кн. 6. С. 79–90; *Шуркин П., Юрасова М.* Из истории советского Омска (ноябрь 1919–1920 гг.). Омск, 1951; *Юрасова М. К.* Жизнь на сцене. Омск, 1952; *Она же.* Город над Иртышом. Омск, 1953; *Она же.* Путь реки. Омск, 1958; *Она же.* На берегах Иртыша. Омск, 1959; *Она же.* Города Омской области. Омск, 1959; *Она же.* «Любовь и подвиг беззавистно...». Омск, 1961.

[220] *Она же.* Очерки истории Омска. Омск, 1954; *Она же.* Омск. Очерки истории города. Новосибирск, 1965. *Она же.* Омск, 1972.

[221] Указ. соч. Омск, 1983. С. 6.

[222] *Юрасова М. К.* Климентий Иосифович Иоффе. Рукопись. Личный архив автора.

[223] *Шухов И., Иоффе К.* Омское книжное хранилище // Сибирские огни. 1947. № 2. С. 124–125.

[224] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 9. Л. 42.

[225] *Суслов Д.* Искер – столица Кучума // Омская область. 1939. № 11–12. С. 90–101.

[226] *Жук А. В.* Исследование Ляпинской крепости А. Ф. Палашенковым // Археология Сибири: историография. Омск, 1995. Ч. 2. С. 70.

[227] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 75–76.

[228] Там же. Л. 2.

[229] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 297. Л. 43.

[230] Там же. Л. 37 об.

[231] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 45–46; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 199. Л. 1.

[232] Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 91; *Веремей С.* Первые шаги рабочего движения в Омске. Омск, 1951.

[233] *Веремей С. И., Зиняков В. И.* Первый в Сибири. Омск, 1957; *Веремей С.* [Без назв.] // Омская правда. 1959. 17 мая; *Он же.* Ремезы // Там же. 1982. 24 июля.

[234] *Вибе П. П, Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 35–36; *Колесников А, Фоменко В.* Ученый, педагог, литератор // Омская правда. 1995. 21 сент.; *Бударин М. Е.* Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952.

[235] *Бударин М. Е.* Научная библиотека Омска // Известия Омского отдела... Вып. 2 (9). С. 142–144; *Он же.* Славный юбилей города на Иртыше // Там же. Вып. 8 (15). С. 3–9.

[236] *Колесников А. Д.* Знаток и патриот родного края (мотивы революционной истории в работах М. Е. Бударина) // Вопросы истории и литературы. Омск, 1995. С. 5–6.

[237] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 268. Л. 2. В этом письме упоминается и служебная «эмка».

[238] См.: Библиографический указатель (трудов М. Е. Бударина) // Вопросы истрии и литературы... С. 85–91; *Назимова В. Ш., Рыженко В. Г.* Личность в контексте местной истории. Памяти М. Е. Бударина // Омский краевед. Омск, 2004. № 2. С. 2–6; *Гриценко В. В., Мельников Б. В.* Последняя беседа с профессором М. Е. Будариным // Там же. С. 7–21.

[239] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 106, 117, 153–154, 277; *Касьян А. К.* Первые шаги колхозного строительства в омской деревне. Омск, 1958; *Кондриков Б. В.* Омск в революции 1905–1907 гг. Омск, 1955; *Наумов М. В.* Омские большевики в авангарде борьбы против белогвардейцев и интервентов (июнь 1918–1919). Омск, 1960; *Хайруллин Н. Б.* Большевики Омска в период Октябрьской революции. Омск, 1957 и т. д.

[240] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 112-113; *Долгушин А.* ...И вечный поиск // Омская правда. 1989. 19 авг.; *Бударин М.* Служение истории // Там же. 1994. 18 авг.; *Он же.* К семидесятилетию со дня рождения А. Д. Колесникова // Известия Омского отдела... Вып. 11 (18). С. 173–174; Ф. 1076. Оп. 1. Д. 250. Л. 3–4; Д. 278. Л. 4 об., 16; Д. 292. Л. 2, 6 об.; *Он же.* Служение истории // Омская правда. 1999. 13 авг.

[241] *Колесников А. Д.* Шербакулю 100 лет. Очерки истории. Омск, 1993. С. 5.

[242] *Он же.* О национальном составе населения Омской области // Материалы к Третьему научному совещанию... С. 88–104; *Он же.* Заселение русскими лесостепи Приир-

тышья в XVIII в. // Известия Омского отдела... Вып. 6 (13). С. 67–88; *Он же.* Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья // Там же. Вып. 7 (14). С. 133–160.

[243] См., напр.: *Самосудов В. М.* Из истории освоения Прииртышья (1907–1914 гг.) // Материалы научной географической конференции. С. 34–41; *Колмогоров Н. С.* Красные мадьяры (венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Омске. 1917–1919 гг.). Новосибирск, 1970; *Иржичко Л. В.* Марьяновский бой. Омск, 1958; *Фалькович Н. С.* Краеведческо-туристический поход в район р. Урны, притока р. Демьяна // Известия Омского отдела... Вып. 4 (11). С. 99–108; *Рабинович М. С.* Из истории Омского военного госпиталя // Там же. Вып. 3 (10). С. 37–44; *Он же.* Роль военных врачей Омска в истории гражданского здравоохранения города до Октябрьской революции // Межвузовская научная конференция. С. 113–118.

[244] См.: *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Указ. соч. С. 80, 98, 208, 230, 275.

[245] *Миронов П.* В своем музее // Омская правда. 1958. 3 авг.; *Крылов А.* [Без назв.] // Там же. 1962. 17 марта.

[246] Письма Н. И. Шабалиной, Е. С. Шадриной, М. И. Лощилиной, А. К. Вормсбехера, Н. А. Свиркина и др. 1994–1997 гг. Личный архив автора.

[247] *Анциферов Н.* Краеведение как историко-культурное явление // Известия ЦБК. 1927. № 3. С. 84–85.

[248] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 612. Л. 8; *Лейфер А.* Сибири не изменю!.. С. 121–123.

[249] Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 17; Д. 359, 377.

[250] Ф. 2118. Оп. 1. Д. 18. Л. 180, 194.

[251] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 75. Л. 2; *Коровкин И.* Интересная коллекция... *Он же.* Тысяча фотопортретов...

[252] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 139, 140; *Логачев Е.* Встреча в начале пути. Из воспоминаний бывшего юнната // Вечерний Омск. 1980. 29 авг.

[253] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 11. Л. 21.

[254] *Бахолдин В.* Литературные четверги... С. 276.

[255] *Лейфер А.* Сибири не изменю!.. С. 14.

[256] Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.

[257] *Лейфер А.* Фонд Палашенкова... С. 233.

[258] Ф. 2200. Оп. 2. Д. 191. Л. 15–16.

[259] *Святский Д. О.* Роль и значение любителя в науке // Труды I Всероссийского съезда любителей мироведения. Петербург, 1921. С. 21–22.

[260] Д. О. Святский подчеркивал роль такого любителя науки, как «учителя народных масс», близко к ним стоящего и потому могущего «стать мостом, связующим звеном между народными массами и специалистами». Там же. С. 23.

[261] *Гранин Д.* Река времен. М., 1985. С. 223.

[262] *Анциферов Н.* Указ. соч. С. 83.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСАМ	Большой Советский атлас мира
ВАГО	Всесоюзное астрономо-геодезическое общество
ВАСХНИЛ	Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
ВГО	Всесоюзное географическое общество
ВКСХШ	высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа
ВООПиК	Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ВСХВ	Всесоюзная сельскохозяйственная выставка
ГИАОО	Государственный исторический архив Омской области
ГБЛ	Государственная библиотека (СССР) им. В. И. Ленина
ГИМ	Государственный исторический музей
ГОИЛ музей	(Омский) Государственный объединенный исторический и литературный музей
ГУС	Государственный ученый совет (Наркомпроса)
ДТСХС	детская техническая и сельскохозяйственная станция

ЗСКБК	Западно-Сибирское краевое бюро краеведения
ЗСО	Западно-Сибирский отдел (ИРГО, РГО)
ИМЭЛ	Институт Маркса-Энгельса-Ленина (при ЦК ВКП(б), КПСС)
ИРГО	Императорское Русское географическое общество
КАРЛАГ	Карагандинский лагерь (ГУГАГа)
КИМ	Коммунистический интернационал молодежи
КОГИЗ	Книготорговое объединение государственных издательств
НКП	Народный комиссариат просвещения, Наркомпрос
ОБК	областное бюро краеведения
ОблЗО	земельный отдел облисполкома
Обл (Губ-, Край-, Гор-, Окр-, Рай-,) ОНО	отдел народного образования областного (губернского, краевого, городского, окружного, районного) исполкома
ОблФО	финансовый отдел облисполкома
ОГИК музей	Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГПИ	Омский государственный педагогический институт
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление
ОИС	Общество изучения Сибири и ее производительных сил
ОмСХИ	Омский сельскохозяйственный институт
ОРНАЛИС	Общество работников науки, литературы и искусства
ОСОАВИАХИМ	Общество содействия обороне и авиационно-техническому строительству (СССР)
РБК	районное бюро краеведения

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГО	Русское географическое общество
РКИ	Рабоче-крестьянская инспекция
СИБЛАГ	Сибирский лагерь (ГУЛАГа, г. Мариинск)
СИБНИИСХОЗ	Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства
ССЭ	Сибирская советская энциклопедия
ТАСС	Телеграфное агентство Советского Союза
ТГУ	Томский государственный университет
УГБ	Управление государственной безопасности
УОБК	Уральское областное бюро краеведения
УОЛЕ	Уральское общество любителей естествознания
УНКВД	Управление Народного комиссариата внутренних дел
ЦБК	Центральное бюро краеведения
ЦСУ	Центральное статистическое управление (СССР)
ЦСЮН	Центральная станция юнных натуралистов
ЧОН	части особого назначения

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5

Введение 6

Глава I. Организации и сообщества 17

Глава II. Активисты «золотых» лет 57

Глава III. «Вынужденные переселенцы» 153

Глава IV. Сподвижники и продолжатели 273

Заключение 388

Примечания 390

Список сокращений 444

Научное издание

Ремизов Александр Викторович

ОМСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

1930-1960-х годов

Очерк истории

Редактор *И. Б. Гладкова*
Дизайн и верстка *О. Ю. Павлова*

Подписано в печать 15.02.2018. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 56. Уч-изд. л. 34,8.
Тираж 500 экз. Заказ № 293362

Отпечатано в типографии «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»)
644007, г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34.
www.omskblankizdat.ru

ПУТЕВОДИТЕЛЬ-СПРАВОЧНИК
ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ
Тов. Дрейер
КАРТА
КИРГИЗСКАГО КРАЯ
СОСТАВИЛЪ А. Н. СЪДЕЛЬНИКОВЪ
Масштабъ
Условные знаки

1969-1970г.
Блокнот
20-летие освобождения
от колчаковщин
ОМСК
ОБЛАС
С. Р. ЛАПТЕВ и А. Ф. ЛАЛА
МАРШРУТЫ
экскурсий и походов
по Омской и смежным
с ней областям
Омская областная станция юных натуралистов
РУССКИЕ

Александр Викторович Ремизов родился в 1960 году в городе Омске. Выпускник исторического факультета Омского государственного университета. Кандидат исторических наук. Автор многочисленных научных и научно-популярных историко-краеведческих работ, в том числе нескольких книг. Член Союза краеведов России, Русского географического и Российского военно-исторического обществ.

Заслуженный деятель культуры Омской области.

